

**ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И СОЦИОЛОГИИ**

**Европейский университет в Санкт-Петербурге
Факультет политических наук и социологии**

Выпуск 3

В ПОИСКАХ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Под редакцией

Елены Здравомысловой и Анны Темкиной

ДБ

Санкт-Петербург

2002

ББК 57.01 г
В 80
УДК 612.612

В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. — 612 с.

ISBN 5-86007-347-X

В сборнике представлены результаты социологических и культурологических исследований сексуальной жизни, проведенных в последние годы. Авторы анализируют изменения представлений о сексуальности и опыт интимной жизни представителей разных поколений и социальных групп современной российской общины. В книге рассматриваются различия сексуальной жизни женщин и мужчин, принадлежащих к разным возрастным группам, социальным средам; анализируются разнообразные сексуальные опыты: дебош, беременность и теория материнства, насилие, однополовая любовь и пр.; репрезентации сексуальности в литературном дискурсе и в масс-медиа. Авторы обсуждают методические и теоретические проблемы изучения сексуального опыта и его осмысления в обществе, где еще недавно «не было секса». Книга предназначена социологам, психологам, исследователям культуры и всем тем, кто интересуется завуалированной темой и ее осмыслением.

ББК 57.01 г

Рецензенты — А. Клецин, О. Хархордин

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Дж. Д. и К. Т. Макагуэров

ISBN 5-86007-347-X

© Коллектив авторов, 2002
© «Дмитрий Буланин», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Здравомыслова Елена, Темкина Анна. Российская трансформация в сексуальной жизни (вместо введения) .....</i>	7
<i>Ком Изорь. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века .....</i>	24
1. Репрезентация сексуальности в русском литературном дискурсе	
<i>Жеребятина Ирина. Между желанием и наслаждением: женская сексуальность в русской культуре на рубеже XIX—XX веков .....</i>	47
<i>Эттингер Александр. Тайный код для заблудившегося пола: литературный дискурс о гомосексуальности от Розанова до Набокова .....</i>	79
2. Сексуальность в социально-страмификационном измерении: социальные слои, среды и поколения	
<i>Чуйкина Софья. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов .....</i>	99
<i>Ромашкина Анна. Советские культуры сексуальности (перевод с английского Елены Здравомысловой) .....</i>	128
<i>Ярошенко Светлана. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся северной деревни .....</i>	172
<i>Гумкарева Екатерина. Подростковая компания городской окраины: сексуальные отношения в тусовке .....</i>	197
<i>Ярослав-Смирнова Елена. Стигма «инвалидной» сексуальности .....</i>	223
3. Дифференцированная сексуальность: опыт и оценка	
<i>Темкина Анна. Сценарии сексуальности и гендерные различия .....</i>	247
<i>Ярославская Наталья. Сценарии сексуального дебюта женщин: переход от традиционной к альтернативной модели .....</i>	287

Здравомыслова Елена. Сексуальное насилие: реконструкция женского опыта (эссе)	316
Белозерова Юлия. Практики беременной женщины: личный опыт	338
Бараулина Татьяна. Моральное материнство и воспроизводство женского опыта	366
Зелюкова Юлия. Женское тело: «отчуждение» и запрет на удовольствие	406
Хаавио-Майнла Элина, Пурхонен Семи и Турнен Тийму. Стройность и самооценка сексуальной привлекательности: сравнительный анализ культурных идеалов (перевод с английского Анны Темкиной)	428
Ромширх Анна. Любовь со словами и без слов: опыт лесбийских отношений в постсоветский период (перевод с английского Елены Здравомысловой)	452
Омельченко Елена. Изучая гомофилию: механизмы исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде	469

4. Репрезентация сексуальности в медиадискурсе

Усманова Альмира. Сексуальность и политика в белорусских массмедиа	511
Чернова Жанна. Нормативная мужская сексуальность: (ре)презентация в медиадискурсе	527

5. Дискурсивный анализ сексуальности: проблемы метода

Здравомыслова Елена, Темкина Анна. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности	549
Илченок Олег. К сексуальности — через интервью: этнометодологический взгляд	559
Литература	587
Справка об авторах	609

Елена Здравомыслова, Анна Темкина
**РОССИЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И
 СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ**
 (вместо введения)

Сексуальная жизнь давно стала признанной областью социологических, культурологических, исторических, психологических, психоаналитических, антропологических и философских исследований. Однако традиции советского общества введения и закрытость публичного дискурса долгое время препятствовали развитию данной области в России. Исключение составляли проводимые с 1970-х годов исследования И. Кона и С. Голуда, которые заложили основы изучения данного предмета в современной российской социальной науке.

В 1990-е годы сексуальность становится легитимной областью исследований. Этому способствовало как открытие публичного дискурса, так и изменение структуры социального знания. Сексуальность в разных аспектах репрезентирована в средствах массовой информации, в публицистической и профессиональной литературе, на политической арене. Результаты западных теоретических и эмпирических исследований постепенно становятся доступными российскому читателю. Позитивистские, социально-конструктивистские и постструктуралистские парадигмы определили различные теоретические интерпретации сексуальности. Одновременно обнаружился недостаток эмпирического знания о таких социально-стратификационных различиях в интерпретациях и опытах сексуальной жизни, как средовые, поколенческие, возрастные и гендерные. Вплоть до настоящего времени на русском языке опубликованы только единичные работы, посвященные анализу опыта и репрезентациям сексуальности (см., напр.: Голуд 1999, Жеребкина 1998,

1999, 2000а, 2000б, Кон 1997, Омельченко 1999а, Роткирх 1997, Темкина 1999а, см. также: Другое поле 2000).

Для того чтобы восполнить недостаток теоретического и эмпирического знания, в январе 2001 года в рамках программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге была проведена конференция «Сексуальность и гендер», на которой социологи и культурологи обсуждали результаты коллективных и индивидуальных научных проектов, выполненных в последние годы. Результаты этих исследований представлены в настоящем сборнике.

Предметом интереса большинства авторов являются интерпретации опыта сексуальной жизни и репрезентации сексуальности различных социальных групп в конкретных исторических и политических (властных) контекстах.

Книгу открывает статья Игоря Кона, в которой рассматриваются тенденции изменения сексуальности в современном обществе. Эти тенденции характеризуются общими процессами либерализации, индивидуализации и плюрализации, в результате чего предметом исследований становится не сексуальность вообще, а разнообразные сексуальности и различные сексуальные культуры. Данная макротенденция определяет дискурсивный контекст большинства представленных в сборнике текстов.

Либерализация выражается, прежде всего, в том, что сексуальность становится автономной сферой общественной жизни, сложной, дифференцированной и регулируемой экпертными системами. На этом фоне происходит отделение сексуального поведения от репродуктивного, расширение возрастных рамок сексуальной активности, повышение внимания к телу, изменение в системе гендерных отношений, рост толерантности в сфере сексуальной морали, нормализация гомосексуальности. Одновременно с либерализацией современная сексуальная жизнь становится коммерциализированной и более подверженной манипулированию со стороны массмедиа.

Либерализация сексуальности в российском обществе имеет свои структурные особенности. Они обусловлены сложным культурным наследием сексуальных экспериментов начала XX века, государственной монополией репродуктивного контроля сталинского периода, приватизацией сексуальной жизни постсоветского времени. Суть либерализации постсоветского периода заключается в переходе от лицемерной сексуальности к аутентичной. Ли-

цемерная сексуальность старших поколений характеризуется умочаением и низкой степенью рефлексивности. Аутентичная сексуальность нового поколения — разнообразна, информирована, артикулирована. В современном российском дискурсе сексуальность нормализована и биологизирована. «Естественность» сексуальности утверждается разными дискурсами, принудительно воздействующими на нормы поведения.

Современная фаза либерализации сексуальности в России сопровождается усилением эссенциализма в интерпретации гендерных ролей. Мужчинам и женщинам приписываются различные сексуальные потребности и поведенческие нормы. Эмансипация сексуальности дискурсивно проявляется в утверждении двойного стандарта в отношении полов. Этот тезис развивается многими авторами данного сборника, исследующими разные аспекты гендерно стратифицированной сексуальности.

Тенденции изменения мира сексуальности, по мнению И. Кона, находят свое выражение в разработке новых подходов и теоретических рамок изучения этой сферы жизни, в междисциплинарности исследований, во все большем внимании к субъективным значениям интимных отношений. Большинство авторов сборника рассматривает сексуальность как социальный и культурный конструкт; фокусом анализа являются литературные и биографические тексты — дискурсивные репрезентации. Конструкционистский подход позволяет анализировать не только структурные рамки, обеспечивающие социальное воспроизводство, но и рефлексивные действия индивидов и групп, создающие новые социальные отношения. Изменения в сфере сексуальной жизни находят выражение в многообразии стратегий, нарушающих сложившийся гендерный порядок.

В первом разделе сборника представлены культурологические исследования Александра Эткинда и Ирины Жеребкиной, посвященные российскому дискурсу о гомосексуальности и женской сексуальности. Эти работы отсылают читателя к концу XIX — первой половине XX века и представляют контекстуальные рамки для более позднего прочтения наиболее дискуссионных аспектов современной сексуальности. Особенно важную роль в развитии российской сексуально-эротической культуры сыграл Серебряный век.

А. Эткинд реконструирует процесс создания языка, описывающего однополую любовь (впоследствии названную гомосексу-

желания и (как мы увидим в статьях авторов-социологов) женского сексуального статуса, соответствующих патриархальной интерпретации сексуально-гендерных ролей. Женская сексуальность до сих пор является маргинальной темой в российских исследованиях, и потому анализ текстуальных «корней» *инаковости* расширяет возможности теоретического осмысления женской субъективности.

В культурологических исследованиях сексуальность представляется как дискурсивный феномен, который творится в текстах и в биографиях, постоянно подвергаясь регулированию и нормотворчеству. Этот взгляд разделяют и исследователи сексуальности советского и постсоветского периодов.

Советский период российской модернизации, несмотря на радикальную гендерную политику в публичной сфере, во многом наследует культурные предписания дореволюционного времени. На смену дискуссиям 1920-х годов, богатым разнообразием точек зрения на сексуальность и проблематизирующим традиционные сексуальные практики, приходит «высокий сталинизм», контролирующей и репрессирующей сексуальность. В позднесоветский период наблюдается стратификация повседневной сексуальности, которая влияет на современный трансформационный контекст.

Второй раздел книги объединил статьи, которые рассматривают сексуальность в социально-стратификационном изменении, где критерием статусной позиции является не только доступ к ресурсам властно-распределительной системы, но и принадлежность к поколению, возрастной группе, социальной среде, гендеру.

Мозаичность сексуальных отношений в современном обществе, различия в представлениях и практиках интимной жизни иллюстрируются исследованиями различных социальных сред.

В этнографическом советском обществе сексуальность является «политическим вопросом». В статье Софьи Чуйкиной анализируются государственное регулирование интимной жизни в советском обществе и практики повседневной морали в различных социальных слоях. Единые для всех предписания советской нравственности рассогласуются с нормами семейно-брачных и сексуальных отношений, регулируемыми повседневную жизнь в различных социальных средах. Чем выше социальный статус, тем более «элитарной» является приватная жизнь. В элитных слоях демонстрация прочности семьи, диктуемая официально-нравственным

альностью) в «высокой» литературе. В Розанов обозначает гомосексуальность, используя метафоры, связанные с луной (*Луна, люди лунного света*). Эти метафоры становятся устойчивыми, приживаются в русском литературном языке. Их анализ позволяет увидеть новые смыслы в классических текстах. А. Эткинд также со-здает новые термины для обозначения гендерных структур литературного произведения, определяя их как *гомо- и гетеротекстуальные*. Гомотекстуальность — это такая гендерная структура, которая характеризуется совпадением пола автора и героя. К гетеротекстуальным относятся те произведения, авторы которых и их герои различаются по полу.

Анализ текста В. Набокова позволяет сделать вывод о гомотекстуальности его произведений, сюжет которых раскрывается с позиций мужской субъективности; его гетеросексуальные герои-мужчины — рефлексивны, соблазнительны, мужественны и нарциссичны. Гомотекстуальность, таким образом, является существенным смысловым пластом текста. Такого рода гендерный анализ базовых текстуальных структур расширяет возможности интерпретаций, обнаруживая *сексуальное* как глубинный пласт творчества. Подобный подход позволяет по-новому посмотреть и на женскую прозу: в ее основе лежит гомотекстуальная гендерная структура, в рамках которой женщина-автор повествует о женском опыте.

Женская сексуальность, репрезентируемая в русской литературе и в литературных биографиях второй половины XIX века, является предметом культурологического исследования И. Жереб-киной. Как показывает автор, в литературном дискурсе сексуальность русской женщины маргинализована: любовь-страсть приводит к истерии. Реконструкция биографий «сопротивляющихся женщинам» демонстрирует, что страсть и творчество являются сподобами самореализации в качестве субъекта *желания*.

Гендерная структура страсти асимметрична: на дискурсивном уровне мужская страсть-игра «одерживает победу» над женской любовью-страстью. Субъектность женщины амбивалентна: она должна либо подчиниться патриархальному определению женственности, либо погибнуть в противостоянии. Женщина обладает единственным способом сексуальной субъективации — через телесные действия («симптомы говорят вместо нее»). Истерия таким образом символизирует протест женщины против ее объективации.

Важным для исследователя современной сексуальности оказывается, на наш взгляд, доказательство вторичности женского

оивальное обеспечение, ослабляется законодательное регулирование интимной сферы.

Трансформация российского общества существенным образом влияет на практики сексуальной жизни. Большинство исследователей связывают изменения в сфере сексуальности с развитием рыночных отношений, стратификацией общества, с одной стороны, и демократизацией и плюрализацией форм жизни — с другой. Рыночные отношения коммерциализируют сексуальность, которая становится предметом обмена и торга. Стратификационные процессы пронизывают повседневную жизнь: семейные, сексуальные, репродуктивные практики разных социальных слоев заметно различаются. На смену разрушенной государственной идеологической монополии приходят такие агенты контроля, как рынок, церковь, традиции, средства массовой информации, представляющие разные, иногда конкурирующие между собой, формы общественной морали. В результате наблюдается плюрализация сексуальной жизни в разных социальных средах. Дискурсивная открытость приводит к проблематизации разнообразных аспектов сексуальности, таких, как опыт гомосексуальных групп, сексуальное насилие и домогательство, дискриминация и эксплуатация сексуальности. Некоторые статьи этого издания посвящены анализу сексуальных практик в специфических, недавно артикулированных нуждающихся социальных средах.

Так, например, Светлана Ярошенко исследует семейно-брачные стратегии, любовь и сексуальное поведение бедных сельских жителей российского Севера — Республики Коми. Она отмечает, что в условиях анклавной экономической инволюции и маргинальной нужды семья становится важнейшей структурой выживания. Любовь и сексуальные отношения в этом случае оказываются на периферии человеческих потребностей. Семейные, репродуктивные, интимные практики подчиняются задачам повседневного выживания. Наблюдаются феномен сезонных семей, сложность по расчету, использование сексуальности как средства выживания. Партнеры описываются в зависимости от их вклада в семейную экономику. Женщины не воспринимают необеспеченного мужчину как желаемого брачного партнера, даже если они поддерживают с ним интимные отношения. Мужчины предпочитают одиночество и случайные связи семейным обязанностям мужа и отца. В условиях нужды гендер еще в большей степени, чем обычно, становится стратегическим ресурсом. При этом

кодексом, сочеталась с многочисленными практиками супружеской неверности и параллельных отношений. Исполнительские роли, охватывающие основные категории населения, могли в известной степени игнорировать предписания коммунистической морали и брачных сценариев сексуальности. Для низших слоев, аутсайдеров и партий, не ориентированных на высокие позиции советской карьеры, семейно-брачные отношения оставались сферой частной жизни. С. Чуйкина выделяет специфические стратегии семейно-брачных и интимных отношений, характерные для контркультурных, диссидентских, этнически гомогенных социальных сред и «старой интеллигенции из бывших», с консервативными взглядами на семейные ценности. Несмотря на то, что в официальном дискурсе сексуальность рассматривалась только в контексте семейно-брачных отношений, в повседневной жизни интимные отношения были более многообразными. Вследствие того что от соблюдения моральных предписаний зависел социальный статус индивидов, лицемерие становилось неизбежным. Анализ организации семейно-брачных отношений и интимной жизни в различных средах советского общества позволяет показать как недифференцированная идеология воплощается в дифференцированные практики повседневности. В маргинальных средах стратегии в сфере интимной жизни («сексуальные стратегии») могли выступать средствами утверждения коллективной идентичности.

Еще одним критерием социальной стратификации является принадлежность к определенному поколению. На основании анализа массива автобиографий, посвященных сексуальности, финская исследовательница Анна Роткирх выделяет несколько поколений, различающихся опытом сексуальной жизни. Первое советское поколение пережило опыт большевистских экспериментов в сфере быта и морали. Второе поколение — «поколение умолчания», для которого характерно сочетание репрессивного регулирования интимной сферы и социальной памяти сексуальных свобод. Следующие поколения пережили опыт, соответствующий двум фазам российской «сексуальной революции». Первая фаза — «поведенческая» революция позднесоветского времени, в процессе которой происходит персонализация интересов, распространяются практики сексуальной свободы. При этом официальный дискурс о сексуальности в целом остается неизменным. Вторая фаза — это период гласности, или артикуляции сексуальности, когда развиваются публичный дискурс и новое институци-

в сельской среде сохраняется традиционный общинный контроль за интимной жизнью жителей деревни. В таких условиях сексуальность не является автономной сферой удовольствия. Она подчиняется правилам жизни в нужде.

Еще одна социальная среда стала предметом исследования Екатерины Пущкаревой, которая анализирует сексуальные практики и attitudes молодежи среды (тусовки) рабочей окраины Санкт-Петербурга. Для подростковой субкультуры характерно непостоянство сексуальных контактов, обмен партнерами внутри группы поддерживает солидарность сообщества. Для юношей сексуальный опыт становится капиталом — символом престижа и статуса: они презентуют себя как гиперсексуальных, агрессивных и физически сильных «настоящих» мужчин. У девушек сексуальность связана с привязанностями и влюбленностями, они вырабатывают практики женской солидарности, помогающие избежать нежелательных сексуальных отношений. Участие в тусовке является капиталом и для девушек, обеспечивая им безопасность и престиж, выступающая средством выражения «настоящей» женственности.

Иными словами, авторы подтверждают, что либерализация сексуальности происходит в рамках социальной среды и ограничена нормами мужественности/женственности, предписываемыми представителями сообщества. Социальные барьеры сексуальной самореализации инвалидов на Западе и в России обсуждаются в статье Елены Ярославской-Смирновой. Чаще всего инвалидов рассматривается как субъект, не способный к «нормальной» сексуальной жизни. В репрезентациях и общественном сознании он предстает асексуальным или гиперсексуальным. При этом обсуждаются лишь проблемы сексуальности мужчины-инвалида. Инвалидность предстает как угроза истинной мужественности, дискурсивно определяемой через сексуальную активность. Мужчины, сопротивляясь стигме инвалидности, имеют шанс изменить свой статус — нормализовать свою сексуальную жизнь. Женщине-инвалиду в дискурсе такого шанса не представляется. В современном западном обществе люди с ограниченными возможностями, сопротивляясь стигме инвалидности, стремятся переопределить свои сексуальные и гендерные практики, предпринимая коллективные действия. В российском дискурсе до сих пор сохраняются недифференцированный образ инвалидности, представление об особых потребностях инвалидов в сфере сексуальности, отсутствует организация социальной ин-

фраструктуры. Таким образом, в отношении к сексуальности этой группы, несмотря на общую тенденцию либерализации, сохраняются лицемерные установки — общество делает вид, что побольше проблем не существует.

Итак, процессы либерализации и индивидуализации общественной жизни в сфере сексуальности сказываются на дифференциации поведенческих норм в разных социальных средах. В одних средах возможности выработки стратегий, изменяющих сложившийся сексуально-гендерный порядок, расширяются, в других — «сексуальные стратегии» ограничены культурными и структурными барьерами прошлого и современности.

В третьей раздел книги включены статьи, посвященные исследованию различных сексуальных и репродуктивных практик. Авторы используют разные теоретические подходы для анализа сексуальности, однако их объединяет общая конструктивистская методология. Различия поколенческих, возрастных и гендерно маркированных опытов рассматриваются как контекстуально обусловленные, институционально и морально регулируемые.

Плурализация и дифференциация современной сексуальной жизни находит выражение в различных интерпретациях таких опытов интимной жизни, как беременность, аборт, материнство, однополовая любовь и проч. Поколенческие, возрастные и гендерные различия сексуального опыта анализируются на материале биографий об интимной жизни. Большинство авторов, работы которых представлены в этом разделе, использовали материалы российско-финского исследования, осуществленного в 1996—1997 годах в Санкт-Петербурге и являющегося частью крупномасштабного проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», поддержанного Академией Финляндии¹.

¹ Исследование сексуальности осуществлялось под руководством финских социологов Э. Хаавио-Маннели, Й. Рууса и А. Роткяих и включало конкурс сексуальных биографий (организаторы — Е. Лагунова и А. Клеин; собрано 47 биографий), опрос жителей Санкт-Петербурга (1996 год, 2081 человек), интервью на тему сексуальности (координатор проекта — Е. Здравомыслова, 25 интервью с женщинами и 22 — с мужчинами трех возрастных групп). Интервью касались широкого спектра вопросов, касающихся сексуальности, и включало следующие темы: детство, студенческие годы, брак, развод, вдовство, реальные сексуальные отношения, отношения со стабильным партнером (партнерами), задавались вопросы, касающиеся обсуждения сексуальных отношений с партнером, любви, отношения к алкоголю, сексуального насилия, секса под

Для анализа текстов жизнеописаний используется сценарный подход, получивший распространение в исследованиях сексуальности. Анна Темкина реконструирует шесть сценариев, или смысловых рамок, организующих рассказы о сексуальной жизни. Сценарии разных поколений различаются: по мере либерализации сексуальности слободы ее интерпретация смещаются от семейно-романтической модели к коммуникативно-гедонистической. Слободы репрезентации сексуальности в рассказах мужчин и женщин также существенно различаются. Независимо от конкретного сценария в основе рассказов женщин лежит представление о сексуальной востребованности, а в мужских — утверждаются представления об активной наступательной сексуальности («настоящего» мужчины. На фоне широчайших практик воспроизводятся базовые различия, соответствующие идентичностям традиционного гендерного порядка).

Опыты женской сексуальности и репродуктивные практики стали предметом исследования нескольких авторов сборника. Наталья Яргомская, анализируя сексуальные дебоюты женщин разных поколений, показывает, каким образом происходит изменение смысла сексуальной инициации. Представители старшего поколения осмысливают утрату девственности как изменение maritalного статуса, т. е. в рамках брачного сценария сексуальной жизни. Для младшего поколения (поколения гласности, или артикулированной сексуальности) характерно изменение сценария. Опыт дефлорации означает переход в новый статус — взрослой женщины. Для различных сценариев характерны разные женские идентичности. Брачный сценарий предполагает пассивную женскую роль: от женщины ожидается от-

давлением, детского сексуального опыта, ревности, контрацепции, абортов, деторождения, венерических заболеваний, сексуальных техник, гомосексуализма. Информанты также заполнили стандартную анкету, в которой фиксировались основные события их жизни.

Некоторые результаты исследования опубликованы на русском и английском языках: Е. Навио-Мампила & А. Rofkitch (1997, 2001), А. Rofkitch (1999a, 1999b, 1999c, 2000, 2000b), А. Темкина (1999a, 1999b), А. Темкина (2000), Е. Zdravomyslova (2000), А. Роткирх (1997), Е. Герасимова (1997), Т. Бардулина и А. Ханжин (1997). Мы бы хотели поблагодарить тех, с кем мы сотрудничали на разных этапах осуществления данного проекта, — [Лизу Лагунову], Александру Клешина, Екатерину Герасимову, Андрея Ханжина, Наталью Божко, Ольгу Минкину, Елену Чикадзе, Ольгу Кариллову, а также выразить благодарность всем информантам, которые рассказали нам историю своей жизни.

сутствие знаний о сексуальности, «право» на сексуальную жизнь она получает только в браке. Когда брак перестает выступать референтом сексуальной инициации, девственность превращается в антиценность, дебоют — в индивидуальное решение. Такой вектор изменения интерпретаций сексуального дебоюта подтверждает тезис об индивидуализации сексуальных норм современной молодежи.

В исследованиях демонстрируется асимметрия и иерархичность гендерных отношений. Сексуальная активность приписывается мужчинам, оставаясь для женщин нелегитимной и угрожающей их коммуникативной успешности. Иными словами, исследования подтверждают тезис о либерализации сексуальности в условиях сохранения гендерной поляризации.

Гендерная поляризация и ее конфликтный потенциал продемонстрирован Еленой Здравомысловой на примере анализа нарратива о сексуальном насилии. Конкретная ситуация, о которой рассказывает информантка, возникла между ней — жительницей крупного города — и местными жителями-мужчинами во время летнего отдыха. Сексуальное насилие — избиение женщины рассматривается автором на основе анализа специфики позднесоветских гендерных отношений. Эти отношения интерпретируются как патриархальные, с одной стороны, и имперско-колониальные — с другой. Мужчины в анализируемом случае прибегают к насильственным действиям для утверждения и компенсации статуса истинной мужественности. В глазах местных мужчин приезжая городская женщина является представительницей чуждой, «имперской», культуры. В ее глазах мужчины — это представители «экзотической» среды. Расшифровка культурной парадигмы насилья позволяет автору сделать вывод о том, что столкновение интерпретаций происходящего (женские коды не совпадают с мужскими, коды приезжей — с кодами местных жителей) приводит к избиению женщины. Насилие осмысливается как экстремальное средство контроля и наказания женщины, отказывающейся следовать «мужским» правилам. Сексуальное насилие исследуется как распроставленный опыт позднесоветского времени, вписанный в гендерный порядок.

Репродуктивный опыт также является объектом морального и институционального контроля. В статье Татьяна Бардулина убедительно демонстрирует, каким образом в российском обществе «правильная» женственность дискурсивно утверждается через материнство. Анализируя интерпретации массового для

российских женщин опыта абортa, исследователиница обнаруживает, что этот опыт осмысливается в рамках реализации материнского предназначения. Дискурсивно абортa являются показателем репродуктивной способности женщины.

В советский период репродуктивного поведения женщины осуществлялся моральными авторитетами, такими как государство, институты здравоохранения и персонализированные агенты (в первую очередь — матери как носители повседневного знания). В постсоветский период агенты контроля репродуктивного поведения меняются. Роль государства ослабевает, возрастает влияние церкви, медицина из наказания превращается в сервисное обслуживание, развивается рынок контрацептивных средств, — все это приводит к тому, что репродуктивное поведение основывается на индивидуальном моральном выборе.

Тема контроля репродуктивных практик развивается в исследовании Юлии Белозеровой, посвященном опыту беременности. На основе анализа личной истории автор показывает, каким образом беременная женщина усваивает предписанные ей формальные и неформальные правила. В фокусе внимания исследовательницы — практики взаимодействия беременной женщины и медицинского персонала в женской консультации, которую она называет «(полу)готальным» институтом. Контроль за «правильным исполнением» беременности включает предписания различной жесткости, которые задаются медицинским и экономическим институциональными контекстами. Медицинские рекомендации оправдываются профессиональной заботой о здоровье будущей матери и ее ребенка. Скудость бюджетного обеспечения бесплатных женских консультаций заставляет женщину использовать собственные ресурсы или постоянно испытывать последствия недостатка финансирования. От беременной женщины ожидается социально компетентное поведение, состоящее в исполнении формальных и неформальных правил, которым она обучается в процессе социальных взаимодействий.

Иными словами, и беременность, и материнство, и абортa предстают как институционально и морально регулируемые феномены, осуществление которых связано с выстраиванием «правильной» женственности, вписанной в гендерный порядок. Женственности обучаются в ходе усвоения институционально обеспеченных гендерных предписаний. При этом институционально регулируемое материнство остается ядром нормативной женской роли.

Женская субъектность контролируется также через «телесные предписания» и навязываемый образ тела. Как показывает Юлия Зеликова, социализация девочек в советский период способствовала формированию отчуждения от своего тела. Тело негативно оценивалось, скрывалось, позиционировалось как источник соблазнов. «Правильная» женщина должна была быть скромной, телесно индифферентной. Такое отношение к своему телу затем воспроизводилось в брачных и сексуальных взаимодействиях и ставилось препятствием для получения сексуального удовольствия. Исследовательница показывает, как в повседневном опыте женщины преодолевали негативный образ собственного тела. Ресурсы были достаточно ограничены: к ним относятся практики «маскарада», забота о теле и удачный сексуальный опыт. Изменение отношения к телу является существующим показателем трансформации современной российской сексуальной культуры. Дискурсивный отказ от тела смеяется превращением его в символический капитал.

Взаимосвязь образа тела и самооценки сексуальной привлекательности является предметом исследования финских авторов Элины Хаавио-Маннилы, Семи Пурхонен и Тийму Турунена. Самооценка сексапильности определяется культурными предписаниями, среди которых особую роль играют нормы выстройности. Результаты опросов в Финляндии и в Санкт-Петербурге показывают, что стройные люди считают себя более сексуально привлекательными. При этом культурный идеал «стройного тела» в большей степени интериоризован финскими женщинами, чем жительницами Санкт-Петербурга. Практики, которые используются для преодоления избыточного веса, также различаются. Если финские женщины в первую очередь используют диеты и занятия спортом, то российские — косметiku и соответствующую одежду. Культурные различия можно объяснить наследием советского гендерного порядка, для которого характерно отчуждение телесности. Авторы высказывают предположение, что по мере дальнейшей сексуальной либерализации в России получат распространение западные образцы: тело будет становиться капиталом, стремление к доплатнению идеала — культурной нормой, которой люди подчиняются, даже не осознавая этого. Таким образом, исследования демонстрируют, как самооценки сексуальной привлекательности конструируются обществом, предписывающим женщинам (я мужчинам) нормы телесности.

Итак, анализ разнообразных сексуальных опытов показывает, что тенденции либерализации сексуальной жизни сочетаются с сохранением эссенциализма в интерпретации гендерной идентичности. В ходе трансформации множественность признаваемых форм и практик сексуальности развивается на фоне устойчивых биологизированных гендерных самоопределений. При всей вариативности допустимых сценариев сексуальности «мужчин» и «женщин» осмысливаются как два природно заданных полярных звена мира. Такое гендерное устройство общества поддерживается трансформирующимися институциональными условиями и практиками повседневности.

В четвертом разделе книги анализируются репрезентации сексуальности в медиадискурсе. Массмедиа выступают в качестве «технологий гендера», производящих представления о гендерных и сексуальных различиях. Альмира Усманова показывает, как в белорусских средствах массовой информации репрезентации сексуальности становятся средствами политического манипулирования. Темы сексуальности превращаются в инструменты политической борьбы. Создаваемый образ белорусской оппозиции включает представление ее как «простирующего субъекта» и гомосексуального сообщества. Универсальная дискурсивная технология «исключения» отождествляет противников режима с гомосексуалами. Политические оппоненты режима наделяются качествами сексуальности, не приемлемой в системе патриархального порядка.

Нормативная маскулинность является предметом исследования медиадискурса, проведенного Жанной Чернохой. Автор показывает, как в современных российских журналах формируется образ нормативной маскулинности — «мачо». В его основе лежат эссенциалистские представления о гипер/гетеросексуальности мужчины, имеющего множество сексуальных партнеров. Такая сексуальность предстает в медиадискурсе как биологическая потребность «настоящего» мужчины. Репрезентации гетеросексуальных отношений характеризуются гендерной асимметрией. Норма сексуального поведения женщины противоположна мужской гиперсексуальности: в ее поведении не допускается активность и многообразие сексуального опыта.

Итак, массмедийный дискурс является технологией, по-прежнему утверждающей асимметрию гендерных предписаний.

Тема социального контроля сексуальности продолжается в исследованиях гомосексуального опыта и гомофобии. На материалах автобиографий Анна Роткирх анализирует опыт однополрой любви двух российских женщин, которые принадлежат к разным социальным слоям и поколениям. Исследовательница выделяет в нарративе относительно автономные аспекты сексуального опыта: ощущение, действия и само-интерпретации. Сочетание этих пластов формирует женскую субъектность. Первый тип субъектности характерен для позднесоветского периода. Его представляет биография провинциалки, принадлежащей к низшему социальному классу, годы формирования личности которой приходятся на период застоя. Рассказ фокусируется на практиках и ощущениях, характеризующих женскую гомосексуальность как *опыт страдания и нереплексивного действия*. Второй тип реконструирован на примере биографии женщины, принадлежащей к среднему классу и поколению гласности. Ее идентичность создается через рефлексию, рассказ интерпретирует собственный гомосексуальный опыт как опыт убежденной феминистки. Различия в осмыслении женщинами лесбийского опыта объясняются их принадлежностью к разным поколениям и социальным слоям. Анализ нарративов подтверждает, что сексуальный опыт и его интерпретация зависят от социального и темпорального контекста и контролируются общественными нормами.

Елена Омельченко исследует феномен современной гомофобии в провинциальной молодежной среде. За последние годы интерпретации сексуальности значительно либерализовались. В частности, терпимое отношение к гомосексуальности становится критерием принадлежности к *цивилизованной* молодежной тусовке, где поощряется проявление инаковости, индивидуальности. Опыт общения с «другими» повышает толерантность молодых людей, снижает уровень страхов. Однако «исцеляющему» знанию препятствуют многочисленные механизмы исключения: обозначения гомосексуалов как меньшинства, как преступников, как скрывающихся, как чужих и опасных, как убогих. Важнейшей причиной воспринимавшейся гомофобии является «гендерная тревога», вызванная боязнью утратить «правильную» мужскую идентичность. Как ни парадоксально, эту тревогу разделяют и гетеро-, и гомосексуалы. Мужчины-гомосексуалы интерпретируют свой сексуальный опыт как одно из возможных проявлений маскулинности.

В последней, пятой, части книги обсуждаются методические проблемы исследования сексуальности как сферы повседневной жизни. Авторы отдают себе отчет в сложности изучения нового дискурсивного феномена и в необходимости разработки специальных приемов сбора и анализа данных. Раздел включает статьи, посвященные этнометодологическому анализу интервью об интимной жизни и методике дискурсивного анализа.

Олег Паченков рассматривает интервью о сексуальном опыте как процесс взаимодействия, фоном которого является нерешенное взаимное знание сексуальной культуры, разделяемое исследователем и информантом. Этнометодологический анализ умолчания, недомолвок и эвфемизмов показывает, что многие аспекты сексуальной жизни остаются за рамками вербализации. Проблематизация «ошибок» интервью помогает исследователям осмысливать культурно обусловленные способы обсуждения интимной повседневности.

Е. Здравомыслова и А. Темкина представляют методику анализа рассказов о повседневной жизни, которая использовалась многими авторами данного сборника. Приемы дискурсивного анализа сексуальных автобиографий позволяют реконструировать системы категорий, с помощью которых рассказчики интерпретируют разные аспекты интимного опыта, — восприятие тела, сексуальный дебют, беременность, аборт, материнство, сексуальное насилие и проч. В статье демонстрируется применение методики для анализа гендерной идентичности.

Итак, обзор исследований, представленных в данном сборнике, позволяет сделать следующие выводы.

Сексуальная жизнь современного российского общества является сложной, относительно автономной, динамичной сферой. Ее изменения осмысливаются нами как аспект трансформации гендерного порядка. Либерализация сексуальности подтверждается всеми исследователями. Наряду с дискурсивной открытостью и коммерциализацией одним из существенных проявлений этой тенденции становится множественность сексуальных практик и дискурсов. Важнейшие факторы, определяющие дифференциацию сексуальности — это поколенческие и средовые различия. Индивиды, принадлежащие к разным поколениям и средам, осмысливают пережитый сексуальный опыт по-разному. Иногда различия в репрезентациях интимного опыта столь

велики, что можно говорить о разных гендерных группах. При этом основная рамка интерпретации перилетий сексуальной жизни остается эссенциалистской. Все разнообразие сводится к воспроизводству базовой дихотомии гендерной идентичности — мужской и женской. Сексуальность истинной мужественности презентруется как активная и наступательная; истинная женственность сохраняет черты сексуального объекта. Такая концепция поляризованной биологизированной сексуальности составляет ядро социального контроля, управляющего интимной жизнью индивидов и групп.

Софья Чуйкина

«БЫТ НЕОТДЕЛИМ ОТ ПОЛИТИКИ»: ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ «ПОЛОВОЙ» МОРАЛИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1930—1980-х ГОДОВ

Введение

В современных исследованиях сексуальной жизни в СССР отмечается, что одна из особенностей периода советской истории с 1930-х по 1980-е годы — ориентация государственной идеологии и политики на подавление и замалчивание сексуальности (Кон 1997). Отсутствие публичного дискурса о проблемах секса отразилось на организации сексуальной жизни советских людей и явилось отличительной особенностью СССР по сравнению с европейскими капиталистическими странами (Roitkitch 2000). Проблема исключения определенных тем из публичной жизни советского общества уже обсуждалась и исследовалась, а эта статья предполагает познакомить читателя с тем, *что присутствовало* в советской дискуссии о «половой» («интимной») жизни и как это отражалось на жизни советского общества.

Для решения поставленной задачи был проведен вторичный анализ статей историков и социологов на тему сексуальности и семьи в СССР. Эти российские и иностранные исследования в качестве первоисточников о советской идеологии использовали материалы, которые были опубликованы до середины 1980-х годов — от специальной литературы до писем читателей в газеты. Также социологической литературы до писем читателей в газеты. Также мною были проанализированы биографические интервью с жителями Санкт-Петербурга (Ленинграда)¹ и выборочно советские периодические издания.

¹ Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и куль-

ношений так же, как и другие сферы жизни общества. К концу 1930-х сформировалась советская идеология сексуальности и семейных отношений, которая в основных чертах оставалась неизменной в последующие десятилетия и определяла положительные образцы поведения, во многом воспринятые населением как нормативные.

Индустриализация и коллективизация периода первой пятилетки (1928—1932), строительство новых предприятий и рост городов сопровождалась огромными волнами миграций и роста из сельской местности. В середине 1930-х в Ленинграде и Москве количество недавних мигрантов превышало количество коренных жителей и составляло большинство населения. Интенсивная миграция, которая способствовала решению экономических задач, создавала много социальных проблем, связанных с адаптацией «новых горожан» (Витухновская 2000а). Как указывает С. Голод, миграция в города способствует «либерализации» мужской сексуальности, росту проституции, распространению венерических заболеваний и увлечению психических отклонений (Голод 1996: 171—172). Период первой пятилетки характеризуется, кроме того, массовой вовлечением женщин в производство и появлением новой проблемы — «бездзорности» детей, наряду со старой проблемой «беспзорности» сирот (Goldman 1993: 317). Занятость женщин на работе параллельно с дезорганизацией общества и неуверенностью в завтрашнем дне способствовали тому, что даже самые благополучные из них, образованные, замужние и имеющие средний или высокий доход предпочитали иметь мало детей, и рождаемость падала (Goldman 1993). Изменение статуса женщин с индустриализацией и урбанизацией, требовали формирования новой идеологии и социальной политики в отношении любви, семьи и частной жизни в целом. Новая идеология была ориентирована на «нового человека» сталинского времени, открытого восприятию советских норм и прежде всего — на мигрантов, вышедших из крестьян и горожан в первом поколении, которые составляли большинство населения крупных городов в это время.

Идеологи 1930-х годов обсуждали несколько тем, прямо или косвенно связанных с регулированием сексуального поведения: что такое любовь при социализме, какой должна быть советская семья, какова доля ответственности семьи и государства в воспитании детей, в чем заключаются основные принципы «справиль-

На основании анализа данных материалов я собираюсь ответить на следующие вопросы: Какие темы «замесцали» в советской идеологии и пропаганде отсутствие дискурса о сексе? Что произошло с слышать на эту тему по радио и читать в газетах всем без исключения советским людям, независимо от их отношения к пропагандируемым идеалам? Какие возможности индивидуального выбора в частной жизни предоставляла экономическая и демографическая ситуация, обусловленная законодательством о семье и социально-историческим контекстом в разные периоды существования советского общества? Как различия в сексуальном поведении связаны с существовавшей в СССР системой социального неравенства? Что считалось нормой и отклонением от нормы в повседневной морали представителей различных социальных страт и сред советского общества?

В первой части статьи анализируются основные принципы советской идеологии в отношении «половой» («интимной») жизни, брака и семьи, во второй части — этапы сексуальной/семейной политики и в третьей части обсуждаются нормы поведения в социальных слоях советского общества, стратифицированных в соответствии с их политическим статусом.

Формирование официальных моральных норм

Исследователи сходятся во мнениях, что к середине 1930-х годов в идеологии и политике советского государства произошел переход от идей радикального переустройства института семьи и «сексуальной революции» после революционного периода к установкам на консервативные ценности стабильной семьи. Расхождение между историками в этой области касается следующего: произошло ли действительно изменение идеологии от радикализма к консерватизму в 1930-е годы (Geiger 1968, Sites 1978) или это изменение является мифом, поскольку в сфере сексуальности и семьи взгляды идейных лидеров партии были и в 1920-е годы консервативны, за исключением небольшого и менее влиятельного левого крыла (Fajnworth 1977, Clements 1992). Но все исследователи соглашались на том, что «великий откат» от революционных идеалов (Timasheff 1946), последовавший за сталинской декларацией построения основ социализма (1936), затронул сферу семейных от-

турная инерция в России», см. выше: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)».

ного» материнства и родительства. По традиции, возникшей еще в 1920-е годы, любовь и все, что с ней связано, относилось советскими идеологами к «бытовым вопросам». «Бытовой фронт» всегда считался одним из важных участков идеологической работы и пропаганды, и все известные советские партийные лидеры публиковали статьи на бытовые темы. Любовь, относящаяся к бытовой сфере, являлась также вопросом политическим. Иными словами, поведение человека в любовных, сексуальных и семейных отношениях (наряду с манерой одеваться, способами проведения свободного времени и т. д.) считалось свидетельством определенной политической позиции, лояльности или неояльности партийной линии. Поэтому возникла необходимость появления критериев оценки «правильного» и «неправильного» поведения в частной жизни и способов контроля, регулирования, поощрения и наказания.

Важный импульс созданию системы партийного контроля за частной жизнью коммунистов и комсомольцев придал И. В. Сталин, который в период разгрома право-троцкистского блока высказал идею, в дальнейшем растроганную в прессе, о том, что люди, «разложившиеся» в быту, могут легче попасть под влияние классовых врагов, чем «морально устойчивые». «Комсомольская правда» на первых полусах неоднократно предупреждала, что «за невинной якобы бутылкой вина троцкистско-бухаринские бандиты завязывали с малоустойчивыми людьми дружбу, втирались к ним в доверие. Хамское отношение к женщине возводилось в доблесть, бытовая распушенность окружала романтическим ореолом. И в результате кое-кто попал во вражеские сети. ... Быт и политика неразрывно связаны между собой, они неотделимы. От бытовой распушенности до политического падения — один шаг. Стоит человеку потерять моральный облик, как его легче всего свернуть с правильного политического пути. И никогда об этом не следует забывать»². Комсомольский и партийный контроль в конце 1930-х годов стал не только пропагандой, но и реальностью. В газетах пишут, например, о том, как комсорг в выходной день обходит общежитие, проверяя поведение комсомольцев в быту. В послевоенные годы, когда исчезла драматическая политическая риторика 1930-х годов, утверждение, что «моральный облик» и «правиль-

² См., например: Комсомольский быт. 1927. М.; Л.: Молодая гвардия и Слепков А. (ред.) 1926. Быт и молодежь. М.: Правда и Беднота.

³ Быт неотделим от политики // Комсомольская правда. 1939. 22 июля.

ный политический путь» взаимосвязаны, осталось актуальным для советской идеологии и пропаганды.

Кроме того, что любовь была политическим вопросом и поведение в частной жизни контролировалось партией, с середины 1930-х годов начали создаваться «новые советские» концепции мужественности и женственности, брака и семьи, пропагандировались правила поведения с представителями противоположного пола. В центральной прессе начинает очень часто использоваться слово «воспитание», подразумевающее воспитание одновременно и детей, и взрослых. Не случайно самыми влиятельными идеологами предвоенного периода в вопросах любви и семьи стали Н. К. Крулская и А. С. Макаренко, которые были известны широкой общественности прежде всего как воспитатели подростков. Они оба считались классиками советской педагогики и в послевоенный период.

К 1937—1938 годам были сформулированы основные принципы советской официальной идеологии частной жизни, которые остались неизменными вплоть до 1980-х годов.

«Новые» мужчины и женщины, стандарты мужественности и женственности

Очерки на бытовые темы, регулярно публикуемые в «Иправде», «Комсомольской правде» и в других центральных газетах, рисуют читателю портреты реальных или вымышленных отрицательных и положительных героев⁴.

Отрицательные герои, жертвы пережитков прошлого, предавшие собой два противоположных типа людей: с одной стороны — это «франты» («модники», «клешники»), а с другой — «некультурные обыватели» (мало работающие, «политически алатичные», «замкнутые в мире семьи»).

Мужчине-«франту» приписываются следующие характеристики: «несерьезный», «сердцеед», «человек без всяких правил в жизни», «развинченный», «франтоватый», «лихой танцор», «носит яркий галстук», «захватские манеры», «обладатель туфляного зуба — зуба очарования специально для девушек», «сходит в шляпе

⁴ Определения отрицательных и положительных героев, помещенные в выкладки, взяты из серии 11 очерков на бытовые темы «Жители одной комнаты» и «Жители одной комнаты», опубликованных в «Комсомольской правде» в апреле-июне 1935 года.

и в жилете, потому что хочет во всем быть похожим на помесь американского гангстера с отечественным пижонем», «говорит на сложной комбинации бюрократических и иностранных слов». Отрицательной героине — «моднице» приписываются такие черты: «носит юбки клеш, лихорадочно следит за ложно понятой модой», «дочь торгсина», «бесславленная жертва бездумного, слепого подражательства всему заграничному», «соблазняется безвкусной расцветкой, мешанкой красотью», имеет «золотой зуб», «кудрится на работе», «не уважает родителей», «не хочет иметь детей», «пустоцвет». Отрицательно мужскому персонажу противополжного типа, которого называли «некультурным», приписывается следующее: «ходит в грязной одежде и не чистит ногтей», «наступает на ногу и не извиняется», «тонится за дешевой из соображений фальшивой экономии», «без огонька в глазах». Женщину «обыкновенную» характеризует «плохое влияние на мужа», «отсутствие интереса к жизни завода и коллектива».

В послевоенные годы на смену «клешникам» пришли новые отрицательные герои: «стиляги», затем «скиппи». Облик положительного советского героя — образованного, но трогательно недомового и простого человека также остается актуальным в послевоенные годы.

Положительные герои, появившиеся в середине 1930-х годов и соответствующие идеалу «нового человека», являются «культурными», но в то же время не молчаливыми, не мещанами, активными общественными работниками и работницами.

Положительный герой-мужчина имеет высшее образование, предпочтительно техническое, и работает на производстве; он — «комсомолец», «ударник», «премированный наладчик станка», «веселый, энергичный, добродушный», «одет в новый и несколько мешковатый костюм». Он «физкультурник», «имеет культурный вид», «опрятно одевается», «следит за собой». У него «чистый воротничок», он «после работы моет лицо». Он «научился не чавкать за едой» и «подает стул девушкам». Он «не сквернословит». Он «самостоятельный, с хорошим характером», не «шляпа» и «не ревнивый». Он «видит в девушке товарища», «не ходит на поцелуйные вечеринки». Он «издает стенгазету и готовится к Первомаю».

Положительная героиня — «культурная девушка, с которой можно по-товарищески душевно поговорить». Она «полна задрала, молодости, веселья, искрящаяся радостью жизни». У нее «развито чувство меры и подлинной красоты», она «покупает одежду

в лучших магазинах центра», она «не прибегает к услугам поселковых портних-недочек». Она «одета скромно», например «в голубое или розовое платье», «не гонится за модой». Она «ведет себя культурно» — «не курит, не пьет вина, не употребляет грубых выражений». Она «не променяет производство на конторскую работу». Она «не заводит случайных знакомств в кино, в театре, на улицах», «знакомится в цехе, на вечерках, у подруг». Она «приглашает друга в театр или в кино на свои деньги, если у ее друга нет денег». Она «хочет быть хорошей общественной и хорошей матерью».

Начиная с 1930-х годов начали пропагандироваться наряду с нормами советской мужественности и женственности и стандарты уживания, которые получили безоговорочное распространение и признание и в официальном дискурсе, и в повседневных практиках вплоть до конца 1980-х и продолжают быть актуальными в настоящее время. Советский стандарт уживания начал пропагандироваться в период сталинской кампании «культурности», когда успешному рабочему-стахановцу предписывалось дарить девушкам цветы, приглашать их в кино и в кафе-мороженое (Gopow 2001). Как пишет А. Роткирх, комплекс практик уживания в 1970—1980-е годы включал в себя вежливое поведение мужчин в присутствии дам, покушку шоколадок или сигарет, мощь в переносе тяжелых сумок, приглашение девушки на прогулку, в мороженицу или в кино, после чего кавалер обязан был сопровождать ее до подъезда (Rotkitch 2000: 60).

«Моральный подход к браку» и «серьезность» любви

В работах советских идеологов начиная с 1920-х по 1970-е годы в качестве особенности советской семьи, в отличие от семей капиталистических стран, называется то, что она основывается не на экономических связях супругов, а на их духовной близости. Эта концепция советской семьи уходит корнями в идеи Ф. Энгельса (Энгельс 1955, 1961, 1985), критиковавшего буржуазную семью, основанную на частной собственности и представлявшую собой микромодель классового общества, где мужчина является эксплуататором («буржуа»), а женщина — эксплуатируемой («пролетарием»). Ф. Энгельс предсказывал, что исчезновение частной собственности приведет к появлению нового типа семьи, основанного на «реальных отношениях». Отзвук энгельсовских идей прослеживается вплоть до 1980-х годов. Советские авторы, пи-

савишие о семье, продолжали доказывать, что «семья в СССР характеризуется положительным усилением духовных связей и ослаблением экономических» (Елистраткина 1979: 85, Томин 1979: 106-107). Известный советский социолог семьи А. Г. Харчев неоднократно упоминает, что советская семья представляет собой особый тип семьи, и связывает это с особенностями экономических основ советского общества. Согласно А. Харчеву, «история советской семьи началась вместе с революцией, с экспроприацией крупной собственности... Сама по себе экспроприация не затронула экономических основ подвзвляющего большинства семей, но подорвала веру в священность и незаменимость собственности как основы личного благополучия и способствовала уменьшению влияния собственности морали на брачно-семейные отношения. Нравственная ценность брака в следовательно, и браков по расчету соответственно упала» (Харчев 1979: 136). Аналогично А. Харчев интерпретирует результаты массовых социологических опросов молодежи, проводившихся в конце 1950-х годов, и делает вывод, что «в случае возникновения несоответствия или противоречия между моральными и материальными условиями брака решают вопрос в пользу первых» и что «моральный подход к браку стал преобладающим в советском обществе» (Харчев 1979: 183). Проблемы советских семей он объясняет «пережитками советнической мешанской психологии», «элементами старой семейной морали и старого быта».

«Моральный подход к браку» основывается на принципах «коммунистической морали», которой советские люди должны были следовать. Понятия «коммунистическая нравственность» и «коммунистическая мораль» были впервые определены В. И. Лениным во время Гражданской войны в 1920 году в речи «О задачах союзов молодежи» на III Съезде РКСМ (Ленин 1987) и обозначали мораль и нравственность, *подчиненные интересам классовой борьбы* в противоположность буржуазной морали, осуждающей борьбу на далеких от реальности религиозных идеалах. В дальнейшем ленинское определение морали было переформулировано журналистами центральной прессы применительно к заданым мирного периода и из него вывели тезис о совпадении личных и общественных интересов в советском обществе: «Социальные личные и общественные интересы у нас в стране социализма есть выражение... принципа коммунистической морали. В органическом единстве личного и общественного — источник массового героизма людей нашей страны. Личное и обществен-

ное у нас переплетается на каждом шагу»⁵. В статьях идеологов и журналистов принцип «совпадения личного и общественного» превратился в норму подчинения личного общественному. Таким образом, согласно этим принципам сфера любви и семьи определялась официальным дискурсом как вторичная по отношению к сферам общественного производства и общественной жизни.

В соответствии с моральным правилом «совпадения личного и общественного» создается новая концепция любви. В очерках на бытовые темы «любовью» стали называть долготерпчивый духовный союз, приволящий к созданию семьи, в которой предполагается воспитание детей в социалистическом духе. Настоящая любовь противопоставляется бесполозным, с точки зрения общества, мимолетным увлечениям и «безрасудной» страсти. Эта концепция была противололожна идеям 1920-х годов, когда страсть и любовь часто отождествлялись (Кон 1997: 117-138). Основой любви мужчины и женщины стали считаться не «естественные потребности», как в 1920-е годы, в обща работа, общие интересы, идейная близость. Именно общие интересы взрослых и супругов, непременно совпадающие с интересами государства, должны были стать «морально-нравственной основой» советской семьи.

Принципы «коммунистической морали» в сфере любви и «половой жизни» в наиболее доступной большинству населения форме были изложены А. С. Макаренко в «Лекциях о воспитании детей», подготовленных им по заказу редакции радиопередач «Педагогическая пропаганда для родителей». Всесоюзного радио и прозвучавших осенью 1937 года. «Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальную и оправданную нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей. Отсюда ясно и цели полового воспитания: мы должны воспитывать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье.

⁵ О морали // Комсомольская правда. 1938. 14 июля. Нужен ли большевикам кодекс морали? // Комсомольская правда. 1935. 3 августа.

Говоря о воспитании будущего пологового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половеое воспитание будет объективно вредным и противобожественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин или будущая гражданка, которых они воспитывают, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радости пологовой жизни» (Макаренко 1984: 103).

*«Практические» материнство, отменственное родительство
и счастливые детство*

В 1935 году газета «Комсомольская правда» публикует очерк «Частная жизнь», который положил начало серии подобных очерков и обдуманно писем читателей на темы молодой семьи, воспитания детей, материнства, отцовства и абортов⁶. Сюжеты этого и последующих очерков одиночны. Положительная героиня очерка — активная комсомолка, физкультурница, парашютистка, ударница на производстве или студентка. Ее муж — инженер, ударник, тевтрад и любитель чтения советской литературы и участия в диспутах. Когда она беременеет, выясняется, что он не готов иметь ребенка. После рождения ребенка ее попытки сохранить семью рушатся. Он уезжает работать в другой город и не возвращается. Она поражена случившимся с ней и остается одинокой матерью. В некоторых очерках излагается дальнейшее развитие событий. Он находит другую женщину, которая не хочет иметь детей и делает аборт. В дальнейшем у него просыпается отцовские чувства. Но поздно — его легкомысленная подруга уже не может иметь детей. Она преждевременно со старилась и сожалеет о забугленной пустой жизни. Он после работы приходит на детские площадки, играет с чужими детьми. В дальнейшем он случайно встречает своего собственного ребенка и оставленную им первую жену, которую успешно привел. Он понимает, что потерял... В этих очерках однозначно приветствуется решение женщины родить ребенка в любых обстоятельствах и осуждается равнодушные комсомольского комитета и трудового коллектива в том случае, если матери не оказывается

моральная и материальная поддержка. Постоянно подчеркивается, что женщина должна гордиться материнством в любом случае, тогда как женщина, не имеющая детей, — «пустоцвет и достойна общественного порицания».

С начала 1930-х годов изменился также контекст обсуждения материнства специалистами. До начала 1930-х годов медицинские проблемы, связанные с беременностью и родами обсуждались специалистами (преимущественно врачами) независимо от ведущейся пропаганды материнства, его значимости для общества. В большей степени были политизированы социальные аспекты материнства, т. е. совмещение ролей матери и работницы (в особенности благодаря деятельности женотделов). В период первой пятилетки происходит политизация всех аспектов материнства, и оно превращается из периферийного вопроса в проблему государственной важности. В специализированных журналах, например «Охрана материнства и младенчества», «Агудерство и гинекология», сменились главные редакторы и начали публиковать статьи на общественно-политические темы. Медицинские аспекты стали подвергаться идейно-политическому контролю (Walters 1992).

Если в 1920-е годы плакаты, изображающие мать и младенца, можно было увидеть только в ролильном доме или в женской консульствии, с середины 1930-х годов они появились повсюду — на фабриках, заводах, в школах. Еще более активный образ женщины с ребенком стал тиражироваться советской пропагандой во время Второй мировой войны. Использование матери и младенца в политической иконографии было, по мнению Э. Уотерс (Walters 1992), не случайным и отражало потребность государства в апелляции к универсальным гуманным ценностям, которые могли быть выражены в объединяющих национальных символах. Жизнеспособный образ матери и младенца, символизирующий надежду на мирное будущее и стабильность, отвечал требованиям умиротворения общества, пережившего голод, чистки, вынужденные переселения, войну. В послевоенные годы женственность все больше ассоциировалась с материнством, проблемы женщин отграничивались материнскими проблемами. Героическая женщина довоенного периода, устоявшая в мировые рекорды (летчица, парашютистка, мотоциклистка, физкультурница и т. д.), уступила место «женщине-матери».

Отличие новой иконологии 1930-х годов от раннего советского периода заключалось в наделении ролевого не столько биографической, сколько социальной функцией. В 1920-е годы мен-

⁶ Частная жизнь // Комсомольская правда. 1935. 10 апреля.

ше обсуждалась воспитание родителями детей. Ведущие советские идеологи создавали утопические теории, утверждая, что в будущем функции воспитания детей будут переданы государству (Geiger 1968). Также в 1920-е годы много внимания уделялось проблемам совмещения материнских и производственных (общественных) обязанностей и проблеме детской беспризорности.

С середины 1930-х концепция воспитания изменилась. Наиболее важным институтом воспитания нового человека стала считаться советская школа, но и семья стало придаваться большее значение. Как и в других обществах (см.: Антонов и Медков 1996), в советском обществе семья определялась как значимый агент социализации и посредник между индивидом и обществом и, для того чтобы справиться с родительскими обязанностями, советские люди должны были быть идеологически грамотными, поэтому государство уделяло много внимания подготовке родителей. В этот период в прессе полагается большее количество газетных публикаций, где обсуждается и невнимание родителей к успехам детей в учебе и их отсутствию, и чрезмерная родительская опека.

Поскольку одной из основных целей сталинской модернизации было «создание нового человека», особо важное значение стали придавать «правильному воспитанию с самого раннего детства» (Макаренко 1984: 59). Для советского времени характерна политизация воспитания детей, начиная с самого раннего возраста. В период с 1917 и до середины 1930-х годов были запрещены многие прежние развлечения и праздники (Рождество, Новый год, Пасха). Школьные программы радикально реформировались с учетом новых идеологических веяний. Во второй половине 1930-х годов получает развитие идеология *советского детства*, сочетающего в себе до той поры «забытые» дореволюционные традиции и совершенно новые советские элементы. «Переулка» пионеров и школьников социально-политическим воспитанием начинают осуждаться. С 1 января 1936 года в детские сады и школы возвращается Деда Мороз, куклы и сказки (Thompson 1991). Возвращается представление о детстве как особом, формирующем и отличающемся от юности и от взрослости этапе жизни: «Детей у нас любят. Имнi любят, к ребячьему делу прислушиваются, как к музыке...»⁷ — подобные тексты стали все чаще появляться на страницах центральной прессы.

Дети становятся одним из необходимых атрибутов «советской» взрослости. Стахановцы и ударники начинают изображаться со своими детьми на фото в журналах и газетах, летчики берут детей с собой на парады, политические деятели также фотографируются «в окружении детей». Сам И. Сталин фотографировался с детьми и показывался в Кремле в сопровождении собственной семьи (Thompson 1991: 557). Появление детства и детей на пакетах и на страницах газет и журналов меняет представление о норме для взрослых. Героем первых послевоенных лет был несгибаемый пролетарий или красноармеец, пожертвовавший всем во имя революции, а героиней — активистка, всецело преданная делу революции (Mally 1996). Если в 1920-е годы и возникал вопрос о детях, то чаще как о помехе социальной активности родителей. В 1930-е годы новые «герои» становятся более человечными, семейно ориентированными, с прозрачной публичной и частной жизнью.

В основных чертах советская идеология частной жизни в период ее формирования была столь же консервативной идеологией, как и в странах Запада в тот же период. Любовь рассматривалась как «серьезное» чувство, возникающее исключительно между людьми противоположного пола, которое приводит к созданию «зоровой советской семьи», где бездетность «воспринимается и самими супругами, и окружающими как симптом нравственной неадапции брака» (Харчев 1979: 185); количество детей в семье должно быть больше одного (Макаренко 1984: 62, Крупская 1980: 121); желательны отсутствие в биографии советского человека развода и параллельных сексуальных отношений.

Однако этот обыкновенный консерватизм был своеобразно окрашен советской идеологией. Одной из специфически советских особенностей было государственное регулирование сексуальности с помощью принципов «коммунистической», а не религиозной морали, и в качестве морального авторитета вместо церкви выступала партийная или комсомольская ячейка. Коммунистическая мораль обосновывала необходимость контроля государства за частной жизнью поиском политических врагов, истинное лицо которых проявляется в «бытовом разложении», в том числе в несовместимом поведении в любви. Другой особенностью советской семейной идеологии была завуалированная пропаганда одиноко-материнства и формирование нормы, согласно которой каждая взрослая женщина должна иметь хотя бы одного ребенка в браке или вне брака. Следствием этого было установление принципа

⁷ Искусство счастливых детей // Комсомольская правда. 1940. 12 мая.

коштяковой ответственности за любовь и ее последствия и, кроме того, ответственности государства за создание необходимых условий «выживания» для каждого человека.

Социальный контекст, во многом определивший индивидуальные решения, складывался не только из официальной советской идеологии, но из «объективной реальности», создаваемой экономической ситуацией в стране и законодательством в сфере семейно-брачных отношений.

Семейная политека и социальные проблемы

Подлинно радикальные, поражающим и вызывающим интес рес западных современников и исследователей было советское законодательство 1920-х годов. Легализация аборта в 1920 году в особенности контрастировала с ситуацией в западных странах, где аборты разрешены не были (Кон 1997: 24, Sarrjan 1991: 631). Необычной была легкость развода, особенно в период после 1926 года, когда можно было развестись, поставив открытку в ЗАГС в одноименном порядке, не ставя в известность супругу. Большой отклик на Западе вызвало введение нового семейного кодекса 1926 года — приравнивание зарегистрированного брака фактическому союзу. Возможно, именно благодаря сравнительной радикальности законодательства и идеологии 1920-х годов сексуальная/семеjная идеология и политика этого периода наиболее подробно изучены западными исследователями (Clements 1979, Fatpawoti 1977, 1980, Geiger 1968, Goldman 1984, 1993, Quigley 1979, Sides 1978, Waters 1985, 1992 и др.). Как показывают эти исследования, принятие соответствующего законодательства в 1920-е годы было обусловлено не столько идеологическими принципами, сколько наличием тех или иных социальных проблем. И все же семейная идеология 1920-х годов характеризовалась следующими важными принципами, которые нашли отражение в законодательстве, а в дальнейшем постепенно были изменены: 1) декларированное стремление к достигнутому равенству возможностей мужчин и женщин в профессиональной самореализации и равенства их ответственности в семейной жизни; 2) принципиальная открытость дискуссии о «половой» жизни.

Сталинский период примерно с конца первой пятилетки до середины 1950-х годов принято считать периодом реакции, «сексуальным термидором» (Sides 1978, Кон 1997). Этот период характеризовался наиболее репрессивным законодательством, наи-

меньшей свободой индивидуального выбора и подчинением частных интересов индивиду и семей интересам государства. Наиболее значимым для повседневной жизни было постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрете абортов, увеличении материальной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁸. Согласно этому постановлению государство требовало, чтобы все беременные приводили к родам, при этом значительно увеличивались пособия на детей. Исследователи полагают, что эти меры преследовали одну цель — увеличение рождаемости с целью появления большего количества рабочих рук и солдат (Кон 1997, Thupton 1991, Александрова 1980, Geiger 1968). Согласно официальной версии принятие постановления было обусловлено тем, что СССР «стал мощным и богатым» и улучшились условия жизни населения, что позволило ликвидировать нищету — основную причину, заставлявшую женщин делать аборт (Крупская 1936). Кроме этого постановления можно отметить и другие законодательные акты, например запрет и уголовное преследование гомосексуализма (1934), запрет брака с иностранцами гражданами (1947).

Все сохранившиеся после принятия постановления 1936 года свободы 1920-х годов были ликвидированы во время Великой Отечественной войны. В новом семейном кодексе от 8 июля 1944 года отменяются некоторые статьи кодекса 1926 года. В соответствии с новым законодательством юридически действительным стал лишь зарегистрированный брак. Кроме того, фактически возвращалось понятие «незаконнорожденность»: дети, рожденные вне брака, не имели права получить фамилию отца. Даже если отец хотел официально признать ребенка, последнему в принудительном порядке давалась фамилия матери, а в графе «отец» ставился прочерк. Также была инстигуционализирована и усложнена процедура развода: «Указ установил обязательность судебного расторжения брака с примирительным разбирательством в Народном суде и решении дела по существу лишь в вышестоящей судебной инстанции. Одновременно была повышена уплачиваемая при разводе пошлина. Делам о расторжении брака стала придаваться

⁸ О запрете абортов... // Комсомольская правда. 1936. 28 июня.

широкая гласность: необходимость публикации в местной газете специального объявления о слушании таких дел, преимущественно самотулопроизводства, привлечение свидетелей. В результате в последующие годы, особенно после окончания Великой Отечественной войны и демобилизации ее участников, рост количества заключаемых браков значительно опережал рост населения» (Харчев 1979: 167-168).

Советский «сексуальный термидор» прежде всего сказался на положении женщин. В соответствии с законодательством 1944 года государство фактически возложило исключительно на женщин всю ответственность за последствия внебрачных сексуальных отношений. Они не имели права в случае беременности сделать аборт, а в случае рождения ребенка вне брака — потребовать от мужчины признания отцовства и материальной помощи. Как и в 1936 году, устроженные законодательства сопровождалась увеличением пособий и даянью уважения матерям. Были введены поощрительные титулы и награды за материнство — орден «Материнская слава», почетное звание «Мать-героиня» и «Медаль материнства». Была увеличена помощь от государства многодетным и одиноким матерям. Одинокие матери стали получать социальную помощь на ребенка в таком же размере, в каком получали замужние многодетные матери. Ответственность за внебрачных детей была переложена с мужчин-отцов на женщин и государство. Таким образом новое законодательство решало насущные послевоенные проблемы вдов-матерей и фактически стимулировало мужчин к безответственности в сексуальных отношениях, а женщин оберегало на одинокое материнство. В 1950-е годы количество одиноких матерей увеличилось: если в 1945 году оно составляло 281,7 тысяч человек, то в 1957 году — 3312 тысяч, а в 1960 году — 2688 тысяч (Харчев 1979: 169). Одинокое материнство было обусловлено тем, что количество женщин репродуктивного возраста почти в два раза превышало количество мужчин той же возрастной группы. Для многих незамужних женщин одинокое материнство являлось сознательным «моральным выбором», вследствие широкой распространности, а следовательно «нормальности» этого явления, и наличия государственного пособия, позволявшего свести концы с концами. Подобный индивидуальный выбор находился в полном соответствии с задачами государства. Эксперт по гражданскому и семейному праву А. Пергамент, комментируя в 1956 году семейное законодательство 1944 года, отмечала, что этот закон, несомненно, отходил от принципа равенства полов, но его принятие было про-

диктовано более важными государственными интересами, чем равенство мужчин и женщин — стабилизацией общества и повышением рождаемости (Laridus 1978: 239).

После 1953 года начавшаяся реформирование режима озанаменовалось в том числе бурной общественной дискуссией о законодательстве 1944 года и его негативных последствиях — неравенстве мужчин и женщин, неравенстве детей, рожденных в браке и вне брака, сложности развода. Рупором этой дискуссии стала пресса, главным образом газеты «Известия» и «Литературная газета». Специалисты в области права, педагоги, писатели, журналисты и просто читатели обсуждали сложные и неразрешимые семейные ситуации, возникавшие в последнее десятилетие⁹. Не имея возможности получить разрешение на развод, семейные пары фактически разводились и создавали новые семьи, в которых рождались дети, получившие фамилии того мужчины, с которым были некогда зарегистрированы отношения у их матери, а не своего фактического отца. Массовым стало явление юридического усыновления своих детей фактическими отцами. Другая обсуждавшаяся проблема — защита прав женщин, состоявших в таких фактических браках. При расторжении подобных союзов женщины не получали от отцов алиментов на содержание детей. Третья обсуждаемая проблема — это неравные права детей, имевших разные свидетельства о рождении. В октябре 1956 года писатели И. Эренбург и С. Маршак, композитор Д. Шостакович и профессор М. Сперанский направили открытое письмо в Президиум Верховного Совета СССР с требованием отменить статьи кодекса 1944 года, запрещающие вписывать в свидетельства о рождении внебрачного ребенка фамилию отца. Они утверждали, что запрет на признание отцовства по взаимному согласию родителей «противоречит советской морали» и нарушает Конституцию СССР, гарантирующую равные права мужчин и женщин, и что дети не должны расплачиваться за ошибки своих родителей (Pitpe 1960: 50-55).

После смерти И. Сталина постепенно начинается либерализация семейного законодательства. Указом Президиума Верховного Совета от 5 августа 1954 года снимается уголовная ответственность с женщины, сделавшей подпольный аборт, с 23 ноября 1955 года разрешен законный аборт в большинстве по социальным и медицинским показаниям. Указ от 10 декабря 1965 года отменяет законода-

⁹ Жизнь требует исправления // Литературная газета. 1954. 16 января. Существует ли любовь? // Литературная газета. 1956. 13 сентября.

тельство 1944 года о внебрачном отцовстве. Признается внебрачное отцовство по желанию обоих родителей, а в некоторых случаях — устанавливается по суду. Также отменяется публикация сведений о них в газетах. Новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, принятые 30 сентября 1968 года, упростили процедуру развода, узаконили аборт по личному желанию женщины и признание отцовства в метриках детей, рожденных вне брака по взаимному согласию родителей или по решению суда.

Период «застоя» характеризуется переходом «от командно-административных методов защиты брака и семьи к морально-административным» (Кон 1997: 118). В 1970-е годы законов, охраняющих соблюдение принципов «коммунистической морали», стало меньше, но следование или не следование этим принципам подвергалось не юридическому, а «товарищескому» (партийному) контролю и профессиональную карьеру. В этот период практиковалось осуждение измен и разводов на партийных собраниях, а «отклонения» в интимной жизни могли использоваться для штрафа (Александрова 1980: 35, Кон 1997: 169). В то же время, несмотря на отсутствие публичных обсуждений вопросов секса, именно 1970-е и 1980-е годы характеризуются повышением значимости всех ценностей частной жизни (Shlapentokh 1989), «тихой сексуальной революции» и появлением различных стилей сексуального поведения (Rokitch 2000).

Официальная идеология и пропаганда, политика государства и реальные социальные проблемы вместе составляли тот контекст, в котором жили, устраивали быт и принимали решения советские граждане.

Советская система стигматизации и повседневная мораль

Автобиографии и интервью показывают, как люди постепенно трансформировали официальные нормы в новую реальность — повседневную мораль, которая распространялась на весь спектр типичного, возможного, приемлемого поведения в сексуальной жизни (Rokitch 2000: 12).

«Моральный облик» человека и его социальный статус были в советском обществе, как и во многих других, взаимосвязаны. Положение гражданина в советской системе иерархии определяло

возможности доступного сексуального поведения и семейного положения. По сравнению со многими странами, в СССР особенно важно было политическое измерение неравенства (Берто 1996, Ильин 1996, Радаев и Шкаратан 1996). Эта особенность советской системы стигматизации отразилась на частной жизни людей, находившихся в различном положении в социальной иерархии. В советском обществе «основным критерием социальной стигматизации становится распределение власти, понимаемой ... как способность социального субъекта (индивида, группы) осуществлять свои интересы безотносительно к интересам других социальных субъектов» (Радаев и Шкаратан 1996: 269). Косвенными признаками, помогающими формализовать и исследовать властные отношения, являются формальные ранги и сопряженные с ними привилегии. Объем власти и, соответственно, привилегий каждого индивида складывался из персонального ранга (аскриптивные статусы + должность + партийность) и корпоративного ранга (место работы). Радаев и Шкаратан (1996: 272–273) выделяют пять ступей советского общества по этим критериям: «справедливые слои», «передаточные слои», «исполнительские слои», «жизненные» и «парии». Подобное деление в целом характерно для всех периодов существования советского общества, начиная с 1920-х и заканчивая 1980-ми годами. За исключением категории «жизненные» (дети, учащиеся, домашние хозяйки), социальный статус индивида определялся политическим статусом его самого и членом его семьи.

Принципы «коммунистической морали» распространялись на всех, но «образцово-показательной» группой объявлялись предстатели тех слоев, которые были ближе к распределению власти и пользовались наибольшими привилегиями. Поэтому доступ к привилегиям и подотчетность поведения в личной жизни были связаны — личная жизнь комсомольцев и коммунистов контролировалась в первую очередь. В довоенный период этот контроль был более регулярным, а в послевоенный период он стал ситуативным: моральные возмущения применялись иногда, только при необходимости.

Значительно меньше интереса власти проявляли к привилегиям политического большинства, т. е. людей, чьи решения в меньшей степени могли влиять на распределение позиций и привилегий. Поэтому идеология регулирования частной жизни отразилась по-разному на повседневных практиках правящих и передаточных слоев (советской номенклатурной элиты), политически нейтраль-

ного большинства — исполнителских слов и «парий» (девяно-тов и, в особенности, политических врагов режима).

«Исповедательские слова»

Рассмотрим, как отразилась советская идеология и социальная политика на повседневной морали исполнителских слов.

Принцип официальной идеологии, согласно которому советский брак должен быть основан прежде всего на любви («реальных отношениях»), а не на корыстном расчете, стал частью повседневной морали. Анализ автобиографий информантов, проведенный А. Роткирх, показал, что браки по расчету считались дурным тоном. Если в автобиографиях и встречаются рассказы о потенциальном союзе с «богатыми людьми», т. е. обладателями дачи и «жигулей», то лишь в тех случаях, когда автобиографии героически отклонили возможность такого союза (Rokitch 2000: 85, 111–112).

Расхождение между официальной и повседневной моралью касаются длительности романтической любви и брака, основанных на ней. Советскими людьми скорее поощрялось, чем осуждалось, решение, принятое из романтических побуждений, «по большой любви», даже если это приводило к разрушению семьи (Rokitch 2000), тогда как в советской пропаганде, а также в социологической и педагогической литературе подобный подход не афишировался. Напротив, хотя советский брак должен был быть основан на любви, но на такой любви, которая «согласуется с другими нравственными ценностями» (Харчев 1979: 180–181). Для официальной идеологии любовь должна быть *серьезной*, она возникает один раз и навсегда, а в повседневной морали любовь принимает разные формы и содержание.

Несоответствие официальной и повседневной морали в предсталинии о романтической связи для молодых женщин. Согласно официальной норме, пропагандируемой в опубличованных брошюрах и популярных советах специалистов, романтическое ухаживание не должно было включать сексуальные отношения, и эти ценности соответствовали повседневной морали вплоть до конца 1960-х годов. С 1970-х годов в некоторых социальных средах различный сексуальный опыт стал нормой (Голод 1996: 45–65, Rokitch 2000: 59–76), тогда как официальная точка зрения оставалась прежней.

Пропавшая материнства как главной и почетной обязанности каждой женщины наша выражение в повсеместно распространенном мнении о некоторых неотъемлемых составляющих женственности: женщина, во-первых, должна вступить в первый брак в возрасте 20—25 лет и, во-вторых, родить за жизнь как минимум одного ребенка, предпочтительно в зарегистрированном браке. Женщину незамужнюю и не имеющую детей считали несчастной и почти ненормальной, тогда как статус разведенной женщины с ребенком был приемлемой нормой (Rokitch 2000: 111). Как отмечает А. Роткирх, «если возможно говорить о существовании единой модели советской семейной жизни, то она основана на социально-экономической модели работающей матери и социально-культурной модели расширенного материнства» (extended mothering). Мать и ребенок, а не супружеская пара, как в европейских странах, составляли ядро обычной советской семьи, организованной вокруг попеременной заботы о детях не только матери, но и других женщин, при необходимости заменяющих мать. В такой семье мужчина-кормилец мог в принципе отсутствовать, и это определяло слабую позицию мужчины в структуре семьи.

Признаваемая повседневной моралью нормальность статуса разведенной одинокой матери противоречила декларируемым принципам коммунистической морали, выступавшей за «заповедную советскую семью». В то же время нормализация одинокого материнства была прямым следствием социальной политики государства, обеспечивавшего начиная с 1936 года достаточные для выживания пособия одиноким матерям, пропагандирующее материнство как главную обязанность женщины перед обществом. Стигматизация одиноких женщин и демографический кризис в стране в 1940—1960-е годы, когда количество женщин репродуктивного возраста почти в два раза превышало количество мужчин, также способствовали утверждению этого статуса женщины. Кроме того, женщины старшего поколения, изученные тяжелой жизнью одинокой матери, мечтали только об одном — чтобы их дочери вышли замуж, и всячески пытались подготовить их к этому в процессе воспитания. Этими условиями отчасти объясняется норма раннего вступления в брак для женщин (Александрова 1980).

Одним из последствий подобной политики советского государства в сфере семьи было также и другое «нормальное отклонение» от официальной морали — практика фиктивного брака, т. е. регистрация брака по мотивам не связанным с целью создания семьи.

Существовало несколько мотивов заключения подобной сделки: получение (восстановление) прописки в крупном городе, потребность в деньгах или других материальных благах, улучшение жилищных условий, продажа квартиры или комнаты, желание символизировать свою «зрелость» и социальную полноценность или скрыть гомосексуальную ориентацию, желание помочь кому-то из знакомых (Топорова 1998). Заключение фиктивного брака-сделки, не только официально порицалось, но и противозаконного, было в то же время вынужденной мерой для многих людей, особенно для имевших потребность в прописке или улучшении жилищных условий. Как было сформулировано в одном из интервью: «Также законны дуралексы, что, чтобы их как-то обойти, к фиктивному браку приходил, наверно, каждый десятый...» (Топорова 1998: 24). Социальное или расхождение официальных и неофициальных норм было обусловлено, как правило, тем, насколько официальные нормы совпадали или расходились с повседневной реальностью, экономической и демографической ситуацией и законодательством. Нормы повседневной морали обычно в большей степени отражали потребности населения и возможности их реализации.

К «исполнительским словам» принадлежало большинство жителей советских крупных городов. Именно это большинство, деформируя активно идеологию и не участвуя в принятии законов, в повседневной жизни преобразовывало официальные моральные нормы и создавало реальность советской повседневной жизни. Значительную часть тех, кого в советской системе структуризации можно отнести к «исполнительским словам», составляли так называемые «жюве люди» и их культурные преемники. «*Жюве люди*» 1930-х в основном являлись горожанами в первом поколении и отличались тем, что в ходе социального продвижения они опирались на советскую идеологию и социальную политику. Люди со схожими социальными характеристиками в дальнейшем явились «продолжком» приспособления к реальности и трансформации этой же идеологии.

Исследования показывают, что для большинства населения в позднесоветский период в целом характерна непрочность heterosexualных отношений — легкость развода и вступление в повторный брак, наличие хотя бы одного ребенка у каждой взрослой «нормальной» женщины, независимо от присутствия и роли отца ребенка в процессе воспитания, отрицательное отношение к доминированию материальных факторов над личными отношениями (Kotkin 2000).

*«Правящие и передаточные слова»
(советская номенклатурная элита)*

Как пишет И. Кон (1997: 178), для представителей советской номенклатурной элиты, которая в основном состояла из мужчин, было характерно следующее: с одной стороны, необходимость сохранения семейного «статуса-кво» (обязательность наличия супруги, внешняя прочность семьи, отсутствие разводов); с другой стороны, возможность тайной, «двойной» жизни в форме престижного потребления — наличие постойных любовниц или даже «аремов», посещение «свун с левояками» и т. д. В данном случае можно говорить не о большей или меньшей распространённости такой модели отношений в семьях элиты, но исключительно о нормах поведения.

Для того чтобы объяснить моду на сексуального и семейного поведения советской элиты, надо обратить внимание на контраст практик высших и исполнительских слоев. Для последних романтическая любовь, измена, сходство и нескладство характеров могли быть достаточной причиной для развода, поскольку экономические причины, заставлявшие сохранять несчастливые браки, было немалого вследствие материальной независимости женщин. Чем выше статус, тем в большей степени развод мог отграничить доступ представителям советской элиты к возможным позициям и привилегиям. И. Кон (1997: 169) в качестве примера приводит поездку за границу. Он описывает, как в 1978 году перед самым вылетом в Швецию на Международный социологический конгресс выехала на комиссию ЦК КПСС исключила из состава делегации двух профессоров Московского университета только потому, что они дважды развелись (хотя на момент поездки оба снова состояли в браке).

Брак представителей элиты был основан на семейной роли мужчин-добытчика. Разрушение такой семьи приводило к ухудшению благосостояния обоих супругов, поэтому для них официально зарегистрированный брак являлся взаимовыгодным контрактом. Одной из сторон этого контракта была передача благосостояния и привилегий по наследству, и соответственно, как предполагают некоторые исследователи (Seiger 1968, Pette 1960), в кругах элиты наблюдалась склонность к организации родственных «альянсов». Подобный тип семьи в наибольшей степени напоминает семью представителей высших и средних слоев классов западных стран в тот же период времени: наличие

мужчины-кормильца, сложность расторжения брака, обособленность представителей элиты, способствующая воспроизводству этого круга.

Наличие «двойной жизни» у представителей элиты, которая в некоторых случаях являлась элементом престижного потребления, может быть объяснена так же, как и любая друтава «теневая» деятельность советских людей. Авторы исследований (Votopkov and Chikadze 2002, Воронков и Чикадзе 1997, 2001) показывают, что советских людей объединял «неписанный кодекс»: разделяемое знание о том, что дозволено в публичной сфере, что в публично-приватной (с друзьями, на кухне, на даче) и что только в приватной сфере. Можно предположить, что сексуальные «кэшпешества» как «престижное потребление» и двойная жизнь советской элиты в данном случае являются столь же скрытыми, как в официальной публичной сфере, но в то же время полурезрешенными в приватно-публичной, среди «своих», практиками, такими как рассказывание анекдотов, антисоветские разговоры на кухне, взятки и прочая «теневая» активность советского населения.

«Нарии»

Для социального слов «парий» характерно то, что они, в отличие от представителей элиты и от «исполнительских слоев», нарушали неписанный кодекс поведения нормального советского человека и открыто, а зачастую демонстративно проявляли себя как «несоветские» люди. Поэтому они не могли рассчитывать на какие-либо привилегии со стороны государства и, следовательно, на них не распространялся «морально-административный контроль» и его санкции. Воздействовать на их поведение можно было только с помощью административного и уголовного кодекса.

К группе «парий» относились асоциальные элементы (напримен, нарушители трудовой дисциплины, алкоголики), люди, находящиеся в самом низу социально-профессиональной иерархии (мигранты-нелегалы, живущие без прописки, ломпены, разнорабочие), и политические враги режима. Объединение этих разных по социальным характеристикам групп в одну социально-структурную категорию произошло еще в период первой пятилетки в конце 1920-х — начале 1930-х годов (Грасимова и Чуйкина 2000). Хотя в послевоенные годы изменялось представление о том, кто

может быть отнесен к «асоциальным элементам», а кто — к «врагам режима», разнородная по социальному составу группа «парий» сохранилась в качестве стратегического слоя до конца 1980-х годов.

По сравнению со всеми другими представителями советского общества, «парии» характеризуются большей нестабильностью в семейной жизни. Для политических врагов режима эта нестабильность была скорее вынужденной и вызванной вмешательством государства в их частную жизнь. В довоенный период коллективизации, репрессии и ссылки способствовали насильственному разрушению многих семей (Thurston 1991, Geiger 1968). В 1960—1980-е годы диссидентов разлучали (на время) вследствие арестов (Чуйкина 1996, Tehouikina 1996, 2000). Люди, находившиеся на «дне» общества по политическим причинам (нелегалы, алкоголики), имели опыт сексуального насилия, промискуитета, инцеста, и нормализация личной жизни описывается ими в автобиографиях как один из признаков повышения их социального статуса (Rokitch 2000).

Для тех, чье пребывание в числе «парий» было сознательным выбором, кроме вынужденной нестабильности в семейной жизни, было характерно также «кинакодействие» в этой сфере, мотивированное стремлением к тому, чтобы не столько взгляды на жизнь, сколько сама биография и образ жизни были бы «несоветскими». В 1920-е и 1930-е годы символическим проявлением несовестности было следование дореволюционным ритуалам, например венчание в церкви. В 1960—1980-е годы «репертуар» несовестского поведения в частной сфере был весьма разнообразен: например, церковная регистрация брака и крепление себя и детей или, наоборот, совместная жизнь без регистрации брака, не скрываемая частая смена партнеров и ботемный, несемейный образ жизни во всех его проявлениях. «Инакодействие» в сексуальном поведении было характерно в 1970-е годы для тех, кого стали позже называть «нонконформистами», «неформалами», хиппи, для обитателей «флэттов» и «тусовочных» кафе («Сайгон», «Гастригит», «Малая Садовая» (Zdravotshlova 2002). Представители поздней волны диссидентского движения говорили в интервью, что для них «сексуальная революция была и познанием, и символом, и знаменем». Для диссидентских кругов конца 1970-х годов, как и для нонконформистов, было характерно презрение к «загоссовскому штатпику» и «обнагательскому» быту (Tehouikina 1996, Чуйкина 1996).

*Субкультурные и традиционные среды внутри
«исполнительских слоев»*

Неприятие норм поведения, предписанных «просто» советскому человеку», наблюдалось в небольших, внутренне интегрированных социальных средах, следовавших досоветским консервативным традициям. Эти среды могут быть отнесены к «исполнительским слоям» советской стратификационной системы. Здесь нормы поведения молодежи контролировались в семье представителями старшего поколения или же религиозными и национальными моральными установками в большей степени, чем в других кругах. Среди тех, кого можно отнести к «исполнительским слоям» и кто жили в соответствии с иной моральной нормой, чем большинство населения, можно выделить следующие социальные среды.

Во-первых, некоторые представители этнических меньшинств, например татары (Карпенко 1998), несмотря на ликвидацию в публичной сфере этнической обшрины и ее экономических ресурсов, старались не потерять свою веру и «нацию». Поэтому старшие родственники контролировали создание семей младшего поколения. Считалось особенно важным не включать в семейный клан иноверцев, а выбирать в качестве супруги кого-то из «своих».

Во-вторых, особая модель семейных отношений характерна для слабо ассимилированных крестьянских семей, вышедших из деревни, перекочовавших в город. Такие сообщества существовали в 1930-е годы (Витухновская 2000а и 2000б, Герасимова и Чуйкина 2000), и затем они вновь появились в последующие годы. Мигранты 1950-х годов «оставались полукрестьянскими-полугородскими». «Вступая в брак... искали себе «ровню», т. е. супругу (или супругу) из той же среды, с теми же взглядами на жизнь» (Малышева 1996: 81). В таких семьях супруги предпочитали, чтобы женщины не работали или работали в частном секторе (нанима, домработницами), и это считалось в этих сообществах «нормой», что не соответствовало доминирующему гендерному контракту «работной матери» (Temkina and Rokitch 1997).

В-третьих, представители университетской и академической среды, потомки «старой интеллигенции», пытались сохранить свое отличие от «советской интеллигенции». В семьях, принадлежавших к этой среде, был в целом более силен контроль со стороны старшего поколения, существовало предостережение о «мезальянсах», предъявлялись требования интеллигентности партнера, воспитывались ориентации на прочность брака.

Описание социальных сред, которые в советской системе стратификации принадлежали к «исполнительским слоям», но не разделяли широко распространенные в этом слое нормы повседневной морали и следовали своим собственным нормам, привнесено в качестве примера и не исчерпывает всего разнообразия социальной жизни.

Заключение

Характерный для советского государства принцип регулирования сексуальной жизни, сформулированный в лозунге «быт неотделим от политики», нашел отражение в идеологии и пропаганде, в законодательстве и отчасти в организации повседневной жизни населения.

Советская государственная идеология утверждала, что социалистическое общество характеризуется новым, по сравнению с капиталистическими странами, типом семьи и новой моралью. В рамках марксистско-ленинской теории это связывалось с господством общественной формы собственности при социализме и соответствующим ей общественным сознанием народа. Согласно идеологии и пропаганде, в сознании социалистического человека общественные интересы должны были преобладать над личными. Коммунистическая мораль должна была регулировать все сферы жизнедеятельности человека, и поэтому необходимо было ей соответствовать на производстве и в быту. Этот идеологический постулат стал обоснованием контроля государства за частной жизнью.

Исследователи отмечают, что государство соперничало с институтом семьи за преданность индивидов (Thompson 1991, Seigel 1968). В государственной семейной политике идеологический тезис о том, что частное есть политическое, отразился при принятии законов, в приоритете нужд государства, а не индивидуальных потребностей. Организация частной жизни должна была обеспечивать потребности государства в решении демографических проблем и обеспечении предпринятой женской рабочей силой. Американская исследовательница Г. Лапидус указывает на разительный контраст государственной идеологии и политики в сфере семьи в СССР и США. В США провагандировалось отхождение государства к семье как к частному, автономному институту, не доступному для прямого вмешательства. При этом роль семьи в саморегуляции индивида подчеркивалась всегда в большей степени.

пени, чем выполнение этим институтом задач государственной политики. Обеспечение нужд государства институтом семьи в США осуществлялось скрыто. В СССР, наоборот, семья открыто рассматривалась как возможный объект для государственного влияния и возможность воздействия государства на поведение граждан всегда публично обсуждалась (Laridus 1978: 233–234).

Благодаря значимости советских политических каналов социальной мобильности в СССР возникла система ведомственных поощрений-привилегий, доступ к которым зависел от членства в КПСС и от занимаемой должности, и эта система предопределяла неравенство в снабжении населения. Поэтому различия в организации повседневной жизни и быта (семейная жизнь, домашний обиход, проведение досуга и отпуска) были непосредственно связаны с политическими различиями, тем более что доступ к элитным благам покупался в том числе ценой соблюдения определенных правил поведения в частной жизни.

В условиях отсутствия свободы слова, открытого выражения политических взглядов и наличия государственной монополии на определение критериев «настоющего искусства» и «настоющей литературы» политическая и культурная оппозиция была полу-подпольной и преследуемой. Нелегальная политическая и культурная деятельность была неизбежно связана с семейной жизнью, поскольку она могла осуществляться исключительно в частных квартирах. В жизни противников советского режима советский принцип «быт неотделим от политики» проявился в полной мере.

Социологические исследования показывают, что большинство населения, вопреки официально декларируемым принципам патриархата общественных интересов над личными, в послевоенный период было равнодушно к общественным ценностям и направляло все силы и время на семейные дела и дружеские отношения (Shapentokh 1989). Повседневная жизнь советских граждан была, таким образом, в значительной мере отделена от политики, при этом контроль общества и государства за интимными отношениями в принципе оставался легитимным. Многими советскими людьми отношения между супругами и воспитание детей воспринимались как дела не только личные, но и общественные. Яркой иллюстрацией этого служат истории, рассказываемые в интервьюных мужей в партокм по месту работы даже в том случае, когда мужья были беспартийными. Другой иллюстрацией является язык

интервью о сексуальности. В этих интервью, особенно с женщинами, рассказчицы часто представляют себя жертвами обстоятельств, а не активными людьми, делаящими выбор или принимаящими решения. Эпизоды семейной и сексуальной жизни обычно описываются с использованием пассивного залога: «пришлось», «был(а) вынужден(а)». Вынужденность поступков представляется одним из лейтмотивов рассказов о сексе и семейной жизни советских людей.

Особенно starko позднего советского общества является то, что индивидуальный моральный выбор определялся в значительной мере сталинской «новой моралью», основным принципом которой на практике стало *подчинение обстоятельствам*, что разительно отличалось от идеологии Западного общества того же периода, где дискуссия о сексуальности была связана с проблемой *удовлетворения желаний*, порождаямких рыночной экономикой, и открытостью секса для публичного обсуждения.

© Чуйкина С., 2002

КРИЗИС СЕМЬИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ: БЕДНОСТЬ БЕЗ ЛЮБВИ В СЕМЬЯХ НУЖДАЮЩИХСЯ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

Светлана Ярошенко

По миру ходит обманчивая любовь.
Из беседы с информанткой

Задача исследования любви и сексуальности возникла в процессе изучения причин российской бедности и увеличения числа неполных семей, внебрачной рождаемости, появления («новых») форм организации семейной жизни (сожительства, пробных и непостоянных браков).

Вопросы исследования были сформулированы следующим образом: чем вызван кризис семьи среди бедных? Можно ли объяснить этот кризис специфическими отношениями между мужчинами и женщинами в этом социальном слое, в том числе особенностями сексуальных и семейно-брачных отношений?

От гендерной трансформации — к сексуальной революции?

Результаты исследований жизненных стратегий российского населения, проводимых в Республике Коми с 1994 года в рамках проекта по экономической инволюции в России, показывают, что социальные изменения имеют определенные гендерные особенности — так называемый гендерный уклон экономической инволюции. Авторами было отмечено, что развитие капиталистических (рыночных) отношений в современной России обусловило возrastание ответственности женщины за обеспечение и выживание семьи в условиях промышленного кризиса и перенесение цен-

тра экономики с производства на домохозяйство (Вигваоу, Кгоюу, Лукина 2000).

Вместо рынка с «мужским лицом», как признали многие исследователи, в экономике переходного периода наблюдается беспрецедентный рост женской активности (Stake 1999). Однако эта активность сконцентрирована в типично «женских сферах», малооплачиваемых и непрестижных, ситуации в которых оттощена экономически кризисом. Пока мужчины в поисках достойной работы практикуют мигрирующий вариант занятости и безработицу, женщины стремятся сохранить свои рабочие места, компетенцию низкоку зарплату социальными пособиями, родственным обменом и экономией. Повышение ответственности в вопросах хозяйствования и содержания семьи не сопровождается перераспределением обязанностей: быт остается женским делом. Традиционное разделение труда, при котором мужчинами ориентировались на активность, связанную с производительным трудом, а женщины — на социальное воспроизводство, утверждается, сохранив инертно исследовательской, только на этапе дальнейшей институционализации способа производства, в котором усиливается влияние домашнего хозяйства, а не оплачиваемой занятости как места солидарности и источника экономического выживания.

Изучая гендерные различия в стратегиях занятости работающих бедных и сходные тенденции среди семей зарегистрированных бедных нуждающихся, мы выказали предположение об обусловленности наблюдаемой трансформации гендерных отношений типетрфированным развитием советской модели полового разделения труда. Как оказалось, развитие рыночных отношений на настольном этапе привело к тому, что советская модель взаимной ответственности за содержание семьи и женской ответственности за ведение домашнего хозяйства трансформировалась таким образом, что ответственность женщины расширилась и на содержание семьи (Ярошенко 2001). Традиционные представления о реализации «мужской силы» в общественной сфере производства, отраслевые возможности выполнения социального заказа официальной идеологии, а также ущербная мужская позиция в семье привели к доминированию женщины в семье и исключению мужчин из семьи (Лукина 2001).

Исследования зафиксировали существенно трансформацию прежних форм организации хозяйственной и семейной жизни. Следует установить возможность обобщения данных, свидетельствующих об относительной экономической инволюции россий-

ского общества, точность диалогов феминизации кризисного общества (институционализации женской ответственности за разрушение прежних оснований жизнеобеспечения) и последствия таких процессов, как бедность, безработица и специфика страстей выживания. Вполне возможны преувеличения, вызванные, в частности, тем, что выволды базируются на исследованных анклавах бедности. Однако следует признать, что, несомненно, выявлены тенденции, существенно меняющие жизненный уклад россиян.

Центральное место домохозяйства в происходящих изменениях, а вместе с тем увеличение числа разводов и семей, возглавляемых женщинами, делает актуальным анализ внутрисемейных отношений, сферы интимных и сексуальных практик. Как правило, закрытая от взгляда стороннего наблюдателя эта часть повседневной жизни трудно доступна для изучения. Исследования приватной сферы часто подвержены стереотипам и опасениям в доступности вторжения социолога в частную жизнь, включения ее в общественный дискурс¹. Риск усиления контроля и управления частной сферой создается исследователями наряду с признанием наследия так называемой либеральной сексуальности советского периода: не проторенного опыта любви (секса) в частной жизни, сопровождаемого недостаточной институциональной рефлексией этой сферы социальных отношений (Здравомыслова 2001).

Проводимые исследования сексуальности в России преобладают проблеме уклонения и искажения. Они раскрывают уклонения в существующих представлениях и практиках любви культурные основания для рефлексии (Кон 1997), рассматривают, каким образом сексуальное поведение, предписываемое и оцениваемое группой, создается во взаимодействии сексуальных дискурсов и практик (Темкина 1999б). Рассуждения о конструировании сексуальности, как правило, касаются стелени революционного преобразования «нормальных» или социально одобренных типов сексуальности: гетерогенных, репродуктивных, некоммерческих и парных отношений. Однако конструирование сексуальности в России как процесс становления и изменения

нормы видится весьма противоречивым из-за своеобразия русской сексуально-эротической культуры, соединившей в себе «пatriархальность и женственность, бестелесную духовность и бестыдную похоть» (Кон 1997: 20). Исследования так называемого полового вопроса в России конца XIX и конца XX веков не избежали отмеченной выше поляриности, обозначая координаты российской сексуальности внутри противоречивой традиции.

Сексуальность признается полуболезненной сферой (Здравомыслова 2001), вытесненной на периферию общественной жизни, при либерализации сексуальных отношений отмечается живучесть традиций негитивного восприятия секса, женщины активно обсуждается «мужской вопрос» (Rokitch 2000: XI), романтическая любовь считается значимой категорией представления сексуальности. Несмотря на различия в предмете исследования и подходах, авторы признают специфику современной сексуальной культуры, обусловленную российской и советской традицией, а также постсоветской практикой либерализации сексуального поведения. До сих пор сохраняются черты репрессированной сексуальности: советской традиции ханжеского отношения к сексу; исключительно репродуктивной сексуальности, подразумеваемой продолжение рода и улучшение демографической ситуации в стране и, не в последнюю очередь, реализацию идеологического заказа. Признается отграниченное судствование автономной сексуальности, реализуемой вне семейных практик. В то же время выявляются признаки нового, особенно в молодежной среде (Омельченко 1999а), где имеют место множественные и противоречивые сексуальные практики, далеко выходящие за рамки традиционно дозволенного и принятого. Молодежь находится в авангарде сексуальной трансформации, однако не является единственным источником и движущей силой новых практик.

В данной статье мы рассмотрим конструирование отношений между полами в сельских семьях мужьями. Учитывая методологические ограничения, связанные с изучением отдельного случая, в том числе при исследовании одной категории населения — бедных, мы не претендуем на генерализацию представленных выводов. Попытаемся рассмотреть, каким образом выявленные тенденции феминизации выживания среди бедных отражаются на семейных отношениях и сексуальном поведении людей, принадлежащих к этой социальной категории.

¹ Данная проблема активно обсуждалась на конференциях «Гендер и сексуальность», организованной телдерным центром Европейского Университета в Санкт-Петербурге и проходившей в период 19...21 января 2001 года, участницей которой мне посчастливилось стать.

Методология и метод

Исследование проводилось среди зарегистрированных бедных жителей города и села на Севере². Данная статья построена на материалах изучения сельских жителей с низким уровнем дохода³. Используемая методология — *semi-structured interviews* — предполагает изучение различных сторон жизни жителей конкретного поселения с помощью методов интервью (как в семьях, так и на рабочем месте) и включенного наблюдения.

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе анкетировались разные способы определения бедности: с помощью официального и общественного признания, а также самоидентификации. Была предпринята попытка определить точки и зоны пересечения различных идентификаций и выделить реально социальную группу бедных жителей села.

На втором этапе исследования было отобрано несколько семей (по выделенным критериям) и проведено интервью в 15 типичных бедных сельских семьях. Вопросы пути развития интервью были сфокусированы на истории семьи, организации обеспечения, стратегиях выживания, ответственности нужды.

На основании полученных данных были определены четыре варианта (случая) организации семейной жизни среди семей сельских бедных:

1. Два работающих супруга и трое детей (полная многодетная семья): Жена 1965 года рождения;
2. Один кормилец и двое детей (неполная семья): Вали 1974 года рождения;
3. Двое работающих и двое детей (сожительство): Сапа 1966 года рождения;
4. Одинокий мужчина: Алексей 1961 года рождения.

Каждый из этих случаев демонстрирует специфические отношения между партнерами в условиях материальных, пищевых и рассогласование с принятой нормой организации брачно-семейных и сексуальных отношений. Первый вариант представ-

² Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Сороса (RFSF, № 1273/1999). Проект «От достойных бедных к андерклассу: практика социального исключения в условиях переходной экономики России» (1999—2001).

³ Я благодарна и признательна Т. Лягвиной, Н. Романчук и Е. Омеленко за дружеское участие, поддержку и замечания.

ляет собой типичную семью из двух работающих супругов (кормильцев), сексуальные отношения между которыми наиболее близки к социально одобряемой норме и устойчивейшей практике. Второй и четвертый варианты описывают противоположные практики сексуальности в неполных семьях. Промежуточным между этими крайними типами является третий пример предопределения рассогласованности между одобренным сексуальным поведением и характером сексуальных отношений, выстраиваемых в ответ на ограниченные возможности реализации в бедных семьях высокозначимых норм мужского бредвиенства.

Изначально сексуальность рассматривалась нами как аспект семейных отношений на разных этапах существования семьи. Особое внимание в разговорах и интервью с информантами уделялось истории семьи, отношениям между супругами, любви. Respondенты сами, без подсказок или навязанных вопросов, описывали свои отношения с партнерами.

В ходе дальнейшего исследования и более близкого знакомства с опрошенными менялся перечень задаваемых вопросов, касающихся непосредственно сексуальности: от обсуждения отношения информантов к сексу в семье, вне брака или вне любви, а также рассуждений о смысле (образцах) сексуальности в повседневной жизни переходили к разговору о практике сексуальных отношений с партнером(ами). Бесед, как правило, основывалась на уже известных деталях семейной биографии. В этом смысле рассказы и обсуждение сексуальных отношений тесно переплетались с рефлексией о семье. Наконец, был составлен путеводитель интервью с различными блоками вопросов о сексуальности. Пока он используется в исследовании городских семей, а затем будет апробирован в сельских семьях.

Данная статья основана на результатах первых двух этапов исследования и предлагает углубленный и расширенный анализ сексуальности в семьях нуждающихся сельских жителей. Сексуальность понимается как предельная, ожидаемая, распухшая, действительная, идентичность и знания у мужчин и у женщин относительно взаимоотношений полов. Расширенное толкование сексуальности, выходящее за пределы категоризации генитальной связи между двумя личностями, обусловлено как характером рассуждений информантов о половых отношениях, так и исследовательским интересом к объяснению связи доминирующей политики сексуальности, признающей нормальными только брачные и моногамные отношения, с повседневными практи-

ками реализации сексуального влечения. Предполагается, что изменения ожидаемого сексуального поведения, их интерпретации и оценки конструируют новые типы сексуальности. Механизм конструирования связан с изменением сексуальной нормы как в поведении, так и в интерпретациях. Дискурсивное согласие относительно дозволенного выстраивания интимных отношений вне семейного опыта усиливает позиции иной нормы, делаая ее приемлемой и привлекательной.

Для данного исследования сексуальности было выделено три ключевых группы индикаторов, которые отражают взаимосвязь сексуального поведения и организации семьи: выбор супруги/партнера; чувственность/желание; семейные/сексуальные практики. В каждом случае анализируется соотношение структуры удовольствия (желание) и структуры доминирующей политики сексуальности (идеологии семьи) на основании рассказанных сексуальных историй и их интерпретаций различными сторонами.

Теоретические рамки (кавалу) обсуждения задают представления исследователя о логике сочетания внутренних и внешних оценок складывающихся сексуальных практик в сельских семьях нуждающихся в условиях социальной и гендерной трансформации. В период экономических лишений и бедности расширяется допустимые рамки признанных приемлемыми сексуальных отношений. Проблемная ситуация усиливает рассогласование гендерных и сексуальных предписаний, стимулирует появление и обоснование новых форм сексуальных отношений. Высокая значимость мужского бредвищества как основания прочной семьи не может не сказываться на характере семейных уз и интимных супружеских отношений в случае неэффективного выполнения мужскими роли кормильца. Представляется, что несоответствие мужского поведения гендерным ожиданиям создает основания для повышения автономности сексуальной жизни, связываемой с удовольствием, а не с семьей или гендерными ролями.

Задача исследования — выявить, насколько вектор сексуального поведения выражается в направлении автономизации сексуальной жизни под воздействием увеличения числа неполных семей и экономических лишений, а также рассмотреть, каким образом сочетается патриархальная крестьянская традиция полной многодетной семьи с сексуальными отношениями в «культуре бедности», предполагающей взаимопомощь в рамках семейного клина, а потому усиливающей социальный контроль над сексуальным поведением.

Исследование показывает, каким образом действует механизм «двойного отрицания» сексуальности как частной, автономной сферы личного желания и удовольствия. С одной стороны, автономная гендистическая сексуальность отвергается крестьянской средой, ориентированной на охранение традиций, с другой — автономная сексуальность отвергается и вытесняется на периферии семейной жизни зоной бедности, отгороженной экономическими проблемами выживания.

Социальный и гендерный контекст сельской бедности

Включение сельских бедных в призматического исследования неслучайно. Именно крестьяне, особенно на Севере, оказались заложниками экономического реформирования и внедрения «дикого» рынка, исключившего из поля зрения государства все экономически нерентабельные, ранее лояционные, а теперь депрессивные (небагополучные) отрасли народного хозяйства. Ситуация выпадения или исключения из новой рыночной экономики лишь развила наследие советского прошлого, в котором российская деревня, несмотря на дозвук смычки села и города, оставалась на периферии государственных интересов⁴, а жители деревни оказались в числе наименее обеспеченных россиян.

Исследование среди сельских бедных было проведено в поселке Койгородок — районном центре Республики Коми с численностью населения 3 тысячи (из 11 тысяч человек в целом по району). На порог третьего тысячелетия основу экономической базы района составляют лесозаготовки и сельское хозяйство, типичные отрасли для южных районов Коми. Старейшие и единственные в республике металлургические заводы уже давно не работают из-за отсутствия сырья. Лес — единственный ресурс района — с конца 1990-х годов стал вновь востребованным, и район на новой

⁴ Нестратегическую позицию и исключение сельского хозяйства отчасти демонстрируют данные официальной статистики о среднемесечной номинальной начисленной заработной плате работников предприятий и организаций по отраслям экономики Республики Коми с 70-х годов по 90-е годы включительно (сельское хозяйство наряду с культурой и обрабатыванием на протяжении трех десятилетий оставалось самой низкооплачиваемой отраслью): заработная плата в сельском хозяйстве в 1970 году составляла 126 руб., а в промышленности — 218 руб., в управлении — 185 руб.; в 1990 году эти показатели, соответственно, составили 334, 464 и 451 руб.; в 1999 году — 1010, 3507, 2680 руб. (Статистический ежегодник РК 2000: 86).

волне лесозаготовок стал развиваться. Однако восстановление лесопрохозов, выразившееся в наращивании объемов промышленной продукции и преодолении их убыточности, не сопоставимо по масштабам с советским периодом, а потому не сыгло экономическими проблемами. Препринимательство, так же как и самозанятость, развиваются слабо и не могут стать альтернативой промышленному производству или совхозам. По уровню бедности район не выделяется на общем фоне региона. Доли бедных по статистике составляет около 20% от общей численности населения, что соответствует средним данным по региону и Российской Федерации в целом.

Согласно вышестоящей и общинной номинации сельские бедные — это люди, выпавшие из привычного крестьянского уклада жизни и ведения хозяйства. Выделяются два варианта такого исключения. Первый связан с определением бедных как людей, находящихся в ситуации длительной безработицы или имеющих низкую оплату труда. Поскольку совхозы и оплачиваемая занятость на тождественных предприятиях сделали личное хозяйство зависимым от ситуации в сфере оплачиваемой занятости, то «выпавшие» с рынка труда стали испытывать серьезные трудности в поддержании подвора. Другой вариант исключения связан в глазах сельской общины с ответственностью с «апокалипсисом» поведения. Определение бедных в этом случае очень близко к их «традиционному» отождествлению с большими, лентяями, преступниками и прочими социальными элементами, не способными заниматься хозяйством и вести приличный образ жизни. Если такие бедные, известные на селе «я пидо», так же как их проблемы, стигматизируются сообществом, то остальные оцениваются сельской общиной в понятиях приличной (принятой или достойной) бедности.

Среди «достойных» бедных, согласно статистике и визуальной контроле, наблюдается гендерная диспропорция: растет число неполных семей и семей, возглавляемых женщинами. Причем такого рода тенденции просматриваются на фоне сохранения традиционных патриархальных представлений об организации крестьянского хозяйства, основу которого составляет кооперация полов и мужская сила. Следует отметить, что история советского села: раскулачивание, коллективизация, военная и трудовая мобилизация крестьянства — не раз актуализировала женское выживание, перенос ответственности за обеспечение и ведение хозяйства на женские плечи. Тем не менее мужское участие в крестьянском хозяйстве, прочный брак и полная семья всегда признавались несоб-

ходимыми условием его развития. Об этом и сейчас много и охотно рассуждают наши информанты, в то же время признавая, что из-за «неадекватности мужчин», обусловленной разнообразными причинами, сельским женщинам приходится надеяться только на себя, создавая при этом, что жить отдельно от мужей на селе проблематично: «Мужчины пьягу, но без них на селе никак нельзя».

В нарративах предстателей всех поколений встречаются рассуждения о мужской неадекватности и выработке определенной политики поведения женщин как реакции на это явление. Как правило, предстатели старшего поколения рассматривают неадекватность мужчин как наименьшее зло по сравнению с одинокой жизнью женщины и хозяйствованием без мужчины в семье: «Мой тоже пил, на стороне гулил, а сейчас парализован» (Федорина 1930 года рождения). Похожие установки сохраняются и у женщин среднего поколения: «Я его сама выбрала ... Уже знала, на что шла, повтора судьбу родителей» (Маши 1950 года рождения). Младшее поколение демонстрирует большую независимость, отказываясь сохранять стигму-хво в конфликтной ситуации во имя сохранения семьи как ячейки хозяйственной самостоятельной жизни: «Лучше я одна буду жить» (Валя 1974 года рождения, одинокая мать двух детей) или «Ухожу к маме, если шумит» (Виталий 1967 года рождения, сожитель, отец двух детей).

При этом сельская община, достаточно активно вмешиваясь в жизнь и контролируя нормы «приличной» жизни, вполне лояльно расценивает такое поведение в отношениях мужчин и женщин. Семейное разлучение становится обычным и не порицается. Родители принимают великовозрастных детей, соседи оказывают поддержку одиноким женщинам в решении хозяйственных проблем, наем работников для выполнения трудовых работ становится обычной практикой одиноких женщин, а сожительство, внебрачные рождения и амплуа не осуждаются столь сурово, как прежде.

В условиях размытости понятия «частной» жизни на селе, продолжающих традицию нечеткости границ между частным и общественным в российской и советской культурах (Кон 1997: 14), такая терпимость демонстрирует особую организацию социальных институтов и опыт повседневной жизни. Как и прежде, крестьянская община не допускает закрытости и ограничивает возможность автономной сексуальности контролем и унификацией бытового поведения. Однако новые обстоятельства вынуждают признавать приспосабливаемые нарушения прежних оснований добродетельной сексуальности.

В ходе интервью одной из основных причин принятия новой практики хозяйствования и организации семейной жизни называлась проблема пьянства, причем — не только мужского. Выказывания типа: «Через двор пьянот», «что еще остается делать на селе», — обозначали особенность сельской жизни. Пьянство здесь стало серьезной социальной проблемой, прочно вошедшей в крестьянский быт и качество способа времяпровождения и своеобразной формы оплаты труда. Только в своих крайних проявлениях: алкогольной зависимости и вопиющей бедности, — эта практика массового исхода от унылой действительности порицается и осуждается.

Однако нормализация пьянства — это только одна сторона семейной жизни. Рост терпимости к внебрачным рождениям, сожительства, адюльтеру, разводам и неполным семьям отражает формирующиеся и распространяющиеся практики сексуальных отношений. Нормы «хорошей» сексуальности, реализованной в браке и полной семье, серьезно пострадали под воздействием складывающейся практики выживания в сельских семьях в целом и среди сельской бедноты в частности. Активными агентами формирования новых форм семейных отношений становится государство и его современная политика социального обеспечения (постсубсидия).

Конструирование «женской» семьи как одобримой формы хозяйствования, зависимости и сексуальности

Предметом нашего исследования сельского интервью стали домохозяйства, возглавляемые женщинами, из числа зарегистрированных нуждающихся в Сыктывкаре и Койгородском районе в 1997—1998 годах. К этим домохозяйствам мы отнесли те, которые состояли из одинокие женщины и одинокие матери, а также полные семьи с работающей женщиной и безработным мужчиной. Переход в сторону «женских» домохозяйств среди зарегистрированных бедных обнару-

⁵ Эти тенденции позволяли демографам связать проблему «деформации брачно-семейных отношений в Республике Коми». По их мнению, об этом свидетельствуют высокие показатели разводимости: вероятность развестись к концу репродуктивного периода имеют приблизительно 63% мужчин и 73% женщины в городском месте и около 33% мужчин и 45% женщины в сельской местности. Важными в этом отношении становятся и высокие показатели мужской смертности (причем на селе они выше, чем в городе), приволящие к высокому уровню женского вдовства, а также высокий процент внебрачных рождений. Как отмечают местные демографы, в настоящее время более трети детей в республике, а в сельской местности — более 40% — рождаются вне зарегистрированного брака (Юлова 1999: 82).

жилась сразу: больше половины всех семей в городе (53%) и более трети в селе (35%) оказались неполными⁶. Учитывая также одиноких женщин и полные семьи с работающей женщиной и безработным супругом, доля таких семей в городе составила около 70%, а на селе — примерно 50% всех семей официальных бедных. В таблице 1 на основании данных о составе нуждающихся семей и занятости супругов представлены «гендерные» характеристики семей. Таким образом, мы стремились выявить под ответственного за обеспечение семьи, т. е. базовую категорию для анализа повседневных практик организации семейной и сексуальной жизни нуждающихся.

Таблица 1
Гендерный профиль ответственных за обеспечение в нуждающихся городских и сельских семьях

Ответственные за обеспечение семей	Город		Село	
	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %
Одинокие женщины	566	8,2	36	5,5
Одинокие мужчины	179	2,6	33	5,0
Одинокие матери	3751	54,1	235	35,7
Одинокие отцы	119	1,7	4	0,6
Супружеская пара, возглавляемая занятой женщиной	483	7,0	45	6,8
Супружеская пара, возглавляемая занятым мужчиной	460	6,6	92	14,0
Супружеская пара — оба супруга работают	1052	15,2	155	23,6
Супружеская пара — оба супруга не работают	318	4,6	58	8,8
Всего	6928*	100	658**	100

* Не вошли 160 семей с отсутствующей информацией о занятости.
 ** Не вошли 9 семей с отсутствующей информацией о занятости.
⁶ Для сравнения, доля неполных семей в Республике Коми, согласно официальной статистике, в 1994 году составила 15% (Женщины и мужчины Республики Коми 2001: 9).

Следует отметить сходство данного феномена женского «пауперизма», т. е. преобладания женщин среди официально признанных нуждающихся, с ситуацией, предшествовавшей обрзозованию первых национальных рынков труда (Polanyi 1957; Деван 1991: 156–192). Классический проект современности утверждался в условиях минимизации государственного вмешательства и защиты моральных принципов при рыночном обмене труда и капитала. Однако такое вмешательство было постоянным при создании условий «свободного» обмена. Оно основывалось на трудовой этике и патриархатности. Трудовая этика подразумевала необходимость труда для обеспечения средств существования; продажа рабочей силы деспособными гражданами становилась основным условием безбедного существования, а предоставление помощи было возможно только недееспособным. В свою очередь, патриархатность подразумевала мужскую ответственность за содержание семьи, а потому отнесение одиноких женщин к числу недееспособных соответствовало стереотипам существующей гендерной культуры.

Современная система социальной защиты в России и Республике Коми конструирует гендерно специфический образ «достойного бедного». Как правило, как нуждающиеся регистрируются те члены семьи, которые имеют преимущественно в получении такового статуса (гражданский ресурс)⁷ и которые отвечают за дополнительные источники пополнения семейного бюджета, связанные с экономией, личным хозяйством, родственным обменом или социальным пособием. В результате типичной «нуждающейся» семьей согласно официальным данным регистрации является семья, возглавляемая женщиной из-за отсутствия супруга (неполная семья) или его незанятости.

Не только «беспристрастная статистика», но и практики государственной благотворительности фиксируют гендерную асимметрию на селе:

«Женщины чаще приходят регистрироваться, потому что мужская часть обычно просит, они же сильный пол, кормильцы» (из интервью с заведующей отделом пособий и социальных выплат в селе).

⁷ Чаще всего это матери-одиночки. Примечательно, что бывают случаи, когда «бедного» одинокой мамы уже создал свою семью, но еще не достиг совершеннолетия, а потому считается частью материнской семьи. В других случаях статус совершеннолетних одиноких матерей распределяется на родительскую семью.

По наблюдениям социальных работников, женщины из сел и поселков (лесопунктов) различаются в своих реакциях на поддержку выплата пособий или на отказ в получении статуса нуждающихся. Женщины из сел смиренно говорят, что «придется кормить своим», т. е. рассчитывают на собственные силы, а женщины из поселка требуют справедливости и спрашивают: «Почему не дали?». Такого рода различия в реакциях объясняются разными установками на замещение государством мужчин-кормильцев: крестьянки, как правило, в меньшей степени рассчитывают на поддержку государства, нежели женщины в лесопунктах. Жительницы лесных поселков пережили более длительную практику зависимости: в советские времена часто были домохозяйками или работали подсобными рабочими, а теперь попали под сокращение и стали безработными. Поскольку у поселковых женщин нет подопытной специальности, то им трудно рассчитывать на новую работу и даже на пособие по безработице. Личное подворье не рассматривается как альтернатива государственной поддержке, так как в отличие от деревни здесь не было принято вести хозяйство, да и государство наз застройка таких поселков бараками без земельных наделов не способствовала росту хозяйственной инициативы.

Таким образом, особый контекст семейных и социальных практик формируется под воздействием двух групп условий: с одной стороны, идеология государственного патриархализма реализуется в протекционистской политике опеки одиноких матерей, выделения детских пособий только бедным, с другой — возрастает ответственность женщин за семью, усиленная экономической инволюцией.

Вместо общества широких социальных гарантий (государственной социальной поддержки) формируется институт женского попечительства. Женщины делают ответственную за воспроизводство. Политика складывается росийского варианта социальное ориентированного государства (постсоевса) и его проявление в других формах социальной организации, в частности во взаимоотношениях полов, наиболее ярко проявляются в неполных семьях.

Одинокие матери: женщины и «мужской вопрос»

Рост числа неполных семей в целом и среди признанных бедными в частности отражает терпимость общества к внебрачным отношениям, что в деревне является неотъемлемой частью в организации интимной жизни. Конечно, неполные семьи и жизнь вне брака — это не постперестроечный феномен или атрибут, сопут-

ствуюший лишь безнормости. Однако общественное признание и легализация таких отношений — это приобретение последних лет.

Пример В., женщины 26 лет, добровольно принявшей решение о рождении ребенка и отказе от замужества с ненадежным супругом, демонстрирует расширившиеся границы личного выбора. С отцом своего первого ребенка В., на пороге своего семнадцатилетия, познакомилась на дискотеке в соседнем селе. «Особой любви не было»; влечение и интерес к ухажеру вскоре привели к интимной связи. Отношение к сексу как форме досуга, распространенное среди деревенской молодежи, не связывалось напрямую с браком. Сексуальная близость казалась естественным продолжением знакомства, а беременность — возможной платой за живучие, но довольно дремучие традиции предохранения:

И.: Предохраняться, может, надо было?

В.: Предохраняться? У нас не каждый хочет. Народ темный. Вон соседку муж побил за то, что она таблетки противозачаточные пила. Он же даже не подумает, что это от него предохраняется: считает, что изменят.

Нежелание мужчин использовать доступные контрацептивные средства, наложив на природу и женскую предпримчивость дополняются специфическим женским опытом контроля репродуктивной сексуальности: абортами, вынужденным замужеством (женильбой) или одиночки материальным — методами «шпанирования семьи», испытанными поколениями. В. решает оставить ребенка, сообщив об этом партнеру, который, как принято в таких ситуациях, предвзвешивает В. руку и сердце. Но и это решение В. тоже исполнила: «Замуж идти за него не захотела: он уже тогда пил». Она предпочла одинокое материнство. За одобрением своего поступка В. обращается к матери, от которой ждала поддержки и помощи:

«У-то чувствую, но она не показывает. Мне кажется, что любой матери хочется, чтобы дочь замужем жила, а не так рожала. Она, наверное, тоже видит, какие мужичины стали ненадежны. Сначала она все ждала, что я замуж выйду. Она некогда раз у меня спрашивала: "Ты выйдешь, нет?". Я уже кому отказала: сказала, не выйду. Она потом подумала, подумала. Она с отцом прожила 40 с лишним лет. О покойниках, конечно, так не говорят, но она плохо жила с ним. Очень плохо жила. Она мне и сказала: "Лучше одной жить, чем вот так, как я прожила всю жизнь. Лучше одной жить". Поэтому она, может, еще из-за этого не настаивала. Конечно, тяжело. Если еще и вывет, и

руки начнет пускать, так это вообще — никакой жизни. Здесь уже ничего и не сделать».

Материнская забота о будущем дочери, а также безосновательные опасения за ее судьбу, вытекавшие из собственного опыта и наблюдений за семейными неудачниками своих сыновей и одноклассников, вылились в одобрение дочернего решения.

Следующим шагом в стратегии самообеспечения и легитимизации положения матери-одиночки стало устройство на работу с целью заработка, получения декретных и детского пособия. Еще до рождения первенца В. успела закончить педагогический колледж и по совету подруги и благодаря ее содействию поступила на работу воспитателем в детский сад. С рождением ребенка В. получила стипендию одинокой матери и право на социальное пособие. Таким образом, началась история одинокого материнства и выстраивания сексуальных отношений через выбор предпочтений: брак или самостоятельную жизнь В. — роман с женатым мужчиной и рождение от него ребенка. Местом знакомства опять-таки стала клубная дискотека, а инициатором — мужчина, «разогнавший всех ухажеров». Как и с первым мужчиной, секс представляется реализованной желанием и отделяется от любви: «Антипатия особой не было. Может, это — судьба? А где друзей найдешь?». Сексуальность описывается как физическая потребность, а не удовольствие. Трудно себе представить большое и продолжительное удовольствие от кратких встреч в тесной комнате общежития с двумя детьми, один из которых — грудной. Но такая связь желанна уже потому, что удовлетворяет сексуальное влечение, а также желание иметь рядом, хотя бы в постели, сильное мужское плечо. Единственным условием встречи становится преданность любовника: «Я бы почувствовала, если бы он изменил. И закрыла бы дверь». Жена не распеняется как соперница. И хотя традиционная семья остается идеалом, брак признается недостижимым уже по другой причине: нежелание рушить семью мужчинами.

И.: А не хотели бы за него замуж выйти?

В.: А как? У него же своя семья есть. Я так не могу. Женски я хорошо приспособилась. Подумано, когда хочу, и его кормить и одевать не надо, как жене. И ему хорошо: есть любовница.

Основным лейтмотивом, определяющим сексуальное поведение, является декларированная независимость от мужчин и противопоставление себя замужним женщинам: «В 25 лет она, как ста-

руда. Я говорю ей: "Тебе свобода не хочется, как у меня? Куда хотела, туда и пошла".

Свобода в данном случае предполагает определенную независимость в организации сексуальных отношений с любовником: секс отделяется от привычных семейных отношений и организации быта. Сексуальные отношения выстраиваются исходя из желания обеих сторон, которое в рассууждениях заменяет категорию уважительности. Однако внешний контроль за сексуальным поведением сохраняется. Нарушение определенных социальным директив в отношениях между полами наказывается, причем в отношении женщин контроль жестче. Нетласное признание сельским обществом внебрачной сексуальной жизни одиноких и семейных мужчин и женщин, тем не менее, требует соблюдения тайны или секретности в каждом конкретном случае. В условиях деревни, где слухи распространяются очень быстро, нормой является утаивание (сокрытие, неафиширование) внебрачных сексуальных связей, осуждается демонстрация и признание фактического проживания мужчины в двух семьях, отповедства за пределами официальной семьи.

«В селе таскаете там, что все на виду. Идешь по улице — смотришь с упрямом. Я бы ужасно туда, где никто не знает. Если от женского родила, то можно всю грязь вылить! Такое говорят!!! Мужик и в лицо сказали. Тут вина егоная: он никогда не скрывал, что ко мне ходит. Он не скрывал, что от него будет ребенок. Тут в Койгородке такое еще не было, что в открытую женский мужчина гуляет с другой, да еще ребенка своим признает».

Представления о сексуальности бедных сельских женщин тесно переплетаются с их оценками существующих практик отношений между мужчинами и женщинами. Измены, пьянство и экономическая несостоятельность мужчин представлены в нарративах как обоснования преимуществ одинокого материнства и «секса по желанию». Незамужний статус компенсируется помощью государства, сокращением домашних забот и моральных терзаний по поводу ненадежности мужчин. Мужская амбициозность — одновременно открытое сосуществование в двух семьях, без претензий как со стороны жены, так и любовницы.

«Я не знаю ни одного мужчину, кто не гуляет. Есть такие, кто умеет скрывать "налево", и никто не знает. Вот почему и я еще не хочу замуж выйти. Гулять также будет. Рваности к отцу ребенка нет. Пусть материально помогает. Сейчас на мужика надежды мало, поэтому лучше жить одной. Так и материально, и

материально проше. Мужчины сейчас деформируются. А женщины, наоборот, превратились из домохозяек в тех, кто дом содержит. Мужики теперь в доме с детьми сидят. Их еще водка такими делает. Сейчас неправедливо еще то, что зарплату задерживают и она очень маленькая: ни на что не хватает».

Примечательно, что измены и (не)возможность выполнять мужчинами роль кормильца приводятся в одном ряду обстоятельств, оправаляющих стратегии матери-одиночки. С одной стороны, эти обстоятельства представляются как негативные характеристики современных мужчин на селе, препятствующие заключению браков и полноценной семейной жизни. С другой стороны, возможность материального обеспечения оценивается в числе приоритетных мужских достоинств и позволяет мириться с сексуальными похождениями «на стороне». Утрата способности содержать семью равносильна утрате мужского достоинства и привлекательности мужчины как партнера.

В доказательство правоты своей семейно-брачной стратегии В. ссылается на опыт братьев: один женат и работает в леспромхозе, но из-за проблем с алкоголем часто вынужден скрываться от гнева жены у матери, а второй — несмотря на преклонный для брака возраст (40 лет), живет вместе с матерью и нигде не работает.

И.: А почему не женитесь?

В.: А где сейчас найдешь, в деревне?... Так у них получилось. Они одни и прожигают. Да и зачем такие нужны?

И.: Почему так получается?

В.: Потому что работы нету тут.

Таким образом, согласно сообщением наших информантов, женщин, желающих связать жизнь с ненадежными мужчинами, становится все меньше, а это в условиях растущей безработицы и бедности ведет к предпочтению ими независимого безмужнего существования. В таком контексте сексуальность представляется естественной (природной) потребностью. В сексуальных отношениях инципалитва принадлежит мужчине, но организация собственной семейной жизни — это сфера, где решение принимает женщина. Секс выводится за рамки брака, и даже беременность не становится достоянием основанием для оформления отношений и создания семьи. Экономическая несостоятельность и ненадежность мужчин делает социальным приемлемым одинокое материнство и сексуальную связь с женатым мужчиной.

Легче отцы: мужчины и «женский вопрос»

Временность мужского участия в семейных и интимных отношениях демонстрирует также сожителство — другая распространенная форма семейной жизни и сексуальной реализации. Приведем пример.

С.: Мужчина 34 лет, живущий в незарегистрированном браке с матерью двух своих детей, не считает такие отношения прочными или обязывающими к постоянству.

И.: А как отношения с женой?

С.: *Бывает разное. Но если пылить начинает, то у нас разговор короткий и ясный: я ушел.*

И.: Куда?

С.: *Найду куда. К матери можно.*

Время совместного проживания этих партнеров продолжительное — около 12 лет. О знакомстве и создании семьи рассказал С. немножко иначе: познакомились после того, как он вернулся из армии, в клубе. На вопрос о том, чем погрязла будущая партнерша, ответил: «*Кто его знает, не помню... возможно, пьяный был для этого дела*». Совместное проживание началось с сожития партнерами о беременности. Они решили жить вместе без регистрации отношений. Какое-то время жили с родителями С., затем — в общежитии и наконец — в полупричастной от государства неблагоустроенной квартире. Все это время отношения выстраивались неровно: с разрывами, уходами к родителям. По мнению С., уход происходит по его инициативе в ответ на недовольство и претензии сожительницы. Недовольство касается отнюдь не сексуальной неудовлетворенности, а беспечности семьи. Причем, по словам С., начиная совместную жизнь, он ставил условие об ограничении выполнения этой части гендерного соглашения: «*Я своей ничего не обещал, ничего не говорил. Зачем мне обещать, если я не смогу?*»

В ситуации семейного конфликта временное разлучение — уход к матери — С. предпочитает уходу к другой женщине. С. исключает такую возможность как бессмысленную в его несоответственном положении. Совместное проживание в этом случае не предполагает романтизацию чувственной стороны отношений между партнерами.

И.: Любите жеу-то?

С.: *Поманет.*

И.: А она?

С.: *Я не спрашиваю.*

Репрезентации мужской активности и инициативы в сексе, инициативы в бытовых и хозяйственных вопросах.

В случае с Ю., одиноким сорокалетним мужчиной, ответственность за ведение хозяйства и содержание родственника принадлежала сестре: «*У меня у сестры все. Я ей помогаю, а потом иду и беру у сестры что надо. У нас тут негде хозяйство свое вести*». Работая, по собственному выражению, «диск-жokeм» в местном клубе, Ю. не мог обеспечить свою семью. По этой причине, по его мнению, жена вместе с детьми ушла к другому. Вот уже несколько лет он живет один, жениться не собирается, а предпочитает встречаться с одинокой женщиной, не претендующей на его независимость. Рассуждения о причинах нескладывающейся семейной жизни касались опыта — такти несоответствия былыми ожиданиям в роли кормильца. Пространные размышления были похожи на те, что высказал другой одинокий мужчина примерно того же возраста: «*Женщина есть женщина. Для того чтобы ее любить, ей надо что-то давать. А она, как бывает, захочет полюбить, захочет — нет*».

Сами мужчины в числе основных причин разрушения традиционных форм семьи и ослабления их инициативы в семье называют «отсутствие нормальных мужчин». По меткому выражению одного из информантов, «нормальный мужчина» — это не естественно, а конструируемая женщинами категория.

«*Де ты мужика нормального найдешь? Алкаша? На фиг он тебе нужен! Нормального, попробуй, найди! Женщины хотят хорошего поймай, а ты возьми алкаша и перевоспитай. А женщины лезутся. Дай ей хорошего! А где ты хорошего возьмешь, когда от безделья, без занятости, от всяких неинтересных вещей негде отдохнуть и пр.: один бар только натпется, молодежи что, только натпется... Они в принципе нормальные ребята. Они все мечтают о нормальной девушке, а когда у них нету, они начинают пить и все. А пить, характер здесь, я могу выпить три стакана и — нормальный, у меня стабильный характер. А некоторые два стакана и начинают сразу "дружить": черное на белое сразу меняют. Таких я терпеть не могу. Начинаям какую-то ерунду говорить. Это уже не стабильно. Вот таких надо провешивать. Как вывет, начинает "дружить", значит, будет тебя бить, и дупить, и прочее. Стабильно. Перевоспитай. Вместе выпили вечером, порботали... И вечером если выпил, и жена бу-*

дет ругать, это не серьезно. А эта за каждую стонку сожрет мужика. Это уже тоже — не женщина. Нельзя ругать за стол, если человек работает» (Михаил 1947 года рождения, женат, трое детей).

В этом фрагменте рассказчик приписывает женщинам ответственность за воспитание (конструирование) «нормального мужчины». В таком мужчине заинтересована и сама женщина: «Без мужчины на деревне никуда. Если есть хозяйство, то жгут сейчас вместе только из-за хозяйства, а не детей. Женщина бы давно уже ушла (ей тяжелее намного с ним жить), но никуда на деревне не уйдешь, его не выгонять, и хозяйство держит. И деньги нужны, чтобы уехать куда-то, и земля держит» (Женя 1966 года рождения).

Наиболее успешное конструирование семьи происходит по привычному сценарию: гибкое управление внутрисемейными отношениями, изоляция мужчин от мужских компаний.

«Но у нас такого нет, чтобы деньги на первом месте были. В первую очередь — лишь бы дети были здоровы. Муж, может быть, хотел бы устроиться на стабильную зарплату, но на селе куда устроишься? А с другой стороны, я не даю на него. Нам же все хозяйство. Я руководствуюсь тем, как мои родители жили: мама руководит исподволь. Ведь напрямую давление бесполезно.

Секреть пыталась командовать. Мы быстро ушли. Теперь она нет-нет и скажет с упреком: "Вам попробуй, что скажи". Честно говоря, секретови дом — это не мой дом. Там инциденты лучше не провялять. Но надо сказать ей (секретови) спасибо, потому что взяла я от нее многое. Год пошел на пользу: научилась хозяйство содержать. Правда, я не смогла так совсем: у нее накопительство на первом месте. Она очень оборотистая женщина. У меня такого нет. Я живу сегодняшним днем. А она все хлопочет: "Как вы будете дальше жить, если у вас этого нет, того нет..."

Еще я научилась, как не надо с мужем жить. Они хорошо живут, но в эмоциональном плане они живут плохо. У них манипуляции, давление. Она ругается, а он живет. Хотя вся мужская работа на нем, он все делает, но она все равно ругается. Мама — мозг, а он — безбрежный. Сестра мужа взяла ту же моду. И живут они с мужем не ахти как. У нас, у родителей, все равно отец — глава семьи. Хотя мама командовала, но вообще-то равноправие было. И мы с мужем так же живем. Я его исподволь направляю.

Он хозяйственный. Если сильно не давить, то... Вообще он добрый и глупый. К... оская, их порода» (Женя).

Приведенная цитата явно демонстрирует женский авторитет, стратегические функции и предпринимчивость в организации домашнего хозяйства, а также в решении возникающих материальных проблем. Роль мужчины ограничивается «сплошьными» сферами крестьянского хозяйства: строительством, ремонтом, земельными работами, уходом за скотом. Женская инициатива проявляется также в организации досуга:

«У нас много друзей, вернее — подружки моих. У него нет друзей, так как он не пьет. В его родительской семье не без урода: мой муж исключение, положительное исключение. Он читает, в волейбол играет, не пьет, не ругается. И как только такой вырос? Он был очень привязан к своей бабушке, что в Костромской области живет. Скорей всего, это ее влияние. Он и в садик не ходил. Каждое лето у бабушки проводил. А мне подружки помогают жить. Не могу без подружки и без чтива» (Женя).

Репродуктивный секс, женская инициатива и контроль за неодобряемыми саморазрушительными досуговыми практиками мужчин характеризуют данный случай семейно-брючных отношений в семье сельских белых. Главными становятся выгода и вследствие этого — необходимость поддержания союза. Не возникает сомнений в возможности другого сексуального опыта. Нет рефлексии на тему сексуальной идентичности.

Успешное управление внутрисемейными отношениями описывается как открытое давление на мужа и ругань. В результате возникает несоответствие ритмов хозяйственной и интимной жизни, когда семья сохраняется в первую очередь как хозяйственная единица, а не сексуальный союз.

Территория любви: к вопросу о сексуальности в культуре белности

Панорама семейной жизни на селе будет неполной без представления рассуждений наших информантов о любви, том чувстве, категоризация которого если не легитимизирует семейно-сексуальные отношения, то служит официальной формой репрезентации сексуальности.

Отношение к любви оказалось на удивление сложным в белых семьях всех поколений. Престарелая женщина, впервые увидевшая нами в помещении социальной службы, куда она прихо-

дидя «искать правду», встретились по дороге на интервью. Явно скучая без общения, увидел чужого (несельского), но уже знакомого ей человека, к тому же, в отличие от знающих ее селян, расположенного к беседе, начала задавать вопросы: «На сколько частей делится любовь?». Ответ про две части ее не удовлетворил. Оказавшись, по ее мнению, на три: безумная, верная, обманчивая: «*Но мир ходит обманчивая любовь. И у меня была обманчивая любовь*», — такой был вызов местной банженной.

В рассуждениях о любви мужчина и женщины часто ссылаются на быстротечность этого чувства, обычно заканчивающуюся вскоре после замужества или женитьбы.

«...Конечно, любил своего мужика. Как замуж выходи, так любил, конечно. Мужчины никто, на стороне зуют. Конечно, любви не будет. Мой тоже ниш, звал. Сейчас парализован» (Федорова 1930 года рождения).

Среднее поколение демонстрирует формирование особой привязанности к постоянным партнерам.

И: Жену любите?

М.: Если вместе ругаемся, значит, люблю.

И.: А она Вас?

М.: Конечно. Да если я уйду... Да если б она знала! Да попробуй уйди! Случайно. Если меня где-то нету, скучает. Если не дома, мне случино. Своеобразная любовь (Михаил 1947 год рождения).

Вопрос о любви, обращенный к молодому подвыпившему парню, работнику местного узда связи, вызвал у него недоумение, обиду и полонезрение в розыгрыше: «*За друга меня принимают?*». Оставя и выслушав объяснения, согласился говорить. Он предполагал, что именно сексуальные отношения являются убедительной демонстрацией любви.

Если старшее поколение о любви рассуждают как об условии секса, то младшие как о «валеологической» (забытой) форме отношений. В целом в деревне в семьях бедных сельских жителей проявляется атмосфера отсутствия и неприятия любви. О любви говорят, как о быстро проходящем чувстве, эфемерном, проявляющемся к отъезду от долга и нормы. Любовь приводит к жизни для себя, многие на селе не знают, как поступиться к этому явлению, как писать это чувство в установившейся деревенский уклад жизни.

Рассуждения же о сексе демонстрируют обратную межпоколенческую эволюцию: от асексуального поведения (секса, половенного семей) — к активизации секса вне каких-либо семейных и даже романтических отношений: «*Секса нет, а может и*

есть, да только я не знаю», — говорит Люба (1950 года рождения). Жена ее брата примерно такого же возраста бросила семью и ушла к любовнику, чтобы «пожить для себя».

Если к мужским похождениям «на стороне» в сельском обществе всегда относились с высокой степенью терпимости, то теперь снимаются требования девственности и эксклюзивно супружеской реализации женской сексуальности. Условием выбора партнерши становятся не только ее «хозяйственность», но и умение «приспособиться» себя, продемонстрировать определенный сексуальный опыт.

«Деревенские девки городских не хуже: все могут, все умеют. Красиво у нас: каждый кусок — дом родной, любил, хоть заблудись. А в постели? Так они, что городские, что сельские — все одинаковы. Только в городе все девки красятся. А наши парни ждут, когда из города новая учительница придет. Если ничего (хозяйственная и все может), так за ней будут ухаживать, а если нет, так надо такую девку, чтобы все могла. В деревне с ноггами нельзя» (Федорова 1930 года рождения).

Надо отметить, что на селе активно занимаются обсуждением сексуальных похждений, отмечая невозможность скрыться от общественного взгляда. «Тайный секс» возможен только на природе, вдали от общества. Предварительное знакомство с сексуальным партнером, даже временным и случайным, в рамках сельского (традиционного патриархального) дискурса о сексуальности очень важно. Деревенская среда формирует специфический тип сексуальных связей: выданных и обранных. Семья перестает быть эксклюзивным локусом любви и сексуальности. Однако формирование автономной сексуальности затруднено, поскольку сельское общество надзирает над сексуальными отношениями жителей.

Заключение

В условиях материальных лишений и увеличения числа неполных семей в сельском обществе меняются нормы сексуального поведения. С одной стороны, крестьянское общество допускает возможность внебрачных связей и рождений, а с другой — государство, выступая в роли колллективного супруга, берет на себя ответственность за содержание неполных семей. В повзрелой жизни происходит обоснование ненормативных сексуальных практик экономической состоятельностью мужчин и женской способностью «воспитывать» надежного мужчину-корильца. Принятие затруд-

нений на пути следования данным гендерным предписаниям опираясь в глазах общественности отделение сексуальной жизни от супружеских отношений в полной семье. Однако в сексуальных отношениях вне брака замена супружеских отношений партнерскими, чувственности (романтических чувств) — желанием предстает, скорее, как вынужденная мера. Сексуальность не становится приватной или автономной, поскольку выстраивается исходя из представлений о мужском бредивнерстве как основании прочных семейных уз и одобренных сексуальных отношений.

Экономические лишения оказывают существенное влияние на внутрисемейные отношения бедных и на внебрачные сексуальные практики. В крестьянской культуре в условиях современной экономической инволюции функциональная сексуальность и функциональное отношение к женщине как домашней работнице и матери трансформируется в признание женской ответственности за социальное воспроизводство. Сексуальность подчиняется функциям социального воспроизводства и опосредована гендерными отношениями: асимметричными, контролируемыми и конструируемыми сельским обществом и государством. Гендерная асимметрия проявляется в разграничении зон ответственности, вытеснении женской сексуальности в сферу ответственности за рождение и содержание детей.

Таким образом, в сельских семьях бедных происходит «двойное отрицание» автономной регионалистической сексуальности. С одной стороны, крестьянская среда, ориентированная на сохранение патриархальных традиций, ограничивает возможности реализации сексуальности как частной, автономной сферы личного желания и удовольствия. С другой стороны, материальные лишения в зоне бедности и феминизация выживания отщипывают сексуальность экономическими проблемами.

© Дрошенко С., 2002

ПОДРОСТКОВАЯ КОМПАНИЯ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ: СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУСОВКЕ

Екатерина Прушкарева

Введение

В статье представлены результаты case-study сексуальной культуры подростковой компании, идея которого возникла во время моего участия в проекте финского социолога К. Иккамаки «Установки молодежи на планирование семьи в Риге и Санкт-Петербурге»¹.

Отвечая на мои вопросы, относящиеся к сексуальному опыту и обрезованию, один из информантов часто упоминал о специфическом контексте любовно-сексуальных контактов — контексте отношений в дружеской группе («тусовке»). Я попросила моего собеседника помочь мне встретиться с его друзьями для проведения интервью.

Подростки данной компании собираются и вместе проводят свое время во дворах и подъездах одного из удаленных от центра районов города. Все они — из семей рабочих. Мое внимание, прежде всего, привлекли агрессивность презентруемой юношами сексуальности, неустойчивость гетеросексуальных связей и эмоциональная работа, которую совершают участники группы в своем сексуальном поведении для поддержания групповых норм. Норма сексуального поведения оказалась тесно связанными с ритуалами коллективной жизни группы, а последние определялись во многом социально-пространственной сетевой.

¹ Я проводила интервью с подростками 15—17 лет. В исследовании участвовали девятиклассники, обитавшие в Центре репродуктивного здоровья «Омега», а также юноши, встречавшие мной случайным образом на улице или через знакомых.

Объектом исследования является подростковая компания (ту-совка), а предметом — повседневные практики, устойчивые формы, которые приобретает сексуальность в подростковой группе, нормы сексуального поведения и взаимодействия, их гендерное измерение.

Теоретические основания исследования

Сексуальный сценарий и эмоциональная работа

Одной из теорий, в рамках которых сексуальность осмысливается как социальный феномен, является теория сексуальных сценариев, представленная в работах американских исследователей Е. Лаумана, Дж. Ганьона, Саймона (см.: Лаппан et al. 1994). Кульгура, по мнению этих авторов, предоставляет средства, с помощью которых люди конструируют сексуальное поведение и интерпретируют сексуальные символы и фантазии (Лаппан et al. 1994: 5). Основываясь на методологии символического интеракционизма и этнометодологии, авторы данной теории рассматривают сексуальные сценарии в качестве своего рода культурных инструкций, содержащих для человека ответы на вопросы: с кем, когда и где возможны проявления и реализация сексуальности (желания)? Что следует делать в этих ситуациях и почему? Данные инструкции становятся фреймом, организующим повседневные взаимодействия (интерперсональный уровень сексуальных сценариев). Они регулируют восприятие индивидуум ситуации, осмысление своей сексуальной биографии, наделение сексуальных фантазий определенным содержанием (интрапсихический уровень) (Лаппан et al. 1994: 6). В нашем исследовании предметом изучения являются устойчивые формы сексуального поведения и взаимодействия в малой группе. На основе их анализа будет реконструирован культурный сексуальный сценарий группы и «интерперсональные сексуальные сценарии» участников взаимодействия.

Е. Лауман и Дж. Ганьон, однако, практически оставляют без рассмотрения такую характеристику сексуальности, как экспрессивность и эмоциональность. Исполнители сексуальных сценариев, согласно их представлению, следуют предписаниям и испытывают сексуальное желание как бы автоматически после того, как становятся участниками определенной ситуации взаимодействия. Этот подход к исследованию сексуальности дает возможность ре-

конструировать различные сексуальные культуры, не уделяя достаточного внимания социальным отношениям (а именно, социальному контролю, отношениям власти), которые определяют сексуальность. Именно обращаясь к эмоциям, чувствам, экспрессивности — главным характеристикам действий сексуальных акторов, — можно увидеть характер социальных отношений, которые конструируют сексуальность, и обозначить собственно социальное измерение только культурологическое измерение в ней. В сфере сексуального взаимодействия отношения власти и социального контроля не видны, не видимы и часто не осознаны, поскольку они «спрятаны» в эмоциях и чувствах людей. Чтобы эксплицитовать властное измерение сексуальности, я воспользуюсь теорией эмоциональной работы, разработанной А. Хохшильд (Hochschild 1979).

Если авторы теории сексуальных сценариев задают вопрос: «Как социальные факторы обуславливают то, что люди чувствуют?», то А. Хохшильд добавляет к этому свой вопрос: «Как социальные факторы обуславливают то, что люди ощущают в своих чувствах и делаю, то, как они выражают свои чувства?» Представим себе случаи, когда чувства человека оказываются не соответствующими ситуации, а точнее — не соответствующими чувствам, считаемся легитимными, конвенциональными в некоторой ситуации. «Мы часто говорим о наших чувствах или о чувствах других так, как если бы права и обязанности апеллировали непосредственно к ним. Мы иногда считаем себя вправе или не вправе чувствовать злость по отношению к кому-либо, или нам говорят, что "мы должны быть благодарными", в других случаях нас могут упрекать за "нашу бесчувственность" и т. д.». (Hochschild 1979: 564). Теория эмоциональной работы А. Хохшильда дает возможность обсуждать сексуальность не только в категориях практик, норм, но и в категориях прав и обязанностей по отношению к сексуальному желанию, чувственности (папире чувств), удовольствию, т. е. тому, что человек имеет право и/или обязан чувствовать. «Разрешения и предписания, права и обязанности чувствовать и проявлять эмоции дают ключ к пониманию всей глубины социальных конвенций и глубины социального контроля...» (Hochschild 1979: 564). Категории прав и обязанностей относятся в данном случае, прежде всего, к повседневным правилам нашего эмоционального поведения, устанавливающим диапазон приличий, уместности, а также диапазон должностных проявлений чувств. Эти правила управляют нашими способностями и желаниями чувствовать и заставляют нас осуществлять «эмоциональную работу», кото-

раз часто нами не рефлексируется. «Эмоциональная работа — это действия, направленные на изменение степени и качества эмоции или чувства и приведение их в соответствие с эмоциональными конвенциями для некоторой ситуации... Это работа индивида над собой, над другими, а также других над индивидом... Работа может осуществляться в нескольких формах: когнитивной, когда осуществляется переопределение ситуации (подумать о чем-то по-другому); телесного контроля (например, не убогаться, не отворачиваться, когда что-то неприятно); экспрессивной (не плакать, а улыбаться; не показывать отвращения; демонстрировать равнодушие, когда испытываете влечение)» (Hochschild 1979: 561–562). Эмоциональная работа осознается в наибольшей степени, когда она выполняется, чтобы преодолеть разрыв между социальной конвенцией выражения чувств и испытываемыми чувствами. В этом случае приоритетом становится не право, а обязанность: впрочем, и обязанность тоже может не осознаваться как принуждение. Именно подвергнув критическому анализу эмоциональную работу в сфере сексуальности, мы можем эксплицировать в сексуальности гендерные отношения и связанные с ними отношения власти в их наиболее латентном и предельном осуществлении².

Одним из способов увидеть социальное измерение сексуальности является выявление различий в сексуальном поведении, моральных правилах и нормах различных социальных групп. Такую возможность дают, прежде всего, массовые опросы. Приведем некоторые данные, важные для нашего исследования.

В массовых сексологических опросах молодежных групп, которые с 1960-х годов стали проводиться относительно регулярно в России (прежде всего — исследование С. Голода, а затем опросы под руководством И. Кона), демонстрируются различия сексуального поведения в связи с классовой принадлежностью, уровнем образования, гендером (Кон 2000). Зависимость сексуального поведения от классовой принадлежности (социального происхождения), например, проявляется в подростковой среде следующего образом. Для подростков — выходцев из рабочих семей (часть в качестве таковых принимаются учащиеся ПТУ) сексуальный де-

² Именно потому, что в эмоциональных конвенциях скрыты отношения власти, Хохшильд рассматривает любую идиологично через содержание в ней правила определения ситуации и правила проявления надлежащих чувств в рамках данного определения ситуации (Hochschild 1979: 566–567).

бют происходит раньше, сексуальная мораль свободней и контроль над сексуальным поведением слабее, чем у выходцев из семей средних слоев (Кон 2000). Это позволяет делать предположения о существовании тех или иных сексуальных сценариев, характерных для определенных социально-классовых групп, а также о существовании сексуальных субкультур и сред. Однако результаты массовых опросов оставляют неясными механизмы связей между особенностями сексуальных сценариев и социальными классовыми характеристиками.

Поскольку объектом данного исследования является подростковая возрастная группа и характерные для нее сексуальные отношения, то появляется необходимость обратиться к исследованиям молодежных субкультур.

Исследования молодежной субкультуры: категория и подходы

«Подростки» и «молодежь» как социальные группы проблематизируются в научном и общественном дискурсе на фоне таких модернизационных процессов, как удлинение периода образования, повышение возраста вступления в трудовые и брачные отношения, расширение для молодых людей палитры выбора жизненного пути, усиление рефлексивности. Эти процессы привели к формированию особого образа жизни данной возрастной груп-

³ Здесь мы вновь можем провести параллель с исследованием А. Хохшильда. Анализировав эмоциональные навыки, необходимые в профессиональной занятости представителей среднего класса (например, контроллинг служащих, работников сферы услуг), и особенности социализации детей (обучения их правилам эмоционального поведения и самоконтроля) в различных социальных слоях, А. Хохшильд показывает *инка* способ воспроизводства классовой структуры (Hochschild 1979: 569–571).

⁴ Существование сексуальных сред и субкультур различных социальных слоев в советском обществе также описывается А. Роткирх на материалах сексуальных автобиографий. А. Роткирх понимает сексуальную субкультуру как совокупность взглядов, практик, символов сексуальности, определяющих идентичность и воспроизводящихся социальными механизмами. Она различается сексуальную субкультуру и среду. *Последняя* определяется как совокупность исключительными материальными и экологическими условиями и не является идентичностью и установками участника среды (Rothkirch 2000: 237–238). Наиболее наглядным примером социальной приемлемости сексуальности является реконструированный ею феномен «сексуального блага», выступающего одним из инструментов социальной мобильности в люмпенизированных средях советского общества (Rothkirch 2000).

пы (Deуbils 1976: 1-3). Волна социологических исследований об-
рза жизни подростков приходится на 60—70-е годы XX века, в
этот же период были проведены исследования сексуальности мо-
лодежи (например, массовые опросы студентов Г. Шмидтом в
Германии, С. Голдом (1990) в СССР, американские исследова-
ния показали, что начало сексуальных отношений и физиологиче-
ские процессы полового созревания у подростков, как правило,
оставлены во времени (Coleman 1974). В период начала сексу-
альных отношений важнейшую роль приобретает среда сверст-
ников, общение в дружеских компаниях. Подростки ухаживают,
следуют в сексуальных отношениях тем или иным правилам по-
ведения «не столько вследствие собственного "сексуального на-
пряжения", обусловленного половым созреванием, сколько в со-
ответствии с культурными нормами своей возрастной группы,
дружеской компании» (Кол 1999б: 163). Сообщество сверстников
выполняет также важную функцию передачи информации по воп-
росам, табуируемым в публичном дискурсе (в их число входят и
проблемы сексуальности).

Основополагающей концепцией для исследования является
концепция субкультуры. *Субкультура* — это устойчивые модели
и нормы поведения, установки и символы, разделяемые участ-
никами некоторой социальной группы, служащие механизмами
ее воспроизводства и основанными для ее отличия как группы
(Враке 1985: 8; Ярошенко 1994: 43—44). В этом определении для
нас важны два момента. Во-первых, субкультура создает возмож-
ности для участников группы быть понятыми и предсказуемыми
способ взаимотношений с «другими». Последнее означает, что
культурные образцы данной группы не существуют обособлен-
но, а связаны с положением группы в системе социальной стратификации, основными материальной и социальной среды, в ко-
торой локализована данная группа.

Вдохновляющим для данного исследования послужило изу-
чение преподавателями чикагской школы структуры и культур-
ных практик молодежных группировок городских гетто. У. Уайт
(White), Ф. Трашер (Trasher) исследовали ритуалы и нормы по-
ведения в группах уличных подростков-хулиганов в Чикаго в 30-е
годы XX века и пришли к выводу, что «юношеская субкультура
городских районов, характеризующихся устойчивым высоким
уровнем преступности, — нечто большее, чем просто сосредото-
чение деликвентных подростков. «Деликвентное поведение», ко-

торое так часто преподносится в качестве новостей на страницах
газет, является для преподавателей местного сообщества одной
из привычных форм повседневной жизни, соответствующих ком-
плексу разделяемых ими ценностей» (White 1981: XVI)⁵. Подход
данных исследователей позднее был подвергнут критике за то,
что в его рамках не дается ответа на вопрос: «Какие проблемы
для молодежи и общества разрешаются нормами, моделями по-
ведения, символами, характерными для молодежных субкультур?»
(Уиллис 2000: 187).

Позднее в социологических исследованиях молодежи ответ на
этот вопрос так или иначе давался. Коротко перечислю эти ответы.

В рамках структурного функционализма Т. Парсонс, анализи-
руя прежде всего субкультуру молодежи среднего класса в после-
военный период, выделил ее *социализирующую функцию*. Субкуль-
тура расматривается Т. Парсонсом как совокупность ритуалов
«перехода», как подготовительный этап для компетентного испол-
нения социальных ролей. Однако эта позиция не объясняет, поче-
му именно определенные формы молодежных культур возникают
в некоторый исторический период. Так, например, данная теория
оказалась не способной объяснить протестное поведение моло-
дежи в конце 1960-х годов.

В рамках конфликтологического направления некоторые бри-
танские и американские социологи утверждали, что молодежные
субкультуры (прежде всего молодежи рабочего класса) являются
особой формой классовой борьбы. А. Коэн выделяет *ком-
пенсаторную функцию* культур подростковых группировок, по-
зволяющую их участникам развивать альтернативные формы по-
вышения самооценки (Соуп 1956). «Негативное отношение к
нормам «фрегатбельного общества» и ритуалы коллективного
поведения, подчеркивающие их отрицание, — это форма выра-

5 У. Уайт в течение нескольких лет проводил включенные наблюдения по-
исленной жизни района Коннервилл (Connerville) в восточном округе Чикаго,
население которого в основном составляли иммигранты с юга Италии, живущие
за чертой бедности. Сегрегация населения по этническому и экономическому
признаку, отношение большого общества к населению этого района как потен-
циальным приверженцам профсоюзной идеологии тогдашней Италии, слож-
ности периода Великой экономической депрессии — все эти факторы способ-
ствовали воспроизводству своеобразной культуры в итальянском квартале. У. Уайт
подробно изучил системы жестких иерархий и структур, упорядочивающих отноше-
ния внутри отдельной группировки и между группировками, и тем самым по-
пытался развекать представление респектабельного общества об этом районе как
пространстве, где царит лишь хаос (White 1981).

жения социального конфликта и иной способ уловствования универсального желания достижения (более высокого) статуса» (Soben 1956: 27–28). Ст. Холд, П. Уиллис также развивают теорию «сопротивления через ритуалы», согласно которой подростки (скинхеды, рокеры, моды) на улице на «магическом уровне» своей «одеждой, действиями, стилем жизни дают ответы на проблемы, поставленные их социальной позицией» (Холд и Джефферсон 2000: 151).

Новый виток в развитии социологической теории молодежи новой субкультуры связан с понятием контркультуры (например, хиппи), определенной Т. Роззаком, как комплекс идей, норм, ценностей, призванных предложить альтернативный доминирующему культурный сценарий (Молодежные субкультуры 1997: 19). Здесь ритуалы субкультуры — уже не просто ответ на классовые противоречия, но и пространство создания новых идентичностей, предлагаемых обществу со стороны молодежи.

Для центральная в данном исследовании проблеме гендерных отношений и сексуальности, нельзя не остановиться на феминистской критике классических теорий субкультуры. Сформулированная, в частности, А. МакРобби (2000), эта критика состоит в том, что участие девушек традиционно исключается из анализа, остается невидимым. А. МакРобби подчеркивает необходимость найти ответы на следующие вопросы: 1) Действительно ли девушки исключены из субкультуры? 2) Каков способ презентации и место феминности в субкультуре? 3) Существуют ли у девушек свои способы организации жизни в рамках субкультуры? (МакРобби 2000: 189–193). В данном исследовании я также постараюсь дать ответы на поставленные вопросы.

Важный опыт исследования отечественных подростковых и молодежных субкультур содержится в работах антропологов, социальных психологов⁶, из которых мной заимствовались комплекс методов исследования.

Резюмируя все вышесказанное и обращаясь непосредственно к собственному исследованию, я ставлю перед собой четыре за-

⁶ Среди них нужно упомянуть исследования Хип-скауты, проводимые Т. Панаской, А. И. Мазуровой, М. В. Розинки; изучение социологии и фреudianологии молодежных территориальных группировок Казани; молодежных тусовок в Москве Х. Пилкинготт; исследования неформальных подростковых объединений А. П. Файном (Шпанская 1993; Пилкинготт 2000б; Файн и Шаронов 1988; Файн 1994).

дачи: во-первых, описать повседневные практики, ритуалы и нормы исследуемой молодежной группы в гендерной перспективе; во-вторых, постараться на основе интервью и уже существующих исследований объяснить их с точки зрения тех социальных функций, которые они выполняют; в-третьих, реконструировать сексуальный сценарий (правила, нормы, практики сексуальности), принятый в группе; в-четвертых, попытаться дать объяснение этому сексуальному сценарию.

Методы исследования

В исследовании применялось несколько методов сбора эмпирических данных: фокусированные интервью с участниками тусовки, внутригрупповой анкетный опрос, наблюдение. Всего было проведено 9 интервью (4 юношей, 5 девушек), в которых затрагивались разные аспекты внутригрупповых отношений, повседневные практики, в первую очередь связанные с сексуальностью и гендерными отношениями (что, где, как делают и говорят в ходе ухаживаний, сексуальной близости).

Анализ структуры отношений в группе осуществлялся с помощью методики *внутригруппового опроса*. Большинство участников тусовки (18 человек, из них 9 юношей и 9 девушек) заполнили анкету, в которой указывали свои симпатии и выборы по отношению друг к другу по таким вопросам, как сексуальное влечение, наличие сексуальных контактов, обращение к членам группы при необходимости психологической поддержки, физической защиты, материальной помощи. На основании ответов на эти вопросы, я также построения *социальных и социоматриц*⁷ выявились сети межличностных связей, структура отношений в группе, «лидерство». В условиях, когда не было возможности проводить включенное наблюдение, такой опрос помог сделать группу более «прозрачной», увидеть предпочтения и симпатии в группе, общности более и менее тесного общения, различия в характере отношений, взаимоотношений в девичьей и юношеской субкультурах тусовки, характер связей между последними.

⁷ «Социограммы» и «социоматрицы» используются Дж. Морено для построения картинки внутригрупповых отношений, соответственно, в графической и числовой (табличной) формах (о методе социометрии см., в частности: Дж. Морено 1958).

В течение одного месяца мной проводились наблюдения взаимоотношений участников группы, а также поведения молодежи в различных центрах молодежной активности района (дискотеке, баре, улице и дворе, торговых точках).

Анализ эмпирических данных

Последняя жизнь, ритмалы и гендерные отношения в тусовке: совместное преодоление проблем

Участники. В компании на момент исследования входит 24 человека: 11 девушек в возрасте 15—16 лет и 13 юношей — от 17 до 21 года. Все девушки учатся в школе (10—11 класс), юноши — в средних специальных учебных заведениях, некоторые имеют рабочие профессии или являются мелкими служащими (например, продавцом в видеопроекте, официантом и т. п.), пятеро — безработные. Все опрошенные — выходцы из семей рабочих, живут в одном из удаленных так называемых «спальных» районов города. Район сформировался в результате застройки 1980-х годов рядом с поселком, который подростки прозвали «старьем», возникшим гораздо раньше.

Название для социально-культурной формы повседневно-местной активности подкачали мне сами информанты: тусовка⁸. Тусовка — это дружеская общность, основанная для объединения которой послужило особое пространство (район, двор) и

⁸ Термин «тусовка» уже имеет историю употребления в социологических исследованиях (Судман 1995; Pilkington 1993; Zlatovuljeva 2002). Различные исследования по-разному определяют «тусовку», исходя из исследовательской проблематики. Т. Купман указывает на три возможных определения: первое представляет тусовку как *общность, группу людей, объединенных некоторым общим интересом; второе подчеркивает совместные действия и практики (тусовка — это конкретное событие, сборище, действие); третье выделяет основание для коллективной деятельности (например, определение себя как конструирующей рок-музыкантами в поздне-советскую эпоху)* (Судман 1995: 167—168). Е. Златовулжева в определении тусовки делает акцент на значении конкретного пространства (кафе «Сайтон»), формирующего не только правила коммуникации, но также и тематические диалоги, моральные аспекты индивидуального поведения и взаимодействия в этом пространстве и социального возможности для определенного типа социального действия (а рождения публицической сферы) (Zlatovuljeva 2002). Для Х. Пилкинтона, тусовка — это группа, вокруг которых развиваются стилистические и идентичностные выражения в вутентичных кодах одежды и поведения, в том числе гендерных (стиль, розагили, панки) (Пилкинтон 2000б: 220). Применительно к данному исследованию нам также необходимо сформулировать определение тусовки.

совместные досуговые практики. Специфика данной тусовки состоит в том, что ее формирование не связано с позитивным выбором коллективной идентичности. Она была сформирована как ответ на ограниченность социально-статусных и культурно-инфраструктурных возможностей, социальную и пространственную сегрегацию.

Формирование тусовки происходит в основном через выделение небольших дружеских групп девушек в одну существующую уже несколько лет дружескую компанию юношей, образцованную, прежде всего, по принципу соседства. Происходит это по следующей схеме:

«Ну, вот у нас тут такая туся немереная и у нее там, предположим, такая не очень большая. Так вот эта ее не очень большая тусовка в нашу немереную».

Или:

«Ну, я поправилась Тарасу, потом привела своих девочек, и они тоже стали здесь заморачиваться...»

Девушка не может привести какого-то другого поправившегося парня в тусовку, обычно она просто переходит с ним в группу, к которой принадлежит он, либо перестает быть активной «тусовщицей» при установлении с ним стабильных отношений.

Досвободные занятия группы не разнообразны и во многом определяются той средой, в которой она локализована. Географическое положение микрорайона (удаленность от центра), периодические нарушения работы метрополитена, бедность социально-культурной инфраструктуры (имеются только школа, универсам, поликлиника, появившиеся в последние годы ночной клуб и несколько баров) способствуют унификации досуговой деятельности всех членов группы. Все опрошенные сказали, что живут в данном районе более десяти лет, проводят в основном здесь же свое свободное время, большинство окончили или еще посещают школу недалеко от места жительства. Вследствие неравности досуговой инфраструктуры, подпространства субкультура проявляет себя прежде всего на улице⁹.

⁹ В работах по социологии города также указываются такие социальные и культурные характеристики «спальных районов», как дифференцированность социальной среды (основная масса населения принадлежит одному социальному слою рабочих и мелких служащих), отсутствие традиций (жители — в основном мигранты в первом — втором поколении, живущие нуклеарными семьями) и, как следствие, отсутствие средств культурного сопротивления массовой культуре.

Основное совместное занятие участников тусовки — это ка-
жущееся на первый взгляд беспечным времяпрепровождение и
посиделки на улице и в подъездах.

*«Пойдем в одной парадной потусуемся, потом пойдем в дру-
гой потусуемся, короче, тусуемся в своем дворе».*

Характерная особенность дворов спального микрорайона —
это их огромное пространство, образованное кольцом многоэтаж-
ных жилых домов. Такой двор обычно охватывает территорию
жилого квартала. Организованное таким образом пространство
выделяется благоприятным условием для образования достаточно
больших дворовых компаний. Почти каждый двор в микрорайо-
не выделяется «своей территорией» и получает в подпространстве сре-
де название: «простокваша», «легкон», «колбаса», «старые», «де-
вятка», «копейка» и др. Благодаря освоению пространства
(подъезд, двор) участники тусовки утверждают относительно
независимость от правил взрослого мира, контролирующего их по-
ведение.

Своего рода обычаем является сопровождение посяделок во
дворе или на лестничной площадке выпивкой. Из интервью с од-
ним из участников тусовки:

*«В основном мы собираемся, чтобы "побухать", ну т. е. если
есть возможность, то мы пьем. Сходим к уннерскому, кути, по-
том где-нибудь на лестницу засидим и начинаем...»*

В.: А что пьете?

*О.: В основном водку, потом еще есть пареня, который на
"Балтике" работал: он пиво просроченное приносит. Летом, по-
мно, что-то все стирт или разбавленный.*

В.: А девочки тоже пьют?

*О.: Бывает, что некоторые вписываются, некоторые про-
сто сидят... Есть некоторые но пинадуцать лет, а пьют на-
равне. Ну, после лета у нас все нить стали...» (Толя, 18 лет).*

Деньги на выпивку собираются юношами совместно, при этом
действует правило складчины: «Все, у кого есть, те и складыва-
ются. У меня в неделю почти что ни хрена нет, но когда рабо-

ре. В таком микрорайоне вряд ли встретишь используемые в современной мовле-
дежной среде символы — средства конструирования своей индивидуальности (в при-
ческе, телесных знаках, одежде). На единственной в микрорайоне дискотеке выхо-
дят песни Т. Булановой и группы «Рики вверху» (по результатам наблюдений).
Некоторые исследователи называют подростковую субкультуру таких районов
«агрессивно-конформистской» (см.: Писарева 1992).

*там, то были. Ну, тут сегодня у тебя нет, а завтра может у
него не быть...».*

По данным исследований мужского алкоголизма петербургски-
ми социологами Е. Здрывомысловой и Е. Чикадзе, повседневное
пьянство для участников подобных подростковых сред является вт-
рихом «мужского поведения», солидарности, а также способом
романтизировать, придать характер празднования повседневым
взаимодействиям (Zdravomyslova and Chikadze 2000: 44). Из интер-
вью с одним из участников тусовки: «Ну, выпиваем, как обычно,
всю с одним из участников тусовки: «Ну, выпиваем, как обычно,
это у нас — праздник как бы» (юноша по прозвищу Тройль, 18 лет).

Кроме сборищ и выпивки, частой практикой является участие
юношей в драках, которые, как правило, происходят между уча-
стниками различных тусовок:

*«... просто, там, наговорились ему, а он возьмет, позовет свой
двор, друзья, там, за него вступятся, а ты — свой позовешь, и
вот так вот, потом толпа целая стоит, там, на стареке. Ну,
еще раньше особенно дрались "старые" (подростки из старых
квартил) с тусовками из "новых кварталов", сейчас меньше...»
(Тройль, 18 лет).*

Ну, было такое, что, типа, "простокваша" объявляет войну
"ленсовету" какому-нибудь. Ну, просто драки, в основном в них
парни, а девочки так, в стороне стоят, смотрят...» (девушка
по прозвищу Лямачок, 16 лет).

Драка — это значимый элемент коллективной жизни. Она вы-
полняет несколько функций. Во-первых, благодаря участию в драке
(и даже, скорее, готовности в ней участвовать) устанавливается
лидерство, статус юноши в компании и легитимность его участия
в других групповых практиках. Так, например, в ответах на воп-
росы «Кому в группе ты больше всего доверяешь?» и «К кому бы
ты обратился, если бы нужна была физическая защита, помощь?»
юноши, как правило, указывают одного и того же человека.¹⁰ Во-
вторых, драка — это способ заявить о существовании и внутрен-
нем единстве группы, способ поддержать автономии и сопро-
тивления нарушению интересов группы со стороны других.

«Ну, здесь вообще наркоманский район, вот с ними, бывает, де-
ремся за то, что они девушек маленьких приучивают. Но не со все-

¹⁰ Тем не менее, нельзя сказать, что доверие полностью объясняется ожида-
нием физической поддержки, не менее важна и другие личностные характери-
стики — коммуникативные: способность к сопереживанию, опыт общения.

ми дерзаться есть люди, которые их защитят, их очень тяжело, кстати, защитить... люди, заинтересованные... в распрощании, там, там, на машинах люди приезжают... такие ребята...»¹¹

Необходимо отметить, что подростковая среда в районе достаточно агрессивна и требует от каждого способности постоять за себя. В такой среде для девушек становится важным капиталом социальных связей (наличие брата, друга, принадлежности к компании).

«По улице идешь, у тебя что-то отнимают, ты должен обзавестись собой защитишь» (юноша по прозвищу Горбач, 20 лет). «Ну, вот у меня брат старший есть, он вечно с кем-то там дерется, то деньги какие-то вымогал. Один раз он пофрелся, а парень ему хотел бритвой по глазам, но он руку подставил...» (Юля, 15 лет).

Участие в тусовке дает возможность обрести психологическую уверенность, ощущение способности постоять за себя, а также реально возможную привлекательность кого-то на помощь для защиты.

Структура отношений в группе

Данные анкетного опроса показали, что в группе есть несколько лидеров, т. е. людей, получивших наибольшее число выборов в «социометрическом» тесте. В основном — это юноши, которые пользуются авторитетом как у девушек, так и у юношей тусовки. Абсолютный лидер как для парней, так и для девушек — это Саша (21 год). Его лидерство основывается на том, что он может «обеспечить физическую защиту» (и девушки, и юноши написали, что за защитой обратились бы к нему), он лучше всех может организовать вечеринку, веселье, к нему обратились бы при материальных затруднениях. Он получает доход от перепродажи видеотехники, подделки «нужных документов» (дипломов, удостоверений...), извоза на собственном автомобиле.

¹¹ Последней отрывок из интервью показывает, как может происходить взаимодействие преступных сообществ и подростковых компаний, использованные понятия для описания негательной деятельности (здесь — провалки наркотиков) на некоторой территории. Этот феномен исследовался на примере подростковых группировок Казани, образовавшихся в 70—80-е годы. Тогда преступное сообщество волевым в свою деятельность дворовые компании, участники которых впоследствии составили ядро исполнителей в группировке, осуществившей контроль над различными территориями города (см.: Молодежные субкультуры 1997).

Девушка является лидером только для девичьей части тусовки: с ней чаще всего «делаются перекиваниями», иногда замыкают что-нибудь против парней.

Доминирующие нормы поведения в данном молодежном сообществе являются маскулинными. Девочки — скорее пассивные реципиенты «мальчишеских» правил, относящихся к вышивке и дракам; здесь отшельные девочки или девчачьи компании волеваются в мальчишескую группу, а не наоборот.

В тусовке присутствует гендерный дисбаланс отношений. В ответах на вопрос «С кем веселее всего общаться?», «Кто бы мог лучше всего устроить вечеринку?», «К кому бы ты обратился, если бы была нужна физическая защита?» девочки называют, прежде всего, юношей (есть несколько лидеров), а не подругек, в то время как парни здесь делают выбор между собой. Единственные критерии, по которым юноши в ответах на вопросы анкеты указывали девушкам, — это внешняя привлекательность и сексуальное впечатление (девушки тоже отмечали эти факторы, но для них эти характеристики отношений смещены на третье и четвертое место, а у парней они занимают первое и второе).

Одной из форм осуществления мужского контроля в группе является вербальная власть в определенных ситуациях.

«Ну, если она начинает, там, че-нибудь говорить, че-нибудь против, ну поговоришь с ней, там... Редко, конечно, доходит до физической силы... Ну так, в основном, базаром ее заправить, чтобы она поняла, что она не то сказала...» (Толя, 18 лет).

Для девушек и юношей участие в тусовке имеет разное значение. Девушки — менее стабильные участницы группы, они чаще ее покидают. Все девушки, принадлежавшие к группе, находились на том этапе, когда первый выбор жизненного пути еще предстоит осуществить: они еще участвуют в общесообразовательной школе.

Для юношей принадлежность к тусовке гораздо сильнее связана с их жизненными шансами, является более устойчивой структурой повседневной жизни (в условиях безработицы или, наоборот, достаточно предсказуемой, но ограниченной для социального восхождения перспективной занятости по рабочим профессиям). Тусовка является той средой, в которой можно найти дополнительные материальные возможности для проведения досуга, где преодолеваются кризисы идентичности, в том числе гендерной, в условиях несоответствия социального статуса и притязаний (при вынужденной безработице, неудовлет-

воренности имеемшися экономическим, профессиональным статусом и т. д.)¹².

Из интервью с одним из участников исследования (безработным):

«В: Как ты думаешь, почему тебе, прежде всего, важно быть участником этой компании?»

О: Я все равно делаю нечего, а тут хоть поприкалываться с девчонками, с парнями побавривать. В принципе, ничего такого особенного тут нет, но лучше, как говорится, старый друг...» (Леонид, 18 лет).

Таким образом, несмотря на кажущуюся бедность содержания повседневных занятий группы, их совместное осуществление в соответствии с правилами выполняет несколько важных социальных функций. Во-первых, тусовка создает свое собственное культурное пространство, в котором осуществляются практики и создаются идентичности, не подконтрольные нормам взрослых. Во-вторых, поддержание солидарности обеспечивает защиту от внешней неблагоприятной социальной среды. В-третьих, совместная активность выполняет функцию социализации, в том числе научения образцам гендерного поведения. Но самое важное, что только объединившись, подростки могут надвинуть структурно заданные социальные лишения позитивным и романтическим смыслом: недостаток материальных средств компенсируется взаимопомощью, внешняя опасность — уверенностью в поддержке друга, бедность потребления — иллюзией праздника, невозможность достижения желаемого социального статуса и ограниченность социальных перспектив — снятием психологической напряженности и возможностью самоутверждения в группе.

¹² В эмпирических исследованиях стратегий поведения безработных (например, в исследовании М. Яголы и П. Лазарсфельда в Австрии), в частности, показывается, как повседневные досуговые практики мужчины (последних во дворах за домино, прогулки, вечеринки и пр.) становятся своего рода ритуалами воспроизводства мужественности (Jaboda et al. 1960). Также исследованиями казначейской самоидентификации, проводимые под руководством В. Янова, которого общества произошло возращение значимости для людей отнесенная себя к таким средам, как семья, родственники, друзья, т. е. группы, характеризующиеся непосредственными, неформальными отношениями (Социальная самоидентификация... 1993).

«Писковская» сексуальность в подростковом сообществе.

По материалам интервью и наблюдений можно выделить несколько форм, в которых репрезентируется сексуальность в данной группе: флирт, игра, сексуальная близость. Флирт, на групповом жаргоне обозначенный терминном «целоваться», является самой распространённой в группе формой сексуальных отношений. «Целоваться» все, сменяя в качестве партнеров от двух до семи участников тусовки противоположного пола.

Различные формы сексуальных отношений часто обыгрываются, имитируются в шуточной, юмористической форме. В тусовке популярна игра под названием «Слабо», по правилам которой один из участников выбирает человека, обязанного выполнить какое-либо действие. Часто просят поцеловать кого-нибудь, имитировать стриптиз, гетеросексуальный или гомосексуальный поцелуй акт. Гомосексуальность легитимна только в пространстве игры, в отношении «реальной» сексуальности нормы тусовки гомофобны. Игра, смех — это пространство свободы («карнавальная свобода»), где на время теряют свою силу нормативные запреты.

Опыт гетеросексуальной близости имеют подавляющее большинство юношей (за исключением двух) и шесть девушек (из одиннадцати). Юноши описывают многочисленные сексуальные связи, приводя в качестве иллюстрации цифры от десяти до двадцати или отговору «уже и не сосчитать, сколько их было». Однако нельзя исключать, что число половых партнеров преувеличивается, потому что в тусовке наличие сексуального опыта для юношей является своего рода символическим капиталом. Во всех случаях сексуальной дебют состоялся в 15—16 лет, трое сказали, что это произошло в 11—14 лет с девушками значительно старше их. Сексуальные партнеры — это в основном девушки, не принадлежащие к тусовке. В качестве сексуальных партнеров, принадлежащих группе, юноши указывали от одной до трех девушек.

Среди девушек опыт сексуальной близости был у шестерых: в основном — это сексуальные отношения и сексуальный дебют с юношами из тусовки (1—2 половых партнера). Сексом занимаются на вечеринках у кого-либо в квартире, иногда доуговариваются и встречаются отдельно. Материалы исследования позволяют утверждать, что в выражении сексуальности, флирте внутри ту-

совки ее участники следуют правилу *серийной моногамии* (при частой смене партнеров).

Характеризуя сексуальное поведение, его смыслы и оценки в группе, необходимо отметить, что стиль сексуальности здесь является поименованным, пробным, экспериментальным. Признаками поименованной сексуальности являются неготовность отношений, перемена партнеров, объектов симпатии, влюбленности. Сексуальные отношения редко оцениваются и воспринимаются как имеющие какую-то перспективу. В группе такие отношения называют словом «замораживать-ся».

«Ну, сначала, там, с одной чё как, потом — с другой, вот так вот... Ну, было дело: с одной недели две, с другой — там вообще два дня... Ну так, там, ... кого-то поцеловал, кого-то, там, отвел на лестницу... ладали друг друга, еще, там, че-то сделал... (смеется)» (Толя, 18 лет).

«Замораживать-ся — это значит... ну целоваться, там, ну, некоторое время как бы более близкие отношения с каким-нибудь парнем... но долго это обычно не продолжается, это скучно, когда долго... Ну, вот сначала мне нравился Дэн-Дарь, потом еще Дима, а потом Саша. Ну, с Дэнком мы только поцеловались, с Димой мы встретились и три раза расставались. Сначала он мне изменил, и мы поссорились, потом — я ему. Ну, с Димой у нас почти что все было, но я в последний момент испугалась, потому что я была несовершеннолетней, и мать будет ругаться очень здорово, а потом вот на Новом году с Сережей я, что называется, *перестала*» (Жанна, 15 лет).

Иногда о сексуальной близости подруги рассказывают так, как будто бы она была спровоцирована кульминационными ситуационными общениями в компании.

«Ну, мы на Новом году с ним сидели рядом на диване, и чето так получилось, что ну... Просто сидели и целовались почти что весь вечер, ну потом как бы все дальше, дальше, и мы друг друга как бы захотели... Ну, потом все само собой уже» (Жанна, 15 лет).

«Ну, для меня не то, что я, там, кого-то пошлеп, а общение более важно...» (Толя, 18 лет).

Сексуальность предстает как набор культурных практик, подерживающих единство группы и наполняющих ее повседневную жизнь. Она часто связана с повседневными ритуалами, реализующими совместность.

Гендерные образцы сексуальности и эмоциональная работа

Анализ интервью позволяет выделить нормативные образцы сексуальности в тусовке, которые связаны с культивируемыми типами мужественности и женственности.

Для южной сексуальный опыт (я, наверное, в большей степени дискурсивная апелляция к этому «опыту») становится своего рода капиталом престижа, статуса. Сексуально «неопытный» индивид на вопрос «Как вы разговариваете на темы секса между собой и что говорите обычно?» поведал следующее:

«В: А что рассказывает про секс?»

О: Ну, там, типа: "Вот, познакомился с девчонкой, там, взял ее отпарабанил", — вот так вот рассказывают. Ну вот один рассказывал: "Ну, там, пошли на день рождения, там познакомился с одной. Там, говорит ей: "Давид, перестанешь". Она, типа: "Сейчас не хочу, лучше завтра приезжай, там, ко мне". Ну вот он, хотя, взял носки, отпарабанил, там, ее» (Троль, 18 лет).

В рассказе о лидере группы индивид-юноша прежде всего упоминает сексуальный стаж и возможность «авторитета». При всей вероятности преувеличений и мифологичности описываемой гиперсексуальности «героя» остается важным то, что она выступает ориентиром для пожелания других. Интересно, что рассказ о сексуальном опыте лидера постепенно переходит к описанию характеристик, связанных с его физической силой, агрессивностью, включенностью в криминальную деятельность:

«Ну, там, Саша один есть, который говорит, что, там, всех... ну, он просто знает много девчонок... Вот говорит, что, типа, "перепихнуться — нет проблем", там, "позвонил, кто-нибудь сразу придет, стрелку забил сразу" якобы. Ну, как он говорил, что в любое время может найти легко... Ну, ему просто 21 год, и вообще он просто много народу знает, там, бандитов, там, с рынками некоторых. Ну, там, занимался он еще чем-то таким, там, с бандитами, там, на деньги кого-то ставил, ну много, там, короче, бандит такой» (Троль, 18 лет).

Сексуальная неудача воспринимается как несоответствие принятому образцу мужественности. Сексуальность и правила мужского сексуального поведения, которые приняты в тусовке: уверенность, охлывность, агрессивность, умение достигать удовольствия, найти и убедить партнершу, — становятся инструментом самоконтроля, заставляют осуществлять «эмоциональную работу» и демонстрировать надлежащее эмоциональное восприятие ситуации.

«Ну, я когда для этого прихожу или к себе приглашаю, то тут важно, чтобы у тебя такое настроение было, что вот — "сейчас, ух, тудя-сюда!". Ну, и еще важно, конечно, чтобы язык был не за зубами, забазарить, там, е...»

В.: "Забазарить" — это в смысле комплименты наговорить?
О.: Ну, не только комплименты. Ну, короче, заплутать, всякую, там, такую чушь, что хочу, люблю и все такое. Надо, короче, таким веселым всегда быть, задорным, чтобы она поняла, что ты, типа, не профан» (Толпа, 18 лет).

Однако, то, что высказывается интервьюеру, и то, что переживают юноши, может не совпадать с тем, как принято говорить о сексуальных отношениях и вести себя в группе. Один из информантов, рассказывая о своем сексуальном дебюте, деконструирует эмоциональную напряженность, противоречие между одобренными ситуациями как соответствующей правилам группы и неодобренным ее как несоответствующей собственному желанию:

«Ну, было мне, короче, 16 лет, а парни, короче, знали, что я еще не пробовал, ну и затолкали меня к одной: ну, она старше меня была... Я в ванную зашел, и она так же заходит, говорит: "Ты зрелый когда-нибудь трогал?" Я ей: "Нет". Она мне: "А хочешь попробовать?" Я ей: "Нет, не хочу". Мне стыдно стало, офигеть как! Ну, это все быстро произошло, она сама все сделала... Ну, потом стыдно было офигенно, неудобно перед парнями, даже не то, что неудобно, а злость была какая-то. И в то же время думал, типа: "Классно, что вот — это произошло!"» (Андрей, 20 лет).

Чувственность не является принятой характеристикой гендерного дисплея подростков-юношей, и ее принято скрывать даже перед самим собой.

«Иногда я сюда прихожу, потому что дома сдохнуть можно, особенно, когда на душе не очень, когда девушку старую встречаю».

В.: А почему грустно, когда вспоминаешь девушку?

О.: Я считаю, что это была ошибка, не надо было заикаться на одном человеке. Я просто заикнулся, т. е. можно было встречаться, но не влюбляться» (Андрей, 20 лет).

Оценки юношами девушек, вступающих с ними в сексуальные отношения, противоречивы. С одной стороны, сексуальные отношения с девушкой — своего рода основание для ее легитимного присутствия в группе (в глазах мальчиков):

«В.: А есть такие девушки, которых уважают, а которых нет?»

О.: Есть... ну, там... бывает, которая, там, тулит или не дает, там, бывает.

В.: Не "дает"?

О.: Ну да... (смеется).

В.: А об этом как-то говорят, предупреждают или как это все происходит?

О.: Ну, сначала, там, намекают, ну же как, ну, там, шутками всякими, типа, прикалываются сначала, а потом... хэ-хэ... Ну, вот такие вот флишки...» (Троль, 18 лет).

С другой стороны, сексуальная активность («доступность») девушки — основание для ее неуважения. Иньям словами, сексуальная индифферентность является легитимной исключительностью для юношей и выступает орудием власти. Эта власть не проявляется в физическом насилии (насколько я, как сторонний наблюдатель, могу об этом судить), но на вербальном, символическом, уровне она безраздельна.

«Ну, как... я часто говорю, а парни меня подерживают, типа, я говорю: "Всё, мы с тобой перестали". Она мне: "Не-не". Я ей: "Нет, перестали обязательно!". Ну, просто я так говорю, не то, чтобы я действительно с ней перестал. Просто парни как бы раскованно себя ведут, могут приставать, напидкаться...» (Юноша по прозвищу Горбач, 20 лет).

Для девушек эта «сексуальная угроза» является своего рода опытом, дополнительным основанием для солидарности:

«Ну, они как бы заводят еще близкие отношения и думают, что что-то от нас получат, но мы как бы особо-то так и не даем...» (Вера, 15 лет).

Дружеские группы девушек внутри тусовки (этих групп две) создаются тесными эмоциональными связями. Такие характеристики отношений, как эмпатия, доверие, эмоциональная поддержка, в первую очередь входят также и общение по проблемам сексуальных отношений (в «Овенту»¹³, например, девушки ходят вместе), выражены у них гораздо сильнее, чем у юношей. Наличие такой солидарности чрезвычайно важно для девушек, так как обеспечивает им некоторую защиту от нежелательной сексуальной близости и создает возможность коллективного сопротивления, выражение несогласия.

«Была такой Гена, че-то все приставал, но я с ним вообще стать не хотела, и вообще он мне не нравился. Так вот девочки

¹³ «Овенту» — Центр репродуктивного здоровья подростков в Санкт-Петербурге.

меня спасли. Как бы они приходили всегда для него в неурочный момент?» (Жанна, 16 лет).

«Ну, он мне уже начал надоедать, просто я к нему никаких чувств не испытывала, не хотела с ним встречаться... Думаю, ну ладно, поужу чуть-чуть, потом отойдет, а он все... Но я не могла ему сказать, ну как это... обидеть человека, я считала. Там, Света с ним поговорила, мы как бы вместе все шли, но она как бы, там, намеками... "Тоннаетив, девочка не может тебе сказать..." Потом я ему уже тоже сказала» (Вера, 15 лет).

Анализ интервью с девушкой показывает, что она испытывает при вступлении в сексуальные отношения некоторую принужденность:

«О: Ну, я бы не сказала, что всегда и очень мне это нравится... Ну, вот если что-то можно сделать "через не хочу", но можно, то я это делаю...»

В: Что, например?

О: Ну, даже не могу ответить такое, ну, оральный секс...» (Катя, 16 лет).

Вместе с тем, мы не имеем оснований утверждать, что для девушек возможность обретения сексуальной идентичности и опыта, предоставляемого миром тусовки, не является важной. Поиск сексуальной идентичности — один из ключевых моментов формирования и поддержания жизни группы.

«Мы раньше с друзьями прусеялись, но те — они, прямо, паники, не пристают, допрокутятся, право, боются... Маленькие еще... — То есть не интересно?»

— Конечно, не интересно» (Жанна, 16 лет).

Основное различие в презентации сексуальности у девушек и юношей состоит в том, что у девушек она чаще выражается в кон-тексте влюбленности, а у юношей — в контексте доказательств независимой мужественности.

Участие девушек в тусовке является для них своеобразным компромиссом. С одной стороны, их статус в группе является вторичным, подчиненным. С другой стороны, участие в тусовке является для девушек определенным капиталом, дает преимущество. Тусовка предоставляет символические возможности для повышения статуса в женской среде благодаря признанию в мужском сообществе сексуальной привлекательности девушек, благодаря дополнительным возможностям в проведении досуга («финансовые лидеры» — также юноши), гарантиям физической защиты от внешней агрессивной среды.

«Есть девочки, с которыми я хожу по школе, но здесь не тусуюсь. Они бы, конечно, захотели тоже, если бы я их позвала, но чё всегт приводить, что ты?» (Девушка по прозвищу Лытачок, 16 лет).

«Ут одной такая туся подвела. Она сразу начала выпендриваться...» (Юля, 15 лет).

Престижность участия в тусовке становится поводом для того, чтобы девушки старались сделать группу более закрытой, препятствовали привлечению в ней новых девушек:

«Ну, например, если эта новая, там, лезет к нашим, с котормы бы хотелось быть в близких отношениях, то это, конечно, не нравится. Ей тогда: "Пошла отсюда!" Некоторые, бывает, отваливают после этого».

В: А мальчики разве за них не заступаются?

О: А мы их в это не ввязываем: между собой разбираемся. Вот мне один нравится, но мы как бы поссорились, а та ухватила момент и стала с ним... Ну, я ей хотела морду набить... Хотела девочкам позвать, но тут она куда-то свалила, а у него уже другая, короче, появилась...» (Юля, 15 лет).

В числе гендерных норм сексуального поведения в группе — жесткие нормы отношения к замесексуальным. У большинства участников это отношение было отрицательным, а иногда — агрессивным. Интересно, что гомофобия выступает своеобразным способом маркирования границ сообщества. Фрейд, управляющий группой, оказывается внутренне связанным с идентификацией по территорииальному признаку:

«В: А что ты думаешь по поводу гомосексуальности? Как относиться к этому?»

О: Я... плохо!

В: Почему?

О: Бесит потому что!

В: А ты сталкивалась когда-нибудь с гомосексуалами? Знаю кого-нибудь?

О: Ну, видел так... Где-нибудь, там, идешь, например, по Невскому, ходят двое, там, таких... не нравятся» (юноша, 17 лет).

Участники тусовки утверждают: «У нас здесь, на нашей территории, неправильных (т. е. не соответствующих их сексуальным нормам — Е. П.) людей быть не может». Если читать между строк и давать интерпретацию тому, о чем говорит ин-формант, то «мы» и «они» здесь — это социальные слои, сегре-

гированные в городском пространстве и разделенные по критерию «центр — окраина».

Жесткость гетеросексуальных норм поведения и бескомпромиссность в демонстрации отрицательного отношения к гомосексуальности (мужской или женской) строго контролируется группой. И если ты желаешь быть ее участником, то необходимо следовать этому правилу.

«Ну, мне как бы много чего нужно. Вот, например, я к лесбиянкам отношусь очень положительно: я познакомилась с девушкой на дискотеке. На них интересно смотреть, вообще есть чему поучиться. Вот я посмотрел, что девушки больше всего нравятся, то потом я, когда с девичьей знакомлюсь, то я ей тоже самое делаю: движения, там, всякие, в определенных местах, типа, помацать, я уже знаю, и ей, как бы, нравится...»

В.: Как ты думаешь, твои друзья из компании так же бы отнеслись к таким (лесбийским — Е. П.) отношениям?

О.: Думаю, что нет. Я, как бы, такой человек, мне, как бы, это все не парализовано, а интересно... А для них это будет смешно. То есть я об этом, как бы, вообще мало кому говорил и вообще не надо это делать, т. е. иначе это все разойдется по всему району и будет все очень плохо» (Леонид, 18 лет).

Приверженность гомофобии объяснима: она соответствует патриархальной культуре, доминирующей в группе.

Заключение

Культура подростковой группы, которая описана в статье, является субкультурой молодежи рабочего класса (нижнего социального слоя). Эта культура создается коллективными ритуалами (драками, пьянками, сборищами) и нормами коллективизма, взаимной поддержки (эмоциональной, физической, материальной). Важный с социологической точки зрения смысл этих ритуалов и норм состоит в том, что они являются способом преодоления неблагоприятных условий, заданных социальной позицией и социальной средой, таких, как отсутствие культурных благ, опасность, пространственная сегрегация. Сексуальный сценарий данной молодежной тусовки, прежде всего, может быть понят в контексте ее целостной субкультуры.

Тусовка постоянно поночивается и поддерживается как форма коллективной жизни во многом благодаря симпатизам и сексуальным отношениям ее участников. Такие правила сексуального пове-

дения, как непостоянство и непродолжительность гетеросексуальных симпатий и связей, отсутствие стабильных пар, коллективный игровой и поисковый характер различных форм сексуальности, поддерживают единство группы и определяют ее внутреннюю динамику.

Тусовка создает свой собственный культурный микромир, скрытый от внешнего контроля стеной подвздош и той нематериальной границей общей культуры, которая не допускает вмешательства посторонних и защищает от них.

Однако это культурное пространство не является пространством полной свободы, поскольку оно организовано по жестким правилам и нормам, в том числе правилам гендерных отношений и сексуальной репрезентации. Эти правила создают сексуальный сценарий группы, исполнителем которого выражают гомофобию, приветствуют образцы сексуально привлекательной женственности и агрессивной, доминирующей мужественности, но, прежде всего, осуществляют сексуальный поиск.

Следование правилам агрессивной мужской сексуальности и эмоциональная работа, выполняемая при этом юношами, нуждаются в интерпретации. В условиях, когда достижение престижных социальных статусов и их атрибутов (например, в потреблении) является невозможным, мужское превосходство и гермоновая маскулинность, конструируемые в микромире неформальной группы, могут выступать социально-психологическим субститутом социальных достижений, способом разрешения депривации и снятия напряжения. Гетеросексуальность здесь является важнейшей культурной формой, поскольку выступает предельным полконтрольным юношам полем свободы и власти. Субкультура и гендерные нормы мужественности задают коннотации чувств, образов мужской сексуальности (агрессивности, успешности, опытности, холодности, власти), которым необходимо следовать, чтобы не утратить позиции в группе. Этот вывод сам по себе не нов. Он делался уже несколькими исследователями молодежных субкультур рабочего класса в Англии, в частности П. Уилкинсом в работе «Leaping to Labor». Резомиротворительный А. МакРобби, он звучит следующим образом: «Через язык агрессивной маскулинности юноши проявляют (и компенсируют) — Е. П.) недовольство по отношению ко всем типичным структурам, в которых они существуют. Образы сексуальной власти и доминирования используются в качестве вида

последнего оборонительного прибежища» (МакРобби 2000)¹⁴.

Однако вылазочная в ходе исследования необходимость эмоциональной работы не позволяет нам ограничиваться приведенным выводом. Необходимость управлять своими чувствами (вплоть до лицемерия) как для юношей, так и для девушек встроена в сексуальный спенарий тусовки и выполняет важные социальные функции. Это, однако, не означает отсутствия у этого слоя личности значимости и реальности для актеров. Социально-сконструированные эмоциональные конвенции настолько глубоко инкорпорированы, что несоответствие им искренне расценивается как личностная неудача, и действия в соответствии с этими конвенциями вполне реальны по своим последствиям. Вместе с тем было бы и ошибкой не видеть, как за этим спенарием прослепает потребность в искренней любви и нежности. Это говорит о том, что существует по крайней мере два пласта сексуальности, из которых нами был подвергнут интерпретации только наиболее явный.

¹⁴ Необходимо добавить, что для подтверждения тезиса о преимущественно квиссовой (а не возрастной или темпераментной) природе агрессивной сексуальности подростков необходимо сравнить ее с сексуальной культурой молодежи, принадлежащей к среднему классу, а также с сексуальной культурой взрослых представителей рабочего класса.

© Пушкарева Е., 2002

Елена Юрская-Смирнова

СТИГМА «ИНВАЛИДНОЙ» СЕКСУАЛЬНОСТИ

«Ах, — говорит персонаж Сартра, — это другие люди». Никто не знает этого лучше, чем инвалиды. В дополнение к инвалидности и следующим из нее ограничениям, еще одна проблема инвалидов — убедить других в том, что у них те же самые человеческие желания и порывы.

Алекс Камфорт (Симфорт 1975)

Процесс идентификации, или создание образа Я, происходит в условиях ограничения репертуаров телесных образов, созданных людьми и институтами. Данная статья — о политике репрезентации инвалидов как сексуальных субъектов, политике создания или инвалида как природно-экзотического, расово-биологического, бесполого асексуального или гендерного гиперсексуального тела. Вначале речь пойдет о сексуальности инвалидов, которая оказывается в фокусе властных отношений и превращается в объект политического контроля. Этот контроль проявляется в разных формах: от радикально жестких и явных запретов негативной егетеники и социальной враждебности — до более изощренных и тонких подходов «нормализации», независимой жизни, сексуального просвещения, эксплуатации образов инвалидности в массовой культуре. Тем самым складываются структурные условия гендерной и сексуальной идентичности инвалидов. Вместе с тем особенностями индивидуальной биографии определяются уникальными возможностями выбора, которые имеются в судьбе каждого человека — именно об этом говорится во второй части статьи. Темы индивидуального выбора, самоопределения звучат в личных историях инвалидов, рассказанных в интервью или автобиографических эссе. В этих

историях слышны голоса людей, которым тесно «внутри категории инвалидности», т. е. в пределах идентичности, заданной лишь диагнозом и дефектом. Однако инвалидность всегда остается «при них», играет важную роль в судьбах этих людей и потому становится основой персонального и коллективного переопределения самих себя и социальных отношений, включая отношения сексуальности. В третьей части статьи обсуждается тематика «интимного гражданства», истории тела, гендера и сексуальности, которые, будучи приватными, становятся политическими, так как позволяют переопределять нормальность и добиваться признания тех, кто обычно молчит и кого обходит молчаливым властным большинством.

Сексуальный контроль и нормализация инвалидности

Секс и сексуальность формируются в социальном взаимодействии в соответствии с интерсубъективными смыслами, присписываемыми культурой, и внутренними, субъективными смыслами индивидов. Последствием рационализации культуры становится возможным осуществление социального контроля над индивидом в сфере сексуальной, приватного, интимного. Сексуальная сфера превращается в политон борьбы за норму, где главным критерием становится социальная полезность, а не достоинство человека. Разнообразные социальные практики современной сексуальности несут на себе отпечаток нормирующих дискурсов, которые действуют в широком континууме: от семейных и родственных связей — до популярной культуры, юридической булвы и специализированного экспертного знания. Социальный контроль сексуальности, непосредственно связанный с контролем над рождаемостью и моралью, становится фундаментальным классовым и расовым маркером, критерием нормальности, включенным в более широкий набор властных отношений.

Антигуманные методы евгеники первой половины XX века включали массовую насильственную стерилизацию «психически и социальными девиантами». Современная так называемая *негативная евгеника* выражается в генетическом консультировании и, в крайнем случае, отрывании брачных связей людей с тяжелыми психическими заболеваниями наследственного характера (Рудкевич 1997). В России 1990-х годов распространены такие врачебные практики, как настоятельные советы женщинам отказываться от ребенка, родившегося с тем или иным нарушением, а женщинам с инвалидностью — отказываться от идеи вынашивания плода. С пози-

ций феминистской биополитики, такие эмансипаторные ценности, как право на аборт, и такие достижения современной медицины, как контрацепция и пренатальные тесты, создают возможности выбора для женщин (и мужчин) с инвалидностью, одновременно маргинализуют их. Но сути практика генетического консультирования входит в систему сексуальных запретов по отношению к инвалидам, помещая инвалидность в медико-биологический, даже расовый, дискурс.

Гендерная социализация инвалидов связывается некоторыми авторами с сегрегацией, или темто, по метафоре Бурдье. В серии 1990-х годов советы психолога Ролителлим, опубликованные в журнале «Социальная защита», транслируют образ инвалида как человека «с ярко выраженным уродством», «имеющего признаки деформации личности не только из-за своей внешности, но и из-за неспособности создать семью», «постоянно находящегося дома», чье поведение порою «носит несколько оживотненный характер». Что касается здоровых людей, они, как утверждается, «неверно обращаясь с инвалидами... подбадривают их, утверждая, что физический недостаток не мешает общению с другим полом, не понимают, что... для большого человека куда полезнее было бы общаться с себе подобными...» (Левченко 1995). В этих рассуждениях утверждается, что инвалида не способен создать семью. Если ему и разрешается общаться с другим полом, то только в кругу «себе подобных».

Сексуальность инвалидов табуируется и замалчивается, а гендерная идентичность представляется как «инвалидная», т. е. проблематичная, недействительная. Самая простая иллюстрация того, что общество отказывает инвалидам в половой принадлежности, — это знаки на туалетах в общественных учреждениях на Западе¹ (рис. 1).

Рис. 1. Обозначения общественных туалетов: для женщин, для мужчин, для инвалидов.

¹ Отметим, что в России инвалидам-колясочникам полностью отказано в общественной деятельности из-за отсутствия физических барьеров, отсутствия специально оборудованного транспорта, вездеход в здания, туалетов и лифтов.

В сегрегированном сообществе воспроизводятся нормы «отранниченной сексуальности». Проведенное нами исследование² в школе-интернате для детей-инвалидов указывает на амбивалентное отношение к вопросам пола и сексуальности: темы семьи и брака обсуждают на специальных занятиях, посвященных социальной адаптации ребенка с инвалидностью, однако в общенных ситуациях сексуальное развитие не поощряется, а знание о сексуальности подвигается моральным табу. Проблема сексуального образования характерна не только для России и не только для детей с инвалидностью. Однако в случае затрудненной визуальной, слуховой и языковой коммуникации у детей в интернатах, как и в семье, серьезным образом ограничивается доступ к сексуальной информации. Приоритеты других образовательных программ не оставляют свободного времени для сексуального просвещения в школе-интернате, даже если важность такого образования признается. Как указывают Д. и М. Фитц-Джеральды, в Великобритании в 1980-х годах «66% домов-интернатов для глухих, хотя и предлагают некоторое формальное сексуальное просвещение, в среднем время, уделяемое таким занятиям, составляет лишь 47 часов в год. Принимая во внимание темы, которые там обсуждаются, и просвещение в этих школах остается «кризисноориентированным» и фрагментарным. В 70% учреждений занятия по сексуальному просвещению ведут обычный преподаватель, не получивший никакого специального образования. В 97% образовательных программ для повышения квалификации учителей нет ни одного курса, который бы способствовал выполнению задачи учителя в сексуальном просвещении» (Fitz-Stead and Fitz-Stead 1985: 483). В отношении людей с тяжелой формой инвалидности вообще считается, что, поскольку их продолжительность жизни невелика и они не имеют будущего, нет необходимости обсуждать с ними школьную программу, карьеру или сексуальность (Vlatner 1993: 16–19). Родители также часто не знают, как им воспитывать ребенка-инвалида, как говорить о половых отношениях, испытывают затруднения в разговорах о сексуальности и на другие интимные темы. Поэтому они стараются избежать обсуждения этих тем, убеждая себя, что «особый ребенок» еще не дозрел до восприятия информации о сексе. Исследователи приводят случаи, когда 35-летняя женщина-

² Этнографическое кейс-стади в школе-интернате для детей-инвалидов, 2000–2001.

инвалид, живущая в интернате, очень мало знает о своем теле и сексуальности и не имеет половых отношений (Иориссен 2000). Код сексуальности для инвалидов на Западе возник в 60-е годы в рамках концепции *нормализации*, понимаемой как растущие возможности «обычной, нормальной» жизни. Обычный, т. е. нормальный, жизненный стиль включает не только дом и работу, но и секс и брак. Дискурс нормализации сексуального просвещения первоначально не учитывал гендерных различий. Как полагают Д. Уильямс и М. Нинд, контроль за сексуальной жизнью по-прежнему в основном находится в руках профессионалов, гендерные различия отрицаются (либо им приписывается биологический характер), сексуальные возможности интерпретируются как ограниченные (Williams and Nind 1999: 669).

В 70-е годы обсуждается «позитивность» евгеники. В текстах по сексуальному просвещению того времени людей с умственной отсталостью воспринимают как лишенных гендерной идентичности и сексуальности. Если гендерные различия выявляются в дискурсе, то женщинам с умственной инвалидностью приписывается не только неразборчивость в сексе, аморальность и узависимость, но и чрезвычайная плодовитость, приводящая к производству слабоумного потомства. Как указывают Уильямс и Нинд, которые проводили исследование проблемы женщин с трудностями в обучении³, тема сексуальности в дискурсе возникает в связи с организацией контроля над репродукцией с акцентом на проблематике сексуального здоровья, а не сексуального удовольствия.

В 1980-е годы появляется новая идеология нормализации, однако аспекты старой евгеники продолжают существовать, проявляясь в страхе и враждебности. Людям с трудностями в обучении отказывают в способности исполнять «обычные», в том числе сексуальные, половые роли. «Нормальное» общество стратегифицировано по полу и патриархально, поэтому понимание сексуальной «нормальности» создается и дифференцируется на основе социального неравенства, а это может привести женщин с трудностями в обучении лишь к столкновению с домашним насилием, изнасилованием, к нежелательным беременностям и просто отсутствию удовольствия (Williams and Nind 1999: 666). В текстах о сексуальном и гендерном поведении обсуждаются только отношения с противоположным полом, т. е. дискурс нормирует инвалидов в рамках гетеросексуальности.

³ Отечественный аналог британского термина «трудности в обучении» (learning difficulties) — умственная отсталость.

Если на Западе эта тема попадает в поле академической дискуссии в 1980-е годы (Fine and Asch 1988, Morris 1993, Morris 1991) под влиянием социальных движений (Capping 1981, Oliver 1989, Oliver 1990), то в России проблема гендерной идентичности и сексуальности в связи с инвалидностью практически не затрагивалась ни в социологических исследованиях, ни в публичном дискурсе. В российской иконографии психологических отношений между государством и инвалидами код сексуальности возникает с 1990-х годов, пополнив дискурсивный арсенал идеологии *независимой жизни*: выходит телепрограмма «Про это», посвященная сексуальной жизни инвалидов, появляются переводная сексологическая литература (Келли 2000), Интернет-публикации (Прокопенко 2001), журнал «Социальная защита» начинает выпускать приложение под названием «Секс для пожилых и инвалидов».

Публикации о сексе инвалидов в этом периодическом издании можно условно разделить на три группы: *медийную, социальную, правовую и биоэтическую*. Первая группа представлена статьями отечественных авторов (Юрьев 2000; Павлов 2000а; Павлов 2000б; Прокопенко 2000а; Прокопенко 2000б) — психиатров, сексологов, психологов — и носит ярко выраженный медийлистский характер. Об этом откровенно говорят заголовки: «Половые расстройства при эпилепсии», «Не гнаться за журавлем», «После Чернобыля», «Если болит спина». В статьях обсуждаются «особые расстройства», «степень выраженности нарушений», «особенности характера больших эпилепсией и сахарным диабетом», «изменение личности», «снижение сексуальных показателей», «нарушение выработки сперматозоидов и семяизвержения», детская инвалидность как следствие поздних родов.

Транспируя информацию о способах медикаментозного лечения различных заболеваний автор(ы) этих статей (Ю. Прокопенко, П. Юрьев, П. Павлов) создают образ инвалида как *истории болезни*: «Партнер эпилептика должен четко представлять себе особенности характера больного... поддерживать и контроль со стороны здорового человека ожидают жизнь больного и одновременно делают легче пребывание с ним под одной крышей» (Прокопенко 2000б: 8); «искреннее желание женщины помочь больному приспособиться к новым условиям интимного общения, зависящим от действия болезни, позволяет мужчине быстро восстановить свой сексуальный потенциал, хотя, конечно, и в несколько ином качестве» (Прокопенко 2000а: 6). Подобно европейскому миссионеру времен Колумба, которому все туземцы казались

одинаковыми, авторы медицинских статей видят всех своих персонажей гендерно и сексуально идентичными: «инвалид-больной» — это чаще всего мужчина, утративший свою главную мужскую функцию.

Авторы второго типа статей обращаются к сексуальному здоровью инвалидов с точки зрения социальной защиты. Инвалиды, особенно дети, показаны пассивными объектами неправильного обращения и жертвами насилия, в том числе сексуального. В статье с характерным названием «Скажи им нет» автор, даже не допуская мысли, что семьи детей-инвалидов могут испытывать радость и удовлетворение от общения со своим ребенком, с уверенностью утверждает: «Легко жить семьям, где растут большие дети. Здоровые развиваются и шатают дальше по жизни, в то время как инвалиды иногда остаются детьми на всю жизнь. Никогда нет спокойствия с ребенком-инвалидом, постоянно возникают новые проблемы и нависают новые прозовые тучи» (Тавелин 1998). В начале упомянутой статьи говорится о девочке-инвалиде, однако далее в тексте код гендерных различий больше не используется.

Наконец, третья группа текстов (Экберг 2000, Андерсон 2000, Фалкберг 2000) — о реальной сексуальности инвалидов, о неудачах и радостях интимного общения, о том, какую роль играет секс в становлении человека, в его/ее жизни, семье, об отношениях с родителями, о прошлом и будущем. Эти статьи с соответствующими названиями — «Из пролести отчаяния — на вершину счастья», «Это выглядело прекрасно», «Жизнь прекрасно» — написаны шведами и представляют собой биографические истории, рассказы о жизненном опыте, в котором переживания перешитаются с их осмыслением, интимные детали погружены в социальный контекст. Инвалиды здесь — не жертвы и не пациенты, а живые люди, включенные в многочисленные социальные связи, играющие разнообразные социальные роли в неоднородных или привычных обстоятельствах, в семье, на работе и в школе. Это — сексуальные биографии успешных людей, преодолевших извилисто, стыд и неуверенность в себе, полноправно и с большой отдачей участвующих в жизни общества. «После школы я закончил двухгодичную гимназию со специализацией "торговля и конторская работа". Там я стал играть в театральной группе "Троица Телуса". Это была очень активная группа. Мной сыграно несколько крупных ролей. В спектаклях говорилось о любви, сексе, насилии, враждебности к иммигрантам...» (Экберг 2000: 5). Итак, сексуальная идентичность инвалидов предстает как жизненный опыт

республиках СССР, таких инвалидов (мужчины и женщины) можно увидеть на центральных площадях и улицах крупных городов: здесь гендерная идентичность становится второстепенной, так как окружающие в первую очередь должны воспринимать их как несчастных калеков. В России среди таких нищих преобладают мужчины, «рабочая одежда» которых состоит из кадуфляжной формы, апеллирующей к их реальному или виртуальному доблестному прошлому. В этих случаях гендерная идентичность все же играет свою роль в культурном капитале, который предполагается обменивать на милосердие окружающих.

Сексуальная идентичность инвалидов выступает дополнительным способом конструирования идентичности гендерной и оказывается под еще более пристальным контролем общества. Это выражается в медиализации сексуального опыта инвалидов (как правило — мужчин), чья сексуальность рассматривается как проблематичная, а также в репрезентациях их сверхмужской сексуальности. При этом реальная жизненная гетеросексуальность инвалидов пренебрегается как опыт иной культуры, тем самым несколько экзотизируется, а гомосексуальная идентичность инвалидов практически не обсуждается.

**«Внутри и вне категории инвалидности»:
проблемы сексуального (само)определения
в публичном дискурсе и биографических инвалидов**

В изображении сексуальности инвалидов в публичном дискурсе и личных свидетельствах перешагивают репрезентации биографической жизненной реальности и политического контекста, стилизируются и конфликтуют между собой идеологии. Инвалиды — мужчины и женщины, — становясь персонажами и рассказчиками сексуальных историй, примеряя на себя экспертные оценки, пытаются выйти за узкие рамки категории инвалидности и сопротивляются стигматизирующим их образам.

Сексуальная биография, «история интимного гражданства» (Pillitter 1995), вынесенная в публичный дискурс, может работать на разоблачение социальных мифов об инвалидах, становиться способом борьбы за идентичность. По словам Кена Пламмера, «рассказывание сексуальных историй — политический процесс, а анализ сексуальных историй — не просто любопытство или вудейризм. Такой анализ является центральным для понимания того, как работает сексуальная политика в современном мире, где на

смену эссенциализму и толерантности приходит признание и разность различий, власть снизу, власть посредством участия. В настоящее время меняются тактики и стратегии пространства-времени — голоса в маленьких уголках мира обдают потенциалом распространения по всему миру, на смену старому порядку, утверждавшему стабильность пространства и времени, приходят новые правила — внезапность, моментальность и значимость малого» (Pillitter 1995: 151). Новые социальные миры сексуальности уверенно заявляют о себе.

Инвалиды в 1980—1990-е годы сопротивляются неадекватной репрезентации инвалидности в «мэйнстримной» культуре. Происходит переопределение объективизирующих терминов, например, термин «калека» (cripple) становится категорией, организуемой проведением диссологично социальных движений инвалидов. «Стриптезу» (культура калек) — так называется документальный фильм, снятый в США, о борьбе инвалидов за приобщение к мэйнстримным культурным институтам. Группа «Воинствующие калеки» (Militant crip) в футболках «Piss-on-Pity» («Шлевать на жалость») на митинге протеста перед Белым домом выступила против традиционного образа благотворительных кампаний, где инвалиды изображаются спокойным, покорным, жертвой и объектом жалости (Gleeson 1999: 134—136). Институциональное и структурное угнетение инвалидов проявляется как угнетение символическое, опирающееся устойчивымися в культуре символами и кодами. Институты реализуют свою власть, поскольку, имея монополию на символические средства, способны нормализовать понятия и ценности культуры, и именно эта монополизация становится объектом сопротивления и борьбы. Диссология протеста ориентирована на политику интерпретации, политику символического (само)определения.

Постгесса Л. Кейт (Keith 1994: 57), например, предлагает рассмотреть язык инвалидности как язык женственности. В своих произведенных она выражает сомнение в доминантных и принятых как должное представлениях о мире:

Завтра я собираюсь переписать английский язык.
Я отступу все эти напористые метафоры власти и успеха
И построю новые образы, чтобы описать мою силу,
Моя новизна, иную, отличающую меня от других сил.
Тогда я не буду вынуждена чувствовать себя зависимой
Из-за того, что не могу Прочесть Стюарт На Обвех Нетрах,
И я откажусь чувствовать себя неудачницей
Из-за того, что не сделала Шаг Вперед.

Я не буду чувствовать себя неадекватно,
Если я не **Постаню За Себя**,
Или неогранично из-за того, что не могу
Действовать **Шаг За Шагом**.
Я заставляю их понять, что это очень мужской способ
Понимать мир — это «**Прямомышленное**» и «**Делать Большие Шаги**».
Да, завтра я собираюсь переплыть английский язык.
Создавая мир по своему образу.
Мой язык будет более мягким, более женским способом
Описания моего продвижения.
Я буду катиться, стелиться и закручивать.
Я найду способ.

(Клиш 1994: 57. Перевод Е. Р. Дреской-Смирновой).

В отечественном публицистическом дискурсе также появились «разоблачения» социальных мифов о гендере и сексуальности инвалидов. В электронной публикации Ю. Прокопенко (2001) ставятся следующие предубеждения: «1) неполноценные люди и инвалиды беспомощны и потому нуждаются в опеке; 2) неполноценные люди и инвалиды должны вступать в брак только с себе подобными; 3) родители детей-инвалидов не хотят просвещать своих детей в вопросах сексуальных отношений; 4) для достижения полового удовлетворения необходимо, чтобы половой акт завершался оргазмом; 5) половые нарушения у инвалидов и неполноценных людей обязательно связаны с их неполноценностью; 6) полноценный человек может вступить в половую связь с неполноценным, только если у него нет выбора. К неполноценным в данном контексте относят людей со сниженным психическим развитием — олигофренов, дебильных и др.». Однако автор, ставя задачу разоблачения мифов, пользуется традиционными междисциплинарными терминами «неполноценный», «олигофрен», «дебиль», не подвергая сомнению их дискриминирующий эффект (во многих странах мира эти термины давно не употребляются). Кроме того, этот текст, очевидно, относится только к мужчинам и адресован только им. О женщинах говорится лишь один раз — в связи с частотой испытываемого оргазма: «По статистике всегда или часто испытывают оргазм при сношении около 30% женщины, 30% — примерно в половине случаев сношений, а 30% испытывают его редко или не испытывали никогда. То же относится и к женщинам-инвалидам». Порой женщины испытывают трудности в сексуальной сфере, инвалиды — не исключение. Однако представленные об их гендерной идентичности в сфере сексуального объединения в когерентное целое с инвалидностью.

В целом же создается впечатление, что весь текст и все примеры рассказывают только о мужчине-инвалиде: «Сексуальность не зависит от наличия инвалидности, она дана нам от природы, и каждый человек, даже инвалид с детства, вырастает во взрослого, для которого характерно наличие половых гормонов, а следовательно, и полового влечения. Более того, если, например, взрослому мужчине пришлось вычек (травма, операция, изверство), т. е. подвергся кастрации, он ВСЕ РАВНО способен к половой жизни, пусть и не с такой интенсивностью, как раньше... Инвалиду нужна не опека, а поддержка, помощь в определенной ситуации, с которой ему особенно трудно справиться... От Президента до сантехника — все мы работаем друг на друга, помогаем друг другу лучше и легче жить... На протяжении жизни практически каждый мужчина сталкивался с каким-то нарушением потенции, а около 15% страдают от достаточно длительных нарушений. О женских проблемах уже упоминали выше. Все то же относится и к инвалидам» (Там же). Личные местожительства мужского рода и мужские образы (Президент и сантехник) создают конструкт инвалида-мужчины, а женщина-инвалид остается за пределами образованного пространства. Сексуальные проблемы инвалидов связаны только с одной гендерной идентичностью — мужской гетеросексуальностью.

Попытка разоблачения мифа об асексуальности инвалидов в популярной печати создает другой миф — о гиперсексуальности мужчин-инвалидов: «В большом количестве в свое время были очень известны пост-инвалиды, который имел репутацию герцога-любовника. В его объездах бывали почти все местные красавицы. Как оказалось, среди инвалидов часто встречаются такие любвеобильные типажки. Сексопатологи объясняют это стремлением решить одну из основных проблем людей с ограниченными возможностями, которая связана с низкой самооценкой... (Инвалиды), чтобы никто не сомневался в их состоятельности, утверждают, что у них сексуальное влечение намного выше, чем у здоровых людей» (Кузнецова 2000).

О женщинах-инвалидах мы можем судить преимущественно по западным источникам, поскольку в российском дискурсе их голоса и проблемы остаются неозвученными. Американка Н. Мэйфр, которая оказалась в инвалидной коляске уже в зрелом возрасте, рассказывает в своей автобиографической книге «По пою в мире: Жизнь среди неинвалидов» (Maifs 1996), как ей пришлось столкнуться с такими социальными мифами о женщине-инвалиде: 1) ей недостает здоровья или компетентности, чтобы иметь работу; 2) ни

Один мужчина не заинтересуется ею и не захочет заботиться о ней физически, ни эмоционально; 3) инвалидность может только вредить, но никогда не сможет усилить семейные и дружеские связи; 4) суицид — это вполне понятная и даже рациональная реакция на физическую неполноценность.

Журнал «Обаяние» («Glamour») пригласил Н. Мэйрс подготовить статью по письмам женщин-инвалидов, приславшим в редакцию описание своей жизни. Хотя все эти женщины и были инвалидами, они так сильно отличались друг от друга по типу инвалидности, что Н. Мэйрс было трудно делать какие-либо обобщения. Как выразилась приславшая в редакцию письмо Пегги Мэриман, «большая часть людей предпочитает (сознательно или бессознательно — им так проще) говорить об инвалидах вообще, подтая, что у нас у всех одинаковые проблемы и, что еще хуже, что все проблемы, какие у нас есть, происходят из нашей инвалидности». Негативное определение женщины (относительно того, чего она не может делать) приводит к разрушению ее жизни: «Я чувствовала, что меня никто не интересуется, где не было места для движения, но ведь "мне меньше всего нужно двигаться!"» — в 21 год написала Н. Пассман, ноги которой были парализованы в младенческом возрасте. По словам этих женщин, «инвалидность» — лишь один из элементов их сложной и богатой личности, который не обязательно противоречит всему остальному в их жизни (Там же).

Однако жизнь за пределами (категории) «инвалидности» не устраняет ту реальность, которая может включаться в себя слабость, усталость, деформированность, физическую боль, болезни и необходимость иметь технические средства — костыли, коляски или слуховые аппараты. В обществе, которое приравнивает жизненную способность и красоту к физической крепости и здоровью, женщины-инвалиды вынуждены ощущать их дефицит сильнее, чем любая другая. Эта женщина узнает из личного опыта то, о чем у других есть лишь «внеочередное знание», то, что многие другие в их возрасте понимают только умом: что жизнь несовершенна, что инвалиды более квалифицированы специалист не всегда получает работу, а самое лучшее сердце не всегда находит пару. И хотя многие женщины-инвалиды, казалось, воспринимали это как испытание, их жизни могли не быть совершенством с позиции социальных стандартов и договоренностей, но сами они были уверены в том, что в любом случае живут полноценно и страстно.

Юмор занимает важное место в самоидентификации женщин-инвалидов, приславших свои письма в журнал. Одна женщина рассказывала в письме, что стеснялась в детстве признаваться другим детям в своей глухоте и отвечала на их вопросы «да», «нет», «не знаю», что иногда приводило к забавным ситуациям. Когда она выросла и наконец стала уверенной в себе настолько, что смогла отказаться от этих «глухих ответов», она по-другому фиксировала особенности своих сексуальных отношений с мужчинами: «Они не могут шептать мне в ухо сладкие, ничего не значащие слова, потому что я буду вынуждена повернуться к ним лицом и прошептать в ответ: "Что?"».

Кроме чувства юмора гордость так же значила многое для этих девочек в их нелегком детстве: «Однажды я получила мой первый слуховой аппарат, мне было девять лет, и доктор сказал, что мои длинные волосы с легкостью скроют этот прибор, — написала М. Козл, студентка юридического факультета Стэнфордского университета, рожденная глухой. «В ответ я завязала мои волосы в хвост и с высоко поднятым носом вышла из его кабинета».

Несмотря на различия в опыте этих женщин, все они посвятили большую часть своей энергии карьере и любви. Этим женщинам было труднее установить романтические и сексуальные отношения, чем дружеские. Это подтверждается и материалами интервью с женщинами-инвалидами в Саратове (Latiskaia-Smitova 2001)⁴. В рассказах моих респонденток звучит лейтмотивом идея невозможности романтической любви и сексуальных отношений. Такой эффект стигмы инвалидов как «не интересуюсь» сексом, стигмы, которую несут на себе большинство респонденток, — «наследие, традиционно укорененное в изобгании, цензуре и подавлении сексуального роста и развития» (Fitz-Gerald and Fitz-Gerald 1985: 485). Нарратив одной из респонденток — Ауньи — неразрывен с «клубничными нарративами и метанарративами гендера и инвалидности» (Plotas 1999: 51), где «инвалидное» тело конструируется как белое, асексуальное, регулируемое публичным дискурсом и контролируемое государством. Поведение и установок других людей кажутся ей естественными, неизменными, к которым следует приспособиться и принять их такими, какие они есть: «Если я не успеваю за ними (ее братьями), я просто выжила раньше, намного раньше. ... Видим ли,

⁴ Исследование биографий инвалидов, 1999—2000.

можно обойти большое место, вот и все... Например, я не могла заставить романтических отношений, и просто наблюдала за друзьями». Она находит способы примирения с собственной инвалидностью в интимной сфере, достигая консенсуса между собой и окружающими в собственной семье, но сопротивляется неравенству и социальной несправедливости, воплощаемыми организациями и институтами.

Многие из женщин, приславших свои истории Н. Мэйр, были обеспокоены распространением восприимчив в американской культуре женщины с инвалидностью как неспособных или незинтересованных в сексе: «В этой культуре (современной американской — Е. Я.-С.) люди с инвалидностью считаются вещными детьми, что означает, что любые сексуальные проявления для них считаются неподходящим занятием или извращением». Женщины подчеркивали сложность интимных отношений, необходимость быть избирательными, иметь чувство юмора. Были и ставшие истории: «С его помощью я приняла себя, я горжусь собой и люблю. Я смотрю (на себя) в зеркало и вижу нормальную». Другие признавали внутреннее барьеры, не позволившие им вступить в интимную связь. Мои респонденты рассказывали об опыте преодоления границ между инвалидами и неинвалидами. Часто в своей жизни женщины должны артикулировать это различие, чтобы сделать себя видимой. Знаю, что их, как и других женщин, будут оценивать по внешнему виду, многие уделяют большое внимание своей одежде, макияжу и причёске: «Но они смотрят на меня чаще, чем на тебя, мне красивое платье нужнее, чем тебе!» — вспоминает респондентка свой разговор с сестрой в юности.

История тела, гендера и сексуальности — личное или политическое?

К. Пламмер, утверждая, что «истории тела должны быть рассказаны», упоминает разные виды «историй интимного гражданства»: семейные истории, эмоциональные, репрезентационные, телесные, гендерные, эротические, истории идентичности. Телесный дискурс занимает важное место в биографических историях инвалидов. Тело является неотъемлемой частью и продуктом социальных отношений, с ним связаны одежда, внешний вид, спорт, ранение и секс, боль и радость; тело инвалида — это объект пристального взгляда других — публики, врачей, фотографов. М. Мэйсон, в дет-

стве много времени проводившая в больнице, рассказывает о своих воспоминаниях: «Я помню, как меня фотографировали. Мне сказали, что сделают несколько снимков, и я подумала: "О, хорошо", предположив, что это будет фотография, какие не раз делал мой отец. И вот приходит этот мужчина со всем своим оборудованием, я захожусь в детском отделении, вокруг меня ставят ширмы и говорят, "чтобы в все сняла с себя. Я не могла понять и просто сделала это. Я не понимала, что происходит на самом деле. Я только знала, что он снимал кусочки: он фотографировал не меня, а только кусочки меня. Это было жутко. Я думаю, это было действительно грубо. Помню, я спросила, что он собирается делать с этими снимками? И он сказал: "Мы их поместим в книгу". И это все, что я помню, мне было отвратительно... Думаю, это — насилие. Это — насилие над чьим-то частным миром» (Hughes 1998). Пролегулы осуществляют в практиках медленного дискурса трансформируют природу субъекта, в данном случае — маленькой девочки в больнице. В результате таких медленных процессов человек испытывает на себе акт демедицинизации, превращаясь в вещный объект, и редуцируется до медийного случая, пригодного для того, чтобы быть зафиксированным на фото как «большое (искаженное) тело».

Анализируя дискурс телесности биографического интервью, можно почувствовать большие возможности для интерпретации. Придавая или не придавая значения телу, наделяя телесные изменения культурными смыслами, мы воплощаем себя в своей истории, делая это по-разному в зависимости от нашего пола, возраста, физических способностей и стиля. Это подтверждает биография одного из респондентов — мужчины 48 лет, возглавляющего обществоvenu организационно инвалидов в российском городе. Смысловое поле его биографии расползается вдоль нескольких осей интерпретации (см.: Фрекава-Смирнова 2002). Метафорические и структурные ходы противопоставляют горизонталь неподвижности, бесшумия («ходить не могу», «прикован к постели», «ползать начал», «на ночь ложился») вертикали как принципу идентификации (звлядки, растяжки, «меня снимали с такого часа», «я мог прямо стоять»).

В его рассказе непосредственно за реабилитационными практиками детства, описание которых телесно насыщено (респондент показывает на свои ноги, допрагиваясь до тех мест, о которых идет речь), рассказ наполнен переживаниями), следуют сообщения о мобилизующих событиях в возрасте 36 лет, и в повествование впе-

твоятся знаки когнитивной идентичности, контроля и достижения. Его рассказ — типичный вариант мужской автобиографии, основной мыслью которой является способ достижения успехов и избегания поражений, следуя идеалу культурных героев (Setzen 1993: 194), причем идеализированная модель жизненного пути сводится к главному спендарно периоду зрелости — успешной карьере, признанию в публичной сфере, что обычно предстает как независимое и отделимо от телесности. Тело, даже если и упоминается, то характеризуется обычно как «служит», отчужденный механизм, который нужен для эффективного выполнения планов хозяина; описание событий лишено эмоций, а редкие упоминания о теле белны деталями, что свидетельствует о слабости «воплощенности» автора в повествовании.

С детства не обращать внимания на ушицы и сидины, стремиться управлять своим телом и соревноваться с другими мальчишками в подростковом возрасте, заниматься спортом, а затем пренебрегать своим телом ради карьеры и публичного успеха, «обесценивая потенциально важные аспекты человеческой жизни» (Setzen 1993: 215), — все это характерно для доминирующей маскулинности. Жизненный опыт «ане тела» можно объяснить по-разному. В психоаналитической традиции специфика этого опыта объясняется отдаленностью, которую мальчишки чувствуют по отношению к собственной матери. В теории ролей — интернализацией традиционной маскулинной идентичности; в марксистской традиции — отчуждающими социальными структурами капиталистического способа производства; в культурном анализе — властью дискурсивных формаций (Edley and Westell 1996: 97-113). Однако у инвалидов восприятие собственного тела и идентичности соединяются иным образом. Возникнув в раннем детстве (или с приобретением инвалидности), эта связь постоянно напоминает о себе, и когда в жизни мужчины начинается первая социальная достижения, взаимосвязь собственного «я» и тела постоянно сказывается на меняющемся самоопределении, межличностных отношениях и траектории карьеры.

Приведем эпизод из монополии респондента, который демонстрирует конструирование мужской идентичности при помощи выносливости. Светловолосый и невысокий юноша выглядел моложе своих лет, и ему приходилось показывать комсомольский билет, чтобы пропустить на индийский фильм «Преданность», смотреть который детям не разрешали. В конце концов он обратился за советом к «индианской парикмахерше», которая подсказала отравить бороду:

«Борода оказалась пышной, черной и кудрявой. Тут, конечно, я со-
лдно стал выжидать. И законство с предостережением слабого
пола — тут проблем не стало». Примерка «малки маскулинности»
происходила здесь в рамках одной из «идеологий» мужественности,
которая в молодости казалась ему наиболее актуальной, а к мо-
менту нашего знакомства казалась уже давно не носил бо-
роды. Каждая культура, каждый жизненный стиль сообщества или
группы содержит свой набор идей и тем, относящихся к мужчине и
маскулинности, которые оказываются «полем борьбы за то, каким
же должен быть мужчина» (Edley and Westell 1996: 108) — той
идеологией или романтическим кавалером, остроумным интеллекту-
алом или надежным экономическим ресурсом. Инвалид в этом слу-
чае стремится выйти за границы идентичности, навязанной исто-
рией болезни, и сразу попадает под влияние системы ценности его
семьи, сверстников, mentors и более широкого социального окру-
жения. Меняя окружение, переформулируя цели, переоценивая
жизненные ориентиры, человек приобретает иные основания для
гендерной идентификации, которая переплетается с новыми и допол-
нительными идентификационными ресурсами его биографии — се-
мьей, работой, общественным движением.

«Истории интимного гражданства», в том числе сексуальные
истории, — это репрезентации и критика репрезентаций, это пе-
реопределение границ и признание инкавоности. В таких истори-
ях разоблачаются мифы, приватное становится публичным.
«Нельзя говорить на тему сексуальности, делаю обобщение о ген-
дерных отношениях всех людей с инвалидностью. Только на по-
верхностный взгляд эта проблема выглядит просто: люди с серъ-
езным физическим недостатком имеют меньше шансов на
счастливые половые отношения и развитые сексуальности, чем
люди с менее серьезным недостатком. Но это не совсем и не всегда
так. Решающую роль здесь играет характер воспитания. И конеч-
но, судьба и везение» (Йориссен 2000) — заявила Петра Йорис-
сен из Совета по делам инвалидов Нидерландов на форуме в Ки-
еве. По ее мнению, техническая сторона секса, как правило, не
является главной проблемой, не имеет значения, каким способом
человек занимается сексом.

Главное препятствие полноценной независимой жизни инва-
лидов, в том числе и сексуальной, — это представления об инва-
лидах как больных, которые нуждаются в постоянной заботе и
помощи, которых следует жалеть и которым нужно сочувствовать,
«которым чего-то не хватает», т. е. отожествление их с неполно-

ценными людьми. В средствах массовой информации или кинофильмах редки репрезентации инвалидов, которые просто рассказывают что-то интересное о своей профессии, обучении, политической активности или о себе в роли родителей. Дискуре «неполноценности» разрывает категорию «инвалидности» и «инвалидных практик», в том числе сексуальных. В результате родители, воспитатели, медики, а порой и сами инвалиды полагают, что секс и инвалидность несовместимы. В Нидерландах есть много учреждений, где живут от 10 до 30 людей с тяжелыми физическими недостатками, — это инвалиды, которые нуждаются в постоянной заботе. Каждый из них занимает отдельную комнату, но привилегия этих учреждений не состоит в отдельной комнате, а в отношении и интимных вступ: комнаты и кровати недоступночно просторны для того, чтобы в них заниматься сексом, персонал имеет ограниченные представления о сексуальности инвалидов. П. Йориссен считает, что такую ситуацию можно изменить при помощи целенаправленных курсов по повышению квалификации обслуживающего персонала. На Западе инвалиды организуют са-мопомощь, понимая, что они имеют такие же права, как другие граждане, в том числе и на сексуальную жизнь. Так, группа инвалидов в Нидерландах учредила бюро эротических услуг для инвалидов, в котором можно заказать эротический массаж или сексуальные услуги. В некоторых городах инвалиды частично или полностью возмещают средства, которые они затрачивают на получение подобных услуг.

По словам П. Йориссен, «если не перестать ожидать, пока государство переделает общество, можно уехать» (Там же). Инвалиды становятся активно действующим социальным субъектом, не только изменяя условия жизни, но и перепределяя свою коллективную и индивидуальную идентичность. Инвалиды — женщины и мужчины — в настоящее время выдвигают требования не только равных возможностей в сфере образования и занятости, но и права на самоопределение, (пере)формулирование нормальности, на власть называть, наименовывать само различие. Растет сопротивление распространению негативного культурного образа инвалидности в массмедиа и искусстве, репрезентации инвалидности как объекта милосердия и благотворительности. Социальные движения инвалидов на Западе стремятся заполнить позитивными репрезентациями культурные пространства, ранее насыщенные негативными стереотипами. Литература, кинематограф и популярные средства массовой информации представляли «инвалидизирующий

образ», изображали людей причудливыми уродами, беспомощными или идиотическими калекками, что лишь усиливало стереотип телесной аномалии. Эти стереотипы отказывали самим инвалидам в комплексной и богатой реальности их множественных социальных идентичностей как сексуальных, гендерных и расовых тел. Такие репрезентации усиливают и экономическую недооценку рабочей силы инвалидов, а вследствие этого — неравное распределение ресурсов. В конечном счете дисциплинирование гетерогенности человеческих форм осуществляется с целью максимизировать политическую покорность и экономическую утилизацию тела (Slleson 1999: 134–136).

Заключение

Мы обсуждали сексуальность инвалидов, которая становится объектом законодательного регулирования, а также социального контроля и властных манипуляций, легитимирующих медийные и политические эксперименты. Идеи евгеники и социальная враждебность постепенно исчезают из гуманистической риторики «нормализации», независимой жизни, сексуального просвещения. Образы инвалидов и инвалидности порой эксплуатируются в массовой культуре, чтобы упрочить стигматизирующие отношения. Инвалиды сопротивляются стереотипному дискурсу, осуществляя выбор и самоопределение в индивидуальных, в том числе сексуальных, биографиях. Мужчины и женщины отказываются ос-таваться в рамках определения инвалидности, внутри этой медий-инской (и собесеюской) категории, вместе с тем черпая из нее ресурсы для коллективной идентификации. Сопротивляясь нормирующим стереотипам, инвалиды деконструируют и реконструируют свою гендерную и сексуальную идентичность. Для инвалидов столь же важно, а порой — даже важнее, нежели для всех остальных, подчеркивать в первую очередь свои качества как мужчин или женщин: ведь именно гендер (как и профессия, семья, увлечения) определяет человека, а не воплощение диагноза. Сопротивление «инвалидизирующему» дискурсу порой происходит благодаря формированию солидарности с угнетенными социальными группами — инвалидами, другими меньшинствами и женщинами.

Социальный контроль над сексуальной идентичностью инвалидов выражается в медикализации сексуального опыта инвалидов (как правило — мужчины), чья сексуальность рассматривает-

ся как проблематичная, а также в репрезентации их сверхмаскулинной сексуальности; реальная гетеросексуальность инвалидов редко, но представлена, а гомосексуальная идентичность инвалидов практически не обсуждается.

Переопределение инвалидов показывает контекстуальность их сексуальных опытов в зависимости от пола, возраста, этнической принадлежности и гражданства, вероисповедания и интересов, профессиональной и социально-классовой принадлежности. Они настолько отличаются друг от друга, что порой имеют больше общего с теми, кто считается физически здоровыми, чем друг с другом. Согласно П. Бертеру и Т. Лукману (1995: 4), если термином «нормальность» называют то, что является антропологической необходимостью, тогда ни сам этот термин, ни его антоним неприемлемы к многообразно форм человеческой сексуальности. Вместе с тем, стереотипы и мифы, относящиеся к биологическим факторам, являются самыми стойкими и порождают большую часть дискриминационных практик исключения. Сексуальные возможности тела интегрированы в широкий спектр социальных контекстов, и, «когда мы говорим о гендере, расе, классе, возрасте, сексуальности или инвалидности, мы также вносим вклад в производство этих самых социальных различий и категорий. Более того, когда мы называем себя или кого-то другие называют нас в рамках таких категорий, это ведь так же производит нас» (Prestley 1999: 92). Реальность российской жизни нередко приводит всех инвалидов «к общему знаменателю», потому что их особые потребности не учитываются в архитектурных разработках, при строительстве жилья и общественных учреждений, на транспорте, в сфере занятости, образования и рекреации (досуга, спорта, туризма). Осознание своего отпиния ведет к тому, что инвалиды заявляют свои права на самоопределение и определение того, что признается *нормальным*.

3. Дифференцированная сексуальность: опыты и оценки

Анна Темкина

СЦЕНАРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ И ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В данной статье анализируются гендерные различия сценариев сексуальности в женских и мужских автобиографиях, полученных методом фокусированных интервью¹. Методологическим основанием исследования является социально-конструктивистский подход, для концептуализации рассказов о сексуальности используется теория сценариев (обоснование проводится в первом разделе статьи). На основе 19 женских и 18 мужских биографий осуществилась реконструкция идеалтипических сценариев сексуальности. Рассказы о сексуальной жизни далеко не всегда повествуют о сексе и всегда повествуют не только о нем, поэтому исследовательской задачей стала реконструкция интерпретивных схем (сценариев), структурирующих эти рассказы. В результате анализа текстов интервью были выделены пять идеалтипических сценариев: «брачно-пронатальный» (секс как приложение к браку и (или) репродукции), «романтический» (секс как инструмент любви), «коммуникативный» (секс как средство и (или) результат общения), «гедонистический» (секс как автономная сфера удовольствия), «рыночный» (секс как обмен). На первом этапе исследования на основе анализа женских биографий были реконструированы четыре интерпретивные схемы — пронатальная, романтическая, телонистическая и коммуникативная (Темкина 1999). Затем при работе с мужскими интервью была добавлена еще одна схема — рыночная. Данные идеалтипические сценарии

¹ Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)».

и их гендерные различия анализируются во втором разделе статьи. Однако за пределами обозначенных фреймов остались те биографии, в которых истории секса не включаются в качестве объяснительной модели ни любовь, ни брак, ни общение, ни удовлетворение, ни обмен благами. Поэтому появилась задача объяснения смысловых значений секса в таких сценариях. Этому посвящен третий раздел, в котором на основе данных историй реконструирована «базовая гендерная» модель сексуальности.

1. Социально-конструктивистский подход в исследовании сексуальности: методология и метод

Методологией данного исследования является социально-конструктивистский подход, который применяется в исследованиях сексуальности с 70-х годов и восходит к тем традициям социологии, антропологии, социальной истории, феминистской мысли, которые признали культурное происхождение нормы сексуального поведения, вариативность нарративов сексуальной жизни и наличие власти в отношениях полов (Sardool and Simon 1973, Weeks 1985, 1997). Если в рамках эссенциалистской либеральной традиции сексуальность рассматривалась как природный феномен, подлежащий раскрепощению, то для конструктивистов главным вопросом становится значение сексуального в культуре(х) и способы производства и воспроизводства значений в разных культурных контекстах. Сексуальность исследуется, исходя из понимания жизни как социально производимой, сексуальное поведение интерпретируется как создаваемое в социальных взаимодействиях, как предписываемое, оцениваемое и подотчетное.

Конструктивистский подход переместил понятие сексуальности, задаваемое взаимодействиями и интерпретациями, из природного мира в социальный. Способы исследования заданы доступными понятиями, категориями и методами; понятия, которые используются как в исследованиях, так и в повседневной жизни, культурно детерминированы. Поэтому позитивистские эмпирические исследования сексуальности, которые так или иначе апеллируют к ее «природной» составляющей, остаются широко распространеными вследствие конструируемости сексуальной либерализации (Setggen 1985). В таких исследованиях констатируется, что во второй половине XX века произошло увеличение сексуальной информированности, распространение более либеральных представлений и образцов сексуального поведения, более свободного выра-

жения желания женщины (см., например: Laumann et al. 1994; Kohler and Navejo-Mamila 1995, Спиря и Бажо 1997, см. также: Роткирх 1997, Rotkitch 2000). Аналогичные тенденции — с некоторым запаздыванием — отмечают и российские исследователи (Юлод 1996, 1999, Кош 1997). В рамках социального конструктивизма, напротив, сексуальная либерализация интерпретируется как вариант культурного конструирования сексуальности, как способ контроля дискурсивной власти над индивидуумом и индивидуализацией. В последнем случае исследования сексуальности также рассматриваются как один из механизмов контроля.

В дальнейшем анализе будет использовано социально-конструктивистское положение о множественности значений сексуальности, к которой могут относиться сексуальные фантазии, чувства, ощущения, мысли, поведение, возможность, сексуальная и гендерная идентичность (Tiefer 1995). Членовек создает значения сексуального, а не открывает «природное» в ходе либерализации, «природное» может действовать только через интерпретацию и наделение культурными смыслами. Реконструкция способов интерпретации сексуальности и является целью данного исследования.

Социально-конструктивистская методология применяется здесь и к реконструкции гендерной идентичности в сексуальной биографии (о социальном конструировании гендера см.: Уэст и Зиммерман 1997, Здравомыслова и Темкина 1998). Далее используются термин «создание (производство) гендера» по аналогии с термином «doing gender», обозначающим гендерное конструктивное действие. Под «созданием гендера» понимается комплекс социально контролируемых действий (по восприимчиво, микрополитике и взаимодействию), целью которых является выражение мужской и женской «природы» (Уэст и Зиммерман 1997: 95).

Теория сексуальных сценариев

В исследовании сексуальности широко распространение получили сценарный подход. Теория сценариев используется для уточнения того, что на протяжении всей жизни людям требуются адекватные культурным контекстам образцы сексуального поведения, которые адаптируются к конкретным ситуациям. Сценарии определяют, с кем люди имеют сексуальные отношения, когда, где, и почему они должны делать как «носители» и «исполнители» сексуальности.

Первоначально, под влиянием драматургического интеракционизма, сценарии рассматривались на двух (микрo)уровнях: на интралическом, т. е. на уровне ментальной жизни (планы на будущее, руководство в текущих действиях, схема организации воспоминаний) и на межперсональном, т. е. на уровне социальных взаимодействий, где реализуется сексуальная активность (Garzon and Simon 1973). В более поздних работах был добавлен третий уровень — культурный. «Культурные инструкции» поведения — это знание о том, как вести себя, какие истории (нарративы) имеют хороший конец, а какие — плохой. Культурные сценарии определяют общие образцы ожидаемого сексуального поведения, их «инструкции» воплощены в организации социальных институтов, в практиках (опытах) повседневной жизни (Garzon 1990). Сексуальные сценарии характеризуют ту сексуальную культуру, которая усвоена индивидом, стала частью его личности и потому управляет его сексуальным поведением «изнутри», будучи частью системы его диспозиций. Смысл этого понятия близок к смыслу слов «план», «программа» поведения, на основе которых люди могут одновременно прогнозировать свое поведение и оценивать его в конкретных ситуациях. Таким образом, сценарии включают то, что в культуре считается сексуальностью (культурные сценарии), и то, что индивиды считают сферой сексуального (индивидуальные сценарии) (Latham et al. 1994).

Операциональное использование понятия «сценарий» представляется достаточно сложным, хотя этим подходом пользуются многие авторы для анализа, например, сексуальных дебютов, гомосексуального поведения, динамики поведения пар, сексуальных техник, насилия (Garzon 1990), использования контрацепции (Hutne et al. 1998), сценариев, формируемых в средствах массовой информации (Sapriel 1998) и пр. Чаще всего в качестве сценария описывается последовательность и спектр действий «человека сексуального». В данном исследовании под сценарием подразумевается дискурсивный способ последовательной организации сексуальных опытов (практик). Эти дискурсивные способы являются «внешними» по отношению к индивидуальной биографии, они — как культурные сценарии — создают различные возможности интерпретации сексуального поведения. Агент осваивает доступные ему интерпретации, адаптируя их и оформляя через них свой опыт. В данном случае культурные сценарии реконструируются на основе анализа индивидуальной биографии.

Предметом исследования являются не сексуальные практики, а те значения, которыми наделяются их конфигурации. Рассказы-навы историко своего сексуального опыта, человек придает ему определенные смысл, истории, кроме изложения событий (последовательности практик), имплицитно и эксплицитно включает их интерпретацию и оценку.

Через интерпретацию происходит конструирование сексуальной идентичности, создается биографический нарратив (*narratives of self*) — см.: Giddens 1991, 1992). Как считает Гидденс, рефлексивный проект состоит в поддержании целостных, хотя и постоянно переосмысляемых в ситуации множественных выборов, биографических нарративов (Giddens 1991: 5). Рассказывая о своей жизни, информант создает представление об идентичности, в котором может быть выделена идея, организующая этот проект как единое целое.

Задача данного исследования заключается в том, чтобы показать, как формируется такая идея (идеи), в какие категории помещается сексуальная жизнь (секс и его оценки) человека, относительно чего она измеряется, оценивается (тем самым — как организуются сексуальная жизнь в тексте) и каким образом данные категории образуют идеалтипические сценарии.

Фреймы описания сексуальной жизни (сценарии) представляют собой совокупность значений или интерпретаций. Рамка, или фрейм, понимается И. Гофманом как то, посредством чего человек рассматривает событие. События, как они воспринимаются человеком, входят в наш мир неизбежно заключенными в скобки рамок. Рамки, сходные с правилами игры, универсальны, так как их применяют для выявления смысла происходящего с нами и вокруг нас. Одновременно человек способен гибко реагировать на изменения и подбирать соответствующую рамку для восприятия (Goffman 1974).

Термин «сценарий» в данном исследовании выбран для того, чтобы подчеркнуть, во-первых, наличие определенной последовательности дискурсивных практик, во-вторых — культурную (дискурсивную) обусловленность данных практик. Предпочтение термину «сценарий» (а не термину «дискурс») отчасти потому, что в данной работе агент рассматривается как обладающий — в рамках дискурсивных ограничений — способностью к рефлексии. «Сценарий» является метафорой, которая позволяет использовать интеракционистскую традицию, рассматривая, как смыслы создаются в процессе взаимодействия и в рассказах о них, кто и как

действует на «спусе», где разыгрывается и интерпретируется сексуальное взаимодействие.

В том случае, когда используется термин «фрейнд», он отсылает к категоризациям, осуществляемым в повседневном знании, посредством которых сексуальности присваивается определенный смысл. Понятие «идеальные типы» подчеркивает аналитическую реконструкцию последовательности смысловых событий (спенариев). Согласно М. Веберу (1990), идеальные типы устанавливаются с помощью мысленного эксперимента, они являются средством научного формирования понятия, абстракцией. Это — модель, позволяющая осмыслить все явления, для объяснения которых она сконструирована.

Итак, идеалистический спенарий — это устойчивые, повторяющиеся в определенной последовательности способы категоризации сексуальности в повседневности. В идеальном виде в повседневности они не представляются (или представлены редко) и реконструируются исследователем как модели, в рамках которых сексуальность обретает значение в персональных историях. Выделение идеальных типов позволяет затем рассмотреть более сложные системы категоризации, связанные с конструированием идентичности в конкретных биографиях.

Эмпирические данные и метод исследования

Для анализа спенариев сексуальности используются в качестве основных материалы биографических фокусированных интервью, а в качестве дополнительных — материалы конкурса сексуальных биографий. Интересно включало следующие темы: детство, студенческие годы, брак, развод, вдовство, параллельные сексуальные отношения, отношения со стабильным партнером (партнерами), а также задавались вопросы о любви, отношении к альтеру, сексуальном насилии, сексе под давлением, детском сексуальном опыте, ревности, контрацепции, аборт, деторождении, менструации (для женщин), полипозициях (для мужчин), климаксе (для женщин), венерических заболеваний, сексуальных техниках, теле, томосексуализме.

Эмпирической базой данного исследования являются:

1. 19 биографий информантов старше 27 лет трех возрастных когорт: шесть биографий женщин в возрасте 57—63 года — 60-летние (старшее поколение); восемь — в возрасте 39—48 лет — 40-летние; пять — в возрасте 27—34 года — 30-летние, две по-

летние когорты объединены в одну — среднее поколение. 18 интервью были проведены в ходе осуществления проекта, одно дополнительно в 1999 году. В старшем поколении три женщины разведены, две — вдовы, одна состоит в браке; в среднем — три состоят в повторном браке, девять разведены и одна не состоит в браке. Большинство женщин имеют высшее образование. Таким образом, это были образованные (преимущественно разведенные) горожанки, родившиеся в период с середины 1930-х до конца 1960-х годов.

2. 18 биографий информантов старше 27 лет (14 биографий получены методом интервью и 4 — присланы на конкурс сексуальных биографий²: однанадцать биографий мужчин в возрасте 53—66 года — 60-летние; семь — в возрасте 33—45 лет, — 40-летние). В старшем поколении девять мужчин женаты (восемь — повторно), один разведен, один не женат; в среднем — четверо женаты (двое — повторно), двое — холостые, один — разведен. Большинство мужчин имеют высшее образование. Таким образом, это образованные (преимущественно женатые) городские мужчины, родившиеся в период с середины 1930-х до середины 1960-х годов.

Эмпирический массив ограничен биографиями двух поколений, которые в соответствии с периодизацией И. Кона и А. Роткирх (см. статьи в данном сборнике, а также: Rotkirch 2000, Кон 1997) относятся к поколению «гумогчания» и поколению «поведенческой сексуальной революции». Анализ биографий представителей данных поколений, социализировавшихся в советское время, позволяет подтвердить переход к пурризации интерпретаций сексуальности и распространению практик сексуальной свободы.

Необходимо отметить, что интерпретации сексуальности во многом зависят от вопросов интервью, которое само является спенарием, предлагающим описывать поведение определенным образом и в определенной последовательности. Однако в пути развития не предполагались вопросы, которые могли бы спровоцировать прямой ответ о значении секса в жизни человека (исключением был вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что в Советском Союзе не было секса?»), хотя такие вопросы могли быть заданы информанту в качестве уточняющих — специальных ограничений по этому поводу

² Выдержки из четырех автобиографий опубликованы в газете «Час пик»: 1996, № 221, 224; 1997, № 24, 35, 43, 69.

не было (например: «Разделете ли вы секс и любовь?» — такие вопросы задавались примерно в каждом четвертом случае). В целом же интервью ориентировались на рассказ об опытах (практиках), а не на их оценку, которая в большинстве случаев являлась неспровоцированной. Ее появление в интервью свидетельствует о потребности придать смысл своей сексуальной жизни, обесценить ее в некое единое целое, причем выражение этой потребности значительно различается в разных интервью. Некоторые информанты почти не выходят за рамки рассказа о непосредственном сексуальном опыте или о браке, другие — представляют рефлексивный рассказ-концепцию.

Необходимо оговорить и то, что метод интервью, посредством которого получены рассказы о сексуальной жизни, имеет ограничения для анализа сценариев, ибо последовательность вопросов, задаваемых информантам, хотя и следует за логикой рассказа о жизни, но имеет заранее определенную структуру; на рассказ оказывают влияние личность интервьюера, степень близости с информантом, степень доверия и пр. Материалы интервью являются более структурированными нарративами, чем автобиографии, получаемые на биографических конкурсах. Даже расквотрированная интервью как жестко структурированное взаимодействие в интeракционистской перспективе, необходимо учитывать наличие контроля над ситуацией интервью со стороны исследователя, обеспечивающего логическую последовательность рассказа и способы категоризации. Однако ситуация интервью продуцирует текст, сфокусированный на сексуальности, которые, в отличие от свободного биографического жанра, не могут произвольно отклоняться от основного предмета обсуждения, а если они все-таки отклоняются, как это происходит в «спонтанально» сценарии, то это свидетельствует об определенных интенциях рассказчика.

Анализ текстов интервью проводился по адаптированной методике «анализа категоризации» (Silverman 1993: 80–89, 101–114).

2. Идеалтипические сценарии сексуальности

На основании анализа материалов интервью были выделены пять идеалтипических сценариев сексуального поведения — про-натальный, романтический, коммуникативный, гедонистический

и рыночный. Они представляют собой последовательность сексуально значимых событий, способы интерпретации и оценки которых создают идеалтипические различия.

Последовательность событий и практик реальна для информанта, однако она реальна в определенной рамке (Фрейме), и одним из способов обнаружения этой рамки и является анализ интерпретаций сексуальности.

Первоначально выделение сценариев было интуитивным ответом на вопросы: «Почему рассказы о сексуальной жизни далеко не всегда повествуют о сексе и всегда — не только о нем?» и «О чем на самом деле повествует рассказчик?» Затем были определены основные классификации сексуальных отношений (опи-сания практик и оценок), представленные в текстах. Приведем примеры из женских биографий. В рассказе противопоставления и сравнения отделяют одни стороны секса и сексуальности от других, например, «...партнер может быть без любви, но должно быть взаимное уважение», «... мне кажется, что это не плохо — иметь просто ... сексуальные отношения, без притензии на глубокие чувства». Следовательно, рассказчица выделяет сексуальные отношения, связанные с 1) взаимным уважением, 2) глубокими чувствами, любовью и отделяет от них 3) «просто сексуальные отношения». Другой пример, имплицитно предполагающий возможность выделения 1) «только сексуальных отношений» и 2) сексуальных отношений, основанных на дружбе: «... у меня не было никого, пожалуй, с кем бы меня связывали только сексуальные отношения, не окруженные чувством дружбы, взаиморасположения». В некоторых случаях экзистенциально предполагается возможность разделения 1) секса и 2) любви: «... и это же не значит, что я должна любиться... секса из-за того, что у меня нет любви». «Секс может существовать отдельно от любви».

В мужских биографиях используются сходные категории. Например, секс неотделим от любви: «... секс и любовь очень близко стоят»; взгляды могут меняться: «... я всю жизнь считал, что нельзя разделять любовь и секс... а в последние годы начал сомневаться». «Опшачиваемый» секс противопоставлен любовным, дружеским, партнерским, брачным отношениям: «... и должно быть нормально, что женщина принимает мужчину как мужчину, своего друга, любовника, партнера, мужа, а не как человека — покупателя товара... должно быть только так». Сексуальные отношения отделимы от личностных: «... сексуально она меня устраивала, а говорить было не о чем». В мужских биографиях часто встреча-

¹ См. статью Е. Здравомысловой и А. Темкиной в настоящем издании.

есть различные тех, для кого секс является «самопелью», и тех, для кого секс таковым не является (кто «может и мимо пройти»). «Я не могу — сегодня позанимался и сразу пошел в постель».

Сплошной анализ текстов показывал, что основные системы классификаций строятся вокруг пяти кластеров категорий: 1) брачных отношений (для женщин — также рождения детей и аборт); 2) любви, страсти, влюбленностей; 3) отношений друзей, взаимопонимания, взаимного интереса, духовных отношений; 4) техник секса, сексуального удовольствия и телесности; 5) материальных благ.

Данные кластеры выявляются пересекающимися, классификации могут выстраиваться через сравнение и противопоставление различных сексуальных опытов в ходе жизненного цикла, либо через сравнение практик сексуальных отношений и их идеалов. Отправной точкой большинства рассказов является желание (нормативное) и (или) «практическое» соединение секса с любовью и (или) брачными отношениями. «Человеческие отношения» (взаимопонимание, общность интересов) могут быть синонимом как чувства, так и брака. Еще одной точкой отсчета является фиксированное наличие (отсутствие) удовольствия и удовлетворения в сексуальных отношениях, причем данной характеристике уделяется различное место в рассказах разного типа.

Каждая из составленных идеала и опыта обнаруживает собственную логику, способ описания секса меняются в рассказе в зависимости от того, какая тема доминирует. Немецотри на то что в конкретных биографиях разные логики сосуществуют, можно реконструировать их идеалтипические различия.

Для обнаружения таких логик был проведен категориальный анализ текстов, как тех, которые приближаются к идеалтипическим, так и тех, в которых в разных эпизодах доминируют разные темы. Реконструкция идеалтипических сценариев осуществлялась посредством анализа того, в какие отношения, с кем и почему vstupают рассказчики, как и о каких сексуальных практиках и отношениях они рассказывают.

Существенные различия были выявлены в том, о чем повествует история, а также как описываются (не описываются): 1) первые сексуальные опыты; 2) основания для вступления в сексуальные отношения; 3) партнер(ы); 4) характер сексуальных отношений; 5) сексуальное удовольствие и удовлетворение; 6) обсуждение сексуальных вопросов с партнером; 7) сексуальные техники. Эти различия и легли в основу реконструкции разных сценариев.

Различение способов рассказа о сексе в идеалтипических сценариях, проделанное в данном исследовании, может быть подтверждено и результатами других исследований. В исследованиях сексуальности Лаумана (Laumann et al. 1994) обозначены три основные ориентации сексуальности — традиционные (ориентация на брак, отрицание нерепродуктивного поведения), оппозиционные (отрицание случайного и немотивированного секса), репрессивные (секс — это удовольствие). Выделяются и более сложные системы мотиваций сексуального действия — получение удовольствия, выражение эмоциональной близости, репродукция, стремление понравиться партнеру, стремление к завоеванию, потребность снять напряжение (Hill and Preston 1996). В уникальных исследованиях сексуальных мотивов у молодежи в советское время были выделены: взаимная любовь, вступление в брак, самодовольствие, приятное времяпрепровождение, желание эмоционального контакта, стремление к получению удовольствия, расширение чувства свободы, престижность, любопытство (Голод 1984: 21; см. также: Кон 1997: 265). В исследованиях российских авторов выделены следующие типы молодежных сексуальных отношений: любовные, гедонистические, познавательные, рекреационные, релаксационные (Голод 1997: 68–70), обобщенные до двух основных типов — эмоционально-коммуникативных и гедонически-развлекательных мотивов и ценностей (Кон 1997: 264–278). Кластеры категорий, вокруг которых строятся идеалтипические рассказы, сопоставимы с выделенными С. Голодом и И. Коном типами мотивов и ценностей.

Гипотеза о гендерных различиях

Каковы гендерные различия дискурсивных практик сексуальности? Сценарии сексуальности во многом являются сходными и для мужчин, и для женщин. И мужские, и женские истории организованы вокруг одинаковых кластеров категорий, индией словами существуют брачные, любовный, коммуникативный, гедонистический и рыночный сценарии, которые определяют логику интерпретации сексуального повествования⁴. Однако в способе пост-

⁴ На основании анализа текстов авторство в рамках социально-конструктивистского подхода мы не можем делить выводов о том, что мужчинам и женщинам культурными сценариями предписывается *чувствовать и делать*, но можно сделать вывод о том, что женщинам и мужчинам предписывается (или допускается) *говорить* о своей сексуальности.

решения рассказов о сексуальной жизни обнадруживаются существование гендерные различия.

Социально компетентным участником взаимодействия является человек, имеющий и выражающий свой пол («делаящий гендер») (Уэст и Зиммерман 1997). В разных спеларных женственности и мужественности придают различный смысл, социальная компетентность в сексе («сексуальная компетентность») связывается с определенными сторонами гендерной идентичности. Материалы интервью позволяют реконструировать гендерное изменение сексуальности на основании анализа рассказов о сексуальных опытах и сопоставлении их с идеальными моделями — высказываниями о том, что должны (не должны) делать в сексуальных взаимодействиях женщины (мужчины).

В основе сексуальной компетентности мужчины находится реализация сексуального влечения, направленность сексуального действия на привлекательный (телесно) объект и на сексуальное удовлетворение (данная категория является общей для всех спеларней: «... человек мне должен нравиться, т. е. я к ней должна испытывать сексуальное влечение» (41 год¹)). В женских спеларных общая категория отсутствует. Из этого следует одно из основных гендерных различий в построении спеларней — в мужских историях секс всегда связывается с сексуальным влечением (желанием). В женских историях секс описывается как следствие «брака», «любви», «общения».

Женские истории отражают (производят) «отношенческие» (relational) установки в значительной большей степени, чем мужские. В феминистских исследованиях гендерных различий утверждается, что женщина обладает иным взглядом на мир: в основе женской моральности лежит ориентация на другого, на отношения, на соучастие (Gilligan 1982). В сексуальном взаимодействии для женщины главным являются отношения и интимность. «Для мужчин секс — это средство получить удовольствие, для женщины секс допустим как выражение или средство достижения эмоциональной и психологической интимности в определенных отношениях», женское сексуальное желание — это следствие отпущения (Hynie et al. 1998: 370). По утверждению этих авторов, следствием социализации мужчин является направленность

сексуальных интенций на получение удовольствия, женщины — на установление отношений. В исследованиях подростковой сексуальности отмечается, что «молодые люди относятся к сексу как к решению, принимаемому соренукопимися между собой людьми на основании личных убеждений, девушки принимают сексуальные решения на основании интимности и вовлеченности в отношения» (Saprelet 1998: 159).

Гендерные различия формируются и воспроизводятся в зависимости от фрейма, в котором строится история. Рассмотрим способы выстраивания сексуальной биографии в идеалтипических спелариях и их гендерные различия. Более подробно «базовая» гендерная идентичность будет проанализирована в последнем разделе статьи.

Сценарии сексуальности

Брачно-романтический сценарий

«Все было абсолютно рутинно... А сексуальная жизнь меня не очень волновала. Это прикладывалось к отношениям, к браку...» (женщина, 39 лет).

«Поскольку я не любила своего мужа, то мне всегда хотелось, чтобы он побыстрее отвязался» (женщина, 40 лет).

«Брак — это непрекращающаяся монотонная фрустрация... и это очень важно, насколько ты можешь терпеть человека... Если ты его видишь почти каждый день, фактически каждый день, тут мало чего остается» (мужчина, 35 лет).

Данный рассказ — это рассказ не о сексе, а рассказ о браке. В нем не описываются детские и юношеские опыты, а фиксируется только отсутствие сексуального воспитания. После первой романтической (платонической) влюбленности следует рассказ о сексуальном контакте, который происходит с мужем (женой). Основанием для вступления в сексуальные отношения является брак, единственный партнер — муж (жена), смена партнеров может быть связана с разводом и последующим браком. В рассказе сексуальные и тематические практики не описываются, секс не является предметом обсуждения. Рассказ не включает описания сильных чувств, которые редуцированы к ранним влюбленностям и к привязанностям.

В женской версии — это история о взаимоотношениях с мужем, о родах, абортгах. «Правильная» гендерная идентичность тоже

¹ В скобках указывается возраст информанта(ки) и пол, если он не очевиден из текста.

дественна материнству. Если ребенок нет, «...я не выжила, я сама, главного предзнаменения женщины» (57 лет). Сексуальное удовлетворение отсутствует, сексуальные проблемы с партнером не обсуждаются: «...вся моя беда заключалась в том, что с Д. (мужем) я ни разу orgasm не испытала... Выказывать ему мою заботу-ресованность как в мужчине... я считала неудобным» (57 лет), использование контрацепции вызывает большие проблемы. Телесные практики редуцируются к описанию родов и абортов.

Значение секса сводится к его приложению к браку, секс может описываться как однообразный и рутинный. Реконструкция сексуальности тождественна ее негитивной оценке в собственной жизни: «Моя сексуальная жизнь была в общем-то... неудачна» (57 лет), табуированности, сексуальность описывается как «отсутствие» таковой. О сексе молчат во взаимодействиях, он не является способом (самоценной) коммуникации. При этом «молчаливый секс» говорит об абортах, родах, отсутствии удовольствия, знаний и опыта: «В преддверии шестидесятилетия я оказалась в своем постельном поведении как неопытная двадцатипятилетняя девушка» (57 лет).

В мужской версии сексуальная биография — это история взаимоотношений с женой. Основанием для вступления в сексуальные отношения является «половое влечение»: «...с женой меня свети обстоятельность и моя повышенная сексуальность» (64 года), внешняя привлекательность супруги. Сексуальная жизнь — это жизнь в браке, в котором значимо сексуальное влечение и «качество» брака. Контрацепция не используется, жена делает многочисленные аборты: «Много делала абортов, раза четыре или пять» (60 лет). Фиксируется забота о сексуальном удовольствии партнерши, разговоры о сексе отсутствуют: «Мне не нужно обсуждать проблемы секса» (53 года), сексуальные техники не описываются.

Мужской брачный сценарий отличается от аналогичного женского, во-первых, наличием сексуального влечения как основной брачных отношений. Во-вторых, существует противоречие между утверждением женщин в аналогичных сценариях об отсутствии сексуального удовлетворения и мужчин — о получении женской удовлетворения. При этом в обеих версиях секс не обсуждается, использование контрацепции является проблемой. В наиболее рефлексивных мужских биографиях высказываются сомнения в получении женщинами удовольствия: «О семейном сексе вспоминаю грустно и обидно. Теперь ясно вижу, что от полового акта какое-то удовольствие получили только я, а жены только исподволь своей "супружеский долг"» (64 года).

Итак, мужчины вступают в брак для того, чтобы иметь сексуальные отношения, женщины вступают в брачные сексуальные отношения для того, чтобы родить ребенка, «истинный супружеский долг». Социально компетентная женщина — это «женщина-мать», родившая ребенка в браке. Для мужчины средством подтверждения своей социальной компетентности является удовлетворение сексуального влечения (своего и жены) в браке.

Такие истории характерны, во-первых, для представителей старшего поколения, во-вторых, для первых этапов сексуальной жизни представителей среднего поколения. Как показал анализ изменений сценариев в направлении автономизации удовольствия (Темкина 1999), период брачно-пронатальных ориентаций женщины интерпретируются как следствие негитивных установок по отношению к сексу, отсутствия опыта и знаний у обоих партнеров. Традиционная гендерная идентичность ставит женщину в позицию реципиента в отношениях, когда активность ожидается от «компетентного» мужчины. Она выходит замуж (без любви, без сексуальных потребностей, без личностной привязанности) для того, чтобы реализовать нормативную модель жены и матери, следствием чего становится негитивная оценка собственной сексуальной жизни.

Романтический сценарий

«Любовь... она определяет сексуальный успех... Секс — это следствие, инструмент почувствовать любовь... сексом надо заниматься, когда у тебя есть чувства к этому человеку» (женщина, 46 лет).

«Я стремлюсь иметь секс с тем, в кого влюблен» (мужчина, 53 года).

«Жизнь без любви — это прожигание жизни... когда ты кого-то любишь, тебе это стимул для всего» (мужчина, 58 лет).

На этой сцене взаимодействуют «любовники», «возлюбленные», «любимые», рассказ о сексе строится как рассказ о чувствах, ревности, страданиях. Сексуальные отношения связаны с чувствованием, они могут стать основой для вступления в брак или существовать параллельно браку. Подчеркивается важность эмоциональной вовлеченности. Распад отношений связан с тяжелыми эмоциями. Отношения (романы) описываются как продолжитель-

ные и стабильные, ревность является их неотъемлемым атрибутом. Сексуальное удовольствие связывается с силой чувств. Сексуальные вопросы не обсуждаются с партнером и не описываются в рассказе. В отношениях обсуждается не секс, а чувства. Сексуальные техники описываются редко. Телесные практики в основном сводятся к эстетическим переживаниям, «*хорошие и приятные моменты*» тела. Секс — это любовное взаимодействие, он «говорит» о любви.

В женской версии реконструкции сексуальности означает реконструкцию чувств и эмоций. Потеря ответственности происходит с человеком, к которому женщина испытывает сильные чувства, эмоции присутствуют во всех отношениях: «*каждый свой роман переживала как сильное чувство*» (46 лет). В рассказах описывается широкая гамма переживаний, эмоциональных ощущений, в словаре секса центральное место занимают «*любленность*», «*романтические отношения*», «*эмоциональные переживания*», биография — это рассказ о любви или о серии влюбленностей, для которых характерны «*наибольшая полная чувств и наибольшая... переплетенность... секса и любви, совершенно неразрывная, какая-то такая, неразрывная*» (46 лет). Чувства являются предметом обсуждения: «*...когда надо было, говорили. Чего-то надо обсудить — да... например, кому-то что-то казалось, что другой к нему охладел, там: либо я — к нему, либо он — ко мне, мы говорили об этом. Но чисто (о) темнике... мы не говорили друг другу так уж подробно именно об ощущениях: просто вот о чувствах*» (женщина, 46 лет). Лексикон «любови» определяет «словарь» секса.

В мужской версии любовь является следствием сексуального влечения: «*...поводом для какого-либо романа было, конечно, какое-то желание физической близости*» (57 лет). Любовь в рассказе — это приращение к сексу: «*Я был влюблен как сумасшедший, половые отношения тоже, безусловно, играли большую роль*» (60 лет). В момент разрыва «я познал все, что познает в таких случаях муж и отец. Ревность, злость, отчаяние, чувство покинутости» (64 года).

Само понятие «любовь» многозначно, «любовь» служит мета-категорией, охватывающей широкий спектр разных чувств и действий. Так, в исследованиях социологии эмоций и любви отмечены разделение любви-влюбленности и любви-привязанности: страстная влюбленность является основанием для выбора партнера, любовь-привязанность — для поддержания отношений

(Jackson 1993)⁶. Анализ метакатегоричности «любови» выхолдит за пределы данной статьи, однако отмечу, что в рассказах выстраивается иерархия смыслов — психоническая, или «чистая любовь», связанная с любовным идеалом, противопоставляется «сексуальным отношениям» («...женщина есть нечто святое, (откуда) и ограниченность моих сексуальных связей» (53 года)). «Любовь-привязанность» («спокойная любовь») противопоставляется «сексу как самоцели» и «любви-страсти» («Есть разные вещи: такая спокойная влюбленность, (когда) нравятся, а есть болезненная, когда переживаешь... чисто психологические переживания очень много места занимают» (45 лет)). История сексуальной жизни репрезентируется как совокупность сексуальных эпизодов, общим фреймом для которых является любовь, контекстуально наполнены разным смыслом. При этом ни «чистая любовь», ни «любовь-страсть» не могут служить общей и цельной идеей рассказа о сексе. Для того чтобы прояснить гендерные различия секса-любви, обратимся к другим источникам.

А. Гидденс в своем известном исследовании «Трансформация интимности» различает три типа любви: любовь-страсть (мужской вариант), романтическую любовь (женский вариант) и любовь, основанную на «чистых отношениях» (Giddens 1992). По утверждению А. Гидденса, романтическая любовь — это женская черта, женский путь к освобождению, это цельный проект, что вполне подтверждается приведенными историями. Женский романтический сценарий — это связанный рассказ о любви-сексе, мужской романтический сценарий — это набор эмоционально окрашенных сексуальных эпизодов. Итак, для женщины любовь — это основание для секса, для мужчин — наоборот. Женщина вступает в сексуальные отношения, потому что испытывает сильные чувства, а мужчина влюбляется, потому что испытывает сексуальное влечение. Такой вывод совпадает с результатами исследований в области социологии эмоций и социологии маскулинности. Как утверждает С. Джексон, сексуальное желание и любовь более тесно связаны у женщин, чем у мужчин (Jackson 1993: 209). Для мужчин характерны эмоциональность (чувства любви) проблематизирует маскулинность (Jackson 1993: 214), и потому он самоограничивает себя.

⁶ В исследовании «нормального хаоса любви» в постсовременном обществе У. Бек и Э. Бек-Гернштейм указывают, что «любовь — это удовольствие, любовь, привязанность, так же как и их противоположность — скука, злость, приваца, измена, одиночество, страх, отчаяние и смех» (Beck and Beck-Gernstein 1995: 13).

Сексуальная компетентность женщины в данном случае — это «романтическая любовь», служащая основанием для секса и оформленная как связный рассказ о жизни, это подтверждение женственности «любимшей (любименной) женщиной» благодаря способности «пообить» и «обить любимкой», способности быть объектом любви-желания. Для мужчины — это сексуальное обладание объектом любви-страсти либо любви-привязанности. **Выполненный МУЖЧИНА — это МУЖЧИНА желалобный.**

По отношению к вербализации секса, использованию контрпелтинов и женскому сексуальному удовольствию данный сценарий не отличается от прототипического и воплощает в себе традиционные сексуальные представления.

Каммуникативный сценарий

«Мои сексуальные предпочтения складываются в зависимости от моих общих интересов, это — дополнение другим людям того, что (и так) существует» (женщина, 32 года).

«Важно... в первую очередь, человеческие отношения... секс должен быть, конечно, это... сопутствующее, но для меня это не главное» (мужчина, 66 лет).

На сцене сексуальных взаимодействий актерами являются друзья, близкие люди. Секс описывается с помощью категории общения (важную роль играет среда), это рассказ о совместных интересах, «духовной близости», «взаимопонимании». При этом диалоговое применение категории общения достаточно широк, «коммуникативия» включает общий круг, совместную работу, взаимопонимание, дружбу, человеческие отношения⁷. В сексуальные отношения вступают на основе «совместных интересов», возникающих на работе или в «тусовке»: «Для меня основополагающим моментом является... возможность дружеских отношений между мужчиной и женщиной» (женщина, 44 года). Сексуальные отношения описываются как серия параллельных или последовательных связей, где один имеет стабильный характер, а другие — кратковременный.

⁷ Сексуальная жизнь, вообще является коммуникативной, здесь важно то, что рассказ экзистенцирует именно коммуникативный аспект. Смыслы коммуникативации, общения могут сильно разниться и варьироваться от дружбы (секс = Дружба) до знаменитой близости и интимной эротической коммуникативации (секс = Интимность). Внутренняя дифференциация категории «общение» здесь не рассматривается.

Вступают в те отношения, где «главное — это разговоры, а остальное — уж там как получится» (женщина, 32 года). Сексуальное удовольствие и удовлетворение является предметом обсуждения партнеров: «мы обсуждали сексуальные проблемы: когда вот у меня не было этого, значит, оргазма» (женщина, 46 лет). Сексуальные опыты описываются как равнообразные, а также рассказываются о сексуальных техниках.

В женской версии в словаре секса центральное место занимают категории «тоничности», «разговоров», «языка», «человеческий отношения». Рассказ идет о способах взаимоотношений, где секс — продолжение личной коммуникативации и приложение к ней. Реконструкция сексуальности — это реконструкция личностной и сексуальной коммуникативации, вербализуемых опытов, когда сексуальность связана с процессом переговоров и договоров. Партнер — это друг, человек «своего круга», в его определении присутствует много информации, он может быть «миленьким», «человеком», «отцом ребенка», «кавалером», «героин-любовником», это «тот мой полтычок, с которым я могу вот так жить рядом и обговаривать все, что происходит. Это же очень важно, обговаривать... для меня очень важно, как этот человек ко мне относится и как он себя ведет в языковом отношении» (32 года). Женщина рассказывает о способах личностного взаимодействия, и — дополнително — о сексе, отвечая на прямые вопросы интервьюера.

В мужской версии основания для вступления в сексуальные отношения — это влечение, стремление нравиться и доставлять удовольствие партнерше, общие интересы, эмоциональный контакт; такие отношения характеризуют «открытость, это способность к какой-то игре, полная искренность. Все... дела мы делаем вместе... мы открываемся друг другу» (57 лет). Партнер: «очень внимательный, очень нежный человек, преданный человек (57 лет), «с которым есть о чем поговорить», человек, с которым отношения «исключительные». Сексуальное удовлетворение партнерши и сам секс — предмет обсуждения, как и проблемы контрацепции: «... эти разговоры происходят во время как-то игры... Речевая часть полового акта, она обязательно должна присутствовать. Мне нравится, когда ей со мной хорошо. И чем больше, тем лучше» (57 лет). Сексуальные отношения описываются, описываются разнообразными сексуальными опытами и сексуальными техниками. «Качество» отношений описывается в ответах на прямые вопросы интервьюера: «... (важно) мое отношение к этому человеку. Для этого человека ты обладаешь всё» (женщина, 57 лет).

И в мужском, и в женском варианте — это сценарий сексуальной коммуникации. Здесь можно найти некоторые аналогии с выделенным А. Гиденсом типом «чистых отношений»: во многом они принимаются индивидуальные особенности партнера, его личность, обстоятельства жизни. В женском рассказе сексуальность следствием и предложением к личностной коммуникации, «выражение ее другими средствами», идентичность женщины в сексуальной сфере выстраивается как идентичность «женщины-партнера». Для мужчины-друга коммуникация является следствием сексуальных отношений и составляет фон рассказа, что подтверждает тезис о меньшей ориентации на интимность (Mansfeld and Collard 1988, Didsombe and Marsden 1993).

В отношении использования концепции, сексуальной вербализации² и женского удовольствия этот сценарий представляет собой менее традиционный вариант по сравнению с двумя первыми сценариями.

Гедонистический сценарий

«(В сексе) главное — это получить наслаждение и дать наслаждение другому человеку» (женщина, 31 год).

«Жизнь — удовольствие, надо получать от нее удовольствие. А женщины, это же, вообще, одно из...» (мужчина, 42 года).

На сцене взаимодействия «сексуальные партнеры», секс описывается как автономная сфера и как естественное, природное про-

² Вербализация сексуальности не является обязательной. Секс может быть «языком», который говорит сам за себя, а это исключает потребность говорить о сексе (см. также: Герасимова 1997). В современных исследованиях сексуальности существуют разные подходы к вербализации сексуальности. Одни полагают, во многом следуя за А. Гиденсом, утверждают необходимость такой вербализации, связывая развитие интимности, рефлексивности, формирование идентичности и самовыражения со способностью говорить о сексе (Вуэрс and Дешпелс 1999, Руммер 1995, West 1999). При другом подходе, следуя за М. Фуко, полагается, что «говорение» о сексе является выражением рефлексии и репрезентивной власти. Гиденсовская риторика «чистых отношений» и десексуализация сексуальных отношений рассматривается как терапевтический дискурс, свободный многообразия интимности к эксплицитной вербализации и взаимной рефлексии. Интимность, полагает, например, Л. Джамисон (Jamison 1999), включая неразрывную заботу и «практическую любовь», необходимо требует постоянного самораскрытия в отношениях. Торваго более важной является совместная история, разделяемые репертуары рассказов и табу.

явление человека. Рассказ включает детские сексуальные воспоминания и сексуальные опыты. В сексуальные отношения вступают, как в «игру», в «интересную историю», «удовлетворяя аппетиты», «чувство голода», где «главное — получить наслаждение и дать наслаждение другому человеку»; для описания секса используются метафоры «сторты», «искусства», секс воспринимается как «полезный для здоровья». Сексуальные отношения отделены от брака и любви, в них вступают последовательно и параллельно вплоть до группового секса и серии случайных связей. «Секс — это индивидуальные или, может быть, групповые контакты людей, которые связаны в какой-то мере с эстетической половой жизнью» (мужчина, 60 лет). «Я могла склеить на улице — не знаю, что от меня такое исходило, — тут же партнера, и тут же улечься с ним в постели... У меня каждый день был новый или два раза в день новый» (женщина, 39 лет). Сексуальное удовольствие и удовольствие — обязательный элемент сексуальных отношений. Сексуальные взаимодействия, концепция — предмет постоянного обсуждения. Техники описываются детально: сексуальные акты, ощущения, «оборудование» — белье, свет, музыка, фильмы, место, где занимают сексом, разные виды секса: генитальный, ораль-ный, анальный, сексуальные позиции и проч.

Итак, в словаре секса центральное место занимают категории собственного секса. Сексуальность — это набор телесных практик и телесного опыта, приводящего к удовольствию. Секс «говорит» телом и о теле, о техниках и сексуальной коммуникации.

В женской версии: «... мне кажется, я родилась с сексуальными чувствами». Анализ женского гедонистического сценария (Темкина 1999) показал, что выделение секса в автономную сферу удовольствия у женщины предполагает рефлексивную работу, в которой значимыми являются знания, опыт, возраст, брачный статус; автономизация сексуальности описывается как процесс обучения, раскрепощения, поиска.

В мужской версии гедонистический сценарий предстает как выражение мужской природы — секс и сексуальное взаимодействие являются самоцелью. «Если попадает очень хорошиенькая, никогда мимо не пройду или не пройду» (42 года). При этом секс — это эротическое самоценное взаимодействие, подразумевающее взаимное удовольствие: «... ты... как-то интереснее, что им надо, чего им не надо» (мужчина, 42 года). «Сексуальная жизнь всегда является для меня определяющей... вместе с женщиной я велю массу прекрасных любовниц» (56 лет). Телесные харак-

теристики партнерши и собственно телесное взаимодействие становится стержнем рассказа.

Сексуальная компетентность — это опыт, знания, навыки, ориентация на удовлетворение партнера. Компетентный желающий мужчина — это тот, который реализует свою сексуальную потребность. Компетентная женщина — женщина желающая, реализующая свою сексуальную «природу». Условием и следствием выделения автономного секса для женщины является конструирование тендерной «инаковости». Те инфантилки, которые признают автономность сексуальной сферы, осуществляют рефлексию работу по отделению себя от других женщин, по интериоризации «мужских» образцов поведения. Однако автономная женская сексуальность становится опасной для обоих партнеров: коммуникативная может быть нарушена, если партнер не выполняет ожидаемых друг от друга действий, если женщина не занимает пассивной позиции и оказывается «феминистской и дьяволом в женской юбке» (женщина, 46 лет). Сексуальные компетентность и ответственность женщины выступают в противоречие с ожиданиями исполнения пассивной роли (см.: Темкина 2001).

Рыночный сценарий

*«И расплачивалась сексом... мне приходилось расплачиваться за удобства, которые имею» (женщина, 34 года).
«Была такой договор с ней, что я... "спонсирую" ее учебу или же ее жизнь, оказую материальную поддержку...
Содержание женщины — это тоже вид проституции» (мужчина, 60 лет).*

На этой сцене действуют «спонсоры», «проститутки», «содержанки». Мужчина — «покупатель» секса, женщина — его «продавец». В таких расказах секс — это то, что подлечит обмену, продаже или покупке, то, что является предметом потребления. Сексуальное поведение подчиняется концепции «обменная» секса на блага (главным образом материальные), часто используются понятия «потребление» и «пользование». В отношении вступают в зависимости от благ, которые они могут принести. Партнеры и партнерши — это случайные знакомые, отношения имеют как кратковременный (проституция), так и длительный («спонсорство» или «содержанство») характер, они представляют собой (денежный) договор. С партнером обсуждаются проблемы предохране-

ния, заболеланий, «материального благополучия мужчины»; собственно секс предметом обсуждения не является. Такой секс «говорит» о цене и ресурсах. В рассказе описываются сексуальные техники, используется контрацепция. Сексуальное удовлетворение партнерши не предполагается.

В женской версии секс — это «продажка», когда «относиться к этому как к работе и думать, что это скоро должно кончиться» (31 год). Основания для вступления в отношения — деньги или блага, которые могут быть получены: «Мне нравилось... когда он давал мне деньги... я пару раз этим занималась, когда у меня совершенно не было денег» (31 год); «...я получила материальные выгоды из секса: мне дали подарки... иногда давали деньги... я расплачивалась сексом» (34 года). Партнер — «спонсор». Отношения последовательные и параллельные: «Клиенты приходили, сидели, потом мы благополучно договаривались о цене. Мы бытremely все детали и возвращались обратно» (31 год). Сексуальное удовлетворение отсутствует. «Никакого, конечно, удовольствия. Был один мальчик, который доставлял удовольствие, но обычно это никакого удовольствия не доставляет» (31 год). «...я притворяюсь и делаю это достаточно успешно» (34 года). Сексуальные техники в интервалы описываются как разнообразные. Это может быть и секс с постоянным партнером, хотя более типичны случайные отношения.

В мужской версии секс — это «покупка» за деньги, это секс с проститутками и «содержанками»: «У меня есть подруга, но она дорогая» (60 лет) — она же «содержанка». Мужчина «финансирует» такую женщину. Отношения описываются как договор, как «скрытая форма проституции». «Когда деньги кончатся, связь прервется» (60 лет). Партнерши — это «малодушные девочки, которые не считают себя проститутками, но готовы проводить время с людьми постарше за деньги, это проститутки на Староневском или в Весе-лом поселке, для которых «секс — это работа» (42 года). От таких отношений не требуется искренности: «...со стороны женщины бывает легкое поведение: они подыгрывают, утверждают, что им все хорошо» (60 лет). С одной стороны, это выгодно для женщины отношения: «...такая девочка... ничего не теряет, а приобретает только сексуальный орган и плюс деньги» (60 лет). С другой стороны, женщины в позиции потребителя осуждаются: «...и должно быть нормально, что женщина принимает мужчину как мужчину, своего друга, любовника, партнера, мужа, а не как человека — покупателя товара... должно быть только так» (60 лет).

Мужчина выступает в сексуальные отношения для удовлетворения сексуальных потребностей, которое он описывает, женщиной — для получения материальных благ. Данный сценарий наиболее отчетливо демонстрирует гендерную асимметрию такого рода («диоговар»). Социальная компетентность мужчины в таких сексуальных отношениях — это его *материальный статус*, способность купить сексуальные услуги; социальная компетентность женщины — *сексуальный «профессионализм»*, способность такие услуги продать.

Итак, в идеалтическом варианте секс — это разные интерпретативные схемы, разные языки, разные логики⁹. Выделенные идеалтические сценарии не исчерпывают всех возможностей интерпретации секса¹⁰. В текстах присутствуют и иные значения, которыми наделяется секс, однако они не составляют цельных нарративов, объединяющих всю биографию. Ими могут быть эротические практики, религиозные взгляды и пр. Отдельной проблемой является сексуальное насилие, эпизоды которого достаточно часто встречаются в биографиях. Количество сексуальных логик ограничено («языками языка»), однако на данном массиве с уверенностью можно говорить о доминирующих интерпретативных схемах (культурных сценариях), воплощаемых в индивидуальных биографиях.

⁹ После анализа доминирующих интервью, которые я проводила с женщинами для проверки высказанных здесь положений, стало очевидно, что если информация раскрывает историю, приближающуюся к идеалтической провальной или романтической, достаточно задается вопрос об описании сексуальных техник (видов секса, поз и пр.), сексуальных ощущений, фантазий и т. д. Такой вожабулярный исторический отсылка, информация испытывает беспокойство, а интервьюер чувствует, что совершает насилие над собеседницей. По крайней мере, тексты были мной опущены, когда я задумывалась над этим. Тем самым подтверждается гипотеза о том, что люди говорят о сексе разными языком, вписывая свое сексуальное поведение в разные интерпретативные схемы. Однако методически проблема все равно остается не вполне решенной, ибо некоторые информантки легко меняют способ рассказа, переходят из одного фрейма в другой, но зачастую не делают этого без прямых вопросов интервьюера. И тогда степень «насиллия» («ненависти») над информантом становится результатом опыта и ощущения интервьюера.

¹⁰ За рамками данного исследования остались, в частности, гомосексуальное биографическое и эпизоды. В большинстве случаев их интерпретация укладывается в вышеприведенные сценарии, однако для них характерна особая система референций, требующая специального исследования.

«Идеалтический» сценарий редко целиком представлен в конкретной биографии. Как показывает сплошной анализ биографий, фреймы могут меняться в рассказах о разных жизненных этапах, разные смыслы сексуальности могут соответствовать разным параллельно существующим отношениям. Пронавальный сценарий в идеалтическом виде представлен в некоторых биографиях старшего поколения. Романтический сценарий встречается в интерпретации, близкой к идеалтической, в биографиях обоих поколений мужчин и женщин; коммуникативный — в среднем поколении у мужчин и женщин; у мужчин старшего поколения — как сценарий второго (третьего, четвертого) брака. Рыночный сценарий характерен для историй мужчин среднего и старшего поколения, у женщин — для рассказов среднего поколения. Среди материалов интервью нет ни одного случая, когда секс-удовольствие является единственной объединительной интерпретативной сексуальности у женщин, у мужчин гедонистический сценарий представлен в обоих поколениях.

Однако за пределами фреймов, реконструированных выше, остаются те биографии, в которых история секса не включает в качестве объяснительной модели ни любовь, ни брак, ни общение, ни удовольствие, ни обмен благами. Реконструируем их смысл.

3. Секс как средство прожизновения гендерной идентичности

Гипотеза заключается в том, что в тех сексуальных историях, где секс не укладывается в перечисленные фреймы, издается история «естественности» сексуального поведения мужчины и женщины. Такая сексуальность тождественна выражению «привильной», т. е. естественной, природной, гендерной идентичности. Модель мужской сексуальности — это реализация сексуального влечения, интерпретируемого как выражение мужской природы и тем оправдываемая.

Рассмотрим одну конкретную историю. Информант (35 лет) женился в 20 лет, у него есть дети. Параллельно браку он вступает в многочисленные сексуальные контакты («... бывали, да, много, конечно, *достаточно*, *практически не прекращались, да*). Категории, характерные для выделенных выше сценариев (любовь, общение, опилаты, удовольствие), в данной истории отсутствуют. Реконструируем смысл сексуальных действий на основе рассказа о практиках и оценках, которыми изобилует рассказ.

В качестве нормы информант представляет брачную модель, противопоставляя ей осуждаемые внебрачные сексуальные отношения. «Я не разделяю теорию стакана воды, и сейчас в принципе вот к этому все и идет: ... мы видим эрозия, прежде всего в брачных отношениях, которые связаны с тем, что застаиваются люди относятся друг к другу не как к брачным партнерам, а к сексуальным. Подмена брака на гражданский брак — это уже все идет к этому». Изменение контекста (информант относит к этому распространение «молодежных и подростковых журналов», «нового литературного», «гигиеническое наличие контрацептивов») приводит к тому, что «тезиса отношений подменяется тезисом секса и проблемами предохранения: «... все вводит вопрос — как бы не заразиться, эта теория». И это — путь, «который ведет в ад».

В чем же заключается «тезиса (человеческих) отношений», которые приравнены к браку? Прежде всего — в «ответственности» (в первую очередь, за детей). «Техника отношений» — это «человеческая привязанность» в браке. Брак — ответственен, другие отношения, которым он противопоставлен, — безответственны. Итак, идеал сексуальных отношений — это ответственные отношения в браке. Однако брак — это «непрерывная монотонная функция». Брак — это «терпение»: «я это очень важно, насколько ты можешь терпеть человека... Если ты его видишь почти каждый день, фактически каждый день, тут мало чего остается». Сексуальные отношения в браке — это «супругеский долг» (ср.: пронагально-брачный сценарий). Им противопоставляются иные многочисленные связи, в которые вступает информант. Что же их характеризует, и с помощью каких категорий можно расшифровать их смысл?

Такие отношения не предполагают сильной эмоциональной вовлеченности, чувств, страсти: в эти отношения «я не окунаюсь... голову не теряю». Эти отношения развиваются по нисходящей линии: «сначала нравятся, потом нет», «сильные магнитуды долго длиться не могут» и имеют временные пределы: «все выгорает, и остывает нежел». «Новизна» является значимым фактором для вступления в многочисленные сексуальные отношения. Эти отношения не предполагают «ответственности», однако безответственность не является обоюдно. Информант принципиально не использует контрацептивов: «Я никогда не пользовался этими противозачаточными средствами ... принципиально, скажем так, сообразил». Предохранение от беременности — «это ее проблема. Она и должна быть ее проблемой». Партнерша «дол-

жна об этом сообщить, и можно было прервать». Если беременность случается, то виновата в этом «молодая партнерша»: «... часто они просто не говорят, и в результате возникает такая ситуация». Причем виновата она не больше ни меньше, как в убийстве: «... abort — это убийство, поэтому, как ни верти ни крути... это — смертный грех ... на стороне женщины». Партнерша информанта много раз делала аборт. Возможность рождения ребенка с партнером не обуславливает, женщины «берут на себя инициативу решать — надо им, не надо». И хотя эта ситуация «понятная», но она ведет к «бастардизму», за который тоже отвечает женщина. Итак, партнерши, «молодшице» о возможности забеременеть, берут на себя ответственность «за убийство».

Сексуальные отношения не предполагают вербализации. В них секс не является предметом обсуждения: «Что говорить? Делать надо». Не предполагается и сексуального «экспериментирования»: «Не могу сказать, что у меня были дискуссии по этому поводу. Не было, не было... чисто естественным путем находились какие-то моменты, позиции, в которых ... все и происходило обычно». Все происходит «чисто естественным путем».

Итак, внебрачные отношения для информанта — отношения без вовлеченности, без ответственности, без постоянства, без вербализации, без использования контрацептивов, без игры, это отношения без чувств, без коммуникации, без телонизма — в этом их «естественность». Он — «деловой дело», не берущий на себя ответственности за «женские» проблемы. Он не использует контрацептивов и гарантирует свое здоровье.

Почему же это происходит? Объяснение информант дает в ключе мужской «природы»: «природа так сделала». Мужчина в это объяснение — «раб гормонов, которые врыскаваются ему в кровь и бьют по мозгам», «гормоны у него бьют по коре мозга», его «сексуальные ощущения на 99% связаны с физиологией; он «более приспособлен», «более лабилен», «менее ответственный», чем женщина, у него «утолщенная сексуальная организация». Такой мужчина отделяет себя от женщин, он отделяет себя от мужчин, отклоняющихся от (сексуальной) нормы. Объяснением, таким образом, становится мужская «природа».

Для вступления в многочисленные внебрачные отношения нужны условия на двух уровнях: на уровне конкретных взаимоотношений необходимо создать ситуацию: «карта легла», «дело так повернулось». На уровне социума возникает «некая объективная реальность — демографическая ситуация... после тридцати...

по большому счету, возникает большая популярность неустроенных женщин... (и это) создает такое некое напиряжение на рынке услуг... не за деньги в данном случае». «Неустроенные» (разведенные) женщины — «популярны», «не претендуют на брак», «у них есть сексуальные потребности», «с ними легко контактировать». И тогда «настойчивый мужчина» обложивает неудовлетворенные сексуальные потребности, возникающие в связи с демографической ситуацией. Как свидетельствует наш информант, «считаю себя очень уверенным, если не доставил удовольствия партнеру... Потому что... мужчине сам себе может доставить удовольствие. А вот партнеру — да... даже оцущаешь (себя) так классно, что ты — молодец». Сексуальное удовольствие партнерши — это не столько цель контактов, сколько показатель компетентности мужчины («ты — молодец»). У компетентного мужчины случалось, когда партнерша не удовлетворена, «бывали только по нервозности», а потом «почти не было».

«Нормальный» мужчина исповедует «двойной стандарт» — не допускает наличия любовников у жены: «Это очень дорого бы обошлось жене». Почему? Появление сексуальных связей у жены (за исключением случайных) свидетельствует о сексуальной некомпетентности мужа — появляется «более крутой», который «добивает работу, которую не добивал муж», а мужа в таком случае — «обскакали на кривой кобыле». Отсутствие внебрачных связей у жены связывается с ситуацией ее подконтрольности, в которой она находится из-за семейных обязанностей: «... у нее масса других обязанностей, ну просто нет того свободного времени, но большому счету, которое есть у тебя».

Теперь посмотрим, каков же «естественный» мужчина? Во-первых, он обладает сильной потенцией. Он отделяет себя от тех, у кого недостаточная потенция. Он — не импотент. У него не бывает «ситуативной импотенции», которая «может сильно замедлять человека».

Разговоры о сексе, по его мнению, — «уред импотентов», т. е. тех, кто испытывает потребность вербализации в сексуальных отношениях. В отличие от них — «дело надо делать, а не разговаривать». Почему? Разговоры — это свидетельство неадекватной компетентности: «Разговоры импотентов, которые, наверно... смаруют... выдвигают специалистами в данном случае»¹¹. В проти-

воположность им у него достаточная «квалификация». Таким образом, он, во-вторых, сексуально квалифицирован, т. е. социально компетентен.

В-третьих, он — не гомосексуалист. Он против того, что «у нас убили стабильно за мужеложество». Это противоречит природе: «... по природе люди должны приводить себе подобных», они (гомосексуалисты) «климат генетическую программу». Более того, гомосексуализм представляет опасность, поскольку мужская и женская природа «не абсолютна»: «... никогда не бывает стопроцентного мужчины и стопроцентной женщины» (со ссылкой на О. Вейлингера), и поэтому «запрещающее законодательство позволяло бы отсекать иногда варшавы». Если природа дает собой, должно вмешаться законодательство. А если власть не вмешивается, то это означает, что представители власти — «гожизненные недорасты».

В-четвертых, он не склонен к «перверсиям». Он отделяет себя от тех, кому каждый раз нужен новый партнер, от «бабочек, кобылок». Почему это перверсия? Потому что «постоянный партнер не возбуждает ни под каким (видом)», секс становится «самочелью». Полноценный мужчина способен возбуждаться с любой партнершей, как новой, так и постоянной, несмотря на то, что постоянство притупляет остроту ощущений.

В-пятых, он активен и избирателен в выборе партнеров, он с ними знаком, это — не «случайные знакомые», он в них «уверен», и это гарантирует здоровье: «У тебя не будет случайных партнеров... по пьянке никогда не будешь общаться — ничего болеть не будет».

В-шестых, он социально компетентен, брачный статус — показатель этой компетентности («развод... без детей — одно, покажи просто свою полицию некомпетентности»).

Итак, он женат, он — квалифицированный сексуальный партнер, парвентурирующий свое здоровье, он — не импотент, он — не гомосексуалист, он не склонен к перверсиям. Он социально компетентен в браке и сексе. Данная модель вполне совпадает с моделью традиционной «нормативной маскулинности». «Нормативность» этого сценария подтверждает и частая апелляция к «большинству мужчин» как обобщенной категории.

¹¹ Ср.: «Люди, не имеющие из-за своей необразованности и замкнутости даже слов для осознания и выражения сложных эротических пережива-

ний, были искренне убеждены в том, что так и должно быть, что свободно говорить о сексе могут только развратники и извращенцы. Здоровый секс — он простой и незамысловатый, зачем тут вообще слова?» (Колл 1997: 164).

Данная модель близка к традиционной маскулинности, описанной А. Гидденсом. Для нее характерны стремление доминировать над другими мужчинами, двойной стандарт, разделение женщин на «чистых» и «нечистых», интерпретация половых различий как естественных и неизбежных (Giddens 1992).

Мужская «природа» обуславливает компульсивную¹² сексуальность: мужчина должен постоянно подтверждать свою маскулинность через сексуальное влечение, влечения «настойшего мужчины». Все происходит «естественным» образом и постоянно воспроизводится таким же «естественным» образом. Так создается, производится и воспроизводится маскулинность и «мужчина сексуальный».

Итак, данный сценарий — это сценарий исполнения «природной» мужской сексуальности, выражающей и подтверждающей мужественность. Т. е. гендерную идентичность. «Сексуально компетентный» мужчина женат, имеет постоянные внебрачные сексуальные контакты с надежными партнерами, заботится об их сексуальном удовлетворении, вербализация в этих отношениях не предполагается, сексуальные техники описываются редко (в отчетах на вопросы интервьюера). Он активен, материально обеспечен, исповедует «двойной стандарт» в интерпретации мужского и женского поведения.

Базовая гендерная идентичность воспроизводится в большинстве мужских сценариев, одновременно можно проследить их различия. Брачный сценарий по нормативности приближается к базовой модели, не случайно «брачный вариант» часто дополняется параллельными отношениями, ибо они делают модель мужественности когерентной. Рыночный сценарий для мужчины также опирается на базовую гендерную идентичность, более того, именно в нем происходит максимальное разделение смысла секса для мужчины и для женщины: в первом случае это удовлетворение собственных сексуальных потребностей, во втором — удовлетворение потребностей мужчины; «договор» об оплате означает принципиально разную ценность секса для мужчины и для женщины. Иными словами «брачный» — «рыночный» — «природный» сценарии составляют схему интерпретации «естественной» мужской сексуальности.

¹² Термин заимствован из психоанализа, он означает навязчивые мысли и действия (Файнрофт 1995: 75–76).

Гедонистический сценарий, включающий подробное описание сексуальных техник, отклоняется от «естественной» мужской сексуальности, одновременно развивая ее. Мужчина в нем активен, стремится удовлетворить сексуальные потребности, придавая сексу особый смысл в своей жизни. Однако сценарий менее «нормативен» в описании сексуальных практик и сексуальности. Он включает вербализацию сексуальности, обсуждение сексуальности удовлетворения, признается возможность сексуальной активности женщины и наличия у нее разных партнеров. Основой же этого сценария остается удовлетворение сексуального влечения в отношениях.

Романтической и коммуникативный сценарии также означают «отклонения» от природной модели: не случайно они для мужчин с трудом улавливаются в когерентные фреймы. В романтическом варианте чаще всего воспроизводятся традиционные представления о вербализации сексуальности, контрацепции, женском сексуальном удовольствии. Диапазон соотношения с «мужской природой» здесь достаточно широк: с одной стороны, «любовь» может легитимировать «природную» сексуальность, и тогда в рассказе воспроизводятся все традиционные практики, а любовь-страсть служит оправданием, «оболочкой» сексуального влечения, стремления к обладанию объектом желаний. С другой стороны, «любовь» может выводить секс за пределы нормативной маскулинности, с помощью описания чувств, страданий мужчина репрезентирует себя как «переживающего», «испытывающего чувства и эмоции», «страдающего», «ревнующего», «зависимого» от объекта любви. За пределами «природы» выходит и репрезентация собственной пассивности, в том числе благодаря идеализации объекта любви-желания: «...женщина для меня навсегда осталась бесценным даром судьбы» (56 лет).

В коммуникативном сценарии репрезентация «мужчины сексуального» значительно меняется. Главной ценностью становится индивидуальная коммуникативность с партнером, в том числе эротическая. В мужском коммуникативном сценарии представлены разные комбинации традиционных/нетрадиционных гендерных норм и практик: эти рассказы могут включать истории заботы о ребенке, ведения домашнего хозяйства; рассказчик может репрезентировать себя достаточно пассивным (об активности партнера): «...она проявила явную инициативу... это для меня какое-то даже проявление не слишком мужского характера» (58 лет), происходит разрушение «двойного стандарта», например когда изме-

на допускается (не допускается) и для мужчин, и для женщины (о пассивном типе маскулинности см.: Бардулина и Ханжин 1997). Мужчина, объединяя рассказ о сексе с коммуникативным спенарием, вынужден отступать от некоторых характеристик традиционной маскулинности и репрезентировать себя ориентированным, хотя бы до определенной степени, на эгалитарную коммуникативную в сексе. В данном спенарии телесные характеристики и внешняя привлекательность партнеров превзывают быть приоритетными. Традиционная мужская компетенция проблематизируется, и это осложняет его смысловое обобщение.

Итак, потребность переосмысления «природной» мужественности как сексуальной компетентности возникает в коммуникативном фрейме, и отягачивается в гедонистическом и романтическом. Именно в них логика рассказа о жизни возбуждает элементы репрезентации мужественности, отличающейся от «природной» (и тем морально оправданной) традиционного варианта. Нужны дополнительные оправдания — ими становятся чувства, эстетика секса или личная коммуникативная.

Теперь остается ответить на вопрос: существует ли природная модель «женщины сексуальной». Как уже указывалось, «член обещества» может себя вести как компетентный, будучи либо мужчиной, либо женщиной, ибо «естественный» общепринятый порядок, дихотомия полов — это моральный факт зрявого смысла (Garfinkel 1967: 121–128). Обратимся еще раз к мужской «природе». Как отмечает И. Гоффман в работе «Стигма», мужчина, который не подлежит стигматизации, — это «молодой, женатый, белый, городской, северный, гетеросексуальный протестант, отец, имеющий образование и работу, хорошо выглядящий, имеющий нормальный рост и вес и достижения в спорте» (Гоффман 1963: 128). Все остальные мужчины и женщины в целом стигматизируются относительно нормы.

Известный исследователь маскулинности Р. Коннелл связывает гегемонную маскулинность с приспособлением особых групп мужчин к позиции власти и благополучия, способных легитимировать и провозглашать социальные взаимоотношения, порождаящие их доминирование (Gatigap, Connell and Lee 1985: 592, Connell 1987: 183–187). Гегемонная маскулинность конструируется по отношению к женщинам и другим видам маскулинностей. Р. Коннелл полагает, что не существует аналога гегемонной женственности, поскольку гендерная дифференциация определяется подчиненностью женщин интересам и желаниям мужчин.

Такую женственность он называет «подчеркнутой» (emphasized), она «исполняется» для мужчин и одновременно «плодоплодствует» над другими видами женственности (гомосексуальными, асексуальными, простигутками, сумасшедшими, ведьмами и проч.) (Connell 1987: 183–188)¹².

Таким образом, если в природной (базовой) модели мужчины реализуется «естественное» сексуальное желание, то женщина — при отсутствующем желании, так или иначе фиксируемом во всех историях, — реализует «естественную» потребность быть объектом мужского желания, которое, как и собственное отсутствующее желание, разделяется онтологическим статусом и воспринимается как «естественное»¹⁴. Именно об этом рассказывает в тех историях, в которых сексуальность не служит репродуктивному процессу, не является основой любви, интимности и телесных удовольствий. В данном случае гендерная идентичность женщины задана ее эксплицитным объектным позиционированием — восприятием себя как объекта сексуального желания и действия.

В таких историях «женщина сексуальная» — объект гетеросексуального желания, «восстребованности» составляет основу идентичности, описываемой в категориях «самоощущения» и «самоутверждения». Категория «самоутверждения» является значимой

¹² Концепт гегемонной маскулинности с середины 1990-х годов появился и в российском дискурсе. Гегемонный тип мужественности описан Е. Мещеряковой (1996), в связи с обретением социальной компетентности в группе сверстников. Ж. Чернова (2001) реконструирует постсоветскую модель гегемонной маскулинности на примере анализа журнала «Медведь». Также, претендующая на «правильность», маскулинность «длится» в сфере профессии и стиля жизни, а в сфере сексуальности мужчина представляется как «потенциальный пациент», т. е. как человек, участвующий в сексуальном взаимодействии только во имя секса, иначе смыслы сексуальности из образа «настоющего» мужчины исключаются (о предоставлении норматива маскулинности в журнале «Медведь», см. также: Ушакин 1999).

Одновременно необходимо отметить, что дискурс советского «кризиса маскулинности» существенно смешивает представления о нормативной маскулинности. Западные маскулинность являлись одной из систем референции, относительно которой выстраивается норматив (Temkina and Zhdanovskaya 2001).

¹⁴ В феминистской традиции признавая «яготичность» женского сексуального желания. В антропологическом исследовании обмена женщинами Г. Рубин пишет: «С точки зрения системы нужды такая женская сексуальность, которая бы отвечала на желания других, а не такая, которая бы активно желала и искала ответа» (Рубин 2000). В постмодернистской феминистской традиции женщина вообще и ее сексуальность в частности признаются «не выражаемыми» (см., например: Butler 1990, Ingstad 1981).

во многих женских историях. Чаще всего она не является единственной, а подчиняется другому фрейму — браку, любви, общению, материальному благополучию. Однако существует корпус историй, в которых секс имеет единственный смысл — самоутверждение.

Приведу примеры. Рассказ Х. (34 года): она была замужем, у нее есть дети. Параллельно браку вступала в многочисленные сексуальные отношения: «...посторонние связи начинались через встречу после того, как мы поженились». В описании смысла сексуального действия категории любви, общения, удовольствия отсутствуют. В рассказе есть элемент «рыночного спандария», однако они не являются доминирующей темой.

Что же есть секс в таком случае? Секс «отделяет мою ценность, личностную ценность». Сексуальное общение означает «признание и поднятие моей личностной значимости, ценности себя... восстановление». Секс как самоутверждение не предполагает удовольствия, однако предполагает его («видимость» — удовольствие заменяет имитацию: «Я прилевалась и делала это достаточно успешно, я хорошо этому научилась»). Быть компетентной женщиной — значит быть восстановленной, выглядеть компетентной — значит скрывать отсутствие удовольствия.

С этой же целью происходит избавление от девственности: «Я решила, что старость близится, у всех что-то есть, а у меня нет». Первые сексуальные опыты и потеря девственности связаны с повышением статуса, они могут происходить со случайным знакомым: «(Это произошло), — говорит другая информантка, — с мужиком, который был мне совершенно не интересен и ... не близок из-за боязни остаться старой девой» (40 лет). Сексуальная жизнь — то, что является «нормой», то, что «есть у всех». В этой ситуации возникает и «дикое желание выйти замуж ... мне нужно было что-то для поднятия самооценки». Брак означал «мое признание, что вот я так нужна, важна». Посторонние связи присутствуют и у нее, и у мужа, а объясняют они эти связи через категорию значимости и успеха: для него было «значимо, что его женщина пользуется успехом».

В других историях говорится: «...сексуальный контакт ... подтверждает еще раз, что я нравлюсь партнеру, мужчине» (39 лет). Быть объектом мужского желания — означает иметь много партнеров: «В какой-то момент мне было стыдно, что у меня было всего ... три партнера» (39 лет), или виртуально представлять этих

партнеров: «У вообще любви придумывать рассказы о своей сексуальной жизни, мне как бы теоретически хотелось, чтобы они были, ну, как бы быть суперженщиной» (42 года).

В таких отношениях нет сексуального удовлетворения: информантка говорит о том, что она продолжает чувствовать себя «неполноценной женщиной» из-за отсутствия сексуального удовлетворения в браке. «Лет до 28 я думала, что я совершенно ненормальный человек, поскольку с партнером (органом) у меня плохо получается» (39 лет).

Женщина, по отношению к которой испытывают желание, должна достигать удовольствия автоматически, без обсуждения, обучения и (или) специальных усилий. Поэтому ей приходится применить специальные стратегии для выписывания себя в дискурс «нормальности». Такой стратегией является имитация удовлетворения, которая представляется обычной широко распространенной практикой: «Я прилевалась и делала это достаточно успешно, я хорошо этому научилась» (34 года), «я прилевалась это имитировать» (27 лет). От признания себя неполноценной совершается переход к репрезентации себя как полноценной в главах «значимого другого» («я активно раздвигала все, что было необходимо», 40 лет). Референция к сексуальному удовольствию как к ценности, которая должна присутствовать в отношениях, приводит к встраиванию в индивидуальный опыт имитации телесного удовольствия¹⁵.

Подобные рассказы репрезентируют модернизирующуюся (с точки зрения либерального дискурса) сексуальность, которая становится предметом изучения и рефлексии, поводом для обращения к экспертам (сексологам, психотерапевтам). Сексуальность воспринимается женщиной как индивидуальное телесное качество, сексуальное удовлетворение описывается как значимая характеристика. Одновременно на уровне взаимодействия мужское желание определяет женскую идентичность, в собственное желание реализуется, принося «моральное» удовлетворение (о сексуальном удовольствии см. подробно: Темкина 2001).

¹⁵ Сравним данную ситуацию со следующим высказыванием: «Женщины приговариваются, что переживают оргазм, даже во время оргазма. В рамках исторического понимания женщины как неспособных к оргазму, Ницше утверждает, что приговорство является единственным сексуальным удовольствием женщины» (Г. Спивак, лекция: Ливрстис 2000: 369). Имитация может интерпретироваться как удовольствие.

В данном сценарии последовательные и параллельные сексуальные отношения подтверждают «вострребованность». Партнер(ы) — те, кто проявляют сексуальный интерес, внимание. Вербализация сексуальности в таких сценариях не предполагается, использование контрацептивов вызывает сложность, следствием чего являются многочисленные аборты. Предохранения с другими партнерами не было: «*У стеснялся об этом говорить*».

Настоящий сценарий с точки зрения гендерной идентичности приближается к пронатально-брачному варианту из-за отсутствия коммуникативности в сексуальных отношениях. Секс для женщины означает в первую очередь мужское желание. Этот вариант сценария сближается с рыночным вариантом, где желание «сприндительно» действует на мужчину: он готов платить за его реализацию. А для женщины «цена», которая платится за секс, может свидетельствовать о сексуальной компетентности и правильном поведении гендера, т. е. такой женственности, которая вызывает сексуальное желание. Итак, «Брачный» и «Рыночный» сценарии представляют собой различные интерпретации логики «естественной» мужской сексуальности, а женской — как дополнительной и отражающей мужскую («природное» мужское желание). Подобная интерпретация приводит к тому, что женский сценарий самодовольства логически достоячно сложен своим к общему — природной женской сексуальности: женской сексуальности как таковой здесь нет, а есть сексуальность как «вострбованность» мужским желанием. И поэтому он легко дополняется другими логиками, а именно логикой романтической (или) коммуникативной как собственно женской. Это является объяснением того, что для женщин рассказ о любви и коммуникативности — это связанный рассказ о жизни, а для мужчин рассказ о сексе — это сумма сексуальных эпизодов.

Гедонистический сценарий у мужчины выражается как один из вариантов выражения мужской «природы», а у женщины — требует специальной рефлексивной работы, для того чтобы ее сексуальность обрела «естественный» статус.

Итак, базовая модель мужской сексуальности — это реализация влечения, интерпретируемого как естественное выражение мужской природы и тем оправдываемого. Модель женской сексуальности — это реализация «сексуальной востребованности», которая может быть названа доминантной.

Обратимся еще раз к другим исследованиям сексуальности. В книге «Рассказывая сексуальные истории: власть, изменения

и социальные миры» К. Пламмер (Plummer 1995), анализируя процессы изменений и развития «интимного гражданства»¹⁶, которое создает новые способы рассказа о сексуальности, рассматривает следующие варианты историй: «семейные» (мир совместной жизни), «эмоциональные» (мир чувств), «репрезентативные» (способы визуальной репрезентации сексуальности), «телесные» (истории о теле, включающие репродукцию), «гендерные» (истории, производящие мужественность и женственность), «эротические», истории идентичности (производство и изменение идентичностей). Такие истории создаются и отражаются в литературе, средствах массовой информации, общественных движениях, воспроизводятся людьми в нарративах. Хотя К. Пламмер выделяет эти типы историй, для того чтобы проследить изменения в конце XX века, к которым он, в частности, относит тенденцию перехода от историй о «природном» к историям о культурно создаваемом, я могу сопоставить с тем, что в идеалтипических вариантах рассказов, обнаруженных в данном исследовании, существуют семейные (брачный сценарий), эмоциональные (романтический и коммуникативный сценарии), эротические (гедонистический сценарий) истории. При этом гендерная идентичность репрезентируется во всех историях, независимо от эксплицитных намерений рассказчиков.

Заключение

В начале данного исследования не было определено понятие «сексуальности», поскольку в рамках социально-конструктивистской методологии определение само является исследовательской задачей. Сексуальность — это та совокупность качеств, которые считаются сексуальными в данной культуре, в данном сообществе и которые производятся и воспроизводятся в практиках повседневно-го поведения и их нормах. Дискурсивные практики воплощают знание о различных вариантах сексуальности, конкретизируя и определявая их в индивидуальных историях.

¹⁶ Следуя за положениями А. Гидденса об интимности как демократии (Giddens 1992), он добавляет такой тип гражданства к трем основным типам, выделенным Т. С. Маршаллом, полагая что «интимное гражданство» открывает новые сферы, новые дебаты и новые истории, связанные с контролем тела, чувств, отношений, репрезентацией сексуальности в публичной сфере, выбором новых идентичностей и опытов.

Само знание формируется за пределами индивидуальных биографий, и его достаточно сложно реконструировать на их основе, хотя большинство информантов фиксируют существенные изменения в области распространения сексуальной информации, начавшиеся с конца 90-х годов. Приведу одну цитату: «*Спасибо "не-рестройке" и ее "наме" Горбачеву. Сам того не подозревая, он стал у колыбели сексуальной революции в СССР. Уверен, что если бы все мои жены и я были сексуально просвещены, хотя бы на сегодняшнем уровне, у меня было бы их в два раза меньше!*» (мужчина, 64 года).

Анализ биографий не позволяет выявить устойчивых закономерностей изменения сценариев, но, используя материалы других российских исследований, можно сопоставить некоторые результаты. Как уже было указано, информанты, рассказы которых послужили материалом для реконструкции идеатипических сценариев сексуальности и нормативных моделей, родились в период с середины 1930-х до середины (конца) 1960-х годов. Их активная сексуальная жизнь, соответственно, начинается в середине 1950-х — середине 1980-х годов. В это время сексуальные дискурсы претерпевали некоторые изменения, на этот период приходится начало либерализации сексуального поведения, постепенное расширение индивидуальной свободы (с 1960-х годов). Наличие различных сценариев сексуальности, выявленных в данном исследовании, подтверждает плюрализацию сексуального поведения в позднесоветское время. Однако индивидуализация и либерализация сексуальности не приводит к преемственности «двойного стандарта».

Данная тенденция соответствует традиционной «природной» модели мужской сексуальности, либеральный дискурс не обязательно меняет смысл сексуального поведения. «[Идеинтипическое], «рыночное» и отчасти «романтическое» наполнение сценариев вполне совпадают с тенденциями либерализации, ибо все они в той или иной степени интерпретируют мужскую сексуальность как реализацию «естественной» мужской природы.

Для ослабления «двойного стандарта», противоречащего традиционной мужской модели, сценариев возможности ограничены. Заведенный дискурс либерализации сексуальности формировался под сильным влиянием женского движения 1960—1970-х годов, в то время как в России принцип «двойного стандарта» остается во многом непроблематизированным, а мужская норма — довольно жесткой.

Сценарные возможности «рессексуализации» женщин остаются ограниченными, либерализация согласуется с базисной моделью «восребованности» женской сексуальности, что означает расширение возможностей для сексуальной реализации в качестве объекта желания. К нормативу «женщины-матери» добавляется норматив «женщины — сексуального объекта». Поведение и идеатипикация женщины в качестве сексуального субъекта, ее сексуальная ответственность и компетентность противоречат базовой гендерной идентичности и угрожают самою в коммуникации.

Можно согласиться с мнением С. Голода, когда, исследуя сексуальное поведение и дифференциацию полов, он утверждает, что трансформации нельзя назвать движением в сторону равенства мужчин и женщин. «Наблюдения подтвердили, — пишет С. Голод, — невозможность природной дифференциации полов, одновременно обнаружил углубление физического разнообразия у женщин и эротического у мужчин» (Голод 1996: 95–96). С точки зрения солидарного конструктивизма в бы перестроились эти положения следующим образом: во многом продолжает сохраняться представление о природной дифференциации полов, морально оправдывающее асимметрию поведения. Тогда главным направлением либерального дискурса становится следование образцу «мужской раскрепощенной сексуальности». И это совпадает со второй частью следующего утверждения С. Голода: картина эмасипации дополняется массовыми опросами, показывающими, что «с одной стороны, прописывается специфика каждого из полов, с другой — их поведение сближается по мужскому традиционному варианту» (там же). Что касается второго утверждения (первое можно интерпретировать как усиление натурализации сексуальности), то это совпадает с выявленными здесь сценарными возможностями изменения женской идентичности за счет усвоения паттернов мужского поведения, воплощенного в гендерно-идеинтипическом сценарии.

При этом анализ сценариев показывает, что те изменения, которые связаны с дискурсом либерализации, выглядят на отношению к контрацепции, к сексуальным техникам, к женскому сексуальному удовольствию, к сексуальной коммуникации. Новые возможности предоставляют коммуникативный и гендерно-идеинтипический сценарии, которые становятся более распространяемыми у младшего поколения.

В заключение я хочу обозначить свое отношение к либерализации сексуальности. Соглашаясь с тезисами о том, что социоло-

гии претендует на символическую власть и, осуществляя классификацию и участвуя в размещении властных дискурсов сексуальности, делает ее принудительной, ибо человек как познающий субъект становится объектом своего знания, я хочу определить занимаемую мною позицию по этой проблеме.

Во-первых, оставаясь за рамками вопроса о «естественности» сексуальности, на который социальный конструктивизм ответить не в состоянии, я полагаю, что натурализация сексуальности придает норме не вопрошаемую моральность. Дело не в том, что в сексуальности и гендерной идентичности является биологическим, а что мы таковым считаем. И поэтому я могу быть солидарной с теми российскими исследователями сексуальности, кто усомнился в биологическом основании дифференциации сексуальных стереотипов: об этом, например, заявили С. Голод (1999: 109), Кристикя И. Кона (1998: 368). Если существует культурное обособление мужской и женской «природной» сексуальности, то, соответственно, могут быть найдены и культурные средства для их трансформации.

Во-вторых, одновременно полагая, что исследования сексуальности в 90-е годы в России являются эмансипационным проектом, я солидарна с теми, кто считает позитивной сексуальную либерализацию, способствующую росту толерантности и развитию сексуальной культуры. Такой проект может объяснить особенно-сти конструирования мужской и женской сексуальности и определить те дискурсивные средства, которыми располагает эмансипация в современной российской культуре.

© Темкина А., 2002

Намалев Яромская

СПЕНАРИИ СЕКСУАЛЬНОГО ДЕБЮТА ЖЕНЩИН: ПЕРЕХОД ОТ ТРАДИЦИОННОЙ К АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Введение

В рамках данного исследования сексуальность понимается как социальное взаимодействие, конструируемое посредством различных культурных значений и интерпретаций. Сексуальный дебют рассматривается не как физический контакт, заданный биологическими характеристиками индивидов, а как взаимодействие, заданное специфической культурной значимостью. Цель статьи состоит в реконструкции сценариев сексуального дебюта на основе 27 биографических интервью¹, взятых при исследовании сексуальности.

В статье представлены те теоретические и эмпирические подходы к интерпретации девственности и сексуального дебюта женщины, которые позволяют очертить контуры культурных сценариев, релевантных для данного исследования. В производстве дискурса о девственности существенную роль играют антропологические исследования, марксизм, фрейдизм, феминистская теория. К вопросам, связанным с сексуальной инициацией, относятся также социологические исследования позитивистской направленности. Анализ этих разнообразных подходов позволяет реконструировать культурные сценарии сексуальной инициации. Все указанные теоретические направления являются частью публичного дискурса, легитимизирующего предлагаемые смыслы

¹ 25 интервью взяты в рамках проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)»; 2 интервью были взяты дополнительно в 1999 году.

сексуального дебота на уровне повседневности. Можно выделить два основных теоретических дискурса и на их основе реконструировать два основных сценария сексуального дебота женщины — брачный и альтернативный. Ф. Энгельс и З. Фрейд презентируют и интерпретируют брачную модель сексуального дебота. В феминистских исследованиях воспроизводятся альтернативная сценарная перспектива, основания которой были заданы классической работой С. де Бовуар. Антропологические и политивистские исследования презентируют оба сценария.

Использование сценарного подхода при анализе собранного эмпирического материала позволяет выделить смыслообразующие компоненты деботности и сексуального дебота на трех сценарных уровнях, вариативные сочетания которых составляют брачный и альтернативный сценарии. Встречающиеся в рассказах смысловые «пометки» сексуального взаимодействия эксплицируют значения, приписанные опыту сексуального дебота. В результате исследования переосмысливается соотношение брачного и альтернативного деботов.

Дискурс деботности в теории и в исследованиях

Первое сексуальное сношение, особенно для женщины, традиционно являлось знаковым событием, окруженным моральным осуждением² и нормативным участием значимой деботности, потери невинности, перехода к взрослой жизни...

(Lalonde et al. 1994: 322).

Большой объем материала по сексуальной инициации собран антропологами и этнографами. Существует множество описаний различных обычаев и церемоний в традиционных доиндустриальных культурах, связанных с актом дефлорации у женщин. Феминистский антрополог Г. Рубин приводит в качестве примера описание сексуальной инициации в племени банаро и маринд-анимов:

«В племени банаро брак предполагает несколько социально санкционированных половых партнерств. Сначала женщина вступает в половые отношения с близким другом отца своего жениха. После того как она родит ребенка от этого человека, она вступает в половые отношения со своим мужем. Кроме того, институт бра-

ка в племени банаро предполагает половые отношения женщины с близким другом ее мужа. Партнерами мужчины являются его жена, жена его близкого друга и жена близкого друга его сына.

Многосторонние половые связи являются еще более ярко выраженной традицией у маринд-анимов. В процессе заключения брака невеста вступает в половые отношения со всеми членами рода жениха, причем жених становится ее последним половым партнером» (Рубин 2000: 136).

В традиционных доиндустриальных культурах потеря деботности женщинами далеко не всегда связана с браком и с женихом (мужем). Дефлорация может осуществляться как мужчиной, так и женщиной, может не быть связанной с половым актом и непосредственно предшествовать ему; для этого могут использоваться как определенные инструментарий, так и мужской половой член (см.: Фрейд 1990). Антропологические открытия, связанные с наблюдением разнообразных форм сексуальной активности в разных культурах, позволили исследователям прийти к выводу о том, что сексуальность является продуктом культуры и конструируется в каждом обществе под воздействием определенного социального контекста. «То, что некоторые из этих форм кажутся нам совершенно необычными, является еще одним доказательством того, что сексуальность облекается в культурные формы» (Рубин 2000: 136). Разнообразные практики сексуальной инициации у народов доиндустриальных культур дают основание рассматривать ее как вариативный набор культурных значений, который был редуцирован иудеохристианской западной культурой к брачной модели.

В этой культуре понятие деботности тесно связано с вступлением в брак. «Одним из принципов христианской этики стал запрет внебрачного и добранного сексуального контакта...» (Андреева 1998: 185), требующий соблюдения строгой последовательности: брачности — сексуальности — прокреации. Такая последовательность связана с символической ценностью деботности, являющейся необходимым условием брака. С. Голлод отмечает, что в традиционной модели деботности выступала гарантом нравственной чистоты «и возводилась на прототипичный уровень в сверхценность, а дефлорация вне установленного порядка воспринималась как жизненная катастрофа» (Голлод 1998: 39). Необходимо при этом отметить, что, как и в случае с традиционными обществами, в западной культуре доиндустриального и индустриального периода

² Strichartz — суровая моральная критика, осуждение.

и в России «сверхценность» девственности варьировалась в разные времена и у разных социальных слоев. Так, И. Кон приводит примеры внебрачной или предбрачной сексуальной практики в крестьянской среде, где потеря девственности вне брака не являлась серьезным нарушением моральных предписаний (Кон 1997). И тем не менее, доминирующей моделью сексуального дебота являлась брачная модель.

Взгляд на сексуальность как на набор различных культурных значений сформировался во многом благодаря антропологическим исследованиям, которые обнаружили как множественность культур, так и культурных значений, производимых в том или ином сообществе. Вариативность значений девственности важна для анализа различных сценариев сексуального дебота в рамках одной культуры.

Для реконструкции современных моделей сексуальной инициации важна также классическая работа Ф. Энгельса и З. Фрейда. На основе используемых ими значений девственности можно предположить нормативную модель нуклеарной семьи периода модерна, которая транслируется в дискурсе о сексуальной инициации, легитимизируя смыслы сексуального дебота на уровне повседневно-реконструкции элементов брачного сценария на основании текстов «авторов дискурсивности» (Фуко 1996d) — поможет структурировать много компонентов интервью в сценарной перспективе.

При анализе причин, побуждающих общество в процессе своего развития вырабатывать правила, запрещающие или, по крайней мере, в значительной степени ограничивающие сексуальные контакты женщин до брака, исследователи в первую очередь указывают экономические (Kopila and Navita-Mapiia 1995). Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Энгельс 1961) попытался встроить разнообразные формы сексуальной практики и семьи в логику общественного экономического развития. Хотя сексуальная инициация остается большей частью вне анализа генезиса семьи, тем не менее, эта проблема обозначается в его исследовании при переходе от группового брака к парному.

«Баховен, далее, безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от того, что он называет "гетеризмом", или "трекховным зевачием", к единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам... чем больше отношения между полами уравнивались своей первоначальной характер, тем больше они должны были казаться женщинам унизительными и тягостными; тем настойчивее они должны были добиваться как избавления права на

целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной... Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести אותו моногамно, — разумеется, только для мужчин» (Энгельс 1961: 56).

Женщины, по Ф. Энгельсу, являются «инициаторами» введения односторонней моногамии и права на добравное целомудрие. Значение девственности артикулируется при переходе от группового брака к парному и окончательно оформляется в запрет добравных сексуальных контактов в период формирования моногамии. Необходимостью сохранения девственности является, таким образом, свидетельством отсутствия у женщины права на политическое, ограничение ее сексуальной жизни рамками брака с одним мужчиной. Мужчина при этом не только сохраняет право на политическое, но и получает право на исключительную роль в сексуальной жизни жены.

Подлинное положение женщины и связанное с ней значение девственности специально обосновывается в психоаналитической теории З. Фрейда объясняет природу женского принуждения, описывая процесс формирования женственности, которая становится «нормальной» только в случае принятия на себя пассивной роли во взаимоотношениях с противоположным полом.

В эссе «Табу девственности» З. Фрейд говорит о том, что девственность является знакомым событием как в обществе, где оно неотделимо от брака, так и там, где оно от брака отделено (Фрейд 1990: 147). Разница, по мнению З. Фрейда, состоит в том, что ценностью девственности в современных обществах определяется посредством утверждения «права первого мужчины» как одного из условий заключения брака. Девственность приобретает символическую ценность, которая может быть обменена на возможность сексуального контакта женщины в браке и закрепление за ней положения «сексуальной» подчиненности.

«Ценность девственности, с точки зрения упоминающего мужчину, кажется настолько несомненной и само собой понятной, что нами почти овладевает смущение, когда мы хотим отравить и обосновать это мнение. Требуется, чтобы девушка в браке с одним мужем не сохранила воспоминаний о сношениях с другим, представляется не что иное, как последовательное развитие исключительного права обладания женщиной, составляющего суверенность монополии» (Фрейд 1990: 146) (Курция мой. — Н. Я.).

Здесь Фрейд, с одной стороны, подтверждает тезис Ф. Энгельса о праве мужчины распоряжаться сексуальной жизнью своей су-

рути в моногамном браке. С другой стороны, он признает к рефлексии по поводу того, что у Ф. Энгельса осталось «разлитым по поверхностям» анализа — насколько соотношение девственности и брака является «несомненным и само собой понятным». Оценка девственности зависит от культурного контекста, о чем свидетельствует отказ от «права первого мужчины» (табу на девственность для «жениха») в доиндустриальных обществах. Поэтому, с точки зрения иного общества, того, где брак конвенционально подразумевает для мужчины получение дополнительных прав на сексуальную сферу женщины и, соответственно, лишение девственности для женщины означает вступление в брачные отношения, отрыв брака от дефлорации требует объяснения (Фрейд 1990: 147). Зеркальное отражение диспозиции девственности-ценность превращает ее в девственность-антиценность. Женщина не перестает быть объектом, изменяется смысл данного свойства. Девственность становится опасной, и это, с точки зрения З. Фрейда, является доступным объяснением для того, чтобы жених уклонился от участия в дефлорации. Причины, по которым женщина может избежать дефлорации со своим женихом (мужем), З. Фрейд не рассматривает.

Положение «сексуальной подчиненности» — ключевое для характеристики женственности во фрейдистской теории — обособно вызывает объектно-субъектные отношения, где женщина выступает в качестве сексуального объекта, подчиненного субъекту-мужчине. Отношения пассивности/активности женщины/мужчины связаны с различиями их «анатомической судьбы». Комплекс «кастрации», который переживает девочка в связи с осознанием ее неравного положения по сравнению с мальчиком — обладателем фаллоса, приводит, в конце концов, к подавлению у нее активности начала и освоению роли пассивной, послепенной девушки, готовой в течение долгого времени поддаваться «любовному тоску» в ожидании того, кто возжелает ее удовлетворить.

«Кто первым удовлетворит с трудом в течение долгого времени подавляемую любовную тоску» девушки и при этом предостерегает ее *сопротивление, сложившееся под влиянием среды и воспитания*, тот вступает с ней в длительную связь, возможность которой не открывается уже больше никому другому. Вследствие этого переживания у женщины развивается «состояние подчиненности» (Курсив мой. — Н. Я. Там же).

Обращаясь к анализу сексуальной инициации в современном ему обществе, З. Фрейд приписывает женщине свойства, соот-

ветствующие ее пассивной роли, «сложившейся под влиянием среды и воспитания». З. Фрейд, используя данные аргументы для обоснования логики своего исследования, воспроизводит, таким образом, брачную модель сексуальной инициации, схожую с моделью, предложенной Ф. Энгельсом. Потери девственности в западном обществе происходит в браке и благодаря мужу.

Для правильного исполнения пассивной женственности при сексуальной инициации необходимо выполнять строгие правила относительно целомудрия и его потери.

«Патриархальная цивилизация обрекает женщину на целомудрие; право мужчины на свободное удовлетворение сексуальных желаний признается более или менее открыто, но женщина замкнута в границах замужества, для нее физическая любовь, не освещенная законом или венцом, является грехом, падением, поразжением, слабостью; она обязана всячески защищать свою честь и целомудрие; ее "уступка" или "падение", ведет к презрительному отношению к ней...» (Бовуар 1997: 413) (Курсив мой. — Н. Я.).

Симона де Бовуар, основоположница французского феминизма, разделяет идею З. Фрейда о значимости анатомических различий между мужчиной и женщиной для формирования ситуации подчиненности женщины. Она, однако, указывает на то, что сексуальная жизнь женщины контролируется обществом в гораздо большей степени, нежели мужская. Особенно жестко этот контроль осуществляется по отношению к ее сексуальному дебюту.

«Роль мужчины как сексуального воспитателя женщины определяется как его физиологическими особенностями, так и нравами, царящими в обществе» (Бовуар 1997: 419).

С. де Бовуар, как и З. Фрейд, приписывает женской сексуальности пассивный характер, формирование которого происходит с детских лет. Тем не менее, в отличие от Ф. Энгельса и З. Фрейда, она акцентирует внимание на том, какое значение девственности для самой женщины, как сама женщина воспринимает свою сексуальную инициацию. С. де Бовуар опровергает утверждение о том, что девственница не испытывает сексуального возбуждения и желания до первого сексуального контакта.

«Утверждение о том, что девственнице неведомо желание, что ее чувственность пробуждается мужчиной, неверно, эта мысль еще раз свидетельствует о безудержном стремлении мужчин к господству, о его желании ни в чем не признавать самостоятельности своей подруги, даже в ее тяге к нему самому» (Бовуар 1997: 415).

Вследствие физиологических особенностей женского организма, а также под влиянием воспитания женщины вынуждена по-разному пользоваться выражением З. Фрейда, «любованую тоску» до начала сексуальной жизни. «У девственницы нет никакого оргазма, благодаря которому она могла бы удовлетворить активное эротическое желание; у нее нет жизненного опыта мужчины, который обрекает ее на пассивность» (Бовуар 1997: 417).

Необходимость сохранения девственной плевы до вступления в брак, как это предписывают моральные устои, лишает девушку доступа «в то место, где должен произойти половой акт...», так как «тол орган, где должно завершиться ее превращение в женщину, закрыт девственной плевой» (Там же). Вследствие этого она не может концептуировать свое сексуальное желание в области гениталий, как это происходит у мужчины. Ее эротическое желание оказывается отчужденным как от женской, так и от мужской «анатомии».

Мужчина, к которому женщина испытывает сексуальное влечение, представляет для нее опасность. Она, с одной стороны, должна следовать пассивной роли, а с другой — должна, подвывая свое сексуальное желание, активно сопротивляться желанию мужчины вступить с ней в сексуальное взаимодействие за пределами предписанных правил.

Первое сексуальное взаимодействие для женщины, согласно С. де Бовуар, всегда связано с ситуацией насилия, поскольку традиционное определение сексуальной инициации делает мужчину культурным и физиологическим «дифлоратором», *разрушающим* столь «ценную» девственное плечу и *лиамиди* женщину «пеломудрия» и «невинности».

С. де Бовуар отмечает, что «во многих случаях общества девственность ценится так высоко, что, по мнению девушки, было бы настоящим бедствием лишиться ее, не вступив в законный брак» (Бовуар 1997: 419). Однако, описывая женскую сексуальность, она не рассматривает инициацию исключительно в рамках брака, партнер по сексуальному взаимодействию в приволимым его примером не является мужем или женихом. Такой взгляд на сексуальный дебют отпиачается от взглядов Ф. Энгельса и З. Фрейда, которые потерю девственности соотносили с возможностью или невозможностью вступления в брак.

Соотношение брака и сексуальной инициации было далее проблематизировано в дискурсе «сексуальной революции» и в либеральном научном дискурсе в 60-е годы на Западе. Что касается

России, то существует несколько точек зрения относительно периода возникновения таких дискурсов. Так, С. Голод утверждает, что первые дискуссии об альтернативной модели сексуального поведения прихоятся в СССР, как и на Западе, на шестидесятые годы (Голод 1998: 40–44). В свою очередь, И. Кон считает, что распространение либеральной дискурса началось в начале 90-х годов, что обусловлено сексуальной революцией (Кон 1997).

С. Голод определил новую модель сексуальности как «модернистскую», а брачную — как «традиционную» (Голод 1998). Общей чертой брачного (традиционного) и либерального (модернистского) дискурсов является то, что в них брак выступает точкой отсчета для понимания сексуальности. Главным отличием либеральной модели сексуальности от брачной модели становится возможность помещения ее вне института брака, т. е. допускаясь внебрачная сексуальность и открывается альтернатива брачной модели. Таким образом, создается новое значение сексуальности, которое, хотя и выносятся за рамки брака и перестает быть тождественным ему, тем не менее остается связанным с ним через противопоставление.

Альтернативный характер либеральной модели сексуальности отразился на дизайне позитивистских социологических исследований, где брак рассматривается в качестве демаркационной черты, разделяющей «традиционную» и «модернистскую» модели сексуальных отношений (Голод, 1998: 42–45)³. Так, социологические опросы в России, включая опросы, проведенные в 1960-е и в 1990-е годы, содержат вопросы о вступлении в *добрачные* сексуальные отношения, а также оценочную шкалу, позволяющую измерить общественную терпимость («одобрено» — не одобрено) добрачные связи) по отношению к сексуальным контактам до брака (Голод 1998: 45, Кон 1997: 262). Брак остается используемым моральным критерием при оценке сексуального поведения и во «внебрачной» модели.

Данные количественных исследований позволяют проследить развитие альтернативной модели сексуальной инициации. Они также подтверждают наличие гендерной асимметрии, на которую указывали З. Фрейд и С. де Бовуар. В количественных исследованиях

³ Здесь необходимо отметить, что построение данной шкалы также обусловлено конструкцией либеральной дискурса. Сексуальный дебют рассматривается как в «брачной», так и в «добрачной» модели, т. е. это смысл реконструируется по отношению к браку. Альтернативный сленгарий — это альтернатива браку.

первого сексуального опыта показателями обычно являются возраст начала сексуальных отношений⁴, мотивация к вступлению в них; продолжительность отношений с первым сексуальным партнером как до, так и после первого полового акта; степень активности в инициировании первого сексуального контакта; оценка пережитого опыта (см.: Голд 1998, Кон 1997, Копила and Навила-Малила 1995, Лаппин et al. 1994). Для всех количественных данных, независимо от стран, в которых проводились исследования, характерно значительное различие по всем показателям между мужчинами и женщинами. Женщины позже начинают активную сексуальную жизнь, которая связана с более продолжительными отношениями, они гораздо реже проявляют инициативу в сексуальной инициации, чем мужчины, моральные императивы являются для них более значимыми. Кроме того, они чаще указывают на отсутствие сексуального желания в момент близости⁵, гораздо реже испытывают сексуальное удовлетворение при первом половом акте.

Тем не менее, за пределами возможностей количественных методов остаются многие особенности как брачной, так и альтернативной модели сексуальной инициации женщины. Дизайны таких исследований определяются разработчиком, и (внебрачная) альтернативной модели является априори. Аналогичным образом является вариативность мотиваций начала сексуальных отношений. Например, качественные методы анализа позволяют выявить, противостоит ли брачная модель альтернативной в интервью, или же последняя возникает вне связи с браком. Использование биографического исследования позволяет ответить на вопросы, к каким интерпретативным стратегиям прибегает женщина, чтобы выстроить сексуальный опыт в «примемлемый» нарратив? Как мотивы сексуальной инициации презентуются в интервью? В каких категориях интерпретируются конкретные случаи сексуального дебюта самими женщинами и в чем проявляются гендерная асимметрия на уровне межличностного взаимодействия в их интерпретациях?

⁴ Под началом сексуальных отношений понимается первое сексуальное сношение с гетеросексуальным партнером. В интервью значение первых сексуальных отношений трактуется гораздо шире (например, первый половой, первый петтинг).

⁵ Отвечая на вопрос, почему они не вступили в сексуальную связь, мужчины чаще всего (48,5%) сослались на «отсутствие случая», тогда как женщины чаще апеллировали к моральным соображениям (34,1%) и отсутствию сексуальных потребностей (34,1%)» (Кон 1997: 264).

Обратимся сначала к данным социологических опросов. Возраст сексуальной инициации является важной характеристикой в сексуальной биографии индивида. Отмечается стабильное снижение среднего значения этого показателя за последние двадцать лет во многих странах (Копила and Навила-Малила 1995, Лаппин et al. 1994), включая Россию (СССР) (Голд 1998), оно интерпретируется исследователями как свидетельство либерализации отношения общества к сексуальной сфере (Кон 1997: 263, Лаппин et al. 1994: 321). Возраст начала сексуальной жизни оказывается важной статусной категорией. Во-первых, он фиксирует изменение сексуального статуса индивида (Лаппин et al. 1994: 321). Во-вторых, категория возраста вписана в нормативные культурные предписания, определяющие границы «нормального» возраста начала сексуальной активности и, следовательно, «пожило» получения сексуального опыта, первый сексуальный акт символизирует взросление для большинства молодых людей» (Копила and Навила-Малила 1995: 52). Сексуальный опыт znamená собой новый этап жизненного цикла. В-третьих, в традиционной модели, где сексуальная инициация связана с вступлением в брак, возраст сексуальной инициации становится связанным и с изменением maritalного статуса.

Снижение возраста сексуальной инициации, как у мужчин, так и у женщин, в также увеличение числа тех, чей сексуальный дебют происходит вне брака, привело к необходимости исследования мотивации сексуального дебюта. Если в традиционном варианте сексуальной инициации мотивация была обусловлена институциональными рамками брака и связывалась с функцией прокреации, в альтернативной модели происходит диверсификация возможных мотивов начала сексуальной жизни. Мотивация перестает быть отчужденной от индивида и становится связанной с личностным решением, с выбором (кроме ситуации насилия).

Что касается продолжительности отношений, то, по данным российских опросов, женщины в гораздо большей степени, чем мужчины, склонны к установлению продолжительных отношений с первым сексуальным партнером. «Почти у трети опрошенных Лосевой мужчины первая половая связь была одноразовой или продолжалась всего несколько дней. У женщин так бывало редко (4,5%): три четверти продолжили свою первую связь более или менее длительное время» (Кон 1997: 265–266). Здесь также прослеживается связь с брачной моделью сексуальных отношений, в которых женщина является в большей степени ориентированной на моногамию, чем мужчина.

Данные опроса, проведенного финскими социологами, демонстрируют увеличение доли тех женщин, которые действуют активно в отношении своего сексуального дебюта (Kopila and Naavla-Majala 1995). Можно предположить, что в России тоже имеет место подобная тенденция, однако количественных данных, прямо указывающих на ее существование, нет.

Подводя итоги данного обзора, воспроизведем еще раз основные положения, связанные с презентацией сексуального дебюта женщины в теоретическом дискурсе. Длительное время единственной морально одобряемой практикой начала сексуальной жизни являлся дебют в браке, что было обусловлено существованием монопольного права мужчины на сексуальную жизнь женщины. В своих работах Ф. Энгельс и Э. Фрейд воспроизводили этот брачный фрейм при обращении к сексуальной инициации. Состояние поцелуя и утешения неосвоенной ролевой позиции по отношению к мужчине. Кроме того, на основании биологических (анатомических) особенностей женщины приписывалась неспособность быть активной в процессе своей сексуальной инициации.

Во второй половине двадцатого века, во многом благодаря феминистской дискуссии, возникает альтернативная модель сексуальной инициации, в которой женский сексуальный дебют выводится за рамки брака. Между тем и в ней брак остается системой референции, по отношению к которой рассматривается сексуальный дебют. В инициации сохраняется положение тендерной асимметрии, о чем свидетельствуют данные количественных исследований.

Сценарный подход как способ реинтерпретации сексуального дебюта на основе биографических интервью

Основные принципы сценарного подхода к анализу сексуального поведения строятся на отрицании монолитности сексуальной рефлексии (Gaillon 1990). Сексуальность рассматривается гораздо шире биологического наполнения и определяется как социальное конструируемое поведение. Социокультурные процессы являются более значимыми в определении того, что мы считаем сексуальным, чем биологические факторы, которые, хотя и воздействуют на сексуальное поведение, играют, тем не менее, вторичную роль в определении составляющих сексуального поведения и того, как оно интерпретируется (Laumann et al. 1994: 5).

В рамках сценарного подхода сексуальный дебют можно представить в виде сценария, где значение и характер взаимодействия между акторами социально обусловлены и конструируются на трех уровнях: культурном, межличностном и интрапсихическом.

За культурным сценарием закреплена роль транслятора конвенциональных норм и требований в отношении сексуального дебюта, которые дают «инструшки» о приемлемом и неприемлемом сексуальном поведении. Эти конструкции презентруются с помощью историй (с хорошим и плохим концом) о том, где, когда, с кем можно вступать в сексуальное взаимодействие и каковы будут последствия этого. Межличностные сценарии сексуального дебюта формируются с учетом ожиданий от взаимодействия с партнером и конструируются посредством данного взаимодействия. Интрапсихический уровень представляет личностные установки индивида в отношении своей сексуальной жизни (Gaillon 1990).

Наряду с морально одобряемым сексуальным поведением всегда существует морально не одобряемое, которое также включено в ряд культурных значений. Разница между поведением индивида со- что в одних случаях описание реального поведения индивида совпадает с морально оправданной нормой, а в других — эти требования оказываются чуждыми личным предпочтениям индивида, который сталкивается с необходимостью выписать ситуацию взаимодействия в морально оправданный нарратив. В последнем случае индивид использует разные стратегии по преодолению несоответствия между поведением и приемлемыми культурными предписаниями, формируя индивидуальный сценарий и адаптируя друг к другу нормативные предписания и ситуационно межличностного взаимодействия. В результате в нарративе сценарий представляет собой непротиворечивую морально оправданную интерпретацию события, которая конструируется благодаря смысловому соединению норм, оценок, мотивов и социального действия.

Сценарии сексуального дебюта женщин презентуют разные стратегии интерпретаций инициации. На основе полученного материала и в соответствии с традиционной и современной моделями сексуального поведения можно выделить два сценария: первый получает название «брачного сценария» и соответствует традиционной модели, второй — «альтернативного» и соотносится с современной моделью перепективой. В первом случае брак презентуется как единственно одобряемая форма первого сексуального контакта. Во втором — брак может отсутствовать в качестве необходимого атрибута сексуальной инициации, тогда как дебют

становится этапом социализации женщины, не связанным с изменением maritalного статуса и с долгосрочной перспективной взаимоотношений с партнером. Вместе с изменением сценария меняется и значение дееспособности, ее ценностная составляющая. Если для традиционной культуры «дефлорация не является гармоническим завершением постепенной эволюции, она есть резкий разрыв с прошлым, начало нового цикла» (Бобуар 1997: 411), то в модернистском сценарии она становится одним из этапов индивидуального развития.

Описание эмпирического материала

Для анализа сексуального дебюта был использован материал, собранный в ходе проведения биографических интервью о сексуальной жизни женщин трех возрастных когорт, далее они называются «старшая», «средняя» и «младшая». Для работы с текстами интервью был использован дискурсивный метод анализа (Silverman 1993).

В структуре текста, презентирующего сексуальную биографию опрашиваемых, рассказ о сексуальном дебюте составлял лишь небольшую часть общего повествования. Информантам задавались вопросы о первом сексуальном опыте, первом сексуальном контакте. То, что рассказ о сексуальном дебюте являлся вписанным в общие рамки сексуальной биографии, отразилось на способе презентации самого рассказчика, партнера и ситуации.

Основным материалом для анализа являются те интервью (17 рассказов)⁶, где процесс инициации представлен в нарративном повествовании. В шести интервью рассказ о дебюте отсутствует. Можно выделить три причины исключения описания инициации. Первая заключается в эксплицитном отрицании значимости пережитого опыта:

«Даже вспоминать неохота. Рассказывать не о чем» (№ 11)⁷.
«Исключительно ничего интересного» (№ 2).

В этом случае подчеркивается нежелание презентировать держитый опыт, который оценивается негативно. Сексуальный дебют максимально дистанцируется от более позднего опыта и обесценивается.

⁶ Из анализа были исключены истории, где сексуальная инициация проходила в ситуации насилия.

⁷ В скобках указан номер интервью.

Вторая причина связана с тем, что в сексуальной биографии дебют не рассматривается как значимое событие. Однако в отличие от первого случая, где информантки эксплицитно нежелание озвучивать историю, в данном случае отсутствие рассказа подразумевает его имплицитное игнорирование. Есть только индексные знаки, указывающие на дебют (упоминание мужа, партнера, изменения статуса).

Третья причина, по которой рассказ о дебюте состоит из нескольких слов, не дающих развитой сюжетной линии, заключается в том, что вся история сексуальной инициации строится вокруг одной значимой темы, вытесняющей все остальное. Например, упоминание о первом сексуальном опыте помещено в контекст трудных взаимоотношений с матерью.

Смыслообразующие категории сексуального дебюта женщины⁸

Он никогда не устанавливал на сексуальном контакте!..
настоящем таком, на дефлорации» (№ 10).

В интервью при описании сексуального дебюта как интервьюируемые и интервьюером, так интервьюируемые были использованы набор разных обозначений. Вопросы интервьюеров, задающие фрейм рассказа, были сформулированы как вопросы о первом(ых) сексуальном(ых) опыте(ах), о первой любви, о «потере невинности». Информанты, как правило, начинали рассказ, используя предложенные категории, а затем вводили дополнительные обозначения. Сексуальный дебют описывается как первое сексуальное взаимодействие («первая половая связь», «первые контакты», «первый сексуальный опыт», «первый секс», «первый половой (сексуальный)

⁸ В русском языке для обозначения изменения сексуального статуса используется противопоставление «девушка» — «женщина». В статье используется категория «женщина» независимо от сексуального статуса.

⁹ В Советском энциклопедическом словаре «дефлорация» (полный слог *defloratio*, букв. срывание цветов) определяется как «лишение дееспособности, нарушение целостности девственной плевы преимущественно при половом сношении» (Советский энциклопедический словарь 1988). Как следует из определения, дееспособность — это (физиологическое) состояние, предшествующее дефлорации, которая, в свою очередь, может осуществляться преимущественно при половом акте. Обращает на себя внимание тот факт, что определение дефлорации происходит через употребление слов, несущих негативный оттенок: «лишение», «нарушение целостности».

акт (контакт)), как любовные отношения («необычный опыт и первая любовь», «первая взошла любовь и первый сексуальный опыт», «первая любовь, сексуальная потребность, первый сексуальный опыт»), как отношения с партнером («переспала с мужчиной», «первый мужчина», «мой первый мужчина»), как изменение статуса («стать женщиной», «я стала женой»), как утрата предшествующего состояния («потерял девственность, невинность, целомудрие»). Использовались также эвфемизмы («близость»), слова-заместители («это дело» — см. статью О. Паченкова в настоящем издании).

В спенарных дебютах выделенные категории можно поместить в соответствии с тремя спенарными уровнями: интрапсихическим, межличностным и культурным. Интрапсихический уровень образуется через вариативные значения девственности. Эти значения артикулируются по-разному в разных контекстах в зависимости от установок и личных планов, связанных с инципидей. На уровне межличностного взаимодействия дебют эмоционально оценивается, презентируются ситуации «поломки» взаимоделимости, характеристики партнеров и отношения пассивности (активности). К культурному уровню относятся моральные суждения, определяющие нормативную ценность девственности и наделяющие ее культурными значениями.

Эмпирический материал позволяет выделить три основных значения, присваиваемых девственности в интервью: «физиологическое», «статусное» и «познавательное».

Физиологическое значение девственности связано с наличием девственной плевы, сексуальный дебют означает акт дефлорации:

«Я, будучи физиологически девственницей...» (№ 12).

Статусная девственность — это комплексная категория. Она может соотноситься с катеторией возраста, принадлежностью к определенной социальной группе:

«...Когда мне было 21 год или 22, и я уже решила, ... что стать близится, и у всех чего-то есть, а у меня нет...» (№ 3);
быть связанной с изменением сексуального или maritalного статуса:

«Мне было уже лет двадцать и можно было уже думать выходить замуж» (№ 15).

Познавательное значение девственности связано с отсутствием «практического» знания о сексуальности, получаемого через телесный опыт:

«Первый сексуальный опыт — тот мальчик, с которым я за-

нималась петтингом, был первый, который меня полюбил» (№ 16).

Данное значение может быть совмещено со статусной и физиологической девственностью, но может быть и отделено от них, если обретаемый сексуальный опыт (например, петтинг) не ведет к потере девственности физиологической:

«Целомудрие не было, но девственность оставалась» (№ 16).

В этом случае познавательное значение девственности оказалась реализованным, в то время как физиологическая девственность была сохранена.

Рассказ о сексуальном дебюте в большинстве случаев содержит эмоциональную составляющую, которая подразумевает референцию к сексуальным ощущениям (как отсутствию). «Отсутствию кода сексуальности» презентруется через переживаемые эмоции: «Будучи физиологически девственницей ... и ... психологически тоже, потому что ощущений я не получала никаких от этих занятий» (№ 12).

Категория сексуальных ощущений является телесной, однако в сексуальном дебюте телесность воспринимается в первую очередь как физиологическая девственность. Поэтому (телесные) сексуальные ощущения оказываются вторичными по сравнению с (телесным) разрывом девственной плевы и, таким образом, неключевыми из тела — в области эмоций:

«... (были) мало развиты какие-либо сексуальные ощущения, мне было любопытно, это первое, физиологических ощущений у меня никаких не было» (№ 1).

Отсутствие сексуальных ощущений замещается эмоциональными переживаниями

«чисто сексуальных ощущений (не было)... Они переживались очень мощными эмоциями, это все мне нравилось...» (№ 14).

«Поломки» в интерпретации сексуальной инципидии связаны с отсутствием общего знания о «предсексуальном» статусе женщины. Они возникают в связи с интерпретацией партнерами относительной активности (пассивности) во время сексуального дебюта:

«Мужчины, которые со мной общались, всячески меня оберегали, хотя, я совершенно этого и не хотела, мне было, может, и интересно чем-то таким заняться, но они, значить, меня оберегали. А этот вот — как первый сексуальный контакт — не стал оберегать...» (№ 3).

Мужчине предписывается в этой ситуации роль инципидора и активного субъекта, а женщина занимает выжидательную пози-

плю. Если женщина не принимает пассивную роль объекта, а действует активно в создании ситуации сексуального контакта, партнер не помещает ее в дебютный фрейм даже в том случае, если она сообщает ему об этом:

«Потом, спустя годы, глядя в фильмах, где женщины говорят о том, что они невинны, а мужчина говорит: "Ха, ха!", я поняла, что ситуация была та же самая, потому что я сказала: "Я невинна", и он сказал: "Прости?...". а потом страшно как бы изумился, что это была правда...» (№ 25).

Активная позиция женщины оказывается несовместимой с той пассивной ролью, которая ей предписана. Из этого видно, что, несмотря на речевой код («я невинна»), партнер не воспринимает партнершу как женщину («прости!») и не рассматривает сексуальный контакт как дебют. Далее сексуальный контакт все-таки ретранспроцируется партнером как инициация. Значимость речевого кода становится очевидной в ситуации, когда женщина активна и не сообщает о том, что дебютирует. Здесь сексуальный контакт также не интерпретируется партнером в категориях инициации, как вследствие несоответствия партнерши пассивной роли, так и из-за отсутствия речевого кода.

«Он не понимает в чем дело, потому что он как бы не знал об этом» (№ 16).

Для партнера, таким образом, этот контакт не является сексуальным дебютом женщины. Дебютантка также помещает сексуальное взаимодействие вне категорий сексуального дебюта — как «нормальный», т. е. обычный, половой акт:

«Пусть все нормально будет» (№ 15).

Дебют не интерпретируется как таковой при отсутствии общего знания, которое появляется лишь постфактум. Переопределение ситуации как дебютной происходит на основании ее последствий, а именно посредством расшифровки символического значения крови. Кровь становится смысловым кодом для признания ситуации дебюта при «поломке» фрейма:

«Тут только он понял, вот по этой крови, ее было не так уж и много ... он, конечно, был очень горд — первый мужчина...» (№ 15).

В другом интервью отсутствует кровь, наоборот, используется. Информантка посчитала, что в ситуации нежелательного сексуального взаимодействия сохранения девственности:

«Ну, поскольку вот не произошло того, что обычно бывает, я узнала из рассказов друзей — больно, там, или, я не знаю, кровь

там потекла — ничего этого не было, я посчитала, что я благополучно избежала» (№ 6).

Таким образом, необходимым условием интерпретации взаимодействия в категориях сексуального дебюта является разделение партнерами знания о характере взаимодействия, который, в свою очередь, определяется через принятие соответствующих ролевых позиций партнерами. Если такого понимания не возникает в момент взаимодействия, сексуальный дебют может быть реконструирован с помощью дополнительных кодов, таких, например, как кровь.

Культурный уровень сценария определяется с помощью морального суждения, на основании которого девственность приобретает ценность:

«Потерять девственность я хотела именно со своим будущим мужем вследствие моего воспитания...» (№ 16).

Ценность девственности определяется апелляциями к моральному суждению, связанному с категорией брака и установками, выработанными воспитанием в семье. Однако девственность может приобрести и значение антиценности:

«Проблема девственности как чего-то ужасно компрометирующего стояла ... Я ничего не испытывала (в первом сексуальном опыте. — Н. Я.), кроме морального удовлетворения» (№ 25).

Связь с бранным моральным суждением исчезает, и возникает новая мораль, в соответствии с которой от девственности необходимо избавиться:

«...И те, которые лишились девственности, чувствовали себя совершенно нормальными людьми, потому что они уже знали, что это такое» (№ 25).

Моральным оказывается обладание сексуальным знанием, которое необходимо для обретения статуса, предписанного социальной группой.

Различение выделенных смысловых значений в соответствии с разными сценарными уровнями является аналитическим и, в значительной степени, условным. В направленных данные уровни переосмысливаются. Например, эмоциональная оценка сексуального дебюта оказывается соотносенной с телесной категорией и может быть, следовательно, распространена на интрапсихическом уровне. Моральное суждение также участвует в конструировании значения девственности на интрапсихическом уровне. Основная проблема использования интрапсихического связана с тем, что все три уровня определяются посредством культурных значений и в этом смысле

выдвигаются культурными сценариями, поэтому практики межличностного взаимодействия, а также личные планы и установки по поводу сексуальной жизни, о которых идет речь в рассказах, также воспроизводят культурные значения сексуальности.

Брачный сценарий сексуального дебота

Несмотря на то, что брак часто упоминался в интервью как нормативный сценарий для начала половой жизни, лишь несколько информантов воплотили данные нормы в собственном сексуальном проекте. В эту группу вошли в основном женщины старшей и средней возрастной когорты.

В брачный сценарий объединены истории, в которых сексуальный дебот произошёл в браке, и те, в которых дебот непосредственно предшествовал браку, став его причиной. В первом случае соблюдается последовательность «брачность» — «сексуальность», сценарий соответствует морально одобряемому нормативу. Во второй группе историй данная последовательность нарушается, но сохраняется смыслообразующий сценарный элемент — заключение брака с первым сексуальным партнёром. Моральное суждение во втором случае проясняется через оправдание нарушения последовательности в деботе. Любовный сценарий дебота также помечен в брачный фрейм, хотя связь дебота с браком нарушена.

Брачный сценарий дебота длительное время был единственным легитимно оправданной на уровне общественной морали моделью сексуальной инициации женщины. «Любовный» сценарий являлся негитивным, в то время как сценарий с нарушением последовательности (сценарий-инверсия) можно поместить между ними на шкале моральной оценки в качестве промежуточного варианта. Изменение сексуального статуса женщины в этих сценариях оказывается подчиненным изменению ее maritalного социального статуса.

В идеалтипическом, морально оправданном варианте брачного сценария физиологическая, статусная и познавательная категории совпадают. Ценность физиологической девственности конструируется благодаря совмещению maritalно-статусного и познавательного значений. Наличие (отсутствия) сексуальных ощущений не получает эксплицитной эмоциональной оценки.

В сценарии-инверсии и в любовном сценарии единство значений распадается. Сексуальный дебот может быть обусловлен

желанием получения знания о сексуальности, тогда с физиологической девственностью совпадает образовательная категория, но выпадает maritalно-статусная (сексуальное взаимодействие происходит до вступления в брак). Это, в свою очередь, приводит к эксплицитному оправданию нарушенных «правил».

Мотивом к вступлению во взаимодействие в любовном сценарии является тубокая эмоциональная вовлеченность в отношении со стороны женщины. В этом сценарии девственность также презентруется как ценность (дар любимому), но обженивается она вне брака на особое отношение со стороны партнера при значимой установке на брак. В этом случае моральная оценка девственности остается важной, так как целомудрие, невинность рассматриваются одновременно как отсутствие знаний о сексе и как нравственный эквивалент физиологической девственности, которая в перспективе потенциально обеспечивает вступление в брак.

«Он сказал: "Я хочу сохранить твою невинность, чтобы тебе не было стыдно перед мужем", — мне было стыдно уже... идет обман трудящихся, потому что на самом деле чистой я себя не чувствовала» (№ 12).

Если браку предшествует сексуальная практика, которая не включает пенетрацию, то для женщины нарушается единство познавательной и физиологической категорий и сопутствующей им моральной оценки. Она остается девственной, но не «невиной», следовательно, в брачном проекте становится «не совсем» девственницей.

В брачном сценарии моральное одобрение «невинности» означает предписание к отсутствию сексуальных знаний, которые могут быть получены лишь посредством взаимодействия с мужем. Таким образом, право на сексуальные отношения в брачном сценарии женщина получает только после дебота в браке, что интерпретируется как приобщение к знанию о сексе благодаря мужу:

«И мое предстание о сексе было такое, что им можно заниматься, только выйдя замуж. Что я в своей жизни и сделала... Такие были установки в моей семье, что надо выходить замуж только девшикой и что супружеская жизнь — она начинается потом» (№ 8)¹⁰.

¹⁰ Как следует из текста, информантка помещает свой дебот во фрейм идеалтипического брачного сценария. Вместе с тем, в дальнейшем повествовании дебот оказывается вписанным в сценарий-инверсию. Именно брак с первым половым партнером позволил ей ретроспективно его как идеалтипический.

Если последовательность «брачность» — «сексуальность» была нарушена (спенарий-инверсия), то рассказ включает эксплицитные элементы оправдания. Следствием несоответствия предписаний и презентирuemых сексуальных практик становится специализированная стратегия вписывания сексуального дебюта в единичный смысловой нарратив. Когда первый половой акт предшествует браку, действия вступают в противоречие с традиционными уставами и нормами:

«...мой установкой говорили о том, что надо выйти замуж. Раз уж нас с ним такие отношения, то надо выйти замуж...» (№ 8).

В такой ситуации сексуальный дебют не связан с браком и, тем не менее, происходит вписывание внебрачных отношений в брачный контекст.

«...Потому что он был, как я считала, порядочный человек, из хорошей семьи... и я решила, что только с таким человеком можно попросовать, что оно такое...» (№ 8).

Хотя мотивация женщины не связана со вступлением в брак, она презентирует партнера как потенциального мужа («порядочный, из хорошей семьи») и расматривает сексуальные отношения как потенциально брачные. Внебрачный сексуальный дебют расматривается женщиной как нарушение предписания и корректируется постфактум, так как намерения партнера обращены на заключение брака:

«Но я уже понимала, что я такое совершила... А мой муж бродячий не мог от меня оторваться, а мне это было все равно, я вообще хотела от него бежать, хотя мой установкой говорили о том, что надо выйти замуж» (№ 8).

В соответствии с индивидуальным планом, информативна «решилась, что... можно попросовать, что оно такое», однако моральное предписание имеет для нее решающее значение: она испытывает чувство вины за нарушение правила («что я такое совершила»), поэтому вопреки нежеланию продолжить эти отношения, выходит за своего первого сексуального партнера замуж. В любовном сценарии презентирует, как правило, оправадание нарушения брачного предписания:

«...или, там, обещания жениться, и сборы, и клятвы, и... и все такое, и серьезные намерения, которые так постепенно — все откладываясь год на два...» (№ 12).

Брачная перспектива по вине партнера оказывалась не осуществленной, что используется информативкой, которая была ориентирована на брак, как оправдание.

В брачном сценарии сексуальная жизнь ассоциируется с жизнью супружеской, а сексуальные партнеры принимают ролевые позиции мужа и жены: «И там я стала женой Лены» (№ 18). Кроме того, от мужа ожидаются и инициатива, и ответственность за осуществление дебюта, в интервью он вполне вписывается в категорию «культурного дефлоратора». От женщины ожидается пассивность и подчиненность:

«Я — никогда, потому что он никогда не настаивал, а что ж я буду спрашивать: "Что, ты не хочешь меня?" То есть понятно, что хочет, видно. Я подозреваю сейчас, что он не хотел, для него было важно, что мы женимся, и тогда мы перестали» (№ 10).

Информативки в «последовательном» брачном сценарии сообщают об отсутствии сексуального желания до начала отношений (то, против чего выдвигала аргументы С. де Бовуар): «...так как я была девственницей, я его вообще физически не хотела (...) меня это не интересовало как таковое» (№ 5).

Такой сценарий поддерживает традицию, в нем фиксируется воспроизводство сексуальных установок родительской семьи: «Такие были установкой в моей семье, что надо выходить замуж только девучкой и что супружеская жизнь — она начинается потом» (№ 8). Традиция предполагает и определенные правила выбора брачного партнера, и взаимодействие с ним как с «женinxом» в предбрачный период. Сексуальному дебюту, как правило, предшествует длительное знакомство или период ухаживания: «Мы долгое время были, но наши отношения ближе меньше месяца длились» (№ 8).

Итак, дебют, — это «потеря» девственности, которая происходит в (пред)брачном взаимодействии с (потенциальным) мужем.

Брачный сценарий, представляемый в интервью, по значению некоторых смысловых категорий в традиционной степени совпадает с компонентами, выделенными в традиционном дискурсе о девственности. Женщине предписана пассивная роль в осуществлении сексуального взаимодействия: она не должна обладать сексуальными знаниями (иди, но меньшей мере, их скрывать), она получает право на сексуальную жизнь лишь в рамках брака. Исполнение таких предписаний не требует эксплицитного оправдания. В сценариях, в которых нарушается предписанная последовательность смены статуса, женщины прибегают к интерпретативным стратегиям для совмещения физиологической, статусной и образовательно-категорий или для оправдания невозможности такого совмещения.

Альтернативный сценарий сексуального дебюта

Альтернативный сценарий наиболее распространён в расказах средней и младшей возрастных когорт. Он объединяет историю, в которых отсутствует референция к брачной модели сексуального дебюта. На основании анализа интервью можно выделить три варианта альтернативного сценария.

Первый вариант — «референтный» — презентует дебют как необходимость восстановления статуса в определенной социальной группе и подтверждения своей принадлежности к ней:

«...потому что все подруги уже у меня были женатыми, а я была одна девчонка. Это просто было за компанию» (№ 20).

Во втором варианте дебют — «индивидуальный» — часть индивидуального проекта, где потребность сексуального взаимодействия возникает как следствие сексуального желания:

«...я просто поняла, что я его хочу, все — хочу этого. И это когда-то должно случиться. Я поняла, что мне уже хочется, что меня уже часто возбуждают мужчины...» (№ 15).

Или:

«...сексуальная потребность уже появилась, я очень такая была голодная всегда...» (№ 20).

В третьем варианте дебют — «отношенческий» — презентуется не как субъекто индивидуальное событие, а как переход к другому этапу в близких дружественных отношениях между мужчиной и женщиной:

«И я даже не могу объяснить, как это все произошло, но, наверное, просто наступил такой момент, когда мы... Мы в один момент стали настолько близкими людьми...» (№ 24).

Общей особенностью констатации значений девственности во всех вариантах альтернативного сценария служит исключение из стигматизированной категории компонента, хотя другие компоненты могут сохраняться (возрастной и сексуальный статус и статус принадлежности к группе).

Происходит более четкое структурирование образовательного значения девственности, так как дебюту предшествует, как правило, знание, получаемое благодаря сексуальному опыту, не связанному с дефлорацией:

«Я это поняла из подружек, из ребятки, да. Мне хотелось больше и больше. Этого было недостаточно» (№ 15).

В этом случае образовательное значение девственности дифференцируется: «практические» знания о сексуальности могут

быть получены вне дебюта, однако есть особое знание — о пенетрации, которое обретается только через сексуальное взаимодействие с мужчиной:

«...те, которые учились ... уже знали, что оно такое» (№ 25).

Существуют и другие виды знаний, например о мужской физиологии, о сексуальных характеристиках партнера, которые в альтернативном варианте могут быть получены и до потери девственности.

В идеалогическом брачном сценарии, где девственность, т. е. целомудрие, — это синоним отсутствия телесного знания, понимаемого как сексуальный опыт, граница между добродетельным и брачным телесными опытами очерчена достаточно жестко. В любовном сценарии и в сценарии-инверсии может презентироваться разделение видов практического знания, однако в любом варианте это знание подлежит негативной оценке. В альтернативном сценарии, напротив, моральная оценка преддебютного сексуального опыта нивелируется и артикулируется лишь значимость опыта дефлорационного.

В референтном варианте альтернативного сценария появляется новый моральный императив, его воспроизводит та социальная группа, в которую включен индивид. Девственность становится атрибутивной стигматизирующим свойством и рассматривается как помеха — от нее необходимо избавиться, чтобы опутить свою полноценность, став обладателем общего опыта и статуса (нормального человека) в социальной группе:

«Все девочки вокруг ходили и обижали: учились — не учились. И те, которые учились девственности, чувствовали себя совершенно нормальными людьми, потому что они уже знали, что это такое» (№ 25).

В индивидуальном варианте сценария референтная группа не презентуется. Дебюту присваивается значение важного события, значимость которого конструируется на основе личных ожиданий. Это — событие, которое должно выделяться из последовательного опыта: «Я долго хотела, чтобы это было красиво, чтобы мы пришли в какую-то красивую комнату, и там красивое все было бы...» (№ 15). Морально оправданной является реализация собственных потребностей.

В отношенческом варианте сексуальный дебют не рассматривается как значимое событие, и тогда моральное поведение — это то, что следует из логики развития отношений дружбы и привязанности.

«Для меня это не был никакой этап в моей жизни. Это произошло очень естественно. Это не издало для меня никакой роли. Это перестало быть событием. Это произошло тогда, когда перестало быть... могло бы привести к событию... мы стали настолько близкими людьми» (№ 24).

В альтернативном сценарии физиологическое значение девственной плевы менее артикулировано, а изменение статуса становится фактом телесного дебютного опыта. Таким образом, сексуальный дебют превращается в один из этапов социализации женщины, не связанный с необходимостью изменения maritalного статуса и долгосрочными обязательствами партнеров. При этом партнер остается кичевой фигурой в сексуальной инициации, так как получение знания должно произойти через личный опыт во взаимодействии с ним. Однако, по сравнению с брачным сценарием, партнер описывается в других категориях, изменяются его социальные характеристики и связанные с ним ожидания.

В референтном варианте альтернативного сценария выбор партнера ситуативен. Им может стать новый, в том числе случайный, знакомый либо мужчина, принадлежавший к референтной группе, но, как правило, с ним нет продолжительных преддебутных отношений. Дефлорация происходит «прямо со случайным знакомым» (№ 25).

В индивидуальном варианте первый сексуальный партнер должен соответствовать определенным ожиданиям и личным предпочтениям женщины, при этом необязательно сильная вовлеченность в преддебутные сексуальные отношения:

«Ну я их знала уже давно, и вдруг так вот, с братьями баракхты так решиться, как-то глупо, да? Так долго я откладывала, а тут — раз и да. А тут — как бы новый человек. Так — раз, и все. То есть я почти, не то что сразу, ну, может быть, при четвертой встрече с ним отдалась» (№ 15).

В «отношенческом» варианте партнер по взаимоделиванию — это, прежде всего, друг, человек, с которым связывают близкие отношения:

«Мой друг, мой очень хороший друг, мы совершенно открыто разговаривали про очень многие вещи. Также — жуткий бабник. Я знала про всех его женщин. Он прекрасно знал о сексуальном всем этом опыте» (№ 24).

Как и в брачном сценарии, ожидается, что партнер по деботу будет обладать большим опытом и знаниями о сексуальном взаимодействии:

«... Чтобы это был человек с опытом, да. То есть который что-то там знает об этом» (№ 15).

В качестве компонента сексуального дебюта появляется сексуальное желание, которое становится мотивом к вступлению в сексуальные отношения. Однако, как и в брачном сценарии, оно не реализуется в телесном удовольствии, а замещается эмоциональными переживаниями: «Зато я получила друзей, я получила моральный оргазм» (№ 24).

Важным изменением, общим для трех вариантов сценария, является степень активности женщины в инициации первого сексуального контакта.

В первом варианте женщина активна в иницировании сексуального взаимодействия:

«Совершенно сознательно, так сказать, рационально, разумно, с чувством необходимости...» (№ 25).

Во втором — она активна в поиске подходящего партнера по взаимоделиванию. Она выбирает подходящий объект для своей дефлорации:

«Потому что уже до этого было много всяческих посягательств со стороны мужчин. И я постоянно думала: "Ну вот, нет, и с этим тоже мне не хочется". А потом мне уже хотелось мужчине, я думала: "Ну нет. Ну, зачем я буду с этим, да? Ну, почему я буду с этим? Нет, я не хочу, чтобы он был моим первым мужчиной"» (№ 15).

Но от партнера все же ожидается проявление инициативы, порывчивости с насилием и отпугивающей его от тех, «кто всегда приходит и пристает»:

«... мне хотелось, чтобы был первый мужчина такой, ну, как бы, такой резкий, который это все сделает, и все будет нормально» (№ 15).

Тем не менее, активность в иницировании сексуального дебюта в основном не распространяется на саму ситуацию первого взаимодействия. Активное поведение женщины не соответствует предписанной ей пассивной роли, особенно жесткой в отношении пассивности. В ней женщина все равно оказывается в ситуации пассивности, так как до подлучения дебютного телесного опыта ей предписано «не знать», каким образом осуществляется сексуальное взаимодействие. Если женщина демонстрирует знания или проявляет инициативу, это интерпретируется как нарушение ситуации сексуального дебюта и возникает ситуация «поломка».

Исключением является лишь «отношенческий» вариант, так как в этом сценарии партнеры постоянно семантически объединены местопониманием «мы». Однако и в таких случаях активность женщины не эксплицитруется.

Заключение

Итак, в рамках модели нуклеарной семьи периода модерна брачный сценарий сексуальной инициации женщины оказывается доминирующим. Место дебота в брачном сценарии становится понятным из рассуждений Ф. Энгельса о значении целомудрия и выводов Э. Фрейда о значении девственности в западной культуре. Параллельно брачному сценарию феминистская традиция обнаруживает альтернативный сценарий дебота, не связанный с необходимостью вступления в брак. Новые формы дебота, выявленные социологами, обычно рассматриваются в диспозиции «брачные — до(вне)брачные», т. е. брак остается точкой отсчета в их исследованиях.

Анализ интервью позволил при реконструкции брачного и альтернативного сценариев уточнить, противопоставляется ли альтернативная модель брачной или же она возникает вне связи с браком.

В основе брачного сценария сексуальной инициации лежит соотношение сексуального дебота и брака. В идеалтипическом варианте присутствует строгая последовательность брачности и сексуальности, строгий моральный императив к соблюдению данной последовательности и строгое совмещение стигматного, в том числе маритального, образовательного и физиологического значений девственности. Кроме идеалтипического варианта, в интервью презентруется любовный сценарий и сценарий-инверсия, где первый выступает «плохим» вариантом брачного сценария, а второй — вариантом брачного сценария с нарушенной последовательностью. В «перевернутых» брачных сценариях значения девственности оказываются различными. В этих сценариях представлена стратегия по включению ненормативного сексуального взаимодействия в единый брачный сценарий.

Альтернативный сценарий, в отличие от культурного сценария, представленного в позитивистских исследованиях, формируется в интервью вне брачного фрейма и не соотносится с брачными категориями. В нем отсутствует идеалтипический вариант, однако выделяются референтный, отношенческий и индивидуаль-

ный сценарии дебота. Внутри каждого из альтернативных сценариев возникают разные комбинации образовательного, стигматного и физиологического значений девственности. В референтном и индивидуальном альтернативных сценариях презентруется новая мораль, для которой девственность является антиценностью. В «отношенческом» варианте индивидуального сценария девственности вообще не присваивается значение ценности, как в позитивном, так и в негативном смысле.

Общей характеристикой для брачного и альтернативного сценариев на уровне сексуального взаимодействия является возможность получения телесного опыта, эквивалентного знанию о сексуальности, только благодаря взаимодействию с партнером. Сексуальный дебот — это объектно-субъектные отношения, где благодаря взаимодействию с субъектом (мужчиной) женщина — объект дефлорации — обретает статус сексуального субъекта. Активность женщины при сексуальной инициации может вызывать «поломку» интерпретации партнером ситуации как сексуального дебота.

И в брачном, и в альтернативном сценариях женщине предписывается пассивная роль, в то время как партнер должен принимать активную ролевую позицию. Между тем основное отличие брачного от альтернативного сценария состоит в том, что в первом случае женщины предписывается вступление со своим первым сексуальным партнером в длительные отношения, узаконенные посредством брака. В этой ситуации женщина попадает в зависимость от партнера и в случае, если брак предшествует сексуальному деботу, и тогда, когда сексуальный контакт произошел до вступления в брак.

В альтернативном сценарии сексуальная инициация также происходит при участии партнера, которому приписывается активная роль, но сексуальный дебот может не предполагать продолжения отношений. Женщина становится активной в отношении своего сексуального дебота, ее пассивность перестает быть перманентной и может ограничиться ситуацией взаимодействия при первом половом акте.

Елена Здравомыслова

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО ОПЫТА

(эссе)

Сексуальное насилие — традиционная тема социологии тендерных отношений, однако в России она практически не исследована. «Дискурсивная революция» 1990-х годов, или «гласность в отношении сексуальности», как ее называет А. Роткирх (Rothkirch 2000), выразилась в том числе в озвучивании тем, прежде закрытых для публичного обсуждения. Средства массовой информации и феминистская публика стали теми ответственными силами, которые способствовали началу нелицеприятного публичного обсуждения повседневного сексуального насилия в российском обществе. В настоящее время стигматизацию по сексуальному насилию собирают кризисные центры, проводятся эмпирические исследования, появляются аналитические работы по данной тематике (см.: Насилие и социальные изменения 2000).

В данном эссе предпринимается попытка феноменологически то исследования одного из распространённых видов сексуального насилия в отношении женщин в постсоветском обществе¹. Этот

опыт представлен различными историями в диапазоне от навязчивого ухаживания до грубого изнасилования с изнасилованием. Он репрезентируется рассказчицами обоих полов как повторяющийся и ожидаемый для советских женщин разных поколений, которые отлучались летом на Юге, в Крым или на Кавказе без сопровождения мужчин. Все эти истории развиваются по одному сценарию. После краткого предварительного знакомства приезжая девушка, невзирая на предупреждения об опасности подобного поведения, оказывается наедине с мужчиной — местным жителем. Она отправляется с ним на пикник или в ресторан, принимает ухаживания как проявления экзотического кавказского гостеприимства, флиртует и кокетничает, а затем получает вербальное или невербальное приращение к сексуальной близости. В случае отказа она подвергается изнасилованию или изнасилованию.

Биографические свидетельства изобилюют рассказами о таких событиях (см., например: Rothkirch 2000). Как правило, подобные случаи сексуального насилия не являются предметом судебных разбирательств: потерпевшая не обращается в правоохранительные органы; изнасилования по случайности не происходят; считается, что женщина сама спровоцировала насилие, уединившись с ненадежным спутником, представителем «чуждого» сообщества («чуждым», «местным»), «лицом кавказской национальности»); даже близкие склонны обвинять ее: «Самая виновата: искала приключений», — как сказал один из комментаторов.

Травмирующие воспоминания о пережитом насилии, представленные в нарративах, насыщены эмоциями унижения, недоумения, самопорничания. Ретроспективная рефлексия выплывает в

¹ Свидетельства об опыте сексуального насилия были собраны в ходе исследования сексуальных биографий российских женщин (см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)»). Рассказчицы описывают опыт изнасилования, сватившего изоблачения насилия, семейные конфликты, сопровождение девочек друзьями и родственниками, уличные нападения на женщин, принуждение к сексу с помощью угрозы и прот. Метод исследования — дискурсивный анализ жанров неопределенных (life-story artistry) имеет свои преимущества и ограничения в изучении сексуального насилия. Этот метод незаменим, если исследователь ставит сво-

ей целью изучение пережитого опыта и его рефлексии. Учитывая дискурсивный контекст изучаемой проблематики, я следовала некоторым методическим приемам в сборе данных о повседневной сексуальной жизни. Один из таких приемов, предложенный А. Роткирх, заключался в обеспечении наиболее достоверных отношений между информантом и исследователем. Высокая степень доверия между участниками интервью увеличивала достоверность получения релевантных жизненных описаний и позволяла реструктурировать жизненный опыт, обычно не подпадавший отласке. Интервью, которое стало неравным материалом исследования, было взято у хорошо знакомой мне женщины, многие фрагменты жизненного опыта которой были мне известны. Я использовала методичку диалогового интервью, которое предполагает дозированное, корректное, но тем не менее активное участие интервьюера в обсуждении. Диалоговое интервью отчасти выравнивает статус участников взаимодействия. Его приемами предполагается активное выслушивание информации, поддержку рассказчицы с помощью техники «наведения мостов» раздельного опыта и его совместного осмысления.

ткань изложения событий. В ходе интервью рассказчицы не просто вспоминают, но и пытаются понять, как *Это могло произойти*, т. е. стремятся вызвать культурную парадигму — ловушку правил, которая привела к случившемуся.

Массовый характер подобного опыта сексуального насилия нуждается в интерпретации, которая позволит понять, каковы те социальные механизмы, которые приводят к развратно брутальному сценарию. Автор данного эссе ставит перед собой задачу реконструировать культурную парадигму сексуального домогательства и насилия в отношении женщины в специфической ситуации межэтнического общения.

Культурная парадигма насилия: правила и контексты

Обратимся к интерпретации понятия *культурная парадигма* — ключевому для поставленной исследовательской задачи. *Культурная парадигма*¹ представляет собой устойчивый значимый образец социальной взаимодействия, воспроизводящийся при определенной конфигурации контекста, практик и смысловых кодов. Культурную парадигму можно представить как совокупность «правил сексуального насилия», которые можно реконструировать на

¹ Термин «культурная парадигма» до некоторой степени синонимичен термину «культурный сценарий» (если следовать теории Дж. Гансона и У. Саймона, см. статью А. Темкиной в настоящем издании). Я заимствовала этот термин, насколько переформулировала его, из структуралистского литературоведения. Американская исследовательница И. Паперно анализирует самоубийство как культурный институт российского общества XIX века (Паперно 1999). Сама И. Паперно следует традиции тарусской школы в культурологии и прежде всего опирается на работы Ю. Лотмана. Культурная парадигма представляет собой сценарий, который делает то или иное событие понятным, объяснимым, это — рационализация и оправдание события в общественном сознании. И. Паперно, например, рассматривает отдельные случаи самоубийств как смысловые единицы парадигмы. Элементы культурной парадигмы представляют собой устойчивые сочетания обстоятельств, сопутствующих самоубийству, и типы с идентичности людей, склонных к самоубийству. В целом культурная парадигма является устойчивой смысловой структурой и воспроизводится в других контекстах, т. е. это тот смысл культурной практики, который делает ее легитимной, понятной и оправданной в данном обществе. Так, например, культурная парадигма самоубийства Сократа может быть выражена следующим слоганом: «Для нас, современников людей, Сократ бессмертен. Мы знаем, что он завершил свою жизнь самоубийством, приняв яд курае. Значит, для нас элемент бессмертия — возвращение жизни самоубийством. Самоубийца — бессмертен. Добровольная смерть рассматривается в культуре как действие, связанное с бессмертием души (Паперно 1999: 1).

основании дискурсивного анализа аутентичных нарративов². Для выявления этих правил необходимо проанализировать контекст опыта, представленного в нарративе. Этот контекст является сложным и многослойным: он охватывает многообразие социально и культурно определенных пространственно-временных обстоятельств, наполненных интерсубъективными смыслами, которые могут осознаваться или не осознаваться действующими лицами. Для того чтобы формулировать парадигму опыта, нужно выделить, по крайней мере, три уровня контекста. Эти уровни можно представить как некие концентрические круги, расходящиеся от определенной точки — события, о котором идет речь. Все эти контексты определяют тот сценарий ситуативного взаимодействия, который разворачивается в нарративе. Уместно выделить следующие уровни анализа контекста: 1) ситуативный контекст, или следущий межличностного взаимодействия, приведший к насилию; 2) мезоуровень, характерной системы гендерного взаимодействия; 3) макроуровень, характерной системы гендерных отношений в целом. В дальнейшем изложение будет построено следующим образом. Обратившись к одному из нарративов, посвященных опыту сексуального насилия, я сначала проанализирую ситуативный уровень взаимодействия — это поможет читателю узнать сюжет происшедшего и выявить правила насилия. Затем будет предложен анализ мезо- и макроконтекстов, который необходим для выполнения исследовательского замысла — выявления культурной парадигмы насилия.

Ситуативный контекст: конфликт гендерных конвенций

Обратимся к тексту интервью, в котором зафиксированы воспоминания молодой женщины, пережившей опыт сексуального насилия во время отъезда на Кавказе в возрасте двадцати одного года. Для анализа сценария сексуального насилия мы должны обратить внимание на ситуативный контекст событий, на поведение, мотивации и ожидания действующих лиц в конкретных обстоятельствах времени и места. В данном рассказе четыре главных персонажа: Ольга, ее подруга Лариса, двое мужчин: местный житель Руслан и насилиник, которого Ольга обозначает кодом —

² Нарратив в данном случае рассматривается как осмысленный, логически связный рассказ о пережитом опыте, имеющий начало, середину и конец и содержащий репрезентативные интерпретации опыта.

Армейский Друт (Русляна). Динамика взаимодействия персонажей образует ситуативный контекст драмы.

Действие разворачивается в начале 1980-х годов в спортивном лагере, расположенном на берегу Черного моря в грузинской деревне, где молодые советские спортсмены отдыхали и тренировались вдали от своих семей. Героиня рассказа — Ольга, спортсменка, привлеченная молодым женщиной, неоднократно бывавшая в этом лагере.

Социологический анализ советской повседневности показывает, что жизнь в спортивном лагере представляла собой опыт «коллективистской аятономии», когда молодые люди отрывались от рутины повседневной урбанистической жизни. Для молодежи это — зона, в которой контроль старшего поколения ослаблен и появляются возможности самореализации через приключения⁴. Эротизированные приключения на Юге — известный сюжет позднесоветского сексуального дискурса. Однако такие приключения для приезжих женщин всегда сопровождались риском сексуального насилия.

Ольга рассказывает:

«... Там, естественно, всех всегда предупреждали, что с друзьями, там, с ними нельзя общаться, ну и масса была всяких историй, я сама всегда говорила, что, девочки, ну не ходите вы с ними никуда, что они, там, кажутся такими добрыми людьми, что они вас сейчас, там, накроют, напоят, но что они всегда, как бы, будут настаивать на сексе, ест, там, они... И причем каждый раз были какие-то ситуации, что, там, они девочек избивали, там, что-нибудь такое... Это случалось периодически, ну скажем, за смену раза два, там, обязательно с кем-нибудь случалось, которая соглашалась пойти...»

Ольга знает правила поведения во время кожного отдыха. Социально принятым здесь нормам, местные мужчины ухаживают за девушками, пытаются сблизить их курортными развлечениями, утасуют дарами природы, фруктами и алкоголем. В случае успеха

⁴ Автобиографии представляют нам «рассказы путешественников левушско, как называет их А. Роткирк. Они полны историями о сексуальных контактах с применением насилия. Одна из рассказчиц утверждает, что любовники, находясь со стороны мужчины, неожиданность втаки и чувство самосохранения — все это приводит к вынужденному сексу, который даже не считается изнасилованием (Rothkitch 2000: 182). Роткирк с ужасом читает эту историю, а девушка издает ее с изрядным чувством юмора.

этой стрелетии соблазненная перспективой эротизированного приключения левушка непременно оказывается объектом сексуально-го домогательства, и далее сюжет может развиваться по-разному в зависимости от таких обстоятельств, как намерения левушки, степень настойчивости и агрессивности ее партнера и проч.

Итак, обстоятельства, в рамках которых разворачивается сюжет сексуального насилия, определяются культурными нормами кожного отдыха. В курортной зоне, о которой идет речь, взаимодоступные между двумя сообществами — местными жителями и приезжими спортсменами — строятся на *презумпции камикамитского недоберия*. Основание для базового недоверия — знание о случаях насилия над приезжими женщинами. Это знание разделяет и рассказчица. Главное правило безопасного поведения на курорте — не вступать в контакт с местными мужчинами. Нарушение этого правила может привести к актуализации сценария насилия, который известен героине как парадигматический. Для того чтобы коммуникация между представителями разных гендерных групп стала возможной, необходимо доверие сторон.

Обратимся к образам основных персонажей, опираясь на ту информацию о них, которую мы находим в нарративе⁵. Главный персонаж — Ольга — описывает себя как эмансипированную советскую женщину, у которой много друзей-мужчин; она в состоянии поддерживать с ними отношения равенства и доверия. Она воплощает гендерный стереотип советской женственности: женщина-спортсменка — товарищ и ровня мужчины. Ольга — компетентная рациональная женщина, признающая правила курортной безопасности и следующая им. Она противопоставляет себя тем *группам женщин*, которые сблизяются экзотическим гостеприимством местных мужчин и вследствие этого оказываются жертвами сексуального насилия. Ольга подчеркивает свою коммуникативную ориентацию. Она описывает себя как человека, ориентиро-

⁵ Данный анализ основан на версии события, представленной женщиной. Для выявления других перспектив важно было бы взять интервью и у других участниц драмы. Однако это было невозможно. Для того чтобы реконструировать другие возможные перспективы, неоднократно были использованы групповая и диалоговая методики анализа текста интервью, когда контексты комментирования логики, несущие самый различный опыт: мужчины и женщины, эксперты и обыватели, представители разных поколений и разных этнических сообществ. В этом процессе участвовали в том числе студенты Европейского Белорусского университета, участницы летней школы Иркутского университета, слушатели Ереванской школы по гендерным исследованиям и др.

важно на взаимопонимание, дружественный контакт с людьми, неоднократно подчеркивая, что «она дорожит отношениями», «обидеть обидеть кого-то» и проч. Ориентация на *другого* — значимая сторона самоидентификации Ольги.

В рассказе присутствует второй персонаж — местный житель Руслан, который постепенно завоевывает доверие Ольги. Он презентирован как посредник между культурами — своеобразный культурный брокер. Из рассказа мы можем реконструировать правило установления доверительных отношений между участниками взаимодействия — это необходимое условие сексуального насилия, когда его совершают знакомые люди. Ольга постепенно переопределяет отношения между собой и Русланом как отношения межличностного доверия, отношения безопасности. В ходе рассказа она воспроизводит шаги, которые привели к такому изменению коммуникации:

«Да, и, как бы, там был один такой местный молодой человек, который, я даже не помню почему, но что-то он ко мне хорошо относился, и он каждый раз, когда меня встречал, говорил: Оля, тебя там никто не обижает из наших? Если что, скажи мне... люди есть разные. Принесли мне фрукты из своего сада... Ну, в общем, каждый раз хорошо ко мне относились так, и вот просто всю смену, причем каждый раз встречал и (спрашивает): Тебя там никто, нет проблем, никто не обижает, никто к тебе не пристает?»

Руслан имеет репутацию надежного мужчины: рыцаря, кавалера, который относится к Ольге уважительно и готов доказать ей свою дружбу. В дальнейшем именно Руслан становится *проводником*, который способствует тому, чтобы Ольга нарушила правила сексуальной безопасности.

Итак, *первое правило* ситуативного контекста — это правило свободы и возможности рискованных приключений на курорте. *Второе правило* — установление доверительных отношений между мужчиной и женщиной, принадлежавших различным культурам, основанное на прощелурах уважительного уваживания при актуализации стереотипа мужественности как рыцарства-дружбы. При этом Ольга следует стереотипу *реляционной женственности, ориентированной на поддержание межличностных отношений*⁴. Она особенно чувствительна к тому, чтобы не оскорбить

Руслана — представителя местного сообщества — отказом обидеть. Она боится оскорбить неовысшим *национальное* чувство и чувство мужского достоинства. *Правило реляционности* в коммуникации между Русланом и Ольгой выражается в том, что молдава женщина чувствует себя обязанной, после стольких оказанных и воспринятых знаков внимания, ответить согласием на приглашение принять участие в пикнике в компании с Армейским Другом, приехавшим навещать Руслана из другой деревни. Вспоминая о том, что ее заставляло принять приглашение, Ольга рассуждает:

«... что, вот, если бы это был не он, вот, не Руслан, которого я, там, хорошо знаю, который так ко мне хорошо относился, то я бы даже разговаривать на эту тему не стала. Но тут, поскольку много было всяких, там, знаков внимания и хорошего отношения, что я, как бы, даже... И неудобно сразу сказать "нет"».

Принимая после некоторых раздумий приглашение, спортсменка делает сознательный, но недостаточно информированный выбор. Она выбирает между двумя группами правил, которые регулируют ее поведение: правилами сексуальной безопасности и правилами доверительного общения. В результате она делает выбор в пользу своей идентичности — реляционной женственности, базирующейся на традиционных гендерных конвенциях мужского рыцарского образа, которые, как ей кажется, разделяет и Руслан.

Итак, экспозиция рассказа представляет собой изложение процесса установления доверия между представителями разного пола и разных этнических групп в условиях недоверия. Межличностное доверие завоевано по инициативе мужчины благодаря совокупности факторов, характерных для актуализации гендерной конвенции, согласно которой мужчина репрезентирован как *рыцарь*, а женщина сочетает качества товарища и признака объекта почитания, благоговения, заботы и защиты. Такое гендерно сконструированное доверие становится условием более близких контактов между действующими лицами драмы.

Рассмотрим, как в дальнейшем развиваются события, приведшие к насилию.

Третий основной персонаж нарратива — насилиник. Он представлен в интервью не по имени, а как Армейский Друг. Данный смысловой код четко позиционирует моральный статус персонажа. Он отсылает нас еще к одному смысловому уровню взаимодействия и структурному элементу советской повседневности. Я имею в виду

⁴ Реляционная женственность — стереотип, описанный К. Гиллингем (2000).

контекст мужской дружбы, основанной на опыте совместной воинской службы. Кроме того, код *Армейский Друг* предполагает наличие существенных нравственных оснований для транзитивности доверительных отношений. Именно такая репрезентация Армейского Друга ретроспективно оправдывает согласие Ольги на участие в пикнике в честь приезда последнего.

Для российской гендерной культуры характерна мифологизация армейской дружбы как сферы томосоциальных отношений между мужчинами, которые пережили общий опыт страданий и радостей. Для такой дружбы характерны свои коды и ритуалы. Практики томосоциальной мужской армейской дружбы не изложены в нарративе, но рассказчица указывает на них, и они легко распознаются кодами, знакомыми советскую повседневность, где этот опыт является типичным. В ритуалах экспозитивной мужской дружбы женщина выступает как объект дарения и обмена, как декорация праздника и предмет потребления. Армейский Друг приезжает на каникулы, он ожидает подарка, который ему полагается по правилам традиционного гостеприимства. Гостеприимство — один из базовых механизмов общественных связей в традиционном обществе. Пикник с участием девушек задуман Русланом как акт гостеприимства и празднование мужской дружбы. Ответная на приглашение, Ольга соглашается (возможно, неосознанно) с той интерпретацией праздника, которую предлагает Руслан. Кроме того, она расматривает этот пикник как последнее приключение, прощание с морем и экзотикой Юга, поскольку праздник назначен в последний день лагерной смены.

Женщина становится антуражем традиционного мужского гостеприимства. Культурный смысл гостеприимства и празднования мужской дружбы поможет нам осмыслить теорию А. Мосса, который доказывает, что дарение и дар являются основными структурными элементами традиционной социальной коммуникации. Гостеприимство является одним из вариантов дарения, которое утверждает отношения доверия между дарителем и дарящим. Даром может быть все. Особенно ценным даром в традиционном обществе является женщина как символ установления и подтверждения отношений родства. Обида женщина или подаренная женщина — это сексуальный объект, представляющий репродуктивную способность рода, она не рассматривается как автономный индивид. Феминистская исследовательница Г. Рубин, отмечает, что категория дара и обмена женщинами — первая в системе понятий, которые

помогают описать патриархатную систему (Рубин 2000: 102). Женщина как объект дарения есть символическое утверждение кровной связи между мужчинами, подтверждение эссенциализма мужской дружбы. В современных культурах женщинами не обмениваются прямо и публично, но смысл дарения и его антураж присутствуют и здесь, — считает Г. Рубин.

В советской политехнической империи, где в сфере сексуальности господствовала идеология «двойного стандарта», представление в качестве дара женщины — представлятельница гостеприимного этноса — может интерпретироваться как средство подтверждения мужской идентичности и солидарности.

Итак, Ольга и Лариса становятся участницами пикника у торного ручья, который является акцией гостеприимства, т. е. даром, который преподносит Руслан своему Армейскому Другу. Декорация пикника предполагает участие сексипильных женщин. Ольга соглашается быть частью дружеского дара и, до определенной степени, безропотно выполняет роль праздничного подарка. Таким образом, *еще одно правило сменарки* — (*частичное, не полное осознание*) *сознание женщины с патриархатной конвенцией дарения*. Участие женщины в таком акте гостеприимства становится возможным на основании подтвержденного чувства доверия и противоречивого следования патриархатной гендерной конвенции. Доверие обосновывается релятивизмом Ольги: она доверит мужчинам — участникам праздника как *рыцарям*, думая о себе как о *прекрасной даме*.

Как мы увидим ниже, реконструкция мужского правила «обмена женщинами» поможет понять, что произошло с Ольгой. Она стала *несостоявшейся подарком*, посмеяла отказываясь от роли, предписанной ей традиционным ритуалом мужской дружбы. В рамках мужской интерпретации пикника роли женщины были определены патриархатной гендерной конвенцией — женщины должны были стать объектами сексуального удовольствия.

В ходе праздника происходит изменение модалности ситуации: она начинает осознаваться Ольгой как опасная. Ольга распознает риск благодаря действиям мужчин, которые оказываются в ее рассказе цепочкой процедур, разрушающих доверительные отношения:

«Ну, во-первых, сначала мне не понравилась, что они говорят между собой по-дружески, (а) мы не понимаем. Во-вторых, когда мы заехали в винный магазин, когда я увидела, сквал-

ко они купили алкоголь, я, как бы, поняла, что мы выпили, потому что они просто купили вилок вина! Ну, думаю, ладно, там, приехали, купили каких-то фруктов, еды, приехали на эту речку, ну, и сидим... Ну, они наливают, а я, вот, чувствую, что так, что называется, опасность рядом, я совершенно не пьяно. И они наливают стаканами, причем это вино, которое мне и нравилось — "Букет Абхазии"... начинаю говорить какие-то тосты, за которые надо каждый раз пить обязательно до дна! А эта моя подружка, она, чувствуя, совершенно ничего не собирается веселиться, радуется, там, постоянно ко мне: Ну, что ты такая?»

Итак, исключение женщин из коммуникации между мужчинами, попытки напиться их, отсутствие солидарного понимания между девушками, манипуляция местными традициями — все это меняет моду с ситуации и превращает ее в глазах Ольги из доверительной в рискованную. Поворотным пунктом в оценке ситуации становится негласное изменение маршрута поездки:

«И вдруг они сворачивают. Мы, так, едем по дороге, нам надо прямо ехать, они так, раз, к марю сворачивают и говорят: Давайте еще выйдем немножко, посидим. — Ну, так, думаю, божете вы мой!...»

Ольга наконец осознает, что является пассивным объектом чужих решений. Такое объектное позиционирование женщин осмысливается ею как симптом сексуальной угрозы и нарушение той конвенции гендерного доверия, которую, как она предполагает, разделяют все участники прогулки. Чувство опасности возрастает еще больше, когда, достигнув места нового привала, Руслан и Лариса уходят в лес, а Армейский Друг и Ольга остаются наедине. Кульминация нарастает — это сама сцена насилия:

«И мы сначала сидели, разговаривали, он что-то говорил мне про свою жену, про своих детей, там, что-то такое, что он учился в Ленинграде, куда он любил ходить, что он любил ходить в "Кронверк", там, что-то такое говорил, ну, как бы, все нормально. И вдруг он мне говорит, что, мол, давай займемся любовью... А я начала шутить и говорить... ну, что-то такое, перевожу все это в шутку и говорю, что "нет". И вдруг он меня бьет по лицу. Я совершенно обидела от этого! И я, как бы, даже не чувствую ни боли, ничего и не могу вообразить... Общая идея была такая: что он очень сильно меня хочет, но при этом он ничего не делает для того, чтобы... он, там, не пытается снимать с меня одежду, ничего, он просто меня бьет, чтобы я сказала, что вот, да, я

тоже этого хочу. И, значит, как-то удерживает меня, что-то такое говорит, ну что-то: давай, там, быстро, и все забудем. Ну чего тебе, там, это стоило, ну что ты надо мной издеваешься? Я, значит, так сильно хочу... Когда он разбил бутылку, я испугалась, что он сейчас мне порежет лицо, и я уже хотела сказать "да", и тут прерывает этот Руслан с Лариской...»

Избегание Ольги представлено в нарративе как наказание за отказ от называемой сексуальной близости. Таким образом, она наказывается за многое: во-первых, за то, что не дала утвердиться традиционной мужественности через сексуальное удовлетворение; во-вторых, за то, что нарушила ритуалы мужской дружбы и гостеприимства, основанные на обмене женщинами; в-третьих, за то, что, первоначально согласившись быть предметом дарения, она, в конечном счете, нарушила тот сценарий праздника, правила которого были заданы мужчинами. Она наказана за нарушение гендерной конвенции, которой придерживались мужчины, находившиеся во властной ситуации. Суть этой патриархальной гендерной конвенции — сексуальная объективация женщины. Женщины, которые не последовательно следуют правилам данной конвенции или пытаются противостоять ей, претендуя на роль активного действующего лица, подлежат наказанию через насилие. *Насилие как наказание за нарушение господствующей гендерной конвенции — основное правило данной культурной парадигмы, которая с полными правами может называться патриархальной.*

Согласно патриархальным правилам пикника, праздник — пир сопровождается вином, солнцем, едой, эротикой и сексом. Нарушить такую конвенцию было все равно, что совершить преступление против культуры, как ее понимают мужчины, режиссирующие сценарий. Насилие, пережитое Ольгой, — это отказ мужчин признать ее право на сексуальную автономию, на право сказать «нет». Весь пир-пикник с его подарками — это мужские решения и мужское понимание курортных практикочений. Они знают сценарий и требуют от женщин признания его и неукоснительного следования предписанным ролям. Отказ от игры допущается лишь в начальной фазе сценарного действия. Согласившись ехать на пикник, девушки оказываются объектами или антуражем этого спектакля. Видимо, она из них — Лариса — соглашается с предписанной ролью, а другая — Ольга — нет. Так повторяется типичный сценарий сексуального насилия, который был известен Ольге по рассказам. Конфликт интерпретаций гендерных конвен-

ций разрешается силой. Правила праздника, которым следовала Ольга, и правила праздника, замкленного мужчинами, очевид- но различны.

По свидетельству многих исследователей и практиков, став- ливающихся со случаями сексуального насилия, шокывал реакция типична для жертвы агрессии. В интервью Ольга также описы- вает свое состояние как шок:

«Потом он, знаешь, взял бутылку и разбил, вот, ее о камень, и я, так... И, с одной стороны, у меня — такой страх сразу и мысль такая, что это давно должна была сделать я, что же я сделаю так просто, позволю себя... он и ногами, я, там, вся грязная, ну вот совершенно вся... У меня потом все лицо было в синяках. Ну, вот, и, как бы, при этом совершенный шок, насильность, я не сопротивляюсь, хотя, в общем-то, казалось, я... я и в детстве много дралась, но тут вот — совершенно ничего! Он не такой уже здоровый был мужик, надо сказать».

Я интерпретирую шок как подосвещательный отказ женщины от своей претензии на самость и как фiasco того бессознательно- го вызова патриархальной гендерной конвенции, который своим отказом пыталась осуществить Ольга.

Анализ ситуативного контекста позволяет увидеть разрыв меж- ду смысловыми конфигурациями, которые присутствуют в тек- сте. Ольга позиционирует себя как женщина с противоречивой идентичностью. С одной стороны, она представлена как эманси- пированная любительница приключений. Она ориентирована на эгалитарную гендерную конвенцию — партнерство и договор в сексуальных отношениях между полами. С другой стороны, Оль- га разделяет патриархальные гендерные конвенции, ожидая от муж- чин уважения, защиты и позиционируя себя как сексуальный и эстетический объект. Эта противоречивая гендерная идентичность усугубляется основной чертой самопрезентации Ольги как режис- сированной личности, для которой главной ценностью является под- держание межличностного доверия. Ольга бережно относится к установившейся коммуникативной, бокс раздувает ее. Совершив выбор в пользу отношений доверия, Ольга попадает в ситуацию, где монополия на формирование сценария взаимодействия име- ют мужчины, гендерную конвенцию которых она не разделяет и не вполне осознает. В результате она оказывается в поле действия правил насилия — будь то секс под давлением или избивение как наказание за отказ от сексуальной близости. В условиях, когда правила игры монополично контролируются мужчинами, а жен-

щина объективируется, насилие является вполне вероятным опы- том для любой женщины. Никакая осторожность, никакое следо- вание правилам безопасности не может помочь избежать насилия в таком случае. Обратимся к завершающей части рассказа. Ольга возвращается в лагерь. Случившееся становится известным, ре- акция публики оказывается неоднородной:

«Ну, в общем, там начался какой-то безумный скандал, со- вершено безумный скандал. Ну, поскольку там были же какие- то случаи уже, но все это как-то замкнулось, а тут мужики эти, они сказали, что — нет, всё! Давайте вызывать милицию, что же такое-то! (...) И был ужасно неприятный этот скандал, потому что прискакала милиция, ну, он меня все спрашивал, почему же он меня все-таки не изнасиловал-то, а так... Ну, я ему объяс- няла, что... Я говорю, что нет, он ничего не делал. Я говорю, он меня только бил. А милиционер говорит: "А почему вы решили, что он хотел вас изнасиловать, если он не пытался вас насило- вать?" Ну, получается, что он, как бы, насилловать-то меня не пытался. Ну вот, секс предался, как бы, и был. Ну, там был еще директор лагеря, который так на меня орал, кричал, что я, там, такая шлюха... "Сама там шлепаться, неизвестно с кем, а потом еще заявлять в милицию!"

А даже, как бы, вот, эти грузины местные, они были больше на моей стороне, потому что... Ну, кто-то, там, из местных подошел, как-то они собрались, и кто-то сказал, что Для хоро- шая девочка, что же, там, почему так получилось, что...

Ну вот, и они меня защищали, говорили, что... Ну, приходили извиняться, там, что-то, как-то так... Ну, у меня боли в чело- ви, там... Ну, а утром мы уехали, на этом все закончилось».

Реакция милиционеров и начальника лагеря показывает, что патриархальную интерпретацию сценария пинника разделяют те действующие лица, которые занимают властные позиции в данном сообществе. Именно они признают Ольгу виновной, про- воцирующей, в лучшем случае — жертвой. Практически отсутствует обсуждение насильника: «политика закрытых глаз» (Пискилова и Синельников 2000) оборачивается политикой об- винения женщины.

Для того чтобы осмыслить порождающие структуры проана- лизированного выше ситуативного сценария сексуального наси- лия, необходимо обратиться к анализу макро- и мезоконтекстов, референции к которым присутствуют в нарративе.

Позднесоветский гендерный порядок: насилие и риски сексуальной свободы

Сексуальное насилие необходимо анализировать в контексте властных отношений в обществе (де Луретис 2000, Дворкин 1981, Lotter 1995, Brothmiller 1975, Neis 1997, MacKinnon 1989). Рассмотрим, каким образом контекст позднесоветских гендерных отношений определил данный сценарий сексуального насилия. В целом исследователи характеризуют советский гендерный порядок как квазиэгалитарный, в котором сочетается политика равенства полов в публичной сфере и традиционализм в сфере частной жизни (см., напр.: Ashwin 2000). Позднесоветский гендерный порядок характеризуется кризисом официальных гендерных идеологем. Этот период описывается исследователями как время поведенческой сексуальной эмансипации, для которого характерна возросшая сексуальная активность нового поколения женщин, тенденция равенства полов в сфере сексуальности и первые сомнения в морали «двойного стандарта» в сфере сексуальной жизни (Голд 1999, Кон 1997, Roditch 2000). Сфера частной жизни и сексуальности стала тем социальным пространством, в котором советский человек имел шанс обрести и утвердить свою идентичность. Исследователи советской повседнежности Д. Ионин и А. Роткирх описывают отходы на курорте (в том числе летний отдых на Юге СССР — в Крыму и на Кавказе) как зону приключений, отдыха, сексуальной свободы как для мужчин, так и для женщин⁷. Сочетание приключений и сексуальной свободы с риском насилия в отношении женщин — структурная черта советских гендерных практик. Такое сочетание эротики и риска нуждается в интерпретации. Предлагаемая ниже интерпретация контекста основана на феминистских исследованиях сексуального насилия.

Насилие представляет собой экстремальный случай исполнения власти. Оно применяется, чтобы добиться подчинения, деобъективизировать индивида, превратить его в объект мани-

пулятивного действия. Современное российское общество, на мой взгляд, по многим признакам можно отнести к категории общества, для культуры которых характерна склонность к насилию (*violence prone societies*). Показателем такой культуры — разрешение конфликтов с использованием силы, милитаризация общества, практики авторитарного воспитания детей и проч.

Общества, для культуры которых характерна склонность к насилию, обладают определенными гендерными характеристиками. Как правило, для них характерна гендерная асимметрия и массовый стереотип брутальной маскулинности (Лисаксова и Синельников 2000). Именно в таких обществах нормализируется собственно *сексуальное* насилие: оно является повседневно распространенным, редко становится предметом общественного осуждения, оправдывается как результат провокационного поведения жертвы (см.: Попкова 2001). Хотя сексуальное насилие преследуется по закону, оно является привычным и рутинным. Частота свидетельства, обычность некоторых форм сексуального насилия, унижительность процедуры дознания, заставляющего жертву переживать страшный опыт вновь и вновь, умалчения о насилии, — все это приводит к эффекту, который отмечает известная феминистка, юрист по специальности Кэтрин МакКиннон: «Сексуальное насилие не запрещено в современном обществе, оно просто регулируется» (MacKinnon 1989: 179). Его наиболее жестокие формы уголовно наказуемы, а множество других, более слабых, стали обычным фоном или приятным делом конфликтующих сторон.

Интерпретация сексуального насилия должна учитывать символическую роль сексуальности в современном обществе. Сексуальное насилие рассматривается как универсальный механизм радикального «социального опускания», т. е. понижения и разуругления статусной позиции объекта насилия. При этом человек, ставший объектом сексуального насилия, зачастую представляется насильнику не как автономный индивид, а как репрезентат статусной группы, которая заслуживает «наказания» или «возмездия».

Сексуальное насилие в отношении женщин, таким образом, понимается мною как экстремальный вариант насилия вообще, т. е. как средство символического уничтожения агента, основанное на различении по признаку пола и тех стратегических критериях, которые формируют конкретные гендерные отношения (класс, этничность, национальность). Спеллифика сексуального насилия заключается в символическом значении сексуаль-

⁷ А. Роткирх выделяет *командировки* и *отдых на курорте* как типичные топы сексуальной жизни советских мужчин и женщин. Этот опыт сексуальной практики гендерно дифференцирован. Для мужчин — это опыт командировок, курортов и сексуальных приключений, который часто сопровождается скоротечными романами, случайными связями, а иногда и устойчивыми параллельными отношениями. Для женщин, командировки, дома отдыха — вот пространства сексуальной свободы. Светлана Бойм называет это явление *путешествующим (страниствующим) Эросом*.

ности как телесной, интимной, репродуктивной сферы, первичной для гендерной идентификации⁸. Сфера сексуальности по разным причинам может стать средоточием силового утверждения власти, прежде всего в тех случаях, когда других способов утвердить эту власть не существует. Протесты против сексуального насилия и сопротивление ему со стороны жертвы блокируются в том числе тем, что такими актами разрушается субъектность индивида. Инвазивный человек символически лишается своего тела — базового признака своей души (идентичности) и тем самым лишается возможности протестовать.

В современных обществах, в том числе советском, мужчины в целом гораздо чаще подвергаются насилию, чем женщины, однако женщины чувствуют себя более уязвимыми в связи со спецификой гендерного порядка (Lotter 1995). Сексуальное насилие в отношении женщин является средством патриархального контроля над женской телесностью и сексуальностью (см.: Вроупплет 1975, МасКимп 1989, Lotter 1995). В нашем случае избивение Ольги вызвано тем, что она отказывается от предписанной ей роли сексуального объекта. Насилие над молодой женщиной утверждается гегемония гендерной полярности в сфере сексуальных отношений. Легмонический «двойной стандарт» межполовых отношений противоречит эмансипированному типу женской субъектности. В обществе, где насилие является нормой разрешения конфликтной ситуации, безопасность женщины, следовательно, собственному альтернативному сценарию отношений, гарантировать невозможно.

Поведение Ольги противоречиво. С одной стороны, она действует согласно предписаниям мужского сценария, в котором ей отводится роль сексуального объекта. С другой стороны, в последний момент она пытается изменить навязываемый сценарий. Вся сцена насилия может быть интерпретирована как конфликт двух миров и результат противоречия советской женственности. Единственное спасение для Ольги, как знает каждый, — не вод-

⁸ Именно в такой логике уместно анализировать сексуальное насилие в тотальных институтах — как элемент депоинизации или практику *оушкения* в тюремной и тоталитарной культуре. Фильм Алексея Германа «Хрусталев, машину!» — отличная репрезентация такого деконструирования сексуального насилия. Грушцовое изнасилование уполномоченными главного героя фильма представляется как последний радикальный способ утверждения тотальной власти, когда законодательские и политические ресурсы оказываются недостаточными для того, чтобы разрушить личность.

деяться в патриархальный сценарий приключенный, так как шансы избежать предписанной роли крайне малы.

Итак, макроконтекст сексуального насилия — это система советских гендерных отношений, для которой характерно использование насилия в решении конфликтных ситуаций. В рамках такого гендерного порядка сексуальное насилие является распространённой практикой управления поведением женщины, пренебрежением на нарушение гегемонических гендерных конвенций.

Позднесоветский гендерный порядок — контекст межэтнического взаимодействия

При анализе данного типа насилия необходимо помнить о том, что речь идет о *межэтнических* сексуальных контактах. Интерпретация сексуального насилия должна учитывать последствия советского колониализма в повседневной жизни людей. Сексуальное насилие в полиэтнической советской империи — особая наследованная тема. Не вызывает сомнения феномен «дуэжбы народов», проявившийся в том числе и в повседневности межэтнических сексуальных отношений, и в так называемых смешанных браках. Однако конфликтность межэтнических гетеросексуальных связей также нуждается в осмыслении. Сценарии межэтнических сексуальных отношений обусловлены имперско-колониальным контекстом. Грузия, где разворачивается действие, являлась в то время советской колонией, и это, несомненно, определило образом повлиять на культуру парадигму сексуального насилия.

Гендерная культура *местного* населения во многом отличается от российской. Стереотипы, определяющие отношения местных жителей к представителям российского имперской культуры, достаточно специфичны. Для приезжих отъезжающих местная культура — это привлекательный своей чуждостью экзотический мир иных нравов. В нарративе инвазивность южан обозначена с помощью кода — «местные». «Местные» представлены в рассказе исключительно как этнически однородное томосоциальное мужское сообщество. Контакты происходят только между курортниками обоих полов и юношами — представителями местной молодежи. Среди этнических стереотипов, приписываемых южным мужчинам, — вы-

⁹ На самом деле это, конечно, не так. Однако в рассказах о курортных приключениях местных жители представляются как исключительно мужское сообщество.

сокая сексуальная активность, экзотичность, гостеприимство, брутальность, верность, коварство и привлекательность. Местные жители, в свою очередь, расматривают приезжих женщин как исключительных сексуальных приключений, представляющих сексуально эмансипированной культуры. В полликультурном имперском контексте приехавшая из России женщина является не только индивидуальным сексуальным объектом, но и расматривается как представляющая чужой культуры, и ее сексципильность возрастает благодаря символическому капиталу.

Кроме эротизации межкультурных гетеросексуальных контактов в условиях курортного отдыха, есть и другая сторона «колониального» секса, которая связана с опытом сексуального насилия. Напомним, что Ольга становится жертвой домогательства, а затем — избитая со стороны местного жителя, кавказца¹⁰. Сексуальное насилие со стороны представителей колонизированных народов в отношении женщин господствующей нации интерпретируется исследователями как силовое утверждение господства социального меньшинства¹¹ (Папич 1999, Уивал-Дэвис 1997). Опыт исследования колониальных конфликтов показывает, что расизм и колониализм являются провокацией к изнасилованию (Дэвис 2000: 198). Сексуальная сфера, невидимая публике, это последнее прибежище доминирования мужчин, лишившихся власти в других полях социального взаимодействия. Сексуальное насилие в условиях имперско-колониальных межэтнических контактов начинается послетельность на этнос и род, поскольку статус угнетенных в колониальном или квазиколониальном пространстве приобретает этническую форму. В условиях этнического неравенства артикулируется традиционалистская семантика сексуальных отношений. Это означает, что сексуальные отношения расматриваются не как отношения удовольствия, а как репродуктивные

¹⁰ Обсуждение советской колониальной политики выходит за пределы статьи. Тем не менее для анализа данного вида сексуального насилия оказывается чрезвычайно значимым, что русские являются в отношении местного грузинского населения колонизаторами, представляемыми империи, хотя могут не осознавать этого.

¹¹ С. Бруннимиллер (S. Brunnmiller, 1975) пишет, что историческое угнетение чернокожих сделало не доступными для них традиционные способы выражения мужского превосходства. В результате они стали прибегать к открытому сексуальному насилию. Мы оставляем за пределами статьи вопрос о сексуальных контактах колонизаторов-мужчин и местных женщин, отдавая себе отчет в важности этой темы для понимания советских гендерных отношений.

практики, связанные с семантикой политической власти. Утверждение национального достоинства с помощью сексуальности и сексуального насилия отменяется всеми исследователями национализма и гендера (Уивал-Дэвис 1997, Гапова 1999, Папич 1999). Женщина — представительница имперской этнической группы репрезентирует чуждую и привлекательную культуру и вместе с тем имперскую власть, в ее самом уязвимом, слабом звене. В неотъемлемом государстве изнасилование — это лишь быстрое изнасилование. В политическом империи при межкультурных контактах, где действующие лица драмы представляют две разных социально-этнические категории, насилие предполагает дополнительные коннотации, не всегда осознаваемые участниками, но действующие подсудно.

Подведем некоторые итоги. Анализ контекста показывает, что сексуальное насилие ожидаемо, что межкультурные сексуальные контакты при всей их привлекательности для эмансипированной женщины чреваты риском, который она не до конца осознает. Это — риск столкновения двух культур: угнетенного патриархата и противоречиво эмансипированной женственности. Представители этих культур ориентированы на разные правила гетеросексуального взаимодействия с чужими, и их ожидания не совпадают. Гендерное доверие между господствующим этносом и колонизованным народом трудно достижимо. В политическом империи женщина и мужчина всегда будут представлять свою этническую группу и отношения между ними, в том числе и сексуальные, будут обусловлены иерархической организацией колониального пространства. Кавказский мужчина расматривается молодой ленинградкой как экзотический представитель опасного меньшинства¹². При этом осознание опасности привлекательного контакта оказывается латентным. Недаром Ольга называет происшедшее с нею «очень странной историей». Опасность осознается, но ее корни и причины не рефлексируются. Она расматри-

¹² Обсуждая опыт «курортного насилия» на материалах конкурса автобиографий, А. Роткич отмечает, что реальная социальная угроза усиливается благодаря этническому культурному стереотипам. Южная — крымская, грузинская, кавказская, азербайджанская — этничность описывается в женских автобиографиях как привлекательная, восхитительная, но «непохожая» характеристика, которая объясняет привлекательный, но обманчивый образ местных мужчин (Роткич 2000: 183).

вается как следствие примордиальной верильности кожных мужчин. Не рефлексированный контекст — неопытные обстоятельства — типичны для советской имперской сексуальной культуры, многие аспекты которой не обсуждались публично.

Заключение

Делаем некоторые выводы. Замысел данного исследования заключался в том, чтобы реконструировать культурную парадигму сексуального насилия определенного образа. Насилие, испытанное Ольгой, вызвано конфликтом интэрпретаций, которыми руководствуются действующие лица — участники пикника. В интэрпретации мужчин — пикник с участием приглашенных женщин должен был завершиться сексуальным удовлетворением. С точки зрения насильника, Ольга нарушила правила: отказалась от предписанной ей роли. Она стала объектом насилия в результате отказа следовать гегемонической гендерной конвенции — быть сексуальным объектом и предметом дарения в коммуникации между мужчинами, принятыми в *иной* культуре.

С точки зрения Ольги, пикник — это ее ответ на внимание и дружеское участие Руслана, эротизированное приключенное, завершение курортного сезона. Она была готова быть частью интудража мужского иррациона, но не в той форме, которую предлагали мужчины. Ольгу приводит к насилью ловушка доверия. Если бы она не доверяла Руслану, не считала (вполне обоснованно), что он придерживается тех же гендерных конвенций, что и она, насилия бы не случилось.

Разрешение конфликтов и утверждение власти через насилие, в том числе и сексуальное, типично для многих сред позднесоветского общества. Имперско-колониальный контекст межкультурных гендерных контактов также является провоцирующим для гендеризованного насилия.

Анализ действий и смысловых кодов, приведших к насилью, показывает, что позднесоветский гендерный порядок характеризуется конфликтом между гегемонией «двойного стандарта», предполагающей сексуальную объектификацию женщины, и тенденцией женской сексуальной эмансипации. Угроза сексуального насилия преследует тех женщин, кто не отдает себе отчет в последствиях столкновения этих двух тенденций. Основной конфликт, приводящий к массовости сексуального насилия, — это столкновение разных представлений о правилах женского и мужского

поведения. Те женщины, которые оказываются один на один в противостоянии гегемоническим образцам брутальной мужественности, неизбежно становятся жертвами насилия. Их отказ от сексуальной близости расматривается как посягательство на гендерную конвенцию между полами, и насилие расценивается агрессором как наказание. Тот факт, что общество склонно расматривать поведение Ольги как достойное порицания, подтверждает, что гегемонические представления об уместном поведении разделяет не только насильник, но и публика.

Ольга, героиня проанализированного нарратива, попадает в ловушку доверия, которое основано на ее симпатии к Руслану. Она оказывается жертвой собственной некомпетентности в сфере межкультурных гетеросексуальных отношений. Тщетно пытаясь она договориться с Армейским Другом: с фаллологотцентрической культурой нельзя договориться. Сопотывление культуры, которая отстаивает себя с помощью мужской сексуальной верильности, чревато сексуальным насильем.

© Здравомыслова Е., 2002

Юлия Белозерова

ПРАКТИКИ БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Введение

Статья посвящена анализу восприятия женщиной собственной беременности и взаимодействия с социальным окружением на примере личной истории.

Осознание беременности как процесса и его восприятие протекает в социальном окружении, включающем взаимодействие в семье, в профессиональной среде и с медицинским персоналом, а также с незнакомыми людьми. Наиболее регулярными контактами в течение беременности являются контакты с лечащим врачом-гинекологом в женской консультации. Взаимодействие подражает формальные и неформальные правила, усвоение которых происходит на протяжении всего процесса. Задачей данного исследования является реконструкция правил, т. е. культурных предписаний, которые были получены во время беременности. Материалом исследования стали личный опыт автора статьи.

Беременность рассматривается как процесс, создаваемый при определенных условиях в определенном институциональном взаимодействии. Методологическим основанием исследования является символический интеракционизм И. Гофмана. Данный подход позволяет рассматривать роли — экспектации, которые другие имеют относительно нашего поведения в определенных ситуациях; совокупность ролей представляет пьесы, которые мы разыгрываем. Структура, где происходят действия, т. е. «учреждение», имеет определенные формальные и неформальные правила, которыми человек, вошедший в эту структуру, должен следовать. Предметом исследования является область «взаимодействия ли-

цом к лицу» и публичный (общественный) порядок, складывающийся и поддерживаемый в таких взаимодействиях.

Публичный, или интеракционный, порядок, по И. Гофману, включает в себя фундаментальные правила поведения и состоит в упорядочении поведения людей на базисном уровне повседневного взаимодействия. Публичный порядок — это основа всех других уровней социального порядка (экономического, политического и т. д.), которые не могут быть к нему сведены, но без которого невозможно их осуществление. В ситуациях взаимодействия лицом к лицу устанавливается и поддерживается публичный порядок как таковой (Гофман 1971: 18). Формирование и поддержание такого порядка во взаимодействиях беременной с социальным окружением рассматривается в данном исследовании.

Система взаимодействий, в которые вступает беременная женщина, является системой контроля разной степени жесткости. Это позволяет концептуализировать с определенными ограничениями совокупность данных взаимодействий как анализ тотального института. Согласно И. Гофману, к тотальным институтам относятся тюрьма, армия, концентрационные лагеря, дома престарелых, военные школы, больницы, религиозные общины и монастыри. Тотальный характер института выражается в ограниченности социального общения с внешним миром. Признаками тотального института является перечень правил, предъявляемых к структуре. Во-первых, взаимодействия между индивидами должны происходить в одном месте, под наблюдением одного авторитета. Во-вторых, «товарищи по судьбе» находятся всегда в одном и том же составе и все занимают одну и ту же деятельность. В-третьих, их рабочий день протекает в соответствии с жестким распорядком. В-четвертых, вся деятельность предписана по направлению сверху вниз и контролируется системой формальных правил и «штабом» функционеров. Различные виды деятельности сведены к общему плану, который служит осуществлению официальной цели. Тотальные институты предполагают лишение собственного «Я» и прежнего социального статуса, одежды и аксессуаров, заработной платы (за работу предлагаются символические вознаграждения либо угроза штрафа), информации (о своей судьбе), средств связи, семьи.

Ни один из данных элементов не является исключительным в тотальном институте и ни один не является всеобщим, поэтому можно говорить о тотальных институтах, которые обладают некоторыми из данных признаков.

Очевидно, что первый, третий и четвертый признаки тотального института имеют место в женской консультации. Тем не менее, я говорю о «(полу)тотальном» характере данного учреждения. Существенным моментом для определения женской консультации как (полу)тотального учреждения является степень жесткости, предъявляемой к выполнению правил этого заведения. Если тотальная структура предполагает их полное выполнение, то (полу)тотальное заведение следит за соблюдением наиболее значимых правил.

Тотальный и (полу)тотальный институты предписывают выполнение набора правил. Ситуация с возможностью их (не)выполнения меняется в зависимости от статуса учреждения: от открытого к закрытому. В открытых структурах некоторые формальные и неформальные правила могут не выполняться определенными членами структуры. Правила открытого (для любого желающего) учреждения можно назвать мягкими ограничениями, которые следуют выполняться по возможности. Структуры полузакрытого типа характеризуются определенными ограничениями при вступлении в них, необходимость выполнения как формальных, так и неформальных правил возрастает. Наиболее строгие обязанности выполнения правил, соответствующих жестким критериям, предписываются в учреждениях закрытого типа.

Тотальные институты представляют собой замкнутые совокупности, в них принудительно интродуцируются индивиды, насильно или добровольно выполняющие заданные социальные роли. Тотальные институты стремятся полностью подчинить себе не только поведение индивидов, но и их внутренний мир. Они характеризуются максимально возможной замкнутостью, отгороженностью от внешнего мира (Гоффман 1991).

Индивиды, взаимодействующие в тотальном институте, различаются по своим ролям. «Житель» живет в нем постоянно, его контакты с внешним миром минимизированы, «функционалнер» («надежатель») только работает в учреждении, оставаясь интегрированным в социальный мир. Каждая группа имеет по отношению друг к другу враждебные стереотипы, между ними существуют болевая формальная дистанция.

В нашем случае (полу)тотальной системой является медицинское учреждение, женская консультация. Консультация характеризуется замкнутостью, в нее могут попасть лишь женщины (женщины — по И. Гоффману) и медицинский персонал (надежатель — по И. Гоффману). В этот институт женщины интегрируются прину-

дительно: при отказе — к женщине применяются определенные санкции (она не сможет родить в обычном родильном доме по своему выбору). Длительная включенность женщины (около 25—35 недель) в институт женской консультации является подготовительным этапом для ее интеграции в дальнейшем в более закрытый тотальный институт — в родильный дом.

В институтах, надзирающих за женской беременностью, как тотального, так и (полу)тотального характера, может происходить смещение некоторых характеристик контроля. Врачи-«надежатели» могут осуществлять контроль мягкими средствами, ожидая исполнения «жителями» предписаний. Контроль за исполнением предписаний беременной продолжает осуществляться и за пределами института, все социальное окружение формирует среду, аналогичную (полу)тотальному институту.

Анализ процесса беременности осуществлялся на основе личной истории, которая фиксировалась в дневнике с 1 января (18 недель) по 1 мая 1998 года (38 недель). В дневнике описывался как личный опыт взаимодействия с социальным окружением (в супружеской и родительской семьях, в профессиональном сообществе, в медицинских учреждениях и со случайными участниками взаимодействия), так и информация, полученная от врачей и их пациентов. Обращая внимание на то, что при последующем анализе материалов дневника обнаружилось, что некоторые взаимодействия остались не зафиксированными по двум основным причинам: одна — «загнессение» неприятных ощущений, например процедура гинекологического осмотра; другая — незнательность по самоощущениям определенных взаимодействий, касающихся, например, внешности, одежды и многих других повседневных практик. Дневник, безусловно, является субъективным «предпригодным», результаты исследования могут быть обобщены с существенными ограничениями.

Сначала я кратко описываю историю того, как я осознала себя беременной, затем анализирую создаваемую обществом систему предписаний как способ контроля поведения беременной. Я анализирую взаимодействие женщины с ее социальным окружением, в частности с врачами, а также правила женской консультации, создающие предписания беременной. Роли как столкновение с новым тотальным институтом — родильным домом, — который характеризуется большей, чем женская консультация, закрытостью, описываются в заключительной части статьи.

История того, как я стала беременной

В январе 1998 года я поняла, что беременна. Несколько слов о себе. Я — аспирантка университета, во время беременности мне было 24 года. Беременность не была запланированной, поскольку я не сомневалась в надежности контрацептивных средств и «знала», что не могу быть беременной. Но, тем не менее, приблизительно со с 10-й недели у меня появилось «паспарту» знание о своем состоянии. Однако я убеждала себя в том, что это невозможно, поэтому воспринимала свои ощущения как ложные. Когда на 18-й неделе я получила официальное подтверждение своей беременности, то была сильно удивлена, но муж наклонил мне, что уже несколько месяцев я проявляла «бессознательное» знание своего состояния, часто говорила о возможности забеременеть в условном наклонении: «Вот если бы я была беременной...»

Таким образом, для меня это была незапланированная беременность, связанная со сменой средств контрацепции. До беременности около четырех лет я предохранялась при помощи гормональных таблеток; затем я решила отказаться от них и перешла на использование презервативов. В результате произошло то, что называется «контрацептивной» ошибкой. Тогда ни в моих планах, ни в планах моего мужа не имелось в виду рождение ребенка. Я рассчитывала сначала закончить аспирантуру, а муж — найти работу, которой в тот момент у него не было. Беременность я не планировала, матери себя не представляла!

Несмотря на это, когда я узнала о своей беременности, у меня не возникло сомнений при принятии решения. Итак, пока я не «знала» о беременности, я и «не была беременной» в смысле того, что не соблюдала никаких специальных правил, и никто мне их не предписывал. Когда я узнала о своем состоянии, способы взаимодействия с окружающим миром существующим образом изменились. Мне предстояло узнать и освоить многие правила, которые «создают» беременность через множественные системы взаимодействий.

Предписания беременной как способ контроля за «исполнением» беременности

Разные культуры вырабатывают разные отношения к женской беременности. В некоторых культурах ее просто не замечают: беременная продолжает вести себя так же, как всегда. В российской культуре конца XX века существует иной взгляд на беременность. Общество обязывает женщину во время беременности посещать врачей, вести здоровый образ жизни, «бережь себя и будущего ребенка». В течение 40 недель ей предписываются определенные правила поведения, правила взаимодействия с врачами и окружающими, правила образа жизни и образа себя, которые связываются со здоровьем женщины и будущим ребенком. Социальное окружение вырабатало образцы поведения по отношению к беременной.

На протяжении беременности женщине предписывается регулярно посещать гинеколога, терапевта, окулиста, стоматолога и ЛОР-врача, делать анализы, контролировать давление и вес. В моем дневнике сохранился много различных записей по поводу посещения врачей. Так, в январе 1998 года я посетила гинеколога 6 раз, в феврале — 10, в марте — 8, в апреле — 3. Кроме этого, я регулярно сдавала анализы крови и мочи. От меня требовалось исполнение многочисленных предписаний: приема лекарств, контроля за режимом питания, сна, работы, хотя основные усилия врачей сосредоточены на «медикаментозных» предписаниях. Беременность связана с изменениями, наблюдаемыми окружающими. Они, фиксируя эти изменения, начинают иначе относиться к женщине. Образ жизни в большей степени контролируется через интериоризацию норм. Чтобы нормы были эффективными, необходимо их добровольное принятие. Исполнение предписаний меняет «образ себя». В дневника зафиксировано, что, узнав о беременности, я бросила курить, перестала пить пиво, так как это считается вредным для ребенка, стала регулярно посещать врачей: я добровольно приняла все предписания и ограничения.

Требуемое изменение образа жизни и регулярности врачебных осмотров привели к изменению распорядка дня. День для меня

¹ «Беременность — как бы проверка усвоения норм материнства, среди которых важное место занимают и навыки сдерживания, избегания... блокирование агрессивных проявлений» (Целанская 1998: 186). В моем случае условные нормы материнства не предшествовали беременности, а, наоборот, беременность стала первым непосредственным соотношением с ними.

² В статье недостаточно внимания уделено рассмотрению тела беременной, что объясняется не отказом анализировать этот феномен, но объективными пред-
последними: во время описываемой беременности женщина практически не за-
мечала свое тело.

стали начинаться приблизительно на 2-3 часа раньше, чем обычно. Около 9.00 я посещала женскую консультацию и потом ехала в университет, постоянно вырабатывая стратегии совмещения ролей («студентки» и «будущей матери») с помощью оптимизации режима. Дополнительной причиной изменения режима были экономические условия. Ранние посещения поликлиники давали возможность делить многие анализы бесплатно: «Мы поехали в поликлинику сдавать кровь из пальца. Бесплатно эту процедуру можно было сделать только с 8.00. до 10.00. Мы поехали к 9.30» (27 января).

Изменение образа жизни, распорядка дня и прочее исполнение предписаний выглядит как абсолютно «естественное», однако исследование личной истории показывает, что в них всегда есть некий культурный смысл, создаваемый и воспроизводимый во взаимодействиях как общественный порядок, который наделяется статусом «естественности».

Взаимодействие беременной с социальным окружением

Социальное окружение беременной включает как знакомых, так и незнакомых людей, и те и другие выступают агентами контроля. Категории знакомых — незнакомых образуют разную степень включенности, сферы участия знакомых также различны: от профсоюзной до личного. Агентами предписания-контроля являются незнакомые люди, врачи, муж, родители, друзья, профсоюзное окружение, сама женщина.

Окружающие проявляют особое внимание, контролируют поведение и «правильное» исполнение предписаний беременной. Все окружение, с которым сталкивается женщина, исполняет роль (полу)тотального инстигута. В медицинском учреждении роль контроля выполняют врачи, вне медицинского учреждения ее довольно берут на себя знакомые и незнакомые люди.

Случайные попутчики фиксируют состояние беременной и осуществляют определенные действия: «Я ехала в автобусе и держалась за поручень. Боксерам зрением я увидела, что какой-то мужчина хлопнул по плечу другого, который сидел, и ни слова не говоря, кивнул на меня. Сидящий встал и уступил мне место» (10 марта). Незнакомые люди предлагают беременной место в транспорте, знакомые спрашивают, как она себя чувствует и не нужна ли ей помощь. Внимание окружающих тотально и опускается повсеместно.

Особую группу в категории незнакомых образуют другие беременные. В дневном стационаре я наблюдала отсутствие взаимодействия между собиравшимися вместе женщинами. В таком сообществе, вероятно, нет необходимости контролировать данный процесс, выделяя его «особым вниманием» друг к другу. Вне общества беременных женщины «запищат» исключительноность своего положения, делая его опознаваемым и правильно расшифровываемым. В среде равных нет необходимости в специальном контроле³.

В дневном стационаре я увидела среди беременных лишь подчеркнутую отчужденность: «Все беременные женщины в стационаре вели себя крайне дистанцированно. Казалось бы, они вынуждены ждать дежурство около 30-60 минут, они приходят в стационар каждый день и, для того чтобы время проходило в стационаре быстрее, им стоило бы познакомиться и начать болтать о чем-то. Но в реальности этого не происходило. В другом случае лишь некоторые из них здоровались, занимали очередь на процедуру и прощались. Все остальное время ожидания каждая из них либо читала какой-нибудь журнал, либо просто рассматривала стены стационара» (16—17 февраля).

Рядные люди по-разному отреагировали на мою беременность. Муж решил изменить свою роль в семье. В то время он был безработным. Однако моя беременность означала, что через 5 месяцев я не смогу зарабатывать деньги. Муж становился ответственным за финансовое обеспечение семьи. Изменение ситуации повлекло за собой переговоры по поводу семейных ролей.

Запись из дневника: «Я вышла. Муж продолжал стоять у окна. Я улыбаясь, подошла к нему. Я сказала: "Я беременна. У нас будет мальчик". На что он ответил: "Это замечательно" ... Вечером муж сказал, что хочет ехать на север, на корабль, чтобы заработать деньги для мальчика. На что я ответила, что мальчику важнее его присутствие рядом со мной и что будет ужасно, если он всю беременность проведет далеко от меня, за сотни километров, ведь я слышала, что женщина в этот период особенно необходима нежности и ласка. Мама абсолютно поддер-

³ Возможно, то место, где я наблюдала за беременными (дневной стационар), определило их поведение. Я думаю, что эффект был бы другим, если бы наблюдение осуществлялось, например, в дорожной палате или в больнице, где лежат для сохранения плода.

ждала меня и сказала, что меня нельзя оставлять одну в такой сложный период» (9 января).

Переговоры по поводу семейных ролей происходили на основе разных гендерных стереотипов в отношении к женской беременности. Муж исходил из того, что он должен быть «добытчиком», это требовало к мужчине актуализируется при рождении ребенка, поэтому он и решил ехать на заработки. Я же (как и моя мать) исходила из представления о том, что мужчина должен заботиться и поддерживать женщину в сложные периоды жизни. В результате и я, и моя мама стали убеждать мужа все время беременности оставаться со мной. Это означало, что беременность воспринималась всеми участниками взаимодействия как «сложный период в жизни».

Во взаимодействии между мной и моей матерью мать продолжала брать на себя ответственность, а мне в значительной большей степени отводилась роль ребенка, а не будущей матери. «Мама отреагировала на сообщение о моей беременности сразу отрицательно. Она стала долго говорить нам о том, что необходимо было подготовиться, и стала объяснять, как это сделать, и что ее интересует, каким образом мы собираемся растить ребенка» (9 января).

Ее позиция была воспитательной в двух смыслах: во-первых, надо правильно пользоваться противозачаточными средствами, чтобы избежать нежелательных ситуаций, и, во-вторых, необходимо было продумать заранее, как организовать будущую жизнь. Мать продолжала сохранять позицию ответственности. Во взаимодействии с ней формируются представления о том, что с появлением ребенка жизнь усложняется, возникают новые обязанности, кроме того, ребенок должен появляться, когда в семье есть стабильный доход.

Отец сказал, что знал о моей беременности, но сообщение об этом сознательно переложил на врача. «Потом пришел папа и сказал, что догадывался о моей беременности, но не стал мне ничего говорить, зная ... то, что мы собирались идти к гинекологу» (9 января). Здесь прослеживается четкое разделение отцов (обидных представлений). Существует сфера компетенции отца (обидных представлений) и сфера компетенции матери (настная). И даже в неключевых случаях (беременность) отец не хочет затрагивать сферу, в которой у него нет достаточного влияния, в отличие от матери и профессионалов.

Весь период беременности мы с родителями жили в разных городах, но они контролировали мои действия. Например, когда

мои родители звонили вечером домой, я я была на работе, они выражали недовольство этим фактом, и затем, вставая меня дома, настоятельно просили не возвращаться поздно из офиса, поскольку я — беременна и «можно ли что может случиться», и «ведь у тебя кто-нибудь нарушает».

Мои подруги отнесли к сообщению о беременности с иронией. Причиной этого был тот «образ меня», который существовал в их представлении и который казался несовместимым с ролью матери. Например, подруга из Германии не могла увидеть меня в это время, но она писала, что представляет себе, как я «бегаю по Питеру с животом», и что это очень смешно. После рождения ребенка знакомая сказала, что не ожидала от меня такого внимания к ребенку. Она думала, что я буду «коляску ребенка толкать ногой». Другая знакомая была удивлена, увидев меня с ребенком. По ее словам, я ни с кем и никогда не была такой нежной и чуткой. Таким образом, подруги исходили из представления о будущей матери как об «идеале женственности», меня же они оценивали как несоответствующую этому идеалу, поэтому и возникала ирония.

Еще одним агентом контроля является профессиональное окружение. Оно также производит и воспроизводит стереотипы беременности через представления о сложности соединения материнства и научной карьеры.

Большинство людей, которые связаны со мной профессиональной деятельностью, восприняли известие о беременности отрицательно. Немецкий профессор отказался проводить со мной исследовательский проект, восприняв мою беременность как конец деятельности ученого.

Беременность выстраивает границы между женщиной и внешним миром с помощью ограничения (вплоть до потери) прежних ролей, прав и обязанностей. Потеря человеком некоторых прав может быть уже безвозвратной, потому что он оказывается исключенным из сферы прежнего влияния (И. Гофман). В примере с немецким профессором, как и с некоторыми отечественными коллегами, это выразилось в форме «их знания» о том, что я не вернусь в науку. Для меня это, однако, не было очевидным: я предполагала, что занятия наукой будут лишь отложены на непродолжительный период времени.

Особенности профессиональной социологической деятельности в области гендерных исследований позволили включить свой опыт в предмет анализа. Чтобы соединить мою беременность с

профессиональной деятельностью, преподаватели из университета предložили мне вести дневник наблюдений, на основе которого может быть написана статья.

Кроме того, моя беременность помогла проводить интервью для диссертации. Тема — исследование бедности — затруднила сбор эмпирического материала: многие информанты не хотели говорить о болезненных проблемах. Однако некоторые «*сходили в мое ложе*» (как они сами говорили) и из-за этого соглашались на интервью. Я навбодола и то, как малознакомые люди реагируют на мою беременность. Одна женщина, когда я пришла к ней, сняла пальто и собаралась повесить его на вешалку, закрыла дверь, чтобы я не поднимала рук, а то плуовина может закрутиться вокруг ребенка и задуть его. Это было, пожалуй, мое первое и последнее столкновение с народным фольклором по поводу беременности.

Итак, беременность принимает культурную форму во взаимодействии с социальным окружением. Особое место в культурном конструировании беременности занимает взаимодействие в женской консультации, где беременная женщина профессионализирована в роли «пациентки».

Женская консультация:

правила «полузакрытого» учреждения

Существуют различные социальные структуры, которые на языке социологии повсеппенности называются «учреждениями». Я определило характер основного учреждения, контролирующего процесс беременности (женской консультации и стационара, т. е. того места, куда помещают женщину для проведения определенных процедур), как «полузакрытый», так как для вхождения в него необходимо, прежде всего, иметь половое отличие, т. е. быть женщиной, или профессионально, т. е. быть врачом или принадлежать к медицинскому персоналу. Внутри полузакрытого мира взаимодействует врач и пациент(ка). Беременные женщины образуют еще более закрытую структуру внутри этого учреждения, в которую могут войти лишь женщины в положении.

Женская консультация имеет определенные формальные и неформальные правила, которым человек, вошедший в эту структуру, должен следовать. В консультации сочетаются «мягкие отграничения», которые следует выполнять по возможности, с более жесткими правилами, которые пациентке предписываются выпол-

нить гораздо более строго. Человек, не включенный в сообщество, не знаком с данными правилами и их иерархиями, и ему предстоит им обучаться.

Здесь я опишу формальные и неформальные правила женской консультации, которым я тогда научалась и которые изменяли мою повседневную жизнь. Процесс обучения правилам включал наблюдение за поведением других пациенток, чтение информации на стенках учреждения, взаимодействие с медицинским персоналом. Только постожение посещение этого учреждения дало мне возможность освоить существующие там правила и следовать им.

В женской консультации, как и в стационаре, действуют два типа правил. Первые функциональны по отношению к процессу беременности и заданы контекстом ее протекания, например: перед посещением врача необходимо измерять давление и вес, сдавать кровь на анализ и т. п. Вторые же определены институциональным контекстом функционирования консультации и являются главными по степени контроля, например: каждая пациентка должна иметь с собой полотенце, покупать лекарства для дневного стационара и т. п. Как показывает дальнейший анализ, второй контекст задан преимущественно экономическим состоянием учреждения. Правила учреждения в целом формируются в результате соединения двух контекстов.

Правила, заданные контекстом протекания беременности

А. Правила распорядка посещения врача и сдачи анализов

Определенные правила осваиваются путем простого наблюдения. «*Знаком того, что тебя вызывают к врачу, была загорающаяся над дверью кабинета лампочка. Где-то через 40 минут я вошла к гинекологу*» (20 января). Другие — сообщаются в объявлениях, развешенных на стенах и дверях кабинетов, либо являются ответами на вопросы медицинскому персоналу. «*Я и муж ступились на второй этаж, чтобы посмотреть, когда мы можем сдать кровь из вены и мазки на анализ. Все эти анализы брались утром с 8.00. до 10.00. Я постучала и спросила, когда можно сдать анализ на микоплазму. Медсестра мне ответила, что это я могу узнать, если внимательно посмотрю на вывески, помещенные у них на двери. Запись на микоплазму, как свидетельствовала вывеска, проводилась тоже в определенные дни*» (20 января).

Из-за прописанной мне процедуры «абдоминальная декомпрессия» две недели я посещала дневной стационар. Мне были

даны специальные разъяснения о порядке его работы. Медицинская сестра объяснила, какое время является наиболее оптимальным для прихода туда. «*Мне сообщали, что если у меня не много времени, то лучше приходить около 9.30, потому что в это время, как правило, нет пациентов и нет, соответственно, очередей*» (3 февраля).

Еще одним правилом распорядка является ожидание приема врача в креслах в коридоре в порядке «живой» очереди⁴. Отмечу и то, что ожидание в очереди является «симптомом» бесплатного обслуживания в консультациях и их финансовых трудностей⁵.

С финансовыми трудностями связаны и некоторые неформальные правила распорядка. Например, в конце рабочего дня гинеколога лучше не посещать (неформальное правило), так как в это время она выполняет бумажную работу, которую должна делать медицинская сестра, но, как объяснила мне врач, на такой низкий оклад (120 рублей, т. е. \$20) трудно найти желающих.

Существование правил предполагает существование санкций за их несоблюдение. В данном случае санкциями могут являться недовольство медицинского персонала, высказанное в устной форме. Большинство пациентов обычно соблюдают эти формальные правила.

⁴ Нештормые правила функционируют в каждой женской консультации, которые существуют только в отдельных учреждениях. Уже когда я стала матерью, я узнала о контрастном случае. Моя знакомая, ожидающая ребенка, расквизила о трудностях, которые постигли ее при посещении государственного медицинского учреждения. В женской консультации, куда она пришла, ей рассказали о новом и для нее, и для меня правиле: в этой консультации, если беременная хочет посетить гинеколога, то она должна сначала прийти туда в 7.00 и получить талончик на медицинский осмотр.

⁵ Женские консультации разделяются на платные и бесплатные. Некоторые мои знакомые ждали во время своей беременности отдаленно расположенные платные консультации и, соответственно, платных осмотров, если это позволяли их финансовые возможности. Они объясняли свой выбор тем, что во время платных осмотров им уделяется большее внимание, осмотры проводятся лучшими специалистами, и они не терпят времени на ожидание приема. Факт оплаты медицинского осмотра — некое психологически окрашенное действие, которое способствует определенным ожиданиям. Если человек за осмотр платит, хотя можно пройти осмотр бесплатно, то ожидается, что ему предоставят лучшее обслуживание. Действительно ли это так, судить трудно. Однако наличие очереди в бесплатных консультациях, безусловно, разделяет платные и бесплатные учреждения.

Б. Правила исполнения медицинских процедур

В дневном стационаре «*мне указали кроватку, которой я буду пользоваться после процедуры, так как после нее необходимо лежать в течение 30 минут, чего я никогда не делала, так как всегда торопилась в университет*» (3 февраля). Данное правило является формальным, оно связано с проведением процедуры и ее воздействием на организм. Однако за исполнением такого правила медицинский персонал никогда не следил. Пациент несет личную ответственность за его исполнение.

В. Правила медицинского осмотра

Перед осмотром врача необходимо пройти определенные процедуры: измерить вес, рост, давление. Инstrukция об этом дается самим врачом в начале посещений учреждения.

Необходимо отметить, что в моем дневнике зафиксированы многие моменты взаимодействия с врачами и медицинским персоналом, но практически везде опускается описание осмотра у гинеколога на гинекологическом кресле. Правило осмотра тоже входит в перечень правил женской консультации. Посещение гинеколога для большинства женщин интимно по своей сути, однако гинекологическое кресло предполагает некую публичность осмотра. Таким образом, сама процедура осмотра гинекологом превращает сферу, закрытую от посторонних глаз, в публичный акт. И через несколько часов, в момент написания дневника мне даже мысленно не хотелось возвращаться на гинекологическое кресло. Я «забыла» выполнение этого правила.

Правила, заданные контекстом функционирования консультативных

Эти правила являются отражением финансовых трудностей учреждения, они перешли из ранга неформальных в формальные, за их исполнением строго следит медицинский персонал.

А. Правило «гигиенического» оснащения пациентки

На входной двери в стационар, как и на дверях кабинетов практически всех врачей, висят объявления о запрещении входить в верхней одежде и уличной обуви, при посещении гинеколога необходимо иметь с собой полотенце. Это правило, видимо, было еще когда-то неформальным, практически перешло в разряд формальных и строго соблюдается пациентами. Когда я пришла в

женскую консультацию в первый раз и еще не была включена в данный контекст, многие действия людей уже находившихся там, мне требовали расшифровки. Я не могла дать им верную интерпретацию. Фиксирование и понимание правил полузакрытого учреждения требует включения в этот мир. «Мы с мужем пришли к гинекологу и ... сели на скамейку возле кабинета ... Муж обратил внимание на тот странный факт, что большинство женщин здесь ходит в танках, а мы принесли только наготнице, и не бродит ли это моим врачам отрицательно воспринять. Я ответила, что, скорее всего, все эти женщины в танках находятся на лечении в женской консультации и здесь же живут определенным образом. Муж рассмеялся. Мы не видели в этом здании столько мест, которое могло быть похоже на больницу, и потом это — не больница, а женская консультация. С его дружественным было трудно спорить» (20 января). Муж оказался социальным более компетентным. Он сразу выделил несоответствие между моим внешним видом и внешним видом других пациенток. По его интонации было понятно, что мы лишены важной информации о существующих здесь правилах. Именно он заметил этот факт и дал ему верную интерпретацию, а не я. Он выступил в качестве инициатора освоения правил женской консультации. Эту ситуацию можно интерпретировать следующим образом. Он не был полностью включен в процесс, его интересовали внешние атрибуты визита к врачу. Вероятно, здесь женщина занята не освоением инфраструктурных правил, так как ее внимание зафиксировано на ближайшем будущем, она проявляет интерес, прежде всего, к состоянию плода. В данной ситуации для освоения правил оснащения беременной потребовалось внимание человека, не включенного в непосредственное взаимодействие. Правила освещаются и при помощи участия другого лица (мужа), что, однако, является исключением для (полу)закрытого учреждения.

При посещении стационара медицинская сестра перечисляла вещи, которые нужно принести с собой. От нее можно было узнать более подробно о неформальных правилах, например о том, что не следует лежать на выданном покрывале, так как его недавно постирали. «В комнате, около входной двери, висело объявление, сообщающее, что ложиться на покрывала нельзя. Медицинская сестра это объяснила тем, что их только недавно постирали... Мне сообщили, что при себе я должна иметь простыню и наволочку» (3 февраля). Когда я не выполняла неформальных правил, меня предупреждали, чтобы я больше так не поступала.

Санкцией за невыполнение данного правила является недо-вольство, высказываемое медицинским персоналом.

Б. Правильно оснащения пациентки медикаментозными средствами.

Важным правилом оснащения пациентки является правило покупки лекарств. Врач сообщает, какие таблетки необходимо купить. Все свою беременность я постоянно употребляла разные медикаментозные средства. В тот период это стало нормой моей жизни. «Я пришла к своему гинекологу. Она, просмотрев еще раз все мои анализы, стала писать рекомендацию мне в карту. Она выписала мне кучу лекарств, среди них актиферин, нистатин, эритромицин, витамин Е, эссенциале форте, гевовит, актиферин, витамин Е и гевовит я должна буду принимать в течение всей беременности, а вот все остальные таблетки — 10 дней» (3 февраля). В дневной стационар нужно было принести лекарства с собой.

«И спросила, сделают ли мне сегодня назначенный укол. На вопрос о каких лекарствах я ответила утвердительно. Ложкоза и аскорбиновая кислота были куплены мной еще вчера. Одна ложка аскорбиновой кислоты стоила 4800 рублей (\$0,9), нам нужно было купить три улакозета, а одна улакозета ложка — около 12000 рублей (\$2), нам нужно было купить две. Мне дали 30 мл аскорбиновой кислоты и 20 — улакозета в вену» (3 февраля).

Если я забывала лекарство для укола, то мне делали укол, но говорили, чтобы в следующий раз я принесла свои лекарства. Итак, данные правила — правила оснащения — заданы институциональными контекстом, т. е. недостатком финансирования. По этой причине бывшие неформальные правила стали формальными, однако они могут перестать быть таковыми при условии изменения экономического состояния учреждения.

Женские консультации, содержащиеся на государственные деньги, сталкиваются с финансовыми трудностями. Нерегулярное наличие пола, отсутствие у врачей медицинских сестер, старые медицинские аппараты, объявления на дверях о том, что при посещении врача необходимо иметь полотенце (кризис добавил к этому перчатки) свидетельствуют о недостаточном финансировании государственных медицинских учреждений.

За выполнением большинства неформальных правил (необходимость иметь при себе простыню, полотенце, лекарства, тап-

ки) внимательно следит медицинский персонал, потому что все эти правила возникли из-за недостатка финансирования женской консультации. Из-за неформированности штата уборщицы для ежедневного мытья полов необходимо иметь при себе тапки, из-за отсутствия лекарств и одноразовых полотенец их нужно принести с собой. А за выполнением формальных правил, которые создавались исходя из медицинской целесообразности (лежать после процедуры 30 минут), персонал не следит. В женской консультации сосуществуют формальные и неформальные правила, неформальные правила возводятся в ранг формальных, а многие формальные правила практически не замечаются.

От беременной ожидается выполнение правил, кроме того, от нее ожидается «социальная компетентность» в исполнении своей беременности. Отсутствие необходимой компетентности вызывает коммуникативные проблемы. «Поломки» во взаимодействии покажутся, что нарушается в общественном порядке. В частности, женщина (и именно она) ответственна за знания о своем состоянии и контроль за ним. У меня, например, не было «правильного» знания о сроках беременности (об этом — ниже), что вызвало у врачей сильное недоумение. Были и другие ситуации поломки во взаимодействии с врачом, когда я не имела необходимого уровня компетентности, более того, была вынуждена обратиться к посреднику. *«Мой врач сказал, что результаты мазка, сделанного в Обнинске, показали, что у меня есть молочница и что врач прописал мне свечи с... Я не знала, с чем были прописаны свечи и, надеясь на Андрея, вышла из кабинета и спросила у него. Он не помнит наверное, но сказал что-то близкое, и врач поняла, что речь идет о свечах с нистатином. Она удивилась, что я не помню сама, а спрашиваю у мужа такую информацию»* (20 января).

В этом эпизоде в цепочке врач — пациент показается третье звено, причем активно действующее (муж). И это демонстрирует еще одно общее правило «омосодальности» данного участка. Здесь зафиксировано различие в восприятии нынешних правил женской консультации разными поколениями. Поколение, к которому относится гинеколог (примерно 50-х годов рождения), не привыкло пускаться мужчинам в женскую консультацию, а тем более информировать их о женских проблемах и способных их решения. Мы с мужем относимся к поколению 70-х годов рождения, когда пространство женской консультации становится (хотя бы отчасти) гетеросоциальным, в данном случае «профессиональными» знаниями беременной обладала не только

но и мой муж⁶, который выступает в роли активного действующего лица, в роли инициатора в освоении правил.

Итак, обучение правилам происходило благодаря наблюдению за поведением других, получению информации из письменных источников, из полученных ответов на вопросы и разъяснений медицинского персонала и других участников взаимодействия. В результате освоения данных правил женщина (а иногда и мужчина) становится компетентной по отношению к протезакопцему процессу и к его организации в учреждении.

Взаимодействие с врачом: недоверие и его преодоление

Правильное исполнение беременности требует получения требований врача. Эти требования могут восприниматься как навязчивые, сопряженные с недоверием, или как необходимые и принимаемые добровольно. Ниже я анализирую, каким образом в ходе взаимодействия осуществлялся переход к добровольному принятию требований.

Отношение к врачам формируется долгие годы, с самого детства. Если рассматривать медицинские учреждения как («полу)тотальитарные», то можно говорить о существовании двух взаимовыравнивающих групп врачей и пациентов: вторые постоянно находятся под наблюдением первых, которые осуществляют надзор за ними. При рассмотрении тотального института, по И. Гофману, «непослушание» является единственной возможностью выявить свое недовольство, неудовлетворение действиями надзирателей. В повседневности реакцией на надзор является недоверие к врачам, усугубленное знанием о совершенных ими ошибках. Это знание формируется как на основе личного опыта и опыта близких, так и на основе негативных образцов, создаваемых в средствах массовой информации.

Первый опыт взаимодействия с врачом-гинекологом был негативным. *«Мы вновь подылись на второй этаж и спросили, где принимает нужный нам гинеколог... Я вышла и заговорила о своих проблемах, о гормональном сдвиге, который, как сказала в акушерке гinekолог из Питера, преследует меня после употребления таблеток Tri-eto... врач осмотрела меня, взяла мазок. Она резко сказа-*

⁶ Мои наблюдения показывали, что в этот период (1996 год) многие мужчины посещали консультацию и активно участвовали во взаимодействии с врачом.

да мне, что не понимает, как это я не чувствовала, что беременна, не чувствовала шевеление малыша» (9 января). В данном случае я столкнулась с агрессивным проявлением насилия. Врач самостоятельно взяла на себя роль «наблюдателя», который должен говорить, повышая голос и тем самым подчеркивая власть над пациентом. У нас с врачом были разные поведенческие установки. Существующее у меня представление о поведении врача (я ожидала лишь информации о своем состоянии) и, наоборот, ожидания, которые имел врач по поводу моего поведения (она ожидала, что я должна осознавать свое состояние), сильно различались.

Произошло взаимное непонимание участниками взаимодействия друг друга. «Я слышала и не слышала, что она говорит. Мне казалось это чем-то нереальным. В ответ на эту резкость я только унывала, сказав ей, что не стою так кричать, что мы узнали о ребенке поздно, потому что все равно не собирались от него отказаться. На это она крикнула, что от ребенка сейчас уже невозможно отказаться и что мне никто не делает аборт» (9 января). Рассогласованность заключалась и в том, что врач ожидала от меня стремления избавиться от беременности, а у меня такого стремления не было. Однако между участниками взаимодействия не происходило разъяснения непонимания: она просто сказала, что отказывается делать аборт.

Эмоционально агрессивное поведение врача могло бы привести к физическому стрессу, к осознанию чувства вины. Согласно И. Гофману, в тотальных институтах (здесь — в поликлинике) именно этого добиваются наблюдатели (здесь — врачи), чтобы «умирить» жителей (здесь — пациентов). Со мной, однако, этого не произошло. Причиной являлась моя мобильность (с этим врачом я столкнулась в другом городе во время каникул), и я понимала, что не являюсь «тотально» зависимой от нее. «Но этому диалогу я поняла, что мы не слышим друг друга. Но я все равно уйду» (9 января). Поскольку это был первый визит к врачу, связанный с беременностью, с него начиналась моя идентификация в новом состоянии.

В первом взаимодействии прослеживаются определенные ожидания врача от пациентки знаний, связанных с женской беременностью. У меня таких знаний не было. Это вызвало агрессивность принимающего меня врача, и она даже не попыталась понять, почему я попала в такую ситуацию⁷. Потом я всю бере-

менность вспоминала этот визит и расказы подруг о грубости гинекологов, о тяжелых родах, при которых акушеры обвиняли женщину в том, что она делала много абортов. Медицинский персонал возлагал вину за возникновение проблемы при родах на пациентку.

В тотальном институте власть принадлежит наблюдателям, в медицинских учреждениях — врачам (Гофман 1991). В медицинском учреждении осуществляемый персоналом контроль может сочетаться с запугиваниями пациентов и утратившим знаний и репутации об их судьбе. Однако медицинское учреждение, как уже указывалось, является не полностью тотальным, поэтому в нем жесткий контроль может быть смягчен. В ситуации контроля над пациентами характер взаимодействия между врачом и пациентом зависит от врача. Один способ взаимодействия — это глухота к пациенту — раздраженность непониманием — перекладывание вины на пациента. Другой — внимание к пациенту — коммуникация с ним — объяснение всех предписаний.

Поскольку мой постоянный врач, у которой я наблюдалась с 20-й по 38-ю неделю своей беременности в Санкт-Петербурге, разъясняла мне предписания, относившиеся ко мне с заботой, и это способствовало предположению недоверия, сформированного социумом и первоначальным личным опытом. Например, мой лечащий гинеколог объясняла мне назначения практически всех препаратов, которые выписывала. «Выписав препарат (для прощедуры) «абортальная деконпрессия» она сказала, что это очень дорогой препарат и что очень хорошо, что мы смогли его купить. Он поможет моему ребенку получить больше кислорода. А так как из-за низкого гемоглобина моя пациентка недоразвита и поступление питательных веществ и кислорода к ребенку затруднено, то этот препарат для меня очень важен» (3 февраля).

Длительные беседы с врачом позволили преодолеть то недоверие к ней, которое существовало вначале. Она объясняла мне, для чего необходимо принимать лекарства и посещать определен-

расстройств и около шести месяцев до начала беременности отсутствовали менструации. В августе я посетила гинеколога из университетской поликлиники и она мне сказала, даже не осмотрев меня, что это часто случается при употреблении подобного вида таблеток и что возможность беременности сейчас низка из-за гормонального расстройства, а в тот момент я уже была беременна.

ные процедуры. Например, она объяснила, что иногда возникало при тошнота означает низкий уровень гемоглобина в крови. Это влияет на пациента, через которую под имеет связь со мной. Таким образом, низкий уровень гемоглобина в моем организме препятствует получению ребенком достаточного количества кислорода. Повысить уровень гемоглобина можно при регулярном употреблении таблеток типа актиферрина и прегнавивита и продуктов, содержащих железо. Эти лекарства я употребляла на протяжении всей беременности.

В моем восприятии мой лечащий врач стала лучшим гинекологом. Но доверие к своему гинекологу не переносилось на других врачей. «Врач стационара осмотрела меня и больно ондувала. Причем я боюсь за малыша, так как у него же еще очень нежное и мягкое тельце, одно меня успокаивает: ведь она все таки врач и понимает, что делает. Хотя я не уверена. Она мне поставила срок беременности в 25—26 недель» (4 февраля). Я сравнявала своего лечащего врача с другими, и мне казалось, что мой врач все делала лучше и мягче. «Она поцупила мой живот и сказала, что судя по всему, малыши перевернулись. Я утвердительно кивнула. И что удивительно, она осмотрела меня очень мягко и без боли, а все осмотря врача из стационара меня всегда проходили болезненно» (23 февраля). «Хороший» надзиратель — это такой, который осуществляет коммуникацию с пациентом.

Внимание моего лечащего врача вышло за пределы предписанных инструкций. Когда я не пришла к ней в назначенный день, она позвонила ко мне домой, чтобы узнать, что случилось. «Вечером позвонила мой гинеколог и спросила, почему я не пришла к ней и уж не заболела ли я, потому что сейчас все болело зрительно. Я очень удивилась ее звонку и ответила, что у меня все в порядке и что я не пришла к ней 10-го, потому что у меня еще не готовы результаты анализов» (12 марта).

В коммуникации с врачом, кроме вопросов, связанных с протеканием беременности, часто возникали и проблемы экономического характера. Врач использовала оперативную (финансовым положением) стратегию. Она часто обращалась к факту плохого финансирования консультации. Например, сообщала, что они смогли купить хороших дорогих препаратов, который поможет многим беременным, потому что в Петербурге у большинства жителей низкий гемоглобин, а именно он фиксирует объем получаемой ребенком кислорода. Другой пример — разъяснение врачу того, что она каждый день, помимо своих обязанностей, выполня-

ет бумажную работу медсестры. «Так как я пришла к ней, когда уже заканчивалась, то у нее не было посетитель. Я сказала, что это хорошо, что я не ждала приема. Она ответила на это, что у нее масса бумажной работы, которую она выполняет каждый день перед окончанием смены, и что будет лучше, если в следующий раз я приду пораньше. Я сказала, что на самом деле бумажную работу должны выполнять медсестры, а не врачи. Она выслушала уставшей и стала говорить, как сложно здесь работать, как мало платят... Я сказала, что она может перейти на работу в коммерческие структуры. На что она ответила, что сейчас там тоже немного платят, так как практически все посещения государственные клиники, потому что и уровень обслуживания достаточно низким, и бесплатным» (17 апреля). Когда лечащий врач узнала о том, что я работаю в офисе, она попросила меня отпечатать на ксероксе направления на анализы, потому что врачам не хватает бланков и они вынуждены писать их от руки.

Таким образом, в этом случае можно говорить о преодолении недовверия и страха у беременной при помощи постоянного взаимодействия с лечащим врачом лицом к лицу. Во время этого взаимодействия врач не использовалась санкции против нарушителя правил, она добивалась выполнения правил не угрозами или приказом, а путем объяснения необходимости их исполнения.

Правила взаимодействия с государственной консультацией: институт медицинского страхования

Медицинское страхование (наличие медицинского полиса) необходимо для того, чтобы получить бесплатной медицинский уход в связи с беременностью и рождением ребенка. Медицинское страхование осуществляется только по месту прописки (с 1993 года — регистрации) и действует для граждан России на территории всей Российской Федерации.

Хотя страхование является бесплатным и воспринимается как формальность, в моем случае из-за его отсутствия возникли проблемы, в чем проявилась значимость данного института. Во время обнаружения беременности у меня была временная (аспиринтская) срок на три года) прописка в Санкт-Петербурге, которая давала мне право на получение страхового медицинского полиса, выдаваемого по месту прописки, а значит, и на бесплатную медицинскую помощь. Меня временно зарегистрировали в Петербурге в ноябре

1997 года после поступления в аспирантуру в октябре. Однако медицинский полис я еще только собиралась оформить.

Не имея полиса, можно пользоваться только платными медицинскими услугами, поэтому, когда я приехала к родителям в Обнинск в январе, любое посещение врача было для меня платным.

Медицинский персонал учреждений не всегда ориентировался в правилах страхования, осуществляемого по месту прописки. Поэтому возникало непонимание между пациентами и обслуживающим персоналом, т. е. поломки в функционировании института регистрации и медицинского страхования. В Обнинске, на ка-никалах, у меня появилось свободное время, и я решила посетить гинеколога в городской поликлинике. Именно там произошла такая поломка. «В регистратуре нас попросили подождать. После 15-минутного ожидания появилась женщина, которой мы задали тот же вопрос, где можно оплатить визит к гинекологу. Она спросила меня о прописке. Я ответила, что постоянная прописка у меня в Обнинске, а временная — в Питере, но поиска у меня в Обнинске нет. Тогда она сказала, что нужно получить полис. Я ответила, что это нереально, потому что мы приехали всего на две недели и не собираемся закладывать их оформлением документов. На что она ответила: "Ах! Так Вы здесь не живете, так что же Вы мне говорите о прописке!" Вышло непонимание. Мне казалось, что она просто смутно понимала, как работает институт прописки, и что не обязательно жить в том месте, где прописаны (9 января).

Стоимость осмотра должна иметь фиксированную цену, привязанную к МРОТу (минимальному размеру оплаты труда), однако медицинский персонал не мог объяснить мне, как связаны эти цифры. «В конце концов она отвела нас для оплаты визита обратно на первый этаж. Это стоило 30030 рублей (\$5). Мы были несколько смущены такой цифрой» (9 января).

Каникулы закончились, и мы вернулись в Петербург. Как аспирантка я находилась в поликлинике университета, но беременная там не обслуживалась. Нам предстояло найти ту консультацию, в которую я должна обратиться в соответствии с адресом регистрации. Каждая консультация обслуживает определенную микрорайон, и, для того чтобы найти нужную нам, мы побывали в трех разных местах.

Первый вопрос, который возникает при посещении врача, это вопрос о регистрации (прописке). В консультации, в которую включается микрорайон моей регистрации, «врач спросила меня, живу

ли я по месту прописки. Я ответила отрицательно». После чего выяснилось, что беременная может находиться и по месту фактического проживания, однако для этого необходимо получить открепительный талон в консультации по месту регистрации (прописки). «Она (гинеколог) посоветовала мне в таком случае обратиться по месту моего проживания и там встать на учет по беременности, а здесь взять открепительный лист, объясняя это тем, что мне будет неудобно ездить с Фонтанки на Васильевский остров, т. е. из другого района. Я ответила, что неудобно, но не дала ей определенного ответа. Она сказала, что нужно обратиться в регистратуру, чтобы мне сделали медицинскую карту. В регистратуре меня попросили предъявить паспорт и полис, который я уже оформила в поликлинике» (20 января).

Вопросы о прописке и медицинском страховании продолжали постоянно возникать при оформлении официальных бумаг. Через несколько дней тот же гинеколог спросила, где я решила наблюдаться у нее, давляя у ней лишь положительное отношение. И я, наверное, буду наблюдаться у нее, по месту моей прописки. На что она сказала, что тогда мне нужно обратиться в регистратуру и встать на учет по беременности, что я и сделала. Но в регистратуре меня опять попросили предъявить паспорт и полис, и мне пришлось вернуться к кабинету гинеколога за ними. Обратило я пришла уже с большим медицинским листом» (23 января).

Спустя несколько месяцев врач объяснила мне, почему сначала она предлагала мне наблюдаться в консультации по фактическому месту жительства. Дело в том, что ей не выгодно иметь много посетителей, потому что каждый посетитель требует больших затрат времени, а при назначении зарплаты количество пациентов, которые у нее наблюдаются, не учитывается. «Она сказала, что ей не выгодно здесь иметь много клиентов, потому что ей не платят за это. Только что-то платят за клиентов с патомонами... Теперь я поняла, почему она так агитировала меня наблюдаться в консультации не по месту моей прописки, а по месту жительства» (17 апреля).

Институт регистрации (прописки) осуществляет регулируемую функцию по отношению к беременным, хотя в пределах города выбор консультации относительно свободен. Врачи при этом не заинтересованы в увеличении числа пациентов, поэтому не препятствуют (а иногда — и навстаивают) их регистрации в других консультациях.

Родильный дом является звеном в цепочке учреждений, контролирующих процесс беременности и беременности. Существует последовательность осуществления и ужесточения функции контроля: консультант — родильный дом. Предполагается, что рождение ребенка происходит в родильном доме и этому в обязательном порядке предшествует наблюдение в консультации. При отсутствии медицинской карты беременной, выданной в консультации, она не имеет право самостоятельно выбрать родильный дом. Наблюдаться в женской консультации до родов — правило, невыполнение которого приводит к жестким санкциям.

Родильный дом в значительно большей степени сходен с тотальным институтом по терминологии И. Гофмана, чем женская консультация. При входе в него изымается вся собственность и органициваются контакты с внешним миром. Роженицы не имеют собственной одежды, им выдают униформу, количество посещения к роженицам ограничено. «*Мне выдали одежду родильного дома, потребовал, чтобы я сняла с себя все, вплоть до чепчика*» (28 апреля). Женщины становятся объектом постоянного медицинского надзора и ощущают себя полностью зависимой от воли «надзирателей». В течение пребывания в роддоме образуется новая идентификация, связанная с потерей набора повседневных объектов и практик, человек становится обнаженным и беззащитным перед окружающим миром, отожествляемым с медицинским персоналом.

Тотальный институт осуществляет контроль с помощью страха и ожидания боли⁸. Страх в связи с родами является распространеным явлением, несмотря на то что в последнее время в женских консультациях проводятся курсы для беременных под названием «роды без боли», однако посещение таких курсов не является правилом, предписываемым беременным. Я такие курсы не посещала, страх перед родами у меня оставался, хотя опыт взаимодействия с врачами в консультации создал позитивное ожидание предстоящих родов.

⁸ Большие боли при родах часто присутствует у женщин, в родильном доме это помогает им сплотиться в сообщество. Можно предположить, что близость родов и, соответственно, ожидание страдания объединяет «обреченных» на это женщин.

Контроль тотального института частично преодолевается благодаря персонализации «надзирателей», путем выбора врача, с которым складываются отношения доверия. Эти отношения могут базироваться как на опыте личного взаимодействия с врачом, так и на позитивном опыте других. «*28 апреля в 8 часов мы с мужем поняли, что сегодня я буду рожать... Мы поехали в роддом, о котором мне говорили некоторые знакомые и адрес которого назвала соседка по коммунальной квартире*» (28 апреля). Взаимодействия по поводу конечного этапа беременности с различными людьми направлены на получение знаний, касающихся организации данного этапа.

Первое столкновение с тотальным институтом — роддомом, в ходе которого у меня сразу потребовали снять всю одежду, наугад, создадо ожидание того, что сейчас придут «надзиратели» (акушеры), повелут себя агрессивно по отношению ко мне. Однако такое ожидание не оправдалось, в дневнике постоянно подчеркивается доброжелательное отношение медицинского персонала, которое противоречило первому взаимодействию (грех идет об изытии одежды, выдачи большого белья и т. п.) и слугующим из него ожиданиям.

В приемной я отдала свою медицинскую карту, показала паспорт, меня положили в палату. «*Было уже около 12 часов. Еще через несколько часов меня перевели в палату с гинекологическим креслом. Из пациенток там была я одна. Я лежала. Милая медсестра подошла ко мне и посоветовала походить по коридору, потому что тогда шейка матки быстрее раскрывается. Мы с ней пошли бродить по коридору. Все время хваток она от меня не отходила и очень помогла мне этим*» (28 апреля, 1998). Принимавшие у меня роды акушеры тоже были доброжелательны. «*Около 17 часов она позвала акушера, они посмотрели меня и сказали, что уже все готово к родам. Меня поместили на кресло и стали протирать, чтобы я тужилась, но я была уже настолько вымотана схватками, что мне казалось, я уже не могу тужиться с той силой, как надо. Акушеры делали все, с одной стороны, спокойно, а с другой стороны, так по-боевому, что я еще раз собралась все силы... 17.30. Появилась малышка. Я даже удивилась, что так быстро. Сначала ее поднесли мне, чтобы я смогла увидеть под мадеицу. Я увидела, что родилась девочка, потом минуты на две положили ко мне на живот и, выдвигая из моей груди молоко, дали ей возможность его лакнуть. Потом ее унесли... Я сошла с кресла и легла на кушетку. Та медсестра, которая была*

со мной все эти трудные часы, подошла проститься: ее смена закончилась, я взяла номер ее телефона. Потом у другой медсестры я попросила принести мне ребенка и, если возможно, чтобы нибудь поест: я ничего не ела весь день, и мне невероятно захотелось сейчас есть. Мне принесли щи и чай с ватрушкой. Я была доважна. Настенька лежала рядом, она — такая чудная, такая замечательная. По-моему, ее тоже вымотали сиватки, и она отдыхла» (28 апреля).

Несмотря на массу негативной информации о поведении медицинского персонала во время родов, которую я получила от знакомых, мой родовый опыт не вписывается в систему существующих фольклорных «страшилок». Окраска взаимоотношения с врачами зависит от доброй воли последних. В моем случае отношение к со стороны врачей, так и со стороны медицинских сестер было доброжелательным. Практически весь медицинский персонал, общаясь со мной, улыбался, все мои просьбы выполнялись.

Таким образом, в (полу)гогольном институте (роддоме) акушеры, обладающие властью контроля, могут выбирать разные стратегии. Пациент остается полностью зависим от действий «наездников» и их стратегий. Эта зависимость становится тотальной, по сравнению с предшествующими этапами беременности, однако и в этом случае преодоление недоверия и страха происходит, процессе взаимодействия лицом к лицу, если медицинский персонал является инициатором «позитивной» коммуникации, в ходе которой пациентка добровольно принимает и исполняет требования «наездников» — врачей.

Послесловие

Итак, анализ социальных взаимодействий показывает, что беременность создается в процессе интеракций женщины с социальным окружением. Беременность структурируется актами взаимодействия и самой беременной, создается при определенных условиях в определенном институциональном взаимодействии, являясь, таким образом, социально конструируемым процессом.

Институтами, конструирующими беременность и навязываями правилам взаимодействия и поведения, являются, прежде всего, женская консультация, где женщина наблюдается, родильный дом, где проходит ее роды. Обучение правилам происходит через наблюдение за поведением других беременных, разъяснения медицинского персонала и других участников взаимодействия.

с помощью письменных источников. В результате освоения формальных и неформальных правил женщина (в иногда — и мужчина) становится компетентной по отношению к протекающему процессу и его организации в учреждении.

Вне учреждения женщина продолжает испытывать на себе контроль со стороны ее социального окружения, которое своими действиями напоминает о ее беременности (незнакомые люди уступают место в автобусе, преподаватели спрашивают о здоровье, муж штурует обувь и т. п.), в результате чего у женщины формируется определенное восприятие своей беременности. Таким образом, беременность структурируется обществом, поддерживающим публичный (общественный) порядок.

© Белозерова Ю., 2002

Татьяна Бардулина

МОРАЛЬНОЕ МАТЕРИНСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЖЕНСКОГО ОПЫТА

Введение

Научная и политическая феминистская дискуссия последних десятилетий поставлена перед проблемой, которая прозвучит подорвать аналитическую основу феминистского способа мыслить, — различие и неравенство. Последовательное применение конструктивистского подхода, с 1970-х годов преобладающего в западноевропейских исследованиях системы подавления женщин, привело к фундаментальному сомнению в достаточности понятий «мужчина» и «женщина» для феминистского анализа. Женские, а вслед за ними и гендерные исследования стали критиковаться за иконизацию и универсализацию основополагающих категорий анализа «мужчина» — «женщина», с помощью которых имплицитно воспроизводятся отношения власти (см.: Кларк 1988). Параллельно с критикой аналитических категорий феминистских исследований было выражено сомнение в существовании солидарного женского субъекта и возможности женского действия на основании логики прямого противопоставления женщин мужчинам.

Наиболее ярко радикальная конструктивистская критика феминизма проявилась в дискуссии о различии категорий пола и гендера (биологического и социального полов). Главный аргумент этой критики заключается в том, что равный конструктивизм, разделив пол на две составляющие (физическую, телесную и социальную, культурную), оставил за рамками исследования тело и приписал ему исключительно биологическую природу, значит, и асоциальность. Тем самым он сделал тело неизменно

детерминантой пола и закрепили за анатомией право определять судьбу индивида. Тело же, по мнению критиков, в меньшей степени социальнее чем, например, система представлений и ценностей¹. Выдвигая тезис о «социальности» тела, радикальный конструктивизм разрушил последнее основание единных категорий «мужчина» и «женщина» — физиологию, способствуя тем самым изучению гендерных различий не только между полами, но и в рамках одного пола. Например, опыт женщин разных культурных традиций, классов, возрастов, сексуальных ориентаций стали рассматриваться как не сводимые к единому категориальному ядру, как отличные друг от друга исторические и социальные процессы конструирования разных образцов и типов женственности (Braidotti 1994).

Ответ феминистских исследователей на критику константных категорий пола не решил парадокса конструктивизма. Парадокс этот, напротив, стал еще более отчетлив. Утверждение множества гендерных конструкций, с одной стороны, окончательно попорвало легитимность использования категорий «мужчина» и «женщина» как основополагающих единиц феминистского исследования. С другой стороны, оно не предложило нового категориального основания для академического и политического феминизма. Конструктивизм по-прежнему оперировал дualityными категориями мужского и женского, утверждая при этом их дискурсивную, социальную и историческую множественность и, соответственно, аналитическую несостоятельность. Если, однако, принимать тезис радикальных критиков феминистского конструктивизма все-речь, т. е. обратить внимание на «телесность», и в этом смысле «totalность» пола, то у феминистской науки появится надежда на выход из противоречия. Релятивистский конструктивизм должен отграничить себя одноименностью «тел» мужчины и женщины, другими словами, сделать основанием категорий пола тело как «живущее, реальное существо» (Maibhofer 1994), включенное в систему социальных отношений. Последнее утверждение делает возможным позиционировать женский субъект не как обособленное явление как класса лиц, но как вид телесного и социального опыта, «который отличает женщин и приводит к тому, что мы до сих пор маркированы как отдельные от мужчин... Речь идет об опыте работы, связанной с конкретными людьми, в частности с

¹ Подробнее об этой дискуссии см.: Butler (1995), Смит (2000).

детьми. Этот опыт основан на биологическом различии (являя тела способны к деторождению, а тела мужчин — нет), но организованы с помощью сложных институциональных опосредований в виде работы по уходу (забота) и обслуживанию конкретных других или группы других» (Смит 2000: 29–30).

Деторождение и материнство остались в современности, возможно, последними инстанциями, созданными специфически женское тело и полностью его репрезентирующими. Деторождение до сих пор является тем опытом², при котором «женское тело подвергается тотальному кодированию посредством сакрализации беременности и выдвигается на первый план связанных с этим процессов этических требований» (Синельников 1999: 93). Оно является ядром категории женщины, ее ресурсом и/или стигмой. Именно на примере материнства как телесного и одновременно социального феномена может быть показано, как создается категория «женщины» и как женщины в своих индивидуальных жизненных историях соотносят себя с этой категорией.

В данной статье мы рассмотрим способы производства категории «женщина» через отожествление ее с телесным опытом материнства. Мы ограничим наше исследование историческим контекстом советского и постсоветского общества и используем преимущественно одного рода источников: полуструктурированных биографических интервью с женщинами и мужчинами, проведенных в Санкт-Петербурге в 1996—1997 годах³. Конкретный эмпирический материал — воспоминания женщин и мужчин о столкновении с дилеммой (материнство—аборт) в историческом

² Телесным в включенным во временной ряд, определенным исторически, но одновременно и индивидуальным переживанием (Vaidotti 1994: 175).

³ Общественное исследование «Советские матери» может служить наводкой примером использования материнства как социального ресурса. Это одно из немногих женских исследований современной России, которому не только удалось создать женскую сеть на территории практически всей страны, но и стать видным в публицистике и политическом простраивании (см.: Липовская 1994). Одним из центральных политических и моральных ресурсов этого исследования является материнство как особая форма женской социальной ответственности. Стигма материнства может быть проиллюстрирована и на примере набора профессиононального персонала на многие частные предприятия России: отказ принимать молодых женщин связывается с их нежелательной беременностью и рождением ребенка, а следовательно, с неспособностью полностью отдавать себя карьере с экономическими потерями для работодателя (см.: Баскакова 1998).

⁴ Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и культура инерции в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)».

контексте «советского общества», в котором «социальное и биологическое материнство стали частью друг друга (проникли друг в друга)» (Ritter 1999: 11), позволит увидеть конституирующую, принудительную силу социальной категории материнства в определении женщины и ее непосредственного связи с женским телом. Кроме того, мы сможем проследить, как эта категория кристаллизуется в биографическом повествовании об опытах отношений женщины с мужчинами, социальными институтами и другими женщинами.

Материнство и аборт в контексте постсоветского государства

Прежде чем обратиться к анализу эмпирического материала, кратко опишем макроконтекст, в котором определяется нормативная, репрезентирующая всех женщин константа «правильной женственности». Это описание будет строиться на основании влоричного анализа литературы о положении женщины в советской и постсоветской России. Нам будет интересно, какие социальные институты работают над созданием непротиворечивой категории женщины и осуществляют контроль над отклоняющимися случаями (альтернативными определениями «женского»). Другими словами, задача нашего анализа — «определить вес культурных институтов, которые интерпретируют внятомик» (Vaidotti 1995: 134).

Материнство как публичная ответственность

Послевоенная политика России первых десятилетий по отношению к женскому вопросу может быть охарактеризована лозунгом «Освобождение от домашнего и буржуазного гнета». Женщины были признаны активными создателями и полноправными членами «нового общества». Партийными организациями проводилась агитация по вовлечению женщин в общественную жизнь, обретению ими независимости от родственников и мужей и активному участию в деятельности Коммунистической партии. После Октябрьской революции 1917 года впервые в истории российского государства была предпринята попытка кардинально переопределить место женщины в публичном пространстве — сделать ее участником советского публичного мира. Однако ее центральная социальная функция — деторождение и материн-

ство — осталась неизменной⁵. Материнство было провозглашено социальной ответственностью женщины перед государством, т. е. ее публичной обязанностью, в отличие от дореволюционной приватной ответственности жены перед мужем. «Даже наиболее полевая ответственность советская феминистка А. Коллонтай утверждала, что материнство — это отнюдь не частное дело конкретной женщины, а государственная обязанность» (Лебина 1999: 283). Государство официально взяло на себя право определять и контролировать специфически женское предназначение. Теперь женщины должны были «отчитываться» перед государством в правильноности его выполнения.

В программе по освоению женщиной от гнета традиций вошли и меры по легализации абортов. В ноябре 1920 года советским постановлением Наркоматов юстиции и здравоохранения аборты были легализованы с одним ограничением: они должны были проводиться в государственных медицинских учреждениях. Общественная дискуссия 20-х годов об альтернативных абортам способах контроля над рождаемостью ограничивалась специальными брошюрами по гигиене и медицинскими публикациями. Эта проблема не стала предметом общественного обсуждения, в том числе в комсомольской и партийной прессе. Применение контрацепции не приличествовало незамужним женщинам, связывалось с левизнами (алкоголизмом, развратом) и нарушением «законов природы» (Найтан 1997: 111). В отличие от контрацепции проблема абортов довольно интенсивно дискутировалась в комсомольской и популярной прессе. Аборты там были представлены как «социальное зло», и их пагубные последствия описывались весьма красочно (Лебина 1999). Аборты, таким образом, с одной

стороны, были единственной реальной альтернативой материнству, его деструктивным воплощением, а с другой — эта альтернатива была публично осуждаема и наказуема.

Каким образом можно объяснить двойственный статус абортов в послереволюционной репродуктивной политике? Прибыль к ответу на этот вопрос мы можем, если предположим, что аборты несли функцию государственного контроля над выполнением женского предназначения. Этот контроль был «делегирован» медицине. Советская медицина стала тем институтом, который производил нормативную категорию «женщины (матери)» и наказывал (или прощал) отклоняющихся от нее⁶. Неслучайно в медицинской литературе 20-х годов женщина рассматривалась с точки зрения ее репродуктивной функции (Найтан 1997: 192). А многие врачи считали, что «страдания, причиняемые женщине во время операции по искусственному прерыванию беременности, — необходимая расплата за забавление от плода» (Лебина 1999: 284, Мавролла 1993: 62).

Государственный контроль над материнством функционировал по-разному по отношению к разным группам женщин. Вместе с разрешением абортов были разработаны критерии, по которым некоторым категориям женщин предоставлялось приоритетное право аборта. Первыми в списке допущенных к абортам были замужние работницы и одинокие матери, т. е. те, кто уже выполнял свою материнскую задачу, и те, кто не имел материальной поддержки от отца ребенка (см.: Goldman 1991). Таким образом, детальный аборт чаще всего делали семейные «матери» либо со-

⁵ Конечно, нельзя утверждать, что в послереволюционной России не проводились попытки отделить функцию деторождения от социального материнства (Laribus 1977: 130). Одним из примеров противоречивого отношения к воспроизводству и воспитанию детей как женской функции может служить изданная дискуссия о материнстве в литературе периода НЭПа. Деторождение считалось в ней, с одной стороны, важной составляющей построения нового общества, с другой — патриархальные традиции, которые передавались матери ми детям, рассматривались как причина торможения социальных перемен. Матери считались носительницами прошлого, от которого необходимо было избавиться. Двойное отношение к материнской обязанности женщины исчезло, однако, к концу 20-х годов. Материнство стало одобряемой и центральной категорией женственности и женщины, показателем прогресса и благополучия общества (Найтан 1997).

⁶ Профессиональная медицина успешно адаптировалась в качестве единственной легитимной инстанции контроля над женским телом, в основном, в крупных городах. В сельской местности она долго время была практически недоступна. Кроме того, практика медицинского аборта должна была завоевывать монополию на материнское тело, конкурируя с традиционными, не контролирующими государством повзвальными абортами. Стратегика первых послереволюционных десятилетий показывает, что контингент тех, кто прибегал к нелегальным абортам, и тех, кто делал их легально, практически не различался по социальному составу (Goldman 1991: 262). Это подтверждает факт «нормальности» и распространяемости нелегального аборта во всех слоях советского общества. Медицинский контроль женского тела был ослаблен на периферии страны. В республиках Средней Азии, в которых медицина не только была призвана стабилизировать представление о нормальном женском теле, но и символизировала антиреволюционный мир социалистического прогресса в противоясственном смысле слова, она так и не смогла стать определяющим женщину институтом (Michaels 1998).

циально несостоятельные, «недостойные материнства» женщины. Для обеих групп медийский аборт остался и позднее наиболее доступным и принятым способом репродуктивного контроля. Преимущественно эти две группы стали целевыми для дальнейшей государственной политики материнства, предлагающей возвращение семьи и воспроизводство характерного для советского периода гендерного контракта⁷ «работающей матери», с ударением на последнем слове (Temkina and Rokitch 1997, см. также: Zdatovskisova 1999, Ис 1999).

Официальное запрещение аборт в июле 1936 года, а не только их моральное осуждение, показывает, что к 30-м годам в России сложилось однозначное, нормативно закрепленное представление о женском предназначении (Fitzpatrick 1999). В последующие десятилетия происходит законодательное укрепление семьи посредством усиления процедуры развода, закрепления, в том числе материальной, ответственности родителей за воспитание детей (см.: Fitzpatrick 1977). Семья с мужжиной во главе снова (как в дореволюционные времена) провозглашается исключительным местом матери, в котором она защищена от «непредвиденных ударов судьбы», но и обязана быть настоящей хозяйкой и хранительницей очага. Идеал патриархальной семьи не был, однако, реализован из-за начавшейся Второй мировой войны, как и не было достигнуто искоренение абортов. Они оставались массовым средством регулирования рождаемости. Число криминальных прерываний беременности непропорционально возросло в период их запрещения и послужило одной из причин нового разращения медицински контролируемого аборта в 1955 году.

Закрепление материнской ответственности в рамках семьи

В 60—70-е годы практика абортов продолжает оставаться общепринятым способом регулирования рождаемости. Удивительно, что повинуясь к этому времени возможность использования контрацептивов не пропагандируется медицинскими учреждениями в качестве менее болезненного способа предохра-

нения. Даже при репродуктивном выборе женщины в пользу контрацептивов оказывалось, что они являются дефицитным товаром (Bridger 1992: 182). Медицина, таким образом, продолжает сохранять функцию государственного контроля над женским телом, пытаясь репрессивными или пропагандистскими способами принудить женщину к выполнению ее предназначения.

В это время намечаются, однако, некоторые изменения в официально определенном центральном социальном институте, распоряжающемся материнством. Начавшаяся еще в 30-е годы политика укрепления семьи и семейных ценностей находит свое продолжение в так называемой «семейной программе» (см.: Баскакова 1998) конца 70-х годов. В ней материнские функции закрепляются за женщинами при помощи позитивных санкций⁸. В рамках программы были приняты специальные меры по созданию наиболее благоприятных условий сочетания профессиональных и семейно-бытовых обязанностей, меры по охране труда и здоровья женщин, правовой защите, материальной и моральной поддержке материнства и детства. До конца 80-х все эти меры разрабатывались в рамках семейной политики, однако реально они защищают только матерей.

С началом хрущевской политики «повышения роли советской семьи» усиливается ее контролирующая функция по отношению к материнству. При этом семья ассоциируется преимущественно с женщиной и женским и противопоставляется государственному, публичному (Воронина 1993). В этот период в Советском Союзе начинается, по словам западных феминисток (напр., Elisabeth 1997, Venhahr 1995), процесс приватизации женщины. Материнство и аборт постепенно прекращают нести функцию публичного (в советском варианте — государственного) действия. Они становятся «приватными семейными решениями», осуществляемыми

⁷ Семейная политика 70-х годов отпичается, однако, от политики возвращающей семейные ценности 30-х годов. В 30-е годы с помощью нового семейного законодательства была сделана попытка не только закрепить за женщиной ее материнскую функцию, но и вернуть мужчине-хозяину в поно законной семьи и юридически закрепить за ним материальную отцовскую ответственность (Fitzpatrick 1999: 162), снова сделать мужа способным контролировать женское тело. В 70-е же годы отпичается ответственность за детей и ответственность мужа за семью (женщину) больше не были политической целью. Это подтверждает законодательное обязательство прощедуры развода в 1968 году (Слепешев 1991: 275). Семейная политика 70-х годов концентрировалась исключительно на вопросе материнства и его государственной поддержки (Buckley 1981: 44—47).

с помощью практики легальных медицинских абортов. Государство продолжает «осуждать» аборт, однако, как мы покажем при анализе эмпирического материала, он обретает статус «нормальности» в женском опыте.

Материнство как индивидуальный моральный выбор

Определение женщины в государственной политике посредством «приватного (семейного) материнства» еще более утверждается в постсоветский период, когда советский гендерный контракт «работавшей матери» начинает терять свое легитимное основание. Материнское предзнаменование женщины, в соответствии и проблема абортов, политизируются⁹. В публичных дебатах миф о материнстве и призыв вернуться к истинной ответственности у домашнего очага используются для того, чтобы, с одной стороны, нарисовать картину идеального существования женщины, с другой — чтобы дискредитировать советское государство, показать его неспособность обеспечить нормальное функционирование общества. Аборты же и низкая рождаемость становятся показателями кризиса постсоциалистического государства: «Рост материнской и детской смертности наряду со снижением уровня рождаемости и ростом числа абортов могут означать, что достигнут предел способности женщины выдерживать кризис» (Вабаева 1997: 97). Появляются альтернативные государственному определению женщины: от феминистской идеологии — до религиозных доктрин.

В этом публичном контексте изменяется социальное значение абортов. С 90-х годов государство утрачивает контроль над репродуктивным поведением. Отчасти это связано с процессом коммерциализации медицины. Для большинства частных и государственных медицинских учреждений женщины становятся клиентами, а аборт — платной профессиональной услугой. Практика медицинского аборта перестает играть роль физического наказания, скорее она приобретает статус сервисной службы по реализации индивидуальных решений. Потери монополии государства на репродуктивный контроль связана и с распространением альтернативных

форм контрацепции, не требующих прямого медицинского вмешательства¹⁰.

Государство в этих условиях пытается установить новую форму контроля над репродуктивной с помощью медицинского контроля над предохранением. Для этого создаются новые медицинские учреждения — «Центры планирования семьи»¹¹. Их целью является просветительская работа и консультирование женщин по вопросам контрацепции (Ерофеева и Савельева 1998). Для «нового поколения гинекологов» аборт становится показателем сексуальной безграмотности женщин, но одновременно с этим и практической единственной способом локализовать ту группу, которой необходимо сексуальное просвещение. «Получить информацию о последствиях аборта, о необходимости контрацепции, вообще обратиться к планированию семьи можно только в тех случаях (да и то не всегда), когда принято решение сделать аборт» (Пребешева, Камсюк и Алесина 1996). Признание того факта, что новый способ медицинского контроля над материнским телом (просвещение) возможен только в случаях, когда женщины прибегают к конвенциональной практике абортов, показывает несоответственность попыток государства удерживать монополию на нормативное определение *матери-женщины*.

Изменение социального значения аборта, легитимизация разных публичных определений женщины и смещение ответственности за репродуктивный выбор в сферу индивидуального приватного женского (или семейного) решения позволяют предположить, что материнство перестает быть единственно возможными и не вопрошаемым ядром категории женского, а скорее приобрета-

¹⁰ Распространение альтернативных форм контроля над рождаемостью кардинально изменяют, по мнению феминистского социолога и философа Рози Брайдотты, отношения пола (сексуальности) и воспроизводства. Новые способы контроля над рождаемостью поставили сексуальность и воспроизводство в прямое противоречие друг другу, в состоянии действующего парадокса (Bridotti 1994: 42). Они повлияли на то, что материнство начало терять статус естественного следствия сексуальной женской активности и приобрело характер контролируемой телесной функции, планируемого события.

¹¹ Планирование женские консултации стали рассматриваться государством как не соответствующие современным стандартам работы с женщинами. На смену должны были прийти «Центры планирования семьи», концепция которых была разработана в Федеральной Программе по планированию семьи. В настоящее время в России существует около 200 таких центров (Пребешева, Камсюк и Алесина 1996).

⁹ Политически следует понимать в этом тексте как вынесение дискуссии о женском предзнаменовании в публичное пространство (политику, средства массовой информации и т. д.).

ет статус индивидуального решения. В рамках постсоветской политизации *истинно женского* материнство морализируется. Материнство становится предметом индивидуального морально-го выбора, необходимость которого предписывается как государством, так и другими носителями новоявленных гендерных идеологий.

Итак, на основании краткого анализа макроконтекста мы можем увидеть, как изменяется нормативное определение *женщины* вместе с изменением роли институтов, контролирующих материнское тело. Обобщенно изменения эти можно описать следующим образом: от *матери-женщины* к *женщине-матери*; от жесткого государственного контроля к моральному регулированию. Другими словами, нормативное, государственное определение материнства как основополагающей и обязательной характеристики женщины, воплощенное в медицинском контроле над женским телом, и поощрение материнства в семейной политике советского государства сменяются моральным материнством. Такое материнство провозглашается результатом морального выбора, и это определение становится приоритетным. Перед нами стоит задача выявить, каким образом женщины соотносят себя с категорией материнства в рамках советского и постсоветского контекстов?

Мораль как аналитическая категория (краткий теоретический экскурс)

Исходя из анализа макроконтекста, мы предположили, что проблема абортот и материнства индивидуализируется и морализируется в постсоветский период. Означает ли это, что и категория женщины становится моральной категорией? И стояла ли она вне морали в советское время? Прежде чем говорить о морализации материнства в постсоветском контексте, необходимо выделить «аналитический вес» и функцию морали в сохранении и изменении социального порядка.

Для начала обратимся к работам Дж. Бергмана и Т. Лукмана, рассматривающим мораль, с одной стороны, как категорию социального анализа, а с другой — как повседневный социальный феномен (Bergman and Luckmann 1999). Они различают два вида морали: так называемую высокую и повседневную. Первая канонизована, определена непротиноренсивными нормами и распространяется на всех, подающих под моральную категорию. Вто-

рая подвижна и зависима от конкретного социального контекста, она кристаллизуется в процессе повседневного взаимодействия. Повседневная мораль связана с социальными действиями. «Переживаемая» категория, которая существует в поступках и реальных индивидуумов, в их коммуникативных актах (Bergman and Luckmann 1999: 18). Ее характеризуют три основные черты. Во-первых, это возможность оценки происходящего в категориях *истинного* и *ложного* (*плохого* и *хорошего*). Во-вторых, это приписывание оценки не действию как таковому, а действующему субъекту¹². Только в этом случае повседневная ситуация является морально чувствительной. Третья характеристика повседневной морали дополняет две первые. Она заключается в возможности выбора субъектом нескольких способов действия, следовательно, и в возможности приписывания ответственности действующему лицу за прозвезденный выбор.

Характеристики так называемой канонизированной морали могут быть прояснены при помощи понятий, разработанных американским антропологом Мари Дуглас (Douglas 1998) и адаптированных в социологии Робертом Вулфом (Wulfov 1987). Драматизация морального порядка, способ показать его, сделать видимость в публичном пространстве. Он различает два механизма провозглашения канонизированной (публичной) морали: идеологию и ритуал. Оба механизма непосредственно связаны с государством, которое представляет собой центральный институт, закрепляющий социальные отношения. Государство посредством законодательной нормативной системы регулирование определяет институциональные пространства, в которых рождаются идеологии. Идеология выражает непротиноренсивную картину социального существования, мораль и приводит в действие идеи, которые высказаны в идеологическом ритуале и идеологии моральный порядок «формируется», защищает себя от повседневности, которая ставит его под сомнение благодаря своей неопределенности.

¹² Например, когда кто-то соглашается на хирургическую операцию по удалению аппендикса, то повседневная оценка ситуации не подразумевает квалификации аборту, то есть обуславливается женщиной и ответственность как таковая, т. е. «моральное суждение объединяет то, что в есть, и то, что я делю» (Wulfov 1987: 73).

Хотя Р. Вутнов часто использует категорию «моральный порядок», он не дает ей однозначного определения (так же, как и М. Дуглас). Скорее всего, универсальность данной категории дает такое определение невозможным. Очень обобщенно моральный порядок можно описать как совокупность правил, по которым социальные отношения делятся на легитимные (допустимые) и маргинальные. Для нас же более важно, что моральный порядок можно считать способом разделения и консолидации социальных групп. Согласно исследованию М. Дуглас, эта функция морального порядка реализуется через «моральный код» — латентное основание участия в определенных действиях. Моральный код манифестируется в канонизированной (государственной) морали благодаря приписыванию определенной группе центральной социальной функции и закреплению этой функции в определенных институциональных пространствах. Так, для женщины могут быть допустимы различные роли, но центральной, как утверждается в данном исследовании, является материнство. В повседневности же моральный код манифестируется с помощью приписывания ответственности определенным персонам за определенные действия и отожествления этих персон с их действиями. То есть каждая социальная категория обдаёт своим моральным кодом, согласно которому оформляются моральные предписания и действует единая система ценностей. Этот код является ядром моральной коммуникации и требует от тех, кто включен в данную категорию, умения показывать лояльность в отношении соответствующих норм (Douglas 1998: 79). Кроме того, моральный код производит «объекты моральной вовлеченности» (Whitlow 1987: 71), которые являются единственной легитимной причиной и оправданием действия. И последнее, моральный код создает властные символы, эксплицитные источники морального авторитета. Источники их власти заключаются в том, что они символизируют важные культурные связи внутри социальной группы и между группами (Whitlow 1987: 73).

В рамках этого аналитического аппарата мы можем интерпретировать советский и постсоветский макроконтекст как период, для которого характерна определенная канонизированная мораль в отношении *женщины*. Все женщины объединяются в одну социальную категорию с помощью морального кода материнства, который до сих пор остается центральным в определении женского. В советский период в рамках институтов семьи и материнства материнство драматизируется посредством идеологии материн-

ной ответственности за деторождение и воспитание, институционализированного ритуала медицинского аборта, ритуализирование и мистифицирование беременности¹³. В постсоветский период моральный код материнства теряет свою однозначную институциональную локализацию, а следовательно, ставится под сомнение соответствующими идеологиями и ритуалами. Теряет ли он при этом свою повседневную моральную принудительную силу? И если да, то как можно распенять наше предположение, что именно в постсоветский период материнство становится индивидуальной моральной проблемой? Попробуем сформулировать вопрос в более общей форме: что происходит с категорией «женщина», определяющейся через моральный код материнства, когда ослабевает институциональный контроль над материнским телом?

Объекты моральной вовлеченности: ребенок, беременность и полноценное материнство

Проведенные нами интервью с женщинами и мужчинами позволяют отнести к одному из видов повседневной коммуникации. Интервью проходили в большинстве случаев в привычном для респондентов контексте (у них дома, в кафе, дома у интервьюера, довольно редко — на рабочем месте), часто интервьюеры были хорошо знакомы респондентам. Ход интервью был слабо структурирован и зависел от генерированных самими респондентами тем. Несмотря на это, структура коммуникации в интервью не являлась эгалитарной: респонденты, так или иначе, *должны были* отвечать на вопросы интервьюера. Институциональная позиция интервьюера-исследователя пронизывала структурное коммуникативное неравенство, склонное превратить рассказ о жизни в стратегию объяснения верности поступков и значимости событий. Логично предположить, что возможность появления оправдательной стратегии должна увеличиваться, когда респондент заходит о морально чувствительных категориях или о случаях «нарушения» морального предписания. Такими морально

¹³ Одна из наиболее интересных работ о ритуализации и сакрализации беременности в русской и советской культурах была проделана Т. Цепнянской (1996). Она описывает ситуации во время беременности, в которых женщина и ребенок рассматриваются как практически не отделяемые друг от друга, как единый субъект. Сакрализация беременности дает возможность моральной оценки любых форм поведения женщины.

окрашенными становились рассказы о беременности и детях, реже — темы аборт.

Рождение ребенка как жизненная цель или важный биографический опыт являлся, исходя из проанализированных интервью, одной из тем, конституирующих сексуальную женскую биографию¹⁴. Анализ фрагментов интервью, касающихся темы деторождения, показывает, что между рассказчицами и интервьюерами (как мужского, так и женского полов) существует неозвученное соглашение по поводу привилегированной роли ребенка в жизни женщины. В женских интервью беременность и деторождение представляются как события жизни¹⁵, которые описываются достаточно подробно (либо по просьбе интервьюера, либо в самопроизвольных нарративах рассказчиц). Значение этих событий постоянно подчеркивается тем, что им приписывается способность изменить всю жизненную констелляцию, переопределять статус женщины в системе социальных отношений. Повседневный моральный вес беременности и рождения детей усиливается тем, что женщины связывают эти опыты с определенным собственным специфическим женской сущности. Это значение не меняется в зависимости от возраста рассказчиц, более того, оно даже усиливается у молодых женщин, так как является не пережитым опытом, а нормативным ожиданием. Вот одна из наиболее красочных иллюстративных записей «материнского» опыта в женской биографии:

«Почему я рожу ребенка? А, наверное, потому, что это единственное, чего мне в жизни не хватает. То есть это единственное, наверное, счастье, которое мне осталось испытать, т. е. рождение ребенка и смерть моих близких».

Высказывание двудлительней Валерии показывает, прежде всего, нормативную обязательность опыта материнства для женщины, его место в женской биографической констелляции, которая становится неплющенной, ущербной при его отсутствии.

¹⁴ Анализ связи материнства и сексуальности в рамках социального проекта женственности не принадлежит к кругу вопросов, обсуждаемых в этой статье. Ответ на него требует фундаментального анализа устойчивых социальных способов обхождения с женским телом и его репрезентирования.

¹⁵ Жизненное событие понимается в данной статье как значимый для рассказчицы биографический факт. Его значимость определяется не реальностью и драматичностью происшедшего, а постоянным присутствием события в биографическом повествовании (подробнее о конституировании события в нарративах см.: Ваулин 1986).

Ущербность женской биографии при отсутствии опыта материнства сопоставляется с ущербностью женщины как таковой:

«Но именно так я жила. Но я тебе могу сказать, если тебя это интересует, сожалено ли я там, что у меня так сложилось? Да, сожалено. Потому что я не выжила, я считала, главного предназначения женщины — я не родила ребенка» (Марина, 57 лет).

«Желание иметь ребенка» как тема биографического повествования помещается за пределы реальных жизненных обстоятельств. Оно представляется как чувство, которое должно постоянно сопровождать женщину на ее жизненном пути. Для многих это желание является показателем характера (или даже основной) отношений с мужчинами:

«От каждого, в кого я влюблялась, я хотела ребенка. Тогда это больше было, что я хочу ребенка от него. Но это регулярно случалось с каждым, в кого я влюблялась, если не считать случайных, действительно, связей» (Гая, 27 лет).

Ребенок в нормативной конструкции материнства служит объектом, при помощи которого действия женщины могут быть оправданы или осуждены, на которого женщина ориентирует свои жизненные планы, способна организовывать свою повседневность и связи со «значимыми другими».

Определяющим опытом, маркирующим необратимость трансформации женщины (девушки) в мать, выступает беременность. В повседневно моральном представлении беременность заканчивается материнством и замужеством. Связь будущей матери с ребенком при этом играет центральную роль в рассказах женщин о беременности. Некоторые пытаются установить ее уже в первые месяцы после зачатия, проявляя заботу о воспитании личности ребенка, задолго до его рождения:

«Ну, когда я была беременна от С., то я, во-первых, водила его (будущего ребенка. — Т. Б.) в филармонию со второго месяца, все думала, что музыку классическую... Уже, как бы, вступила сказки читала, как бы, все время, вот, уже ела все такое, все самое замечательное, вот, и уже думала, его романтизировала, как бы, так... ну и... это начинается просто с первого дня зачатия...» (Мая, 42 года).

Другие устанавливают связь с ребенком, отказываясь от тех форм поведения, которые считаются вредными для беременной женщины: курения, употребления алкоголя, участия в молодежных развлечениях (или даже отказываясь от социализации с такими формами поведения):

«Вокруг Анечки ходит мама, которая машет ручками и говорит: не курите, не курите, не курите, Анечка беременна! Вот, и Анечка, значит, с достоинством, с чувством величия говорит о том, что — да, вот, она беременна, вот, она будет рожать ребеночка!» (Поэз. 32 года).

И хотя способы установления связи (будущая) мать — ребенок очень разнообразны, все они ориентированы на достижение статуса *полноценной матери*, в центре которого находится неприкосновенность ценности ребенка¹⁶.

Полноценное материнство связывается в интервью с предписанными и практикующими способами правильного обхождения с беременным телом¹⁷. Правила обхождения с телом во время беременности различаются в зависимости от принадлежности к той или иной социальной среде или от нахождения в том или ином социальном контексте. *Теснота* (сакрализация беременного тела) является, однако, тем общим основанием, на котором полноценное материнство только и может быть реализовано. Тело беременной женщины становится автономным субъектом со своими собственными желаниями, капризами, потребностями и ответственными социальными связями. Женщина трансформируется в репрезентанта беременного тела, озвучивает его потребности и реализует их, она теряет легитимное основание проявлять «собственные желания» и доживает в буквальном смысле «полностью посвящая себя будущему ребенку»¹⁸.

¹⁶ В петербургских троллейбусах до сих пор часто можно наблюдать, как пассажиры начинают разговаривать с месячными мальчишками, обращаясь к ним матерно. Другой пример — матери, рассказывающие о своих детях в форме «кля»: «У нас сегодня насморк». Матери и дети рассматриваются как не отделимые друг от друга, как единое тело.

¹⁷ Подробно о способах институциональной предписанной обхождения с беременным телом см. статью Юлии Винозеровой в настоящем издании.

¹⁸ Истории беременности, выходящие за рамки нормативной конституции материнства, часто описываются как болезнь, от которой необходимо избавиться как можно скорее, то, что нужно перетерпеть, как нужно перетерпеть другие социально маркированные «специфически женские» телесные проявления, например менструальные боли. Такие описания можно интерпретировать как реакцию на принудительную телесность материнства, на потерю субъективности. Метафора болезни при этом не случайна. Так же как и при болезни, беременность делает тело центральным объектом социальных отношений и определяет всю жизненно ситуацию его «обладательница».

Тело полноценной матери помещено в институциональный контекст семьи, который делает желание иметь детей, беременность и материнство реально обоснованным и легитимным. Семья является тем условием, при котором ребенок имеет не только хочется, но и разрешено, даже необходимо:

«В данный момент я не хочу забеременеть. Но с мужем я очень хотела детей. Мы даже лечились вместе. У него тоже были проблемы в этом плане. От мужа я, конечно, очень хотела детей. Сколько я слез пролила. Если бы у меня было все в порядке, у меня, наверное, было бы уже трое детей» (Валя, 31 год).

Итак, мы выделили три центральных условия, при которых материнство становится полноценным: во-первых, оно предполагает ориентацию жизни и желаний женщины на ребенка; во-вторых, полноценное материнство может быть реализовано только в семье; в-третьих, достижение статуса полноценной матери предполагает сакрализацию и нормирование беременного тела женщины. Эти составляющие конституируют *модель полноценного материнства* в повседневной коммуникации и соединяются в один нарратив в рассказах о беременности. Опыт беременности манифестирует моральный код материнства как способа «обезличивания» женского субъекта и превращения его в нормированное материнское тело и как центрального способа структурирования женских биографий через их ориентацию на ребенка.

Моральные авторитеты: муж/чина, мать и мелшница

Описание модели полноценного материнства останется недостаточноым, если мы не рассмотрим роль так называемых «значимых других» (социальных институтов или персон) в ее создании. Анализ роли центральных социальных связей, включенных в рассказы о беременности и деторождении, поможет нам увидеть, что полноценное материнство создается не через интернализацию приспосабливаемых женщинам абстрактных моральных норм (как это может показаться из предыдущего описания), а благодаря повседневному распределению ответственности и компетенций. Интервью показывало, что это распределение происходит во взаимодействии женщин с тремя значимыми акторами: мужчиной (мужем или сексуальным партнером), матерью и мелшницей.

В отличие от сексуальных женских интервью, интервью с мужчинами содержат непропорционально малое количество упоминаний о ситуациях, которые могли бы относиться к темам беременности, деторождения, отцовства и воспитания детей. Тем не менее, скудные рассказы мужчин об этих опытах довольно четко проясняют их позицию в ситуациях принятия решения о рождении ребенка и о предохранении, при беременности их подруг и жен. Можно выделить несколько способов отношения мужчин к таким ситуациям: отстранение и непричастность (позиция *мужчины неведомого*), «активное участие» (позиция силы последнего слова), абстрактное морализирование (позиция охраняющего истинное материнство). Все эти способы связаны с ситуациями, в которых мужчины каким-то образом необходимо определить свое отношение к беременности партнерши, подруги или знакомой. Подробнее они будут рассмотрены ниже. В данном случае нас интересует та область отношений, в которой мужчины практически не участвуют: практики контрацепции и ответственность за них.

О предохранении как в женских, так и в мужских интервью без «подсказок» интервьюера не рассуждается. Вынесенные этой темой за рамки достойного рассказа о сексуальной биографии дают повод предположить, что, по мнению партнеров, предохранение не относится к области сексуальности, как бы последние ни поминались рассказчиками. Другими словами, предохранение в парах не находится в области совместного сексуального опыта, а скорее принадлежит к правилам обхождения с потенциально материнским телом. Это предположение может быть подтверждено косвенными доказательствами. Во-первых, средства предохранения в парах рассматриваются в большинстве случаев как средства предохранения от беременности, а не как способы уменьшить риск венерического заражения себя и партнера. Во-вторых, предохранение от беременности как обща проблема не обсуждается, более того, часто о нем не говорится в парах вообще. Чаще всего регулярно предохраняются только женщины, мужчины же, если и используют средства предохранения, то только при случайных связях¹⁹. Приведем один из наиболее типичных примеров

¹⁹ В интервью с мужчинами предохранение рассматривается как практическая стратегия только при индивидуальных рисках, когда не ясно, основываясь на версии. Но и эта стратегия применяется только в крайних редких случаях, особенно у старшего поколения рассказчиков (для сравнения см.: Holland et al. 1998).

тематизирования предохранения в интервью с мужчинами и женщинами:

1. «А предохранение, вы как этот вопрос решаете?»

— Ну, предохранение, я сейчас с этим не общаюсь, поэтому от них мне предохраняться не надо. А от своих, которые ну, поперости когда начинаешь общаться, то, конечно, предохраняться. А потом предохранение если только от зачатий, и то...» (Дмитрий, 40 лет).

2. «Перед тем как вступить в контакт с женщиной, ты думаешь, что она, там, может забеременеть?»

— Нет, как это ни плохо, но не думаю.

— А если она забеременела и потом тебе позвонила и сказала: вот дорогая?

— Ты знаешь, честно говоря, я ей отвечаю: знаешь, дорогая, это — твои проблемы, если это был какой-то случайный контакт, когда мы вместе завалились, это была обычная инцидента.

— То есть ты, как бы, не делаешь ничего, для того чтобы женщина не забеременела?

— Ну, они меня об этом не просят» (Миша, 25 лет).

3. «Как вы предохраняетесь?»

— Мы давно не виделись, сейчас я без партнера, а ему было все равно: предохраняюсь я — не предохраняюсь, это была моя проблема» (Любовь, 39 лет).

4. «Ну, он считал, что я не настолько необразованна, вот, и поэтому он не вел со мной таких разговоров и старался уловиться, что я не знаю таких элементарных вещей...» (Мая, 48 лет).

Итак, и мужчины и женщины предполагают, что средства предохранения должны регулировать, рутинно применяться только как средства обладания знанием о способах «избежать беременности», правильно применять эти знания. Следовательно, именно женщины несут ответственность за возможную беременность. Мужчины же, исключенные из сферы ответственности за потенциальное материнство, находят себя поставленными перед фактом «неожиданной» беременности партнерши и вынуждены регулировать на случившееся. Итак, регулирование потенциального материнского тела закреплено за женщинами и практически недоступно влиянию «другого пола». Кто же, кроме самих (потенциальных) матерей, участвует в регулировании женского тела?

Как мы уже выяснили из описания макроконтекста, советская государственная медицина являлась центральным институтом, контролирующим материнское тело. Для осуществления этого контроля уже в послереволюционное время были организованы специальные медицинские учреждения — женские консультации и родильные дома²⁰. Название «женские медицинские учреждения» (женские консультации) можно понимать буквально: они состояли в большинстве своем из обслуживающего персонала женского пола, их клиентами также были только женщины; они были не только функционально, но и пространственно отделены от других видов медицинской помощи. В этом смысле женская медицина составляла тмосоциальные институциональные пространства, доступ в которые мужчинам (непрофессионалам) был до недавнего времени практически закрыт.

Из социологических исследований медицины известно, что одной из функций этого социального института является установление социальной нормы и патологии и закрепление нормы через стандартизированные телесных проявлений патологии, «болезни» (стандартизированные симптомов, методов диагностики²¹). Для советских и многих постсоветских женских медицинских учреждений эта функция дополняется репрессивной компонентой, моральным наказанием патологии. Женская медицина в России выступала исполнительным органом публичного морального порядка. Она имела репрессивный характер. Функции морального авторитета репрессивной женской медицины реконструируются в рассказах об известной, наверно, всем российской женоподобности и жестокости медицинского персонала в абортариях (*«врачи же может все что угодно не пощадить: что ногти у пациентки стиком длинные, что очень уж толстая, что лежат не так...»*) (Сенли 1999: 22). Кроме этого, репрессивный моральный авторитет медицины проявляется в рассказах о взаимодействиях врачей и пациенток по поводу техник предохранения, диагнозов «женских» болезней и по другим

²⁰ Интересно, что для мужчин подобных медицинских учреждений не существует. Более того, в отличие от профессии гинеколога, профилированной по направлению специализации на «специфических женских» проблемах, «специфическая мужская» специализация в медицине отсутствует.

²¹ См.: Labisch 1989, Rosenhan 1990.

поводам. Приведем в качестве примера диалог между молодой пациенткой и пожилой женщиной-гинекологом²²:

«Врачиха» спрашивает сначала о том, есть ли у пациентки постоянный партнер и где она живет. Потом она спрашивает, были ли у пациентки аборты. Пациентка отвечает отрицательно. «Но почему же нет, если у Вас есть постоянный партнер?» Потому что пациентка принимает таблетки. «Что? Вы принимаете гормональные контрацептивы? Разве Вы не знаете, насколько они вредны? Насколько абортов в жизни менее вредны, чем гормональные контрацептивы. И вообще, если уж у Вас есть постоянный партнер, Вы бы за него замуж выходили. Вам нужно знать, что замужняя женщина с гинекологическими заболеваниями может идти по улице с вьско поднятой головой, а незамужняя женщина должна этого стыдиться» (Ваши 1993: 74).

В речи гинеколога поведение молодой пациентки кодируется в терминах нормального и патологического, достойного и постыдного, вредного и полезного для здоровья. Забота «врачиха» о здоровье пациенток не является морально нейтральной, она соответствует представлению о привычном и приличном теле женщины, его проявлениях и связанном с ним поведении.

Итак, медицина (в отличие от мужчины-партнера и/или мужа) является легитимной институцией морального авторитета и активно участвует в процессе принятия решения «за» или «против» предохранения, «за» или «против» деторождения. Медицинская процедура также служит институцией наказания за отклонение от полноценного материнства, что наиболее ярко иллюстрируется способами телесного и дискурсивного обожжения с женщинами в советских абортариях. При дальнейшем анализе мы увидим, что репрессивная функция и моральный авторитет медицины в постсоветский период теряют часть своей силы, особенно для молодых рассказчиц.

Мать

Медицина в биографиях многих женщин выступает как контролирующая репрессивная институция, источник страха и боли, карательный орган. Соприкосновение с ней происходит неохотно и редко, в основном, только в «безвыходных» ситуациях. Совер-

²² Разговор состоялся в начале 90-х годов в государственной женской консультации одного из крупных российских городов.

ленно другую степень и вид влияния на материнские опыты имеют матери самих расказчиц и их партнеров. Они являются важнейшими действующими лицами в определении значимости каж-додневных ситуаций «материнства». Их авторитет в вопросах предохранения, деторождения и воспитания распространяется не только на дочерей, но и на сыновей. Для мужчин этот авторитет, однако, не имеет такой реальной повседневной силы, по крайней мере в данных вопросах. Авторитет матери чаще используется мужчинами как референция к абстрактной моральной инстанции в описании ситуаций «отношений между полами» или как моральный аргумент в попытках убедить или пристыдить партнерашу:

«Да. Чтоб своего ребенка иметь. Он очень хотел. Но мы жили, вот, на этой Кольме несчастной в этом домике, который так-какот в лесу с места на место. Он: "Моя мама меня в палатке родила!"» (Мад, 59 лет).

Для женщин же одобрение или неодобрение их действий со стороны матерей непосредственно связано с оценкой их собствен-но женской самостоятельности. Из того же интервью:

«Потом, когда он полюб, свекровь меня утратила, что, мал, и вичучонка не осталась. Но... она была недоважна. Она мне ничего не говорила, она была умница вообще-то! Но она была недоволь-на, конечно, его женимбой...».

В интервью матери выступают не только носителями авторитета, но и проводниками специфического знания о надлежащих способах «спрактикования» материнства. Они рассказывают сво-им дочерям об «опасностях» половых отношений или о том, как правильно пеленать ребенка, принимая роли опытных подруг или учителей, тайных советниц или нейтральных информаторов. Не-зависимо от разнообразия передаваемой матерями информации и способов ее презентирования, все они имеют одну общую состав-ляющую: девочки (женщины) получают селективное, принятое в определенной среде знание о том, что такое *материнство* и как с ним жить. Фильтрами этого знания являются матери.²³

²³ Для старшего поколения расказчиц матери часто были единственными источниками знания о «материнском». Для более молодых — в миру выступают и другие проводники — подруги, средства массовой информации, профессиональ-ные консультирование. Их появление в интервью разнообразит селективность влия-ния матерей. Матери являются проводниками нормативного или передаваемо-го из поколения в поколение знания внутри семьи, подруги, средства массовой информации, профессионалы добавляет к этому «технические», «адаптивные» и прочие знания (например, о женском сексуальном удовольствии).

Экспlicitное право матерей на повседневное обучение до-щерей быть достойными будущими (или настоящими) матерями исключает мужчин из сферы влияния, а также из сферы знаний, необходимых для того, чтобы коммуницировать, распознавать, а тем более участвовать в опытах *материнства*. В некоторых се-мьях мужчины сознательно исключаются из специфически женс-ких сфер деятельности и коммуникации:

«Моя мама была совершенно... ну это — поправляющая жен-щина, потому что они никак ничего не... она сказала: "Да? и как ты предохраняешься?" — Я говорю: "А вот, у него не может быть детей..." Вот, она сказала: "Да? А если с другими?" — Я говорю: "Ну, если с другими, я еще не знаю..." И моя мама принесла мне какие-то шарик и сказала, что, значит, перед актом нужно во влажную ввести эти шарик. Вот, эти шарик лежали у нас в холодильнике, и папа на них накрулся, сказал: "Что это та-кое?" — Мама сказала: "Это лекарство для..." В общем, да, вот это было замечательно..."» (Ката, 34 года).

Сознательное исключение отца из женского мира в семье ли-шает его права вмешиваться в этом мире коммуникативные ресур-сы и инструменты влияния, которые он имеет в других ситуац-иях, обладая статусом «главы семьи». В мире *материнства* отец не властен, потому что он не знает, из каких конкретных матери-альных, эмоциональных и практических составляющих создан этот мир.

Из осуждения роли значимых других в создании модели пол-ноценного материнства нам важны два вывода.

1. Мужчина, медицина и мать имеют различные степени влия-ния на материнские опыты и выполняют различные функции. Медицина является инстанцией подкрепленного государством морального авторитета, она нормирует, контролирует и наказыва-ет женское тело. Мать же принимает на себя функцию повседне-вого морального авторитета и источника знания о принятии об-ходжения с женским телом в рамках семьи. Мужчина, по всей видимости, не имеет доступа к непосредственному контролю над *материнством*: он исключен из участия в регулировании потен-циального материнского тела, ему закрыт доступ в пространство института женской медицины; он не умеет играть в игры под об-щим названием «дочки—матери». Остается невыясненным воп-рос: действительно ли возможность влияния мужчины-партнера на репродуктивный выбор женщины столь незначительна? А если

такими возможностями мужчина располагает, то каким образом они реализуются?

2. Систематическое исключение мужчины из мира *материнства* приводит к тому, что знание, навыки и ответственность, приобретенные в этом мире, становятся источниками женских социальных ресурсов, их инструментами манипулирования социальными отношениями, их моральной привилегией. Одновременно с этим германия женщин в мире *материнства* обеспечивает возможность безопибочного определения материнства и его референтов как *истинного мира женщины*.

Модель полноценного материнства создается посредством институционального (медицина) и повседневно (мать) произвоства эскизного женского мира и отстранения мужчины от участия в нем. Границы этой модели, однако, постоянно нарушаются реальными жизненными ситуациями: «непопулярными дочерьми», «развратными женщинами», «отцами-мамапами». Как же полноценное материнство восстанавливает себя?

Аборт — кто и зачем это делает: старая и новая мораль

Попытки женщин реализовать модель полноценного материнства осложняются, как видно из женских биографий, реальными жизненными обстоятельствами, которые расшатывают сами основы этой модели. Например, табуирование темы предохранения в общении с матерями приводит к тому, что женщины, которым приписывается ответственность за репродуктивный контроль, не обладают соответствующей компетенцией. В другом случае желание женщины иметь ребенка не соответствует ее семейному статусу, что приводит к «несостоявшемуся материнству». Наиболее триггерный пример нарушения норм морального материнства — отказ женщины от деторождения вследствие осознания структурных отрываний современного общества. Несмотря на повседневно нарушение модели полноценного материнства, нормативные предписания восстанавливают эту норму при помощи различных механизмов. Одним из них является практика абортов.

Ниже мы рассмотрим функцию абортов в модели полноценного материнства. В начале анализа эмпирического матернала уже было сделано замечание о том, что в интервью аборты не являются объектом прямой морализации (в отличие от морализации беременности и ребенка). Тема абортов становится морально коннотированной только в связи с дискурсом материнства. Анализ

рассказы об абортах, мы, кроме того, можем заметить, что их моральный вес различен для интервьюируемых женщин и мужчин разных поколений. Каким образом можно интерпретировать эти различия?

Советский аборт

Первое и основное различие, которое нам необходимо сделать, чтобы обогатить аналитическую работу над рассказами женщины и мужчин об абортах, основывается на анализе макроконтекста и предположении о различном статусе абортов в советский и постсоветский периоды. Советский аборт, как мы выяснили в первой части статьи, был практически единственным легальным и одновременно публично осуждаемым способом регулирования рождаемости. Практически каждая женщина²⁴, активная сексуальная жизнь которой приходилась на советский период, пережила аборт. Однако совсем не для каждой из них аборт был моральной проблемой. Мы можем выделить несколько способов тематизирования абортов у «советского поколения» женщин.

А. Аборт как воспроизводство женственности

Государственная политика полноценного семейного материнства в повседневной жизни находила воплощение в сакрализации беременности и ребенка, в воспроизводстве истинной женщины как способности к деторождению. Такая политика и повседневно материнства, как это ни парадоксально, включала феномен «советского аборта»²⁵. Рутинное использование аборта как метода предохранения стало возможным потому, что аборты для женщин были практически единственным способом реализовывать полноценное материнство в повседневной жизни. Особенно в контексте семьи и уже хотя бы один раз воплотившись материнства аборты были наиболее рутинными и не вопро-

²⁴ Здесь мы должны еще раз заметить, что наша работа ограничивается матерналами интервью с образованными женщинами, живущими в большом городе.

²⁵ Так описывают и воспринимает аборт в современной публицистике и популярной литературе: брутальный, отуждающий женское тело, но нормально-ванный способ контроля над рождаемостью (см., например: Сенин 1999).

швейцарии (вспомини, что и государство рассматривало замужних матерей как наиболее легитимных кандидатов на аборт²⁰):

«Надо сказать, что аборт я делала в основном от своего законного мужа. Он ко мне очень хорошо относился. Я думаю, это сыграло колоссальную роль...» (Нада, 46 лет).

Аборт как метод регулирования рождаемости давал возможность семейным женщинам, с одной стороны, постоянно проверять свою способность к материнству через способность забеременеть, с другой — ограничить количество детей до необходимого числа (городские семьи в период 1960—80-х годов имели в среднем по два ребенка). Кроме того, аборт позволяли женщине не тематизировать предохранение с партнером и тем самым воспроизводить (по собственному желанию, из-за стеснения испортить отношения или просто из-за отсутствия навыка) традиционную табуированность «женского», исключая мужчину из сферы влияния на материнство. Периодические беременности (и спонтанные за ними аборт) были не только показателями способности стать полноценной матерью, но и символическим подтверждением сексуальной привлекательности женщины (если она беременеет, значит, она занимается сексом). Приведем один из наиболее ярких примеров из интервью:

«У меня, я хочу сказать, особое отношение к аборту. Если бы я не беременела, я бы сошла с ума... Я очень была довольна, что я беременела, а потом делала аборт. У меня было удивительное чувство — я себя чувствовала полноценной женщиной. Что я без конца беременела, мне это настолько нравилось. Наоборот, если бы я не беременела, мне бы казалось, что у меня что-то не в порядке, я неполноценна, что я не смогу родить. Для меня каждая беременность — это был шанс, что все в порядке, все хорошо. В следующий раз можно готовиться к настоящим родам, родить ребенка. Для меня это был мой престиж... И для меня было чудотворное переживание, когда я перестала беременеть. Это было трагедией. Для меня это был один из атрибутов нормальной сексуальной полноценной жизни — то, что я беременела. Я бы, наверно, никогда в жизни не использовала никакие таблетки. Это мое отношение — ни презервативов, ни таблеток с любимым мужчиной...» (Нада, 46 лет).

²⁰ Именно поэтому в абортариях к замужним относились наиболее лояльно: меньше критичли и не соотносили их решение с прерыванием беременности с разрывом или безответственностью.

Итак, «советский аборт» позволял семейным женщинам находить баланс между предписанными моделями полноценного материнства, исключившего женского мира и их реальной повседневной ситуацией: семейной жизнью и работой в большом индустриальном городе. И в этом смысле советский аборт не был для них моральной проблемой: он не мог обесценить мир материнства, наоборот, он охранял его границы.

Б. Аборт как избегание от позора

Вариант «неморального советского аборта» тематизируется при рассказах о маргинальных беременностях. Это — ситуации, когда беременность в принципе не должна возникнуть, ее возможность не вписана в структуру отношений, нормальных для определенного периода жизненного цикла женщины. Маргинальные беременности связаны чаще всего с обстоятельствами, исключая юными длительные зарегистрированные отношения с партнером: «были слишком молоды», «я была его любовницей» или «я задела» при случайной связи:

«— А второй аборт? От случайной связи.»

— То есть в принципе и не рожался вопрос с отцом, обсуждение...

— Нет, нет, это все прошло... Естественно, случайная связь... ям ям побегали! Сама уже! Никому даже не сказала. Это же вообще — позор!

— Трудностей психологических уже не было?

— Нет, конечно. Ни от любимого, ни от кого» (Зоя, 59 лет).

Береженность в таком случае переживается как позор, как то, что находится за пределами нормальной женской биографии. Маргинальные беременности скрываются от окружающих (чаще матерей и тех, кто их заменяет в межличностных отношениях) всего, подруг) — наиболее влиятельных персон в мире материнства. О них никто не должен знать, они должны быть невидимы в публичном пространстве:

«Беременная девушка, да. И вот я пришла, значит, в 19 лет, я такая вся-вся чистая девушка — в провинциальный вуз. Девочки все друг перед другом, грубо говоря, девочек строят, т.е. вот... действительно, как в анкете написано, поговорить совершенно не с кем, абсолютно. Матери я доверять такое не могла, не то чтобы я не могла доверять — я не могла ее разнять этим, я просто не могла, вот, нанести ей такой удар.»

Поэтому мне пришлось решать проблему самостоятельно»
(Мария, 46 лет).

Аборт помогает избавиться от аномалии, вычеркнуть случившееся из сферы опыта, как будто его и не было, и вернуться к «нормальной жизни» с перспективой выйти замуж и родить «звонных» детей. Аборт для женщин в этой ситуации становится ритуалом избавления от позора²⁷, искуплением вины через боль, унижение («залегавшие» или «случайные» чаще всего стигматизируются в абортариях как развратные женщины, которые должны перетерпеть боль и страх и тем самым залатать за свою небудданную сексуальную жизнь). Вина же женщин заключается не в отказе от материнства, а в нарушении предписанных правил игры, при несоблюдении которых объектом морального суждения становится женщина, обладающая нерепродуктивной сексуальностью или имеющая сексуальные опыты вне семейных рамок. Наказание абортом возвращает женщин в русло соблюдения правил полноценного материнства. При расказах о маргинальных беременностях и последующих абортах чаще всего упоминается «страх остаться бесплодной», страх перед исключением из мира материнства:

«Делали под местным наркозом. То есть я чувствовала практически все, что делалось. Сидит, режут по живому. А страх — остаться бесплодной? Да. Он до сих пор» (Вика, 22 года²⁸).

Чувства вины и страха являются не только показателями интернализированных норм материнства, они навязываются модели:

«Ничего с тобой не случилось! Лежи и мечтай о том, как ты останешься бесплодной! — сказала мне врачиха...» (Мария, 46 лет).

Избавлением от страхов может быть только удачная последующая беременность или, по крайней мере, ее переспектива.

²⁷ Позор не является категорией морали. Мораль предполагает возможность выбора, а тем самым — возможность научения нормам (например, это было плохо, а это — хорошо, эта — плохая мать, а эта — хорошая). Позор же, наоборот, отнимает возможность выбора. Подорванный опыт стоит за пределами морального, потому что он в принципе невозможен. Не случайно расказы о позорных ситуациях (например, о ситуациях изнасилования) наиболее табуированы, о них трудно говорить, потому что для них практически нет адекватных языковых эквивалентов, они как бы не могут существовать в прототипическом женском опыте.
²⁸ Роль аборта как избавления от маргинального опыта характерна не только для поколения советских женщин, но и для более молодых расказчиц.

В. Аборт как маркер социальной несостоятельности женщины

Ситуацией маргинальной беременности связана ее «более мягкая» форма — ситуация социальной несостоятельности женщины. Она представлена в расказах, в которых аборт маркирует «неудачную материнскую биографию». Если попытки расказчиц реализовать полноценное материнство заканчиваются поражением («не смогла найти себе мужа», «осталась одинокой», «не было средств воспитывать ребенка»), то аборт становится прямыми указателями на очередную неудачу и, как следствие, на социальную несостоятельность женщины. При описании тех обстоятельств, которые привели к абортам, «социально несостоятельные» женщины используют наибольшее количество оправдательных дискурсивных стратегий. Несостоятельность связывается не только с отсутствием семьи или сексуальной непривлекательностью, но и с социальным положением, не позволяющим осуществлять полноценное материнство (отсутствием денег, мужем-алкоголиком, постоянной занятостью и занятостью, высоким профессиональным статусом и карьерными перспективами). Ситуация социальной несостоятельности является, по нашим материалам, единственным биографическим контекстом, в котором расказчицы об абортах советских женщин морализуются, в котором женщины вынуждены объяснять свои отказы от материнства (даже если у них уже есть один ребенок):

«Первого я же родила, ребенка первого, вот, как раз, вот в 24: 24 мне было. Вот, как раз, вот, эта моя любовь, единственная на всю жизнь. А после — там просто не было никаких других вариантов. Не было житья, не было денег, не было работы. Не было мужа. Вообще ничего не было. Как было родить? Даже когда ребенок погиб, я не смогла родить, потому что у меня негде было жить и не на что было жить. В принципе мне было 33 года, я же могла еще родить. Но это было совершенно не реально. Сиди-то себя прокормить не могла, не то что... Главное, что житья не было. Ладно бы, там, деньги, а житья же не было. И невозможно было решить эти проблемы (Рита, 59 лет).

Несмотря на моральную коннотированность ситуации, в ней, как и во многих других случаях, нет эксплицитного осуждения решения делать аборт. Чувство вины описано только в связи с абортами, маркируемыми нерезализованное материнство:

«И мне уже было 25 лет, у всех были дети, и мне хотелось ребенка... А аборт для меня проходил... не было трагедии, была трагедия того, что так получилось, что опять война, что опять неприязни, что опять боль, что опять... Но трагедия в том, что беременна, что я гублю карьеру-то жизнь, там, как-то нацелюсь... это нет» (Зоя, 63 года).

Как мы видим из приведенной цитаты, чувство вины не касалось самого аборта. Аборт рассматривается не как убийство, уничтожение жизни²⁹, а как наказание, после которого должно следовать покаяние и возвращение к нормальному существованию.

Прованализировав три наиболее типичные биографические ситуации, в контексте которых тематизируется практика абортов, мы можем прийти к заключению, что аборт в советское время был инструментом практического, повседневного регулирования модели полноценного материнства. При этом он ни в одной из ситуаций не был артикулирован как моральное решение или выбор. Только в одной ситуации он принимал моральную окраску, маркировал несостоявшееся материнство, более обобщенно — карьеру женщины-неудачницы. Советский аборт, таким образом, был промежуточным звеном между моральными предписаниями и реальными опытами женщин. Он прояснял и укреплял статус полноценного материнства посредством воспроизводства беременностей, исключения маргинальных ситуаций из области нормального и маркирования неполноценного³⁰. Утверждение о том, что советский аборт являлся как бы продолжением, применением на практике модели полноценного материнства, должно быть, однако, ограничено одним условием. Нормализация абортов и их редуцированное значение стали возможными только на фоне укорененности этой практики в традиции обожжения с материнским телом:

²⁹ Убийство живого существа — один из центральных аргументов, объясняющих отказ делать аборт у молодых женщин.

³⁰ Немецкая журналистка Сола Марголина описывает советскую практику моделинского аборта как метафору тоталитаризма. Эта метафора, по мнению С. Марголиной, отражает суть тоталитарного советского общества, в котором существовал единственный, навязанный сверху способ решения проблем, в котором существовала как манифестация деструктивной свободы выбора в советский период (Марголина, 1993: 66). Мне, однако, представляется, что материнство и аборт в советском обществе являлись двумя полюсами одного морального пространства, в рамках которого определялась категория женщины. «Советский аборт» был не отказом от материнства, а его истинно квинтоэссенциальным воплощением.

«Дело в том, что моя мать в своей жизни сделала около двадцати абортов. В моей семье я, конечно, видела эти аборты... Поэтому когда я стала взрослой женщиной и вышла замуж, я к этому отнеслась легко... Я поняла, что это — участь женщины. Я очень легко стала к ним относиться и сказала: никто не умрет от абортов, и я не умру. Поэтому это на меня не сильно повлияло...» (Надя, 46 лет).

Мелпина занимает центральное место в превращении аборта в механизм осуществления полноценного материнства. Независимо от биографической констелляции, попадание в советский абортари означало для женщин переживание «неприятной» боли, страха остаться бесплодной. Значение аборта «пронизывало» институт мелпины, т. е. именно мелпина доказывала женщинам, какой моральный и социальный вес имеет их решение не рожать. Советская мелпина, правда, заранее «пропагандировала» матерей или «жалела» неудачниц, но и им она намекала болью и унижением на нежелательность повторения подобного опыта.

Институт мелпинского аборта был также местом обреченного женского опыта, связанного с материнским телом: «Мама моя лежала в больнице. Я не знаю, с чем, но это что-то по-женски было, возможно, аборт» (Июся, 22 года).

Боль, переживания и страх в абортариях помешали опыту материнства в простраство, непоступное мужскому взгляду, пониманию и переживанию. Женские мужские часто вообще не знали, какое количество абортов сделала их супруга (позиция мужчины неведомая):

— «А она предохранялась?»

— Нет, последние годы она не предохранялась. Последние годы у нас не было никаких проблем с этим. Может быть, она уже не может забеременеть? А раньше да, но она абортов много сделала. Она сделала шесть или, наверное, больше абортов. До того как родилась дочь, жена сделала, наверное, шесть абортов. А после этого — два или три всего. А потом она не беременела...

— А вас не беспокоило, что она может забеременеть?

— Нет, у нас не было об этом разговора. Мы просто не предохранялись, и все. Она делала один аборт, второй...

— А у вас не было чувства вины из-за того, что она делала аборты?

— Нет, не могу сказать, что у меня было чувство вины. Это, вроде, было как в порядке вещей. Может быть, я не прав. В то время не было разговоров, ничего» (Олея, 60 лет).

Неженатые мужчины (из-за того же незнания) вынуждены были отдавать себя «воле судьбы». В наиболее критических случаях их задачей было принять «последнее» решение (*позиция силы, последнее слово*): жениться или давать деньги на аборт³¹. Но принятые решения о женитьбе или аборте не были решением мужчины-партнера. Соприкасаясь с ситуацией «материнства—аборт», они как бы попадали в мир материнства, в котором должны были соответствовать образу «ответственного». Требования к выполнению роли настоящего мужчины в мире материнства было часто настолько сильно, что отказ от нее удавался только при удачном тактическом лавировании между ситуациями:

«И вот... и забеременела, естественно... Естественно, я решила рожать. Ах! Любимый мужчина, все... И он вдруг тоже, уминая такая, сообразил, что нельзя травмировать ребенка, и говорит мне: "Мы, конечно, родим ребенка. У нас будет чудный ребенок!" А сам — взял 5 рублей, которые надо на аборт, разорвал на моих глазах... "Нем! Все! Денег у нас нет на аборт, будем рожать! Да, да". А сам пошел к подружке и сказал: "Ваша-то Елена — чокнутая! Хочет рожать! Сделайте что-нибудь, на фиг ей ребенок, и вообще, не собираюсь с ней..." Ну, что-то в этом духе, как мне потом рассказали. И меня подружки — под ручку бьют и-и-и..." (Алина, 46 лет).

У мужчин отсутствовали каналы прямого влияния на решение женщины. Влиять можно было только через других женщин, например, матерей или подруг, как в приведенной цитате. Мужчины сохраняли за собой единственный канал прямого дискурсивного влияния на материнский мир — абстрактные моральные суждения (позиция того, кто охраняет истинное материнство):

«...потому что в случае медицинских показаний аборт необходим. Лично я не считала, что свободно делать аборт — это неправильно. Это скверно — в демографическом плане скверно, в плане эдоровых женщин скверно. А если до этого они доигрались, значит, не та культура была. Поэтому я сказала бы, что запретить аборт нельзя, в случае если медицинские показания есть. В остальных случаях надо рассматривать индивидуальную» (Олег, 60 лет).

³¹ При решении в пользу аборта мужчины не интересовали переживания, давшаянейшая репродуктивная жизнь, абортурских или проблемных детей, эти вопросы и не могли их интересовать, потому что находились вне рамок их отвлеченности с партнерами, т. е. вне рамок их мужской ответственности и компетенции.

Такие «независимые» моральные высказывания были в мужских интервью порой единственным упоминанием хоть о какой-то связи с опытом абортот³². Они, однако, тематически никак не соприкасались с упоминаниями об абортах жен или партнеров рассказчиков. Роль медицины и мужчины в опытах абортот подтверждает наш тезис о том, что аборт не только служил регулятором полноценного материнства, но и был органично вписан в его эскизопозитивный мир. Как же изменились повседневное значение абортот и модель полноценного материнства в постсоветский период?

Постсоветский аборт, или «Что сделала меня мальчиком»?

Ой, мамочки, что ж мы тут все делаем?!
Мы ж тут все детей убивать пришли,
как про это подумавши...

М. Арбатова

Интервью с молодыми женщинами, еще не пережившими аборт и начавшими активную сексуальную жизнь в 90-е годы, наиболее ярко показывают изменение его значения в модели полноценного материнства. В отличие от старшего поколения, аборт для молодых рассказчиц не является нормальной практикой предохранения, он символизирует отказ от материнства и в этом смысле, становится аморальным поступком. Другими словами, аборт

³² Предположение о том, что за абстрактными моральными высказываниями мужчин стоит их непричастность к миру материнства, могло бы расширить рамки дискурсивной о двух моральных, начатой в феминистской науке после публикации книги Carol Gilligan (Gilligan 1982). Вместо того чтобы утверждать наличие мужской (абстрактной) и женской (ситуативной) морали, мы предлагаем подумать о ее контекстуальном приходе. Субъекта, не включенные в контекст морального материнства, стоящие за его границами, могут пользоваться по отношению к этому контексту единственными моральными инструментами — дискурсивными. Те же, кто находится внутри этого морального контекста, не способны применить по отношению к нему масштаб дестандартизованного, абстрактного суждения, и пользуются только ситуативной моралью. Если наше предположение верно, то то же самое должно происходить и в том случае, когда женщины не включены в один из моральных социальных контекстов мужчин, например в мир репродуктивной сексуальности. К сожалению, в этой статье мы не можем ответить на вопрос: «Высказывают ли женщины абстрактные моральные суждения по отношению к «субкультурной сексуальной активности мужчин?» (подробнее см.: Blaschke 1995, Nippert-Winkler 1994, Lutz-Tarpeit und Jung 1994).

как таковой является моральной проблемой, т. е. проблемой личного выбора:

«Я боялась забеременеть, очень часто. Мучилась так же, т. е. от того, что на один день задерживаются месячные, вот, там... ужасно мучилась, ужасно боялась аборта. Всегда не знала, что я буду делать, если это случится, что я сделаю... И в общем-то... тоже не решила эта проблема, смогла бы я сделать аборт или нет... Как бы я всегда очень боясь, именно когда выбор, что мне придется выбирать, понимаешь, мне придется выбирать, понимаешь...» (Марина, 23 года).

Каким образом можно объяснить такое «неожиданное» изменение значимости выбора в модели полноценного материнства? Что должно было произойти в повседневном воспроизводстве модели полноценного материнства, чтобы аборт превратился из нормы в патологию?²³

Чтобы ответить на эти вопросы, мы прежде всего должны коротко показать изменение дискурса об абортах и материнстве в постсоветской популярной и медицинской литературе. Советский миф о защите материнства и детства превращается в полурелигиозном языке популярной литературы в миф о защите детской жизни и ее неприкосновенности. Сакрализация ребенка и приписывание женщине ответственности за его выживание становится центральными звеньями в аргументации полноценного материнства. В таком случае аборт естественным образом символизирует убийство жизни и преступление (Утепинская 1999). Менее радикальная и, казалось бы, более нейтральная популярная медицинская литература начинает проблематизировать аборт не как убийство, а как процедуру, нарушающую жизненный цикл и здоровье женщины²⁴. Ее главными категориями становятся «ответственность — ответственная контрацепция» — ответственность за аборт» и конфиденциальность (Ерофеева и Савельева 1998). В публици-

²³ К сожалению, в рамках нашего исследования из-за отсутствия доступного материала мы не можем ответить на этот вопрос более развернуто, но попытаемся высказать некоторые предположения, подлежащие дальнейшей проверке.

²⁴ Такая интерпретация абортов типична для современной российской публицистической дискуссии об абортах. Даже феминистские авторы, вольные или невольные участницы этой дискуссии, согласны с тем, что аборт — это процедура нарушения целостности над женским телом, а женщины, делающие аборт, становятся палачами (см., например: Арабова 1994).

ной дискуссии происходит массивное навязывание женщине ответственности за выбор между двумя альтернативами: оставиться здоровой и ответственной женщиной-матерью или подвергнуть материнское тело разрушению, или на убийство. Аборт начинает рассматриваться как индивидуальная безответственность и неприемлемое действие для любой женщины независимо от ее семейного или социального статуса. Таким образом, аборт искажается из идеологии полноценного материнства, он перестает быть ее инструментом, становится символом врага всего женского — здоровья, тела, психики и будущих детей.

Исчезновение инструментальной функции аборта в модели полноценного материнства происходит одновременно с «обезроковыванием» медицины. Как мы уже отметили при описании макрореконтекста, медицина утрачивает функцию легитимного контроля над материнским телом. Проиллюстрируем этот тезис на примере одного из пассажей интервью:

«И когда тут в очередной раз я пошла в врача, когда у меня появилась второй сексуальный партнер, а все-таки вопрос предохранения меня, скажем, на ранней стадии отношений с ним очень важная, и я думала, может быть, все-таки наша медицина прибавила что-нибудь новое, полезное; я пошла на улицу Комсомольца, в Центр планирования семьи.

— Это уже нынешние времена, да?

— Да, полгода назад, год... не помню. В этом году...

— А как по обстановке по эмоциональной там было? Они были доброжелательны, заинтересованы?

— Нет, заинтересованы они, конечно, не были, но они были в меру доброжелательны. Но когда я сказала, что я пришла проконсультироваться, они не стали настаивать на том, чтобы меня осмотреть. Но потом я сказала, что "Ну, может быть, вы меня осмотрите?" — Они сказали: "Ну давайте, это же вам надо, а не нам". — Ну, поскольку я до этого не была у врача, скажем, года три, то я решила, что "Ну ладно, нехай посмотрит...". (Лариса, 40 лет).

В этом отрывке важно обратить внимание на подчеркнутый отказ врача от ответственности за контроль над женским телом. Медик-профессионал больше не готов определять, нужно ли осматривать женщину, нужно ли женщине применять определенные средства контрацепции. Тело женщины становится предметом ее собственной заботы. Медицина же может только рекомендовать для этого некоторые способы и средства.

Итак, в постсоветский период индивидуализируется ответственность за материнское тело. Индивидуальны ответственность женщины за собственное тело не означает, однако, ее освобождения от давления норматива полноценного материнства. Наоборот, навязывание индивидуальной ответственности становится центральным рычагом регулирования материнского. Требования индивидуального выбора вызывает чувство личной неуверенности в принятии решения, невозможность принять решение в одиночку и требует обращения к другим инстанциям, которые легитимизуют, разрешают или запрещают аморальный поступок. В России такими инстанциями пока не стали публичные организации, как, например, в Германии «организации по даче советов» (Vereinig. Goll und Witzschek 1998). Такой инстанцией не стала и российская медицина из-за ее «репрессивного прошлого», а соответственно, и огромного недоверия к ней. И поэтому женщины все чаще и чаще начинают обращаться к своим партнерам или матерям как к легитимным моральным авторитетам:

«Ну, я думаю, что, если честно, об этом ... только она должна знать, родители ее должны знать и ее молодой человек, скажем, от которого она забеременела... Если у них любовь или что-то в этом роде, то, я думаю, что она все-таки должна сказать своему молодому человеку: Даже если и не любовь, все равно должна... и своим родителям... ну хотя бы маме» (Вика, 20 лет).

Моральная проблема аборта наконец становится проблемой отношений между партнерами. В популярной прессе и наших ин-тервью с молодыми мужчинами и женщинами начинает появляться и подчеркиваться роль ответственного, а не только отстраненного мужчины, для которого аборт может быть не меньшей проблемой, чем для женщины: *«Один мой друг после этого вообще перестал прикасаться к своей жене (два года у них не было секса)» («Мнение читателей об аборте» 1999). Образ ответственного мужчины рождает и свой антипод — того, «кто следал ее палачом» (Арбатова 1994). В ситуациях беременности партнерш мужчины начинают подвигаться проверке на мужественность:*

«Мужик полюбился не очень хороший разговор, опстраивающий. Он меня опстрашил, пытался как-то денег мне выдать, т. е. он плохо себя вел. Я на самом деле на этом разговор пошла уже даже не потому, что мне было важно знать, поддерживает ли он меня, если я забеременею, а мне было важно узнать для себя, как он себя будет вести. Он представлял себя как супермужчину такого, а я уже начала подозревать, что это не совсем так. И меня осенила

генеральная мысль, что тут-то я и узнаю. Потому что такое потрясение не может всего не открыть. И меня зудело узнать, как он будет выглядеть в этой ситуации, насколько он окажется собой, насколько будет в этой ситуации, остаться мужчиной» (Ксения, 27 лет).

Ответственность мужчины, однако, записывается по-прежнему в принятии решения, окончательного решения по поводу судьбы женщины и ребенка.

Несмотря на появление ответственного и участвующего мужчины в ситуациях принятия решений, сама практика аборта продолжает быть связана с особым женским опытом, который приобретает негативный моральный вес — статус патологического и ужасного. Переживание не только физической, но и моральной травмы при аборте еще больше отливает мир материнского страдания от мира мужского удовольствия:

«... он же все равно не пережил этой физической боли, а я ее пережила, и мне все равно очень тяжело. Мне очень тяжело, потому что сейчас это все: потеря ребенка (пауза), врач, в общем, все это, это для меня ассоциируется только с невыносимой болью, как моральной, так и физической болью. И естественно, как бы я там ни хотела этого... И я считаю, что здесь нет ни виноватых, ни невиновных (пауза). Все равно он — какой-то истинчик этой боли» (Таша, 22 года).

Опыт абортов для женщин и в постсоветское время остается исключительным символом женского страдания.

Итак, данные нашего исследования позволяют сделать вывод о том, что в постсоветском контексте модель полноценного материнства меняется. Это происходит, однако, не благодаря изменению ее нормативной составляющей, а вследствие изменения отношения женщины с социальными институтами и действующими лицами, влияющими на принятие решений и смешение атрибуции ответственности и вины. Если в советский период полноценное материнство восстанавливало себя с помощью институционализированной и нормализованной практики аборта, то в постсоветском контексте оно начинает действовать при помощи механизма индивидуальной ответственности и выбора. С изменением основного механизма регулирования материнства происходит и изменение роли значимых других, моральных авторитетов. Если в советский период центральными инстанциями контроля над женским телом были государственная медицина и матеря, то

в постсоветское время не последнюю роль начинает играть мужчина³⁵. Независимо от изменения семантики абортов, их практицирование и в первом и во втором случаях несет функцию отделения женского телесного и морального опыта от мужского и создает часть эскизного женского мира. Однако мы можем предположить, что если аборт в советском контексте был объединительным опытом женского страдания, независимо от социального статуса («такова наша судьба участь»), то в постсоветское время аборт может стать опытом, маркирующим статусные различия между женщинами (коммерциализация абортов и контрацепции)³⁶. Несмотря на наблюдаемые изменения, мы все же можем утверждать, что и в постсоветском контексте действует модель принудительной матерности. Она, впрочем, больше не является «тоталитарной», не воплощаемой и укорененной в системе отношений женщины с государством, а становится моральным аргументом, хоть и властным, но дискурсивным.

К вопросу о категориях женщины и женской эманипации (место заключения)

Frauen scheinen gefaltete Wesen zu sein, denen das Gefühl einer umfassenden Autonomie fehlt und die sich von Käfen bewegt fühlen, die sie nicht steuern können³⁷.

Emily Martin 1989: 231

Вернемся к исходному пункту наших рассуждений и подведем итог проделанной работе. Эта статья была начата с хрестоматийного описания теоретического противоречия конструктивистского феминизма и попытки ответить на вопрос, что же создает объединяющую

³⁵ В рамках этой статьи мы не можем выложить, насколько велика эта роль. Однако на основании наших рассуждений можно предположить, что она будет увеличиваться при продолжении институционального сжигания морального материнства в сферу приватизированной, ядерной семьи.

³⁶ Это предположение подтверждено наблюдениями публичного перепредления категорий женщин, которые делают аборт (необразованные представительницы маргинальных слоев или беднота), дифференциальной процедуры (для тех, кто платит деньги, — безболезненно), пространственного разделения платных и бесплатных услуг для пациентов.

³⁷ Женщины, как кажется, являются раздвоенными существами, у которых отсутствует чувство всохватывающей автономии и которые чувствуют, что ими движут силы, не принадлежащие собственному управлению (нем.).

категорию женщины. Мы предположили, что центральной составляющей этой категории является телесный и социальный опыт материнства. Это предположение было рассмотрено на примере рассказов женщин и мужчин об опытах материнства и абортов в контексте (пост)советского общества. Анализ интервью продемонстрировал принципиальную силу полноценного материнства и его институциональную роль в создании эскизного женского мира. При рассмотрении повседневно морального значения абортов в советском и постсоветском историческом контекстах мы попытались увидеть, как модель полноценного материнства воспроизводит себя и пытается сохранить монополию на женское тело. Пространственная, телесная и социальная отделимость материнского опыта, его моральная коннотированность позиционируют женщину, как отличную от мужчин, и создают женское тело. Тело женщины не подчинено ее воле, оно контролируется институтами семьи и общества. Это локализация в мире материнства создает «тайну женщины» (Трешелет 1980), которая является источником желания и носителем опасности для отстраненных от женского мира мужчин. Но несмотря на телесную тотальность категории женщины, в ней есть «пространство для маневров» (Спадт 1992) и основание для женской солидарности. В советское время такое основание создавал опыт абортов, в постсоветское время им может стать попытка дискурсивно и повседневно (публично и приватно) аргументированно отклязваться от предписаний полноценного материнства, отказываться от интродукции материнского опыта как единственного и необходимого смысла истинно женского³⁸.

³⁸ В заключение я хочу упомянуть, что эту статью нужно рассматривать не как структуру систематической аргументации текста о культурной специфичности социальных категорий женщины, материнства, аборта и женского тела, а скорее как попытку актуализировать предположения о возможном способе связи этих категорий в советском и постсоветском контекстах. Эта работа должна стать исходным пунктом более широкого исследования повседневно и институционального создания категории женщины в рамках советско-российского государства.

Ольга Зелинская

ЖЕНСКОЕ ТЕЛО: «ОТЧУЖДЕНИЕ» И ЗАПРЕТ НА УДОВОЛЬСТВИЯ

Статья посвящена проблеме отношения женщин к собственному телу, она написана по материалам 25 интервью с российскими женщинами¹. Исходя из принципов социального конструктивизма сексуальность рассматривается не как природная данность, а как социально-исторический конструкт, неразрывно связанный с целой системой общественных отношений. Поэтому исследование женской сексуальности и телесности в современной России должно быть помещено в контекст социальных изменений в публичной и приватной сфере. Значительная часть этих изменений была связана с регулированием телесного поведения.

Тело явилось одним из ресурсов советского модернизационного проекта. В то же время, тело — это инструмент создания субъективности, в том числе и сексуальной. Существует множество механизмов, с помощью которых осуществлялся контроль над телом в публичной сфере: государственная репрессивная политика, политика в области производства контрацептивов и женских гигиенических средств, законодательное регулирование семьи и материнства, контроль общественного мнения над сексуальной моралью, карательные меры по отношению к гомосексуальности, проституции и порнографии и проч. Предметом данного исследования не является публичное регулирование телесности, несмотря на то что приватная сфера, которая находится в фокусе исследования, всецело связана с процессами, происходившими в публичной сфере.

Статья посвящена исследованию механизмов формирования образов собственного тела у женщин в приватной сфере, а именно семейным дисциplinарным практикам. В статье рассматривается, каким образом, с помощью каких механизмов происходило «отчуждение» от тела и запрет на телесные удовольствия в родительской семье. Затем прослеживается, как это «отчуждение» производится и воспроизводится в супружеской семье, а также показаны практики, с помощью которых женщины пытаются преодолеть отчуждение тела и вернуть себе возможность получения телесного удовольствия, стать субъектом сексуальных отношений.

Сфера приватной семейной жизни была выбрана для того, чтобы понять, по каким каналам, с помощью каких механизмов регулировалось индивидуальное поведение, каким образом контролировались повседневные практики, желания и удовольствия людей.

Теоретические подходы к исследованию тела

Методологией данного исследования является социальный конструктивизм. В рамках данного подхода можно выделить два основных направления изучения телесности: онтологический и феноменологический. Онтологический конструктивистский подход исходит из того, что тело является комплексом социальных практик. Идея о теле как о социальной практике была основной исследовательницей И. Гофман (Goffman 1969). Гофман развила концепцию телесных практик, разработанную антропологом Марселем Моссом. Дипи М. Мосса тело является физиологической потенциальной возможностью, которая реализуется социально и коллективно через многообразные телесных практик, посредством которых человек учится, дисциплинируется и социализируется (Mauss 1979). Исходя из перспектив символического интеракционализма, Гофман показывает, что телесность формируется как набор практик, которые репрезентируются в публичной жизни. Тело является носителем информации о социальных статусах.

Феноменологический подход заключается в интерпретации тела человека как системы символов, которая выражает отношение власти. Такой подход популярен в феминистских, медицинских и культурно-антропологических исследованиях телесности. Феноменология исходит из того, что телесный опыт переживается человеком индивидуально, независимо от какого-либо референца. Другими словами, тело есть только его внутренний образ, который существует у человека, и ничто иное. Образ нашего тела

¹ Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения)».

колеблется в потоке субъективных переживаний, он погружен во внутреннее время, и не имеет ничего общего с репрезентативной частью тела в объективном пространстве-времени.

Эпистемология феминистского взгляда на тело основана на феноменологическом конструктивистском подходе. Деконструктивистские техники и феминистская теория предложили инструменты для трактовки тела как проблематизированного текста. Этот подход основывается на постмодернистской философской традиции Ж. Дерриды и Ж. Лакана. Подход социального конструктивизма может быть суммирован лозунгом «тело имеет историю».

Анализ эмпирического материала дает основания предположить, что полезно различать онтологические и феноменологические аспекты, объективное и субъективное понимание тела. Анализ интервью осуществлялся на двух уровнях. С одной стороны, подчеркивалось то, каким образом организмовались привитая жизнь человека, влияющая на телесные практики и управляющая сексуальным поведением. С другой стороны, исследование фокусировалось на реконструкции переживания телесного опыта.

Реконструкция телесных практик привитой жизни и переживания телесных ощущений позволяет конкретизировать отношение российских женщин к собственному телу. Это отношение можно характеризовать как «отчужденное» и заперт на телесные удовольствия.

Термин «телесное отчуждение» и «отчуждение от тела» рассматривается здесь как метафора. Таким термином в данном случае обозначается дезобъективация женской сексуальности, т. е. такое состояние, когда женщина перестает быть субъектом сексуальных отношений, поскольку заниженная самооценка собственного тела не позволяет ей быть референтом собственного телесного образа. Тело «отчуждено» от женского «Я», от женской субъективности, потому что субъектом оценки становится Другой. «Отчужденное тело» создает проблемы, что является причиной дистанцирования от него.

«Ну, с телом у меня вообще очень сложные отношения... А сложные потому, что... вообще мы с ним постыдно... Как-то так мы не можем друг с другом найти разумного решения наших проблем, чтобы жить с ним в мире и согласии» (22 года).

«В последний год мое тело мне очень не нравится. Оно меня не слушается» (32 года).

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что такое «отчужденное отношение» к собственному телу формировалось

у женщин с самого детства. Основными агентами отчуждения были, в частности, родительская и супружеская семьи. Рассмотрим подробнее механизмы влияния на тело, осуществляемые в семейной сфере.

«Отчужденное тело»: родительская семья

Родительская семья является важным агентом социализации личности. В семье прививаются основные правила поведения, усваиваются нормы и ценности общества, происходит научение практикам повседневной жизни, которые соответствуют обществу. В семейной культуре и социальной среде. Данные правила, нормы и практики включаются и обучение «правильной», телесно воплощенной, гендерной идентичности.

Результаты данного исследования показывают, что в процессе социализации девочек в родительской семье происходило «отчуждение» их от собственного тела. Выполняя роль агента социализации, родительская семья выступает и в роли агента отчуждения. Анализ текстов биографических интервью позволяет выделить практики, с помощью которых происходило «отчуждение».

Родители были вынуждены участвовать в данном процессе. «Неправильное» поведение детей, воплощенное в их телесных практиках, дискредитировало родителей и могло повлечь за собой определенные дисциплинарные последствия. В советское время, если поведение детей не соответствовало нормам общества и порядку, устанавливаемым в социальных институтах, например в школе, родители подвергались дисциплинарному воздействию: их вызывали в школу, указывая на плохое воспитание детей. В некоторых случаях, если о поведении детей сообщали родителям на службу, администрация обязана была «реагировать» и проводить дисциплинарную работу. Приведем примеры из интервью:

«В то время, ну что ты, господи. Если в девятом классе я надевала лакированные туфли и капроновые чулки, то об этом говорила вся школа, уже даже не мне, а маме делали замечание: как это так!» (57 лет).

Лакированные туфли и капроновые чулки были в то время (50-е годы) в России не только предметами туалета взрослых женщин, но в определенном смысле — и предметами роскоши, и как все предметы роскоши имели определенный статусный характер. Таким образом, данная цитата показывает, что даже в старших

класссах школьникам запрещалось пользоваться предметами гардероба, предписанного взрослым женщинам, демонстрировать в школе свое материальное, а значит, и социальное положение. Кроме того, приведенный пример вызывает механизмы влияния, ис-пользовавшиеся в школе для управления телесным поведением, к которому в данном случае относится манера одеваться. Таким механизмом, во-первых, является публичная оценка внешнего вида конкретной ученицы: «*об этом говорила вся школа*». Общественное мнение становится воспитательным и контролирующим механизмом. Во-вторых, школа применяет дисциплинарные практики не только к ученикам, но и к родителям, отбирая у последних право определять внешний облик и телесное поведение детей: «*маме делали замечание*», а не просто сообщали о поведении дочери.

Родители были вынуждены учить своих детей поведению, которое не выделяло бы их среди других. К этому родителей вынуждали и школа, и собственное воспитание. Им самым внушали, что поведение и внешний вид должны соответствовать правилам, предписанным возрасту и учреждению.

Более того, воспитание предполагало интериоризацию «отуждения» тела от индивида: ребенок должен сам дисциплинировать себя. Как показывают результаты исследования, родители вынуждали своим дочерям представление о том, что они обладают собственной внешностью и, следовательно, должны вести себя как можно скромнее. Из приведенных ниже цитат видно, что действия родителей воспринимаются как понижающие самооценку, как создающие у девочки комплекс неполноценности, не позволяющий проявлять свою женственность и сексуальность:

«*Знаешь, что я вот сейчас понимаю, на фотографии старше смотрю. Думаю: "Боже! Какая я была хорошиенка! Какая у меня была фигурка, а ножки у меня были — вообще!" Такая была идея! Но мама всегда говорила мне, что я некрасивая. И такая закомплексованная была! Так много я потеряла. То есть вообще, я говорю, что у нас женственность была убита в нас полностью. Полностью. А когда стала растишь, было уже поздно*» (59 лет).

Женственность в данном случае отождествляется с чувством уверенности в своей красоте, с высокой самооценкой собственной внешности. Поэтому действия родителей, направленные на понижение самооценки, рассматриваются как сознательное уничтожение женственности, что, в свою очередь, приводит к жизненным потерям: «*так много я потеряла*».

В интервью информантка объясняет свою неудачную личную жизнь тем, что она не любила себя, не любила свое тело и считала себя не достойной любви окружающих. От сформировавшейся в детстве не любви ей не удалось избавиться и во взрослом возрасте. Сейчас информантка по-другому оценивает свою внешность в молодости: она полюбила свое «прошлое» тело. Однако данная переоценка только усилила отуждение от реального, существующего в настоящее время, тела.

Информантка распространяет свой личный опыт на все свое поколение, говоря о том, что женственность в нем была убита полностью: все были «закомплексованы», а следовательно, имели неудачную личную жизнь.

Итак, одной из причин, вынуждающих родителей дисциплинировать тело ребенка, была ориентация на жестко контролируемый общественным мнением телесный поведению. Эта девочка должна была интериоризовать «правильные» образцы поведения, смиряться и подчиняться им.

Другой причиной было подавление сексуальности, поскольку неконтролируемая сексуальность приводит к «истории с плохим концом» (исторической репутации, нежелательной беременности, аборт, внебрачным детям). Родители старались внушить девочкам страх перед сексуальной жизнью, рассказывая о последствиях «нескромного поведения», т. е. проявления ранней сексуальности:

«*Ну это опыты-таки в семье все было заложено. Время от времени мама мне говорила о том, что я некрасивая, что многое у меня не так: говорю, делай... Мало того, меня мой папа всю жизнь добил по части скромности, как я сейчас понимаю, т. е. он говорил, что девочка должна быть скромная, скромная, скромная... папа всю жизнь мне рассказывал страшные истории и рисовал перспективы...*» (48 лет).

Данный пример еще раз демонстрирует семейные практики дисциплинирования тела: формирование комплекса неполноценности по поводу внешности («*мама говорила, что я некрасивая*»), по поводу поведения («*долгой по части скромности*») и принуждение к скромности («*долгой по части скромности*»).

Родители связывали свободное телесное поведение девочек с вероятными проблемами в будущей личной жизни, под которыми, как правило, понималось отсутствие брака или судьба матери-одиночки. Усваивая эту связь, женщины вынуждены были либо винить себя в не сложившихся отношениях с мужчинами, либо терпеть

неудачный брак, так как развод в данном контексте означал бы не просто неудачу в личной жизни, но и признание себя «неприличной» женщиной, женщиной с недостойным поведением.

Говоря о воспитании в родительской семье, важно обратить внимание на дисциплинарные практики, предполагавшие подготовку девочки к будущей семейной роли. Общество рассматривало замужнюю женщину в первую очередь как мать и хозяйку. Поэтому подготовка к семейной жизни связывалась, в основном, с навыками в домашнем хозяйстве и воспитанием детей, а не с развитием индивидуальности, подготовкой к сексуальной жизни и отношениям между мужчиной и женщиной. И роль матери, и роль хозяйки предполагали строгое ограничение телесного поведения. Реконструируем на основе интервью, каким образом в родительской семье проходило обучение роли хозяйки:

«Отцу страшно любить меня открывать от моих любимых занятий: а любимые занятия были чтение книжек за закрытой дверью, и вообще, чтобы никого рядом не было. Вот, он страшно любил вламываться во все это и говорить: иди и смотри, что делает мама, иди и учись! Значит, это стоять с мамой на кухне, когда она жарит какие-то паршивые блины. Потом что "иначе тебя муж выгонит"! Да. И я уехала из этого благословенного города навсегда, решив, что я в жизни никогда туда не вернусь!» (32 года).

Данная цитата позволяет увидеть насильственные практики подготовки телесного поведения для семейной жизни. Девочек дисциплинировали через указания: «иди и смотри... иди и учись», — это исполнение требовало «послушного действия тела». «Хорошая» жена не имеет права на частное пространство: она не лежит на диване с книжкой за закрытой дверью. По настойчивости и безапелляционности, с которой осуществлялось навязывание этих практик («он страшно любил вламываться во все это»), можно сделать вывод, что в данном случае чтение книг, т. е. интеллектуальное развитие, не рассматривалось как нечто необходимое, или, по крайней мере, полезное для будущей жизни вообще и семейной жизни в частности. Несмотря на то что подобное поведение со стороны родителей мотивировалось заботой о будущем дочери (иначе «её выгонит будущий муж»), такое воспитание часто вызвало протест. Дисциплинарные требования к поведению «отсутствовали» тело, на которое оказывалось воздействие, от индивидов, который пытался сопротивляться этому воздействию.

Протест приводит к разным вариантам поведения. В одном варианте женщина стремится покинуть родительскую семью, всту-

пив в случайный брак с первым, кто сделал ей подобное предложение. Однако, избавившись от родительского контроля, она лишь изменяет его фокус: контролирующей инстанцией становится муж, «отчуждение» тела воспроизводится в супружеской семье. В другом случае чувство протеста приводило к стремлению вырваться из своей социальной среды с помощью брака «по расчету», в котором тело выполняет инструментальную функцию. Ни в том, ни в другом случае отчуждение не преодолевается.

Существуют и случаи преодоления отчуждения: женщина отказывается от «нормативных» супружеских отношений, реализуя свободу тела в альтернативных формах совместного проживания с мужчинами (примеры и подробности подобных отношений будут представлены далее).

Протестные формы поведения редко позволяют преодолеть телесное отчуждение, однако они позволяют достичь поставленной цели — вырваться из родительской семьи, социальной среды и т. д. «Правильное» же усвоение телесного поведения, предписанного для роли хозяйки и матери, не только усугубляет отчуждение, но и препятствует реализации поставленной цели — созданию самостоятельной семьи:

«Когда я выходила замуж за своего мужа, я считала, что я выйду замуж за своего мужа, с которым я проживу всю жизнь, пусть случайно, но зато надежно. Оказалось, что это неверный тезис» (40 лет).

Следование усвоенным в детстве нормам поведения не гарантирует от развода, произошедшего по инициативе мужа. Тезис о том, что самое главное в жизни — это выйти замуж, оказался не верным. Социализация в рамках скромности и сдержанности не предполагала развития коммуникативных навыков, необходимых для поддержания брака. «Случайный брак», тем не менее, оставался для женщины ценностью: она не решалась разрушить семейные отношения, но сохранить их все равно не удавалось, так как такой брак не устраивал мужа.

Рассмотрим еще один пример воспитания в родительской семье:

«Основная сказка, на которой нас воспитывали, это — сказка о Золушке: не важно какой ты есть, но в какой-то момент найдется принц, который за тобой бежит, который тебя угощает и который все для тебя готов сделать и всем пожертвовать.... это был какой-то обидный стишок перед отношениями с мужчиной, что он будет за тобой мало бегать» (40 лет).

Этот пример интересен тем, что показывает, как использовался сказочный сюжет для отчуждения тела. Данная интерпретация сказания. При этом она должна быть объектом желания всегда, не важно, кто она, как она выглядит, что она делает, иначе она является «ненастоящей женщиной». Показателем «качества» настоящей женщины выступает наличие поклонника, который ухаживает («*Который за тобой бежит, который тебя ухаживает...*»). Если такого мужчины нет, женщина испытывает фрустрацию, связанную с гендерной идентичностью. В результате возникает страх перед общением с мужчинами: оно становится отложенным до появления принца, т. е. желаемого мужчины, а «мало бегавший», т. е. недостаточно активно ухаживающий мужчина, — свидетельствует неудачи в личной жизни, воспринимающей как женская несостоятельность.

Подобное воспитание в детстве влияет на всю личную жизнь женщины, на ее сексуальное поведение. От сформированной в детстве самооценки не удастся избавиться даже в зрелом возрасте:

«С пуританским воспитанием, ужасной фигурой, комплексами, сформированными на этой почве... я совершенно не могу преодолеть этого барьера, и мне все время кажется, что это такая случайность, что у меня вообще есть сексуальный партнер» (40 лет).

Мы видим, как женщина ищет оправдание напильнику у себя сексуальной жизни. В ней воспитали нелюбовь к себе, к своему телу и уверенность в том, что с ее внешностью личная жизнь почти невозможна. В ней сформировали негативное отношение к сексуальной активности, сексу вне брака (именно это имеет в виду информантка, когда говорит о пуританском воспитании). Поэтому активная сексуальная жизнь, приносящая удовольствие, воспринимается ею как ошибка судьбы, как случайное счастье, которого она недостойна.

Таким образом, основной задачей воспитания девочки в родительской семье являлась интериоризация скромности, что вырождалось в телесном поведении, и во внешнем облике. К подобному воспитанию родителей вынуждало общество, которое формировало референтные женские образы: образ хорошо воспитанной, т. е. скромной, девочки, образ хорошей хозяйки и матери, т. е. женщины, которая не имеет частной жизни, не связанной с выполнением своих семейных обязанностей, и возлагало на родителей ответственность за инкорпорирование этих образов.

Для достижения подобной послушности и правильного исполнения ролей важным компонентом становится подавление ранне-

го сексуального поведения. Страх перед ранней сексуальностью был сформирован собственной социализацией родителей. Весь опыт их жизни показывал, насколько опасно неконтролируемое сексуальное поведение. Его последствиями могут быть и отступление брака, и нежелательная беременность, и аборт, и судьба матери-одиночки, которая стигматизировалась в России, особенно в 50—60-е годы. Для того чтобы уберечь дочерей от подобной судьбы, родители формировали запрет на развитие сексуальности, на получение сексуального удовольствия.

Альтернативой подобной стратегии могло бы явиться сексуальное и контрацептивное просвещение, элементы которого возникли в рассказе о биографиях младшей возрастной группы, но родители зачастую не могли просветить своих дочерей, так как не умели даже говорить о сексе.

Запрет на сексуальное удовольствие, на сексуальность вне рамок семьи осуществлялся опосредованно с помощью референтных женских образов — хорошей жены, матери и хозяйки.

«Отчуждение тела»: супружеская семья

Результаты исследования позволяют сделать довольно парадоксальный вывод: супружеская семья продолжает воспроизводить «отчуждение тела» от личности женщины. Именно мужья воспринимаются как агенты оценки: в рассказах описывается, что они создавали комплексы неполноценности и неуверенности в себе, вызывали нелюбовь к собственному телу. Приведем пример:

«...мой бывший муж сделал мне комлекс, что у меня очень маленькая грудь, из-за этого я довольно нелюбима... т. е. что, может быть, единственная у меня замечательная часть моего тела — это мои глаза, все остальное — это так, ниже третьего класса» (27 лет).

Данный пример иллюстрирует две особенности телесного опущения женщины: во-первых, она смотрит на себя глазами мужчины и опущивает себя такой, какой он представляет ее; во-вторых, мужчина диктует женщине образ того, чему она должна соответствовать, причём этот образ часто не совпадает с «реальной» внешностью женщины. Из-за данного несоответствия у нее формируется комплекс неполноценности. Важно отметить, что в оценке женского тела для обоих становится принципиальными соответствующие женщины мужскому «идеалу» женской красоты, а не то, что

привлекало партнеров друг другу. В рассказах образ мужа напoминает образ родителей: и те, и другие часто описываются как понижающие женскую самооценку. Какова же причина, по которой мужчина заставляет женщину не любить себя и свое тело? Рассмотрим еще несколько примеров:

«Иде-то в детстве я как раз совершенно никак не относилась к своему телу... Через некоторое время замужества я стала плохо относиться к своему телу: эта часть мне не нравилась, эта... Я стала стесняться» (44 года).

«Муж всегда пассивно, никогда не давая мне понять, что я ему как-то физически нравлюсь. Это было как бы само собой разумеющимся, но он никогда не говорил о том, что я ему нравлюсь. И в какой-то момент я стала себя очень стесняться, и до сих пор у меня много тактик отстачивания... Отношение к себе у меня изменилось, хотя напрямую к собственному телу переодически возвращается» (39 лет).

Итак, женщина продолжает смотреть на себя глазами другого, мужа, партнера. Если он, в свою очередь, индифферентен к внешности партнерши, то она воспроизводит негативную оценку к собственному телу. Однако, как мы видели, мужа часто артикулируют такую оценку. Некоторые причины этого явления можно найти в организации приватной сферы и семейной жизни в советском обществе.

Советская женщина всегда доминировала в приватной жизни, где она компенсировала ограниченные возможности реализации в публичной сфере. Она распределялась семейным бюджетом, занималась воспитанием детей (не только физическим уходом за ребенком, но и принимаем решение, где и чему ребенку надо учиться, где откладывать и с кем дружить), организовывала досуг семьи (где проводить отпуск, куда пойти в выходные и т. д.). Все эти задачи женщина часто решала без участия мужчины. Мужчина при этом имел ограниченные возможности реализации как в приватной, так и в публичной сферах, и компенсировал их, понижая статус женщины (успешно выполняющей роль «работавшей матери»), в том числе через негативную оценку ее внешности.

У женщин, которые не имели опыта семейной жизни, гораздо реже встречаются рассказы о комплексе неуверенности в себе. Они любят свое тело и не стесняются его, несмотря на его «несовершенство»:

«Ну я просто ловила свой бешеный кайф от того, что я голая и на меня все смотрят. Поэтому мне очень нравилось плавать»

там, или в голом виде купаться со всеми студентами, чтобы обязательно мужчины смотрели... Ну, сейчас я думаю, что неплохо бы походить, но в принципе это мне не мешает, т. е. я об этом... сейчас я об этом не думаю... в принципе, я объективно думаю, что, там, если посмотреть какой-нибудь... секс-журнал, ха-ха, так там найдется и лучше, но в принципе не стесняюсь» (42 года).

Информантка оценивает свою внешность как несоответствующую принятым стандартам и идеалам красоты, но это не понижает ее самооценки и оценки сексуальной привлекательности. Для нее важно, что мужчины смотрят на ее тело, но смотрят и оценивают они «ее» глазами.

Можно предположить еще одну причину негативной оценки мужем внешности жены: боязнь алкольтера со стороны жены. Комплекс неуверенности и сомнения в собственной сексуальной привлекательности ограничивали супружескую неверность женщины. Кроме того, мужа пытаются управлять сексуальным поведением жены, сдерживая ее сексуальность в семейной жизни, тем самым способствуя процессу отчуждения тела женщины:

«Я помню один такой момент, который, может быть, повлиял на всю мою сексуальность, честно говоря, с сексом в семейной жизни все было довольно рутинно. Но я помню, что в какой-то момент у меня было очень сильное возбуждение. А он испугался. И это возбуждение прошло. Это было первое в моей жизни сексуальное, именно сексуальное, желание. Не просто лечь в постель, потому что это нормально между мужчиной и женщиной, а именно сексуальное. Он испугался, сказал: "Успокойся, что с тобой?" Я была очень разочарована. За всю свою жизнь я не могу больше в такое состояние войти. У меня другое состояние бывает, но оно все равно более контролируемое» (39 лет).

Можно выделить несколько предположений для объяснения причин подавления женской сексуальности в супружеской семье. Воспитание у мужчин в родительской семье представление о добродетелях «хорошей» жены предполагало такие ее качества, как скромность и хозяйственность. Образ скромности противоречит образу сексуально активной, легко возбуждающейся женщины. Мужнина сомневается в скромности и порядочности своей жены, именно поэтому приходит в такой ужас («он испугался и сказал: "Успокойся, что с тобой?"»). Скромность интерпретируется как укропленная сексуальность.

Кроме того, сексуальная сфера оставалась почти единственной стороной семейной жизни, где участие мужчины было необ-

ходимо (как уже было показано выше, женщина легко обходилась без участия мужчины в приватной сфере). Мужчина конструировал властные отношения, определял форму сексуальной жизни и степень сексуальной активности, которую женщины допустимо проявлять. Тем самым он символически демонстрировал вторичную роль женщины в сексуальной жизни.

Мужчина, исключенный из приватной сферы и ограниченный в публичных возможностях, в семье чувствовал себя неуверенно, следствием чего и было подавление женского сексуального возбуждения. Легче соответствовать сексуальным требованиям женщин, если их удается отграничивать и контролировать.

Можно привести еще примеры, подтверждающие выказанные гипотезы:

«Да, мне было легко (после развода. — Ю. З.). Наконец-то мне перестало быть необходимо сдерживать свою сексуальность. Вся жизнь мысль о том, что мне много надо, что я легко возбуждаюсь и испытываю большое возбуждение в постели, входила в противоречие с моим воспитанием, с воспитанием моего мужа. Мы были воспитаны, что это нормально. А потом я поняла, что если есть сексуальность, то зачем с ней нужно бороться. Значит, хорошо, и слава Богу, что эта сексуальность есть. Я перестала бороться с сексуальностью. Половая жизнь стала бурной» (31 год).

Мы видим, что во время брака женщине приходилось сдерживать свою сексуальность, в том числе и для того, чтобы соответствовать представлениям мужа, который считал, что сексуальные возбужденность и удовлетворение не должны присутствовать в семейной сексуальной жизни. Жена, т. е. порядочная, добродетельная (скромная, хозяйственная) женщина, не должна испытывать в этом потребность. Только прервав семейные отношения, женщина смогла реализовать свой сексуальный потенциал.

Иногда телесный опыт в браке воспринимается информантками как настолько негативно, что они вообще готовы «отказаться от тела», как от источника неразрешимых проблем, связанных с сексуальными желаниями.

«Интересно, что одно время я совершенно не выносила своего тела. После четырех-пяти лет жизни с мужем мне было неприятно, что я вообще существую в теле, материально, мне это было неприятно, просто неприятно. Мне было неприятно, что у меня вообще есть грудь...» (46 лет).

Мы видим, что женщина готова «отказаться» от чуждого ей

непривлекательного в глазах сексуального партнера тела, которое мешает быть сексуальным субъектом. Ведь именно из-за тела она подвергается критике со стороны мужа, и именно тело виновато в том, что она не испытывает сексуального удовлетворения в семейной жизни. Тело отвечает за то, что ее женская сексуальность вступает в противоречие с нормами и, как следствие, она не имеет возможности проявить сексуальную активность и сохранить при этом статус порядочной женщины.

Таким образом, правила организации семейной сферы в советском обществе привели к тому, что супружеская семья, вслед за родительской, становилась агентом заниженной оценки собственного тела, которое мы здесь метафорически называем «отчуждением от тела». Тело женщины («не принадлежащее»), у нее отбиралось право считать свое тело привлекательным, так как мужчина, репрезентируя общество, формировал телесный канон и пытался навязать его женщине. У нее отбиралось право регулировать свою сексуальную жизнь, так как общество наделило мужчину правом инициировать сексуальные отношения и определять их интенсивность, а женщине в этом отводилась роль пассивная и второстепенная.

Несмотря на то что женщина доминировала в приватной сфере в советское время, отчуждение тела и запрет на удовольствие лишили ее субъективности в супружеских межличностных отношениях. Общество наделило мужчину правом диктовать внешний облик женщины, определять ее моральный образ и регулировать ее сексуальную жизнь, но одновременно лишило его прав на эмоциональные отношения и на организацию семейной жизни. «Отчуждение» женского тела препятствовало проявлению женской сексуальности во взаимодействиях с мужчиной, в результате чего оба партнера оказывались «отчужденными» от телесных чувств в супружестве.

Практика преодоления телесного отчуждения

Результаты исследования позволяют выделить стратегии преодоления отчуждения тела. Женщины испытывают телесную депривацию, т. е. их тело вызывает страдания, чувство неудовлетворенности, создает проблемы в приватной жизни и в сексуальной сфере. Преодоление телесных деприваций происходит посредством практик, которые обычно не рефлексируются. Реконструкция таких практик показывает, что наиболее распространены

являются изменения облика с помощью одежды, обретение телесности через занятия спортом и развитие сексуальности.

Одежда как продолжение «телесного отчуждения»

Использование одежды может компенсировать телесное отчуждение, несмотря на то что телесная депривация не преодолена:

«Тряпки, они служат отражением моего настроения. Какое у меня настроение, так я и наряжусь. Хочу — оденусь так, что мимо меня каждый мужик на улице пройдет и зацепится, и будет считать, что я просто шика. Все кричат еще сверху: "Ты свободна сегодня вечером? Давид... с тобой?" А хочу — я буду такая, что никто даже не взглянет, чтобы меня не трогали вообще. Я так себя преподношу. Хочу — буду очень официальной, деловой и замкнутой» (46 лет).

Из данного отрывка видно, что женщина моделирует с помощью одежды не только свой образ, но и свое телесное поведение («хочу — буду шикастой, хочу — буду деловой и замкнутой»). Из слелушней цитаты видно, что информантка «пытается» за одеждой, пытаясь преодолеть комплекса, сформированные в процессе ее социализации в родительской и супружеской семье:

«У меня тоже эти комплексы периодически возникают. Особенно если партнер незнакомый и проявил ко мне много интереса, но есть только чувство симпатии. В этом случае я себя очень чувствую неовоко и мне не хочется раздеваться. Если бы я меньше боялась дефектов своего тела, может быть, у меня еще лучше бы все это получалось» (46 лет).

Мы видим, что уверенность в себе пропадает, как только женщина оказывается без одежды. Она дистанцируется от тела, так как она смотрит на себя глазами партнера: именно от его оценки зависит отношение к собственному телу. Поэтому в сексуальных отношениях с незнакомым партнером возникает неуверенность в себе. Он еще не видел ее тела, не оценил его, поэтому женщина «не знает», какое у нее тело.

Итак, моделирование внешности с помощью одежды (косметика, прически, аксессуаров) позволяет женщине не только скрывать «дефекты тела», но и создавать образ тела, который она готова считать «своим». Пока женщина способна контролировать свой облик через одежду, референтом тела является именно она. Она чувствует себя уверенно, ее тело принадлежит ей, и следовательно, она свободна в своем телесном поведении. Как только жен-

щина оказывается обнаженной в ситуации взаимодействия с сексуальным партнером, референтом оценки тела становится партнер. Образ собственного тела, а значит, и само тело перестает принадлежать женщине, оно теперь принадлежит сексуальному партнеру. Смена референта телесного образа приводит и к смене референта телесного поведения. Если в одежде женщина, в зависимости от своего настроения, могла позволить себе быть либо «деловой леди», либо «шикастой», то теперь партнер формирует ее телесное поведение, лишив ее субъективности. Если он соотет ее холодной, замкнутой и деловой, то женщина будет считать себя именно такой и вести себя соответственно. Если партнер решит, что женщина слишком легкомысленна и смела, то она будет опущать себя «шлюхой».

Рассмотрим еще один пример использования одежды как способа формирования собственного телесного образа:

«Я себе нравлюсь очень редко, допустим. Могу точно сказать, что там, допустим, два-три раза в год я, как-нибудь так, в особом настроении, новые вещи надеваю. Ну знаешь, как всегда, на Новый год, на день рождения. Там, допустим, что-то такое. Или куда-то, на какое-то там, свидание, там, допустим, тайное... Иду. И это бывает такой момент счастья от сознания своей собственной красоты — бывает три раза в год, не больше. Все остальное время я как бы... ну, как бы на работе: я все время куда-то без, без» (26 лет).

В данном случае мы видим, как одежда не только заменяет тело, но и полностью изменяет восприятие женщиной собственной жизни. В повседневности она не только не нравится себе, но и всю свою жизнь воспринимает как рутину, как работу, где она полностью детерминирована внешними обстоятельствами. И только в тех случаях, когда есть повод надевать особую одежду, мироощущение меняется: появляется осознание собственной красоты, ощущение счастья и праздника.

Можно привести еще один пример того, как одежда помогает женщине преодолеть отчуждение от собственного тела и некого быть к нему:

«Я не люблю свое тело, но я считаю себя сексуально привлекательной. Мне не нравится мое тело, но я об этом не думаю... Поэтому как возбуждающий фактор перед половым актом, там, раздеваясь, это много не испускается. Я, наоборот, надеваю красивое белье, которое скрывает то, что не надо, и открывает то, что надо» (22 года).

Данный пример интересен тем, что показывает особую степень отчуждения тела. Информантка не связывает телесную и сексуальную привлекательность. Она «исключает» тело из сексуального поведения, так как тело «мешает» ей во время полового акта. Спрятав тело за красивым белым, женщина перестает думать о его «дефектах», в ее сознании тело перестает существовать. В сексуальном взаимодействии участвует «бестелесная женщина», тело перестает создавать проблемы. Таким образом, в данном случае сексуализированное нижнее белье не создает нового образа тела, а наоборот, исключает тело из процесса взаимодействия. Вместе с тем исчезают все телесные комплексы, телесное поведение становится коммуникативным, поэтому информантка чувствует себя свободно и уверенно. Она опущает себя субъектом сексуальных отношений.

Обретение телесности при помощи заботы о теле

Обретение собственной телесности и соответствующей ей субъективности происходит в тот момент, когда женщина осуществляет определенные практики заботы о теле. К ним можно отнести занятия спортом, массаж, косметические и другие процедуры, принятые тактильные удовольствия. Работа в теле обусловлена не столько желанием сделать свое тело более совершенным и привлекательным, сколько желанием продемонстрировать себе то, что тело постоянно заботы и любви. Если женщина любит свое тело, значит, оно существует и принадлежит ей. Приведем пример, касающийся занятий спортом:

«В прошлом году я была собой совершенно довольна. Ну, изрядно, не изрядно, это, конечно, — не изрядно, природа создала как создала, но что-то мне не нравилось. Есть какой-то канон красоты... В прошлом году, когда я много занималась спортом, я совершенно была довольна, абсолютно, и в физическом смысле. Сейчас ко мне возвратился такой момент, что я сама себе не совсем приятна. Какой-то такой момент неухоженности, внутренней неухоженности, он есть. Интересно, что одно время я совершенно не выносила своего тела» (40 лет).

Во время занятий спортом женщина была удовлетворена состоянием своего тела, несмотря на то что физические «изрядно» не исчезли. Очевидно, что она испытывает удовольствие именно от заботы о своем теле. Возможно, что в тот момент, когда она уделяет время именно себе, ей удается соответствовать своим пред-

ставлениям об образе «настоящей» женщины. Поэтому занятия спортом наделяются особым смыслом, который не зависит напрямую от «физического» эффекта занятий.

Процедуры, связанные с получением тактильных удовольствий (массаж, ванны, сауны и т. д.), являются еще одним проявлением любви к своему телу. При этом подобное отношение к телу не требует от женщины никаких физических усилий, в отличие от занятий спортом. Получаемые тактильные ощущения способствуют «обретению» телесности, поскольку в этот момент тело становится предметом заботы и любви, т. е. именно в этот момент осуществляется процесс *воплощения* — объединения тела и личности, обретение субъективности. Кроме того, тактильные ощущения приносят физическое удовольствие, тело из источника проблем превращается в источник удовольствия.

Сексуальность versus тело

Результаты исследования показывают, что удачный сексуальный опыт со временем может примирить женщину с «неудовлетворенностью» своего тела, которое сформированы другими, так как тело воспринимается как источник наслаждения. При удачном сексуальном опыте тело перестает доставлять неприятности, оно не воспринимается как проблема. В случае сексуальной удовлетворенности женщина отождествляет тело с телесным опытом, полученным во время сексуального контакта:

«В молодости я не любила свое тело, мне хотелось, чтобы у меня ноги были немножко другие, в молодости талия была другая, грудь повыше и так далее. И я занималась шейпингом, еще чем-то, чтобы сделаться покруше, получше... А где-то после срока лет я люблю все, что во мне есть. И я даже насколько не считала, что что-то может быть плохо. Я должна быть довольна тем, что есть: куда я это выброшу? И даже некоторые моменты, которые у меня могут быть недостатками, я их как достоинства выделяю. Считаю, что это красиво. С возрастом морщинки появляются, так я, наоборот, считаю, что морщинки — признак мудрости, это красиво... Я считаю, что никто лучше меня. Вот мой К. (любовник. — Ю.З.) ездил на кося со своим приятелем... и рассказывает мне о своих похождениях... И вот он: "Там двадцать лет, тридцать лет". Все это мне подробно рассказывает. А я сказала: "Да ну, это все дерьмо, то, что ты там поповола. Где там до меня!" И он со мной согла-

слика. Эта дура молодая, двадцать лет, что она умеет! Да ничего. Подумаешь, у нее молодое тело. А ты взгляни на мое, чем хуже! (Смеется). Да, мне не стыдно, что у меня морщины на щеке. А у них нет. Наглавать! Зато у меня есть масса достоинств, которых нет у молодых девиц» (46 лет).

Во время удачного сексуального контакта женщина вновь «обретает» свое тело, тело становится нужным. И хотя оно по-прежнему обладает «недостатками», именно сексуальное удовлетворение позволяет женщине осознать, что у нее есть тело. Она начинает о нем думать, она начинает его любить, она его «обретает».

В приведенной цитате информантка не отделяет тело от сексуального опыта. После описания недостатков своего тела она говорит, «*что нет ничего лучше меня*». По ее словам, именно так воспринимают ее сексуальные партнеры. Женщина чувствует себя уверенно, поскольку способна управлять своими сексуальными действиями. Сексуальный опыт приобретает с возрастом, поэтому она не воспринимает молодых женщин как соперниц. Она говорит, что у нее масса достоинств, отсутствующих у молодых. Очевидно, что, упомянув свои достоинства, информантка имеет в виду сексуальность, которую противопоставляет красивому молодому телу. В молодости для нее важно было иметь фигуру, соответствующую определенным критериям и стандартам красоты, так как тело отождествилось с внешностью. С возрастом, при накоплении удачного сексуального опыта, формировалось ощущение тела как носителя сексуальности, которая не связана непосредственно с внешностью. В данном случае женщина не только «обретает» телесность благодаря сексуальному опыту, но и ощущает свою телесность как сексуальность. С одной стороны, тело является источником удовольствия и носителем удовольствия во время сексуального взаимодействия, что позволяет воспринимать его как «свое» тело. С другой стороны, успешно реализованная сексуальность снимает проблему соответствия тела канонам красоты и осваивает женщину от комплекса внешней неполноценности, сформированным в результате ее воспитания и семейного опыта.

Таким образом, формирование собственного телесного имиджа с помощью одежды, косметики, прически и т. д., а также забота о собственном теле и развитие сексуальности являются стратегиями компенсации телесной депривации, сформированной в процессе социализации. При этом забота о теле является практикой обретения телесности как чувства любви к телу через так-

тильные ощущения, а формирование собственного имиджа и развитие сексуальности являются практиками замены «новое» тела на образ (самоощущение) тела.

Следует еще раз отметить, что стратегии компенсации практически никогда не рефлексируются информантками. Они выделены при помощи анализа текста с целью определения влияния телесного отчуждения на некоторые телесные практики женщины, в частности на сексуальное поведение.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют, во-первых, выявить, с помощью каких механизмов формируется отчуждение от тела и запрет на телесные удовольствия в родительской семье, во-вторых, показать, как это отчуждение сохраняется и усиливается в семье супружеской, в-третьих, выделить некоторые практики преодоления отчужденного тела, которые помогают вернуть индивиду возможность получения телесного удовольствия.

Формирование запрета на получение сексуальных удовольствий было частью «рандиозного социального эксперимента по формированию нового человека». (Кол 1997: 4). Объектами этого эксперимента являлись сексуальность и телесность. Тело использовалось как ресурс в процессе модернизации общества. Женское тело являлось как ресурсом рабочей силы, так и ресурсом воспроизводства населения. Для того чтобы женское тело было управляемым ресурсом, ему предписывалось жесткое нормативное поведение.

Предписанный советской женщине телесный канон — это канон скромности и добродетельности. С помощью средств массовой информации, журналов мод и других женских журналов формировался положительный образ женщины. Исследователи советской моды утверждают, что самое главное требование к образу женщины заключалось в том, чтобы женщина выглядела скромно (Walsh 1996). Скромность была возведена в абсолют, она должна была проявляться во всем: во внешности, в манерах, в одежде, в поведении. «Скромный человек — это человек смиренный, кроткий, умеренный во всех требованиях» (Даль 1996: 210) Поведение скромного человека хорошо предсказуемо, а значит — управляемо.

Кроме того, в средствах массовой информации формулировались приоритетные женские роли — трудящица, матери, жены и

домохозяйки. Подготовка к усвоению данных ролей и воспитание соответствующих качеств начиналось в родительской семье. Ответственность за «правильное» поведение девочки и за «правильный» внешний вид возлагалась на родителей. Родители были вынуждены ограничивать телесную свободу ребенка и подавлять раннее проявление женственности. К этому их побуждало, с одной стороны, общество, с другой — собственная социализация. Результаты исследования показывают, что своих целей родители добивались, зачастую создавая у девочки комплекс неполноценности, основанный на неуверенности в собственной внешности. Таким образом, формирование запрета на телесные удовольствия и «отчуждение тела» начиналось в родительской семье. Родители давали понять девочке, что ее тело должно соответствовать канону, и именно поэтому она не имеет права сама выбирать себе одежду, прическу, макияж и т. д.

Иначе «отчуждение тела» женщины прожизнилось и воспринималось и в супружеской семье. Правила организации семейной сферы в советском обществе были таковы, что женщина доминировала в приватной жизни, контролируя семейный бюджет, досуг и проч. Мужская доминанция, не столь очевидная, проявлялась в контроле над женской сексуальностью и телесностью. Поэтому у женщины «отбиралось тело», она не могла считать свое тело привлекательным и не имела права инициировать сексуальные отношения. Женщины не являлись субъектами сексуальных отношений.

Кроме того, общество предъявляло к мужчине жесткие критерии маскулинности. Единственной сферой семейной жизни, где мужчина всегда мог демонстрировать маскулинность, были сексуальные отношения. Результаты исследования позволяют предположить, что мужчина несознательно «мстил» женщине за свое бесправие в приватной сфере, понижая ее самооценку и снижая ее сексуальную активность. Такие практики позволяли ему господствовать в сексуальной жизни и уменьшать вероятность адюльтера со стороны женщины.

На основе анализа интервью были выделены некоторые практики преодоления телесного отчуждения. К таким практикам относятся изменение собственного телесного имиджа с помощью одежды, прически и макияжа, забота о теле с помощью занятий спортом, массажа и других процедур, приносящих тактильные удовольствия, и развитие собственной сексуальности. Эти практики обычно не рефлексировались самими информантами, однако

очень важны для понимания женского телесного поведения вообще и сексуального поведения в частности.

Изда запрет на удовольствия и «отчуждения тела», сексуальное поведение как поведение, ориентированное на получение удовольствия, в определенном смысле действительно отсутствовало в Советском Союзе.

© Зеликова Ю., 2002

Элине Хаавио-Манини, Сами Пурхонен и Тимму Турумен

**СТРОЙНОСТЬ И САМООЦЕНКА СЕКСУАЛЬНОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КУЛЬТУРНЫХ ИДЕАЛОВ**

В западных обществах стройность считается показателем красоты, здоровья, самодисциплины и сексуальной привлекательности. Взаимосвязь индекса массы тела (масса, разделенная на рост в квадрате, ИМТ) и самооценки сексуальной привлекательности исследовалась на основе репрезентативных опросов взрослого населения Финляндии (1992, 1999) и Санкт-Петербурга¹ (1996). Данные анализируются посредством корреляционного и логистического регрессионного анализа (contelation and logistic regression analysis). В исследовании были включены также глублинные интервью, проведенные с женщинами в Хельсинки и Санкт-Петербурге.

В Финляндии стройные женщины считают себя более сексуально привлекательными, чем полные. В исследовании для контроля этой взаимосвязи с помощью регрессионного анализа были использованы четыре исходных (preseding) фактора: вес, количество детей, возраст и образование, и три промежуточных (intervening) фактора: число сексуальных партнеров, время последнего полового контакта и удовлетворенность сексуальной жизнью. По данным опросов в Санкт-Петербурге, при процедуре уточнения (adjustments) признаков — числа детей и возраста — связь между ИМТ и самооценкой сексуальной привлекательности исчезает. У мужчин слабая ассоциация между ИМТ и сексуальной

привлекательностью также исчезает при контроле по другим переменным. При этом высокие мужчины считают себя более привлекательными, чем низкие.

Исследование показало, что социальный контроль тела посредством культурыно предписанного требования стройности является более жестким для женщин, чем для мужчин, этот контроль строже на Западе, чем в Восточной Европе. Индекс массы тела высокий в обоих случаях, при этом вес финских мужчин больше, чем русских, работают над своим телом и контролируют его, занимаясь физическими упражнениями и наблюдением за своим весом. Русские женщины часто рассказывают о том, что они стремятся скрыть свою полную соответствующей одеждой.

Для анализа результатов исследования использовались феминистские теоретические подходы.

**Тело и сексуальная привлекательность
(место введения)**

Понятия «тело» и «телесность» стали популярным предметом в культурологических исследованиях и исследованиях дискурса начиная с 80-х годов (например, Франк 1990, Морган and Скотт 1993, Шиллинг 1993, Типпет 1991, 1992, 1996). Началось и обсуждение того, как социология конструирует тело и как социология конструируется в отношении к телу (Нелен 1992). В социологии тела сформировалось три главных направления: во-первых, тело рассматривается как феномен репрезентации и как символический феномен, во-вторых, телесность концептуализируется в исследованиях сексуальности и полово/гендерной дихотомии, в-третьих, тело связывается с медицинскими и медикализирующими проблемами и дискурсами (Типпет 1994, 1996, 31–32, ср. Франк 1990). Тело рассматривается как источник или основа само-идентичности (Giddens 1991, Shilling 1993), но оно также функционирует как выражение социальной и личной идентичности (Falk 1994). В современном обществе тело все в большей мере считается репрезентацией индивиду, зеркалом души (Типпет 1994, 1996).

Телесность, особенно определение и оформление женского тела, является одной из ключевых проблем феминизма. Можно сказать, что существуют две стратегии в феминистской дискуссии о теле. Одна предполагает «преодоление» тела, другая рассматривает тело позитивно (Falin 1996, ср. Grosz 1994: 13–19). Большее значение

¹ Опрос в Санкт-Петербурге проводился в рамках проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (место введения)».

для «возвращения тела» (в дискурсе) имел анализ власти и сексуальности Мишеля Фуко (Foucault 1977, 1980a). В системе современного знания и организации власти важным является превращение (интернализация) внешних правил в самоконтроль, при этом приоритетными становятся не законы, а нормы. Власть рассматривается как «биовласть» (см.: Foucault 1980a: 135–145), которая действует преимущественно через тела, поэтому необходима концепция рации на «тех постоянных непререкаемых процессах, которые подчиняют (subjected) наши тела, управляют нашими жестами, диктуют наше поведение» (Foucault 1980b: 97).

В нашем исследовании мы используем термин «образ тела» («body image») (Schider 1964) как обозначение общей концепции собственного тела, которую вырабатывает индивид. Образ тела создается в течение всей жизни во взаимодействии с процессами, происходящими в собственном теле и в окружающей среде. Для создания образа тела, кроме физических условий, важны ценности и нормы, обусловленные полом (гендером) и возрастом. Необходимо отметить, что образ тела не обязательно соответствует физиологической реальности, он является эмоционально и личностно окрашенной концепцией собственного тела. Образ тела состоит из нескольких элементов, в данном исследовании наиболее важным из них является внешность индивида, которая придает ее (его) телу социальные значения и роли (старая или молодая, красивый или безобразный и т. д.) (Whitlock and Justalo 1988: 2–8).

Масса тела, т. е. отношение веса и роста, является важнейшим аспектом объективного и субъективного образа тела. В западных обществах стройность считается показателем хорошего здоровья, самодисциплины и сексуальной привлекательности. Худое и хорошо выглядищее тело становится идеалом в современной культуре потребления (Featherstone 1982, Shilling 1993, Lupton 1996). Требования стройности и привлекательности распространяются в первую очередь на женщин (напр., Otvasch 1979, Chetpin 1983, Lawtelse 1987, Seid 1989, Wolf 1990, Borgo 1993, Hesse-Vibet 1996). Забота о внешности и теле становится моральной проблемой (Bordo 1993): «моложавое стройное крепкое мускулистое тело символизирует самоконтроль и силу воли, а полное и стареющее тело воспринимается как нежелательное и даже отталкивающее. В исследованиях Ботта (Botta 1999) обнаружено, что чем выше ИМТ, тем менее удовлетворены девушки старших классов американской школы своими телами. Сьюзен Бордо (Bordo 1993: 166) считает, что дисциплинирование и нормализация женского тела ис-

торически воспринимается в качестве исключительно сильной и плодотворной формы социального контроля. Наоми Вулф (Wolf 1990, 200) пишет: «Диета является сутью современной женственности. Организация в пище оценивается как правильное поведение для женщины и как неправильное для мужчины. Для женщины "есть от души" считается неправильным, поскольку этим они могут повредить своей сексуальности. Напротив, поедение женщиной считается правильным, если они голодают и тем самым вытравляют в своей сексуальности».

Анорексия и булимия становятся быстро распространяющимися пищевыми расстройствами, которые вызывают оборотную сторону культурных идеалов стройности (напр., Hesse-Vibet 1991). Раньше, даже в западной культуре, наличие жировой прослойки считалось сексуальным качеством у женщины, victorivны даже нежно называли ее «шпелковой полклялкой» (Wolf 1990: 192–193). Недавно было обнаружено, что *анорексия нервоза* более не ограничена западным регионом. «Наоборот, анорексию можно понять как феномен, обусловленный транснациональной культурной современности, которая характеризуется возникновением интернационального солидарно-культурного сила в странах, подверженных быстрой урбанизации, и которая включает в себя как возвращающиеся изобилие, так и глобализацию фобии ожирения и распространение биомедицинских технологий» (Lee 1996: 21).

Чувство стыда, связанное с ожирением, становится проблемой, поскольку это синоним плохого самоощущения (напр., Moss 1992). Внешний контроль тем менее необходим, чем более интернализована власть стыда (Kosonen 1997).

Исследовательская проблема и данные

В этой статье мы анализируем соотношение между массой тела и образом собственной сексуальности, т. е. субъективным ощущением или восприятием своей сексуальной привлекательности. Мы предполагаем, что *худые люди считают себя более сексуально привлекательными, чем толстые*, поскольку стройность в современном культуртре считается важнейшим элементом красоты и привлекательности. Поскольку идеология стройности более важна для женщин, чем для мужчин (напр., Otvasch 1979, Wolf 1990, Borgo 1993), мы предполагаем, что *для женщин характерна более тесная корреляция между стройностью и сексуальной самооценкой, чем для мужчин*.

В соответствии с широко распространенной точкой зрения озабоченность стройностью как идеалом красоты наиболее сильна в западных обществах, хотя в последнее время она распространяется и за их пределы (Lee 1996). Тем не менее, мы ожидаем, что масса тела больше влияет на (само)образ сексуальной привлекательности в Финляндии, чем в Санкт-Петербурге, где до настоящего времени западные культурные идеалы еще не получили широкого распространения.

Помимо пола (гендера) и региона, другие факторы также могут оказывать влияние массы тела на самооценку сексуальной привлекательности. Мы исследуем влияние следующих факторов: рост, число детей, возраст и образование — как на массу тела, так и на субъективное ощущение сексуальной привлекательности.

Следуя за Вайдерманом и Хорстом (Widerman and Hupst 1998: 276–277), мы предполагаем, что худощавые люди более сексуально активны, чем полные. Взаимоотношение между стройностью и самооценкой сексуальной привлекательности опосредованно степенью сексуальной активности и удовлетворенностью. Это также должно быть учтено в возможных корреляциях ИМТ и самооценки сексуальной привлекательности.

На рис. 1 представлены кувальдные связи между массой тела и субъективной сексуальной привлекательностью.

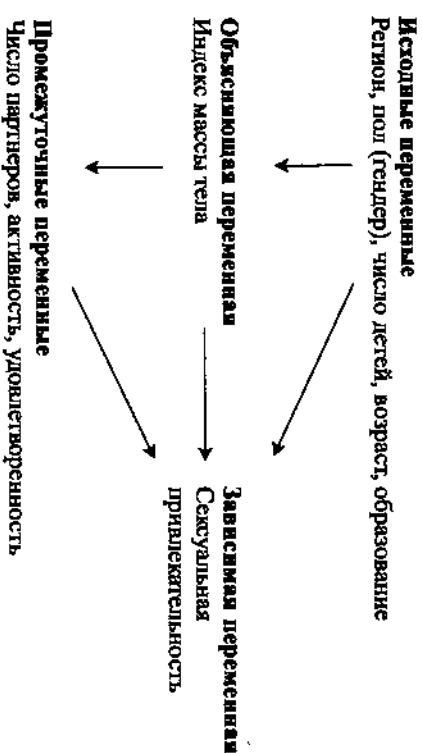

Рис. 1. Модель причинной связи индекса массы тела и сексуальной привлекательности

Для решения нашей исследовательской задачи мы используем и количественные, и качественные данные. Репрезентативные данные о сексуальности населения были получены в Финляндии: в 1992 году — в возрасте 18–74 лет (N=2 250, уровень ответов 76%, Kotila and Naulio-Mannila 1995); в 1999 году — в возрасте 18–81 лет (N=1 496, уровень ответов 46%), а также в Санкт-Петербурге в 1996 году — в возрасте 18–74 лет (N=2 081, уровень ответов 60%, Gronow et al. 1997, Naulio-Mannila and Rokkitch 1997). В ситуации интервью около половины вопросов задавались устно интервьюером, лицом к лицу, в то время как конфиденциальная часть анкеты заполнялась самими респондентами в присутствии опрашиваемого и респондентного анализа.

В дополнение к данным опроса мы использовали глубинные интервью. Елена Здравомыслова и ее исследовательская группа проинтервьюировали в Санкт-Петербурге в 1996 году 25 женщин, принадлежащих к среднему классу (они также провели 21 интервью с мужчинами, которые здесь не используются). Интервьюируемым в числе других вопросов задавали и такие: «Удовлетворены ли Вы своим телом? Почему? О каком теле Вы мечтаете?». Элина Хаавио-Маннилла и ее студентка-социологи провели интервью с 19 женщинами в Хельсинки в 1998 году. В финском исследовании предлагался длинный перечень вопросов, разработанных С. Пурхонен и Т. Турunen. В дополнение к задаваемым вопросам восемь интервьюированных ратифицировали интервьюируемых по шкале физической привлекательности от единицы («непривлекательный») до пяти («очень привлекательный»). Одним из критериев привлекательности была стройность. Хотя существует очень много трудностей для «объективной» оценки сексуальной привлекательности интервьюируемых (ср. Диепет et al. 1995), мы дополняем цифры из финских интервью внешними оценками.

Результаты

Сексуальная привлекательность, рост и вес

В трех опросах оценка сексуальной привлекательности респондентов измерялась по 5-балльной шкале². Данные, приведен-

² Задавался вопрос: «Что Вы думаете о следующем высказывании, касающемся Вашего свойства сексуальной жизни? — Я считаю себя сексуально привлекательным(ой)». Пять вариантов ответа ратифицировались от полного несогласия (1) до полного согласия (5).

ные в табл. 1, показывая, что русские³ мужчины и женщины более высоко оценивают свою сексуальную привлекательность, чем финны. В обоих регионах женщины считают себя более сексуально привлекательными, чем мужчины.

Таблица 1. Показатели средних или проценты переменных в соответствии с местом, годом опроса и полом респондентов

Переменная и пол	Санкт-Петербург 1996	Финляндия 1992	Финляндия 1999 (взвешенные данные)	Регион	Пол	Сопре- женность
Самое ценное сексуальное привлекательности (рейтинги: 1 — низкий, 5 — высокий)						
М	3,40 (720)	3,04 (952)	3,24 (690)	*** 1	**	ns
Ж	3,44 (1008)	3,09 (893)	3,38 (704)			
Рост, см						
М	176,0 (670)	79,6 (1102)	81,1 (722)	***	***	ns
Ж	162,7 (1208)	163,6 (1144)	164,5 (759)			
Вес, кг						
М	75,2 (866)	79,6 (1102)	81,1 (722)	***	***	***
Ж	65,2 (1206)	65,7 (1144)	67,3 (750)			
Индекс массы тела ²						
М	24,3 (866)	25,4 (1102)	25,6 (721)	***	***	***
Ж	24,7 (1206)	24,6 (1143)	24,9 (750)			
Число детей ³						
М	1,11 (869)	1,50 (1099)	1,45 (727)	***	*	***
Ж	1,09 (1206)	1,74 (1141)	1,73 (769)			
Возраст, кол-во лет						
М	41,2 (869)	41,3 (1103)	44,6 (720)	***	ns	***
Ж	43,0 (1209)	43,1 (1144)	45,6 (762)			

¹ Большинство интервьюируемых в Санкт-Петербурге были русскими, но мы иногда называем всех «русскими», имея в виду жителей Санкт-Петербурга любой национальности.

Искет w/o	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
34,3% (868)	21,6% (1100)	31,6% (727)	***	0	**			
32,5% (1209)	24,2% (1145)	37,9% (769)						
Среднее число сексуальных партнеров в течение жизни								
М	5 (616)	7 (951)	6 (540)	***	***	ns		
Ж	3 (945)	3 (1006)	3 (788)					
Недели после последнего полового сношения ⁴								
М	31,4 (749)	16,4 (1000)	27,5 (678)	***	**	***		
Ж	101,5 (1059)	53,0 (1039)	47,2 (714)					
Сексуальная удовлетворенность (рейтг. 1 - низкая, 5 - высокая)								
М	3,7 (763)	4,1 (1053)	3,9 (701)	***	***	***		
Ж	3,4 (1108)	4,0 (1087)	3,9 (733)					

¹ *** $p < .001$, ** $p < .01$, * $p < .05$, ns - незначительно.

² ИМТ = Вес/рост в квадрате, рейтинг 13,3-57,1.

³ Подсчитано для всех респондентов, включая бездетных.

⁴ Когда у Вас было половое сношение последний раз? 11 закрытых ответов перечислялись в неделях для каждой категории: в течение суток = 0,07; 1-2 суток назад = 0,14; 3-4 суток назад = 0,50; 5-7 суток назад = 0,86; 1-2 недели назад = 1,5; 3-4 недели назад = 3,5; 1-3 месяца назад = 8; 4-12 месяцев назад = 32; 1-2 года назад = 78; 3-4 года назад = 343; больше чем 10 лет назад = 520.

Согласно данным массовых опросов, финны без различия пола выше ростом и весит больше, чем жители Санкт-Петербурга. Индекс массы тела (вес в килограммах, разделенный на рост в метрах в квадрате) финских мужчин больше, чем русских, в то время как между женщинами значимых различий не обнаружено.

В Санкт-Петербурге большинство интервьюируемых «любит свое тело», даже если считают себя полными. Одна из русских женщин (П21⁴) утверждает, что хотела бы сбросить вес, но тем не менее телом своим она довольна:

⁴ Буква «П» обозначает жительница Санкт-Петербурга, «Ф» — жительница Финляндии (Хельсинки). Номер после буквы указывает на соответствующий файл. Краткие характеристики интервьюируемых, питаемых в настоящем тексте, даны в приложении.

«Ну, сейчас я думаю, что неплохо бы похудеть, но в принципе это мне не мешает, т. е. я об этом, сейчас я об этом не думаю, но в какой-то период...»

... Ну, в принципе, я объективно думаю, что, там, если посмотреть какой-нибудь... секс-журнал, так там найдется и лучше, но в принципе — не стесняюсь».

Русская женщина старшей возрастной группы (П22) с юмором говорит о шутках друзей по поводу ее веса, которые считают, что «хорошего человека должно быть больше». Ее вес увеличился после рождения второго ребенка, а затем уменьшился вследствие «гормональной нормализации» и работы на собственном дачном участке. Она часто получала комплименты по поводу своей внешности: «Как мне говорят мои студенты... я самая красивая... женщина в институте... Я достаточно сексуальна...».

В противоположность женщинам среднего и старшего возраста некоторые молодые жительницы Санкт-Петербурга, когда на бракот вес, «испытывают ненависть» по отношению к самим себе. Они безрезультатно пробуют различные диеты (цитируемая выше) (П24), как и женщина старшего возраста (цитируемая выше) (П22), убеждена, что на изменение веса влияют гормоны:

«Из-за всех моих гормональных нарушений у меня постоянно "жакал" вес. И были моменты, когда я была очень толстая, и я себя просто ненавидела в этот момент, я ненавидела свое тело, когда ты не можешь управлять им. И что бы ты ни делал, на каких диетах ни сидел, и все равно тебя несет, несет, несет. И ты устаешь от того, что тебе хочется кушать, а ты пытаешься, там, сохранить свою калую-то фигуру».

Другой пример русской женщины — 32-летняя машинистка (П25), неудовлетворенная своим весом, которая хотела бы похудеть и быть выше ростом:

«В последний год мне мое тело очень не нравится. Оно меня не слушается. Я никогда не занималась, там, своим телом, по-настоящему, но оно все-таки поддавалось каким-то моим желани-ям, скажем так. Хорошо было всегда похудеть на килограм-мчик—два, тогда можно было вообще просто летать парадильно земле, вот. А теперь — ни фига, не то что на кило-граммчик—два не похудеешь при всех усилиях. Я ехала к тебе сегодня, буквально, в метро, в чудовищном этом освещении ва-гонном... вдруг я взглянула на свои ноги и подумала: боже мой! чьи это ноги там? Понимаешь, с какими-то набухшими вена-ми, там вообще... на ступнях...»

В: Скажи, какое бы ты хотела иметь тело?

О: Малое. Ну хотя бы свое малое двадцатипятилетнее. Ну, непе-но претендовать, там, на ноги на десять сантиметров длиннее...»

В противоположность некоторым русским информанткам все финские информантки без исключения полностью не удовлетворены своим телом. Аутентичность или правдивость дискурса не обяза-тельно играет здесь существенную роль. На основании имеющихся данных можно предположить, что женщины в целом склонны жаловаться на избыток веса, для них характерна заниженная самоо-ценка в целом и заниженная самооценка своей внешности в част-ности. Однако эта тенденция не уменьшает значения культурной нормы, репрезентированной в речи, и соответствует установкам, согласно которым тело (любого человека) не является совершен-ным, хотя оно должно быть таковым. Мы рассматриваем информа-цию, содержащуюся в текстах в качестве истинной, исходя из «ре-алистического» подхода в исследовании рассказов о жизни. Это согласуется с нашим положением о том, что удовлетворенность своим телом связана с «работой» над телом.

Одной из особенностей финских интервью является то, что ответа на вопрос «Любите ли Вы свое тело?» дается с инстру-ментальной точки зрения, в которой тело рассматривается как объект. Феноменологические аспекты интерпретации тела как субъекта, например рассказы о теле, способном испытывать боль или подвергаться болезням, не артикулируются. Находясь в объек-тивизирующей перспективе вутсайдера, интервьюируемые испыты-вают некоторые интуитивные, которые позволяют сделать дистан-цию конкретной и осязаемой. Зеркало и старые фотографии материализуют дистанцию между человеком и его телом, которая сохраняется в рассказах. Они помогают принять роль Другого. «Я» расклевывается воспринимается глазами «значимых других», чьи реакции на ее внешность не остаются без внимания.

В подавляющем большинстве случаев наиболее важным источником неудовлетворенности собственным телом является признание его несоответственной стройности, или, говоря иными словами, люди считают себя слишком толстыми. Типичным, хотя и умеренным примером неудовлетворенности, является рассказ 33-летней финки (Ф33). Интервьюер описал ее как симпатичную стройную женщину (ранг 4 по 5-балльной шкале сексуальной при-влекательности).

«(Мое тело), возможно, сейчас в достаточно хорошей форме, но я уверена, что необходимо убрать сосиски с моего живота...»

У меня иногда немного уменьшается вес, хотя я ничего специально для этого не делаю... Единственное, что я делаю, — это пытаюсь контролировать свои килограммы. Я беспокоюсь, когда у меня появляются лишние килограммы, это мешает в сексуальной жизни, даже если чувствуешь себя в относительно спокойном состоянии, это все равно влияет (на сексуальную жизнь)».

В связи с неудовлетворенностью телом наиболее часто упоминаются живот и талия, что может быть объяснено пубокой индустриализацией идеалов стройности. Интересная особенность пиретического фрагмента состоит в том, что инфофрагмента говорит о диете и дисциплинировании веса как о нормальной проблеме, требующей постоянного самонаблюдения и заботы, которые можно легитимно прекратить только в некоторые периоды, когда вес сброшен в достаточной мере.

В финских интервью интерпретации предмета обсуждения — «Любите ли Вы свое тело?» — является сложной и амбивалентной. Представляется, что амбивалентность структурируется вокруг нескольких основных проблем. 27-летняя финка (Ф13), чье тело имеет правильные пропорции и которая оценена как хорошо выглядящая (ранг 4), рассказывает:

«Я не оцениваю специально, например, свою внешность или внешние черты... Я не сижу перед зеркалом, разглядывая себя по полчаса ... да, я слежу за тем, увеличивается мой вес или уменьшается, но это — единственная вещь ... об остальном я не забочусь».

В. Хавши ли кто-то из Ваших партнеров что-то особенно? О. Да... мужчина, который не смог со мной заниматься сексом и чье имя я даже не помню... так он (мужчина) прислал мне компьютерное письмо... (и я почувствовала себя так хорошо) ... в котором он сообщил, что оказался импотентом, а затем он написал, что все же хочет еще раз увидеться, и писал, что я невероятно красива и у меня невероятно прекрасное тело. Я сохранила это письмо (хх-хх), так что я могу показать его ... Я не знаю, насколько оно искренне или оно просто означает: "Я хочу заняться сексом с тобой"».

Этот рассказ интерпретируемой может показаться, на первый взгляд, противоречивым, поскольку сначала она заявляет, что не считает внешность чем-то существенным для себя, а позже говорит: «я все время думаю о килограммах». Однако представляется, что между этими высказываниями нет противоречия. С одной стороны, рассказчица ориентируется на идеал стройности и пытается

ся достигнуть его как нормального, естественного или самоочевидного состояния. С другой стороны, этот идеал не связан с внешней оценкой тела. Признание женщины в том, что она сохранила письмо, показывает важность для образа себя позитивной обратной связи с другими, особенно с сексуальными партнерами, которые реально видели ее тело.

Связь сексуальной привлекательности, массы тела и некоторых социальных факторов

Прованализируем теперь, существует ли статистически значимая связь между самооценкой сексуальной привлекательности и показателями массы тела. Таблица 2 показывает, что худощавые женщины и в Санкт-Петербурге, и в Финляндии считают себя более привлекательными, чем полные. Худощавые финские женщины также несколько выше оценивают свою сексуальную привлекательность, чем полные; однако в Санкт-Петербурге мы не обнаруживаем корреляции между массой тела и субъективно оценяемой сексуальной привлекательностью мужчин.

Таблица 2. Корреляция самооценки сексуальной привлекательности и независимых переменных по регионам, данным опросов и полу. Коэффициент корреляции Пирсона (r) и их статистическая значимость

Независимые переменные	Санкт-Петербург 1996		Финляндия 1992		Финляндия 1999	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Объективная переменная ИМТ	.03	-.22***	-.08*	-.21***	-.14***	-.27***
Исходные переменные:						
Рост, см	.14***	.15***	.05	.11***	.12**	.04
Число детей	-.03	-.18***	-.06	-.15***	-.10*	-.17***
Возраст, лет	-.14***	-.30***	.14***	.30***	.16***	.24***
В/о	-.03	.07*	.05	.12***	.04	.09**
Проживоточные переменные:						
Число секс-партнеров в течение жизни	.09**	.18***	.17***	.20***	.17***	.18***
Коп-во недель после последнего полового сношения	-.26***	-.34***	.10**	.25**	.09*	.18***
Секс-удовлетворенность	.27***	.30***	.19***	.21**	.26***	.17***

*** $p < .001$, ** $p < .01$, * $p < .05$.

Зависимость между телосложением и сексуальной жизнью обуславливалась в некоторых глубинных интервью. Женщина из Санкт-Петербурга (П2) не видит связи между своей сексуальной привлекательностью и телосложением:

«В. В сексуальных отношениях какие-нибудь у тебя есть неудобства (из-за веса)?»

О. *Зависимость не от объема моего тела, а от болезни. Я подозреваю, что у меня дисфрагмальная грыжа пищевода.*

На вопрос: «Ты себя считаешь сексуально привлекательной?», она отвечает: «Не уверена. Обычной». Это иллюстрирует наше предположение о том, что вес тела не является решающим для оценки сексуальной привлекательности многими русскими женщинами.

Большая значимость телосложения в сексуальной жизни женщин по сравнению с мужчинами отмечается Санкт-Петербургской информанткой (П8):

«(Мужчины) совершенно безразлично относятся к своему телу. Единственное, что они не безразлично относятся к своему члену... в сексе большинство из них думает только о своем члене — встанет, не встанет, как встанет».

Информантка считает, что избыток веса может сделать многих женщин сексуально привлекательными в глазах мужчин. Ранее упомянутая молодая русская женщина (П25), которая хочет быть тоньше и выше, при этом не хочет быть очень худой. Она отмечает, что избыточный вес заставляет ее чувствовать себя полностью беззащитной: когда идешь по улице и «тебя задница делает тебя как бы вот объектом сексуальных возбудений для проходящих пролетариев».

Эта информантка думает, что полные женщины привлекают внимание нежелательных поклонников или считаются доступными. Она полагает, что лучше быть относительно худой, чтобы избежать нежелательных домогательств в публичных местах.

В финских интервью обнаруживается, что некоторые женщины сверххитричины по отношению к своему телу по сравнению с «объективными» характеристиками интервьюеров (ср. упомянутую ранее Ф33). Женщины критичны и к оценкам себя глазами других. Например, финская информантка (Ф13), получившая лестное письмо от своего поклонника, с подозрением относится к основному мотиву автора письма. Обобщая, можно сказать, что положительный отклик «со стороны» не обеспечивает женщине позитивного восприятия своего тела. В следующем фрагменте 30-летняя финка (Ф11), полная по наблюдению интервьюера (ранг привлекательно-

сти 2), которая ведет «веселую жизнь одиночки», рассказывает, как ее оценка тела отличается от оценки постоянного партнера:

«Можно быть на десять-пятнадцать килограмм меньше... да, когда есть дети, фигура меняется... У меня ужасный комплексы, мои друзья мужские, и особенно Юрка, всегда смеялись по поводу моих комплексов... это, возможно, учит относительно к собственной фигуре лучше, если мужчина делает комментарии в постели... возможно, красота находится в глазах того, кто смотрит».

Сексуальная привлекательность является социальным и культурно детерминированным феноменом, хотя существуют некоторые универсальные стандарты. По данным опроса, стройные, высокие, молодые, образованные люди с меньшим числом детей, с активной сексуальной жизнью, принимающей удовлетворение, считают себя более привлекательными, чем остальные.

Не является ли ложной корреляция между массой тела и сексуальной привлекательностью?

Положительная корреляция между массой тела и сексуальной привлекательностью может быть объяснена влиянием промежуточных факторов. Чтобы избежать ложных интерпретаций, проанализируем влияние на субъективную оценку сексуальной привлекательности четырех исходных факторов: роста респондентов, числа детей, возраста и образования (см. рис. 1) и трех промежуточных факторов: числа сексуальных партнеров, промежутка времени после последнего полового сношения, сексуальной удовлетворенности. Средние показатели по каждому из этих факторов в зависимости от региона опроса и пола представлены в табл. 1⁵.

⁵ Показатели женственности в финской выборке выше чем, в петербургской. В российской выборке и в финской 1992 года возраст респондентов одинаков, в то время как в 1999 году в опросе в Финляндии были включены люди и более старшего возраста. Это связано с иным возрастным разпределением. 18—81 лет в опросе 1999 года вместо 18—74 в двух других исследованиях. Так как возраст контролировался логистическим регрессионным анализом, выяснилось, что возрастные различия не влияют на результаты.

В Санкт-Петербургской выборке респонденты чаще имеют высшее образование, чем в финской 1992 года, но доля финнов с высшим образованием (включая колледжи и политехникумы) увеличилась до того же уровня в выборке 1999 года. Финские мужчины имеют больше сексуальных партнеров, чем русские, среднее число сексуальных партнеров у женщин одинаково во всех выборках. Последнее половое сношение у финнов было ближе к моменту опроса, чем у русских. Русские женщины указали, что прошло значительное время со дня последнего контакта. Финны сексуально более удовлетворены, чем жители Санкт-Петербурга.

Если после процедуры уточнения (adjustments) связь между ИМТ и самооценкой сексуальной привлекательности исчезает, то не приближается той зависимости между стройностью и сексуальной привлекательностью, как это предположительно.

Мы предположили, что западный идеал стройности не настолько утвердился в Санкт-Петербурге, как в Финляндии. Уточненные отношения вероятности (adjusted odds ratios)⁶ (см. табл. 3), показывают, что худощавые финские женщины (ИМТ не превышает 20, терминологично см.: Savio-Lahteenkanta and Lahti 1999) считают себя в два или три раза более сексуально привлекательными, чем полные женщины с ИМТ, превышающим 30 (рис. 2).

Таким образом корреляция стройности и самооценки сексуальной привлекательности поэтому не является ложной для финских женщин. Однако для мужчин в обоих регионах и для российских женщин в связи ИМТ и самооценки сексуальной привлекательности исчезает, когда контролируются другие факторы. Западный идеал стройности, сфокусированный на худобе, как и ожидалось, менее выражен в Санкт-Петербурге, чем в Финляндии.

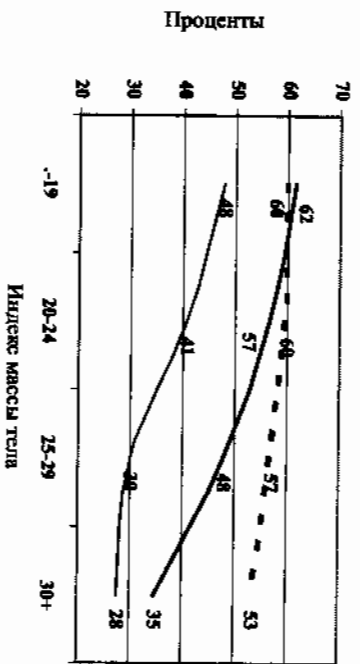

Рис. 2. Пропорции женщин, считающих себя сексуально привлекательными, в соответствии с индексом массы тела в Финляндии и Санкт-Петербурге

⁶ В нашем логистическом регрессионном анализе отношение вероятности (the odds ratios) — это вероятность выбора самооценки сексуальной привлекательности (табл. 4-5), разделенная на вероятность выбора сексуальной непривлекательности или неопределенной оценки (1-3).

⁷ Статистически значимой связи между ИМТ в регионе и самооценкой сексуальной привлекательности не наблюдается. Таблица здесь не приводится.

Таблица 3. Индикаторы различий, полученные в результате процедуры уточнения (adjustments) (переменная В), для самооценки сексуальной привлекательности в соответствии с регионом, годом опроса и полом

Независимые переменные	М		Ж			
	СПб1996	Ф1992	Ф1999	СПб1996		
<i>Объясняющая переменная ИМТ</i>						
худой	.58	1.01	1.51	1.05	2.30*	2.92**
нормальный	.67	1.25	2.09	1.17	1.69	2.49**
избыт. вес	.90	.89	1.73	1.16	1.11	1.53
тучный	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	ns	ns	ns	ns	*	**
<i>Исходные переменные Рост, см</i>						
185+	1.84	.86	3.59**	1.20	1.32	.57
180-184	2.39**	.79	1.68	1.20	1.32	.90
175-179(Ж:175+)	1.58	.70	1.94	1.31	.91	1.03
170-174	1.31	.71	1.93	1.23	1.05	1.08
165-169(М: -169)	1.00	1.00	1.00	1.25	.95	1.08
160-165	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	ns	ns	ns	ns	ns	ns
<i>Число детей</i>						
нет детей	1.38	.97	1.74	2.41*	1.41	1.68
один ребенок	1.22	.70	1.33	1.47	1.44	1.22
двое детей	1.35	.94	.92	1.36	1.18	1.25
три и более	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	ns	ns	ns	*	ns	ns
<i>Возраст, лет</i>						
18-24	1.40	.86	3.67*	1.20	1.15	1.04
25-34	.86	.61	2.07	.84	.88	1.16
35-44	.75	.61	1.69	.81	.61	1.35
45-54	.45	.50	1.22	1.07	.58	.58
55-64	1.27	.37*	1.94	.91	1.00	.69
65-74	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	**	ns	*	ns	ns	*
<i>В%</i>						
есть	.77	1.31	1.25	1.35	1.32	1.00
нет	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	ns	ns	ns	ns	ns	ns

Независимые переменные	М			Ж		
	СПб1996	Ф1992	Ф1999	СПб1996	Ф1992	Ф1999
<i>Промежуточные переменные</i>						
<i>Число сексуальных партнеров в течение жизни</i>						
18+	1.52	1.08	1.31	1.53	6.97**	2.40
8-17	1.31	.59	.49	1.10	3.98*	1.56
4-7	1.05	.44	.51	1.29	2.09	1.12
2-3	.65	.42	.41	.68	2.09	.86
1	.70	.29*	.26**	.54*	1.70	.91
0	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	ns	***	***	***	***	*
<i>последний коитус не больше двух дней тому назад</i>						
3-7 дней назад	2.76*	1.52	1.29	2.41**	2.17*	1.58
1-4 недели назад	4.02***	2.07	.97	2.13**	2.29*	1.48
1-12 месяцев назад	3.37**	.99	.51	1.83*	1.78	1.34
более года назад	1.44	1.83	.45	1.96*	1.89	1.66
Итоговый показатель корреляции	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
ns	**	ns	*	*	*	ns
<i>Сексуальная удовлетворенность</i>						
<i>Считает ли ее сексуальной</i>						
жизнь						
очень хорошей	1.87	1.92	1.49	6.27***	1.10	1.51
довольно хорошей	1.69	.60	.82	3.52***	.74	1.12
не хорошей, не плохой	.62	.45	.24**	1.36	.37*	.62
плохой	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Итоговый показатель корреляции	***	***	***	***	**	*
Число обследованных(669)	(888)	(524)	(929)	(921)	(735)	

Влияние исходных и промежуточных переменных на самооценку сексуальной привлекательности остается значительным при контроле других факторов. В Санкт-Петербурге (опрос 1996 года) и в Финляндии (опрос 1999 года) высокие мужчины, в Санкт-Петербурге бездетные женщины, в обоих регионах более молодые люди, а также те, у кого больше сексуальных партнеров, те, у кого коитус был относительно недавно, и те, кто наиболее сексуально удовлетворены, высоко оценивают свою сексуальную привлекательность, даже при контроле других факторов. После процедуры уточнения (adjustments) влияние высшего (университетского) образования исчезает во всех группах.

Необходимо обратить внимание на две особенности влияния исходных и промежуточных переменных. Во-первых, число детей значительно понижает самооценку сексуальной привлекательности у женщин в Санкт-Петербурге. Таким образом, представляется, что материнство играет для российских женщин существенную роль (ср. Kojkitch 1998: 251). Во-вторых, рост является важным фактором, влияющим на самооценку сексуальной привлекательности российских и финских (опрос 1999 года) мужчин. Эти результаты согласуются с данными Карри Сивентойнен (Silvenoinen 1999), который обнаружил в финском обществе зависимость стигуса от роста у мужчин (при контроле влияния нескольких других переменных).

Важнейшим результатом нашего исследования является вывод о том, что для финской женской выборки характерна значимая связь между стройностью и самооценкой сексуальной привлекательности. Однако этот вывод не распространяется на подвыборки финских мужчин и российских респондентов обоого пола.

Работа над телом как приближение к культурному идеалу

Хотя стройность в большей степени считается важной составляющей сексуальной привлекательности в Финляндии, чем в Санкт-Петербурге, в обоих регионах женщины стараются «работать над своим телом», для того чтобы соответствовать культурным представлениям об идеальном теле. Удовлетворенной (психологической) напряженности, вызываемой требованиями к современному женскому телу и физической невозможностью их выполнить, служит следующее описание идеального тела, приведенное молодой финкой (Ф23): «Высокая, стройная, длинные ноги, грудь и ягодицы пропорциональны... Возможно это... идеал, который никогда никто не может достигнуть».

В некоторых интервью культурный идеал персонализирован в именах, известных из средств массовой информации. Следующая цитата из интервью с молодой финской женщиной (Ф13) показывает степень интернализации того, что сообщается масс-медиа:

«В: Какое тело вы хотели бы иметь?»

О: Такое, как у Синди Кроуфорд — было бы замечательно... но я никогда не хотела быть похожей на Памелу Андерсон».

Молодая женщина из Санкт-Петербурга (П9) разделяет идеал финской инфрмантки, говоря: «...иногда у меня возникает такая

фантазия, что хорошо бы быть такой красавицей, чтобы все про-
сто падали, ха! Там, как Синди Кроуфорд». Без дальнейших разжы-
нений информантки предполагают, что интервьюерам понятен их
выбор «торговой марки» и что они разделяют с исследователями
одинаковую (медиа)реальность.

Работа над собой, ориентированная на приближение к куль-
турному идеалу тела, или «работа над телом» не рассматривается
в интервью в качестве категорического императива. Она описы-
вается как ситуация личного выбора. Одной целью является куль-
турный идеал стройности и работа по его достижению, другой
целью, противоположной, — принятие себя таким, каков ты есть.
Ситуация выбора особенно актуальна для людей, которые не удов-
летворены своим телом. Амбивалентность «естественного» при-
нятия себя и работы над собой (ср. Вогдо 1993) следуем образом
здесь выражена финской женщиной (Ф13):

«Когда я была молодой, что-нибудь всегда было проблемой.
У меня были слишком большие ноги, или слишком широкие колени,
или моя грудь была слишком маленькой. Сейчас я стала боль-
ше принимать себя — какая есть, и если я недостаточно хоро-
ша, то это твои проблемы».

В: Делаете ли вы что-нибудь, чтобы достигнуть идеального
состояния своего тела?

А: Я почти всегда придерживаюсь диеты ... занимаюсь
спортом и даже, хотя как рациональный человек я знаю, что ни-
какие кремы не помогут, но хочется вернуть в них, используя все
эти разные средства и прочее ... если я когда-нибудь стану бога-
той, я сделаю операцию».

Хотя большинство интервьюируемых женщин не стремятся к
такому крайнему средству, как косметическая хирургическая опе-
рация, почти все финские информантки работают над собой, а не
принимают собственное тело таким, как оно есть. Посредством
персонального проекта работы над телом можно улучшить отделе-
ные его элементы. «Дифференциация» тренировочных программ и
соответствующее оборудование позволяют специализировать со-
вершенствование разных элементов женского тела. Финская «пол-
новатая» женщина (Ф62), которая охарактеризована как довольно
привлекательная (ранг 4), описывает свои проекты совершенство-
вания тела:

«У меня есть проект для живота, нужно пытаться ... други-
ми словами, я делаю гимнастику ... сейчас я начала делать ук-
рашения ... чтобы улучшить нежного».

В: Как насчет диеты?
О: Я всегда сижу на диете! Сейчас я уже год не придерживаю-
сь диеты. Я начала мою первую ананасовую диету, когда мне
было 13 лет».

Основной мотив работы над собой может быть связан с
пользой, которую, как предполагается, приносит идеальное тело.
Кроме того, что достигнув стройности, можно улучшить сексу-
альную самооценку и повысить степень уверенности в себе, мно-
гие женщины предполагают, что идеальное тело принесет выго-
ды в самых разных сферах жизни. Финская женщина (Ф11) мечтает
о том, что красивое тело сделает ее свободной в сексуальной жиз-
ни, и она сможет «делать это здесь и сейчас, немедленно и где
угодно». Сейчас она занимается сексом главным образом в спаль-
не, где не испытывает стеснения.

Старшими женщинами работа над телом в значительной сте-
пени представляется как борьба с природой, т. е. со старением.
Здоровье становится побудительным мотивом работы над телом
и в Финляндии, и в Санкт-Петербурге. 59-летняя финская женщи-
на с «нормальным» телом и рангом привлекательности 4 (Ф31)
рассказывает:

«Мышцы моего живота болят с того момента, как я решила
сделать живот поменьше. И сейчас я очень интересуюсь пита-
нием и упражнениями и ненавижу тело женщины ... Три раза в
неделю я хожу в бассейн. У нас там подобрали хорошую коман-
ду ... талия исчезает, женщины становятся талее. У них мо-
гут быть стройные ноги, красивые руки и прочее, но талию
такое ... потом мы поднимаемся и поднимаемся, чтобы не быть
ужасными, толстыми и дряхлыми-подобными, чего, похоже, не из-
бежать. Это ужасно».

Вместо того чтобы работать над своим телом, نابолола за ве-
сом и делаю упражнения, некоторые информантки из Санкт-Пе-
тербурга отказываются от мечты о стройности, с которой они свя-
зывают красоту. Русская женщина (П9) говорит:

«Я всегда хотела быть худее, чем я была всегда ... сейчас я
мечтаю похудеть килограмм на два-дцать».

В: А ты стараешься?
О: Да, я периодически, я, как бы, этим занимаюсь всю жизнь,
ха, ха, ха! Причем давно, лет с тридцати, наверно, как бы,
так постоянно я permanентно этим занимаюсь, да. И вот сей-
час мне кажется, если бы мне удалось похудеть на 10—15 ки-
лограммов, я была бы совершенно довольна своей внешностью».

Я, когда была беременная, все ходила и друила, что, когда я родю, вот это прекратится, я буду стараться хорошо выглядеть, что я буду такой красивой, такой красивой...».

Интервьюер комментирует: «Ну, ничего, ты и так очень хороша». Другая русская женщина (П7) делит физическое утраченное и использует одежду для того, чтобы скрыть свои недостатки:

«О. Я считала себя сексуально привлекательной при том, что мне не нравятся мое тело. По одной простой причине, что я умею ценить женскую красоту. Мне нравятся красивые женщины. И я знаю, что, для того чтобы мое тело было сексуально привлекательным, надо заниматься спортом, подтянуть прессик, чтобы животик не висел.

В. Животика не видно.
О. Ну, дак я ношу такие вещи, чтобы было не видно... Просто я знаю, что мне нужно надеть, для того чтобы скрыть мои недостатки и подчеркнуть мои достоинства. Поэтому как возбуждающий фактор перед половым актом, там, раздвигаться, тря-ля-ля, это мною не используется. Я могу одеть красивое белье, которое скрывает то, что не надо, и открывает то, что надо. Тем не менее, с моим мужской мы каждое утро моемся вместе в душе. Я не могу сказать, что я стесняюсь своего тела, так не есть... Я считаю, что у меня неплохой вкус, и я стараюсь его применить».

Другой вариант осознания собственной сексуальной привлекательности и стратегий, используемых для привлечения мужчин, описывается в рассказе русской женщины среднего возраста (П8):

«Зато у меня есть масса достоинств, которых нет у молодых девич. Я считаю, что женщина, пока она в репродуктивном возрасте, она в любви хороша. И что у каждой женщины, независимо от ее возраста, будь то 12—15—20—25—35—45 (лет) есть свои прекрасные прелюбопытства, которыми она... мужчине может привлечь. Если она — не крокодил. Крокодил, это я имею в виду ее к себе отношение. Не то важно, каких она размеров или какая форма носа и глаз, а важно то, как она себя преподнесет. И это есть радость жизни. От этого зависит все. И даже не то, какие... надеты наряды, главное, чтобы они ей шли, чтобы она себя в них хорошо почувствовала. Королева! Это важно. Мне овуляция меня самой. И не было ни одного мужчины, который бы перед моим овуляцией меня самой устоял... И я их всех учу сексу. Поэтому что те мужчины, которых я выбирала, которые мне симпатичны, с которыми я продолжало поддерживать отношения, как правило, сами очень любят погово-

рить со мной о сексе. Они сами задают вопросы, просят что-нибудь меня объяснить про женщин».

Из материалов глубинных интервью следует, что контроль над весом посредством диет и физических упражнений более распространены в Финляндии, чем в Санкт-Петербурге. С другой стороны, русские женщины чаще, чем финские, рассказывают о том, что они используют модную одежду, чтобы скрыть свою толщину, и ведут себя самоуверенно в отношениях с мужчинами.

Заключение

Репрезентативные исследования в Санкт-Петербурге и в Финляндии в 90-е годы демонстрируют, что показатели массы тела одинаковы у женщин в Финляндии и в Санкт-Петербурге и выше у финских мужчин по сравнению с мужчинами Санкт-Петербурга. Стройные люди в обеих выборках считают себя более сексуально привлекательными, чем полные.

Для выявления корреляции между показателем массы тела и самооценкой сексуальной привлекательности нами был использован логистический регрессионный анализ. После процедуры уточнения (adjusted) переменных веса, числа детей, возраста, образования и сексуальной активности корреляция между ИМТ и сексуальной привлекательностью не была обнаружена у мужчин в обеих регионах и у женщин Санкт-Петербурга. В Финляндии у полных женщины сексуальная самооценка остается ниже даже при контроле исходных и промежуточных переменных. Главным результатом данного исследования является обнаружение того, что стройность как культурный идеал больше интерпретирована финскими женщинами, чем жительницами Санкт-Петербурга.

Эти статистические данные иллюстрировались и интерпретировались с помощью фрагментов глубинных интервью с женщинами среднего класса Хельсинки и Санкт-Петербурга. В интервью общим источником неудовлетворенности телом является избыточный вес, а наибольшее проблематично выглядит такая часть тела, как живот. Диеты и небольшие изменения за весом, особенно в Финляндии, интерпретируются как обычные составляющие жизни, не требующие специального объяснения. При изучении образа тела полезно обратиться к интерпретации телесности, предложенной С. Бордо (Bordo 1993) и Вульф (Wolff 1996).

Тело и его презентация в культуре массового потребления последнего десятилетия становится разнообразной (телесного) капита-

ла (см.: Shilling 1993: 127–148; ср. Voulgeu 1984), который является самым важным источником субъективной (как и «объективной») сексуальной привлекательности. Объем этого капитала определяется и высчитывается по шкале «стройности» — «полнота», «стройное и крепкое тело «обладает» ресурсами; тела (капитала), которым не хватает ресурсов, ненадежны и «спослушны» по сравнению со стройными (ср. Bordo 1993: 166).

Культурный идеал «красота равна стройности» является более значимой частью сексуальной самооценки у финских женщин по сравнению с русскими. Если культурный идеал интернализован как естественная составляющая идентичности, нет необходимости в прямых санкциях или внешнем контроле.

В Финляндии большинство интервьюируемых женщин физически работают над собой, а не принимают себя в своей естественной форме. Результаты работы над телом способны причинить работам над телом является ориентация на здоровье, особенно для старших женщин. Неспособность достигнуть состояния идеального тела, однако, не разрушает жизненный мир женщины. Но идеальное (стройное) тело считается полезным ресурсом, например, в сексуальной жизни, в примерочных в магазинах одежды, в поиске партнера.

В ходе интервью у информантов не возникает протеста по отношению к идеалу стройности или неприятия работы над телом — по крайней мере мы не находим каких-либо следов такой оппозиции. Не встречается упоминаний о манипулировании и о принуждении к достижению стройности и красоты или к использованию макияжа. Женщины не опущают, что над ними доминируют другие. Упражнения и забота о внешнем виде предстают рациональными, т. е. полезными в эстетизированном и визуализированном обществе позднего модерна. Манипулирование в данном случае остается не эксплицитным.

В борьбе против лишнего веса финскими и русскими женщинами используются разные стратегии. Финские женщины сражаются против лишнего веса при помощи диет, русские скрывают его красивой одеждой. Было бы интересно проследить в будущем, адаптируют ли жители Санкт-Петербурга западные (финские в случае данного исследования) ценности и модели, которые соотносят сексуальную привлекательность со стройностью. С другой стороны, возможно сопоставление таким моделям из-за возрастающих различий между культурами.

Некоторые характеристики информантов

Санкт-Петербург (Россия)

- П2 — 40 лет, разведена, сожигательствует с инженером, мать двоих детей.
- П7 — 22 года, одинока, бездетна, высшее образование, имеет опыт совместного проживания с партнером.
- П8 — 46 лет, разведена, имеет взрослого ребенка, руководитель негосударственной организации.
- П9 — 34 года, замужем, имеет ребенка.
- П21 — 42 года, в браке не состояла, имеет ребенка, кандидат наук.
- П22 — 62 года, замужем, мать двоих детей, кандидат наук, работает в научно-исследовательском институте.
- П24 — 23 года, одинокая женщина с высшим образованием.
- П25 — 32 года, замужем, имеет ребенка.

Хельсинки (Финляндия)

- Ф11 — 30 лет, разведена, мать двоих детей, работает в области техники телефонной связи, после средней школы обучалась два года в фирме.
- Ф13 — 27 лет, студентка, степен бакалавра в области компьютерного бизнеса.
- Ф23 — 26 лет, мать-одиночка, собирается стать акушеркой.
- Ф31 — 59 лет, замужем, двое детей, высшее образование, предприниматель.
- Ф33 — 33 года, разведена, имеет ребенка, кассир в банке.
- Ф62 — 23 года, студентка университета, имеет постоянного партнера.

Перевод с английского Анны Темкиной

© Хаавио-Маннинга Э., 2002

© Пурхонен С., 2002

© Турунен Т., 2002

© Темкина А., перевод, 2002

скольких лет неудовлетворительных сексуальных отношений с женщинами и все углубляющейся депрессии в 1986 году наконец осмеливается культи и прочесть книгу американского откровенно гомосексуального автора — Джеймса Болдуина.

Оба мужчины обсуждают свои сексуальные предпочтения, оправдывают их и оправдываются перед читателем. В этом и заключается существенное различие мужских и женских автобиографий: Татьяна и Нади не выгляди в своей сексуальной ориентации какой-либо существенной проблемой. К тем же выводам приводит анализ описаний опыта однополых любви в финских автобиографиях (Kaskisvaari 1998).

Краткое сравнение мужских и женских автобиографий, в которых изложен опыт однополых любви, подтверждает следующий вывод о том, что классовые и поколенческие факторы являются наиболее значимыми для объяснения различий в автобиографическом опыте Татьяны и Нади. Это сравнение показывает также, что гомосексуальная идентичность в основном является более проблематичной и болезненной для мужчин. «Символическая угроза» в отношении гомосексуальности в советском обществе была более выражена и реальна для мужчин, включая в высшей степени реальную угрозу тюремного заключения. Возможно, именно из-за того, что в позднесоветском обществе однополых любовей между женщинами еще более замалчивалась в различных дискурсах, чем мужской гомосексуальностью, ее принятие было менее травматичным.

Перевод с английского Елены Зорасомысловой

© Роткирх А., 2002

Елена Ожелевченко

ИЗУЧАЯ ГОМОФОБИЮ: МЕХАНИЗМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ «ДРУГОЙ» СЕКСУАЛЬНОСТИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Обращение к исследованию молодежной идентичности, в данном случае — к провинциальным гомофобии среди провинциальной молодежи и современным практикам исключения, нельзя назвать случайным. В течение последних трех лет мы с коллегами из НИЦ «Ретно» занимаемся исследованиями гендерных аспектов культурных молодежных практик¹. Меня всегда волновал не только низкий уровень толерантности молодых людей в их оценке «других», но и излишне подчеркнутая и преувеличенная «гомофобия». Кроме того, у меня растет сын, в переживаниях которого я ежедневно включена, и, скажу честно, мне просто невероятно интересно этим заниматься².

Исследование, на материалах которого построена эта статья, является пилотажным, все дальнейшие и выводы носят гипотетический характер и будут проверяться в дальнейшей работе. Несмотря на небольшую объем выборки (27 информантов), была получена обширная информация. В этой статье я отграничушь общим описанием основных результатов, относящихся к теме статьи³.

¹ Первое исследование было посвящено анализу секс-дискурсов молодежных российских журналов (Ожелевченко 1999б); второе — индивидуальным версиям сексуальности среди различных групп Ульяновской молодежи (Ожелевченко 2000а).

² Этот интерес спровоцирован и профессиональным общением. Группа коллег — друзей и единомышленников, сформировавшаяся вокруг гендерных проектов, которые мы реализуем в течение последних лет, помогла исследователям не только сорисентироваться в проблематике, но и разобраться в собственных предубеждениях.

³ Данное пилотажное исследование является инициативным проектом твор-

Полуструктурированные глубинные интервью⁴ охватывали следующие тематические блоки: индивидуальные интерпретации (контексты) сексуальности; связь сексуальности с гомосексуальностью; приемлемость для себя и окружения (компания, друзей, семьи, сообщества, общества) различных сексуальных практик, наличие рамок и ограничений, их причины; гетеро- и гомосексуальность в фокусе гендерных различий; портреты (образы, ассоциации, стереотипы) гомо- и бисексуалов, их типологизация, представления о «разности»; мужская и женская гомосексуальность, специфика восприятия и отношений; страхи, предупреждения, барьеры; казалека, вокруг и внутри гомосексуальности; общественные, групповые и индивидуальные дискурсы гомосексуальности; общие и специфические контуры принятия и отторжения для себя и других гомосексуальных практик и др.

«Поиск гомофобии» и его интерпретаций проходили в русле описания культурных, социальных, психологических факторов, влияющих на формирование контуров отношения к «другим» проявлениям сексуальности, механизмов, принципов и реальных практик исключения.

Впредыдущем исследовании в выборке были представлены в основном «натураль»⁵, в данном проекте мы стремились выслушать голоса «другой» стороны. С этой целью мы установили контакты и договорились об интервью с молодежью местной гей-комьюнити, а также с теми, кто с ними близко знаком. Выборка строилась в соответствии со следующей допоявовой гипотезой,

русской группы НИЦ «Ретно», частично реализованным за счет средств организации, в основном же выполненным на «чистом» энтузиазме. В настоящий момент мы нацеливаемся сделать ретрутинг в Москве и искать варианты грантовой поддержки данного, на наш взгляд, перспективного проекта.

⁴ Ретрутинг и интервью проводятся при участии мейн кейс из НИЦ «Ретно»: Жанна Караваевой, Оксана Бойковой, Жени Сырновой, Дениса Филатова, Натальи Гончаровой, которые в осенне-бюджетном периоде за высочайшее профессиональное качество и помощь в обработке и интерпретации результатов исследования. До выхода в поле и по ходу исследования мы проводили методологические семинары и инструктажи, связанные со спецификой исследования и этическими вопросами.

⁵ Используя понятие «натураль» и «ненатураль», которые являются, скорее, субкультурными, а не академическими терминами. В данном контексте они, на мой взгляд, подходят для предварительного описания пространства, занимаемых людьми с более или менее определенной сексуальной ориентацией. При этом имеется в виду, что каждое из понятий объединяет некий континуум, в котором располагаются многочисленные вариации. Некоторые из них вообще не могут быть отнесены к категориям «натуралов» или «ненатуралов», как, например, латентные гомосексуалы, бисексуалы или киниторы.

сформулированной в предыдущем исследовании: мера собственной включенности в разнообразные сексуальные практики и наличие собственного опыта общения с «другими» повышает общий уровень толерантности, снижает страхи и предубеждения в отношении тех или иных групп «исключенных».

Все виды реальных и виртуальных «столкновений» с другим сексуальным опытом мы разделили на пять групп (табл. 1). Ретрутинг информантов был проведен в соответствии с этой гипотезой.

Таблица 1. Виды реальных и виртуальных «столкновений» информантов с другим сексуальным опытом

№ группы	Вид опыта	Знание	Интерпретация	Число и возраст информантов
1	Опосредованный, без реальных «столкновений»	Отсутствует	Те, кто знает об этом только понаслышке: «Знание» могло быть сформировано от просмотра фильмов (большая часть порнографических); музыкальных клипов, чтение прессы. Спонтанные размышления на эту тему могли быть спровоцированы участием в обсуждении неких фактов-случаев: кто-то рассказывал о том, что видел, слышал, сталкивался	4 мужчины, 3 женщины. Возраст 15—23 лет
2	Случайные «столкновения»	Поверхностное	Те, кто сам видел, общался с «ненатуралом», но это был не близкий друг	3 женщины, 2 мужчины. Возраст 18—25 лет
3	Близкое общение, при отсутствии собственного гомосексуального опыта	Опытное	Те, среди близких и друзей которых есть гомо- и бисексуалы. Важно то, что это отнесенные близкие к людям с «другой» сексуальностью основано не на подорожии, а на самораскрытии	2 женщины, 4 мужчины. Возраст 17—24 лет
4	Собственный опыт, пробки, экспериментальные	Практическое	Те, у кого на момент опроса сложился гетеросексуальный отношения	2 женщины, 2 мужчины. Возраст 19—26 лет
5	Послеопытный, продолжающийся практики	Компетентное	Те, кто себя идентифицировал с «опосредованным» гомо- или бисексуалом	5 мужчин. Возраст 18—24 лет

⁶ Окончательное разграничение групп было сделано после проведения исследования на основании того, как определяли свое отношение сами информанты.

Примечание к табл. 1:

1. Хотя в текстах интервью информантов 3-й группы присутствовали гомоэротические мотивы, все они подчеркивали дружеский характер своих отношений с томо- и биссексуалами.
2. Разделение 4-й и 5-й групп достигнуто условно. Демонстрация временности (случайности) собственного гомосексуального опыта — одна из достаточно распространенных защит, «реабилитирующая» трансрессивный гендер. Известно, что наличие реального или демонстрируемого сексуального партнера противоположного пола не означает невозможность возврата к гомоэротикам или параллельного осуществления гомо- и гетеросексуальных связей (Essig 1999).
3. Некоторое смещение выбора по полу (17 — молодых мужчин, 10 — девушек) связано с 5-й группой (все — молодые мужчины). Поскольку респондент информантов с «другой» сексуальной ориентацией проводился методом «снежного кома», мы имели возможность до сих пор говорить только с мужчинами, входящими в специфическое местное гей-комьюнити. В дальнейшем мы планируем компенсировать это смещение.

«А может еще свечкой в лицо?»: к вопросу о профессиональной этике

Материал, полученный в ходе исследования, поразили нас своим многообразием. Первые впечатления от анализа можно сравнить с культурным шоком. Каждое интервью демонстрировало свою, в чем-то абсолютно уникальную и не похожую на других версию. Сравнения, параллели, находки, а тем более выводы давались с невероятным трудом. Возникла идея, что логичнее было бы писать не о пространстве гомофобии наших собеседников, а о собственных страхах и предубеждениях, которые приходилось преодолевать всякий раз, открывая для себя новое прочтение.

В названии этого раздела использована цитата из одного, пожалуй, самого загадочного интервью. Аркадий (23 года, № 4)⁷ в течение всего интервью демонстрировал закрытость. Он явно хотел продолжить общение, но всякий вопрос, затрагивающий «эту» тему, вызывал разнообразие защитные реакции: он держал паузу, произвольно отодвигал диктофон, нереспонсивал. Словами «А может еще свечкой в лицо?» он релатировал на вопрос: «Есть ли у Вас собственный гомосексуальный опыт?». По оценкам моей коллеги, которая проводила интервью, она чувствовала себя крайне

неповно: «она знала»⁸, а он не знал того, знает она или нет? Именно это интервью стало для нас неким рубежом, с которого начались настоящие мучения, где методологические вопросы сталкивались с профессиональной этикой, и наоборот. Что мы проводим — исследование или расследование? Что мы ищем — гомофобию, или выполняем «миссию» выведения на открытое пространство изчуждана «скрывающихся на конспиративных квартирах» теев и десбиннок? Зачем нам это? Таким образом, в нашей собственной исследовательской практике отразились те самые механизмы неприятия, которые мы пытались исследовать. Примирило нас с нашим полем то, что со всеми информантами мы расстались в самых добрых отношениях, с некоторыми подружались и даже пообещали их познать с тем, что у нас получается. Кроме того, все информанты, независимо от собственного отношения и сексуального опыта, говорили на эту тему с нескрываемым интересом, некоторые интервью по желанию наших собеседников продолжались и на следующий день. В процессе опроса контуры гомофобии, существовавшей в наших исследовательских представлениях, начали размываться и теряться в сложной матрице, где каждое значение, интерпретации понятий и субъективные смыслы складывались в зависимости от «света» фирменного набора, получившегося в результате сочетания многомерных признаков пространства «сексуальность/гендер/пол».

Еще одно существенное ограничение настоящего анализа. В задачи этого исследования входило выявление специфики отношения молодежи к женской и мужской гомосексуальности. И хотя мы получили достаточно материала по этой теме, в не смогу в рамках настоящей статьи дать развернутый анализ по ряду причин. Прежде всего — эта тема действительно обширна и требует отдельного рассмотрения. Я буду стараться, насколько возможно, отмечать наиболее значимые моменты, отдавая себе отчет в том, что этого будет явно не достаточно. Во-вторых, огра-

⁷ Интервью проводилось методом «снежного кома». Поговорить с Аркадием нам посоветовала Лена (19 лет, № 4), с которой до этого проводилось интервью. Она рассказывала трогательную историю о взаимоотношениях Аркадия с его другом, о том, как он нежно о нем заботится, дарит подарки, «берет его лицо в свои ладони, когда успокаивает перед экзаменом». Говорит она об этом с большим уважением и даже завистью. Все в их группе знают об их взаимоотношениях, но у всех они вызывают самые добрые чувства. Таким образом, моя коллега «знала об этом», да и Аркадий, вероятно, догадывался, что она знает.

нижение связано со спецификой выборов, в которую не попали лесбиянки: мы имели возможность услышать мнение о «них», но не их самих⁹. В очередной раз девочки оказались «невидимками»¹⁰. Существующий серьезный гендерный перекос в исследованиях молодежной культуры (McRobbie 1991, Griffin 1993) невольно проявился и в этом тексте.

Если говорить о направленности системы страхов (тревожности, дистанцирования, брезгливости), то мужская гомосексуальность и мужской гомозотизм действительно остаются основной мишенью для формирования гомофобии¹¹, воспроизводя на этом уровне властную систему, основанную на идее мужского превосходства и доминирования. Для иллюстрации этого положения можно провести аналогично с маркерами «двойной девичины», некоего «нарушения в квадрате», которым обозначают «чисто мужские» правонарушения, если они совершаются женщинами. Во-первых, женщины в этом случае нарушают общепринятые нормы, во-вторых — нормы мужского доминирования. Нечто похожее можно обнаружить в отношении к гомосексуальности ориентированным юношам и молодым мужчинам. «Друтая» сексуальность подрывает мужское превосходство, это — «предательство» мужской солидарности, а уже потом — нарушение неких норм, принимаемых большинством. Неслучайно поэтому все громче звучат голоса тех исследователей и исследователейниц, которые считают необходимым разделение или по крайней мере равно внимательное прочтение как гомосексуальности и гомофобии, так и лесбосексуальности и лесбофобии: нельзя считать некую единую гей-лесбийскую теорию, должны быть различные подходы, связанные с разностью формирования этих идентичностей (Сэлжвик 2000, Бурглин 2000).

⁹ В настоящий момент мы продолжаем проводить рекрутинг не только в Ульяновске, но и Москве для продолжения этого исследования. В новой выборке уже в равных долях будут гей, лесбиянки и бисексуалы.

¹⁰ «Невидимые девочки» (invisible girls) — термин Анжелы МакРобби.

¹¹ Интересно, что в этом смысле термин «гомофобия» воспроизводит уже завершенный гендерный контекст термина «гомосексуальность» и связанных с ним — «гомосексуал», «гомозотизм» и др. За всеми ними стоит прежде всего, а часто и исключительно, — мужчина. Это подтверждается не только большим расхождением теоретических интерпретаций этих понятий (Касин 2000), но и результатами исследований, в том числе и проведенных нами.

Новые сексуальные практики на молодежных сленгах конца 90-х

За три года, прошедших с момента проведения предыдущего исследования, молодежные интерпретации сексуальности значительно изменились. Ключевые изменения в этом новом пространстве напрямую связаны с новыми феноменами культурных российских молодежных сленг¹² конца 90-х годов. Остановлюсь на тех из них, которые непосредственно повлияли на формирование новых прочтений сексуальности.

Терминое отношение к гомосексуальности как знак притворности, цивилизованности, неровнинанальности молодежной тусовки. Вум в сфере молодежного досуга затронул и провинциальную культурную жизнь. Активная эксплуатация элитарных текстов и образов в современной поп-культуре вела «однополую любовь, влечение» в контекст повседневной дискотечной и клубной жизни молодежи. Практически все молодежь находилась в «контексте» опосредованного опыта общения или личного участия в подобных практиках. Гомообразы потеряли ауру некоего далекого, загадочного, мистического ниллиджа, характерного для периода первого исследования. Чем в большей степени молодежь включены в клубную культуру, чем более «продвинуты» их молодежные тусовки, тем проще и терпимее они относятся к «другим» проявлениям сексуальности. Понимание (принятие) «нормальности» разной сексуальности считается знакомым для определения степени «продвинутости» того или иного культурного пространства. Терпимое, спокойное отношение к гомосексуалам — это, по мнению многих наших собеседников, один из значимых критериев отличия цивилизованного мира (Запад, Москва, Питер, Самара) от тухлой провинции, такой как Ульяновск.

Самопредделение по отношению к дененно: «гонимки» и «негонимки» как значимый аспект молодежной идентификации.

¹² Под «культурными молодежными сленгами» я, вслед за Хиллари Пилкингтон (2000), понимаю культурные пространства (частичные и глобальные, реальные и виртуальные), которые занимаются (осваиваются, используют) молодежью для выражения своей идентичности. Культурные молодежные сленги имеют различные измерения: территориальные (клубы, дискотеки, дворы, поп-интервалы), культурно-географические (столица, провинция, Россия, Запад), субкультурные (включенные в специфические виды активности), стилистические (привлекательность специфических ценностей и жизненных ритмов) и др. Важным является подчеркивание ирреального, имитационного освоения имеющихся в наличном мире пространств.

В молодежной среде произошло довольно значимое и принципиально новое разделение, которое оказало непосредственное влияние на характер восприятия новых сексуальных практик. Помимо мозаичного, миксового и достаточно условного деления молодежных слен по субкультурному признаку, характерного для середины 90-х, пришло новое: на толпиков и нетолпиков.¹³ Понятие «толпик» (люди) существовало и раньше, но связывалось с членами группировок, бригад, молодежью из свальных районов и т. п. Сейчас же с его помощью обозначают любовь «непродвинутого, заперенного, неразвинутого» молодежь. Эти понятия выхолдят за рамки субкультурных определений, являясь довольно сложными образованиями, характеризующими напряженность личности, стиль жизни, одно из центральных мест в котором занимает уровень образования, но одним им не исчерпывается. Это — и музыкальные предпочтения, и характер потребления, и соответствующие расходы, и представления о «своем круте» и т. д. Для нас важно, что отношение «толпиков» и «нетолпиков» к гомосексуальным практикам значительно различаются. Именно толпиков называют самой главной угрозой, источником общественной нетерпимости, причем не только к гомосексуалам, но и любым «выделяющимся из серой массы». Создается впечатление, что толпика — это некая наиболее агрессивная и консервативная часть молодежи, призванная поддерживать и охранять патриархальные устои провинциальной жизни.

«Унисекс» как главный герой клубной и дискотечной молодежной культуры. Внутри самой «продвинутой» молодежной сцены также произошли серьезные изменения. Для нашего исследования самым значимым является стиль «унисекс», ставший не просто модным, а бытовым. Со стороны молодежных журналов и из музыкальных клипов он явно переключался в культурные молодежные практики. В первую очередь это повлияло на изменение стереотипов восприятия мужских и женских публичных презентаций, в том числе — и сексуальных. Так, например, многие наши собеседники с трудом находили отпичивательные внешние

признаки (социальные маркеры) гомосексуалов, тогда как в первом исследовании это происходило легко. Многие говорили, что могут воспронести лишь стереотипы, считая, что на самом деле все молодые сейчас очень разные. Это разнообразие снимает сам вопрос о неких внешних отпичивках, маркирующих ту или иную группу. Ни кольцо в ухе, ни крашенные, мелированные волосы, ни мужской маникюр, ни обтягивающая майка, ни парфюм уже не являются социальным таргетом исключительно для геев. Усложнились, хотя и не столь радикально, представления о публичных проявлениих лесбиянства.

Эксклюзивность как способ самопрезентации. Для современной молодежи более значимыми, чем в середине 90-х, стали проявления любой никовости, непохожести, эксцентричности, яркой индивидуальности. В продвинутой молодежной среде любая форма идентичности приветствуется. Это сказывается на популярности современных техник телесного самоворчества, в основе которых лежит бурное развитие модной молодежной индустрии, прежде всего — женских и мужских косметических и парфюмерных серий. Стиль «гранж»¹⁴ заметно вытесняется стремлением красиво и чисто одеваться не только «на выход», но и в повседневности, модными остаются пирсинг и тату. Если говорить о создании себя с помощью ценностей и установок, подержания особого стиля жизни, то здесь определяющее значение имеет уход от родительской («зрелой»), традиционной) культуры. Стремление к эксклюзивности и испытанию себя в различных ситуациях (культура впреналиновых удовольствий) говорит о формировании новой тенденции в молодежных идентичностях. Прежде всего это свидетельствует стремления уйти от похоти, одиночества, уравниловки, от всего того, что культивировалось советской идеологией: «нужно быть как все, не выделяться». В этот новый тренд вполне вписываются «новые» трансгрессивные практики.

«В жизни нужно все попробовать». В контексте стремления к эксклюзивности любая сексуальная «проба» приобретает новый смысл.¹⁵ Молодежь начинает использовать (а не просто потреб-

¹³ Здесь я точно слеую за определениями, данными самими информантами, основываясь не только на данных этого исследования. То же самое разделение четко обозначилось в проведенном исследовании по молодежной наркомании (Омельченко 1999б). Говоря о восприятии как-то социальных групп, «нетолпик» называли толпиков и наоборот. При этом смысл этого понятия иерархически подвиги, он как бы трансигрирует от одного уровня — к другому. В нем есть территориальные, и образовательные, и стиливые признаки.

¹⁴ Один из самых заметных субкультурных стилей 90-х, нипцированный группой «Нирвана» и первоначально подержанный поклонниками Курта Кобейна. В стиле подчеркивался отход от красоты, предвечно гондрированной одежды. Стиль «гранж» был ведущим для «Люковенна Ха».

¹⁵ С подобным же отхождением к экспериментированию мы сталкивались и при исследовании отпичивания и восприятия наркотиков. Проба являл не воспринимующим с наркоманней, возможным проявлением и соответствующим последствиями.

лить) разнообразие культурного предложения для самовыражения. Расшировка различных «проб», в том числе и сексуальных, может происходить в индивидуальных терминах. «В жизни нужно все попробовать, чтобы иметь собственное мнение, а не пересказывать чужое». С этим связано не только снятие «табу» с новых форм сексуальности, более терпимое отношение к гомосексуальности, проявившееся в повышенном интересе, лоббистстве и даже зависти к подобным отношениям, но и в ставшей модной «игре в гомосексуальность», имитации этих отношений, вошедших в интересный «спирит» на танцполе.

«Сексуальность вообще тервет пол». Сексуальная привлекательность человека, по определению наших информантов, — это внутренняя энергия, харизма, пронизывающее желание присутствия, допираться. Подобная расшировка непосредственно не связана с половой определенностью¹⁶, сексуальность начинается с пола и, следовательно, заданную направленность сексуального желания. Молодые мужчины легче и более пространным образом свое понимание мужской сексуальности, не пытаясь, как в прошлом исследователи, тут же отмежеваться от подопределения «гоуфизне». Сексуальность начинает покидать пределы семейной спальни и выходить за временные рамки уаживания за партнером (дартнершей) для последующего «соития», все больше отделяясь от размысленных и переживаний «по поводу гентиталии», становясь для молодежи значимой, а часто и определяющей характеристикой публичной презентации своей идентичности. По словам Итира (18 лет, № 3), «сексуальность вообще становится одной из главных характеристик всей жизни современного человека».

Описанные изменения характеризуют общую культурную атмосферу, в которой формируются различные версии сексуальности. Часть из них прямо воспроизводилась в интервью, часть — использовалась для демонстрации своей сексуальной просвещенности, однако все эти новые тренды оставались для наших собеседников самыми широкими, отдаленными контурами отношения к гомосексуальности. Это общее пространство толерантности вымывало всех, однако, по мере приближения к оттенкам и нюансам личного отношения и восприятия, контуры исключения и его мотивации проявлялись наманого отчетливей.

¹⁶ Это еще одно существенное отличие данного исследования от предыдущего. Два года назад большинство наших информантов, прежде всего молодые мужчины, настаивали на том, что сексуальность всегда должна быть направлена на противоположный пол.

Пространство гомофобии, или «Знание — сила»?

Термин гомофобия¹⁷ недостаточно информативен для понимания всех тех мозаичных представлений, которые мы получили. Видно ли вообще можно найти некое понятие, способное вместить тревоги, страхи, мифы, стереотипы, преубеждения, опасения, отращивание, вызываемые реальными/мнимыми столкновениями с гоморотикой (сексуальностью, порнографией), дружбой/любовью с теми, кто это практикует; собственными спортивными/постоянными практиками включенности, вытесняемыми/демонстрируемыми гомосексуальными? Часть представлений наших собеседников можно отнести к вполне осмысленным, рациональным объяснениям специфики личного отношения, часть — к спонтанным реакциям на заданный вопрос. Вместо безответного страха перед другой (неправильной, неестественной, извращенной) сексуальностью мы обнаружили целую гамму опасений перед знанием¹⁸ (или подозрением, или предвосхищением знания другого) об этом в себе, близких, компании. Если, например, те, кому сейчас за 20, говорили о том, что в подростковом возрасте они сталкивались с крайне негативными реакциями на такие «от-

¹⁷ «Гомофобия (греч. *homophobia*, мед.) — необъяснимая ненависть к гомосексуальности. Часто является несознательным проявлением собственной скрытой гомосексуальной фантазии и тенденцией» (Проконенко 1999). Я привожу в качестве примера одно из определений, наиболее ярко отражающих общую тенденцию «медикальских, криминологических и психиатрических» заимствований, которыми часто приходится пользоваться социологам в ситуациях отсутствия собственного социологического понятийного аппарата в пространстве этого социального чувства, перенесенного из медицинского в социальный контекст, ничуть не проявляет, а напротив, усложняет понимание и затрудняет его эффективное использование для анализа меняющейся природы субъективности современной российской молодежи. Тем не менее, на этом этапе я буду его использовать, надеясь если не на пользу, то хотя бы частичную перентерпретацию его контекста.

Ссылка на американского социального психолога Грегори М. Херста Игора Кон предлакает заменить термин «гомофобия» «гетеросексуальностью», под которым понимается идеологическая система, отрицающая, принижавшая и стигматизирующая любые гетеросексуальные формы поведения, наентичности, отношения или общения (Кон 1998: 249). В качестве еще более «мягкого» термина Кон предлагает использовать «гетероцентризм», который не принижает альтернативных форм сексуальности, но рассматривает их как периферийные вариации или девиации от подавляющей гетеросексуальной «нормы».

¹⁸ Развращающая характеристика «чуланного» знания и страхов, его окружающих, дана в работе И. Сиджвик (2000).

крытия» — подозрения кого-то в своем окружении, то нынешние 15—18-летние о подобном если и упоминали, то лишь как некой абстрактной вероятности. Намного более актуальным и отчасти болезненным вылился в их интерпретациях сам процесс осознания, осмысления собственного отношения.

Знание такого рода требует от человека определенной внутренней работы, ответа для себя на многие достаточно значимые вопросы. Современные молодые люди, в отличие от старших и даже близких по возрасту и ценностям поколений, постоянно оказываются в различных ситуациях реального «столкновения», для которого (в терминах каждого) выхода из которых требуется собственное суждение, которое и определяет конкретный выбор. Приведу некоторые примеры:

Витя (18 лет, № 2) был в комсомольском клубе, вышел на улицу покурить. К нему подошел симпатичный молодой человек и предложил сделать минет. Несколько секунд ушло на то, чтобы понять, что он испытывает: удивление, испуг, раздражение? Прячетски по инерции говорит: «Вали отсюда, а то будет плохо». Парню не надо было долго объяснять, он ушел. Однако, вспоминая эту ситуацию, Витя признался, что она ему не до конца понятна. Его сомнения обращены к самому себе: «... до сих пор не уверен, что правильно сделала, наверное, но морде мужку было больно». С другой стороны, свою «смелость» он оправдывает тем, что у него с возрастом изменилось отношение: от крайнего неприятия до спокойного дистанцирования от таких ребят. При этом не исключает того, что, «может, лет через пять—шесть я к этому уже совершенно спокойно буду относиться».

Валера (23 года, № 3) вспоминает, что, когда был подростком, над ним часто насмекались, обзывая толубым. Он объясняет это своей привлекательной внешностью. Чтобы понять свое отношение к гомосексуальности прошел через испытания, которые сам инициировал. С одной стороны, знание о своей «натуральности» освободило его от мучающих страхов о том, что «ведрут я узнаю, что (я) голубой последний, когда уже все вокруг брут это знают». С другой стороны, анализ его интервью показал, что он еще не до конца свободен от сомнений:

«... сначала был страх перед гомосексуализмом, детский тайкой ...: "Если я голик, как я об этом узнаю?" ... и я начал себя заморачивать: я начал смотреть на мужиков вот так... я стал на какую-нибудь порнуху свои ощущения исследовать... я страшился себя: что я чувствую? ... у меня страх толком прошел не»

ред гомосексуализмом, когда я понял, что вряд ли имею к этому отношение ... страх оказался, грубо говоря, уродом, страх что-то такое выяснить о себе, хорошее. Ходить потом с этой мрачной новостью ... кого-то посвящать в курс, кого-то не посвящать и носить при себе вот такую тайну ... или не тайну. И я решил, что надо проверить ... так или иначе я первым должен узнать как можно раньше, какой же я на самом деле...».

Наташа (25 лет, № 3) говорит, что раньше сама была довольно агрессивно настроена против гомосексуализма:

«Когда мне было ... ну, давно, друг... он был человек такой своеобразный, он проколол себе две серьги, и для меня это было такти ужасом, для меня это было, как будто он клеит себе по ставил, что ли — гомосексуалист ... я его пыталась всячески поддеть, подколоть ... но сейчас я никогда не смогу человеку вот так в лицо сказать ... Сейчас я себе такого не позволю ... У меня самой была такая возможность ... подруга суверенная ... у нее три месяца не было мужичины, она стонала, страдала и предложила мне такой компромисс ... мне просто смешно, мы с ней с первого класса дружим и вдруг в постель полезем ... Так что она не осуществила свой план со мной...».

Необходимость выработки собственного мнения может быть спровоцирована ситуацией «открытия», когда человек узнает, что его/ее близкий друг — гей, лесбиянка или бисексуал. Что делать в этом случае? Говорить родителям (друзьям, соседям) или нет, если они об этом спросят, догадывались? Продолжать отношения или прекратить? Обнаружить свое знание или нет? А вдруг вынет приставать? Можно ли с ним (с ней) ночевать вместе? Положительные ответы на все эти вопросы могут вызвать подозрения окружающих. Все эти проблемы далеко не умозрительны, именно с такого рода сомнениями и размышлениями мы столкнулись в нашем исследовании.

Знание о себе и других

Опыт, связанный с различными жизненными ситуациями «столкновения», мы обнаружили практически у каждого информанта. Не только собственная включенность, но и просмотр фильма, обсуждение случая, происшедшего с другими, вводит эту тему не столько в пространство страхов и фобий, сколько в сферу «необходимого осмысления и выработки собственного отношения».

Все разновидности тревог, страхов, сомнений могут быть разделены на три группы: «за себя», «от других», «за других». Попробую их описать.

«За себя». Эти тревоги формируются под впечатлением наиболее *эпатажных проявлений гомосексуальности*. Ведущий мотив — *опасения за свою идентичность*, основанные на сомнениях в своей гетеро/гомосексуальности. Опасения за свою идентичность могут связываться со *страхом насилия*. Признания существования опрелесненной молы на гомосексуальность, многие говорили о том, что боятся потерять своего «гетеродоместность» под нажимом сильных, более привлекательных личностей — «гомозахватчиков». Подобные страхи перед «насилительным совращением» влекательно отражаются «другой» стороной. По мнению Сергея (22 года, № 5), они могут выражаться в *нежелании оставаться с ними наедине*, хотя, по его собственному признанию, у них существует принцип «с друзьями не спят». Также это ощущается, по мнению Валерия (23 года, № 5), в своеобразном *стеснении (вытеснении)* своих не всегда осознаваемых желаний. Подобные тревоги могут быть связаны с *боязнью открыться в себе своей «зашифрованности»,* опущения того, что «самое настоящее и захватывающее происходит мимо».

Тревожность «за себя» у экспериментаторов, бисексуалов и бисексуалок несколько иная. Опасения за себя могут быть связаны со страхом самой (самоу) «оказаться в чулане». Так, например, молодая девушка говорила нам, что допускает возможность возникновения такого женания, спокойно примеряя к себе роль, но скорее всего будут его *поддавать*, потому что не уверены, что смогут выдержать мнение обществу, если на них «будут показывать пальцем».

«От других». Этот тип опасений и страхов воспроизводится как описание чувств тех, кто, по мнению информантов, наиболее аррессивно настроен по отношению к гомосексуалам. Основные действующие лица на сцене гомофобии — это родители (не абстрактные, а свои) и топники (взрослый вариант — обыватели). Отношение этих групп к гомосексуализму, отраженное в оценках молодежи, предстает достаточно неустойчивым, часто — амбивалентным.

Для родителей гомосексуальность становится проблемой актуальным знанием, только когда речь идет о собственных детях или их друзьях (могут совратить!). Нам рассказывали трагические истории о том, как родители, узнав «такое» о своих детях, тапшили их к психиатрам, сексологам, насильно увозили в

города или заставляли геев жениться на женщинах, а лесбиянок (бисексуалок) принудительно выдавали замуж за мужчин. Но в основном отношение родителей характеризуется как вполне уравновешенное, пока они не обладают знаниями. Чаще всего для родителей гомоориентации является предметом шуток, приколов при просмотре ТВ-программ. Так, например, Лена (19 лет, № 4) рассказывает о реакции своей прабабушки, которая плонула в телевизор, увидев лесбийскую пару:

«Потом она долго переживала и даже заболела. Слава богу, она мужички не видела, она вообще умерла бы».

Отношение топников воспроизводится как достаточно сложное, но уже в другом контексте. Отчетливо различается отношение к гомосексуализму близкого человека и чужого. Если близкого можно простить, не афишировать и скрывать его тайну, то отношение к чужим однозначное — можно и морду набить:

«Если мужик тебя отымет, ты не человек уже, если наши ребята узнают, то в покое не оставят. Мало кто наскажет. Они позтому и прячутся... достаточно жалкого подворья для меня, чтобы я охранял бы общение с этими человеком. Если друг — зинорожу с ним всякие отношения. Дружба уже не научится с ним. Но если узнаю, что человек гомосексуалист, то афишировать не буду. Это будет равносильно предать человека. Отдать на рассмотрение кому-то...» (Роман, 19 лет, № 2).

«За других». В этих тревогах отражается жалость или нежелание кого-то травмировать. Это *страх за чужие страдания*. Знание о гомосексуализме другого человека предполагает сохранение тайны, причем тайны не только о том, что я знаю, но и тайны о том, что я сохраняю в тайне это знание. Ив Седжвик пишет, что *раскрытие гомосексуальности в гомофобном обществе, особенно родителями или супругами, может повлечь за собой вред не только для раскрытых, но и для тех, перед кем они раскрываются*. «Тайна, несущая в себе заряд, может распространяться, заражая других, как тайна: одна мать говорит, что выхола ее взрослого ребенка из чулана заглазил ее самое в чулан в ее консервативной среде. В воображении гомосексуалиста/лесбиянки, хотя и не только в воображении, из-за страха, что (возможно, собственные родители) после признания могут убить его/ее, возникает отчаяние в виде более мощно вооруженной возможности, что признание может убить их. Нет гарантии, можно ли, находясь под угрозой этого обоклоострого оружия, стать сильнее, чем если взять в руки обычный топор, но определенно такая ситуация более разрушительна» (Седжвик 2000: 58).

Все эти тревоги, на мой взгляд, обладают общими чертами, которые частично объясняют их многозначную природу. С одной стороны, эти тревоги (страхи, опасения) «помогают» исключать другую сексуальность из пространства публичных дискурсов, с другой — способствуют их «реабилитации».

Обнаруживать подобные страхи *стыдно*. Гомофобия практически не имеет, особенно в определенных молодежных кругах, открытых проявлений, будучи погруженной в общую атмосферу продвижения, популярности темы гомосексуальности, заигрывания с ней не только в звездной среде, но и в приватном культурном молодежном окружении. От этих тревог, как и от объекта, их вызывающего, лучше всего *дистанцироваться*, чтобы не только избежать, но и замаскировать свое истинное отношение. Дистанцирование может быть как реальным, так и символическим.

*Намного отмеченных черт, объект этих тревог является достаточно привлекательным*¹⁹. Он — тайна, загадка, которую хочется *разгадать* (за этим уродцем прячется нечто особенное²⁰), один из немногих оставшихся запретных плодов, вкушение которого *дозволено, но опасно*. Учитывая актуализацию склонности к риску, характерную для этого возраста, культ *адреналиновых удовольствий, последствий «гомобобии» будут выгнаны не столь однозначно*²¹.

¹⁹ Размеры настоящей статьи не позволили мне раскрыть обратную сторону «тревожности». Образ гомосексуальности оказался очень привлекательным для большинства женщин, участвовавших в исследовании. Многие говорили о своем желании дружить с теми, которые, по их мнению, намного вернее и искреннее полюбят-женщин, кроме того, они бескорыстны в сексуальном плане. Женская гомосексуальность, которая расширяровалась как мужчинами, так и женщинами только как бисексуальность, оценивалась очень положительно: это красиво, тонко, привлекательно и... не опасно, поскольку для женщин — «это временный проект, вызванный первым неудачным сексуальным опытом с мужчиной или просто гиперсексуальностью. Но мнеюно одного информанта, «бисексуалки — это женщины, которые не боятся секса. Это вообще — высший пилотаж». Подробный анализ такого отношения к гомосексуальности будет следен после завершения следующего исследования.

²⁰ Это напоминает сказку «Аленький цветочек» и надежду на то, что «трудно-вине преобразится в принца, если его поцеловать».

²¹ У этой привлекательности есть и обратная сторона. Практически все молодые мужчины из выделенных нами 4-й и 5-й группы уверены в том, что самые впечатляющие гомофобия — это латентные гомосексуалы, которые в силу обстоятельств (окружение, воспитание, убеждения и т. д.) подавляют в себе эти желания (и забывают об этом). Они как бы мстят тем, кто выбирает другой путь, за собственную несвободу. Эта идея довольно спорная, будучи критически осмыслена, она может отражать латентное стремление к принудительной гомосексуализации.

Эти тревоги (как и объекты, их провоцирующие) окружены *мифами и мистификациями*, что особенно характерно для информантов, имеющих опосредованный опыт. Не так много было рассказов о случаях избиваний гея, как пережитых случаях о них. Нередко в качестве примеров использовались торемы и зондовские варианты гомосексуальности, ставшие достаточно популярными благодаря растиражированным образам «популярных» Мило Мифов и мистики обнаруживается и в портретах гомосексуалов, предупреждали, что воспроизводит стереотипы («так обычно все о них говорят»), что на самом деле часто гомосексуалов невозможно отличить от «нормальных». Однако эти тиражируемые конструкции предшествуют восприятию «ненатуралов», тормозят развитие собственного отношения.

Обостренным страхам сопутствуют эффекты механизма вытеснения — *брезгливость, неприязнь, отвращение*. Часто в качестве маркеров тяжелых и неприятных ощущений выступают «физиологические картинки», почерпнутые из просекура порнографических фильмов. Достаточно много информантов из 1, 2 и 3-й групп говорили нам о том, что первое свое «знание» они получили именно таким образом.

Подобные страхи так же трудно объяснить, как и познать («правду» о другой сексуальности: «*знание — тайна*») передается от поведенческих к поведенческим. Так, например, все наши собеседники те говорили, что они практически не обижались на тех, кто над ними смеется и издевается: «*Они просто ничего в этом не понимают, абсолютно ничего*». Этот же мотив можно обнаружить в нестандартных повторах информантов из первых групп о том, что «*им абсолютно все равно, кто, как не трогает, парализует*» и т. д. В этой подчеркнутой индивидуализации отражается ощущение гомосексуалов, что они «*такие на этом празднике жизни*»²².

«Страхи проигрывают», или Что больше всего боятся «натуралы»?

Перейду к более подробному описанию различных нюансов страхов и напряжений самих «натуралов» в их восприятии гомосексуальности («как проблема»), их отношений и стереотипов.

²² Во все не для всех потребность в этом тайном знании актуальна и осмысленна. Она может долго оставаться историей из другого, переломного мира, которую до конкретных ситуаций столкновения, лично никак не затрагивает индивид.

Страх «за себя». Ведущим мотивом молодых мужчин, не имеющих собственного гомосексуального опыта, реально или символически дистанцирующихся от неактуальной ориентации, является комплекс ошущенной, который условно можно назвать *страхом проигрыша*. В этом комплексе чувств очень много от теневых, противоречивых интерпретаций, разнообразных версий. Это может быть страх перед потерей ясных и отчетливых правил «нормальности», необходимость переосмысления своей собственной идентичности, избежания сравнения (конкуренции) с более яркими и привлекательными мужчинами, обладающими чем-то, чего они сами лишены, боязнь перераспределения женского внимания и др.

Для расшифровки этой «теневой тревоги» сошлюсь на исследование Тони Джефферсона (Jefferson 1994: Шарлет Д.). Для поколения множественности прочтений современного идеала маскулинности он использует понятие «гегемонная маскулинность», которое отражает как множественность вариантов мужественности, так и их иерархичность. Гегемонная маскулинность, как пишет Роберт Коннелл, всегда конструируется по отношению к подчиненным маскулинностям, а также к женщинам» (Connell 1987: 87). Идея маскулинности как некоего однозначного идеала, который раздвигают все мужчины и к достижению которого они стремятся, практически не существует. Вряд ли можно признать легким и беспроблемным интернализацию этого идеала каждым последующим поколением в процессе исполнения мужских ролей во всех социальных контекстах, так как при этом совершенно не учитываются очевидные трудности, с которыми сталкиваются мальчики и мужчины для его принятия и(или) его достижения. Опыт столкновения с такими трудностями нередко приводит к активному неприятию предлагаемого идеала и позитивной идентификации с альтернативной, хотя и подчиненной, маскулинностью; болезненным, порой неистовым попыткам заставить себя усилить волю соответствовать социальным ожиданиям; тихому отчаянию; наконец, и чаще всего, к притворству.

Интересную интерпретацию «страха проигрыша» дает Валерий (23 года, № 3):

«Сексуальный мужчина... это проявляется где-то, знаешь, на таком... сначала ты замечаешь сексуального мужчину отнюдь не в голове. Ты просто чувствуешь это... что-то этакое, типа холма дыбом. т. е. ты чувствуешь сонерника такого... чувствуешь, что ты в этом поле, в этом стаде уже не один всех пасешь,

да? Еще пасешь тут завелся... сонерничество, оно подразумевает некий страх проигрыша... ну, естественно, в чем-то я, конечно же, проиграно...» У дельше: *«Вопрос гомосексуальности — это большой вопрос... люди начинают с этим копикается в себе, в близких просто... То есть гомосексуальность они — вот, они — рядом, они — уже чуть ли не в тебе...»*

Помимо такого общепло опасения, встречались и те, что связаны с более частными нюансами. Однако все они в разной степени соотносятся с потерей контроля над собственными мыслями по поводу гомосексуальности.

Тревоги могут быть связаны с представлением, что в отсутствие «общественного регулирования, т. е. если никак не влиять на этот процесс, все гетеросексуалы могут стать гомосексуалами. Нельзя такого допустить. Вообще нельзя допустить, чтобы гетеросексуал становился геем, иначе с продолжением человеческого рода будут проблемы. Люди должны предотвращать и бисексуализм. Не фашистскими методами... конечно, рассределять геев не надо, но как-то не допускать этого. Они люди нормаль в таких городах, как Ульяновск» (Витя 18 лет, № 2).

Эти опасения имели и другие интерпретации: гомосексуальность можно придумать, поэтому *нельзя слишком глубоко задумываться над этим?* При чтении текстов интервью складывалось впечатление, что у некоторых информантов (исключительно — мужчин) представление о механизме того, как люди становятся гомосексуалами, напрямую связано с приобретением некоего (экзотичного) знания. Знание, размышления на эту тему либо должны быть минимальными (дозированной), либо нужно идти до самого конца, чтобы полностью разобратся с «этим вопросом». Отчасти эти своеобразные страхи перед знанием подтверждают идеи о «спринтительной гетеросексуальности» и латентной гомосексуальности. Сошлюсь на два примера: примолинейный и более усложненный.

«Это происходит так: человек что-то увидит — задумается над собой — увидит, что не один он над этим думает, — попро-

²¹ Страхи, связанные с «неожиданной» потерей своей гетероидентичности, характерны только для мужчин. Практически все молодые женщины не просто спонтанно представляют себя в подобной ситуации, но и прикрывают к себе роль бисексуалки, которая их явно привлекает. У молодых мужчин также не обнаружен синдром «страха проигрыша», когда они говорят о женском гомосексуализме — это для них безопасно.

бывали переспать, нашел компанию соответствующую, где это модно, — все, решил для себя, что это норма. Стаи внутри, как баба... Все это происходит для него самого незаметно, он не осознает, что изменился, потому что видит таких, как он, и думает, что все в порядке. Считает, что в Ульяновске очень много таких подозрительных товарищей... А уж подозрительных товарищей — горы... Нужно постоянно быть начеку, нельзя терять бдительность, потому что притяги к гомосексуализму очень просто, и, главное, это может произойти незаметно. Ты сам уже изменишься и станешь другим» (Роман, 19, № 2);

«... это может быть как горе от ума... человек доходит до гомосексуализма. Я подумал: действительно, ты от этого не гарантирован, что однажды у тебя в голове перевалит информация через критическую точку, ты вдруг сойдешь с ума и станешь гомосексуалистом... Нельзя быть уверенным, принципиальным. Я не хотел бы, оказавшись гомиком, мучиться с женщинами... Я боюсь бояться своей гомосексуальности. Боюсь жить не своей жизнью, а чуждой» (Вагера, 23 года, № 3).

Реже встречались тревоги за свою идентичность, связанные с болезнью приставаний со стороны гомосексуалов (это проявлялось только у мужчин).

«Я, может, и смогу общаться, но если я почувствую, что он плохо смотрит на мою задницу, то я еду в клуб дам, порву отношения, если начнет засматриваться» (Николай, 23 года, № 1).

«У меня было поверженное столкновение, показали мне одного. Окружение возникло, что он меня оценивает, как на ночь. Протипично стало, я ушел сразу» (Роман, 19 лет, № 2).

Опасения, связанные со специфической общением с гомосексуалами, характерны прежде всего для левушек. В первую очередь опасения (а не страхи) вызывают ситуации общения в «открытой» компании: одно дело просто посмотреть, лично познаться, поболтать с глазу на глаз, но намного сложнее, например, прийти с ним вместе в одну компанию. Подобные сомнения, как правило, очень протипичны. Так, например, Лена (15 лет, № 2), с одной стороны, осуждает мальчиков из своей компании за их нетерпимое отношение: «Мы протипично смотрим. Но что им от этого будет? Они не выкрикивают и не просят от того, что есть гей и лесбиянки». В то же время говорит о том, что таких знакомых у нее нет, и она не хотела бы их иметь, не соглашаясь бы с ними гулять или общаться, «потому что на меня брут как-то странно смотреть, особенно если еще кто-то узнает, проболтаются. На меня

брут показывают пальцем и как-то коситься». С другой стороны, она допускает для себя возможность возникновения такого желания, но обязательно постарается его подавить, и в то же время считает, что «большинство относится отрицательно, потому что не выросли еще... Те, кто негативно относится, в душе испытывают то же влечение. Все прячется, скрывают свои чувства по отношению к своему полу» (Лена, 15 лет, № 2). В этом расказе наблюдается явная внутренняя борьба между растущим пониманием, собственным знанием и общественными установками.

Часть тревог порождается нежеланием, боязнию задеть человека своим поведением. С «такими» людьми нужно быть крайне осторожными. В следующей цитате ярко проявляется стремление отгородиться от возможных проблем, за глянцем отношениям легко разглядеть очерчивание круга умолчания (презумпция виновности):

«У них здоровые чувства, пусть даже к своему полу... Они так же ходят, дышат, едят. Образ жизни такой же. Отличаются по своим эмоциям, чувствам, привычками отличаются, т. е. по-разному реагируют. Нам смешно... а он заплачет. Нужно быть крайне осторожными, с тем чтобы «обвинить» кого-то в гомосексуализме, нельзя задавать человека понатрасну, потому что в каждом мужчине есть немного от женщины, в каждой женщине — немного от мужчины». Пока не доказано обратное, он — не гомосексуалист» (Александр, 19 лет, № 2).

«Они прячутся, скрываются, и правильно делают...»

Перейду к анализу фобий геев в восприятии тех, у кого отсутствует собственный гомосексуальный опыт. В полуженской мозаике предписываемых «другим» тревог и страхов можно обнаружить социальные, психологические, коммуникативные аспекты.

Социальные тревоги связаны, по мнению гомосексуалов, с публичными презентациями: теи боятся неидеальности и избиваний.

«... Ненавидишь со стороны общества бояться, за нарушение стабильности, вынуждены скрываться» (Вага, 18 лет, № 1).

«Вынуждены все время скрываться. Боятся избиваний» (Витя, 18 лет, № 2).

Гомосексуалы стремятся избежать общих компаний, предпочитая такт посещать только известные, проверенные места. Они полностью выключены из публичного пространства, «или невозможно вообще жить», у них есть «свои места, кварталы, где они

собираются, но не больше. Скрываются. Иначе унает весь Ульяновск». (Вита, 18 лет, № 2). По-настоящему же боятся реакции голеников. Именно в Ульяновске, в типичной провинции, существует особенно благоприятная для голеников атмосфера.

Среди психологических тревог, связанных с собственной идентификацией ненагуралов, информанты, не имеющие гомосексуального опыта, выделили следующие:

Страх разоблачения. Гомосексуалы понимают свою ненормальность, ущербность, но скрывают это. А те, кто себя считает нормальным, боятся, что, когда его обвинят (разоблачат) в ненормальности, ему придется с этим смириться.

«В большинстве, я думаю, они считают себя нормальными людьми, ну как нормальными, они понимают, что природа их обделила... если неслист — поменяются мысли о самоубийстве, но большинство — нет» (Александр, 19 лет, № 1).

«Нужно все время что-то скрывать, а если не скрывать, то жизни не будет потом. Если только найти такую же компанию, как и он. Тогда легче будет... Это демонстративно нельзя, будем наживаться, в основном они считают себя ущербными, потому что им каждый об этом говорит при любом удобном случае. Некоторых — сильные духом — считают, что они нормальные, просто их не понимают» (Роман, 19 лет, № 2).

«Они все понимают, просто считают это одной из своих частей, они понимают, что оплываю, они берут это во внимание и знают, что к этому могут плохо отнестись, но они просто это принимают» (Света, 22 года, № 4).

Они боятся открыться не только друзьям, но и себе, назвав вещи своими именами, потому что у них существует устойчивый страх публичного наименования. Самое страшное для них — это крик: «Педик! Лесбиянка!»

К коммуникативным тревогам можно отнести также те, что связаны с взаимоотношениями гомосексуалов с друзьями и друг с другом. По мнению «нагуралов», они боятся последствий во взаимоотношениях с партнерами, поэтому довольно часто их меляют. Это связано со стремлением избежать публичности. Постоянный однопольный партнер — это еще один дополнительный повод для подорожения человека в гомосексуальности.

Они боятся остаться в одиночестве, не найти себе подходящих партнеров. Практически знакомства гомосексуалов остаются для многих совершенно непонятными. Случаи собственных стоикийвенный с их «предложением» пообщаться (заняться сексом) сви-

детельствуют о том, что гомосексуалы могут ошибаться: именно это делает их более осторожными, внимательными. Реализация их необычного желания — это путь постоянных «проб и ошибок», сопряженный со страхом быть грубо отвергнутым.

Гомосексуалов преследует страх остаться непопулярным, незамеченным, поэтому они стремятся к эпатажу и провокациям негативных реакций, навязыванию своей особой сути, настойчивому продвижению себя в качестве мучеников, страдальцев, что сопровождается невероятной мнительностью:

«Гомосексуалы говорят об этом открыто и с гордостью: какой он есть, такой и есть. Внешне проявляют себя очень ярко» (Ирина, 16 лет, № 1).

«Многие из них считают, что мы особенные, мы замечательные, нас надо защищать, нас угнетают... мы двигаем вперед науку, культуру... Хотя некоторые создают ореол мученика — обывчно вонне несут свое свойство как флаг. Это вообще свойственно людям — выбирать какое-то социально приемлемое, но оплывающееся от других свойство, и нести его как флаг. Я вот не знаю, с чем связано, не то это от гомосексуализма у них возникает, в связке идет, не то просто, когда стигматизация гомосексуалистов, начинает вести себя как гомосексуалист. Если человек мнительен, ты стараешься его не обидать» (Света, 22 года, № 4).

Однополюе отношения в российском контексте обещены на бездельность, что также, по мнению «нагуралов», усложняет со-здание прочных союзов, делает невозможными серьезные отношения: у этих союзов нет, по их мнению, семейного будущего.

Таким образом, ядром опасений «за них» является идея о том, что гомосексуалы вынуждены (и должны) скрываться. Их разовые «вылазки» на нейтральную или даже запретную территорию (общее публичное пространство), во-первых, вызваны их стремлением найти хоть какой-то выход из своего «тулана», во-вторых, сопряжены не только с опасностью обнаружения (инюгда они ведь сами этого хотят), а с публичным разоблачением, называемым их «сутью». Они хотят, чтобы их воспринимали как особенных, а в реальности могут получить грубый окрик: «Педик и лесбиянка!» Иначе говоря, страх не только в том, что все узнают, а в том, что им публично приклеят обидный ярлык.

Описанную картину тревог «за гомосексуалов» дополняет свод «запретов», список того, что они не должны делать, «нельзя до-пускать, чтобы они делали». Эти предписания характерны толь-

ко для тех информантов, у которых отсутствует собственный гомосексуальный опыт.

Нельзя допустить: каких бы то ни было *деконструкционных* «выходов на улицу», чтобы не шокировать «нормальных» людей своим поведением; принудительного *схождения к близким отношениям* с собой, потому что эти отношения — «как наркотик». Особенно нельзя допускать, чтобы они склоняли к половому акту тех, кто еще «не попробовал нормальных отношений» с другим полом; *идеализация друзей своего опыта* как чего-то особенного. Они «бесятся с жару», а простым людям — не до этого, простым людям нужно бороться за выживание, а не заниматься ерундой.

Опасения в тревогах тех, у кого есть собственный гомосексуальный опыт

Система тревог информантов этой группы с большим трудом поддается систематическому анализу. Социальные, психологические, коммуникативные импульсы этих чуждое тесно взаимосвязаны, будучи центрированы на сложном характере сексуальной, гендерной и в целом личностной идентификации, выпетенной в разнообразие сети взаимодействий с субъективностями других.

От кого ждать надежды? Информанты, имеющие гомосексуальный опыт, говорили, что они постоянно испытывают по отношению к себе определенную настороженность, агрессивную брезгливость, но уже перестали обращать на это внимание и обижаться. По их мнению, причины этих реакций очень разнообразны: от латентной гомосексуальности «родителей» и зависти к их «свободе» — до простого непонимания, связанного с абсолютным «невпадением предметов».

Опасности они ждут прежде всего со стороны *гошников* — насмешек, издевательств, в крайних случаях — возможности изнасилования.

«Заходить в бар: "О, пацки", чуть не до драки бывает. Хорошо, что охрана хорошо работает... баниты этого не любят, хотя и среди них тоже есть разные... рабочие люди — им на это как-то... ну есть и есть, меня не трогают, и пусть живут...» (Сергей, 22 года, № 5).

Гошники — это не только «рабочие парни или ребята из переселенцев», агрессия может исходить и от власти имущих. По мнению Вадима (23 года, № 5), такое неприятие есть выражение зависти,

от того что гошники не могут, как ты, «выдаться своим временем и удовольствием»:

«... Обычная агрессивная реакция от гошников даже лучше, чем негатив от власти имущих. Проще по морде поучить от люмпена, чем когда это выражается от человека, от которого зависишь... общество мушкетер, придумает прятаться... самые яррые противники — это как раз те, кто этого хотят. Они жмут и себе, и обществу, и природе, над ними поиздевались... это — просто жест, что бог над ними посмеялся, сделал так, что они не должны этого делать, для них это дико, но им это нравится... человек сам себя ненавидит за это желание, у него это может вылиться во что угодно, он может увидеть на улице гая и убить его, это очень страшно».

Тревогу вызывает и возможная реакция родителей — насильственное «от(д)лучение», разборки, непонимание, стремление «отделаться от позорного чести семьи морального урода».

«Родители знают, говорят: "Ты закончишь университет — и двай, вперед, туда, где тебе хорошо"... Отца я вообще не знаю, и поэтому он, так, это... побиваются... друзья родителей, например, говорят и говорят, что "Сергея опыта раздался". Знакомые родителей знают только, что я общаюсь с кругом людей другой ориентации, но не больше. Мои не любят выносить сор из избы... Ну дома — ладно, а там, вот, чтобы узнали знакомые, чтобы кто-то узнал — это никак нельзя» (Сергей, 22 года, № 5).

Не всегда предсказуема реакция друзей и знакомых: они могут, например, навязать избегать близких контактов или пойти на разрыв отношений.

«... некоторые побиваются... оставаться наедине... но если, как бы, говорить открыто, есть такой принцип: с друзьями не стая... А так... да, нормально, жить можно... друзья обо мне все знают, и я не вижу какого-то такого, злости какой-то» (Сергей, 22 года, № 5).

Самым сильным из этого ряда оказался страх насильственной женитьбы или замужества. Нам рассказывали о реальных историях, когда именно таким образом родители пыгались «решить проблему». Эти тревоги связаны не только с возможным насильствием над ними, но и с тем, что они могут стать невольными насильниками над жертвами — своими вынужденными супругами:

²⁴ Сергей работает стриптизером в ночном клубе.

«Я не хочу быть ни для кого обузой, поэтому секью буду со-
здавать с мужской... чтобы чувствовать уверенность, чтобы
не дозриваться в одиночество» (Володя, 18 лет, № 5).

Несмотря на существующее еще в обществе неприятие, осо-
бая сексуальная ориентация, по их мнению, не сказывается не-
посредственно на будничном, карьере гомосексуала. Это может не
только мешать, но и помогать:

«Выявет ни больше ни меньше, чем другая ориентация. Ране-
ше говорили, что все самые крутые посты евреи заняли, также
самое теперь говорят, что гей заняли: это глупо, хватает и тех,
и тех... На самом деле самая большая и настоящая проблема для
геев — это отсутствие детей» (Вадим, 23 года, № 5).

Информанты, имеющие собственный гомосексуальный опыт,
по-разному понимают причины агрессии (неприятия, брезгливо-
сти) по отношению к «ненавистникам» со стороны гетеросексуаль-
ного «большинства»:

«Может быть, они считают, что мужчина плюс женщина —
это такая догма, это правильно, так должно быть, а это ста-
танот отклонением. Может быть, они подсознательно хотят
быть на их месте, а не могут. Может быть, нам хотелось все-
ких порно — там все это некрасиво, может, они ущемлены чем-
то, мама в детстве не пулиаскала.» (Лена, 19 лет, № 4).

По мнению этих информантов, наиболее агрессивно по отно-
шению к ним настроены мужчины, которые испытывают двой-
ной (или даже тройной) страх: открыть для себя, что они сами
такие (собственная скрытая гомосексуальность): ловить на себе
оценивающие взгляды мужчин, попасть в ситуацию приставания
(вариант — гомосексуального насилия). Эти «прямым» тревоги
усиливаются опосредованными: вдруг кто-то увидит их в подлоб-
ной мизансцене и решит, что они действительно «голубые».

Однако все информанты говорили нам о том, что ситуация ста-
ла меняться. Антон (20 лет, № 5) считает, что оставшееся еще в
обществе неприятие — выражение несвободе и что «фронты
геев и натуралов — это пройдет, я не знаю, когда это будет, но все
к тому идет, это неизбежно просто». Так, например, уже не вызы-
вает такой агрессии, как прежде, особым образом покрашенные
волосы, особая стрижка или украшения.

«Сейчас к этому стали относиться намного проще: допус-
тили, наверное, такую мысль, что и такие люди имеют право на
существование... воспринимается не только отторжение, в боль-
шей степени — неприязнь... Но я не рассстраиваюсь по этому

поводу: это их проблемы. У натуралов есть какой-то интерес на
таких людей... При социализме это пытались закрыть, но та-
кие люди были всегда... все равно есть доля неприязни этого,
какое бы ни было демократическое общество. Постоянно прихо-
дится скрываться...» (Володя, 18 лет, № 5).

Желание, не (с)уженное назвать себя²⁵. Основные тревоги,
опасения и страхи концентрируются вокруг самих гомосексуаль-
ных практик. Их ядром является поддержание вынужденной
скрытности. Это убежище «тайного знания о себе» может быть
открытым или скрываемым, вынужденным или осозанным, утне-
тающим или защищающим; его границы могут быть подвижны-
ми или жесткими. Объяснения необходимости (с)у(крываться —
самые разнообразны: от необходимости афишировать свою жизнь
до нежелания травмировать близких. Все практики, сопровожда-
ющие их «особенное» желание, развиваются, по мнению гомо-
сексуалов, по другим, отличным от «обычных», сценариям. Зна-
комство, поиск партнера, возникновение чувства — все это должно
быть проартикулировано самим себе в терминах сексуального
желания. При этом они всегда имеют в виду, что ошибка в интер-
претации чувства «другого» может привести не просто к откату, но
и к открытой агрессии (выплоть до избиения). Они должны быть
готовы к тому, что нежность, неопределенность могут продол-
жаться довольно долго²⁶. Гомосексуал не имеет возможности вы-
ражать свои чувства в собственных терминах, поскольку язык сек-
суального желания остается гетеросексуальным. Это, по мнению
этих информантов, в первую очередь сказывается на практиках
знакомства. Обращусь к нюансам.

Тревоги неустойчивой идентичности. Проблемы могут про-
воцироваться заугтаным «разговором с самими собой», который,
по мнению этих информантов, не всегда честен. Сложно признавать-
ся не только другим, но и самим себе в том, кто они, чего и как
они хотят:

²⁵ Перефразировка публицистического заявления лорда Альфреда Дугласа в 1894 году:
«Я та любовь, что не осмеливается назвать себя» (Цит. по: Сэлвик 2000:51).

²⁶ Несмотря на очевидную сложность выделения «стаблей» взаимных отно-
шений при поиске партнера своего пола, не следует их преувеличивать. Многие
информанты (не только гетеро-, но и гомосексуалы) говорили нам о том, что
безответность и отказ всегда болезненны. Углубляет болезненность пережива-
ний гомосексуалов именно их гомосексуальное и сопутствующая ему реакция на
«взамену своему гетеру».

«Сами гомосексуалисты этого города очень странно себя ведут, они не совсем осознали свою сущность, что они такие... они заикнулись на этом, они живут только этим, своей гомосексуальностью. Это — невосторжество самого себя реального, в реальном времени, это просто какая-то сказка самому себе, про себя, вот» (Антон, 20 лет, № 5).

«Они живут этим, они восторгаются этим, тем, что они — такие, и в то же время они этого боятся» (Денис, 26 лет, № 5).
Боязнь опуститься, в обществе с этим — перестать быть мужчиной. В отличие от интерпретаций «навстрелов», для этой группы падение — это образ «женоподобного тела» или неразборчивого в связях «туалетного проститута».

«Я не люблю женственных геев, абсолютна. Но-мою, они сами себя обманывают... В том, что они стареются казаться... Все равно они — мужчины... они — мужчины... А это... как-то смещение чего-то в голове, что, как бы, я — мужчина, но женщина, я — женщина, но мужчина... Это манера разговаривать (изображает). Это неестественность... это слабость, но-мою. Мужчина, это... (пауза)... Может. Я считаю, что я очень женственный мужчина... но я все равно мужчина...» (Антон, 20 лет, № 5).

Для того чтобы избежать подобной демаскулинизации, гомосексуалы должны внимательно следить за собой, дорожить своей репутацией, быть разборчивым в компаниях. Опуститься можно и в результате *разочарования в людях*, в первую очередь — в партнерах: следует избегать знакомства по телефону, не ходить часто по сомнительным клубам, не посещать «странных» тусовок²⁴. Следует также ограничивать себя от сиюминутных увлечений, от связи на одну ночь. Так, например, Володя (18 лет, № 5) после первого неудачного сексуального опыта пережил сильное потрясение и решил, что все — такие корыстные, всем нужен только секс:

²⁴ Интересно, что эти молодые мужчины, говоря о сложностях самоидентификации геев, сообщают об этих проблемах в третьем лице, явно дистанцируясь от них, хотя анализ их собственных интервью показывал, что покоем противоположных характерны и для них самих.

²⁵ Так, например, один информант рассказывал нам о своем тяжелом опыте жизни после посещения странной бани, где собираются «вовольно известные в городе люди», у них там правило — переодеваться в женское белье и называть друг друга женскими именами. Эти посетители, по словам информанта, зачинялись настоящими оргазмами.

«Ни к чему хорошему они (случайные связи) не приводят... не понимая разбитных людей, которые могут перестать, открываются и шкени не спростить... потом нашел партнера, с которым — любовь до гроба... Новая, что, как и везде, есть секс, есть просто любовь, есть просто общение, дружба...»

Избежать разочарованной помогает *тихийный отбор «своего круга»*, тех людей, которым можно доверять. Компания, в которой вращаются ненастрелы, чаще всего являются смешанными по сексуальной ориентации: среди друзей встречаются не только геи, бисексуалы(ки) и лесбиянки, но и натуралы, со многими из которых устанавливаются очень близкие (дружеские) отношения. Сохранение и поддержание своего круга достигается неплотной договоренностью обеих сторон: друзья хранят их тайну, а они стараются особенно не выделяться, не вести себя, как «законченные педики», чтобы никого не подвести.

«Предпочитано общаться только с людьми, в которых уверен. Если кому-то и открывается, то должен быть уверен, что тот не разочарует. Пытаюсь приблизить к себе людей, которые действительно поймут меня... кто не поймет, это — их проблема... нужно быть открытым в общении с людьми, не ужиматься, не хитикать... не кричать о своей гомосексуальности на каждом углу...» (Володя, 18 лет, № 5).

Доверительные отношения с близкими помогают *предохранить стрелы зарезать СПИДом*, который остается серьезной проблемой для гомосексуалов (геев). Однако, по мнению самих ребят, эту опасность не стоит преувеличивать, в принципе те же проблемы существуют и для гетеросексуалов. Так, например, Сергей (22 года, № 5) некоторое время работал в элитных агентствах, оказывающих услуги «по части голубых». Там действительно можно много заработать, но заниматься этим он никому не советует, потому что «неинтересно» и опасно, причем не только с медлинской точки зрения, потому что «фирма гарантний не несет. Это пугает, потому что СПИД очень распространен в Ульяновске...».

Тревоги за других. В основе таким образом направленных страхов и опасений — предвосхищение (образы) возможной реакции близких на неожиданно открывшееся им знание о том, что их ребенок (друг) имеет другую сексуальную ориентацию. Судя по рассказам наших информантов, взаимоотношения в их семьях складываются просто: редко, кому удается открыться перед близкими или положить на их полное понимание и принятие. Чаще всего собственная ориентация скрывается. Нередки случаи, когда близ-

кие в принципе догадываются, и, например, Володя (18 лет, № 5) говорил нам о том, что он знает, что сестра догадывается, но они этого не обсуждают, расчитывая на молчаливое понимание. Таким образом, боль близким приносит скорее не сам факт, а его «обнародование». Молчаливое соблюдение общей тайны в этом смысле становится «спасением» для обеих сторон. Наши информанты говорили, что в семьях стараются соответствовать принятой атмосфере, не демонстрировать, что у них «что-то как-то не так». Подобные молчаливые соглашения могут заключаться не только с родными, но и с приятелями:

«Часто стаживаюсь с иронией со стороны девушек: "Почему ты такой? Эх, переведутся скоро мужики на Руси". Пытаюсь оговорить, чтобы не страдали из-за того, что я — гей. Один знакомый натурал даже посоветовал мне попросивать с девушками...» (Антон, 20 лет, № 5).

Несмотря на все описанные тревоги, основными в сюжетах фобий и страхов тех, кто имеет собственный гомосексуальный опыт, остаются проблемы общего характера. *Страдания геев* — те же, что у всех, «если человеку нравится страдать — он страдает. У гомосексуала могут быть не меньшие проблемы, вот сын — наркоман...» (Аркадий, 23 года, № 5). Все зависит от общего настроения человека: для одних их ориентация — радость и осознанное предимущество, которое они используют себе и близким на пользу, для других — это источник постоянных рефлексий и переживаний. Как правило, последние — это еще не «разобравшиеся в себе, непоследовательные геи». На самом деле, все просто: нужно принять и понять свое чувство, свое личную идентичность и жить, как все. Поэтому что, с одной стороны, какой-то особенной разницы между жизнью гетеро- и гомосексуалов они не видят, а с другой — не стоит афишировать эти отношения. Одни считают, что это важно, потому что «*никто не хочет, чтобы его рассекретили: это — его дело, его тайна*» (Аркадий, 23 года, № 5). Другие — что это необходимо для сохранения спокойствия близких, которые «абсолютно ничего в этом не понимают».

Сохранение тайны, отказ от явной публичности (прежде всего — публичной артикуляции), избежание открытости, обнародования гомосексуальных привязанностей остается основным способом поддержания идентичности. Это признается практически всеми информантами независимо от наличия у них собственного опыта. Однако интерпретация этой необходимости, прежде-

лов ее директивности значимо различаются. Рассмотрим подробнее, что, почему и в какой степени следует скрывать.

«Там — у них, и здесь — у нас...» Частым аргументом в обосновании необходимости скрываться выступала провинциальность города Ульяновска. Здесь, по мнению многих, намного труднее «защититься», все — на виду, свободное поведение и открытое проявление чувств уже выглядит демонстрацией. По мнению большинства наших собеседников и собеседниц, «*кваскировка*» под натуралов характерна именно для провинции, тогда как в Москве, Питере или Самаре это совершенно не нужно²⁹, там «у них» развита специфическая инфраструктура: не только сеть гей-клубов, но и кино, и театральные фестивали особой тематики, и специализированные издания, и т. д.

«Никто не хочет быть ненормальным». Гомосексуальность все еще остается в рамках понятия «ненормальность». Хотя у него уже практически отсутствуют психиатрические дефиниции, но их социально-культурный и психологический контексты сохраняются. Подобная категоризация гомосексуальности содержит потенциал напряженности, поскольку здесь сталкиваются два практически взаимоисключающих рассуждения: с одной стороны, принятие новых сексуальных практик как знака продвижения, просвещенности, непровинциальности, с другой — отнесение их к сфере «ненормальности». По мнению натуралов, именно эту свою «ненормальность» и пытаются скрыть гомосексуалы, «глубой» — это обвинение, оно равносильно исключению из нормальности:

«...Они должны это скрывать ради того, чтобы не выглядеть ненормальными, являясь таковыми по сути, с другой стороны, они не должны раскрываться, чтобы не напрягать других, которые в этом случае придется как-то корректировать свое поведение и речь, чтобы, не дай бог, не обидеть или не задеть» (Александр, 19 лет, № 2).

Инакость, интерпретируемая как ненормальность, очень усложняет общение. Нужно все время отчерчивать пространство дозволительных разговоров и реакций, вычерчивать «малышевский круг»

²⁹ Представления о столичной свободе распространяются не только на «другую» сексуальность, она характерна для всей системы культурного позиционирования провинциальной молодежи. Насколько в этих представлениях отражена реальность бытования столичных гомосексуалов, мы собираемся проверить в следующем исследовании.

молчаливого дистанцирования — все это говорит об исключении этой группы из контекстов «нормальных» разговоров. Это укрепляет стены «чулана».

«Это сложно... т. е. не касаться каких-то тем, ну, о чем я могу поговорить со своими друзьями: о девишках, что-то там об-судить, выпить пива. То с таким человеком, конечно, уже соми-ваюсь, что можно было бы так же поговорить, но и это, навер-ное, для него тоже проблематично» (Александр, 19 лет, № 2).

Выход из «чулана», по мнению многих, не просто затруднен, но и не нужен. Зачем? Раскрытие только усложнит жизнь не толь-ко им самим, но и близким. Так, например, Лена (19 лет, № 4) рассказывала о случае, провоцирующем раскрытие:

«Когда ему сказали в глаза: ты же ведешь себя, как гайбой — ему было очень плохо, физически плохо, поблдевал, давление упа-ло... он так боялся этого, потому что он не считает себя каким-то, там, ненормальным».

Следуя этой стратегии, т. е. по мнению Сергея (22 года, № 5), стараются не выделяться и вести себя «нормальным образом», а для самораскрытия — уезжают на «гастроли» в Самару или Москву.

Пока я мужчина (женщина), мне бояться нечего. Скрывать-ся нужно для поддержания своего мужского (женского) гендера. «Свой» гендер оказывается чуть ли не последним признаком «нормальности» гомосексуала. Пока стабильность гендерной идентификации (равенство самому себе, устойчивость, легкая распознаваемость) воспроизводится адекватными реакциями ок-ружающих, укрытие и тайна «гарантированы».

«Все страхи исчезают, если раскрутимся». Встретилось и более оптимистичное мнение. Так Антон (20 лет, № 5) говорил, что поскольку сейчас действительно стало полегче и отношение окружающих все-таки смягчилось, то не стоит бояться раскры-тия. Часто страхи раскрытия — выдуманы. На самом деле он открыт и чувствует себя от этого невероятно свободным.

«... И тем, и другим проще становится познакомиться... глав-ное вообще — вылезти наружу, т. е. признаваться себе, что ты гей. Все остальное получится... сильнее всех скрываются те, для кого это — просто разноеобразие в жизни, которые просто устали от стирого и им надо попробовать новое».

Глава в главе — и на расстоянии: теоретические послесловие

Гомо- и гетерогендер

Секс... это совокупление, все остальное — гендер.

Кейт Борчинский³⁶

Анализ текстов интервью показал, что в гомофобных настро-ениях проявляется не только стремление к обязательной (принудительной) для гайболов и к демонстрируемой — для «ненату-ралов» гетеросексуальности, но и представление о врожденной прикреденности «чужовеческого существа» к «своему» мужскому или женскому полу (гендеру). У гайболов наибольшее напраще-ние вызывает «женоподобие» и «мужноподобие» гомодемон-страции, у ненатуралов — возможность потери последнего при-бежища «нормальности» — своего гендера³⁷.

В этих представленных откровенно воспроизводятся гендерная иерархия: поддержание мужественности намного более значимо, а потеря этого качества намного более «преступна», чем утрата жен-ственности. На уровне индивидуальной версии это проявилось в благожелательном, спокойном, а чаще — снисходительном отно-шении молчаливых мужчин к женской гомосексуальности, которая вос-принимается только как бисексуальность и ассоциируется с повни-щенной сексуальностью (женской). Негативное отношение к «последовательным» лесбиянкам можно отнести скорее к вымыш-ленным, чем реальным чувствам, поскольку никто из наших собе-

³⁶ Эпиграф взят из книги «Kate Bornstein: A Transgender Transsexual Postmodern Treatise» (Kloster 1993: 104).

³⁷ В данной статье я не рассматриваю специфику транссексуальной и транс-веститской идентичностей. Это тема отдельного исследования. Однако замечу, что то, как дорожат ген, бисексуальны и бисексуальны своим гендером, на мой взгляд, как раз и отличает сексуально трансгрессивно от гендерной (еще раз напомяну, что в нашей выборке не было лесбиянок). Трансвеститам, по мнению Мерджери Гарбер, провоцирует «категориальный кризис», размывающее границы, в результа-те которого становится возможным переход из одной, ранее казавшейся закры-той, категории в другую. Трансвеститам ставят под сомнение или вытесняют по-степенно выраженные одну из самых прочных бинарных оппозиций мужского/женского. «Фигура трансвестита или трансвеститства модальность всегда функ-ционирует как указание на наличие избыточной детерминации — механизма про-тивления категорий между утрачивающими непреходимость границами» (Garber 1992: 16–17).

седликов и собеседниц «ихх»²¹ не встречал. На социальном уровне обуславливание появления гомосексуального субъекта также происходит в намеренно гендерированных терминах — с использованием сущестительных мужского рода. Сам термин «мужское»²² довольно означает «совместное возлечение мужчины с женщиной». Под мужским же всегда понимался акт проникновения пениса в анус другого мужчины. Преступник-гомосексуалист всегда был женщиной. Женская трансгрессивность никогда не считалась полнотным деянием (Essig 1999). Ив Косовски Сэдзвик пишет о том, что «мужской параноидальный проект необходим для сохранения гендерной субординации» (Сэдзвик 2000: 62). Она считает, что отклонение гомосексуальной личности к своему гендеру является одной из центральных проблем при объяснении (себе и другим) своего однополного желания: сохранять или не сохранять его гетеросексуальную сущность? Одним из решений является разделение однополного желания внутри «потока», который течет от мужского существа к женскому, вне зависимости от того, в теле какого пола это существо пребывает» (Сэдзвик 2000: 64). Конечно же, в интерпретациях спецификации гомогендера (в отличие от гетерогендера) можно обнаружить большую неустойчивость и подвижность принаимельных большинством постулатов. Однако многочисленные вариации, раздвигающие границы «света» гендера, все-таки не перескажут их «Другая» сексуальность может «притягаться» в гендере, пока последний поддерживается вне открытой трансгрессивности. Гендер видим и поэтому в большей степени поддается контролю, сексуальность же — скрыта. Прочтение сексуальности, в отличие от гендера, всегда осуществляется под покровом тайны, т. е. так, «чтобы никто не заметил».

Джулит Батлер сравнивает гендер с представлением, которое может использоваться успешно лишь при условии его постоянного протирывания. Гендер — это идентичность, доступная пониманию со стороны, сквозь призматический «стилизованного повторения действия». Гендер «следует понимать по движению тела, жестам, стилям поведения, т. е. всему тому, что создает иллюзию раз и навсегда гендерированной самости» (Butler 1990: 140). Чувство самости, субъективность может существовать только в рамках ре-

гулятивных систем, таких, как гендер. Иными словами, нет никакого «Я», выбирающего себе гендер, словно одежду, поскольку не олетой в материю, социализированной (гендерированной) или сексуализированной самости «Я» просто не существует (Butler 1993: 21).

Таким образом, гендер — это не выбор, а практика, и необходимые условия его самовоспроизводства выступают постоянная инсценировка и показ другим того, «как же я практикую гендер».

Гомо- и гетеросексуальная матрица

Для анализа противоречий (рассогласований) между гомо/гетероидентичностью, гендером (мужским или женским) и желанием (противоположного или своего), которые проявились в данном исследовании, я попробую применить идею Джулит Батлер о «гетеросексуальной матрице», которая поможет понять характер притяжения гендера и сексуальности. В гетеросексуальной матрице биологический пол (тело), сексуальность и гендер зависят друг от друга, и эта зависимость является необходимым условием гетеросексуальной притяжения «другими». Она является гетеросексуальной системой, «предполагающей, что необходимым условием когерентности и вразумительности тел является стабильность пола, выражающаяся с помощью стабильности гендера, оппозиционно и иерархически определенного посредством принудительной практики гетеросексуальности» (Butler 1990: 151). Другими словами, тела делятся на женские и мужские, гендеры — на маскулинные и фемининные, желания — на желания противоположного. Пол (тело) подразумевает гендер; гендер подразумевает сексуальность. Сексуальность подразумевает гендер; гендер подразумевает биологический пол. В случае когда некто, являясь мужчиной или женщиной, ведет себя, соответственно, как мужчина или как женщина, его(е) желание совершенно определено — оно гетеросексуально. Однако как только поведение меняется на неподобающее для того или иного гендера и одна изначальная входит в противоречие с другими означивающими, вся матрица нарушается. Все желания воспринимаются как таковы же извращенными, как и неподобающее гендерное поведение (независимо от того, какова в действительности практика осуществления этих желаний — гомо- или гетеросексуальной). Таким образом, теоретически гомосексуальность может быть рассекречена (распознана) всеми по признаку отклонения от надлежащих гендерных ролей.

²¹ Местонаимение они (производная форма — «ихх») в данном контексте можно-тирует с довольно-таки негитивным и отталкивающим образом мужского пола-любителя. «Обычные», не эпатрующие и никак не маркированные стереотипными признаками любители, в очередной раз оказались «невидимыми».

Гомосексуальность и гомосексуальность

По мнению американской исследовательницы Лурды Эссиг, если в современной Америке «политика идентичностей» является социально представленной, то в седьмидесяти России идентичность — «это всего-навсего не получивший широкого признания нарратив. При советском режиме идентичность не играла большой роли в организации социальной и политической жизни. Несмотря на то что такономии класса, гендера и этничности буквально пронизывали повседневную жизнь, лишь немногие чувствовали потребность во вступлении в бесконечный процесс публичной самоидентификации, частично по причине того, что в Советском Союзе «разрешенных» идентичностей было не так уж и много» (Essig 1999: 53–54).

Наше исследование показало, что гомосексуальные практики могут иметь характер временного отхода от гетеросексуальности, не являясь исчерпывающим определением стабильной и последовательной самости. Поэтому вполне приемлемы, особенно для бисексуалов, параллельные томо- и гетеропрактики, ни одна из которых не «требует» обязательной верности. Следует говорить не о гомоидентичности, а скорее о гомосубъективности. Субъективность гораздо «демократичнее» идентичности: женщина может испытывать влечение к другой женщине, открыто выражать свои чувства словами или действиями (быть самотоварным субъектом) и при этом не принимать идентичность, основывающуюся на таком роде желаний. Она может посетить дискотеку или встретиться с подругой, с которой она познакомилась по объявлению, и при этом не «быть» лесбиянкой.

Наше исследование показало, что сами гомосексуалы не испытывают большой потребности в глубокой идентификации и, по большому счету, у них нет единой идентичности. Они могут называть себя как угодно, в том числе натуриками. Их объединяет не одинаковая идентичность, а общее желание, которое отчасти возникает на почве отсутствия обшей идентичности. «То, что субъективность без идентичности прочно закрепилась в российском гомосексуализме, так же верно, как и то, что в России западные модели политики идентичности попросту не прижились...» (Essig 1999: 81–82).

Знание или невежество: что сильнее?

Наше исследование подтвердило гипотезу о том, что осознание (понимание) другой сексуальности, основанное на личном опыте коммуникаций с ее «носителями», не обязательно делает эти прак-

тики близкими и привлекательными (для себя), но заметно снижает тревоги и страхи по поводу опасностей, от них исходивших. Этому «исцеляющему» знанию мешают многочисленные барьеры, базирующиеся на привычных и упрощающих познание механизмах исключения «иных» (других, не наших). Эти «иные» конструируются по своему операционно. Как сказал один наш информант: «Речь идет о том, что все высокие посты занимают евреи, менаше же самое говорят про гомосексуалистов». Знание — сила, но и незнание, невежество — тоже сила. Невежество порой оказывается даже сильнее знания, как, например, при игнорировании другой сексуальности, этой одной из самых насыщенных в смысловом плане стороны человеческой деятельности.

Игнорирование разной сексуальности является частью матрицы властных взаимоотношений, гетеросексуальной матрицы Дж. Батлер. «Знание "реальности" гендера необходимо предпосылкой игнорирования сексуальности... Признать существование сексуальности, подымающей "реальность" гендера, означает признать гендер инцензуровой, превратить его из существительного в глагол. Гендер уже не сможет дисциплинировать наши тела и наше сознание, если мы согласимся с утверждением о его возможной проблематичности. Поэтому когда мы пишем сексуальность на нашем теле, мы берем для этого невидимые чернила» (Butler 1990: 155).

Можно предположить, что боязнь получения «лишнего, опасного» знания, которое мы обнаружили в нашем исследовании, напрямую связана с «гендерной тревогой», со страхом потерять одно из самых фундаментальных оснований личностной определенности. Как пишет Фуко: «... сексуальное поведение, вероятно, является предметом неких фундаментальных запретов, преступления которых есть тяжкий проступок» (Фуко 1996б: 279—80).

Быть гомосексуалом означает идти против правил гендера, а быть натуриком — способствовать их укреплению. В этом смысле гендер — это некая стабилизирующая, подлапывающаяся кодификация стандартная мера, с которой мы можем (или не можем) себя сравнить. Если предположить, что гендер — это всего лишь инсценировка, то это разрушит границы привычной дискотомии, вдоль которых натуриками и голубыми структурируют свои желания. Девочки могут нравиться девочкам, мальчишкам — мальчишкам, однако сам факт того, что есть мальчишки, а есть девочки, не подлежит сомнению. Гендер — это необходимое условие существования как натуриков, так и гомосексуалов. При этом некоторые гомосексуа-

ды, как это ни парадоксально, способствуют воспроизводству гедера путем нарушения гендерных правил, если, нарушая их, продолжают настаивать на своей «гендерной верности».

Все эти размышления приводят к выводу, что подобное знание о незнании вряд ли кого может вдохновить. Намного проще отделиться от столь сложных хитросплетений и следовать привычным тропам исключения всех тех, кто встает «кво» «другие».

Механизмы исключения другой сексуальности

Пространство гомофобии, понимаемое мной как реальная или символическая дистанция между так называемыми «натуралами» и «ненатуралами», оказалось заполнено многочисленными тревогами, страхами, мифами, стереотипами, основанными на реальном опыте, слухах, фантазах, мистификациях и имитациях. Интересно, на мой взгляд, то, что практически на каждой тропе страха и, соответственно, механизмы исключения встречаются и те, и другие. Интерпретации, различаясь в деталях, совпадают по сути. Дистанция, таким образом, оказывается необходимой для поддержания взаимозависимого различия.

В исключении другой сексуальности присутствуют как общие, так и специфические механизмы. Один из ведущих — *обозначение гомосексуальное как меньшинства*. Это обозначение помогает аргументировать необходимость и важность отстаивания социальной гомогенности (как и с этническим большинством), что оправдывает нравственные чистки, дискриминации по этому признаку, властное поддержание господствующих ценностей. В исследовании это проявилось в системе требований, предъявляемых «натуралами» для защиты общества от того, чтобы «все не стали гомосексуалистами». Следующее — *обозначение гомосексуальное как насильникового, захватникового, агрессивного (переступникового)*. В этом отношении прослеживаются холи и ослабленные, но все еще существующие психиатрические, меллинистские и криминальные дискурсы в оценке другой сексуальности как подлежащего лечению (изоляция) извращению. Эта аргументация служит оправданием для разнообразных практик насильственной (принудительной) гедеро-сексуализации. Одним из наиболее значимых оказалось *обозначение гомосексуальное как скрывающегося (невидимых, тайных)*. Этот механизм исключения «помогает» натуралам и ненатуралам уживаться друг с другом. И те, и другие говорят о вынужденности (у)сокрытия. Аргументация может быть разной: от избежания прямых

столкновений, прозвучивших издевательскими, насмешками, избиением, молчаливой изоляцией, насильственной близостью, — до избегания проверки себя на гомо/гетероидентичность и нежгания обидеть (травмировать, убить) признанием близких. Этот механизм помогает знанию притворяться незнанием, а невежеству выдавать себя за полное и окончательное знание. Таким образом «чулан» надежно защищается снаружи и изнутри.

Обозначение гомосексуальное как чуждого, а значим — опасного. Чужие чаще всего интерпретировались нашими информантами как «пришельцы» с Запада, из столицы и, что особенно важно для понимания специфики восприятия гомосексуальности в России, — из зоны. Этот механизм помогает зафиксировать координаты «нормальности» в своих локальных (местечковых) терминах. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в оценках информантов, у которых знание о другой сексуальности сложилось исключительно по слухам. Для молодежи этой группы наиболее характерно следование стереотипам и шаблонам, воспроизведенные таракруемых солидных маркеров, позволивших, на их взгляд, даже по внешним признакам отличить нормальных от ненормальных. Нечто похожее происходило в недалеком прошлом при выделении из всей толпы иностранцев по их «чистой, красивой и неващей одежде», а еще по тому, что «они постоянно чему-то улыбаются».

Обозначение гомосексуальное как убогих (обделенных, бедных, несчастных). Такой подход в наибольшей степени оказался характерным для молодых женщин. Они проблемонструировали большую толерантность в оценке другой сексуальности и повышенную эмпатию к людям, ее практикующим. Однако этот механизм, по-видимому самый мягкий, не меньше других способствует закреплению зоны умолчания вокруг иных. Следуя принципу «в доме повешенного не говорят о веревке», в компаниях при появлении «подозреваемого» затихают обсуждения достоинств партнеров или партнеров, перестают рассуждать соответствующим анекдоты, тактично обходят все те, на их взгляд, острые вопросы, которые могут задать бедного и несчастного «томика». Эти фрики на самом деле усиливают потребность гомосексуалов доказать свою «нормальность», часто провоцируя эластичные выхлопки.

Все эти механизмы исключения охраняют «невидимость», «несуществование» другой сексуальности, что, в свою очередь, не может не приводить к часто неосознаваемому, подспудному желанию открыться. Это оказалось важно не только для самих пострадавших геев (в нашем исследовании все информанты, счи-

тающие себя гомо- и бисексуально ориентированными, говорили об этом открыто), но и для тех, у кого отсутствует собственный гомосексуальный опыт. Открытость первых, скорее всего, связана с исследовательским характером наших бесед. На начальных стадиях интервью все-таки замечались некоторая напряженность и опасения. Однако как только молодые люди убежились в том, что нами движет не обыденское любопытство, а научный интерес, они были рады спокойно и обстоятельно поговорить об этом. Важность открытости для вторых проявилась своеобразным образом. Один из вопросов интервью носил прожективный характер. Мы попросили придумать сюжет фильма о гомосексуальных отношениях, предложив информантам представить себя режиссерами. Сюжеты, хотя и были в основном с трагическим финалом, однако внутри сюжета царили мир, нежность, взаимопонимание и настоящая любовь.

С одной стороны, результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что непосредственный опыт общения с людьми, практикующими «другую» сексуальность, помогает снять многие предубеждения, порою «объект» гомофобии в близкий и принимаемый субъект сбалансированной коммуникации. С другой стороны, анализ интервью показал, что чем абстрактнее, отдаленнее отговариваето рассуждения о «другой» сексуальности, тем они более толерантны и более свободны от гомофобных тревог. Иначе говоря, в первом случае дистанцирование усиливает гомофобные настроения, а во втором — помогает смягчить их. Здесь нет противоречия: имеет значение только, о какой близости и какой дистанции идет речь — символической или реальной. Абстрактные рассуждения о новых модных трендах и общей культурной атмосфере не угрожают сомнениям в собственной сексуальной идентичности. Напротив, оценка близких отношений требует выработки собственного, вполне определенного мнения, что может восприниматься как сложный (часто — не актуальный) разговор с самим собой. Тем не менее, оба направления тесно связаны друг с другом. Общая атмосфера современной молодежной культуры, расширяя границы толерантности, не только вводит «другую» сексуальность в контекст «возможного», но и способствует постепенному выделению еще одних «других» из «чуждана» невидимости, включая их в пространство «разных».

4. Репрезентация сексуальности в медиадискурсе

Альмира Усманова

СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА В БЕЛОРУССКИХ МАССМЕДИА

В данной статье мне хотелось бы проанализировать, каким образом тема сексуальности артикулируется в постсоветском политическом дискурсе и как она репрезентируется в белорусских медиа. Решение подобной задачи, на мой взгляд, позволит, с одной стороны, выявить, в какой мере власть манипулирует этой темой для решения своих политических задач, а с другой — эксплицировать отношение власти к сексуальности вообще и гомосексуальной проблематике в частности.

С точки зрения гендерной теории, сексуальность, как и *идол*, — это не столько биологический (внедискурсивный) феномен, сколько социальный конструкт, у которого есть история. Надзор за сексуальностью и ее нормирование были и остаются одной из основных «привилегий» власти¹ постольку, поскольку дискурс о сексуальности — это один из ключевых элементов гендерной политики в любом обществе. В эпоху политического и экономического кризиса методы и формы насилия, неравенства, дискриминации по признаку пола (а также сексуальной ориентации и поведения) становятся особенно изощренными, а сама тема гендера и сексуальности оказывается предметом торга и всевозможных спекуляций со стороны власти и обслуживающих ее политических партий и институтов. Исходя из этого, конечной целью предлагаемого здесь анализа политического дискурса о (гомо)сексуальности является

¹ Как писал М. Фуко (1996а: 253), «заповедей, потомство, раса, будущие роды, жизнеспособность социального тела — власть говорит здесь о сексуальности и с сексуальностью; сексуальность здесь — не маркер и не символ, она ... объект и цель».

выявление властных стратегий манипуляции гендерным субъектом в постсоветской Беларуси.

С момента выхода в свет «Истории сексуальности» Мишеля Фуко любые попытки говорить об отношениях между властью, о смысле и значении пола *вне* связи с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства кажутся несколько наивными. Однако нам в этом направлении предстоит еще многое сделать: лишь сравнительно недавно мы начали исследовать специфику советских практик «ген(д)еризации»² (посредством политическо-го, правового и других социальных дискурсов) и оставленные ими множественные метатексты, которые все чаще сказываются в повседневном опыте посттоталитарного социума. Как нам теперь хорошо известно, сексуальность в эпоху советской власти (хотя и не впервые в мировой истории) была «конфискована в пользу скрепленной браком семьи», она была поглощена «серьезностью функции воспроизводства», а в остальном — окружена молчаливым (Фуко 1996г.: 99). Последствия этого тотального молчания ощущаются по сей день.

Но мысли французского философа, сексуальность и политика — это две области, где запретов на дискурсе больше всего и они самые суровые. Запрет — это основная процедура, применяемая к дискурсу. Это значит, что «говорить можно не все, не обо всем, не всякому и не при любых обстоятельствах» (Фуко 1996г.: 51). Поэтому если о сексе заговорили, то сам факт говорения о нем (или его подавления) «имеет оттенок смелого преступления». Итак, вслед за М. Фуко задумался вопросами: *почему о сексуальности* (в постсоветском политическом дискурсе) *заговорили и что о ней сказали?* Какие последствия данное «говорение» могло иметь для формирования гендерной политики? Необходимо принять во внимание самый факт «выведения секса в дискурс», проанализировать, что о нем говорит, кто о нем говорит, а также определить места и точки зрения, определяющие рамки обсуждения — такова в самых общих чертах предлаемая Фуко процедура анализа дискурса.

При исследовании проблемы освещения гендерной проблемы таки в отечественных массмедиа³ постсоветского периода мож-

² Термин Т. де Лауретис (1998: 137).

³ В своем анализе я буду опираться на статьи и материалы, появившиеся в разное время (начиная с 1999 года и по февраль 2001 года) в белорусских газетах и на телевидении. Поскольку в Беларуси до сих пор функционирует лишь один полноценный телевизионный канал (Первый Национальный), постольку оче-

но было бы выделить три основных мотуса обсуждения темы сексуальности: чаще всего эта проблема затрагивается в связи с репродуктивными правами женщин⁴, а также с проституцией (или секс-торговлей в целом)⁵; тогда как наиболее табуированной была и остается тема «секс-меньшинств». Разговоры «про это» возникают спорадически, обычно в связи с профилитактикой СПИДа или же в связи с теми или иными культурными явлениями — кинематографом, поп-музыкой, как правило, в молодежной аудитории. Поводом же к написанию данной статьи явились публикации и телевизионные передачи в белорусских средствах массовой ин-

формации, что телевидение является официальным рупором действующей власти, в то время как среди либеральных мною печатных изданий можно найти умеренно оппозиционные («Белорусская газета»); декларативно аполитичные («Вечерний Минск»); наконец, дистанцирующиеся от любой политической идеологии, но по существу выполняющие функцию консолидации социальной группы, например журнал теев и лесбиянок «Форум Лямбда». Я не ставила перед собой цели проанализировать ситуацию в Интернете прежде всего потому, что в целом Интернет в Беларуси пока не стал общедоступным средством информации и коммуникации и, следовательно, не играет значимой роли в актуальных политических процессах.

⁴ Освещение этой темы не входит в мои задачи, однако внимательно изучившие дискурса в средствах массовой информации на эту тему позволило бы увидеть, как происходит формирование новой, постсоветской политики. В октябре 1999 года в «Вечернем Минске» была опубликована статья под названием «Мужчина и женщина: будем дружить?», посвященная, как оказалось, семинару «Два разных равенства и репродуктивное здоровье». Заявлялась статья так: «Для того чтобы изменить ситуацию, к подобным мероприятиям следует обязательно привлекать сильный пол. Однако женщины, если она будет вести себя столь активно и вызывающе, вряд ли често удастся добиться от нашего брата». Тон статьи отражает во многом типичное отношение власти (мужчины) к подобным мероприятиям, равно как и к самой проблематике репродуктивного здоровья женщин. С другой стороны, он также свидетельствует о достаточно резком нарушении образа активной (политической и сексуальной) женщины. Думаю, что не только для Беларуси характерна ситуация, при которой представление о женской сексуальности, не сводимой к функции воспроизводства, равно как и о женщине — политической субъекте, ассоциируется с образом внутренней (репродуктивной) феминости. Так, в ноябре 1999 года белорусское ТВ показало передачу, посвященную фемицизму в тематической программе «Темная комната», что особенно забавно, ибо в «темную комнату», как правило, приглашают исключительно участниц, которые, с точки зрения организаторов, нарушают те или иные социальные табу и вообще олицетворяют собой трансгрессивный тип маргинала.

⁵ Тема «секс-торговли» не ограничивается рамками проституции и оборотает в публицистическом дискурсе (псевдо)политический характер. Приведу один из абсурдных примеров: так, недавно депутаты Российской думы при обсуждении вопроса о потшении внешних долгов России якобы в шутку предлагали ... русских женщин в обмен на потшение долгов.

формации, в которых гомосексуальная тематика приобрела явное политическое звучание (не имея при этом никакого отношения ни к медиации, ни к молодежной культуре).

В свое время Ив Кософски Селджик (2000: 47) обратила внимание на симптоматичность «выведения в дискурс» темы гомосексуальности, имея в виду четко прослеживаемую связь гомосексуальности и более широкой темы секретности и расекречивания, частного и публичного. В данном случае, «компромиссная» метафора вхождения и выхода из «чулана»⁶ описывает положение не только белорусских геев, но также и представителей белорусской оппозиции⁷. И те, и другие время от времени действительно выходят из своего «чулана». Оппозиция в течение последних лет периодически выходила на так называемые Марши Свободы, с тем чтобы напомнить о своем существовании, а затем вновь исчезала и с первых страниц газет, и с политической сцены. Белорусские же в 2000 году предприняли попытку выйти на гей-прайд. Попытка не удалась, так как гей-прайд в последний момент был сорван властями и саботирован (с подачи властей) теми инстанциями, от которых зависела организация семинаров, — однако белорусские секс-меньшинства помимо своей воли оказались в эпицентре политических интриг.

И политическая оппозиция, и гомосексуальное сообщество нуждаются в коллективной идентичности, чтобы достичь своих целей, но раз за разом тактика «коллективных действий» терпит неудачу. Те, и другие воспринимаются властью как презираемый Другой. И Субъект политической оппозиции, и Субъект гомосексуального сообщества выстраиваются властью «путем исключения, т. е. путем создания области деакторизованных, несанкционированных субъектов, пресубъектов, фигур презрения,

⁶ Я сопоставляю с мыслью И. Селджик (2000: 50) о том, что «трон чулана» уже несколько разоклепан, может быть, даже выколочен настолько, что почти лишился своей исторической принадлежности к гомосексуальной культуре». В то же время использование данной метафоры в белорусском контексте все еще сохраняет свой первоначальный смысл с отсылкой на специфически геескую топологию приватности в культуре.

⁷ И здесь, и далее «оппозиция» будет фигурировать как единый Субъект, хотя в действительности в оппозиционный блок входят представители самых разных партий, зачастую стоящих на принципиально разных позициях (от белорусской фракции ЛДЦР и Национального фронта — до коммунистов и Общественной гражданской партии), однако в последнее время практики исключения, применяемые властью в лице пропрезидентской администрации, все чаще вынуждают оппозицию консолидироваться и выступать в качестве единого политического движения.

населения, вычеркнутого из поля зрения» (Батлер 1999: 98–99). Выяснив, что Субъект формируется путем операций исключения, далее необходимо проследить операции такого построения и выделения (что и будет предпринято далее): самое примечательное при этом, что для исключения одного субъекта (оппозиции) власть использует другого (геев) — в результате оба субъекта оказываются еще более «презираемыми» в глазах власти и контролируются ею с помощью государственных средств массовой информации.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу репрезентации гомосексуальных и политических «субъектов» в белорусских массмедиа, мне хотелось бы в нескольких чертах прояснить теоретические основания исследования. Предлагаемый мною анализ осуществляется в рамках конструктивистского подхода. Современную феминистскую критику, исследующую феномен визуальной коммуникации, интересует феномен репрезентации, т. е. способы, посредством которых общество (или доминирующая идеология) не только структурирует содержание, но обуславливает сам способ видения. Конструктивистский подход к феномену «репрезентации» предполагает, что значение не задано и не существует до репрезентации, но конструируется в процессе представления в языке и посредством языка и других знаковых систем. «Репрезентация не является отражением, это, скорее, активный процесс отбора и представления, структурирования и формирования, это процесс наделения чего-либо смыслом» (Вульф 1991: 69). Соответственно, гендерный дискурс формируется в процессе производства, передачи и рецензии сообщения средств массовой информации. Кинематограф, телевидение, популярная литература конструируют воображаемый мир, на который проектируются индивидуальное и социальное фантазии и ожидания. Медиа также являются весьма эффективными «технологиями гендера»⁸ — производящими культурные представления о полном и сексуальном различии. Подобная позиция принципиально отличается от традиционной установки на выявление и критику «сексистских» (расистских и других) стереотипов в средствах массовой информации, поскольку активный характер репрезентации исключает

⁸ См. более подробно о «конструктивистской», «интенциональной» и «репрезентивной» моделях репрезентации в работах Стюарта Холла (Hall 1997).

⁹ «Технологии гендера» — Термин Терезы де Лавретис (De Lauretis 1987).

возможность нейтрального воспроизведения или отражения чего-либо существующего до или вне ее. В интересующем меня случае конструирование политического субъекта как субъекта гомосексуального и (или) «проституирующего» (и vice versa) происходит именно в процессе репрезентации на телевизионном и в газетах, и не имеет никакого смысла говорить о воспроизводстве некоего стереотипного образа как оппозиции, так и гея. Тем самым создается новая реальность, которой до момента репрезентации не существовало.

Как известно, именно с проблемы определения «реальности» начался переход к конструированию массовой. Эпистемологически понятие «реальности», подразумевающее мир вещей, событий, процессов и ситуаций, существующих до и вне нашего восприятия (оценки, суждений, отношений), становится весьма проблематичным. С позитивистской точки зрения «реальность» может быть объективно описана, измерена и просчитана, а медиа лишь должны ее «правильно» представлять. Сказать, что медиа «искажают реальность» — значит утверждать, что существует некая онтологическая реальность существующая в тех ли иных социальных группах, которую медиа затем представляют в искаженном свете. Следовательно, возникает стремление оценивать деятельность массмедиа по качеству и критерию истинности репрезентации реальности. Так же проблематично в этом случае и понимание специфики медиа, поскольку в этом случае их «посредническая» функция сводится к безучастному отражению, а специфика семиозиса вовсе игнорируется.

На мой взгляд, онтологическая реальность — это реальность молчания, если она и существует вне дискурса, то сказать мы о ней ничего не можем. В случае с белорусской оппозицией, например, можно с уверенностью утверждать, что она существует лишь настолько, насколько она «видима»: если ее нет в дискурсе средств массовой информации, то ее нет вообще и как политический субъект она не существует, «не существует» с точки зрения присутствия в публичном пространстве. О том, как оппозиционные политики существуют в своей среде и каковы их внутренние проблемы, мы узнаем также из средств массовой информации, т. е. из репрезентации. «Субъективность» белорусских геев в той же степени детерминирована формой репрезентации, хотя их существование не зависит напрямую от факта репрезентации в средствах массовой информации: оставаясь в «кулаке», они словно не существо-

вали ни для власти, ни для аудитории белорусского телевидения, переход же из Реального в Символическое сделал их видимыми и узнаваемыми и для власти, и для всех остальных. Пропедедурой исполнения «презираемого Другого» (как условие формирования субъективности) вовсе не означает, что о Другом ничего не говорят; о нем говорят, но важным является то, что и как говорится о Другом, чтобы его исключение стало «очевидным» для всех.

Таким образом, массмедиа — не зеркало социальной реальности, они — ее создатели. В пользу тезиса о том, что реальность не существует вне ее репрезентации, каким бы парадоксальным эпистемологически и лингвистически ни казался этот тезис, говорит тот факт, что основным механизмом смыслопорождения в текстах массмедиа являются коннотации — понятие буквального смысла здесь не работает. Проблематичность «буквального смысла» обусловлена не только процессом неограниченного семиозиса, выполненого функцией закона распространения и циркуляции информации в средствах массовой информации, но также тем, что утрачивается референт. Так, перифразировав слова Джулит Батлер, мы могли бы сказать, что благодаря вывождению категории «ей» от фиксированного значения¹⁰ становится возможным нечто вроде «свободы действий» (по крайней мере — на уровне риторики): однако в данном случае речь идет о свободе действий не для самого («отвязанного») субъекта, но для власти, которой выгодно этого референта игнорировать или манипулировать им по своему усмотрению (Батлер 1999: 102). Если значение термина не фиксировано, тогда возможность для новых коннотаций термина становится возможными: именно так возник интересующий нас имидж белорусской оппозиции как гомосексуального меньшинства.

Таким образом, массмедиа и телевидение, в особенности, представляют своего рода «псевдореальность» или «гиперреальность», об отличии которой от «другой», настоящей, реальности мы уже ничего сказать не можем, ибо эта («симулятивная») реальность и есть наша повседневная форма существования. Зрители, затравившие много времени на просмотр телевидения, тяготеют к подмене своего социального опыта телевизионной реальностью, склоняются к «телевизионному» мировосприятию¹¹.

¹⁰ У Джулит Батлер речь идет о «оживлении».

¹¹ За последние пару лет мы все чаще видим возможность в этом убедиться (поскольку здесь вспомнить о предвзвешенной кампания, когда медиа создали искусственный образ «Медведя» в сланного кандидата от этой партии на президентских выборах, или о ситуации вокруг подпольной лодки «Курск» и т. д.).

Белорусские массмедиа в последние годы создают свою специфическую «реальность»: ту, в которой присутствует *видимость* демократии и всех сопутствующих ей норм и факторов, включая гендерный аспект. Каким образом они моделируют, репрезентируют и «политически корректируют» гендерные отношения в современном белорусском обществе, — будет рассмотрено далее (на примере манипуляции с табуированной темой сексуальности).

Нера белорусской политики — это сложившиеся в настоящее время отношения между властью и оппозицией. Когда оказываясь за пределами Беларуси, то возникает такое ощущение, что нигде так остро не стоит вопрос об оппозиции, о свободе прессы и прочих демократических свободах, как у нас¹² (ибо и российские, и западные медиа вспоминают о Беларуси лишь в связи с этим обстоятельством), хотя сами белорусы, кажется, утратили свежест восприятия этой проблемы. Оппозиция в Беларуси плохо организована, малочисленна, она не имеет ни широкой социальной поддержки, ни четко сформулированной политической платформы (единственная более или менее четко сформулированная установка — это надежда на возвращение в «европейский дом»), а не на союз с Россией) и официальной власти она — не конкурент, по крайней мере на данный момент.

Политическое противостояние симулируется и стимулируется всеми без исключения белорусскими медиа — как если бы именно эта тема являлась наиболее острой для Беларуси. В свою очередь, белорусские официальные медиа (государственное ТВ) уже который год борются с ветряными мельницами: их оппоненты — не сама белорусская оппозиция, а создали негативного имиджа Беларуси как недемократического государства. Оппозиция же почти никак не репрезентирована в белорусских средствах массовой информации: ее словно нет, а когда она подается, тогда и начинаются скандалы. Для целей данного исследования важно то, что когда власть и оппозиция начинают открыто конфликтовать, то делают они это, прибегая к патриархальной сексистской риторике. Более того, даже независимые массмедиа все более скан-

дически относятся к оппозиции, критикуя ее за политическое малодушие, за склонность к интригам и склопотность, а более всего за ту легкость, с которой оппозиционные политики меняют свои убеждения и программы (по соображениям собственной выгоды). Совершенно не случайно все чаще в контексте обсуждения действий и инициатив оппозиционных партий используется метафора «продажной любви».

Обратимся к серии материалов, появившихся в «Белорусской газете» («БГ») осенью 2000 года. «БГ» — умеренная оппозиционная газета, независимая еще и потому, что критикует как власть, так и оппозицию. Одновременно это — единственная газета, которая регулярно публикует материалы на гендерную тематику и обращает внимание на проявления патриархального сексизма в массмедиа и в речах политиков. Тем не менее, и на страницах этой газеты появляется интерпретация проституции как экономического ресурса индустрии (женщины) и государства. В октябре накануне выборов в парламент газета опубликовала серию материалов, посвященных проституции. В них говорилось о легальной проституции в Голландии, о том, что, как показали ход истории, проституция невозможно уничтожить запретами и административными мерами. Автор материала ironically отмечал, что Беларусь есть чему поучиться у Голландии, особенно учитывая отсутствие природных ресурсов и других способов легкого зарабатывания денег, а также обшью неприглядность белорусского сервиса для иностранных туристов. Была высказана также мысль, что при легализации проституции стало бы лучше не только женщинам, занятым в этой сфере, но и всему населению: «Сексуальная индустрия наконец-то заработает на выгоду не социальных программ, образованные и здравоохранение» («БГ», 2000, 9 октября). Но самое интересное начиналось на следующей странице: под заголовком «Где на продажу» обсуждалась проблема проституции белорусских политиков — чем они лучше проститутки? При этом говорилось как о политиках, близких президентскому режиму, так и политиках, выявляющих о себе как об оппозиции.

Вспомним об основной коллизии осенней белорусской предвыборной кампании 2000 года: вплоть до последнего месяца оппозицией муссировался вопрос о том, участвовать или не участвовать в выборах: участвовать — значит поддерживать Лукашенковский сенарий (всеми единодушно характеризующийся как «фарс») и попасть в случае успеха в парламент, легитимность которого будет крайне проблематичной; не участвовать — значит продолжать по-

¹² Возможно, эта проблема стала достаточно актуальной и для России, однако есть одно существенное различие: в России речь идет о необходимости существования оппозиционной прессы как условия соблюдения свободы слова, в Беларуси же подчеркивается присутствие политической оппозиции в массмедиа (прежде всего — государственных) на равных с прочими политическими субъектами условиях.

литическую борьбу полулегальными методами, потерять часть электората (ибо очередное неучастие оппозиции в легальных формах борьбы с властью дает повод к размышлению — почему оппозиция выгодно не участвовать?) — словом, отказать от последнего шанса как-то включиться в политическую жизнь страны накануне президентских выборов. В результате этих сомнений основная часть оппозиционеров отказалась от участия в выборах, те же, кто решил включиться в предвыборную кампанию, самой оппозицией, призывавшей народ бойкотировать выборы, были заглажены как предатели интересов народа.

Обозреватель «БГ» Михаил Подольяк, анализируя сложившуюся ситуацию, квалифицирует действия белорусской оппозиции, сестания, внутренние распри и заигрывания с избирателями и с Западом как политическую проституцию. Политика — это сфера, где «количеству потенциальных проституирующих субъектов зашкаливает». Продажа «политических тел» — это наиболее сложный и многогранный процесс из всех видов социального проституирования. «Политическое проституирование» автор определяет как «процесс мгновенной смены тем или иным политиком своей политической платформы» (то, что эта смена осуществляется не бескорыстно, имплицитно подразумевается самым терминном «проституция», на что автор и указывает чуть ниже). На языке политики этот процесс характеризуется как «корректировка политической позиции в связи с изменившимися обстоятельствами» — хотя при этом речь идет о переходе из стана «белых» в партию «красных» и наоборот. Проблема состоит в том, что, меняя свою ориентацию, политик манипулирует интересами той социальной группы, от лица которой он выступает в политической сфере, т. е. в отличие от публичного дома на пролажу здесь выставляется не одно тело, а вся социальная группа. И автор резюмирует: «Так что спрашивается: плетить и пользоваться «чужим телом» по обочинному согласию или когда вас используют через проституирующего политика без вашего на то согласия?» («БГ», 2000, 9 октября).

Если в оппозиционных массах кризис политической репрезентации нашел отражение в образе активно «проституирующего» политического субъекта, то правящий режим, будучи уверенным в собственной репрезентативности и, следовательно, легитимности, избрал иную дискурсивную стратегию, направленную на подрыв репутации своего оппонента. Смена «сексуальной ориентации» здесь квалифицируется как большее зло, чем «побовь за деньги». «Know how» государственного телевидения —

это представление оппозиционного движения как гомосексуального сообщества.

Примечательно, что до недавнего времени для белорусских массмедиа тема гомосексуализма «не существовала», и вдруг она оказалась «расскрепченной»: ей были посвящен один из выпусков передачи, по жанру напоминающей политинформацию, адресованной широкой аудитории и показываемой в прайм-тайм (речь идет о передаче «Тайные мужские политики» — пропавший в тему высказались некоторые известные белорусские политики, ей нашлось место на страницах нескольких крупных белорусских газет. Кроме того, белорусские тв, прежде достаточно аполитичные, также обозначили свой интерес к актуальной политической ситуации¹, на страницах как специализированного журнала теев и лесебинок «Форум Лямбда», так и в выступлениях на страницах других изданий.

Из интервью Эдварда Тарлицкого «Белорусской газете»:

Наша отличительная черта: медицинское — «гомосексуалист» и политическое — «гей». Теев в Беларуси очень мало, а гомосексуалистов много. В любой стране, где они не легализованы, теев в первую очередь начинают преследовать гомосексуалисты!» («БГ», 2001, 12 февраля).

Далее, в № 18 журнала «Форум Лямбда» одна из статей была посвящена проблеме пропаганды, в которой автор размышляет на тему гомофобии в современном белорусском обществе, «которое во многом все еще живет по инерции, т. е. следует социально-культурной траектории, заданной в эпоху советской империи. Своей коммунистической идеологии уже нет, но сохраняется набор стереотипных социальных реакций, социальных рефлексов. Белорусское общество — общество без четкой системы писанных предвид, это — квазитрадиционное общество. Феномен советского конспиративизма и есть тот специфический культурный фон, на котором складывается субкультура секс-меньшинства в Беларуси». По мнению автора статьи, белорусская гомофобия — это производное от белорусского образа жизни:

¹ Слово вспоминаю о том, что движение теев на Западе в течение последних десятилетий (как в свое время и радикальный феминизм) носило ярко выраженный политический характер.

«Враждебность к геем в Беларуси во многом — следствие уни-
зительного поношения мужского воспитания и вообще человеческой личности.
Основные учреждения мужского воспитания — уния, армия, про-
менная система, искореняют свободу индивидуальности, разви-
ют конформизм... Корень конфликта секс-меньшинств с социаль-
ной средой — не собственно запрет на гомосексуальность в чистом
виде, а непримение маргинальной постсоветской массовой разнообраз-
ной жизни стилией как такового... Белорусский гомофоб реаги-
рует на гомосексуалов почти рефлекторно. Инноватность — уже само
по себе преступление» («Форум Лямбда», 2000. 18; 5).

В этом же номере редакция поздравляла председателя Бело-
русского Национального фронта Виншука Вячорку с присужде-
нием ему премии белорусскоязычного журнала АРСНЕ за «Ис-
ключительное слово в политике» (на ту же премию были номинированы
и другие деятели, а также сам журнал «Форум Лямбда»). Поздрав-
ление заканчивалось несколькими двусмысленно: «Политик, гово-
рающий искреннее, — уникален».

Именно рефлексия белорусских геев на тему своего отноше-
ния к политике в этом и последующем номерах журнала «Форум
Лямбда» («спровоцировала») последующее «расскрепявание» ге-
еской субкультуры в передаче «Тайные пружины политики», дан-
ной из статей Э. Тарлецкого, главного редактора журнала. В этих
статьях Э. Тарлецкого, главного редактора журнала. В этих
низации, официально закрепившие за собой статус оппозицион-
ных и демократических, стараются открыто не контактировать с
секс-меньшинствами, боясь дискредитации в глазах и властей, и
своих сторонников. Репортаж об участии белорусской делегации
в гей-прайде в Стоктольме содержал упоминание о встречах бе-
лорусских геев со шведскими журналистами и депутатами парла-
мента, от которых они узнали, что шведы давали деньги некото-
рым белорусским политикам, из числа оппозиционных, на
осуществление проектов, способных поддержать права геев. И в
конце автор статьи задает риторический вопрос: «Где те проекты,
где те семинары...» («Форум Лямбда», 2000. 19; 10).

Именно эти материалы, а также несостоявшийся, но получив-
ший печальную известность сентябрьский гей-прайд и сыграли
роковую роль в новой РР-кампании, развернутой властью нака-
нуне выборов в парламент. Первый выпуск передачи «Тайные пружины
политики» был посвящен белорусским геем — в широком

ническом (правильнее было бы сказать — (фа)шизоидном) мон-
таже можно было увидеть кадры с Веркой Сердючкой, Борей Мо-
исеевым, фото и видеоматериалы с гей-прайда в Стоктольме и
Риме, а также выделенные маркером строчки из журнала «Форум
Лямбда». Власть была представлена в трех ипостасях: припадше-
ный психотерапевт излагал якобы медицинскую точку зрения на
проблему гомосексуальной ориентации; представитель городской
администрации объяснял причину, по которым геем было отка-
зано в проведении их мероприятий; наконец, наибольшее внима-
ние было уделено православному священнику, который, вопреки
тем по открытой Библии, призывал чуть ли не к уничтожению
«мужеложцев» и «извращенцев» (именно в таких терминах все
участники с правом голоса обсуждали проблему секс-мень-
шинств), сравнивая их с сатанистами и фашистами. Слово сле-
дующего принципа «монтажа втракционов», разработанному в свое
время знаменитым советским режиссером и кинорежиссером Сер-
геем Эйзенштейном (1965), фильм связывал в единую монтаж-
ную фразу показ участников гей-прайдов, представителей бело-
русской оппозиции во время Маршей Свободы в Минске, хронику
времен Второй мировой войны с марширующими нацистскими
колоннами и возложение венков к Памятнику Победы ветерана-
ми Великой Отечественной войны (подобное использование не-
мецкой хроники в телевизионных программах вообще очень по-
пулярно на белорусском ТВ). Хорошо известно, что жанр
пропаганды предполагает повествование за кадром (voice-over
паттерн — на языке кинотеории), однако агрессивный вербаль-
ный комментарий должен представлять точку зрения лишь веду-
щего передачи: отвечая на когда-то сформулированный Гайетри
Спивак (Spivak 1993) вопрос: «Могут ли угнетенные говорить?»,
мы должны были бы ответить: «Нет», ибо их мнение никто в
этой ситуации не интересуется.

Таким образом, если независимые критики полагают возмож-
ным квалифицировать действия оппозиционных политиков в тер-
минах секс-торговли, прибегая к метафоре политической проститу-
ции, то официальная власть в своей борьбе с оппозицией
пытается навязать ей имидж «шлепастипической», т. е. сексуально-
политического меньшинства. Характерно, что и в том, и в другом
случае оппозиция отказывается в праве на «уверенную» маску-
линность, а презираемый Другой наделяется «презираемой» сек-
суальностью. Примечательно, однако, то, что для самой оппози-
ции, тон в которой задают националистически настроенные

Партии, ее маскулинность — вне всяких подозрений¹⁴, а неонаци-онналистическая риторика, как и неоконмунистическая риторика власти, формирует пространство гомофобного фанатизма. Иначе говоря, оба дискурса ориентированы в общем-то на одну и ту же «нормативную»¹⁵ модель сексуальности. Обе стороны активно используют сексуальную метафорику в азарте взаимных обвинений, следуя, таким образом, характерным конвенциям коммунистичности в гомосоциальном мужском сообществе. Это — примеры наррасического дискурса с элементами мужского шовинизма, которому глубоко безразличны как судьба проститутки, так и судьба сексуальных меньшинств.

Не так давно «БГ» опубликовала он-лайнное интервью главного идеолога-пропагандиста белорусского ТВ, автора и ведущего воскресной «*Минорамы*» Александра Зимовского. Один из читателей газеты задал ему вопрос: «*Почему в Ваших передачах, говоря об оппозиции, вы всегда клоните в сторону секса? Вам его не хватает?*» На что А. Зимовский ответил: «*Секса, судя по всему, не хватает оппозиции. Поэтому она судимирует свою актианность в имитации политической деятельности*» («БГ». 2001. 29 января).

В другом он-лайнном интервью на тему порнографии лидер белорусских геев Эдвард Тарпейский сказал читателям «БГ»: «*Секса*

¹⁴ Здесь я хотела бы сослаться на работы Елены Гановой, исследовавшей, каким образом культурный конструкт «женщины» используется различными участниками политического дискурса о будущем белорусской нации в поиске ее идентичности. В частности, она отмечает, во многих восточнославянских странах сила нации воспринимается с мужской силой, а усиление нации (со стороны других государств в прошлом или настоящем) интерпретируется и репрезентируется метафорами изнасилования, овладения или же продолжения. Исползованные женской символики (именования женственного) для создания образа униженной родины — не новый прием. В белорусском контексте национальная «неуверенность» предстает как проблема женской чистоты («С кем ты спала, Отчизна?»)... Если же сила нации — это мужская, то отсюда закономерным образом выступают некоторые другие идеологемы, которые являются доминирующими в реальной социальной практике, связанной с демографической политикой и определенной концепцией женских репродуктивных прав. Функция женщины в такой ситуации — быть биологическими воспроизводителями нации. (Ганова 1999).

¹⁵ «Нормативная» женская сексуальность (в патриархальном обществе) определяется инстинктом материнства, а стремление к половому удовольствию, которое считается нормальной чертой мужского начала, квалифицируется как аномалия.

в Беларуси нет!» — Так заявил Женон Позняк¹⁶ еще в 1994 году.... Белорусское государство так стыдится мужского тела, что заковало его в ягды» («БГ». 2001. 12 февраля).

Впрочем, описанная выше ситуация парадоксальна лишь на первый взгляд, ибо, с одной стороны, следует принять во внимание не последние коммунистической идеологии, демонстративнейшей неприятие любой неадекватности, а с другой — вспомнить мысль И. К. Селжвик о том, что «самые ярые гомофобы — это мужчины, «не уверенные в своей маскулинности» (Селжвик 2000: 61). Хотя Селжвик полагает, что этот тезис поддерживает недоверие, но необходимую ипозию о том, что возможно существование «уверенной» версии маскулинности, его все-таки можно принять за основу нашего размышления, так как в любом случае мы вправе говорить о кризисе («уверенной» или «неуверенной») в себе) маскулинности.

Обошши все вышесказанное в форме нескольких тезисов для последующего размышления:

— напоналистический (в лице оппозиции) и постсоветский (официальная власть) дискурсы ориентированы на одну и ту же «нормативную» модель сексуальности, какими бы различными были их политические позиции; обе стороны боятся феминизма как «означавшего» сексуальную разнуданность и обе — «третируют» любые формы «странной» сексуальности; при этом белорусская нация чаще всего (с обеих сторон) интерпретируется в терминах традиционной патриархальной семьи, во главе которой стоит «батька», символический Отец нации;

— и те, и другие симулируют видимость демократии, активно эксплуатируя сексуальную метафорику в целях взаимного оскорбления, не интересуясь гендерной политикой в принципе и избегая решения гендерных вопросов о репродуктивных правах женщин, о правах секс-меньшинств, о сексуальном принуждении и секс-торговле; *демонстрируя* как для официальной белорусской власти, так и для противостоящей ей оппозиции менее всего ассоциируясь с правами сексуальных меньшинств, впрочем, как и социальным пресловутым «женским вопросом»;

— политический дискурс белорусской власти репрезентирует особенности конструирования маскулинности в постсоветских ус-

¹⁶ Лидер Белорусского Народного Фронта, несколько лет назад популярнейший политический убежища в США.

ловных; при этом как активная женщина (образ которой почти всеми, без исключения, массмедиа интерпретируется как образ непримиримой феминистки — примеров тому не счесть), так и гей воспринимается в качестве подрывающих эту едва возникшую («неуверенную») маскулинность аргентов.

— Белорусская власть, прибегая к радикальным формам контрпропаганды (репрезентации политической оппозиции как сексуально-политического меньшинства), решает двойную задачу: дискредитации как любого политического инкомыслия («новляй» «предвостражистский») имидж оппозиции должен сыграть свою историческую роль накануне президентских выборов), так и гендерной инновации, что, видимо, должно способствовать сохранению статус-кво нынешней власти и традиционалистской системы ценностей;

— «исключенные» действующей властью субъекты — белорусские теги и белорусские оппозиционеры ностальгируют по «необычайнейшей европейской Родине — Беларуси», рвунувшись к разделенным представлениям о демократическом обществе, в котором они хотели бы жить: правда, свободу и либерализм они понимают по-разному, да и говорят они на разных языках, что в условиях Беларуси политически немаловажно¹⁸;

— символические конструкции («перверсивной» сексуальности (как гомосексуальной, так и женской, не отрицаваемой мейнстримскими функциями) используются в дискурсе власти с целью вытеснения «тойлой истины», но не секса, а политики, как полагают сами участники политического процесса. В то же время можно было бы, следуя мысли Мишеля Фуко (Фуко 1996: 51), сделать вывод о том, что и здесь знание оказывается прежде всего сексуальным знанием, а тайны — сексуальными тайнами. Иначе говоря, власть думает, что она раскрывает тайны политики, мы же в этих разоблачениях вправе обнаруживать «истинную сексу», бесспорно проговариваемую как властью, так и ее оппонентами в гомосоциальном пространстве политического дискурса.

¹⁸ В буквальном смысле: журнал *Геев и лесбиянок* выходит только на русском языке, тогда как подавляющее количество оппозиционных изданий — на белорусском.

НОРМАТИВНАЯ МУЖСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ: (РЕ)ПРЕЗЕНТАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ¹

Жанна Чернова

Целями данной статьи является реконструкция нормативной мужской сексуальности, (ре)презентируемой в текстах ежесемейных журналов, адресованных мужской аудитории; анализ дискурсивных механизмов медиарепрезентаций и идеологии медиалинкурса. Возникает вопрос почему, а главное — зачем необходимо социологическое осмысление образов современной мужественности, травмируемых на страницах иллюстрированных ежесемейных журналов? Каким образом может помочь исследование мейнстримных представлений понимания гендерной культуры постсоветской России и специфики ее трансформации?

Медиатрансформаторы нового гендера

В современном обществе рост значения средств массовой коммуникации связан с их глубинным и разнообразным воздействием на повседневную жизнь. Массмедиа создают и воспроизводят знание об обществе, о принципах его организации и функционирования, изобретают и воспроизводят нормативные образцы и модели поведения, тем самым участвуя в процессе формирования социальной реальности. Наряду с этим важна роль средств массовой коммуникации определяются их способностью к быстрому реагированию на происходящие актуальные процессы.

Трансформации гендерного порядка постсоветской России, возникновение новых образцов женственности и мужественнос-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда «Открытое общество» (RSS/OSSF, грант № 686/2000).

ти связаны с тем, что в поле российских массмедиа появляются гендерно ориентированные издания, адресованные представителям разных полов и разных гендерных групп. В структуре современного российского медиадискурса в настоящее время сформировались гендерно ориентированные сегменты — «мужские» и «женские» издания.

Перед тем как перейти к рассмотрению медиаобразцов мужской сексуальности, опишем дискурсивное поле исследования. С начала 90-х годов наблюдается рост так называемых «мужских» и (или) «женских» изданий. Их целевая аудитория маркирована полом, что является одним признаком дифференциации информационного пространства. Массмедиа, ориентированные на мужскую аудиторию, становятся одним из основных агентов социализации мальчиков, юношей, наряду с семьей, школой и группами сверстников. В материалах этих изданий происходит формирование и (ре)презентации принципиально нового, по сравнению с советским обществом, образа нормативной мужественности.

Выбор ежесекундных иллюстрированных мужских журналов в качестве объекта исследования нормативной мужской сексуальности обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, наряду с рекламными материалами эти издания представляют собой один из главных каналов тиражирования эталонов — нормативных образцов мужественности. Во-вторых, материалы этих изданий представляют собой культурные репрезентанты изменяющихся гендерных отношений, выступают свидетельствами происходящих трансформаций в гендерной культуре российского общества.

Дискурсивным полем исследования выступают тексты пяти ежесекундных иллюстрированных мужских журналов, опубликованные в период с 1990 по 1999 год: «Медведь», «Мужской клуб», «Обыватель», «Супермен», «ХХЛ».²

Перед тем как перейти к рассмотрению репрезентации мужской сексуальности в медиадискурсе, необходимо сделать несколько более общих замечаний относительно концепта нормативной (гемонной) мужественности.

² Наиболее показательными, по мнению автора статьи, являются текстовые материалы журнала «Медведь», поэтому большинство примеров, иллюстрирующих основные положения исследования, выбраны из этого издания «для настоящих мужчин».

Рассмотрение маскулинности в качестве социального конструкта, обусловленного макрокультурными факторами, позволило исследователям осмыслить множественность нормативных образцов мужественности, релевантных различным социальным группам (студентам) контекстам (Т. Герриган, Р. Коннелл, Дж. Ли, Дж. Плек). Среди этих образцов можно выделить тип мужественности, занимающий в системе гендерных отношений доминирующую, гегемонническую позицию, которую в западном обществе занимает белый гетеросексуал среднего класса. Какие теоретико-методологические возможности появляются у исследователей, использующих эту категорию? Концепция гегемонии, сложившаяся в рамках неомарксистского направления (А. Грамши, Л. Альтюссер), объясняет, каким образом посредством набора идей, значений и смыслов доминирующая группа легитимирует свое господствующее положение в обществе. Для осуществления идеологического господства ей необходимо производить и утверждать нормативные образцы поведения, воспроизводство которых на уровне повседневных практик укрепляет ее доминирование. Конкуренция отдельных групп за достижение гегемонии приводит к созданию институтов, посредством которых происходит формирование и трансляция идеологии правящего класса, одним из которых и являются средства массовой коммуникации.

Экстраполяция представленных основных положений теории гегемонии, сложившейся в рамках неомарксистского подхода, позволяет говорить нам о технологии гегемонии. Она заключается в следующем. Для того чтобы определенный тип мужественности занял доминирующую позицию в системе гендерных отношений, необходимо произвести «идею о себе», способное создать «гендерную» норму. Одним из основных способов формирования и трансляции идеологии гегемонной (нормативной) маскулинности выступают средства массовой коммуникации вообще и мужские иллюстрированные журналы в частности.

Формирование и репрезентация мужественности как категории гендерного анализа происходит в рамках гендерной системы общества. Одним из подходов к рассмотрению понятия гендерной системы является объективный подход (Connell 1987). В рамках этого направления предпринимается попытка преодоления теоретического разрыва между концептуализацией действий активного

³ Подробнее о концепте гегемонной маскулинности см.: Gattigan, Connell and Lee 1985, Connell 1995.

агента и институциональными структурами, создающими границы таких действий. Сторонники этого направления считают возможным построение концепции, объединяющей взаимодействие и взаимовлияние структур и агентов. Выделяются три сферы гендерной системы: сфера профессиональной занятости, сфера властных отношений и сфера эмоциональных отношений (катексиса). Каждая из этих сфер представляет собой относительно автономную область гендерных отношений, в рамках которой происходит формирование модели мужественности и женственности.

Однако, как показал анализ медиаобразов российской современной маскулинности, основной конституирующей областью репрезентаций нормативной мужественности является в настоящее время сфера собственности и профессиональной занятости, в то время как сфера эмоциональных отношений (катексиса) представляет собой периферийно-медиамодели мужественности (Чернова 2001). Тем не менее, анализ (ре)презентаций нормативной мужественности в сфере эмоциональных, сексуальных отношений представляется важным компонентом реконструкции целостного образа гендерной маскулинности современного российского общества. Далее обратимся к анализу медиа-образов нормативной мужской сексуальности.

Сфера эмоциональных отношений (катексиса)

Как было отмечено ранее, сфера эмоциональных отношений является одной из основных сфер гендерной системы, в рамках которой происходит формирование образа нормативной мужественности. Определение ее как сферы катексиса имеет следующую историю. Катексис (*sathexis — англ., bezesind — нем.*) — термин, впервые использованный З. Фрейдом в значении «зарядка психической энергии». Этот термин обозначает энергетические проявления заряда физиологической или психологической энергии, интуиции, аффективную установку на объект (используется в психоанализе для обозначения количества энергии, спешенной с объект-представлением или психической структурой). Австралийский социолог Р. Коннелл заимствовал этот термин для определения одной из сфер гендерной системы общества (Connell 1987). Согласно Р. Коннеллу, катексис — это сфера эмоционально-зарядных социальных отношений с объектами, а также с другими людьми в реальном мире. Таким образом, катексис — это сфера желаний, страсти, чувств и эмоций. В социологии гендерных от-

ношений она рассматривается как сфера жизни, подчиненная социальным предписаниям не в меньшей степени, чем все другие. Эмоции и формы их проявления не являются гендерно нейтральными. В каждой культуре существуют стереотипы правильного и умственного переживания и проявления эмоций. Мир чувств, культура чувствования формируются в числе прочего медийными репрезентациями. В нашем случае мужские журналы выступают трансляторами и создателями нормативной маскулинной эмоциональности.

Современные российские мужские журналы содержат матерьялы, (ре)презентирующие образы нормативной мужественности в сфере эмоциональных отношений. Анализ текстовых матерьялов позволяет утверждать, что модель нормативной мужественности в сфере катексиса включает образы: отца и сына, мужа и любовника. Исследование позволило выделить два основных типа эмоциональных отношений, которые (ре)презентируются как относительно автономные сферы, конституирующие нормативную модель современной мужественности: «родительские» и интимные. Родительские отношения представлены образами отца и сына, интимные отношения — ролями любовника. Так, например, рубрика журнала «Медведь» — «Папа», «Отец», «Машенька и медведь», «Медок» — полностью посвящены отношениям отцов и сыновей и интимным отношениям между мужчиной и женщиной. Именно эти сферы подробно описываются и регламентируются в публикациях. Другие роли — мужа, брата, друга — упоминаются, но как бы между прочим. Референции к ним не снабжены подробными «диалектическими» инструкциями.

Рассмотрим, в чем заключаются особенности и различия модельных образов мужественности в рамках выделенных типов отношений: семейно-родственных и интимных.

«Отцы» и «дети»: медийные представления

В сфере родительских отношений нормативная мужественность представлена образом «сына» и «отца». Проанализируем последовательно технологично создания каждого из них.

«Настоящий мужчина» — сын

На основе анализа текстов журналов можно выделить два основных персонажа «семейной истории», представленных в качестве реальных или символических предков настоящего мужчины.

В первом случае личность, рассказ о которой структурирует личную и семейную биографию, является биологический отец. Так, например, в журнале «Медведь» в рубрике «Папа» «настошпие» мужчины рассказывают биографию своих отцов. В этих рассказах прежде всего утверждается исключительность отцов по сравнению с другими, «простыми» людьми. Авторы матерналиво утверждали поколенческую преемственность. Они репрезентируют себя как взрослых детей своих отцов, отмечают роль отцов в их воспитании, обучении и защите от неволи жизни.

Помимо реальных отцов, которые помогли социализироваться будущим «настошпим мужчинам», среди персонажей российских мужских журналов присутствуют и другие образцы, которые играют роль «символических отцов» для «настошпих» мужчин. Такое символическое наследование традиций необходимо для формирования коллективной идентичности аутентичной мужественности.

Для создания образа нормативной мужественности важным является репрезентация образа «сына». «Медведь» — это сын своего отца, знающий своих более отдаленных предков. Обладание знаниями о своей родословной является значимым элементом для формирования гендерной идентичности «настошпие» мужчины. Ее формирование происходит посредством позиционирования модельного образа мужественности в рамках поколенческого континуума, что позволяет рассматривать в качестве предков как биологического отца, так и символических, виртуальных персонажей «коллективной истории». Отцовство представлено в дискурсе как символическое и эмпирическое. Выбор и номинация персоналий в качестве субъектов референции происходит по принципу профессиоальной принадлежности, соответствующей образу нормативной мужественности. Рассмотрим последовательно персонажей коллективной и персональной «семейных историй».

В качестве референтной группы для формирования коллективной идентичности «настошпих» мужчин выступает символическая общность «старых русских», т. е. знаменитых мужчин дореволюционной России. Выбор таких символических предков осуществлялся по двум критериям. Первый критерий — высокий социальный статус персонажей в старом обществе (известность); второй — дистанцированность как от «советского» образца мужественности, так и от типажа «нового русского», понимаемого как нецивилизованный полукриминальный нуворши. Виртуальная общность «старых русских» включает семантический ряд со-

циальных субъектов, вписанных в определенные временное (локальное) пространство и в профессиональное пространство. Профессии «настошпих» мужчины связана с политической, государственным управлением, обороной. Среди них фигурируют имена прославленных военачальников, государственных и политических деятелей, таких, как П. Н. Милков, А. А. Аракчеев, К. П. Победоносцев, Ф. Н. Плевако, Н. Н. Раевский, П. Я. Чадаев и др. Виртуальное сообщество «старых русских» объединяет разных мужчин с различными политическими взглядами и убеждениями. Однако общими для них качествами, по мнению авторов журналов, выступают патриотизм, любовь к Родине, верность своему долгу и чести.

При всей «привлекательности» данного образа между ним и современной моделью доминирующей мужественности не существует непосредственной преемственности, что накладывает определенные ограничения на использование этой группы в качестве субъектов референции. На уровне персональной самоидентификации символически значимой фигурой для «настошпие» мужчины выступает его реальный «эмпирический» отец. Если на символическом уровне коллективной идентичности происходит дистанцирование настоящего современного мужчины от «советского» образа, то на индивидуальном уровне «настошпие» мужчину нельзя назвать «Иваном, не помытым рожьта своего». Надлежащее символическое значение фигуры отца представляет собой проецироу чувства патриотизма и любви к Родине с макро-на микроуровне. «Ведь они (родители. — Ж. Ч.) одни и есть родина» («Медведь», 1997. №6. С. 115). Иными словами, на уровне формирования персональной идентичности «настошпие» мужчины мы видим, что понятие «Родина» переводится в область кровнородственных отношений.

Доминанты образа отца отличны от доминант нормативного модельного образа аутентичной мужественности. Высокий профессиональный и социальный статус, выступающий в качестве необходимого атрибута истинного мужчины, не является значимым в (ре)презентации образа реального, биологического отца. Отец «настошпие» мужчины мог занимать высокие социально-профессиональные позиции, например, быть известным артистом, режиссером (А. Эфзипи, например, был известным артистом), профром или же леснодорожником. Основанием их исключительности является наличие у них разносторонних навыков и умений, личностный мистифицироу. Еще одной доминантой образа является относительная неличность жизненного пути отца, которая выражалась в трудностях

профессиональной реализации при советском режиме — политическом давлении, которое препятствовало самореализации, мешало свободно работать и делать «честную» карьеру.

В целом, в (ре)презентативных образах отца значимость последнего для «Медведь»-сына объясняется не его (высокими) статусными позициями, а его личностными особенностями и отношениями отцовско-сыновней привязанности. Иначе говоря, отца ценят не за достижения, а за то, что он есть: общим для всех представленных в текстах фигур отцов выступает их моральный авторитет в глазах сына, их родственная и духовная связь.

«Новый мужчина» — «новый отец»: теория вопроса

В 80-е годы в западной социологии возникли дебаты о формировании «нового мужчины». Этот новый тип мужественности в первую очередь связывается с феноменом «нового отца». Исследователи отмечают существенные изменения роли отца в современном обществе по сравнению с традиционной моделью. Более того, по мнению некоторых авторов, стало возможным говорить о возникновении принципиально иного по своей форме и содержанию института отцовства (LaRossa 1995, Pleck 1987). В литературе, посвященной этому феномену, существуют разные подходы к определению и концептуализации понятия отцовства. Так, А. Ротундо говорит о том, что в середине 70-х годов в американском обществе появляется новый стиль «андрогинного» отцовства (Androgynous Fatherhood) (Rohrdo 1985). Его атрибутами качества являются эмоциональная близость, забота, активное участие мужчины-отца в ежедневном уходе за ребенком (LaRossa 1995: 448).

Другой способ изучения новых практик отцовства представлен в работах Дж. Плека (Pleck 1983). По его мнению, начиная с конца 60-х годов в американском обществе можно говорить о появлении «нового отца». Содержательные характеристики новой модели синонимичны «андрогинному отцовству». Необходимо отметить, что, по мнению Дж. Плека, этот феномен является скорее виртуальным, идеальным типом, нежели реально существующим образом мужественности (Pleck 1983).

Новая модель отцовства выступает нормирующим образцом для представителей гетеронормативной маскулинности — гетеросексуальных мужчин среднего класса. Можно предположить, что для нормативной модели подлинной мужественности характерны черты «нового андрогинного отца». Он активно участвует в повсед-

невной заботе о ребенке, связан с ребенком тесными экспрессивными и эмоциональными узлами и играет гораздо более значимую роль в социализации детей, чем «отсутствующий отец» (absent father), модель которого характерна для традиционной системы гендерных отношений.

Однако анализ журнальных текстов российских средств массовой коммуникации показал, что (ре)презентируемый образ «нового отца» демонстрирует не разрыв, а, напротив, преемственность в отношении традиционной модели отцовства. Суть традиционного отцовства, до недавнего времени распространяемого также и в западной гендерной культуре, заключается в следующем. Мужчине предписывается и приписывается выполнение роли главы семьи — «кормильца». Его задача заключается в материальном обеспечении семьи. Нормально он участвует, но фактически исключен из процесса воспитания и ухода за детьми. Функциональное отсутствие отца в семье среднего класса выражается в том, что его основная задача непосредственно не связана с содержанием и формой воспитательного процесса, а исчерпывается созданием экономических условий для престижной социализации детей и накопления ими образовательного капитала.

Обратимся к анализу образа «отца», представленного на страницах иллюстрированных мужских изданий.

«Настоящий мужчина» — отец

Образ собственного «отцовства» является еще одним значимым ресурсом для манифестации подлинной мужественности в сфере эмоциональных отношений. Нормативный образ, как и при описании сыновнего опыта, реконструируется посредством обобщения набора частных случаев. Характерна акцентуация *иначе*ности своих детей, их элитарности, ведь «*дети медведя, а не кролика несутся вперед на роликах*» («Медведь», 1995. № 3. С. 55).

Начнем с пятака: «*Хотя "Медведь" и мужской журнал, ему не безразлично, как воспитываются, чувствуют и какают стилизованные наши дети*», — отмечает автор рубрики «Папа» («Медведь», 1996. № 11. С. 123). Главным предметом отцовского беспокойства является «бездумное» (в отличие от собственного сознательного) поведение и суррогатов западной массовой культуры, столь характерное для поколения X — «любителей "пелси"». Для того чтобы избежать этого, отцу предписывается реализация следующих воспитательных стратегий. Он должен, в первую очередь, воспитывать в собственном ребенке способность к рациональному, созна-

тельному, правильному» выбору, будь то друзья, товары или формы доступной доступности, культурных предпочтений и проч. Для этого необходимо создать определенную материально-интеллектуальную среду для ребенка. Журнал инструктирует: «Все деньги, которые у вас есть, вложите в детей: в игрушки и умные вещи для них, в поездки, в банальные подарки. Чтобы все, что их окружает, было работой мозга» («Медведь», 1998. № 5. С. 65). Во-вторых, необходимо ввести своих детей в мир «настоющих» искусств: «Пана может и должен их с этим (искусством. — Ж. Ч.) познакомиться (своего ребенка. — Ж. Ч.)». Для этого необходимо посетить с детьми музей, например, Третьяковскую галерею или Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

«Настоящий» мужчина по-разному воспитывает своих дочерей и сыновей. Символическое различие детей разного пола находит свое выражение в том, каким образом представляются воспитательные стратегии отца по отношению к детям. Знаменательным является то, что в текстах особое внимание уделяется отношениям «настоющего» отца с дочерью. На наш взгляд, такая стратегия сознательно противопоставляет «Медведя» отцам традиционного патриархального общества, для которых символическая значимость сына была намного выше, чем дочери. Если факт наличия сына не требует от «настоющего» мужчины дополнительных усилий для признания и осознания символической значимости собственного отцовства, то отцовские отношения с дочерью вызывают необходимость рефлексии. Посредством мелиодискурса происходит приписывание особой символической ценности создаваемому образу отца, имеющего дочь. «Настоящий» мужчина понимает, что именно «дочь в доме — багиства» («Медведь», 1995. № 1. С. 51).

В текстах пронагандируются различия в отцовских воспитательных стратегиях по отношению к детям разного пола: «... может затеять игру с сыном, поговорить об уюте с дочерью» («Медведь», 1995. № 5. С. 52). Приоритетной сферой, в рамках которой «настошим» мужчиной осуществляется функция воспитания по отношению к сыну, является сфера игр и развлечений. Отношения доверия и взаимопонимания с сыном строятся на основе общих (мужских!) досуговых интересов: они слушают одну и ту же музыку, играют в общие компьютерные игры, занимаются спортом. Общий мужской досуг отцов и сыновей представлен как основание для транслиции культурных ценностей между поколениями: «Есть ранние музыка, игры — развлекательные поколения отцов и детей, то сегодня их объединяют» («Медведь», 1995. № 5. С. 40).

На других принципах строятся взаимоотношения «настоющего» мужчины с дочерью. Они не ограничиваются играми, кроме того, многие мужские виды спорта левочкам недоступны. По отношению к дочери папа осуществляет определенные образовательные стратегии. Его задача — сформировать ее мировоззрение. Ведь именно он может поговорить с ней «об умном», познать ее с миром «настоющего» искусства, потому что «теперь все зависит от мамы» («Медведь», 1995. № 2. С. 53).

Таким образом, создаваемый и презентимуемый образ «настоющего» папы имплицитно включает в себя поляризацию отношения отцов—сын и отец—дочь, что характерно для традиционного гендерного порядка. Модели нового отцовства в российском дискурсе еще не освоенны. Возможно, они появятся на следующем этапе дискурсивного формирования мужественности представителей российского среднего класса, т. е. тогда, когда традиционный-либеральный эталон станет рутинным.

В целом на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что образ доминирующей мужественности включает ряд инструкторий, регулирующих родительские отношения. В семье «настоющий» мужчина является главной фигурой, от него зависит благосостояние семьи, ее жизнеспособность и целостность. Он осознает свои семейные корни — реальные и виртуальные — и рассматривает их как основу стабильности семейного статуса. Подчеркивание семейной роли в мужских журналах, на наш взгляд, свидетельствует о стремлении компенсировать дефицит отцовства, характерного для советского периода. Тем не менее, можно утверждать, что копичество и содержание публичаций на эту тему позиционирует ее на периферии модельного конструкта вугентичной мужественности, так как «семья — не для каждого мужчины является главной ценностью. На различных возрастных этапах мужчина может воспринимать семью как вспомогательное средство для достижения своих целей» («Медведь», 1996. № 5. С. 157).

Сфера интимных отношений: идеология доминирования

В текстах мужских журналов «настоющий» мужчина репрезентирован и в сфере интимных сексуальных отношений. Здесь основными характеристиками гетемонной маскулинности являются гетеросексуальность, томофобия и сексуальная гиперпотенция (антоним — импотенция). Эти же характеристики подчеркивает И. Гофман при описании нормативного типа мужественности со-

временного западного общества. Российская исследовательница Анна Темкина, реконструируя на основании анализа биографических интервью сценарии мужской сексуальности, также отмечает, что гетеросексуальность и потенция являются базовыми характеристиками доминирующей мужественности (см. статью Темкиной в настоящем издании).

Гетеросексуальность выступает базовым демаркационным признаком, отличающим аутентичную мужественность от других типов маскулинности,ряду с идеологически корректной сферой профессиональной занятости. Выделение гетеросексуальности в качестве суздностной характеристики непосредственно связано с той ролью, которую играет сфера сексуальности в формировании концепта маскулинности (Fischer and Kimmel 1995: 367).

Область сексуальных отношений является культурно-символическим пространством для формирования и (ре)презентации гендера(ов) в обществе. Физиологические характеристики сексуальной потенции мужчин представляются в качестве индикаторов маскулинности. (Ре)презентации мужской сексуальности в журнальных статьях соответствуют общим тенденциям дискурсивной либерализации в России (Кон 1997). Так, например, практика мастурбации признается легитимной и может рассматриваться как техника формирования автономного и независимого субъекта, которому не нужен сексуальный партнер. Описание мастурбации представляет эту практику как один из вариантов «чистого» секса, секса, отделенного от эмоций, который является важным и значимым для мужчины сам по себе.

Исследование показало, что женщины-партнерши представлены в текстах и видеоряде как объекты мужского желания и наслаждения, средство получения удовольствия. Объективизация женщин в рамках гетеросексуальных желаний является прямым следствием идеологии патриархальных гетеросексуальных отношений. Эта идеология включает в себя такие постулаты нормативной мужской сексуальности, как гомофобия и мораль «двойного стандарта» в отношении между полами. Триادا этих компонентов мужской сексуальности (гетеросексуальность, гомофобия, «двойной стандарт») создает нормативные границы и конституирует образ гетемонной маскулинности в сфере катексиса. Остановимся на анализе данных компонентов более подробно.

В современных исследованиях сексуальности гомофобия определяется как иррациональный страх перед гомосексуальностью

и (или) нетерпимое отношение к ее носителям (Lehne 1995: 325, Кон 1998: 375, см. также статью Е. Омеляненко в настоящем издании). Возникновение и легитимация гомофобии коренится в репродуктивных доктринах, где гомосексуальные практики выступают треховными двойные, в научных теориях, согласно которым гомосексуальность конструируется как заболевание или девиация; в обыденном сознании, представляющем последнюю как симптом «болезни» социума, показателя его кризисного состояния (Lehne 1995: 328) И. Кон предлагает более широкий спектр факторов, определяющих уровень гомофобии в обществе: общий уровень социокультурной терпимости, сексизм; гендерный и сексуальный провинцизм; уровень образованности и сексуальной культуры населения. Итак, исследователи отмечают, что гомофобия является, прежде всего, социокультурным феноменом, который накладывает свое выражение в индивидуальном уровне поведения и воспринимается как инструмент производства. Ее функция заключается не только в стигматизации гомосексуальных мужчин, исключении их из поля нормальной мужественности, но и в осуществлении социального контроля над «правильными» исполнением мужчинами их традиционных половых ролей. Таким образом, гомофобия исключает и инстурктирует одновременно. На уровне повселевности гомофобия направлена против реальных носителей гомосексуальности; на символическом уровне объектом ее воздействия являются гетеросексуальные мужчины и женщины, которые должны постоянно демонстрировать свою гетеросексуальность, чтобы не быть заподозренными в «сексуальных извращениях».

Таким образом, двоякая функция гомофобии заключается в сохранении и укреплении идеологии патриархальных, иерархических организованных отношений между представителями как разных полов, так и одного — мужского. Гомофобия находится вне поля исследуемой меди(ре)презентации: следование правилам политической корректности является «защитным» механизмом от открытого артикулирования гомофобий, хотя не спасает от легитимации сексизма в материалах издания.

Следующей составляющей образа нормативной мужественности в сфере интимных отношений является мораль «двойного стандарта», согласно которой то, что допустимо для мужчины, неприемлемо для женщины (Giddens 1991, Spence 1987). Финская исследовательница российской сексуальной культуры Анна Ротгарх

также полагают, что практики сексуальных отношений в постсоветском и постсоветском обществе ретулируются идеологией двойного морального стандарта. В советском обществе двойной стандарт выражался в расхождении между официальным дискурсом и повседневным сексуальным поведением, с одной стороны, и в легитимизации различных моральных предписаний для мужчин и женщин — с другой. Постсоветские тенденции — это прежде всего гендерный «двойной стандарт», т. е. поларизация предписаний мужской и женской сексуальности (Rokitch 2000: 186).

На основании результатов исследования мы выделим две нормативные модели сексуальности, приписываемые и предписываемые мужчинам и женщинам. Их различие заключается не столько в существенном несхождении гендерной идентичности, сколько в том, что они воспроизводят отношения неравенства, доминирования и подчинения, которые характерны для самих концептов мужественности и женственности. Одним и тем же сексуальным практикам приписывается разное значение, они оцениваются по-разному. Так, например, мужская и женская «невсезонность» интерпретируются differently. Для модуля мужской сексуальности типична легитимизация альтернативы и невестности, подтверждающая мужскую гиперотензию. Для дискурсивного модуля женской сексуальности характерно табуирование и порицание практики параллельных сексуальных отношений.

Нормативная сексуальность, (ре)презентруемая российским медиадискурсом, является «рационализированной». Французский исследователь Анри Бежен (1997) описывает рационализированную сексуальность современного типа следующим образом. Критериальными качествами сексуальной жизни индивида считается количество оргазмов; потенциальная и реальная способность к достижению большого числа (параллельных и последовательных во времени) сексуальных отношений; автономизация сексуального удовольствия, независимого от личности партнера и репродуктивных функций секса. Рационализация сексуальности выражается в том числе в технизации эротических практик. Подобная рационализированная сексуальность требует от «настоющего» мужчины компетентности — обладания соответствующими знаниями и техниккой, позволяющими ему управлять своей сексуальностью и совершенствовать ее. Профессионализация и научная легитимизация информации о сексе в средствах массовой коммуникации является проявлением ориентации на идеал сексуальной компетентности. В текстах постоянно встречаются референции к экс-

пертному знанию специалистов по «поддержанию «оригинального потенциала» и совершенствованию сексуальной техники. Рассмотрим, как конкретно ретранслируется идеология мужского доминирования в сфере интимных отношений.

«Медведь»

Нормативный образ истинного мужчины — это образ «мачо», легитимизация которого происходит посредством признания биологической фундаментальности правильной мужской сексуальности: «*He прититивность и безумие, а незадачушаемый глас природы заставяет мужчину устривать бой быков, петухов, собак, лошадиные и тараканы бега, любить змеящие, дымящие и вьзгачище зруды железа, махать кулаками и резко выкрикивать зруды слова»* — утверждает автор журнала «Медведь» (1995. № 2. С. 139). У такого медиаобраза мужской сексуальности нет альтернативы — он является единственно корректным.

В мужском дискурсе воспроизводится эссенциалистская идеология «двойного стандарта» в отношении между различными гендерными группами. «Двойной стандарт» в данном случае представляется собой дискриминационный принцип, который позволяет делать два существенных различения. С одной стороны, противопоставляются два вида для настоящих мужчин и всех других особей мужского пола. С другой стороны, различаются правила для женщин и мужчин.

Как было отмечено, гетеросексуальность выступает свойством, имманентно присущим нормативной модели мужской сексуальности, все другие типы сексуальности подвергаются исключению. Однако это исключение не является радикальным: предпочтение, направленное к знанию позволяет настоящему мужчине быть «политически корректным» в отношении чуждого: «*С гезами и гей-культурой мы знакомы главным образом благодаря некоторым отечественным модным журналам, телепередачам и торговым былям. Поэтому нами должно исключительно грубо любить гезы, а не желание взглянуть в проблемы гез-меньшинства»* («Медведь», 1996. № 6. С. 32). Очевидно, что механизм исключения другого, в данном случае гомосексуальности, заключается не в открытой стигматизации иных практик мужской сексуальности, а в молчаливом «отказе» им в дискурсивной представленности. В связи с этим модуль обсуждения темы иной сексуальности в фаллоцентричном медиадискурсе носит информационно-развлекательный характер, цель которого заключается в знакомстве и рассказе об «удивительном явлении».

Рассмотрим, как в мужском дискурсе проявляется «двойной стандарт» в отношении женщин.

(Ре)презентации сексуальных отношений базируются на идеологии мужского господства и женского подчинения. «Медведь» убежден в том, что: «Природа сильно наградила сильную половину человечества. Кроме превосходства в силе (по определению), мужчины поменяли способность женщин, менее агрессивны, менее эгоцентричны и более рациональны. Феминистски, убежденные в примитивности мужчин, придерживаются, разумеется, иного мнения, но их армия редет день ото дня» («Медведь», 1995. № 2. С. 140).

Идеология неравенства полов является лейтмотивом текстов, посвященных гетеросексуальным отношениям. Неравенство выступает универсальным основанием ценностных и поведенческих предписаний сексуальности женщин и мужчин. Приведем в качестве подтверждения данного тезиса некоторые фрагменты статей. «Дело в том, что я не считаю, что мужчины и женщины тут (в сексе. — Ж. Ч.) равны», — утверждает автор статьи, посвященной сексуальным отношениям между полами («Медведь», 1996. № 10. С. 59). «Все женщины хотят подчиняться тому, кто сильнее, кто достоин их подчинения. И они всю жизнь заняты поисками того, кто достоин», — безапелляционно заявляет другой («Медведь», 1995. № 1. С. 125). А третий дает интерпретацию правила женской сексуальной подчиненности: Россия — это «страна исчезающих мужиков, в которой живут бедные женщины, которые любят диктора Киселева. Женщина имеет крепкую надежную руку» («Медведь», 1995. № 3. С. 109). Резонеры ссылаются на авторитет писателей — инженеров человеческих душ: «Правильно Горький сказал: "Женщина должна почтнее беременной ходить..." Смыслом жизни женщины является любовь: если ее никто не любит, то она забывает себе голову всякой чушью» («Медведь», 1995. № 3. С. 86).

Во всех приведенных выше фрагментах используются специфический дискурсивный прием: декларация принципов гендерного неравенства происходит от лица «настоящего» мужчины, позиция которого априорно наделяется знанием и властью «эксперта» в «вопросах пола». Молус (ре)презентации нерушки полов строится на дискурсивной технологии «зеркального отражения», когда регламентация правил женской сексуальности осуществляется мужчиной. Факт биологической принадлежности к мужскому полу легитимизирует «экспертную» позицию мужчины, наделяет его

правом определять нормы правильной сексуальности. При этом «мужской взгляд» преподносится читателем публике как объективный и непревзойденный. Дискурсивный анализ технологий (ре)презентации позволяет проблематизировать колониальную и идеологическую позицию инструкторушкет субъекта, делающего его видимым и «прозрачным». Нормой сексуального поведения женщины объявляется поиск сильного мужчины («медведь»), способного быть защитником слабых («каменной стеной»).

Гегемония маскулинности в сфере сексуальности основана на ретрансляции ожиданий и «требований» к модельному образцу аутентичной женственности: в текстах, посвященных женской сексуальности, также утверждается норматив аутентичной мужской сексуальности.

В рамках эссенциалистской идеологии различия между нормами и моделями сексуального поведения мужчин и женщин проследит при помощи апелляции к природным различиям между полами. Так, например, автор утверждает, что «природа распорядилась так, что если мужчина может за ночь оплодотворить миллионы женщин, даже десятки миллионов — по числу сперматозоидов, то женщины сами богом назначено зачать одного и носить» («Медведь», 1996. № 1. С. 67–68). Аргументация полового различия строится на физиологических репродуктивных различиях мужского и женского организма, их репродукции.

Все дискурсивные приемы, используемые при описании гетеросексуальных отношений, натурализируют сексуальность, представляют ее как биологическую потребность организма: «Постоянно хочу заниматься любовью с женщинами. Таковы законы природы. И нам, дуракам, с ними не совладать» («Медведь», 1996. № 10. С. 67). Употребление в текстах изданий таких выражений, как «покрыть ее» (1996. № 9. С. 58), «у девиц, не потманых» (1996. № 9. С. 58), вызывает у читателя прямые аналогии с описанием полового акта у животных. Показательным в этом отношении выступает изменение семантики лексемы «любовь». Так, если в «Толковом словаре русского языка» слово «любовь» имеет шесть коннотаций, только одной из которых являются «интимные отношения», определяемые в качестве простонародного выражения (Толковый словарь 1999: 336), в текстах средств массовой информации используется калькирование клишированного выражения («о таке love»), смысл которого объясняется следующим образом: «Любовь — это просто как-ка-то женщина тебе нравится, и ты с ней — когда тебе (вы-

делено мной. — Ж. Ч.) нужно, вступаешь в интимную связь» («Мелведь». 1996. № 9. С. 59).

Одним из дискурсивных приемов, с помощью которого утверждается «двойной стандарт», является противопоставление мужского и женского как «чистого» и «грязного»: «Мужчина как бы входит в женщину, женщина впускает мужчину в себя. Понимать, в этой геометрии есть что-то такое, от чего женщина как бы задроживается, а мужчина нет» («Мелведь». 1996. № 11. С. 67–68).

Еще одним приемом ратификации эвентичной мужественности является указание на потенциальную и реальную высокую сексуальную активность мужчины, имеющего множество сексуальных партнеров, поддерживающего параллельные отношения. Авторы текстов утверждают, что «нормальный мужик бабником быть должен» («Мелведь». 1995. № 6. С. 76); «Мужчина может иметь несколько связей, но он пристально бы следил за этим, как разведчик в дозоре, стараясь события конструировать и делать так, чтобы ... были довольны и вовсе не страдали от ревности, а, напротив, радовались бы как можно больше. А там, глядишь, это как-нибудь перестанет быть актуальным» («Мелведь». 1996. № 11. С. 67).

Принципиально новым в медиадискурсе представляется допустимое сексуальное поведение женщин. Нормы женской сексуальности во многом традиционны: активное проявление женской сексуальности считается девятицей, а наличие опыта добрых сексуальных отношений и параллельных связей стигматизирует женщин. Проиллюстрируем данный тезис материалами журналов: «До свадьбы девушка не должна обидать сексуальным опытом, качественные молодые люди не заметят ее... т. е. сексуальные качества — это некий продукт, который может быть израсходован, а может быть и сбережен», — пишет один из авторов («Мелведь». 1996. № 9. С. 59).

«Видно, у женщин есть талант на количество мужчин. После какого-то количества у нее не может возникнуть никакого понимания, никакой мистической связи с мужчиной... Но если прошлое можно преодолеть настоящим, то уж хоть в настоящем все должно быть чисто. Поэтому человек (мужчина. — Ж. Ч.) так отчаянно воспринимает измену. Он чувствует, что кто-то другой вкочился в построение этой женщины. Она им уже задрожана, уже что-то от другого есть, чуждое в ней появилось. Думаю, что наибольшее неудовольствие у него вызывает»

ет то, что она становится зависимой не от него, а от другого, т. е. не он — командир» («Мелведь». 1996. № 11. С. 68). Приведенный отрывок подтверждает основную идеологию, связывающую мужскую сексуальность с реализацией потребности в доминировании. Автор текста позиционирует мужчину как хозяина — «командира», имеющего монопольное право быть «создателем» женской идентичности и отщипающего любую попытку «составства» со стороны объективированной партнерши. Презентация мужчины в качестве Пигмалиона — «творца» истинной женственности — демонстрирует интенцию нормативной мужественности дистанцироваться от эгалитарных гендерных отношений советской идеологии, осуществляя мужское доминирование «ветхозаветного» образца.

Итак, проведенный дискурсивный анализ медиапрезентаций показал, что нормативная мужественность в числе прочего формируется и в сфере эмоциональных отношений. Родственно-семейные отношения (репрезентируемые журналами, сводимы к отношениям традиционного отцовства. Колергентность домашнего семейного образа истинного мужчины предполагает описание его супружеских ролей. Однако эмпирический анализ показал, что «настоящие мужчины» в медиапрезентациях как мужа не представляются. Гендерная идеология биологического детерминизма, определяющая модель нормативной сексуальности, воплощается в образе «мачо».

В интимных отношениях нормативная мужественность включает три компонента: гетеросексуальность, гомофилию, «двойной стандарт» в нормах, предписываемых себе и другим, находящимся на более низких уровнях социальной стратификации (как мужчинам, так и женщинам).

Оправданное идеологией биологического детерминизма различие между мужчинами и женщинами позволяет не только дискурсивно воспроизводить неравенство между полами, но и легитимизировать мужское доминирование и экспроприирование права на ратификацию гендерной нормы «двойного стандарта», исключая чуждого женщин и других мужчин.

**5. Дискурсивный анализ сексуальности:
проблемы метода**

Елена Зорвакомислова, Анна Темкина

АНАЛИЗ НАРАТИВА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

В данной статье мы хотим показать, как можно реконструировать женскую сексуальную идентичность, используя материалы автобиографического нарратива, посвященного опыту интимной жизни. Для этого мы применим методику, получившую название «*каналы категоризации*». В статье данная методика излагается в адаптированном варианте и приводятся примеры ее применения для решения поставленной исследовательской задачи.

Выбор метода как совокупности «более ли менее формализованных правил сбора, обработки и анализа доступной информации» (Ядов 1999: 62) обусловлен методологическими позициями исследователя. Методология понимается в данном случае как «система принципов научного исследования» (Ядов 1999: 53). На основе принятой методологии определяются исследовательские задачи и метод, с помощью которых возможно приблизиться к их решению.

Предметом нашего исследования является формирование женской сексуальной идентичности, которая рассматривается как один из аспектов гендерного самоопределения. Мы опираемся на позицию социально-конструкционистской методологии, в рамках которой идентичность понимается как производство образа себя в контексте повседневно-социального взаимодействия. Представим кратко методологические основания социального конструкционизма. Его принципы сформулированы в текстах П. Бергера и Н. Лукмана, И. Гофмана и Г. Гарфинкели (см. подробнее: Здравов-

¹ Ранняя версия данной статьи опубликована в журнале «Гендерные исследования». 2000. № 5.

мыслена и Темкина 1998, 1999, Уэст и Зиммерман 1997). Конструкционизм является антиэссенциалистской парадигмой, согласно которой «социальные факты» анализируются как продукты дискурсивных практик. Соответственно предметом анализа становятся системы репрезентаций, социальные и материальные практики, дискурсивные стратегии, идеологические эффекты (Schwandt 1998). В рамках такого подхода сексуальная идентичность предстает как совокупность смыслов, приписываемых индивиду в поле сексуальности и зафиксированных в определенных категориях.

Данная логика позволяет операционализировать задачу исследования — нам необходимо выявить категории, которые используются рассказчица, описывая повседневность своей интимной жизни. Реконструируя женской сексуальной идентичности осуществляется на основании интерпретации опыта информантки, репрезентированного в нарративе. Результатом такого анализа становится «насыщенное (плотное) описание», т. е. совокупность смыслов взаимодействия, представленная с точки зрения действующего лица (Гирд 1997).

Итак, при анализе конкретных фрагментов текста мы должны реконструировать категории, с помощью которых информантка описывает свой сексуальный опыт; квалифицирует действия и отношения, связанные с разными категориальными единицами; дает оценки данным действиям и отношениям. В этом и заключается насыщенное описание того, как «производится» женская сексуальная идентичность в тексте².

«Анализ категорийности»: методика анализа нарратива

Используемая нами методика анализа нарратива была разработана на основе техники «анализа разговора», получившей распространение в рамках этнометодологии (Gafnikel 1967, Sacks, Schegloff, Jefferson 1974, West and Zimmerman 1982). Предметом «анализа разговора» являются вербальные процедуры, посред-

² Подобные подходы к изучению идентичности получили распространение также в рамках культурной антропологии и в социологии. Так, российская исследовательница гендерных стереотипов языка А. Кирилина (1999: 90–96) анализирует, как картина мира, фиксируемая языком, включает приписывание мужчинам и женщинам определенных качеств и оценку этих качеств. Особенности социологического подхода состоят в том, что анализ гендерной идентичности, создаваемой в тексте, становится анализом социальной реальности повествовательного взаимодействия.

ством которых участники взаимодействия осуществляют коммуникацию. Действующие лица при этом интерпретируются как методологи-практики, которые обладают компетенцией в осуществлении и интерпретации своих действий. Взаимодействие успешно осуществляется в том случае, когда его участники волеизъявляют практические правила повседневной жизни. Техника «анализа разговора» использовалась при исследовании коммуникаций в разных контекстах: между родителями и детьми, врачами и пациентами, мужчинами и женщинами (Sacks 1972).

Одним из вариантов техники «анализа разговора» стала методика, которую мы называем «анализом категоризации» (metabehavior categorization device³), разработанная Х. Саксом (Sacks 1974). Сакс и вслед за ним Д. Силверман (Silverman 1993) исследуют, как в текстах «производятся» описания повседневности, доступные для понимания. Описывая что-либо, индивиды используют категории, имеющие интерсубъективный смысл и обеспечивающие возможность понимания в рамках данной культуры.

Данную технику мы адаптируем для анализа материалов биографического интервью. Текст интервью представляет собой нарратив, содержащий категории, посредством которых индивид описывает социальные взаимодействия в поле сексуальности.

Д. Силверман рассматривает категории (categories) как способ описания событий и действующих лиц, посредством которых происходит их осмысление, т. е. идентификация, классификация, типизация. Так, например, в тексте одна и та же женщина может описываться как «тройная блондинка, мать пятерых детей» и как «тридцатидвулетняя преподавательница» (Silverman 1993: 81). Исследователь определяет, к какому классу (collection) принадлежит данная категория. Так, например, категория *преподавательница* (использованная для идентификации женщины) относится к классу *профессия*, категория *мать* — к классу *семья*. При этом исследователь исходит из предположения о «консистентности» (consistency) категорий, используемых в повествовании. Предполагается, что рассказчик объединяет категории в один смысловой блок: когда речь идет о семье или о профессии, мы ожидаем, что рассказ будет связан с данным предметом, если нет специального указания на то, что «консистентность» нарушена (изменена тема повествования или добавлены элементы абсурдизма).

³ Данный перевод названия методики не является дословным, в передаче смысла процедуры анализа текста.

Следующий шаг анализа категоризации заключается в выделении лексем, обозначающих действия, связанные с категориями (category-bound activities). Лица и события, описываемые в повествовании и обозначенные определенными категориями, связываются в тексте с определенными видами действий и отношениями. Реконструируя эти связи, мы выявляем те смыслы, которыми наделяются повседневные взаимодействия.

Далее, опираясь на правило морального суждения, исследователи выявляют оценку, которую информант дает событиям и отношениям. Предполагается, что любое описание опыта содержит (явно или неявно) его моральную оценку. Так, в примере, приведенном Д. Силверманом, *предельным* действием преподаватели считаются обучение, *правильные* действия матери заключаются в воспитании детей. И те, и другие действия, с точки зрения рассказчика, морально оправданы и не подвергаются сомнению. Рассказчики приписывают определенным моральным смыслам происходящему и тем самым (вос)производят существующий социальный порядок. Смыслы взаимодействий вытекли в ткань повседневности. Задача исследователя реконструировать эти смыслы — снабдить субкультурными социальную жизнь, чтобы осмыслить ее социологически.

Техника предлагаемого нами нарративного анализа выглядит следующим образом. Для реконструкции того, как создается в тексте женская сексуальная идентичность, мы выполняем три шага. Во-первых, выделяются категории, которыми пользуется рассказчица, описывая свой сексуальный опыт. Данные категории чаще всего представлены в виде имен существительных и прилагательных. Во-вторых, выделяются лексемы, обозначающие виды действий и отношений, которые рассказчица связывает с данными категориями. Ими чаще всего являются глаголы и отглагольные формы. В-третьих, реконструируются моральные оценки, которыми наделяются данные категории и соответствующие им действия и отношения.

Анализ *триксеруитива* биографического интервью осуществляется группой исследователей. При этом соблюдается принцип *триксеруитива*, т. е. обеспечивается перекрестная интерпретация фрагментов текста несколькими исследователями (Семенова 1998: 192, 228). Сначала каждая из участников знакомится с полным текстом интервью. После того как прочитан весь текст, наступает стадия групповой работы. В выбранном для анализа фрагменте текста выделяются смысловые *сегменты*, т. е. содержательно законченные эпизоды — смысловые единицы нарратива, следу-

ющие друг за другом в определенной последовательности (Семенова 1998: 227). Понимание того, что содержательно представляет собой сегментация (смысловая единица) текста зависит от заданных исследователями.

В работе группы выделение сегментов происходит следующим образом: один человек читает текст вслух до тех пор, пока словом «стоп» его не остановит кто-либо из участников, идентифицировавший смысловую единицу. Затем предлагается комментарий и обсуждаются всевозможные интерпретации категорий, тирей и обсуждаются всевозможные отношения и оценки до тех пор, пока связанных с ними действий, отношений и оценок не установившейся консенсус среди участников группы. Иногда не устанавливается консенсус среди участников, что фиксируется исследователями, и для дальнейшего уточнения они прибегают к сопоставлению разных фрагментов текста или к дополнительной информации, которая может прояснить смысл.

Итак, обратимся к анализу конкретного текста.

Реконструкция женской сексуальной идентичности: анализ фрагментов нарратива⁴

Для того чтобы реконструировать женскую сексуальную идентичность, нужно проанализировать весь текст интервью. В данной статье на примере анализа нескольких фрагментов мы продемонстрируем эвристические возможности предлагаемой методики.

Прежде всего необходимо представить жизненный путь информантки. Мы анализируем биографию 46-летней женщины (1950 года рождения), получившей высшее образование в области естественных наук и работающей в настоящее время в бизнесе. Информантка, назовем ее Марией, была замужем, имеет ребенка от первого брака, во время брака и после него у нее были постоянные и случайные сексуальные партнеры. В ходе интервью Мария характеризовала свое сексуальное поведение как ориентированное прежде всего на получение сексуального удовольствия. Нам заинтересовал этот нарратив как не типичный для данной когорты российских женщин, большинство из которых строят рассказ о своей сексуальной жизни в таких культурно приемлемых семантических полях, как брачные отношения, любовь

⁴ Фрагменты текста взяты из интервью о сексуальности, полученного в рамках российско-финского проекта «Социальная трансформация и культура инерции в России».

и дружба. Биография Марии репрезентирует геонистический сценарий сексуальности, отлеженной от брака, чувства любви и дружеских отношений (см.: Темикина 1999).

Рассмотрим, как информантка создает *образ себя*, этими словами — как она конструирует собственную идентичность. Основываясь на описанной выше методике, мы реконструируем: а) категориальный ряд, используемый информанткой в описании *себя, мужчин и женщин*, фигурирующих в ее рассказе; б) действия и отношения, которые она связывает с данными категориями; в) оценки этих действий и отношений.

Ниже представлен первый фрагмент текста, выделенный для удобства анализа по строкам, каждая из которых нумерована.

Фрагмент 1

- 1 В: Какие партнеры вам нравятся?
- 2 О: Здесь очень много проблем. У меня очень большие трудности
- 3 с сексуальными партнерами. Даже если мне мужчина очень
- 4 нравится, даже если я имхо намерение выйти за него замуж,
- 5 то все равно — фантастические проблемы. Я бы сказала, что
- 6 у 99% мужчин, с которыми я общалась, у них проблемы в сексе.
- 7 Не у меня — у них. У них секс сводится к семизвержению —
- 8 больше ни к чему. Они совершенно не могут раскрыть женщину,
- 9 они совершенно не могут ее довести до экстаза и сами войти
- 10 в экстаз. Они вообще-то это не понимают. Прием они думают,
- 11 что здесь надо работать больше членом. А собственно говоря,
- 12 секс — это голова и руки. А член здесь ни при чем. Он может
- 13 быть и очень маленьким, и семизвержение быстро наступит,
- 14 но не этим достигается вся радость общения между мужчиной
- 15 и женщиной. Это невозможно им объяснить, они этого не
- 16 понимают. Если он совершил половой акт и у него хорошо
- 17 произошло семизвержение, то он считает, что все пошло,
- 18 позвал в женщине и доставил ей массу удовольствия. Ничего
- 19 подобного. Он ничего не знает об этой женщине. Это большинство
- 20 мужчин. Редко встречаются такие мужчины, которые знают,
- 21 что женщину можно довести до белого каления и в ответ получить
- 22 фантастическое удовольствие. Это очень редко встречается.
- 23 Прием для этого совершенно не требуется духовное роство,
- 24 или близость, или интеллект общий. Требуется совершенно
- 25 простые вещи: любовь к телу той самой женщины, с которой
- 26 он общается. Он из этого тела может извлечь фантастическую
- 27 музыку.

Рассмотрим, как в этом фрагменте происходит конструирование «Я» информантки. Очевидно, она относит себя к категории гетеросексуальных женщин, которые имеют опыт множественных сексуальных отношений с мужчинами. Таким образом, она определяет себя через отношения с мужчинами. Поэтому описания мужчин становятся существенным для понимания ее гендерной идентичности. Мария выделяет несколько типов сексуальных партнеров. Далее мы представим предельную его классификацию мужчин и их характеристики.

Прежде всего мужчины объединяются ею в единый класс по-тенциальных *сексуальных партнеров*. Свое отношение к ним Мария описывает с помощью лексемы *нравятся* (строка 4). Особую группу сексуальных партнеров составляют потенциальные *мужья* — те мужчины, за которых *она имеет намерение выйти замуж* (строка 4). Далее М. классифицирует мужчин в зависимости от того, есть у них «проблемы в сексуальных отношениях» или нет. Мужчины, которые имеют *проблемы в сексе, составляют большинство* (строка 5–6). Мужчины, не имеющие таких проблем, *встречаются редко и очень редко* (строка 20, 22).

Отношения, связывающие информантку с большинством сексуальных партнеров, описываются как *большие трудности, фантастические проблемы* (строка 2–3, 5). «Проблемность» своих сексуальных контактов она объясняет тем, что большинство мужчин сами имеют проблемы, связанные с сексуальной сферой. Категории *проблемы в сексе* становятся атрибутивной характеристикой большинства мужчин.

Рассмотрим далее характеристики (действия и отношения), которые Мария приписывает этому мужскому большинству. Данные атрибуции важны для ее гендерной самоидентификации, поскольку «проблемы мужчин» связываются на ее сексуальном опыте.

По мнению Марии, «проблемы сексуальной жизни большинства мужчин» заключаются в том, что они *не могут раскрыть женщину, не могут ее довести до экстаза, не могут сами войти в экстаз* (строка 8–10). Таким образом, она оценивает степень взаимной сексуальной удовлетворенности партнеров как достаточно низкую.

При этом Мария отмечает, что, как правило, мужчины не осознают наличия проблемы сексуальной неудовлетворенности: «*мужчины абсолютно этого не понимают*» (строка 10). Более того, мужчины не понимают природы сексуального взаимодействия. Для их сознания характерна неверная интерпретация сексу-

альности (строка 7–10). В данной секвенции мы обнаруживаем, что мужское большинство и Марии придерживаются противоположных интерпретаций смысла сексуальных отношений. Для большинства мужчин секс — это *работа члена*, это анатомо-физиологические особенности, которые конкретизированы как *размер полового органа мужчины, скорость семязвержения* (строка 7–8, 12–13). Для женщины секс — это *работность общения* (строка 14), которая не может быть достигнута в том случае, если секс интерпретируется мужчиной как анатомо-физиологический акт. Именно поэтому гетеросексуальные отношения оказываются *феминистической проблемой*. Мужчина, который принадлежит к большинству, репрезентируется как субъект, ответственный за проблему сексуального общения.

Уже на основании анализа данного отрывка мы можем сделать некоторые предположения о женской идентичности информантки. Рассказчица интерпретирует свою сексуальную жизнь как *проблему*. Эта «проблемность» вызвана конфликтом между интерпретациями сексуальной жизни мужским большинством и Марией. Для большинства мужчин секс — это физиология, для Марии, всех женщин и меньшинства мужчин секс — это *иное*. Конфликт двух миров сексуальности приводит к недоразумениям, непониманию. Не способными к пониманию сути сексуального взаимодействия Мариа считает большинство мужчин.

В данном фрагменте Мариа позиционирует себя как сексуальный объект, зависимый от характеристик и действий партнеров. При этом шансов на беспроблемные отношения остается очень мало, поскольку ее *трудности* являются следствием *сексуальных проблем*, которые присутствуют у подавляющего большинства мужчин.

Обратимся к другому фрагменту интервью, в котором Мариа заявляет о своей активной позиции в сексуальных отношениях.

Фрагмент 2

- 1 И я их всех учу сексу. Потому что те мужчины, которых я
- 2 выбираю, которые мне симпатичны, с которыми я продолжала
- 3 поддерживать отношения, как правило, сами очень любят
- 4 потрогать со мной о сексе.

В этом фрагменте Мариа позиционирует себя как активного агента поля сексуальности. Рассмотрим те действия, которые она приписывает себе в этом поле. Она *выбирает* сексуальных партнеров.

ров, она их *учит сексу*, она определяет, поддерживать отношения или нет (строка 1–3). Информантка описывает себя как эксперта, обладающего знанием об истинной сексуальности. Кроме того, она позиционирует себя как учителя. *Она обучает своих сексуальных партнеров сексу* (строка 1). Таким образом, она претендует на доминирующую позицию в сфере сексуальных отношений.

Итак, в первом фрагменте Мариа описывает себя как объект доминирующего типа мужской сексуальности. Мужчины навязывают ей свою интерпретацию сексуальных отношений, которая приводит к проблемам и конфликтам. Во втором фрагменте Мариа репрезентирует себя как активную женщину, пытающуюся утвердить собственное понимание сексуального взаимодействия. Она претендует на доминирование в сексуальных отношениях с теми мужчинами, которых она выбирает и обучает. Рассмотрим, к чему приводит ее стратегия противопоставления сексуальной объективности.

Фрагмент 3

- 1 А он считает, что я злая, коварная, прогибаясь, издевающаяся и
- 2 вообще феминистка, и вообще дрянная баба, которая третрует
- 3 мужчин — дьявол в женской юбке. Он себя чувствует
- 4 несоответственным. И всякое мое замечание воспринимается им
- 5 как оскорбление, у него даже на глазах появляются слезы от
- 6 обиды.

В данном фрагменте информантка описывает, как ее воспринимает партнер, принадлежащий к мужскому большинству. По словам Марии, он считает ее *злой, коварной, дрянной бабой, феминисткой* (строка 1–3). Причины такого отношения она объясняет своей активной позицией и претензией на доминирование: она не только *учит сексу* (фрагмент 2), она *осуществляет контроль*, делая партнеру *многочисленные замечания* (строка 4). Роль, которую играет противопоставление партнера понижению его сексуального статуса: он *чувствует себя несоответственным* (строка 3–4), *оскорбленным и обижается до слез* (строка 5–6).

Итак, активная и доминирующая позиция Марии в сексуальной сфере рассматривается партнером как коммуникативный вызов. Анализ третьего фрагмента существенно дополняет наше знание о конструкции сексуальной идентичности информантки. Ее активная, претендующая на доминирование роль в сексуальных отношениях позиция, порождает конфликт и сбой в коммуникации с большинством сексуальных партнеров.

Таким образом, на примере анализа фрагментов одного интервью мы можем следить некоторым предположениям об основных сексуальной идентичности информантки. Женская гетеросексуальная идентичность основывается на противопоставлении мужской и женской интерпретации сексуальных отношений. Марии относит себя к категории гетеросексуальных женщин, имеющих многолетний опыт сексуальных отношений и *правильное* знание об их сути. Такое знание неослужливо большинству мужчин, относящихся к сексуальности инструментально. Анализ нарратива показывает, что отношения в сексуальной сфере всегда репрезентируются Марией как гендерная асимметрия. При этом в гетеросексуальном взаимодействии, как правило, доминирующую позицию занимает мужчина. Доминирование проявляется в том, что это представление о сексуальных отношениях навязывается партнерше, и в том, что ответственность за проблемы в сфере сексуальной жизни также возлагается на него. Когда женщина переопределяет свою позицию и претендует на доминирование во взаимодействии, возникает угроза для сексуальной коммуникации представителем разного пола.

Итак, сексуальная идентичность Марии — это проблематизирующая женская сексуальность, претендующая на изменение правил игры в поле сексуальных отношений. Возможность этих изменений она видит на пути приобщения мужчин к *правильному* знанию о сексе путем их обучения. Роль *эксперта* и *учителя* она готова взять на себя. Такая роль делает ее гендерную идентичность в сексуальной сфере проблемной. Это выражается в том, что она демонстрирует свое недовольство отношениями с партнерами и недовольство партнеров ею. При этом не нарушается базовое гетеросексуальное основание и гендерная асимметрия сексуальных отношений.

© Здравомыслова Е., 2002
© Темкина А., 2002

К СЕКСУАЛЬНОСТИ — ЧЕРЕЗ ИНТЕРВЬЮ: ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Олег Печенков

Данная статья посвящена анализу взаимодействия информанта и интервьюера в ходе интервью о сексуальности. Предметом анализа являются ситуации, либо прибегают к использованию намеков, отсылки к подражательному общему знанию. Исследованные таких речевых ситуаций позволяют проанализировать культурный контекст как условие осуществления успешного взаимодействия и понимания собеседниками друг друга.

В первой части статьи я обращаюсь к анализу причин возникновения подобных ситуаций: трудности вербализации некоторых сторон сексуального опыта рассматриваются в связи с особенностями социализации и сексуальных сценариев участников интервью. Проведенный анализ интервью позволил выделить, во-первых, характерные технические приемы, используемые информантами для избегания обсуждения проблематичных аспектов сексуального опыта; во-вторых, сами проблематичные темы, различающиеся для представителей разных поколений и информантов с разной гендерной идентичностью.

Во второй части статьи я показываю, что детальное изучение интервью как интеракции, внимание к действиям обоих участников интервью и особенностям самого взаимодействия помогает обнаружить неэксплицитные «объединяющие» свойства взаимодействия собеседников. Это в особенности касается таких сложных для вербализации тем, как сексуальность. При анализе текстов, посвященных такому роду «сложных» тем, вдобавок эвристичным оказывается этнометодологический подход. Во-первых, он позволяет анализировать не только содержание сказанного, но также об-

ращать внимание на несказанное и на особенность того, как говорит собеседники. Во-вторых, он заставляет проблематизировать избыточные информантами некоторых обсуждаемых тем, «принятие на веру» тех или иных высказанных собеседниками положений.

Итогом такого анализа является выявление особенностей отношения к сексуальности, характерных для изучаемой культуры.¹

Введение

Цель данной статьи — привлечь внимание к методологическим проблемам, возникающим при использовании метода интервью в исследованиях сексуальности. Я собираюсь описать некоторые особенности интервьюирования, которые проявляются при интерпретации данных, полученных этим методом. Обсуждаемые проблемы перечислены из конкретного эмпирического материала.

Стимулом к написанию статьи послужило мое участие в качестве интервьюера в биографических интервью с мужчинами по теме «Ваша сексуальная биография»². При анализе вятских интервью я обратил внимание на те коммуникативные ситуации, которые строились на основе неадекватированных, но подразумеваемых допущений. Такие «проблематичные» ситуации проявляются в целом наборе «погрешностей» интервью: в заминках, умолчаниях, намеках, отсылках к тому, что, по мнению одного из собеседников, «само собой разумеется», в использовании эвфемизмов, в недооливках, выразительных паузах, фразах, отсылающих к общему невербализированному знанию, например: «ну, вы же понимаете» и т. п. Иногда подобные презумпции (подразумевания) и намеки видны лишь в постановке вопроса или в интонациях. Роль таких речевых оборотов (речевых ходов) в интервью, причины их появления в связи с темой интервью являются предметом данного исследования.

Статья состоит из двух частей. В первой части анализируются коммуникативные проблемы, возникающие в ходе интервью о сексуальной жизни, их причины и возможные решения. Рассматри-

ваются сценарии и особенности публичной вербализации сексуальной биографии. Вторая часть статьи посвящена особенностям анализа текстов интервью и той информации, которую может извлечь интерпретатор текстов из проблем, с которыми сталкивается интервьюер.

Методология анализа интервью

Интервью и теория «языковых игр». Почему мы сочли возможным описывать сексуальность, основываясь на ее вербализации в интервью? Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос связан с понятием «языковой игры» Льюдвига Витгенштейна.

Одна из ключевых идей, предложенных Л. Витгенштейном, состоит в том, что изучение языка в отрыве от его практического применения — бессмысленно. Л. Витгенштейн полагал, что существует неразрывная связь «язык—действие». Эта связь, которую философ называл «языковой игрой», подразумевает существование «единного целого: языка и действия, с которыми он переплетен» (Витгенштейн 1994: 83). Такой подход позволяет рассматривать эту связь в двух аспектах: язык — действие или действие — язык, но с учетом их тесной связи. Таким образом, у исследователя есть все основания изучать социальные действия, социальные отношения и контекст с помощью использования языка, «языковых игр». Данное исследование не только основывается на прагматической философии Л. Витгенштейна, в нем предпринимается попытка анализа ходов в «языковой игре» под названием «Сексуальность». Ситуация интервью — одна из многих, в которых можно играть в эту игру (можно ведь играть в шахматы в клубе, на чемпионате мира, в сквере, в поселе, даже по компьютерной сети). Участниками игры являются информант и интервьюер, оба они владеют правилами этой игры, т. е. умениями, навыками, необходимыми для того, чтобы в нее играть. Поэтому, если целью исследования является описание «языковой игры» «Сексуальность», у нас есть все основания для того, чтобы: а) сделать объектом анализа «коды» обиход участника, б) на основании анализа вербализации сексуальности сделать выводы о действиях, с которыми связано словупотребление и к которым оно отсылает.

Подход, связывающий язык с действием, применен в настоящее время многими социологическими школами. Он, в частности, лег в основу этнометодологии, методы которой используются в данном исследовании.

¹ Велд за Тирлем я полагаю, что «...культура не есть сила, которой могут быть произвольно приписаны явления общественной жизни, поведение индивидов, институты и процессы; она — контекст, внутри которого они могут быть выказаны, т. е. "наследственно", описаны» (Тирл 1997: 182–183).

² Интервью проводились в рамках проекта «Социальные изменения и культурная инерция в России», см.: «Российская трансформация и сексуальная жизнь (место введения)».

Принципы этнометодологии и анализ интервью. Данное исследование является этнометодологическим. Это означает, что его цель — выяснение и экспликация механизмов конструирования изучаемой социальной реальности, «открытие формальных свойств будничных, практических, основных на здоровом смысле действий» (Garfinkel 1967: VII-VIII). Основное отличие этнометодолога от «обыденного социолога» состоит в том, что этнометодолог делает обыденное знание не «ресурсом для производства результатов», а темой исследования (Silverman 1985: 165). Метод проведения этнометодологических исследований связан с проблемативностью повседневности, анализом повседневных действий людей. С позиции этого подхода анализировались и интервью о сексуальной жизни.

Для традиции, в рамках которой написана данная работа, интервью представляется разнородностью ситуаций взаимодействия, в которой *не просто описывается опыт информанта, но воспринимается бытие для интервьюера и информанта жизненная рутинка.* Этнометодологический анализ исходит из того, что коммуникация информанта и интервьюера становится возможной благодаря референции к общему для участников интервью социокультурному контексту в целом и к некоторым его фрагментам в особенности. Для ситуации интервью о сексуальной биографии наиболее важной оказывается апелляция к той части социокультурного контекста, которую принято называть «сферой сексуальности». Как любое повседневное взаимодействие, интервью представляет собой «процесс описания» (doing description) культурного контекста и повседневности участников разговора, укорененной в этом контексте.

Этнометодологический анализ интервью представлен в работах Аврона Сикурела, Каролин Бэйкер, Дэвида Д. Силвермена и др. Согласно их точке зрения, данные интервью, как и любые другие, «должны интерпретироваться на фоне контекста, в котором они были проведены» (Hampstra and Adkison 1983: 126, Quot.: Silverman 1993: 94). А Сикурел предлагал рассматривать интервью как ситуацию взаимодействия. Для успешного осуществления этого взаимодействия его участники вынуждены пользоваться рецептами, типизациями, правилами презентации себя и восприятия другого, основанными на обыденном знании и здравом смысле (Sicoquel 1964: 100, Quot.: Silverman 1993: 98). С этой точки зрения интервью может рассматриваться как «активное конструирование его участниками определенной версии мира, спо-

собной объяснить, что является очевидным для собеседника, и дать понимание контекста вопросов и ответов» (Silverman 1993: 90). Выявлению культурного контекста интервью о сексуальной жизни и посвящена данная статья.

Вслед за этнометодологами я обращаюсь для анализа текстов интервью к некоторым приемам, традиционно применяемым при *анализе разговора* (conversational analysis), а именно — к категориям и приемам, разработанного Х. Саксом аппарата «анализа категоризаций» (Membership Categorization Device) (Sax 1974, Quot.: Silverman 1985: 134) и понятию «комтекст».

Поддерживаясь этнометодологической традицией, Х. Сакс рассматривает разговор как вид взаимодействия. Цель исследования, изучающего разговор, заключается в анализе не только того, что обсуждается, но и того, как это происходит, и того, что делает разговор понятным собеседникам. Взаимодействие беседующих между собой людьми рассматривается как «процесс описания» повседневности и культурного контекста, в котором они находятся. Разговаривая, люди обращаются к общей понятийной рамке, которую можно реконструировать, если внимательно прочитать и проанализировать разговор. Эта рамка состоит из совокупности категорий, смысловым образом связанных друг с другом. Задана исследователю — расшифровать тот категоризационный каркас, который делает разговорное взаимодействие возможным, и разговор — понятным самим собеседникам.

«Социальная жизнь, в отличие от иностранных фильмов, не сопровождается субтитрами», — замечает Д. Силвермен, поэтому люди вынуждены сами понимать и оценивать происходящее. Нормы, используемые людьми для упорядочивания окружающего мира, для придания смысла своим собственным действиям и происходящему вокруг, становятся предметом анализа повседневных взаимодействий (Silverman 1985: 136).

При анализе интервью о сексуальности мною была использована методика анализа разговорного взаимодействия, разработанная Х. Саксом и адаптированная Д. Силверменом. Сексуальность — это тема, которая представляет большую сложность для вербализации. Рассказывая об интимной жизни, люди активно используют механизмы «экономии языка» (термин Г. Гарфинкеля), неявные отсылки к неким родовым понятиям и к неким само собой разумеющимся предикатам сексуальной активности. В ходе интервью, посвященного интимной жизни и проведенного в див-

ловом режиме, производится описание сексуальной культуры, к которой принадлежат информант и интервьюер.

Воспроизводство сексуальной культуры удобно концептуализировать с позиций сценарного подхода, разработанного американскими социологами Дж. Ганьоном и У. Саймоном (Garlop and Simon 1973).

«Сценарный подход» к анализу сексуальности. Исследователи, придерживающиеся этого подхода, исходят из того, что сексуальное поведение индивидов и групп регулируется сценариями, т. е. социальными предписаниями, которые диктуют нам, что считать сексуальным, а что — нет, что значит быть или не быть сексуальным. Общество позитивно санкционирует поведение, отвечающее требованиям сценариев. Сценарии содержат сексуальные правила, ценности, поведенческие паттерны в соответствии с различными, принятыми в обществе, субкультурах, этнических и социально-экономических группах. В процессе социализации сценарии интернализируются. Дж. Ганьон выделяет три типа сценариев: интрапсихические, интерперсональные и культурные (Garlop 1990). Предписания одного уровня трансформируются на другой, определяют и корректируют поведение в конкретном контексте.

Культурные и интерперсональные сценарии, определяющие сексуальность установок и специфику взаимодействия по поводу сексуальности, влияют и на форму, и на содержание интервью, посвященного интимной жизни.

Культурные сценарии — как «инструкции на уровне коллективной жизни» — не только представлены в форме письменных текстов, но и «воплощены в организации социальных институтов и в практиках повседневной жизни в этих институтах» (Garlop 1990). Школа, семья, церковь, армия, предприятия, университеты, медицина, законодательство, уголовное право — все это организации, которые создают системы «инструкций» относительно сексуальности. То, что происходит во время конкретного сексуального контакта «...зависит от существования сценария, который определяет, что должно быть сделано тем или иным человеком

ком в тех или иных условиях, в то или иное время, какие чувства и мотивы наиболее подходят для данного события» (Garlop 1990)

Интерперсональные — межличностные — сценарии, в отличие от культурных, содержат импровизационный потенциал, который реализуется индивидами в ситуации взаимодействия. Интерпретированные предписания культурных сценариев привносятся в действие в конкретных ситуациях на интерперсональном уровне. Интерперсональные сценарии учат, как «сексуально взаимодействовать» с конкретным человеком в конкретном ситуативном контексте: как интерпретировать его поведение, как строить свои действия, ориентироваться на его поведение, как интерпретировать его ответные реакции и выстраивать свои последующие шаги. Сценарии определяют не только собственно сексуальное взаимодействие, но и поведение, правила, нормы «сексуального» за это предельными. Интервью о сексуальной биографии является одной из ситуаций взаимодействия по поводу сексуальности, в которой «правила говорения» зависят от культурных и интерперсональных сценариев.

Коммуникативные проблемы как следствие табу на вербализацию сексуальности

«Когда мы говорим с кем-нибудь о мире, то подразумеваем личность конкретного человека, предполагаем, что этот человек может знать, и определяем, где этот человек находитесь по отношению к нам в том мире, который мы с ним обсуждаем» (Вагет 1982: 109, Quot.: Silverman 1993: 90). Это означает, что в ходе интервью, которое представляет собой специфическую форму диалога, информант типизирует ситуацию и собеседника, основываясь на своем объеме знаний и понимании культурного контекста. Исходя из типизации ситуации интервью и темы диалога (здесь — сексуальности), информант начинает вести себя соответствующим образом. Специфика ситуации интервью, его темы и характеристики его участников определяют процесс коммуникации между интервьюером и информантом.

Попытки собеседников уйти от прямого ответа, заменив его намеком, уйти от называния, обратившись к эвфемизму, вызваны *особенностями темы интервью* и ее *вербализации*. С одной стороны, информант не готов обсуждать собственную сексуальность (в особенности, некоторые ее аспекты) в публичном пространстве, к которому принадлежат ситуации интервью; с другой стороны,

³ Д. Силвермен описывает в своем учебнике по качественным методам анализа, предложенный Х. Саксом для анализа «процесса описания повседневности», выделяет четыре взаимосвязанных элемента дискурса: категорию, совокупность категорий, множественность категорий и предельные категории.

отсутствует лексика, которую информант считает подходящей для обсуждения темы сексуальности в данном контексте. Для выяснения причин возникающих коммуникативных трудностей обратимся к особенностям советской сексуальной социализации, которую я рассматриваю, используя сценарный подход.

Вербально невыразимая сексуальность как культурный сценарий

В ситуации длительного интервью происходит актуализация правил, регулирующих взаимодействия как в публичном, так и в приватном пространстве. С одной стороны, интервью — это публичный разговор, который ведется с целью сбора исковой информации. С другой стороны, это — «доверительная» беседа, воссоздающая атмосферу приватности. Вследствие такого двойного характера для осмысления коммуникации в ходе интервью значимыми становятся особенности сценариев вербализации сексуальности как в публичном, так и в приватном пространстве.

Обратимся сначала к стереотипам, связанным с вербализацией сексуальности в ситуации публичного разговора. Все исследователи сексуальности в России и СССР подчеркивают, что в советский период (за исключением 20-х годов) эта тема была жестко табуирована: «преенебрежение ... социокультурными аспектами сексуальности обусловлено ... главным образом, жесткими запретами, которые налагались институтами власти на эту сферу» (Попов 1996: 6). Отмечая отсутствие «языка» для публичного обсуждения сексуальности, характерное для советской культуры, И. Кон связывает это с тем, что «сексуальность всегда казалась официальному обществу подозрительной и опасной» (Кон 1997: 313), а само слово «секс» было «ругательным» (Кон 1997: 391). Власть стремилась скрыть любые проявления сексуальности советского человека, редуцируя сексуальность к репродуктивной функции путем перевода темы сексуальных отношений в область медицинско-дискурса (Кон 1997: 179)⁴.

⁴ Эта тенденция представляется мне амбивалентной. С одной стороны, но-вый медицинский дискурс стал в 60-е годы единственным пространством вербализации сексуальности, что, с точки зрения И. Кон, является достижением по сравнению со сталинскими временами репрессии сексуальности. С другой стороны, с позиции М. Фуко, связывающего дискурс с властью, выделение сексуальности в дискурс означает ее подчинение власти путем заметного и тоталь-

Другой стороной процесса табуирования сферы сексуальности было почти полное отсутствие адекватного языка, который позволил бы вербализовать переживания даже в приватных разговорах с партнером (Грасимова 1997). Такая ситуация («невыразимость сексуального») позволяет исследователям сравнивать советский дискурс о сексуальности с дискурсом викторианской эпохи: в обоих случаях речь может идти об отсутствии сексуальности как «дискурсивного факта» (Грасимова 1997: 106). Кон отмечает, что «бестелесность и бессловесность, когда речь заходила о телесных проявлениях», были характерны для массового обывательского сознания (Кон 1997: 143). Советские люди были вынуждены, как правило, прибегать к стилизованным эвфемизмам: «все хотели что-нибудь унять о сексе, но не смели называть вещи своими именами» (Кон 1997: 198). Упомянутые в сексуальных отношениях были нормой: обсуждение, вербализация сексуальных желаний, ощущений, переживаний не считались неотъемлемой частью сексуальных отношений. Применительно к советскому времени следует говорить скорее о «половом акте» в стиле «пришел, увидел, победил», нежели о «сексуальных отношениях» (Грасимова 1997: 106).

Итак, проблема вербализации сексуальности в СССР может быть охарактеризована следующим образом: а) в публичной сфере — замалчивание человеческой сексуальности либо перевод темы сексуальных отношений в область маргинальных дискурсов; б) в приватной сфере — отсутствие языка, позволяющего вербализовывать сексуальные чувства. Культурный контекст «безязыкой», «невывразимой», «немой» сексуальности определил

ного проникновения контроля в сферу сексуального. При помощи выявления сексуальности в дискурсе, превращения ее в сексуальный факт, полагает М. Фуко, власть, «скользя вдоль дискурсов», добивается до «самых тонких и самых индидуальных желаний», «проникает и контролирует повседневное удовольствие» (Фуко 1996а: 109). Сам И. Кон также отмечает, что стремление к контролю над сексуальностью в медицинском дискурсе достаточно очевидно: «возникновение сексологического дискурса поставило сексуальность под врачебный контроль» (Кон 1997: 184). Можно сказать, что на смену репрессии секса приходит его «проблематизация», которая, очевидно, не является освобождением, но лишь более тонкой, изощренной и незаметной формой отправления власти и осуществления контроля (Фуко 1996а: 280). Это особенно важно в связи с тем, что медицинский дискурс, возникший в СССР в 1960—1970-е годы, был тесно связан с педагогикой (Кон 1997: 184).

⁵ При отсутствии публичного дискурса о сексуальности в разных сферах существовали иерархично расположенные дискурсы: официально-бестелесный, медицинско-телесный, грубо-матерный, приватно-эвфемистический и др.

трудности, возникающие у многих информантов при необходимости вербализовать интимный опыт в процессе интервью.

«Я — не ханжа, но...»: трудности вербализации как сценарий межличностного взаимодействия

Исследования текстов интервью позволяют выделить несколько причин, объясняющих трудности вербализации сексуальных тем и сложности поиска соответствующей терминологии. Эти трудности характерны, в первую очередь, для людей пожилого возраста, социализировавшихся в советское время. Вторая причина, по которой информанты затрудняются рассказывать о своей интимной жизни, связана с их представлениями об уместности обсуждения, о том, что, с кем и в какой ситуации (не) следует обсуждать:

«Я считала, что это очень интимное дело, так. Стоит ли о нем говорить, я не уверена. Потому что у каждого человека есть свое что-то, какой-то взгляд на эти вещи. Это опиньон не знаешь, что я, ну как сказать, ханжа или что, нет, нет. Но говорить об этих вещах конечно очень сложно» (66 лет, № С-2)».

Признание в том, что говорить на эту тему «очень сложно», может указывать на психологический дискомфорт, испытываемый информантом потому, что он не расположен обсуждать публично (а именно публичным представляется ему интервью с малознакомым человеком) темы, которые он считает глубоко личными.

Приведенная цитата позволяет реконструировать понимание информантом макрокультурного фона. В частности, превентивная самозащита от обвинений в ханжестве указывает на то, что рассказчик осознает современный культурный ландшафт как контекст артикулированной сексуальности. Этот культурный контекст содержит определенные предписания, согласно которым нежелательно говорить о сексуальности может быть воспринято как проявление ханжества. Таким образом, культурный контекст разговора о сексуальности включает определенную моральную служебную службу различия. Сексуальность определяется информантом как «интимное дело», о котором «трудно» (или «не следует») го-

ворить не из-за личных качеств говорящего (он — не ханжа), но из-за специфики самого предмета.

Анализ интервью позволяет выделить: а) несколько техникских приемов, которые позволяют информантам избежать в разговоре с интервьюером прямого называния объектов и отношений; б) несколько тем из сферы сексуального, которые представляются особую сложность для вербализации.

ПРИЕМЫ ИЗБЕГАНИЯ

Примем первый: намеки

Информанты прибегают к намекам, отсылкам к тому, что, по их мнению, должно быть понятно собеседнику:

«О: Вот, тут вот накладочка получилась. Когда мы уже стали... тут она виновата сама была кое в чем, так я подозреваю. Когда я это понял, я...»

В: А что вы имеете в виду?

О: Вот то, что Вы имеете в виду.

В: Что кто-то был еще, Вы подозреваете?

О: Да, да. Может быть, я был виноват...» (66 лет, № С-2).

(Разговор идет о параллельных сексуальных отношениях).

По форме ответа ясно, что трудности для информанта представляет артикуляция проблемы аллоптера. Эта трудность двойна: рассказчик, очевидно, не обсуждал тему супружеской неверности и с женой: «так я подозревал». Во время интервью он прибегает к намекам, избегая прямого называния вещей «своими именами» и предполагая, что собеседник его понимает: «В: А что вы имеете в виду? О: Вот то, что Вы имеете в виду».

Примем второй: эвфемизмы

Информанты используют эвфемизмы, описывая трудно вербализуемые аспекты интимной жизни:

«О: ...Ну, как предохраняться... Как обычно — не всегда закатываешь там, где хочешь.»

В: Ну, т. е. то, что называется прерыванием?»

О: Хотите, так считайте...» (66 лет, № С-2).

Такой дискурсивный прием встречается не только у респондентов старшей возрастной группы, но и у молодых, в целом довольно раскрепощенно обсуждающих свой сексуальный опыт:

«Ну, вот, в стирочке там, мне понравилась одна девочка, внешне — скорее, психологически у нас, там, такого не было, но я ей

⁴ В скобках указывается возраст информанта и номер интервью (буквы С, В и А соответственно обозначают старшую, среднюю и младшую возрастные группы).

можно сказать. И мы весь этот спорок, эти полтора месяца, так сказать, активно отдыхали» (25 лет, № А-2).

По данным И. Кона, использование эвфемизмов при обсуждении сексуальности было широко распространеной вербальной практикой в советское время (Кон 1997: 198). Как показывают материалы интервью, эта практика сохраняет свое значение и в настоящее время в тех случаях, когда частная жизнь становится предметом публичного обсуждения.

Примечания: местоимения и местоимения

Один из приемов состоит в активной замене существительных, глаголов и даже целых речевых оборотов другими частями речи. Это, как правило, местоимения, особенно указательные, которые подразумывают вещь или действие, не называя их:

О: Да, много поводи, но я, как Вам сказать, я... не занимаюсь этим, короче говоря, понимаете?

В: Ну а если, вот, возвращаясь к теме контрацепции, как-то, вот, для Вас...

О: Вы знаете, никогда, никогда в жизни я этим не занимался. Не знаю, почему.

В: То есть не предохранялись?

О: Нет, я почему-то всегда был уверен, что ничего не будет. И, надо сказать, что я ни от одной дамы не слышал этого» (66 лет, № С-2)?

Кроме местоимений в роли таких «спасительных» частей речи могут выступать вводные слова и предложения, а также междометия:

«Да, так, ты же понимаешь, одна хочет, другая не хочет. Поэтому, как-то это все... Ну, разнообразие надо же как-то, невозможно же... я так понимаю, может, я не прав, конечно, но, по большому счету надо, ну как... Вот!» (около 50, № В-4).

Примечания: использование лжики интервьюера

Нередко для того чтобы преодолеть трудности вербализации сексуального опыта, информант начинает использовать термины, предложенные ему интервьюером. Например, как видно из при-

⁷ В разделе, посвященном темам, которые информанты особенно избегают обсуждать, пойдет речь о том, что именно скрывается за многосленными указательными местоимениями.

веденной выше цитаты («Примечаний...»), интервью с № С-2), слово «предохраняться» предложено именно интервьюером. Этот термин сначала не использовался информантом, заменившим его указательными местоимениями. Затем, через несколько предложений, информант начинает употреблять слово «предохранение», сопровождая его использованием отговорок:

В: И с ними Вы этот вопрос никогда просто не обсуждали?

О: Нет, не обсуждали.

В: И никогда даже не ставили?

О: Нет, вопрос не ставили. Я органически не... Ну, первое время, с женой, с первой женой мы еще как-то предохранялись, будем так, если как-то говорить на эту тему. А с партнершами — никогда, не знаю, почему» (66 лет, № С-2).

Из данного фрагмента видно, насколько сложно обсуждение вопросов контрацепции в ходе интервью: информант отвечает на вопросы под давлением интервьюера, используя предлогую им терминологию: «предохраняться», «партнерши».

Ответ информанта содержит еще одно пояснение, анализ которого может оказаться весьма любопытным. В контактах с «партнершами» (случайными сексуальными партнерами) информант никогда не использовал контрацептивы: «никогда, не знаю, почему». Возможно, в его нерелекстрируемом представлении «случайный половой контакт» не предполагает «использования контрацептивов», т. е. эти две категории не связаны друг с другом. Именно поэтому он не отдавал себе отчета в том, почему он не использует контрацептивы при случайных связях. Представленная связь категорий и предикатов описывает характерные для советского времени сексуальные практики — (не) использование контрацептивов при определенном типе половых контактов.

Примечания: отсылка к общему опыту («ну, ты понимаешь!»)

В интервью часто встречаются попытки рассказчика избежать объяснений путем апелляции к знанию и (или) опыту собеседника, в надежде встретить понимание без разъяснения. Самым распространенным способом применения этого приема — использование фраз «ну, ты понимаешь!», «ну, можешь себе представить...» и др.

Приведу две иллюстрации:

«Вот, так дальше карусель шла, а потом как-то уже с ней не общаюсь, я встречаю другую даму, и так пошло, пошло. Не то что у ее люблю, я не говорю, ну, так, ну, ты понимаешь» (около 50, № В-4);

«А женщины... что женщины, вон, общесисте ЛИСИ, Фон-танка. 123. Соемстное общесисте, там тысьча двести цело-век народу. Половина — мальчики, половина — девочки. Вы мо-жете себе представить, что там такое!» (40 лет, № В-5)⁹.

Перечисленные приемы использовались информантами, что-бы избежать обсуждения наиболее проблематичных для вербали-зации тем из сферы собственного сексуального опыта. Ниже рас-смотрим темы, которых избегают информанты.

ИЗБЕГАЕМЫЕ ТЕМЫ

Анализ текстов интервью позволил выделить темы сексуаль-ной жизни, которые информантам и интервьюерам было особен-но трудно вербализовать. Так, приемы избегания используются рассказчиком для обозначения опыта «контрацепции», нежела-тельной беременности, заражения венерическим заболеванием (66 лет, № С-2). В других интервью темами, которые представляются определенной сложностью для обсуждения, являются *адольтер*, *паразитные сексуальные отношения*. Иногда сложность обсуж-дения вызывает тема сексуальных отношений в целом. Так, на-пример, один из информантов вообще не употребил слово «секс» в своем рассказе, а в конце интервью выяснилось, что это слово вызывает у него негативные коннотации¹⁰.

Содержание интервью зависит от особенностей взаимодействия ствля его участников и культурного контекста этого взаимодей-ствия. Мне представляется, что умолчания и вербальные затруд-нения во многом обусловлены *гендерными стереотипами* и культурными спенариями сексуальности. Избегание тем (и соот-ветственно терминов), связанных с вбортами и контрацепцией, характерно именно для мужчин. Поскольку практики (предохра-

⁹ Первоначально предполагалось, что информанты используют еще один при-ем для ухода от проблематичной темы — пресодолевает неловкость с помощью шуток, смека и анекдотов. Однако исследование записей интервью показало, что к шуткам и анекдотам прибегает как правило, те, для кого обсуждение собствен-ного сексуального опыта не представляет собой сложности. Как правило, это - молодые информанты в возрасте до 25 лет: для них комористический стиль раз-говора — синоним непринужденности обсуждения сексуальности.

¹⁰ Несомненно, интерпретация, предлагаемая читателям в статье, также пред-ставляет собой материал для анализа. Но уже следующий, третий уровень ана-лиза, которому, по всей вероятности, должна или может подвергнуться целиком данная статья.

нения) считаются относимыми почти subito к женскому опыту, то и обсуждение этих тем не характерно для мужчин и представ-ляет для них определенные сложности¹⁰.

На то, каких тем избегают рассказчики, влияют и *поколенчес-кие различия*. Среди информантов в возрасте до 25 лет реже встре-чаются попытки избежать обсуждения тех или иных аспектов сво-ей сексуальной жизни. Как правило, молодые информанты испытывают затруднения в начальной фазе интервью, а затем до-статочно легко вербализуют свой интимный опыт:

«В: А с Инной ты обсуждал сам процесс?»

О: Процесс? Да, бывало.

В: Что именно?

О: Ну, например, как бы это сказать...

В: Говори, как есть.

О: Ну, т. е. она часто брала в рот» (25 лет, № А-2).

Интервью с молодыми информантами различаются и по струк-туре. В отличие от интервью с представителями старших поколе-ний, транскрипты которых в основном содержат прямые ответы на поставленные вопросы, интервью с молодежью, как правило, представляют собой почти сплошной нарратив, изредка прерыва-емый уточняющими вопросами интервьюера. Причинами выв-лечения во-первых, ныне спенарии вербализации сексуальности, ха-рактерные для младшего поколения, и, во-вторых, особенности спенария взаимодействия участников интервью. Обстановка ин-тервью для молодых информантов была более комфортной, ин-тервьюеры в данном исследовании — в основном их сверстники, а часто — близкие знакомые. Такая ситуация предполагает об-щий язык коммуникации, единые рамки референции, фоновое знание и разделенный опыт, создающие ощущение комфорта (не-редко текст разговора в интервью между знакомыми молодыми интервьюером и информантом избывает режарками «смека», «сме-емса», «весеиньса» и т. п.). Ситуация публичного интервью пре-вращается в ситуацию приватного разговора с приятелем о сексе, и эта ситуация предполагает иной культурный и интерперсональ-ный спенарий вербализации сексуальности.

¹⁰ Когда в разговорах с мужчинами возникает тема предохранения, они обыч-но говорят о контрацепции в контексте предохранения от заболеваний, передава-емых половым путем, а не в контексте предохранения от беременности (Хан-жин 1999).

Интервьюер: сложности вербализации сексуальности

Теперь следует обратить внимание на второго участника взаимодействия — интервьюера. Для него существует два вида трудностей, заставляющих обратиться к намекам и инсказанным: это, во-первых, сложности нахождения подходящего языка, который был бы понятен собеседнику, во-вторых, сложности этнического характера.

Рассмотрим сложности поиска «общего языка». Анализ текстов показал, что интервьюер нередко оказывается в ситуации «заминки», прибегая так же, как и информант, к различным намекам, указательным местоимениям и безличным формам. Трудности интервьюера связаны с проблемами взаимопонимания собеседников в ходе интервью, с тем, что является проблематичным для интервьюера.

В ситуации интервью исследователь играет ведущую роль, он выбирает темы и формулирует вопросы, он выбирает и язык разговора, диалогизируя сексуальный словарь информанта. Когда представление о языке информанта сложилось, интервьюер начинает его использовать для дальнейшего разговора¹¹.

Приведем пример:

«В: У вас был какой-то, там, пелтинговский опыт?»

О: Нет.

В: Нет?»

О: С женщинами — нет, с мужчинами — был» (26 лет, № А-1).

Далеко не все люди знают, что означает слово «пелтинг». Однако в данном случае интервьюер предполагает, что значение слова «пелтинг» известно информанту, и действительно, информант его понял. Предположение интервьюера могло основываться на том, что собеседники имеют в данном вопросе совпадающее фоновое знание и (или) раздвоенный опыт.

¹¹ Такой выбор часто делается неосознанно, интуитивно. Интуитивность здесь означает своеобразную «экономную рефлексию» или «экономное усилки», которую П. Бергер и Т. Лукман (1985: 91) называют «кабинетальной». Кабинетальность освобождает индивида от необходимости выбора из огромного числа вариантов, ограничивая этот выбор небольшим числом: «благодаря habituationalности становится необязательно определять каждую ситуацию заново, шаг за шагом». В фоновом знании интервьюера содержится представление о целом ряде «языков», на которых возможно говорить о сексуальности (вместе с тем, число таких «языков», находящихся в наличном запасе знаний интервьюера, ограничено). Вероятно, выбор подходящего для данной ситуации языка интервьюер осуществляет на основании своего запаса знаний и системы значений, в рамках которых интерпретируется ситуация взаимодействия.

Свершая разговорные ходы, информант, в свою очередь, позволяет интервьюеру определить, как следует себя вести, как формулировать вопросы, какие слова и понятия употребить. Используемые слова маркируют дискурс. Собеседник быстро улавливает, в каком дискурсе происходит разговор. Если информант выведет дискурс, который использует интервьюер, он, возможно, сможет применить в разговоре стандарты и конструкции данного дискурса. Однако может оказаться, что личный опыт информанта не выражается данным языком, данная «языковая игра» ему не доступна (Витгенштейн 1994: 83). Чтобы узнать как можно больше о личном опыте информанта, интервьюеру следует понять, какова «языковая игра», т. е. мир опыта, информанта. Это удается сделать, спровоцировав информанта на длинный нарративный рассказ, «обнаруживающий» его язык и опыт¹².

Второй вид трудностей разговора для интервьюера имеет этнический характер. Этнические вопросы (т. е. все, что касается норм поведения, морали определенной общности и группы) являются неотъемлемой частью сферы сексуальности и, таким образом, должны становиться предметом социологического исследования, объектом которого является сфера сексуальных отношений. С другой стороны, этнические правила — неотъемлемая часть общей культуры взаимодействия людей в каждом обществе. Сложность состоит в том, что строгое соблюдение этики делает невозможным (или, по меньшей мере, затрудненным) ее исследование. Это касается и интервью по сексуальности: интервьюер должен соблюдать определенные этнические нормы в ходе общения с информантом, чтобы интервью вообще состоялось, чтобы собеседник согласился общаться. Более того, соблюдение профессиональной этики требует конгруэнтности между этническими установками интервьюера и информанта¹³. Интервьюер должен соблюдать тре-

¹² Так, иногда этого не удается сделать в течение всего интервью. В интервью № С-2 не попали последние часть разговора, когда респондент, раздрадно выжив, переключился на «свой», обыденный, язык. Это было связано и с тем, что интервьюер выключил диктофон. Тогда зазвучали слова «практически» и т. п., пошли живые яркие примеры и описания.

¹³ В методологической литературе подчеркивается, что интервью — это взаимодействие двух людей, которые оказывают друг на друга взаимовлияние. Традиционно подчеркивается роль этнических и моральных норм при использовании метода интервью: «вопрос в интервью — это моральное предпринятие» (Кале 1996: 109). «Ethical issues» обычно составляют целую главу в методологических работах по интервьюированию.

Бованин, предъявляемые к нему обществом в целом как к человеку и члену данного общества (общественная мораль), и требования профессиональной группы к нему как к социологу (профессиональная этика). Эти требования касаются в особенности «деятельных» (табуированных) исследовательских тем, к числу которых относятся сексуальность (Квале 1996: 110).

Я не случайно объединил требования общественной морали и профессиональной этики. Требования профессионального этоса также тесно связаны с культурными стереотипами, в особенности — в отношении наиболее проблематичных тем: «Наука, изучающие сексуальность, являются сами по себе исторически-культурными продуктами... а используемые учеными парадигмы суть культурные феномены, а отнюдь не привилегированные инструменты, которые позволяют объективно изучать мир» (Гагдон 1990: 4). Специфика изучения сексуальности состоит в том, что в публичном дискурсе эпохи модерна (советский публичный дискурс не является исключением) сфера сексуальности связана с достаточно жесткими моральными ограничениями. Сексуальность является пространством реализации властных отношений и контроля над индивидуумом как посредством общественной морали, так и с помощью науки. Если тема сексуальности является проблематичной для многих представителей постсоветского общества (в том, что касается вербализации сексуальности вообще либо ее определенных сюжетов), то она неизбежно становится проблематичной и для интервьюера, социально и культурно «укорененного» в этом обществе.

Рассмотрим теперь особенности взаимодействия, связанные с тем, что молчаливо подразумевается, а иногда и не осознается интервьюером и информантом, но позволяет им успешно взаимодействовать. «Укорененность» интервьюера и информанта в обществе для них культурном и социально-историческом контексте станет лейтмотивом второй части работы.

«Само собой разумеющееся» как условие успешной коммуникации

Существование этических норм в сфере вербализации сексуальности и необходимости для обоих участников интервью ориентироваться на эти нормы не всегда приводит к коммуникативным проблемам. Напротив, большинство интервью проходит успешно, они не воспринимаются собеседниками как постановочное

«преодоление препятств», создаваемых культурными и социальными нормами. Коммуникация осуществляется в определенных культурно обусловленных дискурсивных рамках, не выходя за их пределы и лишь изредка «задевая» их границы.

Соблюдение правил, принятых в данной культуре и научном сообществе, становится гарантией успешной коммуникации с информантом. Интервьюер неизбежно должен обращаться к культурному контексту, *объединяющему* собеседников, этнометодологические эксперименты, т. е. выяснение того, «что имеется в виду», разрушает коммуникацию и интервью попросту не состоится.

Между тем исследователю сексуальности необходимо осознавать правила и табу, действующие в области вербализации сексуальности. Экспликация непроblemатизированных правил становится возможной благодаря анализу интервью о сексуальности.

В ходе анализа я использовал понятие Аарона Сикурела «ошибка интервьюера» (*interviewer error*), под которой понимаются действия, совершаемые исследователем при «неправильном интервьюировании», т. е. таком, которое не позволяет интервьюеру «обнаружить особенности *повседневного* (курсив мой. — О. П.) взаимодействия между членами общества» (Sicourel 1964: 68, Quot.: Silvestra, 1985: 166). Парадокс заключается в том, что, рассматриваемые как «ошибки интервьюера» с профессиональной точки зрения эти действия являются нормальными и неотъемлемыми частями обычной коммуникации. Будучи условиями коммуникации, такие «ошибки» при должном анализе позволяют обнаруживать «повседневные свойства взаимодействия». А. Сикурел считает, что именно «ошибки» интервьюера представляют интерес для исследователя-этнометодолога. Он полагает, что «ошибки» «не являются препятствиями для социального исследования, но скорее наглядно демонстрируют базовые особенности социальной взаимодействия» (Silvestra 1985: 166). Мы должны научиться «представлять ошибки как доказательство не только малой достоверности, но и «нормальных» межличностных отношений» (Sicourel 1964: 74, Quot.: Silvestra 1985: 166).

Оба собеседника используют в разговоре рамки референции, позволяющие обеспечивать взаимопонимание, каждый из участников интервью ориентирован на некоторый набор спенарисов сексуальности. Надо принимать во внимание, что исследователи сексуальности всегда принимают не только к конкретному научному сообществу, но и к более широкой культуре. Поведение не только информанта, но и исследователя ориентировано соответствующим

ми культурными сценариями сексуальности: «... все социальное поведение предписано (scripted), включая взаимодействия между исследователями и субъектами в сексуальных исследованиях ... и авторов, пишущих о сексуальности» (Gagnon 1990: 35).

Вследствие этого исследователю необходимо анализировать не только содержание ответов, но также содержание вопросов и сам процесс коммуникации. Необходимо понять: как становится возможным разговор двух людей на тему сексуальной биографии одного из них; кто, как и о чем говорит, молчит, намекает, что при этом подразумевают каждый из участников разговора? В своем анализе я обратила внимание на следующие речевые ходы в диалогах: как вопрос формулирован интервьюером, как понят вопрос информантом, что пересрашивается, а что не нуждается в дополнительном объяснении?

Используя категориальный аппарат предложенной Х. Саксом и адаптированной Д. Силверменом методики «анализ категориализации», а также методологические разработки других социологов-истов, я анализирую выбранные фрагменты с тем, чтобы эксплицитировать «само собой разумеющееся» в разговоре между интервьюером и информантом.

Пример 1. «Могучий любовник»
(состоит из двух частей — А и Б)

А:

- 1 В: А в этих казармах военных обсуждалось это все? Во-первых, наверно, у каждого была если не любимая девушка, то легенда про какую-то девушку...
- 2 О: А как же? А как же без этого, милочка, как же без этого. Девушка, рассказывали. Даже делились походами в самооволку, например.
- 3 В: А в основном что обсуждалось там, в каком плане были эти рассказы? Сколько раз я могу и какой я успешный, могучий любовник?
- 4 О: А как же, конечно, в этом вопросе, безусловно.
- 5 В: Сексуальные победы?
- 6 О: Безусловно, это обязательно обсуждалось. Потом с этого 12 страниц легенды и анекдоты, и прочее (смеется). А потом 13 надсмехались стиршие над майдими... (переводчице).

Б:

- 1 В: А что можно считать предметом для насмешек?
- 2 О: Этим приходил и говорит: «Я сегодня 16х. А старший и говорит: 3 «Говори-говори, да не загораживайся!»

- 4 В: А какого возраста были люди? Был, действительно, большой сексуальный опыт или больше опыта? (55 лет, № С-5).

В первом фрагменте (часть «А») двинной цитаты «опибочно» формулированный вопрос интервьюера содержит возможный вариант ответа, т. е. представляется об армейском сексуальном опыте в глазах интервьюера — женщины, не служившей в армии (строки 1–3, 6–8). Вопрос-подсказка может представлять личную точку зрения интервьюера или некое распространённое мнение. В любом случае интерпретатор текста может из подобного стимулирующего вопроса получить дополнительное знание о представлении о сексуальности. Возникают категории, которые, по мнению интервьюера, являются самыми значимыми в ситуации обсуждения личного сексуального опыта солдатами в казармах. Такими базовыми категориями являются «сексуальные победы» и «успешный любовник» (строки 7, 10). Понятие «успешный любовник» интервьюер представляет в вопросе через качественную категорию «мозучий» и количественную — «сколько раз я могу». Во фрагменте «Б» категория количества подтверждается информантом.

Во втором фрагменте (часть «Б») интересна ситуация, когда интервьюер понимает, что именно имеет в виду информант, и принимает использованный им языковой код как нечто само собой разумеющееся: из последующего вопроса интервьюера видно, что она однозначно поняла фразу «Я сегодня 16!» и связала ее с «большим сексуальным опытом» (строки 12–15).

Диалог показывает, что в культуре, к которой принадлежат информант и интервьюер, распространено убеждение о том, что сексуальный контакт с как можно большим количеством женщин и (или) наибольшее возможное число оргазмов в течение одного полового акта является предметом гордости мужчины. Также становится ясно, что существуют определенные представления о разумных границах мужской сексуальной потенции и активности: утверждение мужчины о том, что он сумел 16 раз достичь оргазма в течение одного дня («сегодня») или в течение одного сексуального акта, представляется другим мужчинам неправдоподобным (Б. строки 2–3).

Анализ данного фрагмента позволяет сделать выводы о представлениях интервьюера-женщины об «армейском» дискурсе о сексуальности; о важности определенных количественных и качественных категорий для подтверждения сексуальной опытности

ти и мужественности: о разумных границах мужской сексуальной активности в представлении мужчин.

Пример 2. «Ну, были, там, в командировках где-то, что-то, зна-чит, так...»

- 1 О: ... Ну, бывает, как-то, что где-то застрял, там, где-то, что-то.
- 2 Я вполне не отрицаю и того, что и женщина может где-то, там,
- 3 но случайно, не постоянно. Нет, пожалуйста, это, я не отрицаю
- 4 этого. Это может быть, но когда уже начинается длительный,
- 5 это уже не красиво, это уже неинтеллигентно.
- 6 В: Вы сами так не делаете?
- 7 О: Нет, никогда. Ну, были, там, в командировках (смеется), где-то,
- 8 что-то значил, так... Это я не отрицаю, как... (66 лет, № С-2).

Анализ этого фрагмента затруднен тем, что основные катего-рии, к которым апеллирует информант, скрыты за указательными местоимениями, и сам интервьюер в уточняющем вопросе исполь-зует вгляд за информантом местоимение «так» (строка 6). Важ-ными для анализа предикатами категорий являются: длительность («случайно, не постоянно» в сравнении с «длительной») и харак-теристика контекста опыта — «командировка» (строка 7). Коман-дировка, случайность, непостоянность противопоставляются длит-ельности при помощи оценочных (моральных) категорий: вступить в постоянные параллельные отношения («некрасиво»), «неинтеллигентно» (строки 4–5), однако командировка является ис-ключением: «это я не отрицаю, как...». Понятие «служеб-кой измены» или «параллельных сексуальных отношений», являющиеся базовой категорией, обуславливает в данном фрагмен-те, пожалуй, завуалировано множественность местоимений. Однако интервьюер безосновочно расширярует скрытые значения. Для него очевидно, что командировка — это как раз та ситуация, в которой мужчина обычно вступает в параллельные отношения. Очевидность, привычность командировки как контекста такого сексуального опыта составляет общий культурный код, поэтому *подразумевается* информантом и без *разъяснений* понимается интервьюером.

Очевиден и другой культурный код, который известен обоим собеседникам и к которому апеллирует информант, делая неявную отсылку к традиционному двойному стандарту в отношении суп-ружеской измены: «Я вполне не отрицаю и того, что и женщина может где-то, там...» (строки 1–2). Культурный код касается по-

нятия «служебская измена», которая чаще прощается мужчинам и считается для них более допустимой, чем для женщин. Понимание информанта о его отношении к женской измене показывает, что в ситуации «измены» для него важен не столько гендерный аспект, сколько характеристики продолжительности («постоянной»), ин-тенциональности («случайно» — не намеренно) и контекст («коман-дировка») (строки 3, 7).

Итак, моральные оценки супружеской измены определяются, во-первых, гендерными стереотипами двойного стандарта: во-вто-рых, продолжительностью отношений и породившим их контек-стом (длительные параллельные отношения в сравнении с коман-дировкой).

Пример 3. «Советские презервативы»

- 1 О: Я никогда не пользовался презервативами — не получалось. Редко.
- 2 В: Не получалось или сознательно?
- 3 О: Не получалось. Не шло у нас.
- 4 В: Ну, а презервативы, небось, советские были?
- 5 О: Других у нас не было.
- 6 В: Ну, тогда не удивительно (сарказм усмехаясь) (66 лет, № С-2).

В данном отрывке интервьюер и информант апеллируют к об-ществу для них знанию и (или) опыту, касающемуся использова-ния советских презервативов. Интервьюер не стал переспраши-вать информанта, что именно у него «не шло?», «почему не шло?» (строка 3), поскольку знает, что именно может «не пойти», когда пользуешься советским презервативом (строка 6). Трудности при использовании советских презервативов однозначно интерпретируются интервьюером в связи с известными ему особенностями «совет-ских» контрацептивных средств (строка 4). Можно предположить (это предположение основывается уже на моем собственном зна-нии культурного контекста), что интервьюер имеет в виду плохое качество «советских» презервативов. «Советский» презерватив выступает в качестве культурного кода, однозначно расшифровы-ваемого собеседниками.

Пример 4. «Вот тут вот накладочка получилась»

- 1 О: Да, ну, вот я развелся с москвичкой, будем так говорить,
- 2 появилась другая женщина.
- 3 В: Но так всегда было, что вы сначала разли отношения, потом

- 4 появились... ил...?
- 5 О: Вот тут, вот, накладачка получилась. Когда мы уже стали...
- 6 тут она выдает сама была кое в чем, так я подозреваю. Когда
- 7 я это понял, я...
- 8 В: А что вы вместе в виду?
- 8 О: Вот то, что вы вместе в виду.
- 9 В: Что кто-то был еще. Вы подозреваете?
- 10 О: Да, да. Может быть, я был выдает... Ну ушел от этой женщины (66 лет, № С-2).

Каким образом интервьюеру удается понять, о чем говорит информант? Информант описывает ситуацию при помощи выражения «накладачка получилась» (строка 5). Для того чтобы понять смысл высказывания, интервьюер должен был основываться на здравом смысле и знании повседневности, провести анализ категоризации взаимодействия, которой пользуется информант. Для последнего ключевой категорией является «вина» (строки 6, 10). С помощью предикта виновности описывается более широкий родовой категория взаимодействия — «супружеские отношения» (информант *развезся* — строка 1). Интервьюер связывает категорию *вины* с другой категорией, относящейся к тому же роду взаимодействия, — *адюльтером*, совершаемым женщиной по отношению к нему. *Развезка* ситуация — «уход» мужчины (строка 10) — служит подтверждением догадки интервьюера: здравый смысл и знание общекультурного контекста подсказали ему, что категория «уход мужа от жены» (как аспект более широкой родовой категории «супружеских взаимоотношений») в данном контексте связана семантически с категорией «супружеской измены», совершенной женой.

Пример 5. «У женщины нет полового члена»

- 1 В: Ну, вот, такая разница есть какая-то в компаниях, вот, с
- 2 мужскими и с женскими — ну, в олдтаймах, так? Ну, если это
- 3 трудно, я понимаю, в словах как-то выразить, но все-таки...
- 4 О: Ну, разница тематическая (ка) есть.
- 5 В: Ну, можно и с женскими выделанный секс как бы...
- 6 О: У женщины нет полового члена (ка, ха, ха, ха), она не может
- 7 эмулировать (ка, ха, ха)!
- 8 В: Да, об этом я не говорил!
- 9 О: Да, как-то вы промахнулись (ка)! Вот, дело не в анимальном сексе.
- 10 Я, кстати, на самом деле, как бы, в компании с мужской выделанный
- 11 секс — не главное для меня (26 лет, № А-1).

Для интервьюера, вероятно, не имевшего опыта гомосексуальных контактов, категория «сексуальных отношений между мужчинами» связана, в первую очередь, с таким предикатом, как *анимальный секс* (строка 5). В интерпретации собственного гомосексуального опыта информанта эти категории хотя и связаны, но иным образом. Более важным оказывается наличие у сексуального партнера полового члена и его физиологической способности к эякуляции (строки 6–7). Несмотря на принадлежность к общей культуре и владение общими культурными кодами, «субкультурный» опыт собеседников различается: «Если учесть тому, что значит быть сексуальным в специфических культурах, а также в специфических социальных группах внутри любой культуры» (Gagnon 1990: 4). В зависимости от принадлежности к разным социокультурным группам, индивид ориентирован на различные сценарии сексуальности. Этим обусловлены сходства и различия сексуального опыта информанта и интервьюера.

Культурные коды, разделимые собеседниками, могут быть не связанными с разделимым опытом. Анализ данного фрагмента показывает, как возникает непонимание: *интерпретация гомосексуального отношения* оказывается затрудненной при отсутствии *разделенного опыта*. Возникшее в данной ситуации непонимание может свидетельствовать о том, что внутри *общей культуры*, к которой принадлежит интервьюер и информант, существуют различные представления о гомосексуальных отношениях. Представления об этой сфере сексуальных взаимоотношений у людей, разделивших гомосексуальный опыт, отпочкованы от представлений людей, не имеющих такого опыта.

Приведу еще один пример, который поможет понять некоторые нюансы различия между широкими культурными контекстом и разделимым опытом:

Пример 6. «Кто ее обдает, тот ее и танцует»

- 1 О: Ну, вот, замантили их в гости. Когда выбрал маленькую, я —
- 2 баллашу. И, в общем, квартира была, выпить что, было. И когда
- 3 стали расходиться по комнатам, я эту баллашу потанцевал...
- 4 В: У меня возник вопрос: как вы их делили, вот когда вас было двое
- 5 и их двое? Сам этот процесс, как вы решит?
- 6 О: Делит? Хм, ну, тут тоже рецептов готовых нет. Тогда делил
- 7 я: кого выбрал, того и... А вообще, бывает же так, что в компании
- 8 находишься, и кто-то, там, пристынулся друг другу, и они сами по
- 9 себе сходятся, бывает, когда не известно кто, чего, ну, тут уже

10 тот, кто имеет ужас... ну, опыта, либо, там, скажем так, «кто ее
11 обведет, тот ее и манюет», кто платит за все это, тут — много
12 вариантов. Вариант тот, что вот тот, кто всех угощает, тот
13 негласно имеет право выбора, предпочесть, ну, случаи,
14 случается, что, там, в компании, там девочек (неразборчиво). То
15 есть дележка это де-то-то такое, специфическое (40 лет, № В 5).

Этот пример отличается от предыдущего тем, что инициатором
присвоения непонятого сюжета является интервьюер, а не инфор-
мант. Интерпретация ситуации в целом не вызывает проблем по
причине наличия сходного фонового знания об этой стороне сексу-
альной откровенности (строки 1–3). Вопрос интервьюера связан с осо-
бенностью описываемой ситуации, которая не является элементом
широкого культурного контекста и потому не может быть понята
теми, кто не разделяет этот опыт (к числу таковых, вероятно, отно-
сится интервьюер) (строки 4–5). Интересно, что разъяснение «тех-
нически» подробностей, о которых спрашивает интервьюер, вы-
зывает трудность у собеседника, несмотря на то, что в целом он не
испытывает затруднений при обсуждении своего сексуального опы-
та. Трудности в данном случае связаны не с табуированием темы, а
с экспликацией «самого собой разумеющегося», т. е. с вербализа-
цией *практического* знания. Непонимание возникает потому, что
«делег» женщин в компании относится к практическому знанию
реципиента, но не является таковым для интервьюера. При разъяс-
нении информант апеллирует к общему культурному контексту,
используя для этого культурный код, *конкретный* (по его мнению)
«шлюбому» (строки 6–15). Этот код выражен в бытовой поговорке
«кто платит, тот и заказывает музыку», которую информант пере-
формулирует в более подходящую случаю: «кто ее (девушку) *обе-
дает, тот ее и манюет*». Включение в культурный код «экономи-
ческого» элемента указывает на то, что именно экономическое
неравенство лежит в основе асимметричности сексуальных отно-
шений (на что неоднократно указывали феминистки вслед за хвас-
сиями марксиста).

Подводя итоги второй части статьи, можно сделать следующие
практические методологические выводы. Во-первых, вопро-
сы интервьюера и особенности самого процесса коммуникации
дают дополнительные знания об изучаемом предмете и потому
они должны подвергаться не менее тщательному анализу, чем от-
веты информанта. Во-вторых, анализ полученных интервьюером

«шлюбом» является важным для экспликации культурного контек-
ста повседневного знания о сексуальности. Такой анализ позво-
ляет обогатить изучение интервью, если цель исследования —
понять не только реальность интервьюируемых, но реальность, в
которой мы (включая интервьюеров и интерпретаторов интервью)
все живем, которую мы производим и продуктом которой являем-
ся. Информант, интервьюер, исследователь, анализирующий текст
интервью, автор, редактор и читатели статьи воспроизводят и со-
здают дискурс и культурные сценарии сексуальности общества, к
которому они принадлежат.

Сексуальность, которую мы не потеряли (местно записанная)

Представим себе социолога как художника-реалиста, стреми-
ющегося написать картину, изображающую один из фрагментов со-
циально-культурного ландшафта, в котором проходит жизнь человека.
Для того чтобы воплотить эту задумку, ученый должен изобразить
участок ландшафта таким, каким он видится людям, его населяю-
щим. Второе условие — каждый уголок описываемого мира дол-
жен выглядеть на картине органично вписанным в окружающий
контекст, поскольку именно так происходит в жизни, которую ис-
следователь описывает. Описание, удовлетворяющее этим двум
правилам, Клиффорд Гирд называл «плотным» или «несущим»
(*thick description*) (Гирд 1997).

Данная статья представляет собой попытку сделать «плотное
описание» одного из фрагментов культурного ландшафта постсо-
ветского общества — сферы «сексуальности». «Техника», в кото-
рой написан этот сюжет, основывается на теории «языковых игр»
Людвига Витгенштейна и принадлежит к этнометодологической
традиции «анализа разговоров» (*conversational analysis*). Мне пред-
ставляется, что используемая «техника письма» позволяет отря-
згать еще один срез непостоянного мира сексуальности. Анализ ин-
тервью о сексуальности — при условии внимания ко всем
интерактивным и условным успешного взаимодействия информанта
и интервьюера — позволяет нам увидеть тот участок социаль-
ного ландшафта, который может быть назван *сексуальной куль-
турой* советского/постсоветского общества. Такой анализ помо-
гает понять, как становится возможным наши взаимоотношения
с другими людьми в сфере сексуального, каким образом мы сами
незаместно для себя ежедневно плетем невидимую паутину соб-

ственному плазу «паутину смыслов» (выражение М. Вебера), как создаем тонкое кружево социальных отношений вокруг сексуальности.

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать постсоветскую сексуальность как по-прежнему табуированную тему для значительной части населения, воспитанного в советских традициях лицемерного замалчивания всего, что касается сексуальной стороны жизни индивидов и культуры в целом. Это наследие не позволяет постсоветским людям вербализовать свой сексуальный опыт в ситуации интервью, более того, вербализация сексуальности не считается неотъемлемой частью сексуальных отношений постсоветских людей. Проведенный анализ позволил выделить наиболее проблематичные для вербализации темы, а также языковые средства, используемые информантами, чтобы избежать обсуждения проблематичных тем в интервью.

С другой стороны, нельзя не отметить поколенческих различий: «новое поколение», социализированное в постсоветский период, значительно легче и непринужденнее облекает свой сексуальный опыт в слова. Последние наблюдения позволяют более или менее оптимистично оценивать перспективы трансформации сексуальной культуры в постсоветской России¹⁴.

¹⁴ Разумеется, подобный оптимизм обоснован, если исходить из дифференциальной точки зрения на необходимость «освобождения» сексуальности от репрессии. Совершенно иным интроектом проекции оказывается от расширения. Социальной позиции, в соответствии с которой выведение сексуальности в дискурс не только не способствует ее освобождению, но, напротив, ведет к незамысловатому про-никновению микротемных влостей в эту сферу человеческих отношений.

© Паченков О., 2002

ЛИТЕРАТУРА

- Абельс Х. 1999. Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интер-претативную социологию / Под ред. Н. Головина и В. Козловского. СПб.: Алетейя.
- Андерсон Г. 2000. Из пропасти отчаяния — на вершину счастья // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 7. С. 11–16.
- Андреева О. 1998. Нравственна ли дееспособность? // Потоков пола / Сост. Т. Барчунова. Новосибирск. С. 183–194.
- Антонов А. и Медков В. 1996. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ.
- Арбатова М. 1994. Аборт от нежеланного. <http://www.alphaviva.net/ru/abortion/>
- Аристархова И. 1999. Существует ли женщина: Введение в теорию полового различия (П. Иригарай) // Женщина не существует: современные исследования нового различия / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар: Сыктывкарский университет.
- Бабоева Д. 1997. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М.: МОНФ.
- Баженов А. 2000. Между эскапизмом и эстетизмом // Печла. № 26–27, май–авг. СПб.
- Барбушина Т. и Хамжити Д. 1997. Конструирование мужской сексуальности через презентацию биографического опыта в интервью // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. ЦНСИ. Труды. № 5. СПб. С. 99–104.
- Баскакова М. Е. 1998. Равенные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда / Проект гендерная экспертиза. М.: МЦПИ.
- Батмлер Дас. 1999. Случайно сложившиеся основания: Феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Гендерные исследования. № 3. С. 89–107.
- Батлин М. М. 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Башкирцева М. 1991. Дневник: Избранные страницы. М.: Молодая гвардия.
- Безмен А. 1997. Рационализация и демократизация сексуальности // Социология сексуальности: Антология / Под ред. С. И. Голова. СПб.: ИС РАН. С. 15–17.
- Бенуа А. 1990. Мои воспоминания. В 2 т. М.: Наука. Т. 2.
- Бергер П. и Лурман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. М.: Машин. Верно Д. 1996. Трансформации социального статуса в экстраординарных ситуациях // Судьба людей: Россия XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновской и Е. Фотеевой. М.: ИС РАН. С. 207–239.

Кочур С. de 1997. Второй пол: В 2 т. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя.
 Воронцова Н. В. и Федоренко С. А. 1998. Мотивы сохранения беременности в условиях современной российской действительности // Русский медицинский сервер — Психология беременности — эмбриологический потенциал беременной женщины: социально-психологический анализ. <http://yandex.ru/yandindex?yq=472185875&pr=0&indIDoc=9>
 Кочурова О. А. 1994. Сексуальная свобода: слова и дела // Человек. № 5. С. 98–107.
 Брайсон В. 2001. Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс.
 Брежнев Д. 1997. История одной любви. Документальная повесть: Достоевский — Аполлинария Сухова. М.: Издательство.
 Брюсов В. 1904. Страсть // Брюсов В. Весы. № 8.
 Бурзин Д. Д. 2000. Марина Цветаева и трансгрессивный эрос. СПб.: Инапресс.
 Васильева Э. К. 1981. Образ жизни городской семьи. М.: Финансы и статистика.
 Вебер М. 1990. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 602–643.
 Витгенштейн Д. 1994. Философские исследования // Витгенштейн Д. Философские работы. М.: Гнозис.
 Витурковская М. 2000а. «Старые» и «новые» турожане: мигранты в Ленинграде 1930-х годов // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социальности. СПб.: Нева. С. 99–150.
 Витурковская М. 2000б. На дворе времена: Интервью с лингвистами 1930-х годов. СПб.: Нева.
 Возраст и возрастная стратификация хиппи 2000 (по материалам материалов Т. Цепанской) // Кочуров В. В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
 Воронцова О. 1993. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия. М.: Наука. С. 205–225.
 Воронцова В. и Чикадзе Е. 1997. Ленинградские серые: Этничность и контекст // Биологические методы в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронцова и Е. Зараво-машевой. ЦНСИ. Труды. № 5. СПб. С. 74–78.
 Гавелин И. 1998. Скажи им «нет» // Социальная защита. № 8. С. 44–45.
 Гавола Е. 1999. Гендерные политики в национальном дискурсе // Гендерные исследования. № 2. С. 24–36.
 Гаспаров Б. 1993. Литературные неформалы: Очерки русской литературы XX века. М.: Наука.
 Герасимова К. 1997. Вербализация сексуальности: разговоры о сексе с нартерром // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронцова и Е. Зараво-машевой. ЦНСИ. Труды. № 5. СПб. С. 104–110.
 Герасимова К. и Чуйкина С. 2000. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: Изменение социально-пространственной структуры города в 1930-е годы // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социальности. СПб.: Нева. С. 27–74.
 Гудимен Э. 1998. Мемуары. СПб.: МИАНПРЕСС.
 Гудимен Э. 1999. Социология. М.: Эдиториал УРСС.
 Давыдов К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Заравомашевой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин.

Гурч К. 1997. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретивной концепции культуры // Антрология культуры. Интерпретация культуры. Т. 1. СПб.: Унив. издательство книги. С. 171–202.
 Гавод С. 1984. Стабильность семьи. Д.: Наука.
 Гавод С. 1990. Личная жизнь, любовь, отношения полов. Д.: Знание.
 Гавод С. 1996. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя.
 Гавод С. 1998. Семья в брак: история-социологический анализ. СПб.: Петрополис.
 Гавод С. 1999. Сексуальная эмансипация женщины и проблема Другого // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 105–114.
 Гамфаст В. 1997. Три слова биографического повествования // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронцова и Е. Заравомашевой. ЦНСИ. Труды. № 5. СПб. С. 23–26.
 Гребенева И., Камскова Д. и Аветисян И. 1996. Медико-социальные проблемы абортта // «Medicine for You» Courier № 22(29). <http://mty.sanpovet.pl/vitay/ln22/9abotl.htm>
 Григорьев А. 1990. Сочинения: В 2 т. / Сост. В. Ф. Егоров и А. Д. Осипов. М.: Художественная литература. 1990. Т. 1.
 Громов И., Мажуевы А. и Семейно В. 1996. Записки теоретической социологии. СПб.: Изд-во «Олбита».
 Дале В. 1996. Толковый словарь живого венглерского языка. В 4 т. СПб.: Диалог.
 Давыдов А. 1928. Достоевский Ф. М. Статки и материялы / Под ред. А. Долинкина. Сб. 2. М.: Д.
 Достоевский Ф. М. 1982. Накот // Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда. Т. 7.
 Достоевский Ф. М. 1984. Подл. собр. соч.: В 30 т. Д.: Наука. Т. 28. Кн. 2.
 Друте поле. Социологические практики. 2000 / Под ред. Е. Омелиянд и С. Перфильева. Ульяновск: Изд-во «Средневожский научный центр».
 Джек А. 2000. Расизм и миф о черном наследии: Автоката гендерной теории / Сост. Е. Гавола и А. Усманова. Минск: Пропанен. С. 190–217.
 Елизаров В. В. 1998. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики // Социологические исследования. 1998. № 2.
 Елизаровская С. 1979. Семейные проблемы пазамы замужних женщин // Семья сегодня. М.: Статистика (Народоведение. Вып. 28). С. 85–92.
 Ерофеева Д. и Савельева И. 1998. Практика концепции после аборта: важность консультирования // Вестник российской ассоциации акушеров-гинекологов. № 3. <http://www.med1.ru/doc/8680328.html>.
 Женщины и мужчины Республики Коми. 2000. Статистический сборник. Сыктывкар.
 Женщины и мужчины Республики Коми. 2001. Статистический сборник к научно-аналитической конференции «Человек на Севере: условия и качество жизни». Сыктывкар.
 Жеребкина И. 1998. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования. № 1. С. 155–210.
 Жеребкина И. 1999. Лиды Брак: женская сексуальность в эпоху сталинского террора // Гендерные исследования. № 3. С. 187–213.
 Жеребкина И. 2000а. Против западного феминизма: русская эмансипированная женщина Аполлинария Сухова // Гендерные исследования. № 4. С. 189–108.
 Жеребкина И. 2000б. «Против нас желание...»: Постмодернизм. Психологический феминизм. М.: Идея-Пресс.

- Журавлева И. В. 2000. Самоохранительное поведение подростков и молодежи перед лицом половых путей // Социологические исследования. № 5.
- Здравомыслова Е. 2001. Липемерная сексуальность позднесоветского периода / Доклад на конференции «Гендер и сексуальность», организованной Евро-пейским Университетом в Санкт-Петербурге. 19–21 янв. 2001 г.
- Здравомыслова Е. и Темкина А. 1998. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал № 3–4. С. 171–182.
- Здравомыслова Е. и Темкина А. 1999. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура / Под ред. З. Хоткиной, Н. Пущаревой и Е. Профимовой. М.: МИФИ. С. 46–65.
- Здравомыслова Е. и Темкина А. 2000. Введение. Феминистский перевод: текст автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Здравомыслова Е. и Темкина А. 2002. Кризис маскулинности в позднесоветском критическом дискурсе // О Муже(Д)ственности / Сост. С. Ушакина. М.: НПО. С. 432–451.
- Ильин В. И. 1996. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества, 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета; ИС РАН.
- Ионина Д. 2000. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Лотос.
- Иориссен П. 2000. Выступление на семинаре «Инавидия, выходите на улицу!». 13 сент. 1998 г. <http://arts.kiev.upei.ca/~pub/materials/ibidavidia.htm>
- Карменко О. 1998. Быть «национальником»: страх потерять и страх потерять. На примере татар Санкт-Петербурга // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 37–96.
- Келин Г. Ф. 2000. Основы современной сексологии. СПб.: Питер. (Серия «Учебник нового века».)
- Курлянда А. 1999. Гендер, лингвистические аспекты. М.: ИС РАН.
- Клейн Л. С. 2000. Другая любовь. М.: Фоллио-пресс.
- Кон И. 1966. Половая мораль в свете социологии // Советская педология. № 12.
- Кон И. 1970. Секс, общество, культура // Иностранная литература. № 1.
- Кон И. 1981. На стыке наук // Вопросы философии. № 10.
- Кон И. 1989. Психология рыночной новосты. М.: Провозвещение.
- Кон И. 1997. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О. Г. И.
- Кон И. 1998. Лунный свет на заре. Линки и маски однополной любви. М.: Олимп; ООО «Фирма "Удальчество АСТ"».
- Кон И. 1999а. Введение в сексологию. М.: Олимп; ИНРА-М.
- Кон И. 1999б. Как человек становится личностью? Стадии развития и механизмы социализации // Кон И. Социологическая психология. Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». С. 124–184.
- Кон И. 2000. Подростковая сексуальность на пороге XXI века: Социально-педагогический анализ. (Необубликованная работа, выполненная по инициативе Дувальному гранту РТНФ № 9806-08066).
- Кон И. 2001. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХППИ; СПб: Алетейя. Ч. 1. С. 562–605.
- Кочегар Р. 2000. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Кружкова Н. К. 1980 (1936). Крепкая советская семья // Новый закон о матери и детях. М.: Политиздат.

- Кузнецова Т. 2000. «Кажестрад» для инваидов // АфФ. 18 окт. № 42 (1043).
- Лауретис Т. де 1996. Американский Фрейд // Гендерные исследования. 1998. № 1. С. 122–154.
- Лауретис Т. де 2000. Риторика насилия // Антрология гендерной теории / Сост. Е. Гапова и А. Урманова. Минск: Пропаганд. С. 347–372.
- Лейбин Н. 1999. Повседневная жизнь советского города 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»; Издательско-торговый дом «Империал».
- Лев-Старович З. 1991. Секс в культурах мира. М.: Мысль. С. 130–134.
- Левченко И. 1995. Путь к себе: Советский психолог // Социальная защита. № 1. С. 81–84.
- Ленин В. И. 1987. Задача Советов Молодежи: Речь на III Всероссийском Съезде Российской Коммунистической Союз Молодежи 2 окт. 1920 г. // В. И. Ленин о воспитании и образовании. М.: Просвещение. С. 266–278.
- Лешуков Т. 1965. Сестры Суковы // Рабочий край. № 256. 29 окт.
- Линковская О. 1994. Женские организации в России в бывшем СССР // Ein Festival von, über und mit Frauen in Russland. 02.-05.06.1994. Dokumentation/Gesellschaft zur Förderung der deutsch-russischen Beziehungen. Münster/Münsterland e. V. S. 27–36.
- Литературное обозрение 1991. № 11. М.: Советский писатель.
- Лыткина Т. 2001. Расщепление виста в семье как фактор стратифицированной и организации домохозяйства // Рубеж. № 16. Сыктывкар. (В печати.)
- Макаренко А. С. 1984. Лекции о воспитании детей // Пед. соч.: В 8 т. М.: Педагогика. Т. 4.
- Макобба Д. 2000. Феминизм и молодежная культура: от журнала «Дженкс» до «Уже 17» // Омельяненко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН. С. 189–204.
- Мамышева М. Мигранты в крупном городе: История семьи Шинегеных // Судьбы людей России XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновской и Е. Фотеевой. М.: ИС РАН. С. 70–98.
- Мамардашвили М. 1996. Стрела познания. Набросок естественно-исторической телесологии. М.: Языки русской культуры.
- Мещеркина Е. 1996. Введение в антропологию мужской жизни // Судьбы людей России XX век: Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновской и Е. Фотеевой. М.: ИС РАН. С. 298–325.
- Мещерякова С., Авдеева Н. и Гавришвили Н. 1996. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития послеродовых взаимодействиях матери и ребенка. <http://uafedex.uvafedex.ru/ufadepkpr?c=233713348&qr=0&findDoc=2>
- Мнение читателей об авторе. 1999. <http://netpse.ru/abovot/vbnode01.html>
- Молодежные субкультуры. 1997 / Под ред. Т. Г. Исмаилина. Казань: Изд-во Казанского университета.
- Морено Дж. 1958. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об общении. Подход к новой психической ориентации / Пер. с англ. В. М. Корзинкина. М.: Иностранная литература.
- Мосс М. 1996. Очерк о даре // Мосс М. Общества, обмен, личность. М.: Восточная литература. С. 83–222.
- Набоков В. 1952. Дар. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Набоков В. 1956. Весна в Филадельфии и другие рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Набоков В. 1996. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. А. Круга. М.: Независимая газета.
- Набоков В. 1997а. Память, говорит! // Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум.

Набоков В. 1997б. Под знаком незаконорожденных // Собр. соч. американского периода. В 5 т. СПб.: Симпозиум.

Набоков В. 2000. Собр. соч. русского периода. СПб.: Симпозиум.

Нартова Н. 1999. Молодежная лесбийская субкультура в Санкт-Петербурге // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: социологические и антропологические анализы / Под ред. В. Костомарова. СПб.: Норинт. Написание и социальные изменения. 2000. М.: Центр «Анна».

Неопубликованные письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову, 1992 / Пудл. М. А. Колерова // Вопросы философии. № 10. С. 153-154.

Омельченко Е. 1999а. От пола к гендеру? Опыт анализа секс-дискурсов молодежных российских журналов // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. Санкт-Петербург: Санктпетербургский университет. С. 77-115.

Омельченко Е. 1999б. Подросток и наркотики. Опыт исследования проблемы в школах Ульяновска: социологический очерк. Ульяновск: УИЛУ.

Омельченко Е. 2000а. «Жертва» или «виновница»? Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных академических дискурсов // Другое поле / Под ред. Е. Омельченко и С. Перфильева. Ульяновск: Изд-во «Среднеколлекский научный центр». С. 238-255.

Омельченко Е. 2000б. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН.

Павлов П. 2000а. Если болит спина // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита» («Социоломия»). № 11. С. 7-9.

Павлов П. 2000б. Сын становится взрослым // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 8. С. 9-11.

Пазонины П. 2000. Шпана // Пазонины П. Теория: сценарии, роман, повесть, эссе... М.: Ладомир.

Павленко И. 1997. Как сделать «Дар» Набокова // В. Набоков. Pro et Contra. СПб.: НИО.

Павленко И. 1999. Самоубийство как культурный инцидент. М.: НИО.

Павленко В. 1985. Культура «дара». Ани Арбор: Арлик.

Павич Ж. 1999. Наполеонизм, война, гендер. Эв-феминистичность и эво-мексультанность экс-траждан экс-Отославиши // Гендерные исследования. № 2. С. 5-23.

Парамонов Б. 1998. Без Америки // Звезда. № 4.

Пикетингтон Х. 2000а. Галдя на Западе: культурная глобализация и российские молодежные культуры // Другое поле. Социологические практики / Под ред. Е. Омельченко и С. Перфильева. Ульяновск: Институт «Средне-вожский научный центр». С. 17-29.

Пикетингтон Х. 2000б. Молодежь России и ее культура // Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН. С. 215-222.

Писарева В. 1992. Агрессивно-конформистская субкультура молодежи России // Молодежь России на рубеже 90-х годов / Под ред. М. Малышевой. М.: ИС РАН. Кн. 1.

Пислякова М. и Синельников Д. 2000. История «одной» семьи // Написание и социальные изменения. М.: Центр «Анна».

По неписаным законам улицы. 1991 / Сост. и под ред. Ю. М. Хортенкова. М.: Юридическая литература.

Попова Л. 2001. Теория и практика современного феминизма: женские движения в США // Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребковой. Харьков: ХЦГП. СПб: Алетейка. Ч. 1. С. 606-634.

Попова Л. Д. 1999. Проблемы неродоследствия Республени Коми на пороге нового тысячелетия // Человек на Севере: условия и качество жизни. Сыктывкар: ИСЭПС КНИ Уро РАН и КЕПС при Главе РК. С. 82-86.

Прохомченко Ю. 1999. Полный сексологический словарь. 3-е изд. М.: Рипол Классик.

Прохомченко Ю. 2000а. Не гнаться за журавлем // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 7. С. 5-7.

Прохомченко Ю. 2000б. Половые расстройства при эпилепсии // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 8. С. 5-8.

Прохомченко Ю. 2001. Секс и инвалидность. Предисловие в отношении сексуальной жизни инвалидов и неинвалидов // Сексолог. HYPERLINK <http://www.doclog.ru/sexolog/STA/s145.htm> <http://www.doclog.ru/sexolog/STA/s145.htm>

Радаев В. и Шкарлатан О. 1996. Социальная стратификация. М.: Аспект-пресс.

Радицкий Э. 2000. Распутин: жизнь и смерть. М.: Витрупе.

Радицкий Ч. 1995. Кургинский словарь: покаянылига. СПб.: Восточно-Европейский Институт Педагогических Исследований.

Распутин М. 2000а. Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М.: Захаров.

Распутин М. 2000б. Дамский кружок и Белая Муза // Распутин М. Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М.: Захаров.

Розанов В. 1911. Люди лунного света. Методика христианства. СПб.

Ромашко К. 1998. Другой Петербург. СПб.: Литва Плюс.

Ромашко А. 1997. Сексуальные биографии жителей двух помешаний. Первая попытка сравнения России и Финляндии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара / Под ред. В. Воронцова и Е. Зарвамовской. ЦНСИ. Труды. № 5. СПб. С. 93-99.

Рубин Г. 2000. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Зарвамовской и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 89-139.

Рубин Г. 1999. Размышления о поле: заметки о радикальной теории сексуальных политик // Гендерные исследования. № 3. С. 5-63.

Рубин Г. 2000. Эпистолярная культура // Гендерные исследования. № 4. С. 45-69.

Сажин К. 1998. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М.: Добросвет.

Сараскина Л. 1994. Возникновение Достоевского. Алгопнирия Сухова: биография в документах, письмах, мемуарах. М.: Согласие.

Седжвик И. К. 2000. Эпистолярная культура // Гендерные исследования. № 4. С. 45-69.

Семенов В. 1998. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. М.: Добросвет.

Сенди. 1999. Улица Комсомола, 4а // Психология-2. Информационный листок. № 2/35. 14 марта. С. 22-24.

Сергеев И. 2001. Торжок по сексу: Флиртующие откорозки решили «исцелить» нашу мораль // Московский комсомолец. 12 февр.

Силверман Д., Филлсон М., Филмер П. и Уэйн Д. 1978. Новые направления в социальной теории. М.: Прогресс.

Синельников Д. 1999. В ожидании рефрента: маскулинность, фемининность и политическая теория репрессивности // Уман, Стефан, Сильверман М.: MGS. С. 83-98.

Синельников Д. 1982. «Опавшие листья» В. В. Розанова. Париж: Синтагма.

Слоним М. 1998. Три любви Достоевского. Ростов-на-Дону: Феникс.

Слоним Д. 2000. Социологическая теория. Методы патриархального письма // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Зарвамовской и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 29-63.

Советская энциклопедический словарь. 1988. М.: Советская Энциклопедия. Социальная самоидентификация личности. 1993 / Под ред. В. А. Ядова. М.: ИС РАН.

- Смирнов А. и Баржо Н. 1997. Сексуальная активность населения Франции // Социология сексуальности: Антология / Под ред. С. И. Голода. СПб.: ИС РАН. С. 93–126.
- Статистический ежегодник Республики Коми. 2000. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РФ и Госкомстат РК.
- Суховая А. 1928. Годы близости с Достоевским. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых.
- Темкина А. 1999а. Динамика сдвигов сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: Опыт когнитивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради / Под ред. А. Клецина. Вып. 2. СПб.: ИС РАН. С. 20–55.
- Темкина А. 1999б. Сдвиги сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин // Гендерные исследования. Вып. № 3. С. 125–150.
- Темкина А. 2001. К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность // М. Фуко и Россия. СПб.: ЕУСПб. (В печати.)
- Титаренко В. Я. 1987. Семья и формирование личности. М.: Толковый словарь русского языка. 1999 / Под ред. С. Ожегова и Н. Шведовой. М.: Русский язык.
- Толстых А. В. 1991. Подросток в неформальной группе. М.: Знание.
- Томин В. 1979. Семья под защитой государства // Семья сегодня. М.: Статистика (Народное образование. Вып. 28). С. 106–118.
- Тоноров А. 1998. Фиктивный брак как механизм социальной мобильности в советском обществе: Дипломная работа. СПб.: Академия культуры.
- Улиас Н. 2000. Социальная культура: символическое преобразование работы в игру в повседневности молодежи субкультуры // Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН. С. 186–188. www.org.pl/~devil/felnyh/genetal.html
- Ушакин С. 1999. Видимость мужественности // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. И. Ардастаровой. Сыктывкар: Сыктывкарский университет. С. 116–131.
- Уэст К. и Заммерман Д. 1997. Создание гендера // Гендерные тетради / Под ред. А. Клецина. Вып. 1. СПб.: ИС РАН. С. 94–124.
- Файн А. П. 1994. Беспорядочные дети // Петербург начала 90-х годов: безумный, холодный, жестокий / Под ред. А. Мухина. СПб.: Изд-во «Дорваль», Целевой благотворительный фонд «Ночлежка».
- Файн А. П. и Шаронов В. И. 1988. Альтернативные объединения молодежи от средневековья до современности // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 10. С. 5–7.
- Фалксберг Д. 2000. Жизнь предрасвета // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 10. С. 5–7.
- Федеральная программа «Планирование семьи» на 1998–2000 годы: утверждена постановлением правительства Российской Федерации от 19 сентября 1997 года. № 1207. <http://www.kjfd.ru/aw/Texts/fedprog.html>
- Фрейд З. 1990. Табу сексуальности // Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. Минск. С. 145–160.
- Фрейд З. 1992. Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Психология. Религия. Культура. М.: Ренессанс.
- Фуко М. 1996а. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. С. 97–268.
- Фуко М. 1996б. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь.
- Фуко М. 1996а. Использование удовольствий: Введение // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. С. 269–307.
- Фуко М. 1996б. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. С. 47–96.
- Фуко М. 1996д. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. С. 7–47.
- Фуко М. 1998. Завлечение к себе: История сексуальности. Киев, М.: Друг.
- Ханжиков А. 1999. Сексуальная культура: использование контрпринципов как «продукт». Неопубликованный доклад на семинаре по исследованию сексуальности.
- Харчев А. Г. 1979. Брак и семья в СССР. М.: Мысль.
- Халл Ст. и Джефферсон Т. 2000. Сопротивление через ритуалы: Молодежные субкультуры в послевоенной Англии // Е. Омельченко. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН. С. 150–151.
- Чернова Ж. 2001. Репрезентации гетеронормативности в современном российском медиа-дискурсе: Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов (На правах рукописи.)
- Чурикина С. 1996. Участие женщин в дисидентском движении // Гендерные исследования: Социальная и политическая активность в переходный период / Под ред. Е. Зарвакмишовой и А. Темкиной. ПИИСИ. Труды. № 4. СПб.: С. 61–81.
- Щенякская Т. 1993. Символика молодежной субкультуры: опыт этнографического исследования. 1986–1989. СПб.: Наука.
- Щенякская Т. 1994. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. № 5. С. 15–27.
- Щенякская Т. 1996. Теплые табу и культурная изоляция // Феминистская теория и практика: Восток — Запад: Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 9–12 июня 1995 г. / Под ред. Ю. Жуковой. СПб.: ПИИТ. С. 226–238.
- Щенякская Т. 1998. О материнстве и власти // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции, 18–20 февр. 1998 г. СПб.: С. 177–196.
- Щенякская Т. 1999. Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: социологический и антропологический анализ / Под ред. В. Костюшева. СПб.: Норма.
- Экзештейн С. 1965. Монтаяж аттракционов // Экзештейн С. Избранные прозаические тексты. В 6 т. М.: Искусство. Т. 2.
- Экберг Х. 2000. «Это выглядело прекрасным» // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита». № 11. С. 2–5.
- Элиде М. 1999. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир.
- Энгельс Ф. 1955. Подложные рабочие классы в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политгизлит. 1955. Т. 2. С. 374–375.
- Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитгизлит. Т. 21. С. 23–178.
- Энгельс Ф. 1985. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. В 3 т. М.: Политгизлит. Т. 1. С. 77–94.
- Энциклопедия. 1993. Эрос невозможного // История психологии в России. СПб.: Мелуза.
- Энциклопедия стереотипов мужского и женского поведения. 1991 / Под ред. А. К. Байбурдина и И. С. Кона. СПб.: Наука.
- Курев И. 2000. После Чернобыля // Секс для пожилых и инвалидов. Приложение к журналу «Социальная защита» («Социология»). № 10. С. 2–4.

- Jões V. 1999. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет.
- Ярошенко С. 1994. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–50.
- Ярошенко С. 1998. Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // Рыбж. № 12.
- Ярошенко С. 2001. Гендерные различия стратегий занятости работающих женщин в России // Рыбж. № 16. Сыктывкар (В печати.)
- Ярослав-Самойлова Е. Р. 2002. Мужество выносливости // О муже(н)стве:ности: Сб. статей / Под ред. С. Ушакина. М.: НДИО. С. 106–126.
- Alexandrov V. E. 1995. The Garland Companion to Vladimir Nabokov. New York. Alexandrova E. 1980. Why Soviet Women Want to Get Married // Women in Russia. Feminist Writings From the Soviet Union / Ed. by T. Mamonova. Oxford: Basil Blackwell. P. 30–48.
- Antikainen A., Houtsanen J., Kaupila J. and Huotelin H. 1996. Living in a Learning Society. Life Histories, Identities and Education. Washington: The Falmer Press.
- Auerbach N. 1995. Our Vampires, Ourselves. Chicago: University of Chicago Press.
- Ashwin S. 2000. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. London. New York: Routledge.
- Baum R. 1993. Sexualität, Familienplanung, Abort — Tabuthemen in der sowjetischen Gesellschaft // Zwischen Anpassung und Widerspruch. Beiträge zur Frauenforschung am Osteuropa-Institut der freien Universität Berlin / Hrsg. U. Grabmüller und M. Katz. Wiesbaden: Harrassowitz. S. 63–77.
- Bauman R. 1986. *Styry, Performance and Event*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beck U. and Beck-Gerstheim E. 1995. The Normal Chaos of Love. Polity Press.
- Benhabib S. 1995. Selbst im Kontext. Kommunikative Ethik im Spannungsfeld von Feminismus, Kommunitarismus und Postmoderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Bergmann J. and Luckmann T. 1999. Moral and Kommunikation // Kommunikative Konstruktion von Moral. Band 1: Struktur und Dynamik der Formen moralischer Kommunikation / Hrsg. J. Bergmann und T. Luckmann. Opladen: Westdeutscher Verlag. 1999. S. 13–39.
- Blard L. and Mori F. 1997. Thinking Sex Historically // New Sexual Agendas / Ed. by L. Segal. Macmillan Press. P. 17–31.
- Blaschke S. 1995. Frauen, Abtreibung und Sexualmoral // Österreichische Zeitschrift für Soziologie. Jg. 20. H. 2. S. 64–80.
- Blatner R. 1993. Twenty-Eight Years Later // J. A. Spiegle, A. van den Pol Richard. Making Changes. Family Voices on Living with Disabilities. Cambridge, Massachusetts: Brookline Books. P. 16–19.
- Blinnikova L.-M. and Ustrialo M. 1988. Ruuninkuva aikuisilla. Vertaineva tutkimus ammatti, sukupuolen ja iän mukaan (Body Image in Adulthood. A Comparative Study According Occupation, Gender and Age) // Tunus ylipisto, Psykologian tutkimuksia. N 85.
- Bogaert A. F. and Fisher W. A. 1995. Predictors of University Men's Number of Sexual Partners // The Journal of Sex Research. Vol. 32. N 2. P. 119–130.
- Bordo S. 1993. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body. Berkeley: University of California Press.
- Botta R. A. 1999. Television Images and Adolescent Girls' Body Image Disturbance // Journal of Communication. Vol. 49. P. 22–41.
- Bourdieu P. 1984. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge and Kegan Paul.
- Boyd B. 1990. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Chato.
- Boyd S. 1991. Death in Quotation Marks. Cultural Myths of the Modern Poet. Harvard University Press.
- Boym S. 1994. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge: Harvard University Press.
- Bozon M. 1999. Les Significations Sociales des Actes Sexuels // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. N 128. Juin. P. 3–23.
- Braidotti R. 1994. Nomadic Subjects. Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. New York: Columbia University Press.
- Brake M. 1982. Sexuality as Praxis — a Consideration of the Contribution of Sexual Theory to the Process of Sexual Being // Human Sexual Relations. A Reader in Human Sexuality / Ed. by M. Brake. Penguin Books.
- Brake M. 1985. Comparative Youth Culture. London. New York: Routledge.
- Bregmann J., Goll M. and Wiltshchek S. 1998. Sinnorientierung durch Beratung? Funktionen von Beratungseinrichtungen in der pluralistischen Gesellschaft // Moral im Alltag. Sinnvermittlung und moralische Kommunikation in intermedialen Institutionen / Hrsg. T. Luckmann. Göttersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung. S. 143–218.
- Bridger S. 1992. Young Women and Perestroika // Women and Society in Russia and Soviet Union / Ed. by L. Edmondson. Cambridge: Cambridge University Press. P. 178–202.
- Briggs Ch. L. 1986. Learning How to Ask: A Sociolinguistic Appraisal of the Interview in Science Research. Cambridge University Press.
- Brownmiller S. 1975. Against Our Will: Men, Women and Rape. New York: Simon and Schuster.
- Buckley M. 1981. Soviet Interpretations of the Women Question // Soviet Sisterhood / Ed. by L. Edmondson. Bloomington: Indiana Press. P. 24–49.
- Burduvoj M., Krotov P. and Lykina T. 2000. Involunt and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. Vol. 1. N 1. P. 43–65.
- Burgin D. L. 1993. Laid out in Lavender: Perceptions of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of the Silver Age, 1893–1917 // Sexuality and the Body in Russian Culture / Ed. by J. T. Costlow, S. Sandler and J. Vowles. Stanford: Stanford University Press.
- Butler J. 1990. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York: London: Routledge.
- Butler J. 1993. Critically Queer // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies. N 1.
- Butler J. 1995. Variations on Sex and Gender. Beauvoir, Wittig and Foucault // Selbst im Kontext. Kommunikative Ethik im Spannungsfeld von Feminismus, Kommunitarismus und Postmoderne / Hrsg. S. Benhabib. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 128–142.
- Butzwell S. and Rosenthal D. 1996. Constructing a Sexual Self: Adolescents' Sexual Self-Perception and Sexual Risk Taking // Journal of Research on Adolescence. Vol. 6. N 4. P. 489–513.
- Byars J. 1991. All That Hollywood Allows: Re-reading Gender in 1950s Melodrama. Chapel Hill: University of Northern Carolina Press.
- Byers E. and Demmons S. 1999. Sexual Satisfaction and Sexual Self-Disclosure Within Dating Relationships // The Journal of Sex Research. Vol. 36. N 2. P. 180–189.
- Campbell J., ed. 1981. Images of Ourselves — Women with Disabilities Talking. London: Routledge and Kegan Paul.
- Carpenter C. 1998. From Girls into Women: Script for Sexuality and Romance in Seventeen Magazine // The Journal of Sex Research. Vol. 35. N 2. P. 158–168.

- Chernin K. 1983. *Womanize: The Tyranny of Slenderness*. London: The Women's Press.
- Chernyakov V. and Kon I. 2000. Sexual Revolution in Russia and the Tasks of Sex Education // AIDS in Europe: New Challenges for Social Sciences / Ed. by Theo Sandford et al. London: Routledge. P. 119-134.
- Clarke S. 1999. New Forms of Employment and Household Survival Strategies in Russia. Coventry, Moscow: ISITO/CCLIS.
- Clements B. 1979. *Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai*. Bloomington: Indiana University Press.
- Clements B. 1991. Later Developments: Trends in Soviet Women's History, 1930 to the Present // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by B. Clements, B. Engel and C. Worobec. Berkeley: University of California Press.
- Clements B. 1992. The Utopianism of the Zhenoidel // *Slavic Review*. Vol. 51. N 3. P. 485-496.
- Cohen A. 1956. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. London: Routledge.
- Coleman J. 1974. *Heterosexual Relationships // J. Coleman. Relationships in Adolescence*. London: Boston.
- Coleman J. 1980. *The Nature of Adolescence*. New York: University Press.
- Comfort A. 1975. Foreword to *Sexual Options for Paraplegics and Quadruplegics*. New York: Little, Brown.
- Connell R. 1987. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Polity Press.
- Connell R. 1995. *Masculinities*. Berkeley: University Press.
- Creutziger C. 1996. *Childhood in Russia: Representations and Reality*. Lanham: University Press of America.
- Cushman Th. 1995. Notes from Underground. Rock Music Counter-Culture in Russia. New York: State University of New York Press.
- Dean M. 1991. *The Constitution of Poverty: Toward a Genealogy of Liberal Governance*. London: Routledge.
- Diener E., Wolske B. and Fujita F. 1995. Physical Attractiveness and Subjective Well-Being // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69. P. 120-129.
- Dimeni G. 1995. Uncollected Critical Writing—The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V. E. Alexandrov. New York.
- Douglas M. 1998 (1970). *Ritual, Tabu and Körpersymbolik. Sozialanthropologische Studien in Industriegesellschaft und Stammeskultur*. Frankfurt am Main: Fischer.
- Dreyfus E., ed. 1976. *Adolescence Theory and Experience*. Columbus, Ohio: Duncombe J. and Marsden D. 1993. *Love and Intimacy: The Gender Division of Emotion and «Emotional Work» // Sociology*. Vol. 27. P. 221-241.
- Dworkin A. 1981. *Pornography. Men Possessing Women*. London: Women's Press.
- Edley N. and Wehner M. 1996. *Masculinity, Power and Identity // Understanding Masculinities: Social Relations and Cultural Arenas* / Ed. by M. Mac an Ghail. Buckingham: UK: Bristol: PA. P. 97-113.
- Elshain J. B. 1997. *Moral Woman and Immoral Man: A Consideration of the Public-Private Split and Its Political Ramifications // Contemporary Political Philosophy: An Anthology* / Ed. by R. Goodin and P. Pettit. Oxford: Blackwell Publishers. P. 605-617.
- Essig L. 1999. *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham: London: Duke University Press.
- Falk P. 1994. *The Consuming Body*. London: Sage.
- Farnsworth B. 1977. *Bolshevik Alternatives and the Soviet Family: The 1926 Marriage Law Debate // Women in Russia* / Ed. by D. Atkinson, A. Dalin and G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press. P. 39-65.
- Farnsworth B. 1980. *Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution*. Stanford: Stanford University Press.
- Fatherstone M. 1982. *The Body in Consumer Culture // Theory, Culture and Society*. Vol. 2. P. 18-33.
- Ferree M. 1999. *Феминизм в семейные исследования // Гендерные традиции / Под ред. А. Крещина. СПб.: ИС РАН. Вып. 2. С. 71-106.*
- Field A. 1976. *The Life and Art of Vladimir Nabokov*. New York: Crown.
- Fine M. and Asch A., ed. 1988. *Women with Disabilities: Essays in Psychology, Culture, and Politics*. Philadelphia: Temple University Press.
- Fitz-Gerald D. and Fitz-Gerald M. 1985. «Deaf People Are Sexual Tools // Life Span Development. Bases for Preventive and Interventional Helping / Ed. by M. Bloom. London: Collier Macmillan Publishers. P. 480-485.
- Fitzpatrick S. 1999. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press.
- Foucault M. 1977. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon.
- Foucault M. 1980a. *The History of Sexuality: Volume I: An Introduction*. New York: Vintage Books.
- Foucault M. 1980b. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977*. New York: Pantheon.
- Fracker J. and Kimmel M. 1995. *Hard Issues and Soft Sport // Men's Lives*. Boston: Allyn and Bacon.
- Frank A. W. 1990. *Bringing Bodies Back in: A Decade Review // Theory, Culture and Society*. Vol. 7. P. 131-162.
- Frykman J., Seremetzki N. and Evert S., ed. 1998. *Identities in Pain*. Lund: Nordic Academic Press.
- Gagnon J. 1990. The Explicit and Implicit Use of the Scripting Perspective in Sex Research // *Annual Review of Sex Research* / Ed. by J. Bancroft. Vol. 1. P. 1-43.
- Gagnon J. and Simon W. 1973. *Sexual Conduct*. Chicago: Aldine.
- Garber M. 1992. *Vested Interests: Cross-Dressing and Cultural Anxiety*. New York: Routledge.
- Garrinckel H. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliff, New Jersey: Prentice Hall.
- Garrigan T., Connell B. and Lee J. 1985. *Toward a New Sociology of Masculinity // Theory and Society*. Vol. 14. N 5. P. 551-604.
- Gay P. 1984. *The Bourgeois Experience. Victoria to Freud // Education of the Senses*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press.
- Geertz C. 1973. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic books.
- Geiger K. 1968. *The Family in Soviet Russia*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gergen K. J. 1985. *The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // American Psychologists*. Vol. 40. P. 266-275.
- Gergen M. M. 1993. *Narratives of the Gendered Body in Popular Autobiography // The Narrative Study of Lives / Ed. by R. Josselson and A. Lieblich*. Newbury Park: London: New Delhi: Sage. P. 191-217.
- Gessen M. 1995. *Sex in the Media and the Birth of the Sex Media in Russia // Postcommunism and the Body Politics* / Ed. by E. Berry. Gender 22. New York: New York University. P. 197-228.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. 1992. *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Stanford: Stanford University Press.
- Giddens A. 1997. *Die Konstitution der Gesellschaft*. Campus Verlag, Frankfurt, New York.

- Gilligan C. 1982. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge: Massachusetts: Harvard University Press.
- Girar R. 1986. The Scapgoat. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Girard R. 1965. Decent, Desire and the Novel: Self and Other in Literary Structure. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Gleeson B. 1999. Geographies of Disabilities. London: New York: Routledge.
- Goffman E. 1963. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall.
- Goffman E. 1969. Presentation of Self in Everyday Life. London: Basic Books.
- Goffman E. 1971. Relations in Public. Microstudies of the Public Order. New York: Northeastern University Press.
- Goffman E. 1974. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Boston: Anderer Insassen. Frankfurt am Main.
- Goggin M. 1993. Gay and Lesbian Adolescence // Sexuality in Adolescence / Ed. by S. Moore and D. Rosenthal. London: Routledge.
- Goldman W. 1984. Freedom and its Consequences: The debate on the Soviet Family code of 1926 // Russian History (Historie Russe). Vol. 11, N 4, P. 362-388.
- Goldman W. 1991. Women, Abortion and the State, 1917-1936 // Russia's Women, Accommodation, Resistance, Transformation / Ed. by B. Clements, B. Engel and C. Worobec. Berkeley: University of California Press. P. 243-266.
- Goldman W. 1993. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. Cambridge: Cambridge University Press.
- Griffin C. 1993. Representation of Youth: The Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press.
- Gronow J. 2001. Cavalier with Champagne: Common Luxury in Stalin's Russia. Forthcoming in Indiana University Press.
- Gronow J., Haavio-Mannila E., Kyvinen M., Lonkila M. and Rokkitch A. 1997. Cultural Inertia and Social Change in Russia. Distributions by Gender and Age Group. University of Helsinki, Department of Sociology.
- Grosz E. 1994. Volatile Bodies. Toward a Corporeal Feminism. Bloomington: Indianapolis: Indiana University Press.
- Haavio-Mannila E. and Rokkitch A. 1997. Generational and Gender Differences in Sexual Life in St. Petersburg and Urban Finland // Yearbook of Population Research in Finland. Vol. XXXIV. Helsinki: The Population Research Institute. P. 133-160.
- Haavio-Mannila E. and Rokkitch A. 2001. Gender Polarisation and Liberalisation: Comparing Sexuality in St. Petersburg, Finland and Sweden. Manuscript. University of Helsinki.
- Hall S. 1997. The Work of Representation // Representation. Cultural Representations and Signifying Practices / Ed. by S. Hall. Sage Publications.
- Hammerley M. and Atkinson P. 1983. Ethnography: Principles in Practice. London: Tavistock.
- Hels L. 1997. Violence, Sexuality and Women's Lives // The Gender / Sexuality Reader / Ed. by R. Lancaster and M. di Leonardo. New York: London: Routledge. P. 411-433.
- Helen J. 1992. Johdanto: sosiologian ruuinit (Introduction: Bodies of Sociology) // Sosiologian ruuinit (The Body of Sociology) / Ed. by I. Helen and J. Mäkelä. Helsinkiin yliopiston sosiologian laitos, työselostuksia. Vol. 57. P. 5-17.
- Hesse-Biber S. 1991. Women, Weight and Eating Disorders. A Socio-Cultural and Political-Economic Analysis // Women's Studies International Forum. Vol. 14. P. 173-191.
- Hesse-Biber S. 1996. Am I Thin Enough Yet? The Cult of Thinness and the Commercialization of Identity. New York: Oxford University Press.
- Hill C. and Preston L. 1996. Individual Differences in the Experience of Sexual Motivation: Theory and Measurement of Dispositional Sexual Motives // The Journal of Sex Research. Vol. 33, N 1, P. 27-45.
- Hirdman Y. 1996. Key Concepts in Feminist Theory—Analysing Gender and Welfare. Aalborg: Feminist Research Centre in Aalborg.
- Hochschild A. 1979. Emotional Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. Vol. 85, N 3.
- Holland J., Ramazanoglu C., Sharpe S. and Thompson R. 1998. The Male in the Head. Young People, Heterosexuality and Power. London: The Turfall Press.
- Horrocks R. 1997. An Introduction to the Study of Sexuality. New York: St. Martin Press.
- Hughes G. 1998. A Suitable Case for Treatment? Constructions of Disability // Embodying the Social: Constructions of Difference / Ed. by E. Saraga. London: New York: Sage and The Open University. P. 43-90.
- Hynne M., Lydon Y., Cole S. and Wiener S. 1998. Relational Sexual Scripts and Women Condom Use: The Importance of Internalized Norms // The Journal of Sex Research. Vol. 35, N 4, P. 370-380.
- Iaraska-Smirnova E. 1999. Social Work in Russia: Professional Identity, Culture and the State // International Perspectives of Social Work / Ed. by B. Lesnik. Brighton: Pavilion Publishing. P. 31-44.
- Iaraska-Smirnova E. 2001. Social Change and Self-Empowerment: Stories of Disabled People in Russia // Disability and the Life Course: global perspectives / Ed. by M. Priestley. 2001. Cambridge: Cambridge University Press. P. 101-112.
- Ilic M. 1999. Women Workers in the Soviet Interwar Economy. From «Protection» to «Equality». London: University of Birmingham. Macmillan Press.
- Inglehart R. 1997. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton University Press.
- Irigaray L. 1981. This Sex Which is Not One // New French Feminism / Ed. by E. Marks and I. de Courivron. Brighton: Harvester. P. 99-106.
- Jackson S. 1993. Even Sociologist Fall in Love: An Exploration in the Sociology of Emotions // Sociology. Vol. 27, N 2, P. 201-220.
- Jahoda M., Lazarusfeld P. and Zetzel H. 1960. Die Arbeitslosen von Marienthal. Soziographischer Versuch mit einem Anhang zur Geschichte der Soziologische. Verlag fuer Demoskopie.
- Jamieson L. 1999. Intimacy Transformed? A Critical Look at the «Pure Relationship» // Sociology. Vol. 33, N 3, P. 477-494.
- Jefferson T. 1994. Theorising Masculine Subjectivity // Just Boys Doing Business? Men, Masculinities and Crime / Ed. by T. Newborn and E. Stanke. London: Routledge.
- The Journal of Sex Research. 1998. Vol. 35, N 1. Special Issue «The Use of Theory in Research and Scholarship on Sexuality».
- The Journal of Sex Research. 1999. Vol. 36, N 1. Special Issue «Methods of Inquiry About Sex: New Advances».
- Karinsky S. ed. 1980. The Nabokovs — Wilson Letters. New York: Harper.
- Kaskisaari M. 1998. Rakkauden tähtymyys. Seksuaaliset erot ja romantinen rakkaus (Sexual differences and romantic love) // Litikkuvat erot. Sukupuoli elämäkerratutkimusessa (Differences on the move: Gender in autobiographical studies) / Ed. by Hyvärinen M., Pellonen E. and Vilko A. Tampere: Vastapaino. P. 273-310.
- Keith L., ed. 1994. Mustin'i Gumble. London: Women's Press.

- Knapp G.-A. 1988. Die vergessene Differenz // Feministische Studien. Radikalität und Differenz. N. I. S. 12-31.
- Kon I. 1995. The Sexual Revolution in Russia. From the Age of the Czars to Today. New York: The Free Press.
- Kon I. 1999. Sexuality and Politics in Russia (1700-2000) // Sexual Cultures in Europe. National Histories / Ed. by F. X. Eder, L. A. Hal and G. Hekma. Manchester University Press. P. 197-218.
- Kontala O. and Haavio-Mannila E. 1995. Sexual Pleasures. Enchantment of Sex Life in Finland, 1971-1992. Aldershot: Dartmouth.
- Kosonen U. 1997. Nihdyksi tuleminen kapuu ja häpelä (The Longing for and Shame of Being Seen) // Ruunin sateet. Kirjoituksia eroottista, jättesyksiä ja sukupuoliä (Blinds of Body. Essays on Differences, Orders and Gender) / Ed. by E. Jokinen. Tampere: Vastapaino. P. 21-42.
- Kroger A., ed. 1993. Feminism and Outlaw Bodies. New York: St. Martin's Press.
- Kvale S. 1996. An Introduction to Qualitative Research Interviewing. London: New Dell: Sage.
- Labisch A. 1989. Homohygieneus: soziale Konstruktion von Gesundheit // Medizin. Momente der Veränderung / Hrsg. F. Wagner. Berlin: Springer-Verlag. P. 115-139.
- Lapidus G. 1977. Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // Women in Russia / Ed. by D. Atkinson, A. Dalin and G. Lapidus. Stanford: Stanford University Press.
- Lapidus G. 1978. Women in Soviet Russia. Equality, Development and Social Change. Berkeley: University of California Press.
- Larossa R. 1995. Fatherhood and Social Change // Men's Lives. Boston: Allyn and Bacon. P. 448-461.
- Laumann E., Gagnon J., Michael R. and Michaels S. 1994. The Social Organization of Sexuality. Sexual Practices in the United States. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Lauretis de T. 1987. Technologies of Gender. Bloomington: Indiana University Press.
- Lauretis de T. 1994. The Practice of Love. Lesbian Sexuality and Perverse Desire. Bloomington: Indiana University Press.
- Lawrence M., ed. 1987. Fed Up and Hungry. Women, Oppression and Food. London: The Women's Press.
- Ledeneva A. 1998. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lee S. 1996. Reconsidering the Status of Anorexia Nervosa as a Western Culture-Bound Syndrome // Social Science and Medicine. Vol. 42. P. 21-34.
- Lehne G. 1995. Homophobia Among Men: Supporting and Defining the Male Role // Men's Lives. Boston: Allyn and Bacon.
- Lernerhed L. 1994. Frihet att njuta. Sexualdebatten i Sverige på 1960-talet. Stockholm: Norstedts.
- Lonkila M. 1999. Social Networks in Post-Soviet Russia. Continuity and Change in the Everyday Life of St. Petersburg Teachers. Helsinki: Kikumora publications.
- Lorber J. 1995. Paradoxes of Gender. New York: Sage.
- Lugt-Tapser H. und Jünger I. 1994. Moralisches Urteil und Geschlecht. Oder: Gibt es eine weibliche Moral? // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Jg. 46. H. 2. S. 259-277.
- Lupton D. 1996. Food, the Body and the Self. London: Sage.
- MacCannell J. F. 2000. The Hysteric's Guide to the Future Female Subject. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mackinnon C. 1989. Toward a Feminist Theory of the State. Cambridge: Masshustets; London: Harvard University Press.
- Machojer A. 1994. Geschlecht als hegemonialer Diskurs. Ansätze zu einer kritischen Theorie des «Geschlechtes» // Denkmäsen Zur theoretischen und institutionellen Rede vom Geschlecht / Hrsg. T. Wobbe and G. Lindemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 236-261.
- Mairs N. 1996. Waist-High in the World. A Life Among the Nondisabled. Boston: Beacon Press.
- Maly L. 1996. Performing New Woman: The Kosmopolka as Actress and Image in Soviet Youth Theatre // Journal of Social History. Vol. 30. N. 1. P. 79-96.
- Mansfield P. and Collard J. 1988. The Beginning of the Rest of your Life? A Portrait of Newly-wed Marriage. London: Macmillan.
- Margolina S. 1993. Herrschaft der Frau. Das sowjetische Matriarchat und das Ende des Totalitarismus // Frauen in Osteuropa / Hrsg. M. Jansen und R. Walch. Wiesbaden: Hessische Landeszentrale fuer politische Bildung. S. 50-69.
- Martin E. 1989. Die Frau im Körper: weibliches Bewusstsein, Gynäkologie und die Reproduktion des Lebens. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Mauss M. 1979. Sociology and Psychology: Essays. London.
- Maynes M. Jo. 1995. Taking the Hard Road. Life Course in French and German Workers' Autobiographies in the Era of Industrialisation. Chapel Hill: London: University of North Carolina Press.
- McRobbie A. 1991. Feminism and Youth Culture: From 'Jackie' to 'Just Seventeen'. Basingstoke: Macmillan.
- Michaels P. A. 1998. Medical Traditions, Kazak Women, and Soviet Medical Politics to 1941 // Nationalities Papers. Vol. 26. N. 3. P. 494-509.
- Morgan D. and Scott S. 1993. Bodies in a Social Landscape // Body Matters: Essays on the Sociology of the Body / Ed. by S. Scott and D. Morgan. London: The Falmer Press. P. 1-21.
- Morris J. 1991. Pride Against Prejudice. London: The Women's Press.
- Morris J. 1993. Gender and Disability // Disabling Barriers, Enabling Environments / Ed. by J. Swain et al. London: Sage. P. 32-51.
- Morris J. 1998. Get the Picture: A Personal History of Photojournalism. Random House.
- Mass D. 1992. Obesity, Objectification and Identity: The Encounter with the Body as an Object in Obesity // The Body in Medical Thought and Practice / Ed. by D. Leder. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 179-196.
- Murphy R. 1987. The Body Silent. London: Phoenix House.
- Nabokov V. 1960. Speak, Memory. New York: Putnam.
- Nabokov V. 1984. The Real Life of Sebastian Knight. Penguin.
- Nauman E. 1997. Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton: New Jersey: Princeton University Press.
- Nesher A. 1991. Suicide as Literary Fact in the 1920s // Slavic Review. Vol. 50. N. 4.
- Nunner-Winkler G. 1994. Eine weibliche Moral? Differenz als Ressource im Verteilungskampf // Zeitschrift für Soziologie. Jg. 23. H. 6. Dezember. S. 417-433.
- Oliver M. 1989. Disability and Dependency: A Creation of Industrial Societies // Disability and Dependency / Ed. by L. Barton. London, New York, Philadelphia: The Falmer Press. P. 6-22.
- Oliver M. 1990. The Politics of Disability. London: Macmillan.
- Omelchenko E. 1999. New Dimensions of the Sexual Universe: Sexual Discourses in Russian Youth Magazines // Gender and Identity in Central and Eastern Europe / Ed. by N. Conn. London: Frank Cass.

- Omelchenko E. 2000. «My body, my friend?» Provincial Youth Between the Sexual and the Gender Revolutions // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge.
- Orbach S. 1978. *Fat is a Feminist Issue*. New York: Paddington Press.
- Pala T. 1996. *Ruunis (The Body) // Avainsanat: 10 askelta feministiseen tutkimukseen* (Keywords: 10 Steps to Feministic Research) / Ed. by A. Koivunen and M. Liljestrom. Jyväskylä: Gummerus. P. 225-244.
- Peirce C. 1931. *Collected papers of Charles Sanders Peirce* / Ed. by C. Hartshorne and P. Weiss. Vol. 1. Book III. *Phenomenology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Peirce C. 1932. *Collected papers of Charles Sanders Peirce* / Ed. by C. Hartshorne and P. Weiss. Vol. II. *Element of Logic*. Cambridge: Harvard University Press.
- Piaget J. 1976. *Probleme der Entwicklungspsychologie*. Frankfurt am Main: Syndikat.
- Pierre A. 1960. *Les femmes en Union Soviétique. Leur Rôle Dans la vie Nationale*. Paris: Spes.
- Pilkington H. 1993. «Good Girls in Trousers»—Codes of Masculinity and Femininity in Moscow Youth Culture // *Gender Restructuring in Russian Studies. Conference papers*—Helsinki, aug. 1992. Tampere.
- Pilkington H. 1994. *Russia's Youth and Its Culture. A Nation's Constructors and Constructed*. London: Routledge.
- Pleck J. 1983. *Husbands' Paid Work and Family Roles: Current Research Issues // Research in the Interweave of Social Roles* / Ed. by H. Lopata and J. Pleck. Vol. 3. Families and Jobs. Greenwich, CT: JAI Press. P. 251-333.
- Pleck J. 1987. *American Fathering in Historical Perspective // Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity* / Ed. by M. Kimmel. Beverly Hills: Sage Publications. P. 83-97.
- Plummer K. 1982. *Symbolic Interactionism and Sexual Conduct: an Emergent Perspective // Human Sexual Relation*. Ed. by M. Brake. Penguin Books. P. 223-244.
- Plummer K. 1995. *Telling Sexual Stories. Power, Change and Social Worlds*. London: Routledge.
- Polanyi K. 1957. *The Great Transformation*. Boston: Beacon press.
- Priestley M. 1999. *Discourse and Identity: Disabled Children in Mainstream High Schools // Disability Discourse* / Ed. by M. Corker and S. French. Buckingham: Open University Press. P. 92-102.
- Quigley J. 1979. *The 1926 Soviet Family Code: Retreat from Free Love // Soviet Union (Union Sovietique)*. Vol. 6. N. 2. P. 166-174.
- Rademakers J. 1997. *Adolescent Sexual Development: a Cross-Cultural Perspective // Sexuality Beyond Boundaries. International Conference. 29 Jul.—4 Aug. Amsterdam*.
- Riiter M. 1999. *Kulturelle Modernisierung und Identitätskonzeptionen im sowjetischen und postsozialistischen Rußland // Feministische Studien*. N. 1. S. 8-22.
- Ronkainen S. 1999. *Ajan ja paikan merkisemat. Subjektiviteetti, tieto ja toimintus* (Marked by Time and Place. Subjectivity, Knowledge and Activity). Helsinki: Gaudeamus.
- Roos J.P. and Rotkirch A. 1999. «Fait I skuggan av fall. Sensationalismens dubbelväg (Fields and Shadow Fields. The Double Lives of Late Socialism) // Kulturens Rätt / Ed. by D. Broady. Göteborg: Daidalos. P. 453-466.
- Rosenholm A. 1999. *Endgending Awakning*. Helsinki: Kikimora Publications.
- Rosenhan D. L. 1990. *Gesund in kranker Umgebung // Die erfundene Wirklichkeit. Wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? Beiträge zum Konstruktivismus* / Ed. R. Watzlawick. München: Piper. P. 111-138.
- Rotkirch A. 1997. *Women's Sexual Biographies from Two Generations. A First Comparison between Finland and Russia // Biographical Perspectives on Post-Socialist Societies* / Ed. by V. Voronkov and E. Zdravomyslova. St. Petersburg: CISR. P. 205-211.
- Rotkirch A. 1998. *Hokkeitt suuren joen rannalla — Äidit ja tytöt Venäjällä (Shacks on the River — Mothers and Daughters in Russia) // Vanhentunut ja lapsen (Parents and Children) / Ed. by J. P. Roos and A. Rotkirch. Helsinki: Gaudeamus. P. 241-263.*
- Rotkirch A. 1999a. *Journeys as Sexual Transgression During Late Socialism // Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture* / Ed. by J. Smith. Helsinki: Finnish Literary Society.
- Rotkirch A. 1999b. *The Travelling Maiden and the Man With Parallel Lives // Beyond the Limits: the Concept of Space in Russian History and Culture* / Ed. by J. Smith. Helsinki: Finnish Literary Society. P. 131-149.
- Rotkirch A. 1999c. *Women's Agency and the Sexual Revolution in Russia // Women's Active Citizenship // Studies in Social Policy* / Ed. by P. Ahponen. N. 9. Joensuu: University of Joensuu, Department of Social Policy. P. 91-106.
- Rotkirch A. 2000. *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th century Russia*. Helsinki: University of Helsinki — Department of Social Policy Research Report. N. 1.
- Rotkirch A. 2000b. *Loving With and Without Words. Same-Sex Experience in Women's Autobiographies of Late Socialism // Models of Self: Russian Women's Autobiographical Texts* / Ed. by M. Liljestrom, A. Rosenholm and I. Savkina. Helsinki: Kikimora Publications. Series B: 18. P. 229-248.
- Rotundo E. 1985. *American Fatherhood: A Historical Perspective // American Behavioral Scientist*. Vol. 27. P. 7-25.
- Sacks H. 1972. *An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology // Studies in Social Interaction* / Ed. by D. Sudnow. New York: Free Press. P. 31-74.
- Sacks H. 1974. *On the Analyzability of Stories by Children // Ethnomethodology / Ed. by R. Turner. Harmondsworth: Penguin*.
- Sacks H., Schegloff E. and Jefferson G. 1974. *A Simplest Systematics for the Organization of Turn-taking in Conversation // Language*. Vol. 50. P. 696-735.
- Sanjivan A. 1991. *Social Problems, Political Issues: Marriage and Divorce in the USSR // Soviet Studies*. Vol. 43. N. 4. P. 629-649.
- Sarlio-Lahetkanta S. and Lahtela E. 1999. *The Association of Body Mass Index with Social and Economic Disadvantage in Women and Men // International Journal of Epidemiology*. Vol. 28. P. 445-449.
- Schilder P. 1964. *The Image and Appearance of the Human Body*. New York: John Wiley.
- Schmidt G., Hrsg. 2000. *Kinder der Sexuellen Revolution. Kontinuität und Wandel* (Studentischer Sexualität 1966—1996. Eine Empirische Untersuchung). Gießen. S. 52-53.
- Schwandt T. 1998. *Constructivist, Interpretivist Approaches to Human Inquiry // The Landscape of Qualitative Research* / Ed. by N. Denzin and Y. Lincoln. Sage. P. 221-259.
- Sedgwick E. K. 1985. *Between Man, English Literature and Homosexual Desire*. New York: Columbia University Press.
- Sedgwick E. K. 1990. *Epistemology of the Closet*. Berkeley: University of California Press.
- Seid R. P. 1989. *Never Too Thin. Why Women are at War with Their Bodies*. New

York: Prentice Hall Press.

- Seidman S. 1989. Constructing Sex as a Domain of Pleasure and Self-Expression: Sexual Ideology in the Sixties // *Theory, Culture and Society*, Vol. 6, P. 293-315.
- Seremetakis N. 1998. Durations of Pain: A Genealogy of Pain // *Identities in Pain* / Ed. by J. Frykman, N. Seremetakis and S. Evert. Lund: Nordic Academic Press. P. 151-168.
- Shakespeare T. 1996. Power and Prejudice: Issues of Gender, Sexuality and Disability // *Disability and Society: Emerging Issues and Insights* / Ed. by L. Barton. Essex: Longman, P. 191-214.
- Shephanski T. 1996. The Body Encoded: Notes on the Folklore of Pregnancy // *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia* / Ed. by H. Pitkin. London: Routledge. P. 264-281.
- Shilling C. 1993. The Body and Social Theory. London: Sage.
- Shlepniok V. 1989. Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. Oxford: Oxford University Press.
- Sibley D. 1995. Geographies of Exclusion. London: Routledge.
- Silventoinen K. 1997. Pitäenään sosiaaliset taustatekijät sekä pitäiden yhteyden korkeintaan ja sosiaalisesti asennan Suomessa (Social Background Factors of Height and the Relationship between Height and Health State in Adulthood and Social Position in Finland). Master's Thesis. Helsinki: Department of Sociology, University of Helsinki.
- Silverman D. 1985. Qualitative Methodology and Sociology. Aldershot: Gower.
- Silverman D. 1993. Interpreting Qualitative Data. Methods for Analyzing Talk, Text and Interpretation. London: Sage Publications.
- Simon W. 1996. Postmodern Sexualities. London: New York: Routledge.
- Simon W. and Gagnon J. H. 1987. A Sexual Scripts Approach // *Theories of Human Sexuality* / Ed. by J. H. Geer and O'Donohue. New York: Plenum. P. 363-383.
- Simonen L. and Liboraita M. 1996. The First Menstruation — Bodily Memories of Finnish and Russian Women // *Women's Voices in Russia Today* / Ed. by A. Rokkitch and E. Haavio-Mannila. Aldershot: Dartmouth. P. 88-106.
- Skonechnaia O. 1996. People of the Moonlight: Silver Age Parodies in Nabokov's *The Eye* and *The Gift* // *Nabokov Studies*, Vol. 3, P. 33-52.
- Smart C. 1992. Disruptive Bodies and Urrule Sex. The Regulating of Reproduction and Sexuality in the Nineteenth Century // *Regulating Womanhood. Historical Essays on Marriage, Motherhood and Sexuality* / Ed. C. Smart. London: Routledge. P. 7-33.
- Spivak G. Ch. 1993. Can the Subaltern Speak? // *Colonial Discourse and Postcolonial Theory* / Ed. by P. Williams and L. Chrisman. Harvester.
- Stiern M. 1979. Sex in the USSR. New York: Times Books.
- Stiles R. 1978. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860-1930. Princeton: Princeton University Press.
- Tchoukina S. (Choukina S.) 1996. The Role of Women Dissidents in Creating the Milieu // *Women's Voices in Russia Today* / Ed. by A. Rokkitch and E. Haavio-Mannila. Dartmouth: Dartmouth Publishers. P. 189-206.
- Tchoukina S. 2000. «Ich war keine Dissidentin»: Politische Biographien der antissowjetischen Dissidentenbewegung // *Politische Biographien und Sozialer Wandel* / Hsg. Mielche I. und S. Roth. Gießen: Psychosozial-Verlag. S. 205-224.
- Temkina A. 2000. Sexual Scripts in Women's Biographies and the Construction of Sexual Pleasure // *Models of Self: Russian Women's Autobiographical Texts* / Ed. by M. Liljestrom, A. Rosenholm and I. Savkina. Helsinki: Kikimora Publications. Series B: 18, P. 187-207.
- Temkina A. and Rokkitch A. 1997. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // *Identities*, Vol. 4, P. 6-24.
- Temkina A. und Zdravomyslova E. 2001. Die Krise der Männlichkeit im Alltagsdiskurs. Wandel der Geschlechterordnung in Russland // *Berliner Debatte Initial*, Vol. 12, N. 4, S. 78-90.
- Theweleit K. 1980. Männerphantasien. Kapitel I Frauen, Fluten, Koerper, Geschichte. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
- Thomas C. 1999. Narrative Identity and the Disabled Self // *Disability Discourse* / Ed. by M. Corker and S. French. Buckingham: Open University Press. P. 47-55.
- Thurwald R. 1916. Banaro Society // *Memoirs of the American Anthropological Association*, Vol. 3, N. 4, P. 251-391.
- Thurston R. 1991. The Soviet Family During the Great Terror, 1935-1941 // *Soviet Studies*, Vol. 43, N. 3, P. 553-574.
- Tiejer L. 1995. Sex is Not a Natural Act. Boulder: Westview Press.
- Timasheff N. 1946. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York: Dutton & Co.
- Tuller K. 1997. Cracks in the Iron Closet. Travels in Gay and Lesbian Russia. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner B. S. 1991. Recent Developments in the Theory of the Body // *The Body. Social Process and Cultural Theory* / Ed. by M. Featherstone, M. Hepworth and B. S. Turner. London: Sage. P. 1-35.
- Turner B. S. 1992. Regulating Bodies. Essays in Medical Sociology. London: Routledge.
- Turner B. S. 1994. Preface // *The Consuming Body* / Ed. by P. Falk. London: Sage. P. VII-XVII.
- Turner B. S. 1996. The Body and Society: Explorations in Social Theory (2nd ed.). London: Sage.
- Vainshein O. 1996. Female Fashion, Soviet Style. Helsinki.
- Van Baal J. 1966. Dema. The Hague: Nijhoff.
- Voronkov V. 1991. Leningrad/Sankt Peterburg — Metropole und Zentrum fuer Migranten // *Migration*, 11-12, P. 59-80.
- Voronkov V. and Chikatz E. 2001. Jews in the Soviet Society: Paradoxes of Ethnicity // *European Biographies*. Forthcoming.
- Waters E. 1985. From the Old Family to the New: Work, Marriage and Motherhood in Urban Soviet Russia, 1917-1936. PhD Dissertation. Birmingham: University of Birmingham.
- Waters E. 1992. The Modernization of Russian Motherhood, 1917-1937 // *Soviet Studies*, Vol. 44, N. 1, P. 123-135.
- Watson P. 1993. Eastern Europe's Silent Revolution: Gender // *Sociology*, Vol. 27, N. 3, P. 471-487.
- Weeks J. 1985. Sexuality and Its Discontents. New York: London: Routledge.
- Weeks J. 1995. History, Desire and Identities // *Conceiving Sexuality: Approaches to Sex Research in a Postmodern World* / Ed. by R. Parker and J. Gagnon. New York: London: Routledge. P. 33-50.
- Weeks J. 1997. Sexual Values Revisited // *New Sexual Agendas* / Ed. by L. Segal. Macmillan Press. P. 43-59.
- West C. and Zimmerman D. 1982. Conversational Analysis // *Handbook of Methods in Nonverbal Behaviour Research* / Ed. by K. Scherer and P. Ekman. Cambridge: Cambridge University Press. P. 506-541.
- West J. 1999. (Not) talking about Sex: Youth, Identity and Sexuality // *The Sociological Review*, Vol. 47, N. 3, P. 525-547.
- Whyte W. 1981. Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum. Chicago:

- London: The University of Chicago Press.
- Widmer E. D., Treas J. and Newcomb R. 1998. Attitudes Toward Nonmarital Sex in 24 Countries // *Journal of Sex Research*. Vol. 35. N 4. Nov. P. 349–358.
- Wiederhalm M. W. and Herz S. R. 1998. Body Size, Physical Attractiveness, and Body Image Among Young Adult Women: Relationships to Sexual Experience and Sexual Esteem // *The Journal of Sex Research*. Vol. 35. P. 272–281.
- Williams L. and Mind M. 1999. *Insiders and Outsiders: Normalisation and Women with Learning Difficulties // Disability and Society*. Vol. 14. N 5. P. 659–672.
- Wolf N. 1990. *The Beauty Myth: How Images of Beauty Are Used Against Women*. London: Vintage.
- Wood M. 1994. *The Magician's Doubts: Nabokov and the Risks of Fiction*. Princeton, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Yuvai-Daviv N. 1997. *Gender and Nation*. London: Sage.
- Zaretsky E. 2002. *Secrets of the Soul: Psychoanalysis, Modernity and Personal Life*. Manuscript.
- Zdravomysl'ova E. 1999. Die Konstruktion der 'arbeitenden Mutter' und die Krise der Männlichkeit. Zur Unterscheidung von Öffentlichkeit und Privatheit im Kontext der geschlechterkonstruktion im spätsowjetischen Rußland // *Feministische Studien* N 1. S. 23–34.
- Zdravomysl'ova E. 2000. A Cultural Paradigm of Sexual Violence Reconstructed from a Womens' Biographical Interview // *Russian Women's Autobiographical Texts / Ed. by M. Liljestrom, A. Rosenholm and I. Savkina*. Helsinki: Kikumora Publications. Series B. 18. P. 207–229.
- Zdravomysl'ova E. 2001. Tusovka of Late Soviet Society — the Segment of the Quasi-Public Sphere of the Late Soviet Society // *Humphrey R., Miller R. and Zdravomysl'ova E. Forthcoming*.
- Zdravomysl'ova E. and Shikadez E. 2000. *Scripts of Men's Heavy Drinking // Identity Studies*. N 2. P. 35–51.
- Zlobin V. 1980. *A Difficult Soul: Zinaida Gippius / Ed. by S. Karlinsky*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Справка об авторах

Бардулина Татьяна — магистр социологии (Европейский университет в Санкт-Петербурге), аспирантка факультета социологии Университета в Билефельде; область интересов — национальное государство и миграция, биографический метод в социальных науках, гендерные исследования; barulina@uni-bielefeld.de

Безызорова Юлия — магистр социологии (Европейский университет в Санкт-Петербурге); область интересов — гендерные исследования, социология молодежи; uzelozrova@uwiw.de

Жеребкина Ирина — заведующая лабораторией гендерных исследований, доцент (Харьковский Национальный Университет), директор Харьковского центра гендерных исследований, главный редактор журнала «Гендерные исследования», кандидат философских наук; область интересов — феминистская теория; iriaz@imlvet.kharkov.ua

Здравомысл'ова Елена — доцент (Европейский университет в Санкт-Петербурге), содиректор Программы гендерных исследований, кандидат социологических наук; координатор исследовательских проектов Центра независимых социологических исследований; область интересов — гендерные исследования, биографический метод, исследования российской повседневности; zdrav@mail.ru

Зелинская Юлия — кандидат социологических наук; область интересов — социология тела, социология образования; jzeli@eu.spb.ru

Ков Изгорь — главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор философских наук; область интересов — социология и психология сексуальности, общие проблемы маскулинности; igor_kov@mail.ru

Омельченко Елена — директор научно-исследовательского Центра «Регион», доцент кафедры культурологии (Ульяновский государственный университет), кандидат философских наук; область интересов — молодежные культуры, молодежные гендерные практики, гендер и сексуальность; region@ulsu.ru

Пуухонен Семи — исследователь факультета социальной политики Университета в Хельсинки, магистр социальных наук; область интересов — исследования поколений и демографического взгляда, социология тела; semi.puuhonen@helsinki.fi

Ротквир Анна — преподаватель-исследователь Кристиана-института женских исследований Университета в Хельсинки, РНД (социальные науки); область интересов — сравнительные исследования семьи, исследования сексуальности, автобиографические исследования; anna.rotkvirk@helsinki.fi

Паченков Олег — заместитель директора Центра независимых социологических исследований, магистр социологии (Европейский университет в Санкт-Петербурге); область интересов — миграция, этничность, повседневность, в том числе гендерный аспект, качественная методология; oleg@indersocres.spb.ru, oleg1111@yahoo.com

Прушкарева Екатерина — магистр социологии (Европейский университет в Санкт-Петербурге); область интересов — социальная теория, гендерные исследования; prushk@eu.spb.ru

Темкина Анна — доцент (Европейский университет в Санкт-Петербурге), содиректор Программы гендерных исследований, РНД (социальные науки); область интересов — гендерные исследования, социология сексуальности, социальная теория; temkina@eu.spb.ru

Турunen Тимму — соискатель степени магистра социальных наук (Университет в Хельсинки); область интересов — социология тела; tesm.turunen@helsinki.fi

Усманова Альмира — доцент кафедры философии и культурологии Европейского гуманитарного университета в Минске (Беларусь), кандидат философских наук; область интересов — гендерные исследования, теория кино, семиотика; usman@eu.spb.ru

Хаавана-Манилла Элина — профессор факультета социологии Университета в Хельсинки; область интересов — социология семьи и сексуальности, гендерные исследования, межкультурные сравнительные исследования; elina.haavio-manilla@helsinki.fi

Чернова Жанна — кандидат социологических наук (Европейский университет в Санкт-Петербурге), сотрудник Программы гендерных исследований; область интересов — гендерные исследования, социология маскулинности, исследования медиадискурса; poiva@eu.spb.ru

Чужкина Софья — кандидат социологических наук, сотрудник Центра независимых социологических исследований; область интересов — историческая социология, социальная стратегификация, исследования поколений; socija@IT1982.spb.edu

Эткинд Александр — доцент (Европейский университет в Санкт-Петербурге), кандидат психологических наук, РНД (славистика); область интересов — историческая социология, культуральные исследования; etkind@eu.spb.ru

Ягоцкая Наталья — кандидат политических наук; область интересов — гендер и политика; natgotsk@eu.spb.ru

Ярошенко Светлана — заведующая сектором экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН, кандидат социологических наук; область интересов — структурирование социального неравенства и проблематика бедности, гендерные различия; Yaroshenko@online.ru

Ярская-Смирнова Елена — заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы, научный консультант Центра социальной политики и гендерных исследований Саратовского государственного технического университета, доктор социологических наук; область интересов — социальное неравенство, гендер, инвалидность; socswolk@online.ru